НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2015

ГОЛОВАЧЁВ • ГРОМОВ • ВАСИЛЬЕВ • ВАРТАНОВ
ЛУКИН • ДАШКОВ • ЗОНИС • ВОЛОДИХИН
ВЕНГЛОВСКИЙ • ВЕРЕСНЕВ • ГЕЛПРИН

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2015

ГОЛОВАЧЁВ • ГРОМОВ • ВАСИЛЬЕВ • ВАРТАНОВ
ЛУКИН • ДАШКОВ • ЗОНИС • ВОЛОДИХИН
ВЕНГЛОВСКИЙ • ВЕРЕСНЕВ • ГЕЛПРИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2015

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ
АНДРЕЙ ДАШКОВ
СТЕПАН ВАРТАНОВ
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
ЮЛИЯ ЗОНИС
МАЙК ГЕЛПРИН
ДМИТРИЙ ЛУКИН
МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ
И ДРУГИЕ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2015

Издание подготовлено
совместно с издательством
«Снежный Ком М»

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н32

Составители сборника *Г. Гусаков, И. Минаков*

Серия основана в 2003 году

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Н32 **Настоящая** фантастика — 2015 : [фантастические повести и рассказы]. — Москва : Эксмо, 2015. — 864 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-80572-3

Иннокентий Рудницкий, простой российский гений, создал устройство мгновенной связи, но последствия этого эпохального изобретения оказались самыми неожиданными...

Они живут на Земле. В каком-то смысле они наши потомки, хотя ничего общего они с нами не имеют. Круглые, металлические, почти бессмертные, они любят, страдают, сражаются. Кто же мог предсказать, что археологические древности, которые остались от нашей цивилизации, окажутся для этих кругляшей столь опасными?..

Гноил задушил свою жену. Аммониты едва дождались, пока нефелим перестанет подавать признаки жизни, чтобы наброситься и растерзать лишенную панциря плоть. Но для Гноила ничего еще не кончилось. Бдительный гебарим, как ангел Господень, спустился с зыбких небес, чтобы напоминать убийце о его преступлении...

Василий Головачёв, Андрей Дашков, Степан Вартанов, Игорь Вереснев, Юлия Зонис и другие в ежегодном сборнике, выпускаемом по итогам Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Авильченко И., Александер Д., Битюцкий С., Будницкий Я., Васильев С., Вартанов С., Венгловский В., Вереснев И., Ветлугина А., Володихин Д., Гелприн М., Гё Ж., Головачев В., Громов А., Дашков А., Денисов А., Звонков А., Зонис Ю., Красносельская Е., Кожин О., Лукин Д., Михалевская А., Немытов Н., Пузакова В., Савеличев М., Свобода А., Серебрянников П., Токаренко П., Тудаков А., Шульга С., Часов В., Чебаненко С., Ясинская М., 2015
© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80572-3

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

СОБЛАЗН НЕИЗВЕДАННОГО

Звонок мобильного айкома разбудил его в семь утра.

Тянуться к тумбочке было лень, и Савва пробормотал спросонья:

— Ответь!

Его новомодный гаджет связи, оформленный под браслет с часами, выполнявший и множество других функций — от показа времени до выхода в Сеть через вайфай, послушно выдул из кругляша часов призрачный пузырь объёмного экрана с изображением абонента. Звонил Кеша — Иннокентий Рудницкий, друг детства, с которым Савва просидел вместе за одной партой в школе три года.

— Пора вставать, — заявил он жизнерадостно; вихрастый, в квадратных, на пол-лица, очках, он был похож на абитуриента математического вуза, хотя на самом деле закончил МИФИ, а точнее — НИЯУ, как теперь назывался институт — научно-исследовательский ядерный университет, — семь лет назад и в настоящее время работал в Сколково — руководил лабораторией перспективных радиотехнических систем. Кроме того, Кеша в качестве хобби создавал теорию «фундаментального моделирования всего сущего», будучи уверенным в том, что при достаточной вычислительной мощности современных компьютеров можно смоделировать не только любой физический процесс, но и Вселенную. При этом он утверждал, что человечество живёт именно в такой Метавселенной — «смоделированной» в каком-то «божеском» суперкомпьютере, и собирался в скором време-

ни не только доказать правильность своих выводов, но и связаться с создателями «модели».

— Сегодня воскресенье, — простонал Савва, которому пришлось лечь в третьем часу ночи после встречи с Наденькой, молодой сотрудницей Управления, выпускницей Юракадемии; их роман начался недавно, однако Савва почти потерял голову и готов был «броситься в петлю», как образно выразился замначальника Управления полковник Старшинин по прозвищу Старшина.

— Я тебя ненадолго отвлеку, — не обратил внимания на тон приятеля Кеша. — Помнишь, я дал тебе перстень?

— Ну?

— Он с тобой?

Савва с трудом вспомнил, о чём идёт речь.

Иннокентий давно собирался создать УМС — устройство мгновенной связи, опираясь на теорию упругой квантованной среды, и даже пытался доказать начальству перспективность разработки, но тему в план лаборатории не поставили, слишком много у неё оказалось недоброжелателей и скептиков, и Кеша занялся УМСом самостоятельно. Перстень, о котором он напомнил школьному другу, являлся «индикатором вакуумных осцилляций», по-простому — маячком, отзывающимся на запуск УМСа световой вспышкой. Кеша дал его Савве месяц назад и вот решил проверить, не забыл ли майор (Савва служил в Управлении военной контрразведки следователем по особо важным делам, связанным с научными разработками) о подарке.

— Я его не ношу на пальце... в столе лежит.

— Вытащи.

— Зачем?

— Я буду запускать УМС. Заметишь вспышку — засеки точное время.

— А позже нельзя это сделать?

— Ты что, старик, это же эпохальное событие! Я шёл к нему десять лет! Оно ж на Нобелевку тянет!

— Выпей рассольчику, успокойся.

— Я не алкаш, — не обиделся Кеша. — Не понимаю, почему мне не везёт с девушками, как тебе. Короче, вытаскивай маячок и жди. Я живу в Мытищах, ты в Видном, между нами около тридцати километров, посмотрим, как быстро долетит сигнал.

Савва окончательно проснулся.

— Тут же другая аппаратура нужна. Даже если сигнал будет лететь со скоростью света, он домчится ко мне... — Савва прикинул цифры, — за одну десятитысячную долю секунды.

— Какая скорость света, о чём ты говоришь? — возмутился Кеша. — Нелинейная квантовая «расшнуровка» поляризует в е с ь вакуум мгновенно! Даже если ты будешь жить на Марсе!

— Не буду.

— И вообще неважно, где ты будешь, — закончил Иннокентий, пропустив мимо ушей замечание Саввы. — Хоть на другом конце света. Так что давай, не ленись, вставай и готовься. Я включусь минут через пять.

Пришлось подниматься, искать перстень и настраивать в айкоме хронометр, точно показывающий текущее время.

Квадратик чёрного стекла на массивном циркониевом перстне вспыхнул оранжевым светом в семь часов тринадцать минут двадцать шесть секунд. И тотчас же зазвонил мобильный:

— Ну, что, загорелось?!

Савва засмеялся:

— У кого-то в заднице загорелось.

— Я серьёзно! Получил сигнал? Индикатор сработал?

— Была вспышка, ровно в семь часов тринадцать минут.

Изображение головы Кеши в трёхмерном яйце мобильного телефона издало тихий вопль:

— Ура! Я гений! На моих командирских те же цифры! А эти дураки не хотели брать мою идею в разработку! Дуралеи! Пусть теперь кусают локти! Время одиночек прошло, — передразнил он кого-то, — всё решают творческие коллективы, одна голова — это плохо... Одна голова — моя — залог успеха!

— Вообще-то голова с туловищем лучше, — осторожно возразил Савва.

Кеша снова не обратил внимания на его реплику, потряс над головой кулаком.

— Мир скоро узнает обо мне! Люська обрыдается, когда узнает, только я не прощу!

Люськой звали подругу Кеши, которая ушла от него в начале августа, не выдержав его образа жизни: если в работе Рудницкий являл собой абсолютный порядок и точность, то в личной жизни это был человек хаоса, никогда не знавший утром, где его носки, а то и трусы.

— Приезжай ко мне, я тебе кое-что покажу, — закончил изобретатель УМСа. — Заодно отпразднуем победу, шампаника выпьем. Мне Женька Шилов позвонил из Штатов, он там живёт, я и ему дал приёмник, впихнул чип УМСа в ручку-фонарик, пишет по емейлу — сработал маячок.

Савва собирался отоспаться до обеда, потом съездить к маме в Подмосковье, перед новой встречей с Наденькой, но горячности Кеши уступил.

— Хорошо, гений-одиночка, буду часа через два.

Жил Рудницкий в десятом микрорайоне Мытищ, на улице Лётная. Его двухкомнатная квартира, принадлежавшая ещё деду, располагалась на последнем этаже старой двадцатидвухэтажки, и с её балкона были видны трубы ТЭЦ-27 «Северная».

Савва, одетый уже по-осеннему — похолодало, начало сентября выдалось сырым, — оставил свою «Ладу-невесту» (поговаривали, что название модели дали в пику «Ладе Весте») во дворе дома, поднялся на двадцать второй этаж, позвонил в дверь.

— Входи, — разрешила дверь голосом хозяина, посмотрев на него глазком телекамеры.

Вопреки неказистому виду всего дома, возраст которого перевалил за три десятилетия, квартира Рудницкого представляла собой «умную жилплощадь», оборудованную по всем современным технологиям системами жизнеобеспечения. Кеша сам приложил руку к установке систем, сменив интерьеры квартиры после смерти роди-

телей, превратил спальню в рабочий кабинет, и теперь глаз гостя то и дело натыкался в прихожей и гостиной на углы подстраивающейся к эмоциям жильца мебели, на огни подсветки, на узор меняющего рисунок плит пола и на выбегающих из-под плинтусов, диванов, столов и шкафов металлических «насекомых» — роботов-уборщиков.

— Кеша, — окликнул физика Савва, не решаясь снять обувь. — Они не кусаются?

Стены прихожей посмотрели на него недовольно. Квартирная автоматика была настроена только на голос владельца и на громкий голос гостя отреагировала как собака, готовая защитить хозяина.

— Проходи, я в кабинете, — ответил Рудницкий. — Тапочки тебе подадут.

Савва посмотрел на шестинога величиной с кулак, похожего на паука и черепашку одновременно. Он тоже жил в квартире с удобствами, но таких роботов не имел.

— Тапки.

Механизм затрясся, молнией метнулся к шкафчику с обувью, выхватил тапки и поставил перед гостем.

— Молодец!

Механизм снова затрясся и юркнул куда-то, как самый настоящий паук или таракан.

Савва снял куртку, надел тапки, прошлёпал в спальню, превращённую Кешей в нечто, напоминающее телемастерскую и компьютерный терминал.

Хозяин в красной майке с изображением телебашни и надписью МТС, в шортах и меховых тапках взмахнул рукой.

В комнате зазвучал марш победителей:

— Та-а, да-да-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та, да-а-да-а-да-да-да-дам!

Хлопнула пробка, вылетая из бутылки шампанского.

Небритый, по крайней мере, трое суток, Кеша налил вино в бокалы.

— За победу!

Они чокнулись.

Кеша в три глотка осушил бокал. Савва сделал глоток, поискал глазами место, где можно было бы сесть, и Рудницкий смахнул рукой с диванчика груду дисков и прозрачных коробок.

— Садись!

— Ну, и где твой УМС?

— Любуйся! — Кеша театральным жестом показал на конструкцию на столе, напоминающую изваяние скульптора-модерниста. — Фрактальная композиция «заворот кишок», объёмная реализация взаимодействий квантонов пространства. Генератор — вот этот ёжик внутри — сферически поляризует вакуум, который, насколько тебе известно, не есть пустота, а есть упругая квантованная среда, заполненная безмассовыми частицами — квантонами.

— Опусти подробности, — попросил Савва, благожелательно глядя на взволнованного изобретателя. — Ты уверен, что твоя рация передаёт сигнал мгновенно?

— Не передаёт — поляризует вакуум...

— Не уточняй.

— Уверен! Но это пока только первая демонстрация генератора. Он создаёт сферическую волну, которая пронзила нас, город, всю Землю и, возможно, Солнечную систему. А нужна векторная поляризация, и я уже работаю над фокусирующей системой, которая создаст самоподдерживающийся солитон...

— Фанатик! Говорю же — не уточняй, в отличие от тебя я не кандидат наук, а простой выпускник радиотехнического вуза, нашедший себя в контрразведке. С твоим УМСом всё понятно... если он работает.

— Не сомневайся! Маячок же сработал?

— Что ты собираешься делать дальше?

— Тестировать генератор.

— Как? Чтобы проверить его характеристики, нужно, по крайней мере, отправить маячок в космос, на Луну или подальше, на Марс.

— Согласен, нужны эксперименты. — Кеша налил себе ещё бокал шампанского, глаза его заблестели. — С Луной проще, Вовка Толпегов работает на космодроме Восточ-

ный, откуда сейчас наши начинают летать на Луну, я ему отдам маячок, он передаст кому-нибудь из космонавтов. А с Марсом сложнее. У тебя нет связи в Роскосмосе?

Савва покачал головой, забавляясь горячностью приятеля.

— Как мёд, так и ложкой. В Роскосмосе у меня никого, но у моего начальника Старшины дочка работает в центре подготовки космонавтов в Звёздном.

— Это здорово! — обрадовался Рудницкий. — Пусть поучаствует в процессе, родина его... и её не забудет. Но главное не в этом.

— Есть ещё и главное?

— УМС позволит доказать мою теорию.

— Каким образом?

— Ты же помнишь, с чего всё начиналось?

Савва сделал глоток шампанского; брют он не любил, как не любил всё кислое, но терпел.

— Ты в детстве начитался фантастики...

— Ерунда, хотя и сейчас почитываю, Головачёва уважаю, интересные идеи иногда предлагает, но идею о моделированных мирах подал ещё Платон, а философ Ник Бостром из Оксфорда лет пятнадцать назад заявил, что наши потомки смогут моделировать реальность. Вот я и зацепился, начал искать инфу, а теперь могу утверждать, что мы живём в смоделированной реальности.

— Докажи.

— Ты же не физик.

— Надеюсь, пойму, если обойдёшься без формул.

— Ну хорошо, я начинал с расчётов сильного ядерного взаимодействия, ещё не забыл, что это такое?

— Одна из фундаментальных сил природы наряду с тремя другими — слабым ядерным взаимодействием, гравитацией и электромагнетизмом.

— Хорошая память, — похвалил Савву Кеша. — Так вот, сильное ядерное взаимодействие объединяет элементарные частицы — кварки и глюоны, и для моделирования процессов нужны супермощные компы. Таких на Земле мало. Но они появятся, и мы сможем смодели-

ровать не только физические процессы, но и всю реальность.

Савва сморщился, поставил бокал на пол.

— Кислятина... это когда ещё это будет.

— Мощность компов увеличивается вдвое за три года, так что ждать недолго. Но опять же не это главное. Я уверен, что наш мир также кем-то смоделирован.

— Интересно, как ты это заметил? — скептически хмыкнул Савва. — Если мир смоделирован, то и ты тоже?

— Хороший вопрос, — восхитился Кеша. — Креативно мыслишь, майор. Все мои оппоненты задавали мне этот вопрос. Но модель потому и модель, что работает до какого-то предела точности, допуская погрешность. Вот я и взялся искать ту погрешность, так сказать, дефект первого рода.

Савва дотянулся до вазы с печеньем, взял парочку, подумав, что за руль ему теперь садиться нельзя.

— Нашёл?

— Элементарно, Ватсон! Следи за мыслью гения! Единственный способ моделирования чего угодно — использовать объёмную сетку, которая делит пространство на крошечные клетки. Чем меньше клетка, тем модель точнее отражает реальные характеристики объекта. Но если моделирование определённого объёма производится на сетке с конечным шагом, по законам квантовой механики...

Савва потерял нить размышлений Кеши.

— Короче.

— При достаточно большой энергии частиц на ускорителе можно увидеть структуру решётки. Понимаешь? То есть искусственную базу модели, которая и есть искомый дефект!

— Сетка?

— Именно!

— Как же ты её увидел? В бинокль?

Кеша на шутку не отреагировал.

— Не я — учёные, работающие на БАКе[1]. Хотя они и не поняли, что обнаружили. Искали бозон Хиггса,

[1] Большой адронный коллайдер.

описали эффекты, и я всё понял. Если бы сетки не было, частицы после взаимодействия с мишенью ускорителя равномерно распределились бы по всем направлениям, а они тяготеют к определённым осям! Понимаешь?

Это означает, что наша Вселенная действительно построена по сетке! Она — сложнейшая модель в каком-то фундаментальном компьютере, и сейчас, возможно, кто-то из создателей модели слушает наш с тобой разговор.

— Бог, — пошутил Савва, настроенный несерьёзно.

— Бога нет, — отмахнулся Иннокентий. — Творцы мироздания — есть. Мне тоже было бы интересно запустить множество вселенных, меняя в них различные параметры. Наши создатели занимаются тем же, но в других масштабах.

Савва сунул в рот печенюшку.

— При чём тут твой УМС?

— При том, что устройство можно использовать для определения шага сетки. Оно поляризует вакуум одномоментно, и при достаточном количестве маячков можно будет рассчитать резонансы ячеек сетки.

— Сколько же надо маячков?

Кеша слегка опечалился.

— Хотя бы пару миллионов... в разных концах Галактики.

Савва присвистнул, хохотнул.

— Ну, это мы с тобой не поимеем и через тысячу лет.

— Да понимаю, хотя и на трёх-четырёх можно будет грубо оценить эффект. Зато УМС можно будет использовать для связи, сигнал не поглощается никаким материалом. Да и энергии надо — крохи. Может, хотя бы за это Нобелевку дадут? К кому обратиться, не посоветуешь?

Савва съел ещё одну печенюшку.

— К руководству МТС.

— Почему к ним?

— Потому что там работают креативные люди, они наверняка схватятся за реализацию мгновенной связи.

— А если предложить военным, в Минобороны? Поможешь?

— Предложить можно, только боюсь, тебя заграбастают из Сколково в какую-нибудь секретную военную лабораторию и заставят пахать там до скончания века под подписку о невыезде и гарантиях сохранения гостайны.

— Да ладно, не те времена.

— Времена, может, и не те, сгустил я краски, однако с такими вещами не шутят. Ты же знаешь, нет такой идеи, какую нельзя было бы превратить в оружие.

— Значит, МТС?

— Простите, что вмешиваюсь, — раздался вдруг ниоткуда (Савве показалось — из костей черепа) бархатный баритон, — но мы бы хотели предложить нечто иное.

Кеша с недоумением воззрился на друга.

— Что ты сказал?

— Это не я, — обвёл глазами стены комнаты Савва. — Нас... подслушивают? Ты, случайно, не на учёте в ФСБ?

— Так получилось, — отозвался баритон. — Разрешите войти?

— Какого... — начал Рудницкий, озираясь.

Посреди комнаты, между диваном и столом, возник вихрик света, превратился в молодого человека, одетого в строгий белый костюм; рубашка под пиджаком играла отблесками, как перламутровая. Он был строен, широкоплеч, по-мужски красив, голубоглаз, скуласт, гладко выбрит. Шапка волос складывалась в необычную геометрически совершенную причёску, скрывая уши.

Савва расслабился, оценивая свои ощущения: показалось, что на него посмотрел не просто гость, но вся комната.

Пришелец внимательно вгляделся в его лицо.

— Вы Савва Бекетов, майор военной контрразведки, следователь экстра-класса, важняк, как у вас говорят. Верно? — Он перевёл взгляд на Кешу. — А вы Иннокентий Рудницкий, кандидат физико-математических наук. Я не ошибся?

Кеша едва не уронил бокал.

— К-кто вы?!

— Зовите меня Эн.

— Эн?

— Никто, — улыбнулся гость. — Я просто посредник с определённой программой. Если вам что-то во мне не нравится — скажите.

Приятели переглянулись.

— Посредник, — пробормотал Кеша. — Пришелец?

— Разве что в прикладном смысле — как тот, кто пришёл.

— Значит, вы... из будущего?

— Нет, пожалуй, опять же — в ином смысле. Позвольте вам всё объяснить. Разрешите сесть?

Кеша опомнился, смахнул со стула груду журналов, подвинул гостю.

— Пожалуйста.

— Благодарю. — Эн не сделал ни одного движения, он просто оказался сидящим на стуле.

Кеша боком обошёл его, рухнул на диван рядом с Саввой.

— Дай мне по морде!

— Зачем? — озадачился майор.

— Чтоб я проснулся.

— Вы же знаете, что не спите, — с лёгкой укоризной сказал Эн. — У вас очень мощный интеллект, попробуйте угадать, чей я посланник.

Кеша глянул на бокал в руке, встал, налил шампанского, выпил, снова рухнул на диван так, что застонали пружины.

— Вы мне льстите.

— Если бы это было так, меня бы к вам не послали.

— Вы не пришелец... и не из будущего... и вы знаете, кто мы... — Глаза Кеши вспыхнули. — Вы оттуда! — Он сделал замысловатый жест пальцем. — Из другого измерения! Тот, кто смоделировал наш мир, так?!

— Браво, вы быстро ориентируетесь, мы не ошиблись, хотя повторюсь — я всего лишь посредник для общения, специальная программа, реализованная в привычной для вас форме...

— Человека!

— Вас что-то смущает?

— Я ждал... если честно...

— Хотите, мы изменим модус?

— Н-ну...

Молодой человек поплыл, превращаясь в фантом, и через мгновение на его месте сидела красивая девушка, полногубая, с длинной шеей и яркими зелёными глазами. Одета она была в сидевший на ней, как вторая кожа, белый костюмчик с искрой. Юбочка открывала совершенной формы ноги, длинные, чистых линий, от них невозможно было оторвать глаз.

— Так лучше? — лукаво выговорила гостья; тембр голоса посредника изменился, стал глубоким контральто.

— Да... я в шоке... простите. Как вы это делаете?! Впрочем, если мы можем изменять параметры программ в наших компах, то и вы — в своих. Значит, я был прав? Наш мир — игровая модель в вашем компьютере?

— Всё немного сложней, чем вы думаете, но вы первый, кто смог определить положение вещей реальности вашего уровня. В связи с чем у нас предложение: переходите на наш уровень.

— Что вы имеете в виду? — Кеша наморщил лоб.

— Переходите к нам.

— Каким образом?! Вы шутите? Я же только... программа в вашем компе... не так?

— Не скрою, ваша реальность создавалась оператором нашего уровня как матрица — игровое поле с большим заданным числом параметров, но появившиеся в ней живые существа не являются программами в полном смысле этого слова, все они обладают свободой воли, хотя и далеко не все пользуются ею. Существа вашего уровня рождаются редко, но кое-кто из людей выходил на нас, и теперь они с нами.

— Кто, если не секрет? — полюбопытствовал Савва; его всё больше забавляла ситуация, хотя и он начал понимать, что всё это с ним происходит наяву.

Девушка перевела взгляд на него.

— Назовите сами.

Он подумал.

— Платон... Леонардо да Винчи... индийские махатмы... Юрий Гагарин. Нет?

— Браво! У вас хорошая интуиция.

— С кем поведёшься. — Савва с улыбкой кивнул на Кешу. — Это вулкан идей, который я выдерживаю с трудом. Давно вы на него вышли?

Девушка кинула взгляд на ажурный фрактал УМС.

— Для нас не существует понятия «давно». Время задано для вас. Он позвонил — и мы пришли.

— Что? — очнулся Кеша. — Я позвонил?!

— Ваш УМС сотряс всю реальность, мы даже не сразу поверили, что такое возможно.

— Но это же устройство связи...

— Его возможности намного шире, хотя он и может использоваться как гаджет связи. Ваш друг прав — УМС может стать оружием... и нам придётся стирать всю вашу реальность в памяти... м-м, — она улыбнулась, — божеского компьютера. За вами начнётся охота, войны выйдут за пределы планеты, потом Галактики... нас это тревожит. Переходите к нам, и вы получите совсем другие возможности для реализации ваших идей.

Кеша осоловело посмотрел на свой бокал, но думал он не о шампанском.

— Я пьян... а если я не соглашусь? Вы меня... сотрёте?

Девушка красиво засмеялась:

— Как у вас в народе говорят, добрый молодец своего счастья кузнец. Но он же в большинстве случаев и палач своего счастья. Мы никого не принуждаем, я без оружия, но свой уровень и мы обязаны защищать. Вы сами себя погубите — люди. Что тоже бывало не раз в вашей Вселенной. Если вам есть что терять — проблема усложнится, но мы её разрешим.

— Мне надо подумать...

— Разумеется, мы понимаем и согласны ждать, но недолго, вас вычислят в скором времени.

— Кто?

— В первую очередь ваши соотечественники, люди власти, во вторую — безответственные сущности наше-

го уровня, не являющиеся операторами вашей реальности. К сожалению, они готовы принести в жертву кого угодно для достижения личной цели.

— Надо же — боги называются, блин! — Взгляд Кеши снова загорелся. — А скажите, раз мы заговорили об этом, вы создавали нас по образу и подобию своему? Библия права?

— Вы не слушали меня. Мы создали виртуальную реальность с определённым набором физических законов, допускающую достаточно много вариантов развития, и лишь потом появились живые существа, для нас являющиеся подпрограммами, но не полностью зависящие от нас. В вашей Галактике больше тысячи рас человеческого типа. Но вы отчасти правы, мы похожи на вас.

— Класс! Значит, я смогу там... увидеться с вами?

Гостья переливчато рассмеялась:

— Я вам так понравилась?

— И всё же?

— Ничего невозможного для нас нет.

— Тогда я «за»! — Кеша посмотрел на задумчивого Савву. — А ты? Давай вместе махнём?

Савва вспомнил о предстоящей встрече с Наденькой. Ему было что терять в этой жизни.

— Я всего лишь обыкновенный чел, моё место — наше время, даже если оно и смоделировано кем-то.

Смеющийся взгляд гостьи сказал ему, что она поняла подтекст его тирады.

— В таком случае разрешите попрощаться.

— Стойте! — вскочил Кеша. — Как я вас там найду? Если, конечно, соглашусь жить с вами?

— Мы узнаем друг друга. — И девушки не стало. Ни грома, ни скрипа, ни световой вспышки, ничего.

Кеша постоял с поднятыми руками, словно хотел обнять пустоту. Со вздохом опустил руки.

— Она... безумно красивая!

— Всего лишь сложная программа, она сделала дело — её стёрли.

— Создать её снова для них не проблема, помнишь «Солярис» Лема? Там разумный Океан тоже создал герою девушку, только этот идиот не понял, что для него она абсолютно р е а л ь н а. Интересно, они сотрут мне память? Да и тебе тоже?

— Зачем? — пожал плечами Савва. — Всё равно нам никто не поверит, даже если мы захотим поведать о встрече журналистам.

— Должны же они как-то подстраховаться?

Кеша протянул руку к своему детищу на столе, и конструкция УМС, словно дождавшись его реплики, исчезла...

ЮЛИЯ ЗОНИС,
ИГОРЬ АВИЛЬЧЕНКО

ВОЛЬСИНГАМ И ДУША ЛЕСА

Пролог. Город и его жители

Вольсингам стоял на центральной площади и глядел в темно-синее ночное небо. Небо смотрело в глаза Вольсингаму белыми огоньками звезд. Кругом медленно оплывал Город — распадался трухой, расползался рыхлыми сугробами и кучами гнили, пеньками, обросшими рыжим грибом. От Города несло плесенью, тленом, смертью несло — но небо оставалось чистым. А за спиной Вольсингама черной громадой торчало здание собора. Оно не опадало и не расплывалось, оно, наоборот, ширилось, росло, тщилось дотянуться до неба острыми башенками — но небо было неприступно.

Вольсингам, покачиваясь, стоял в луже и думал о том, что все это сон — и Лес, и Город, и даже собор. Лишь небо не было сном, потому что такой ясный сон не приснится никому — ни дереву, ни человеку. С этой мыслью Вольсингам упал лицом в лужу и тоже уснул. Ему не снилось никаких снов.

Примерно за два часа до этого Вольсингам сидел с Харпом и Гроссмейстером в харчевне «Хмельная чурка» и обсуждал молодую жену герцога, лозницу. Харп был лекарем, а Гроссмейстер служил в городской полиции. Что касается нынешней жены герцога, то она, как уже отмечалось, была лозницей — и этот факт последние три месяца служил предметом сплетен и пересудов как среди образованных горожан, так и среди всяческой швали. Харп и Гроссмейстер определенно принадлежали к первой категории. С Вольсингамом было сложнее. Как живописец, он мог бы претендовать на место среди городской элиты. Но, поскольку расписывал он в основном торговые ряды на рынке, а также не гнушался и заказами из борделя матушки Хвои — где и проводил много дней и еще больше ночей, — пожалуй, следовало бы отнести его скорее к швали. Несомненно, Харп и Гроссмейстер не стали бы выпивать в обществе столь сомнительного типа, если бы не одно обстоятельство. А именно, Вольсингама недавно пригласили расписывать личные покои госпожи — то бишь лозницы, то бишь жены герцога. Пикантность ситуации заключалась в том, что сам герцог, прихватив отряд стражи, убыл по каким-то делам в столицу. При этом магистрату он объявил, что поручает супруге управлять от своего имени, — однако супруга в городе так ни разу и не появилась, и вход в замок обычным горожанам был строго заказан. Только для художника сделали исключение.

Тут уж не устояли и крепчайшие столпы общества. Они с грохотом пали к ногам Вольсингама, и широко распахнули свои карманы, и позволили забулдыге вдоволь насладиться прекрасной пшеничной водкой господина Либуша, владельца харчевни, — лишь бы послушать рассказ о своей новой госпоже.

Однако проклятый пачкун лишь хлестал водку, стопка за стопкой, и пялился на роскошную грудь госпожи Либуш. Грудь сия вольно раскинулась по стойке, ничуть не сдерживаемая лифом платья. Пышная и нежно-розовая, она влекла к себе взгляды. Особенно манила маленькая

родинка справа, над самым краем лифа. Харп, периодически сглатывая и дергая кадыком, и сам время от времени украдкой поглядывал на сокровища госпожи Либуш. Что касается Гроссмейстера, то он был человеком рассудительным, а также завзятым холостяком и женоненавистником. Притом сыщиком — а значит, тонким знатоком человеческой натуры. Короче, он понял, что разговор придется начинать самому, и начал его так:

— А вот как вы думаете, господа, — герцог прикончит лозницу или лозница герцога?

Харп подавился пивом, которое медленно тянул из огромной двухпинтовой кружки. Вольсингам оторвался от чудного зрелища и заломил бровь.

— Я бы поставил на герцога, — невозмутимо продолжил Гроссмейстер, выпуская дымные кольца изо рта.

Трубку с крепчайшим табаком он держал в правой руке, а в левой — стопку водки.

— Я исхожу из простейшей арифметики. Он уморил уже восемь жен. Почему бы лознице не стать девятой в этом печальном списке?

Харп, откашлявшись и выплюнув пиво, попавшее не в то горло, укоризненно заметил:

— Герцог не убивал своих жен, друг мой. Я, как личный акушер герцогского семейства, со всей ответственностью могу заявить, что они умирали во время беременности или при родах.

Гроссмейстер ухмыльнулся:

— Простите, любезный Харп, но при таком раскладе я бы на месте герцога давно сменил акушера.

Лекарь насупился, однако продолжал упрямо гнуть свою линию.

— И вы простите меня, любезнейший Гроссмейстер, однако мое врачебное мастерство или, напротив, некомпетентность тут совсем ни при чем. Это медицинское состояние, вызванное, э-э...

Харп замялся, и Гроссмейстер не преминул ввернуть:

— Нечистотой герцогской крови?

— Я этого не говорил.

— Но подумали, — еще шире ухмыльнулся Гроссмейстер.

Черная щетина на подбородке придавала ему куда большее сходство с каторжником, чем со служителем закона.

— Скажите уж прямо — это вы посоветовали ему затащить в постель лозницу? Надеетесь, что хоть она сумеет зачать и выносить здорового наследника?

Харп так возмущенно отставил кружку, что, по крайней мере, половина ее содержимого выплеснулась через край и залила стол.

— Герр Гроссмейстер, как вы могли подумать... — начал он.

— У нее зеленые глаза, — неожиданно брякнул Вольсингам.

Двое других обернулись к нему, но живописец, похоже, продолжать не собирался и молча опрокинул в рот неизвестно какую по счету стопку.

— Не думаете ли вы, господин Вольсингам, — вкрадчиво сказал полицейский (таким голосом он обычно говорил с самыми отпетыми злодеями, место коим на виселице), — не думаете ли вы, что цвет глаз лозницы каким-то образом может спасти ее от судьбы предшественниц?

Вольсингам, выразительно глянув на пустую стопку, а затем снова на грудь госпожи Либуш — отчего грудь заколыхалась в их направлении, а с ней и кувшин божественного напитка, — ответил, опять же вразрез со всякой логикой:

— А у герцога зеленая борода.

— И? — нетерпеливо вскричал Харп, славившийся нервическим темпераментом. — Что же из этого?

— Они хорошо смотрятся вместе, — как гиена, ухмыльнулся Вольсингам.

И, поганец, вновь припал к водке.

Лозница, надо отдать ей должное, была красива — впрочем, других герцог в жены не брал. Официальная история ее знакомства с властителем Города звучала довольно странно, чтобы не сказать нелепо. Началось все

с того, что мучимый скукой герцог отправился на охоту. Охотиться в незамиренном Лесу (как, впрочем, и в замиренном) — примерно то же самое, что топить печь динамитными шашками. Однако его сиятельству Грюндебарту все сходило с рук. Обычно он привозил с охоты жирных тетеревов, любимчиков — как синеперых, так и обычных, серых, жужжак и даже крис-коз. На сей раз, однако, в седле за ним ехала тоненькая девушка с длинными черными волосами и такими зелеными глазищами, что сразу становилось ясно — девка-то лесная.

Особенность этой охоты состояла в том, что свита герцога потеряла. В сумеречном лесу, сквозь который они мчались, трубя в рога и гикая, распугивая с дороги деревья и молодой подлесок, им встретился белый олень. Хотя, возможно, это была и крис-коза — у охотников не сложилось единого мнения на сей счет. Умудренные опытом ловчие сразу поняли, что встреча не к добру, и развернули коней. Почему-то они были уверены, что за ними последовал и герцог. Однако ошиблись. Его сиятельство помчался за оленем или козой, в общем, за неведомой чертовщиной в самую чащу.

— А что, с него станется, — говорил старший егерь Мурдак тем же вечером, потягивая из кружки эль.

Разговор происходил в охотничьем домике герцога примерно в пятидесяти полетах стрелы от городских стен. Лес здесь был уже вроде как замиренный, но к ночи свита все равно набилась в дом и носа наружу не казала. В четырех стенах из серого туфа было тепло, душно и дымно. А снаружи страшно скрипело ветками, шелестело листвой, ухало совами и хохотало лесными голосами, а также светило переливчатыми, жидкими, как масло на воде, звездами.

Ловчие расселись у камина и покуривали трубки, покусывали янтарные мундштуки. Никому не хотелось признавать, что герцога они потеряли. Никто не сомневался также и в том, что герцог непременно отыщется, — потому что эта зеленобородая сволочь всегда выходила сухой из воды, замиренный там Лес или нет.

Мурдак, почесав в косматой шевелюре, добавил:

— Ждем утра, ребятушки.

— А утром что? — подал голос молодой Вильям, ученик псаря.

— А утром либо этот стервец сам к нам заявится, живой и невредимый, либо...

Егерь не договорил, но все и без того понимали, что придется тащиться в лес и герцога искать. А вот тащиться в лес без любимого сюзерена никому не хотелось, потому как достоверно было известно: у Грюндебартов с Лесом заключен договор. И скрепляло этот договор то, что раз в несколько поколений в герцогском роду появлялись мужчины с зелеными бородами. Откуда любая собака в Городе знала о договоре, оставалось только гадать, однако в силе союза герцогов с Лесом не сомневался никто. За последние полтора века деревья ни разу не пытались штурмовать городскую стену, на горожан не сыпался ни огнеснег, ни «тополиный пух», не опутывал стены их домов ядовитый плющ и камнеломка. И во время охоты не морочили ловчих навки, не закидывали дротиками козлоноги, и боевые дендроиды — не приведи святой Сома! — ни разу не вставали у них на пути. В общем, с Грюндебартом можно было отправляться в чащобу без страха, а вот без него — еще как повезет.

Утро наступило, засветив в окнах хрупкие иголочки инея. Наступил и день, однако ловчие все не двигались с места, а только спорили и пререкались — то ли идти в лес самим, то ли сначала послать в город за стражей, выжигами или даже монахами святого Сомы. Наступил и вечер, а ловчие все пили герцогский эль и не делали ничего. Пришла ночь, снова запалив над лесом звездные костры. Луна выкатилась, зеленовато-белая и круглая, как головка плесневого сыра, и кто-то завыл, зашелся в чаще, приветствуя луну. Четверка борзых и пегая гончая Вильяма заскулили и затявкали, пятясь от двери поближе к людям. Ловчие в домике жались к огню, курили трубки, жевали жесткую вяленую козлятину и ждали.

К утру следующего дня дверь хижины стукнула, впуская сырой рассветный туман, и на порог ступила высокая широкоплечая фигура, а следом за ней другая, ростом пониже и тонкая, как лоза. Ни одна собака, что характерно, не тявкнула.

А вот Мурдак, кемаривший у очага, тут же распахнул глаза и встретился взглядом с серо-стальными очами герцога. Они казались светлыми даже в сумрачной комнатенке, освещенной лишь тлеющими в камине брикетами торфа.

— Чего пялишься? — сказал герцог. — Эль подавай. Или уже все вылакали, проглоты? И да, познакомься с моей невестой. Кажется, ее зовут Крошечка-Хаврошечка, и она лозница.

Лозница выступила из-за спины герцога и приветливо склонила голову. Черные длинные волосы рассыпались по лицу, скрывая глаза, — но Мурдак все же отвернулся и, прикрывшись ладонью, трижды сплюнул в огонь.

— Если выбирать между лозницей и монахами, — раздраженно заявил Харп, усаживаясь на своего любимого конька, — то я выберу лозницу.

Пиво уже ударило ему в голову, но голос пока сохранял твердость.

Гроссмейстер покачал головой:

— Чем вам монахи не угодили, старина? Собор восстановили. Работают. Торгуют. Платят налоги. И никому свое учение не навязывают.

— Тихой сапой... Гроссмейстер, посудите сами. Сколько горожан поклонялись святому Соме пятнадцать лет назад? А сколько сейчас?

Полицейский покачал головой:

— Пусть поклоняются кому угодно, лишь бы не воровали, не грабили и не задирались с Лесом. Признайтесь, вам просто не нравится, что герцог не дал им от ворот поворот. Ну так это логично. Герцог привечает всякую шваль. Монахи, актеры... теперь вот лозница. Монахи из всей этой шатии-братии самые безобидные.

— Однако из столицы их изгнали...

— А кого из столицы *не* изгнали, Харп? — с нажимом спросил сыскарь, покосившись при этом на Вольсингама.

Вольсингам, казалось, совершенно не интересовался их беседой — и, напротив, очень интересовался госпожой Либуш. Вытащив откуда-то из внутреннего кармана куртки замасленный блокнот и вечное перо из стебля чернильника, он принялся зарисовывать приятные выпуклости хозяйки заведения. Гроссмейстер злорадно подумал, что бездарный малеватель небось угрохал на этот блокнот все доходы за прошлый месяц.

С бумагой в Городе, понятно, было туго. То барахло, что делали из соломы на заводике герра Кроза, едва годилось для записей. Да и по договору с замиренным Лесом Крозу грозило закрытие — отходы производства, видите ли, отравляли реку. Сыскарь вздохнул. Он, как человек образованный, знал, что дома не всегда топили вонючим торфом, а на одежду, кроме шерсти и кожи — о шелковых нарядах его сиятельства Грюндебарта речи нет, — некогда шли хлопок и лен. Теперь Лес оставил людям только поля замиренной пшеницы, ржи и овса, а также садово-огородную мелочь вроде яблок и капусты с морковью, хотя и на эту уступку согласился с большой неохотой.

Однако хочешь жить, умей вертеться. Растения были опасны. Лес был опасен.

Ходили слухи, что далеко на востоке люди по-прежнему ведут войну с дендроидами, о чудодейственном якобы оружии, превращавшем боевые леса в гниль и труху. Да и поближе не дремали Огненосные. Новый архипротектор Герц уже успел прославиться своим рвением в борьбе с зеленой напастью, как, впрочем, и со многим другим. Все так, только здесь, в Городе, их дело маленькое — живи да не высовывайся. До тех пор, пока совсем не припечет. Например, пока в герцогскую постель не пролезет лозница. Да, следовало, следовало бы это обстоятельство прояснить...

— Не собираетесь ли вы оплатить своим рисунком счет? — язвительно поинтересовался Гроссмейстер, отвлекаясь от мрачных мыслей.

Вольсингам поднял на него бледные глаза, некоторое время бессловесно пялился, а потом снизошел до ответа:

— Нет. Просто люблю большие сиськи.

Полицейский едва удержался от того, чтобы плюнуть в стопку живописца. Харп между тем обиженно замолчал и припал к своему пиву.

— Так вы говорили, уважаемый Харп... — обернулся к нему Гроссмейстер.

— Да. Я говорил. Говорил, пока вы не перебили меня своими бессмысленными замечаниями и я не утратил мысль.

— Прошу вас, восстановите мысль. Эй, хозяйка, еще пива!

И герр Харп, несомненно, восстановил бы мысль, если бы на деревянные подмостки у стойки не вылез худосочный подросток в небесно-голубом камзоле и не проорал неожиданным для такого задохлика басом:

— Уважаемая публика! Труппа мейстера Виттера имеет честь представить вам новейшую нашу постановку, посвященную вашему прекрасному, удивительному и гостеприимному Городу — «Игру о Жене Герцога, Лознице».

Челюсть Харпа отвисла, да и Гроссмейстер с трудом сдержал изумленный возглас. Лишь Вольсингам продолжал невозмутимо поглощать водку, вполглаза глядя на сцену. На сцене же происходило нечто весьма интересное.

Причина удивления публики заключалась отнюдь не в том, что труппа мейстера Виттера пожелала выступить в харчевне «Хмельная чурка». Обычно они разыгрывали представления на центральной площади перед собором, но сегодня на улице хлестал проливной дождь, так что смена площадки была более чем логична. Господин Либуш за пять грошей позволял актерам лицедейничать либо во дворе под навесом, либо же внутри, если большого наплыва публики не ожидалось. В самой труппе

тоже не было ничего непривычного: они прибыли в город месяц назад и, с милостивого разрешения герцога, остались на зиму. Дело было в самой игре. Обычный их репертуар составляли известные сцены из жизни святого Сомы и его борьбы с Нечестивыми Лесами, такие как «Святой Сома и Лукоморный Дуб», «Святой Сома побарывает Древниров», «Святой Сома и Немертвый Лось» и даже «Преосуществление святого Сомы». Эти пьески, еще пятнадцать лет назад популярные в столице, при новом архипротекторе вышли из моды, так что пришлось актерам искать удачи в провинциях.

Однако игра о жителях города, более того — о герцоге, или даже, точней, о герцогской спальне? Грюндебарты никогда не славились кротким нравом и были не из тех, кто готов посмеяться над собой. Еще при папаше нынешнего герцога наглых фигляров за такое представление повесили бы на городской стене.

— Что и требовалось доказать, — ядовито прошипел Харп, грохнув о стол пивной кружкой. — Полюбуйтесь. Это, кажется, называется у нас «смягчением нравов»? Монахи настолько прожужжали уши герцогу смирением, что, готов поспорить, он даже не прикажет высечь этих похабников.

— Хм-хм, — сказал Гроссмейстер, потому что ничего умнее пока не придумал.

Вольсингам просто перевернул страницу в блокноте, явно намереваясь делать наброски по ходу представления.

Для начала на сцене показался герцог — сам мейстер Виттер, облаченный в багровый камзол, высокие охотничьи сапоги и с подвязанной бородой из выкрашенного зеленкой мочала. Судя по подпрыгивающим движениям мейстера, он изображал скачущего по лесу всадника. На другом конце сцены лицедеи подвесили тряпку, аляповато расписанную ветвями и листьями. Тряпка исполняла обязанности декорации, а кроме того, за ней переодевались актеры.

Герцог-Виттер прекратил свои скачки и остановился, потому что из-за тряпки навстречу ему вышел белый

олень. Это был весьма условный олень: двуногий, облаченный в простыню, с нарисованной углем мордой и рогами, сделанными из грубой проволоки.

К самому краю подмостков выступил рассказчик — еще один актер труппы, могучий краснолицый мужчина со странными именем Киря. Киря этот пил так много, что играть уже не мог, потому что зачастую путался в собственных ногах. Зато он обладал звучным голосом и никогда не путался в тексте.

Наш славный герцог Грюндебарт
К охоте был охоч.
Но в небе запылал закат,
И близилась уж ночь,
Когда в запретных тех лесах
Олень ему предстал,
И герцог, позабыв про страх,
Вослед ему помчал...

Герра Гроссмейстера поразили некие звуки, отвлекшие его от представления. Звуки напоминали сдавленное кудахтанье. Обернувшись, сыскарь в первую очередь увидел много внимательных бледных лиц, глядевших на сцену, и лишь во вторую обратил внимание на Вольсингама. Плечи художника тряслись, а звуки оказались с трудом сдерживаемым смехом.

— Что вас так развеселило? — прошипел полицейский.

Вольсингам взглянул на него, по-прежнему посмеиваясь.

— Зря герр Харп так возмущался. Эта пьеса — сама невинность. Я слышал, что герцог погнался не за оленем, а за сочной молоденькой навкой, и уязвить ее собирался совсем не стрелой...

— Слышали от кого?

Художник не ответил.

Когда Гроссмейстер вновь обернулся к актерам, сцена уже успела смениться. Олень куда-то делся, а на тряпке вместо леса теперь была изображена кривобокая развалюха. Рядом с тряпкой стоял Штырь, третий актер труппы. Штырь, вероятно, получил свое имя благодаря необычному росту и телосложению. Был он очень высок

и очень тощ. Сейчас вдобавок его украшали импровизированные ветки из той же проволоки с зелеными тряпичными листьями. На ветках висело несколько вполне натуральных яблок, из чего проницательный сыскарь сделал вывод, что Штырь изображает стройную яблоньку.

Герцог-Виттер подскакал к яблоньке (оказавшись Штырю по плечо) и протянул руку к наливному яблочку. Киря немедленно провыл:

Не кушай яблочка с того древа,
Что искусило когда-то Еву!
Не кушай яблочка с кареглазки,
И путь продолжишь свой без опаски!

Однако герцог не прислушался и яблочко сорвал. Дерево-Штырь немедленно обхватило его костлявыми, но цепкими руками и прижало к стволу, то есть груди.

О помощи герцог кричит и стонет,
Сулит, что яблок больше не тронет.
Но дерево глухо к его моленьям
И подвергает его мученьям...

Герцог очень реалистично охал и корчился в объятия дерева. Тут из-за занавески, то есть из распахнувшейся двери хижины, выступил самый старший из лицедеев, хромой Смарк. Правда, был на нем девичий сарафанчик, на голове коса из мочала, а оба глаза замазаны чем-то белым, зато на лбу нарисовано круглое и нежно-голубое око. И без того уродливый Смарк в таком виде казался еще гаже. Вихляя бедрами, он подошел к яблоньке с герцогом. Киря пояснил:

Я девка по имени Одноглазка,
Давно не видала мужской я ласки...

Смарк завилял бедрами еще похабней, вызвав в публике громовой смех.

Герцог, барахтаясь в ветвях, устами Кири пообещал Одноглазке немедленно на ней жениться, если та укротит свирепое дерево. Однако не тут-то было. На все увещевания Одноглазки Штырь не повел и ухом, продолжая терзать герцога.

Одноглазка ушла в хижину и тут же выскочила снова, на сей раз в обличье Двуглазки (Смарк пририсовал себе на лбу еще один голубой глаз, а собственные по-прежнему щурил). Грюндебарт повторил предложение, а Двуглазка — танец перед яблонькой, однако опять ничего не вышло. То же самое получилось и с Трехглазкой. И наконец, когда герцог уже совсем отчаялся, из-за занавески выступил тот самый мальчик, что объявлял игру. Гиккори, вспомнил полицейский. Мальчишку звали Гиккори.

Вместо белобрысой косы Смарка по плечам его рассыпались длинные черные волосы (очень дорогой парик, приобретенный за двадцать грошей у местного цирюльника), вместо уродливого сарафана на тонкой мальчишеской фигурке было зеленое платье, и глаза, большие на бледном от вечной актерской голодухи лице, оттого тоже казались зелеными.

За спиной Гроссмейстера раздался какой-то треск. Полицейский, резко крутанувшись на табурете, увидел белое, как мел, лицо Вольсингама. Белое лицо и красные капли, стекавшие из сжатого кулака. Художник раздавил в руке стопку, но перекосило его, кажется, не от боли. Он не отрываясь смотрел на мальчишку-актера, изображавшего лозницу.

Последовала небольшая суета. Примчалась госпожа Либуш с чистым полотном и тазиком воды. Добрая трактирщица одновременно охала над загубленной стопкой (стекло, натуральное стекло!), жалела Вольсингама, промывала его рану («Как же вы теперь рисовать-то будете, герр Вольсингам?») и от сильной жалости прижимала пострадавшую руку к двум пышным выпуклостям так яростно, что живописец морщился от боли.

Из-за всей этой суматохи заключительную часть представления Гроссмейстер пропустил и повернулся к сцене уже тогда, когда торжествующий герцог-Виттер ускакивал за занавеску с Гиккори на руках, то есть в седле. Гиккори, впрочем, быстро выбежал к публике и пошел между столами, собирая в шапку монеты. Переодеваться мальчишка не стал, так и щеголял в зеленом платье лозницы и па-

рике. Только лицо протер, но на щеках все равно остались белые разводы от грима. Зрители подавали щедро. Даже Вольсингам, порывшись здоровой левой рукой за поясом, вытащил медяк и швырнул в шапку. Оказывается, у малевателя все же водились деньги, даром что водку он хлестал за счет Гроссмейстера. И пораненная рука ничуть его не смутила — после двух «лечебных доз» он перекинул перо в левую и все так же бойко продолжил пачкать листы своей мазней. Сыскарь заглянул ему через плечо. На рисунке в объятиях дерева корчился человек — только вместо герцогского камзола была на нем почему-то монашеская ряса, да и дерево было совсем не хищной яблоней-кареглазкой.

К двадцатой стопке Вольсингам наконец-то захмелел — по крайней мере, черкавшее в блокноте перо заплясало в его пальцах так яростно, что порвало тонкий листок. Харп захмелел куда раньше Вольсингама и теперь, хитро прищурившись, выпытывал у живописца:

— А вот скажите мне, юноша, правда ли, что, когда лозница ступает по камню, из-под ног ее лезут зеленые ростки?

Вольсингам почесал щеку, оставив чернильный след, и невозмутимо ответил:

— Конечно. А за ней следом ходит бригада из пятерых выжиг и пламеметами эти ростки выжигает на корню. Видели дым над замком? Так это все они.

«Не так уж он и пьян», — грянуло в голове полицейского, а язык, будто сам собой, выдал:

— Но ведь что-то она наверняка замышляет. И вряд ли ее замысел состоит в том, чтобы родить Грюндебартам еще одного зеленобородого сынка.

Вольсингам снова окинул его равнодушным взглядом светлых, почти как у герцога, глаз. Сыскаря передернуло, но он упрямо продолжал:

— Зачем лознице в город? Что она тут потеряла? Уж наверняка не герцогские ласки и не его фамильную горностаевую мантию, которой стукнуло не меньше века.

Художник чуть улыбнулся.

— Кроха не носит никаких горностаевых мантий.

— Кроха?

— Крошечка-Хаврошечка. Она просила называть ее Кроха.

— Кроха! — Харп закинул голову и, дергая кадыком, совершенно некуртуазно заржал. — Вот уж имечко для лесной чуди — Кроха!

Заметив, что на них оглядываются, Гроссмейстер под прикрытием стола наступил приятелю на ногу. Тот осекся и, печально поникнув головой, обратился к пиву.

— А как вы думаете, — спросил полицейский, собрав всю свою вкрадчивость, — почему именно вас позвали расписывать покои этой... Крохи? Почему не одного из монахов ордена святого Сомы, столь известных своим мастерством? Тем более что отец настоятель вхож в герцогский замок и мог бы порекомендовать лучшего из лучших.

Вольсингам прищурился. Сыскарь ловко наступил на самую больную его мозоль, но художник не подал и виду. Только сказал, повертев стопку в забинтованных пальцах:

— В отличие от его сиятельства герцога, Кроха не слишком благочестива. Вонь святости ей претит.

— Вонь?

Но малеватель, ничего не ответив, вдруг решительно встал и, слегка пошатываясь, устремился к двери. Когда створка за ним захлопнулась, герр Гроссмейстер окончательно осознал, что потратился зря. Но, как выяснилось по прошествии нескольких часов, он ошибался.

1. Делу дан ход

...Вольсингам лежал лицом на мокрой брусчатке и видел сон.

Во сне была лозница по имени Кроха и он, Вольсингам. То есть сначала там был бордель матушки Хвои и хохочущие голые девки, то и дело вбегавшие в комнату, где он писал на стене фреску. Обычно голые девки радова-

ли Вольсингама, но сейчас только раздражали — фреску следовало писать быстро, пока не высохла штукатурка. Фреска была странная. Не обычные обнаженные красотки, все в аппетитных складках, не горы фруктов и кувшины с вином и даже не сцены запретной охоты на навок... Беда заключалась в том, что Вольсингам сам не очень понимал, что пишет. Вырисовывался смутный крестообразный контур, какие-то клубни, наплывы, узоры, и почему-то ступни человеческих ног, желтые, мозолистые и высохшие, как ножки гриба. Но все это было где-то над головой Вольсингама, а он никак не мог оторвать взгляд от того маленького квадратика, который расписывал сейчас, а штукатурка все сохла, и фреску отчего-то непременно надо было закончить в срок, иначе случится плохое...

А затем пришло облегчение или, может, просто другой сон. Вольсингам и лозница стояли в ее покоях в замке Грюндебарт, и проклятая фреска превратилась в самую обычную, в переплетение трав, кустарника и древесных ветвей. На фреске было очень много зелени, как и в глазах лозницы.

— Не бойся, Вольсингам, — сказала лесная девушка голосом тихим, но твердым. — Видишь ведь — я не боюсь, хотя здесь все камень и камень, и мне порой так одиноко.

Вольсингаму захотелось коснуться ее черных волос, но он не осмелился.

— Правда, — спросил он во сне, — что, когда ты ступаешь по камню, из него тянутся зеленые ростки?

Девушка покачала головой и подняла глаза. Вольсингаму показалось, что сквозь листву ударило весеннее солнце, хотя он видел лес изнутри только осенью, в золоте и багрянце. Один раз и очень давно, по дороге в Город.

— Когда я ступаю по камню в вашем Городе, он рассыпается трухой, — сказала лозница. — Здесь все рассыпается... А ты нарисуй мне лес, Вольсингам. Нарисуй мне деревья и травы, нарисуй мне так, чтобы было как дома.

И, взявшись за кисти, он снова рисовал лес.

Проснулся Вольсингам оттого, что в затылок жарило солнце. Пощупав под собой, он обнаружил, что лужа исчезла, оставив на память лишь влажную брусчатку. Это обстоятельство крайне огорчило живописца, поскольку больше всего ему сейчас хотелось пить. Горло пересохло так, будто по нему прогулялись выжиги со своими пламеметами, в висках и затылке яростно стучало. После трех неудачных попыток Вольсингам все же ухитрился подняться на ноги и, стараясь не обращать внимания на валящееся куда-то влево и вбок здание собора, устремился к колодцу.

В колодце был труп. Точней, так. На крышке колодца стояло ведро, которое Вольсингам, откинув одну из створок, сбросил вниз, во тьму и прохладу. Потянув за ворот, он обнаружил какое-то затруднение — казалось, нечто цепляется за ведро, мешая его вытащить. На мгновение больному с утра рассудку живописца представились мокрые мохнатые лапы колодезного хозяина, вцепившиеся в край злополучного ведра. Тряхнув головой, Вольсингам бросил ворот и, откинув вторую створку, уставился вниз. Сначала он не различил ничего, кроме темного блеска воды метрах в пяти под ним. А затем из сырой глубины выплыло белое лицо и заколыхалась, как водоросли в проточной воде, ряса. Солнце выбрало как раз этот момент, чтобы, подпрыгнув над шпилями собора и над площадью, одним лучиком проникнуть в глубь колодца и, рассыпавшись тысячей бликов, окружить утопленника подобием нимба.

— Святой Сома, — сказал не верящий ни в бога, ни в козлонога художник и изверг содержимое желудка прямо на покойника.

Уже через полчаса на площади было не протолкнуться, однако ближе всего к колодцу стояли: Гроссмейстер, злой, похмельный и не выспавшийся, в сопровождении двух зевающих рядовых чинов; доктор Харп, ничуть не в лучшем состоянии; репортер городской газеты «Зеленый листок», бойкий молодой человек по име-

ни Себастиан Гримм; трое выжиг с пламеметами за спиной — выражения их лиц скрывалось за резиновыми масками-респираторами с угольными фильтрами; и, наконец, Вольсингам. Под ногами у всех перечисленных лежал мертвец. Мертвец, несомненно, был монахом, о чем недвусмысленно говорила его потемневшая от воды ряса и начисто обритая голова. Лицо, и при жизни-то нездорово-бледное, как и у всех из ордена святого Сомы, сделалось от пребывания в колодце совсем синюшным. Тонкие губы почернели, на скуле под правым глазом вспух огромный кровоподтек, а сам глаз был практически выбит и висел на кровавом отростке нерва. Иных повреждений на теле покойного при беглом осмотре обнаружено не было. Сейчас Гроссмейстер и Харп как раз препирались, обсуждая дальнейшие действия.

— Говорю вам, герр Харп, нам следует поставить в известность монахов, — сердито выговаривал полицейский. — Они, и только они могут решить, что делать с телом. Город не вмешивается в дела ордена.

— А я, — не менее сердито, но куда более визгливо возражал медик, — настаиваю на вскрытии. Мне необходимо установить причину смерти. И кажется очень странным, что вы, герр Гроссмейстер, не желаете провести судебную экспертизу, а также установить личность покойного. Ведь убийство произошло на подконтрольной вам территории...

— Монах утонул, — глупо заметил один из низших чинов.

Себастиан Гримм, лихорадочно строчивший в блокноте, оторвался от своих записей и встрял в разговор.

— Может, утонул, а может, и нет, — скороговоркой заявил он. — Может быть, тело скинули в колодец уже после убийства. К тому же посмотрите на его глаз, господа, — ему выбили глаз жестоким и сильным ударом. Может, это и послужило причиной...

— Может, лукоморный дуб кости гложет, — зло оборвал его Гроссмейстер. — Придержите язык, борзописец недоделанный.

Вид у обычно розовощекого и ясноглазого юнца нынче утречком был весьма бледный, и полицейский злорадно подумал, что нутро у писаки слабовато. Того и гляди, сблюет при виде покойничка. Однако тот не сдавался.

— Я хочу лишь заметить, — срывающимся, но звонким голосом возразил журналист, — что выбитый глаз напомнил мне вчерашнюю постановку. Помните, Одноглазка, Двуглазка... а что, если в городе орудует серийный маньяк? И хочу обратить ваше внимание, герр сыщик, на одно обстоятельство...

Подойдя к трупу, он носком ботинка перевернул голову покойного так, что стал видел затылок. На затылке ярко зеленело пятно краски. Точней, даже несколько пятен, словно кто-то схватил монаха за шею замаранной краской пятерней.

— Если вы помните, — с нажимом сказал Себастиан, — у актеров была кулиса, изрисованная ветвями и листьями. Как раз зелеными. Не наводит ли это вас на определенные мысли?

— Зачем актерам убивать монаха? — сердито бросил Гроссмейстер.

Пятна он заметил и сам, но не считал нужным вопить об этом во весь голос посреди толпы зевак. Однако сделанного не воротишь. Теперь по Городу поползут сплетни, слухи, слушки, так мешающие расследованию. Мысленно выругавшись, полицейский вытер пот со лба. Октябрь в этом году выдался странным — то промозглая слякоть, то пекло. Покосившись на молчаливо и неподвижно стоявших выжиг в прорезиненных плащах и масках, сыскарь невольно задумался: им-то каково по такой жаре.

— А у кого еще в городе есть зеленая краска? — отозвался Себастиан.

И тут все взоры обратились к Вольсингаму. Вольсингам поморщился и неловко пожал плечами. Краску он заметил, еще когда помогал выжигам тащить тело из колодца, — и тут же понял, чем все это для него обернется.

Молчаливую сцену прервал долгий и мерзкий скрип. Это распахнулись ворота в стене, отделявшей от пло-

щади монастырь и собор. Из ворот потянулась цепочка людей в сером. За исключением первого скрипа, ход процессии не сопровождался никакими звуками — ни дыханием, ни шарканьем ног. Лысые макушки монахов поблескивали на солнце, глаза были опущены долу. Толпа перед ними расступалась — кто кланялся, кто отворачивался, а кто и осенял себя знамением святого Сомы.

Все так же беззвучно монахи приблизились к колодцу, взвалили на плечи своего мертвого собрата и направились обратно к воротам. Лекарь Харп дернулся было за ними и, открыв рот, даже начал: «Но, господа...» — однако Гроссмейстер удержал его за локоть.

— Оставь их, — тихо сказал сыскарь.

Процессия прошла в ворота, и створки за ними захлопнулись. Толпа выдохнула. Гроссмейстер обернулся к своим подчиненным и, по-прежнему не повышая голоса, приказал:

— Лицедеев в допросную. И вы, герр Вольсингам, — усмехнувшись, он окинул художника внимательным взглядом черных глаз, — вы тоже пройдете со мной.

Выжиги уже окружили колодец ядовито-желтыми стойками и развязывали мешки с биоагентом.

Движимый неясным побуждением, Гроссмейстер рявкнул:

— Детоксикацию отложить. Запечатать колодец до дальнейших распоряжений.

Такое с ним порой случалось — толчок интуиции, внутренний голос, упрямо теребящий и шепчущий: «Не все тут так просто». Недаром Гроссмейстер пошел на службу в полицию. Ох, недаром.

Полицейское управление обосновалось в здании ратуши, где также проходили заседания городского магистрата. Камеры были внизу, в подвале. Только зарешеченные окошки выходили наружу, на несколько сантиметров выступая над мостовой, — чтобы сердобольные горожане по традиции могли кидать заключенным хлебные корки, а сердобольный дождь поливать их грязью с городских улиц.

Сейчас, впрочем, дождя не было. День уже разгорелся вовсю. Брусчатка, еще мокро блестевшая поутру, высохла и покрылась слоем пыли. Вольсингама по-прежнему томила жажда. Утолить ее колодезной водой по понятным причинам не удалось, а охранник в ответ на его стук и крики проорал, что воду заключенным подают вместе с трапезой дважды в день, то есть в обед и ужин. Время ужина еще не пришло, а обед Вольсингам пропустил за беседой с Гроссмейстером. Или, точней, за допросом, хотя Гроссмейстер и сохранял видимость вежливости. Он даже не велел заковать Вольсингама в цепи или хотя бы надеть на него наручники. Нет, проведя художника в свой кабинет на втором этаже здания — кабинет весьма скромный, с голыми окнами, древним дубовым столом, двумя стульями и не менее старинным бюро, — он махнул рукой на один из стульев и коротко предложил:

— Садитесь.

В кабинете внимание Вольсингама привлекли две вещи, и одной из них был как раз стул. Или скорей даже кресло, но на редкость неудобное, ребристое кресло, вырезанное из кости. Кость, судя по размеру, принадлежала великану. Вольсингам щелкнул ногтем по спинке, и все сооружение чуть слышно зазвенело.

— Интересно, — заметил художник, не спеша усесться в необычное кресло, — что сказал бы герцог, увидев ваш гарнитур?

Гроссмейстер осклабился:

— Сказал бы, что не прочь приобрести такой для своего каминного зала. Или, по-вашему, в семействе Грюндебартов не принята охота на Детей Леса?

Вольсингам прищурился, продолжая стоять.

— Лозница говорила, что Грюндебарты охотятся только на больных и слабых зверей и птиц и никогда не трогают симбионтов. Они что-то вроде чистильщиков.

В угольных глазах Гроссмейстера вспыхнули самые что ни на есть волчьи огоньки, и оскал был им под стать.

— Вы удивительно много знаете о Грюндебартах и о лозницe, друг мой. Не хотите ли поделиться этим знанием со мной?

В ответ художник только пожал плечами. Полицейский, устроившись на своем вполне обычном металлическом стуле, покачал головой.

— Вы ведь расписываете покои лозницы, так? Вы используете при этом зеленую краску?

— Изумрудную и кобальт. Так же, как охру, умбру и цинковые белила, — улыбнулся Вольсингам. — Бросьте, Гроссмейстер. Вы знаете, где я был вчера вечером. Два десятка завсегдатаев «Хмельной чурки» это подтвердят. Я не убивал монаха.

Оскал Гроссмейстера не стал дружелюбней ни на йоту.

— Но вы были бы не прочь убить монаха, не так ли, Вольсингам? Вам ведь тоже претит... как вы сказали... «вонь святости»?

Вольсингам сомнительно покосился на кресло, но сесть в него так и не решился.

— Мало ли что мне претит. Может, мне претит и вонь табачного дыма...

Тут художник бросил взгляд на вторую достопримечательность кабинета —шкафчик с богатой коллекцией курительных трубок. Солнце, бившее в ничем не прикрытые окна, зажигало блики на стеклах в дверцах шкафчика и весело плясало на полированном дереве, металле и янтаре.

— ...Но это не значит, что я готов вас убить, — договорил Вольсингам, сипло прокашлявшись и смахнув с лица пряди длинных, давно не мытых волос.

Полицейский поморщился. Приподнявшись в кресле, он сжал кулаки и уперся костяшками пальцев в столешницу.

— Однако я не отнимал у вас работу, Вольсингам, — раздельно проговорил он. — Вы пришли в наш Город тринадцать лет назад. Насколько я понимаю, вас привлекли известия о перестройке старого собора. Вы на-

деялись получить подряд на... как это у вас называется... внутренние оформление?

— Роспись стен, — снова улыбнулся Вольсингам.

— Стен или потолка, но вы его не получили. Монахи дали вам от ворот поворот. У них свои мастера и собственная художественная мастерская. А вы с тех пор перебиваетесь случайными заказами, но из Города не уходите. Ведь вы не благоденствуете, не так ли, Вольсингам? Вы могли бы неплохо заработать на этом подряде?

Вольсингам сглотнул, насилуя пересохшее горло, и хрипло ответил:

— Это было давно.

Гроссмейстер дернул уголками рта.

— Некоторые обиды не так легко забываются. Вам не нравятся монахи, вы потерпели имущественный урон по вине монахов... если предположить, что кто-то из монахов вам не угодил, почему бы вам его не убить?

— Потому что я не убийца, — ответил Вольсингам.

Гроссмейстер моргнул. Похоже, такого аргумента он не ожидал, однако оправился быстро.

— Все мы не убийцы, пока повода нет.

Выпрямившись, он объявил официальным тоном:

— Я вынужден задержать вас, герр Вольсингам, до выяснения обстоятельств.

И, тут же вновь сменив интонацию, добавил с фальшивым участием:

— Посидите в камере, друг мой, поразмыслите. Может, вы вспомните какие-то обстоятельства, касающиеся этого дела. Не продавали ли вы кому-нибудь краску? Не говорил ли кто-то с вами о намерении... ну, скажем, «разобраться» с монахами? Допустим, ваша, то есть, простите, герцогская лозница? Дети Леса ненавидят святого Сому и его последователей... и не без оснований, это нам обоим прекрасно известно. Вот и подумайте.

И Вольсингам подумал.

Точнее, думать он как раз не стал. Вместо этого выдрал из стены расшатанный штырь, крепивший к ней проржавевшие, самого нерабочего вида кандалы, и при-

нялся царапать им по легко крошащейся сырой штукатурке. Пользуясь дневным светом, Вольсингам попытался восстановить рисунок из сна. Для этого следовало дать полную волю руке и занять мысли чем-то другим. Что-то другое и искать не пришлось: не прошло и получаса его заключения, как в коридоре за дверью раздалась ругань стражников, козлиный тенорок Смарка, сорванный после вчерашнего представления и последовавшей пьянки, бас Кири и звучный возмущенный баритон мейстера Виттера. Пригнали актеров.

Рука Вольсингама дрогнула, на пол посыпались хлопья содранной штукатурки. Мальчишка... Гиккори, тот, кто играл вчера лозницу. Вольсингаму был знаком этот высокий разлет бровей, поднятых словно в вечном изумлении, тонкие, будто пером выписанные черты, разметавшиеся черные волосы... и глаза, наливавшиеся зеленью, если в одежде был хоть один зеленый клочок. Именно поэтому сам Вольсингам никогда не носил зеленого. Ни он, ни один из студентов и выпускников семинарии Огненного Духа в столице протектората — кроме, разумеется, самых наглых или самых отчаянных.

Вольсингам никогда не принадлежал ни к тем, ни другим, не отличался прилежанием в учебе и ничем не выделялся среди сверстников, кроме умения рисовать. Учителя отчаялись замазывать его угольные наброски на стенах в умывальных и дормиториях и посадили нерадивого ученика перерисовывать миниатюры из «Поучений». А затем старшие студенты организовали и свою газету, «Первый рейд». Просуществовала газетенка, правда, всего два месяца, до того как об этом деле прознали наставники. Но Вольсингам рисовал в ней задолго до своего собственного первого и последнего рейда. И передавал газетные листки из-под полы в холодных семинарских умывальных и в отхожем месте, чьим готическим аркам позавидовал бы любой из соборов древности...

Солнечные лучи порозовели, затем налились кровью. Вольсингам, вздрогнув, оторвался от воспоминаний и взглянул на рисунок. На штукатурке был выца-

рапан Крестос — священный символ соматиков. Так, полунасмешливо-полупрезрительно, называли монахов ордена святого Сомы в столице. Особенно кличка была распространена среди официума Огненосных. По их мнению, на эмблеме ордена был запечатлен лукоморный дуб, пожирающий человека. На самом деле иконы и фрески соматиков изображали мужчину в рясе, спиной сросшегося с деревом и раскинувшего руки-ветви то ли в смертельной муке, то ли в не менее убийственном экстазе. Голые ступни человека, еще не поглощенные деревом, упирались в морщинистую кору. Однако рисунок Вольсингама отличался от канонического изображения. На нем человек был не человеком, а скорее, гигантским наплывом, болезнью, мучившей дерево. Ствол, прямой у соматиков, здесь погнулся, взбух нарывами, лишенные листьев ветки осыпались трухой. Дурное это было дерево и дурной человек, если вообще человек. Вольсингаму захотелось стереть рисунок. Как будто подслушав его мысли, солнце закатилось за крыши домов на западной стороне площади, и в камере резко потемнело. Из углов наползли тени, скрывая царапины на стенах, как будто и не было ничего. В двери заскрежетало, на пол упала полоска желтоватого света керосиновой лампы — это охранник наконец-то принес ужин и жестяную кружку с водой. Вольсингам мгновенно забыл о рисунке и следующие несколько секунд, глотая затхлую тюремную водицу, был почти счастлив.

2. Дело набирает обороты

Вольсингам ворочался на жестком тюремном матрасе, но во сне ему казалось, что он ворочается на скрипучих нарах в дормитории. До рассвета и первого рейда оставалось всего два часа, а он никак не мог уснуть. В окно, перечеркнутое узорчатой решеткой, била луна. Лунный узор складывался на полу в круги и квадраты, в чаши и кольца, воду и пламя, и жидкость перетекала

в огонь. Вольсингам смотрел так пристально, что начали слезиться пересохшие от усталости глаза. На полу читалось что-то, похожее на мистерию, которую он видел однажды в храме святого Сомы. Суть мистерии тоже была в превращениях: в сумрачном свете, едва пробивающемся сквозь дымчатые витражи, человек превращался в дерево и тем покорял его своей воле, а фреска с Крестосом на стене точила то ли кровь, то ли древесный сок. Прихожане плакали. Маленький Вольсингам, попавший в церковь случайно, не плакал — его скорей забавляла игра света, чем творившееся преображение. Вечером наставник высек его прутьями за самовольную отлучку из семинарии. Ему исполнилось в тот день семь лет.

Завтра ему исполнится пятнадцать. Завтра его первый рейд в качестве младшего цензора. А потом еще множество рейдов, сто или больше, пока ему не стукнет восемнадцать и он не пройдет выпускные испытания и не станет полным цензором. Тогда ему выдадут собственный прорезиненный костюм и маску-респиратор с угольными фильтрами и определят в бригаду, и он будет бороться с Лесом — в городе или за его пределами. Искоренять лесную скверну огнем. А пока он на подхвате. Завтра. Все решится завтра.

Лунный свет на полу превращался в знаки и в числа и, наконец, в тени и полную тьму. Луна скрылась за тучами. Вольсингам уснул, и больше не видел ничего.

Но второй допрос Вольсингама привели только под вечер следующего дня. Гроссмейстер сидел за столом и листал какие-то записи на серой бумаге, один вид которой вызвал у художника отвращение. За прошедшие сутки с небольшим полицейский удивительно осунулся и пожелтел, и все показное дружелюбие слезло с него, как шкура с линяющей гадюки.

Подняв подернутые красными жилками глаза от своих записей, Гроссмейстер отрывисто сказал:

— Обнаружились новые обстоятельства. Садитесь, Вольсингам, у меня от вас шея болит.

Вольсингам, пожав плечами, сел в кресло. Кость немедленно впилась в задницу сквозь протершуюся штанину.

Полицейский некоторое время смотрел на него, не моргая. Живописец позавидовал его выдержке — у него самого зачастую глаза болели, и пялиться вот так после бессонной ночи было совсем не просто.

— Вы не спросите, какие обстоятельства?

Вольсингам снова, уже в который раз, пожал плечами.

— Я не любопытен. Это мне еще учителя говорили.

— Учителя?

Несколько секунд полицейский, казалось, пытался совместить в сознании образ Вольсингама и этих мифических учителей. Затем он тряхнул головой и раздраженно сказал:

— Покойного опознали. Это Герберт Брюнненштайн, бывший пекарь, совсем недавно вступивший в орден. Кроме того, мы кое-что обнаружили в колодце. И кое-кто видел, как монах перед смертью разговаривал...

Гроссмейстер сделал многозначительную паузу, и Вольсингам, безрадостно усмехнувшись, ввернул:

— Кое с кем?

Полицейский снова наградил его пристальным взглядом, а затем сморщил нос, как будто нюхнул кислятины.

— Зря ерничаете, Вольсингам. По словам свидетеля, позавчера вечером монах беседовал с вашей лозницей.

Отчего-то Вольсингама это нисколько не удивило. Поерзав в кресле и кое-как устроив зад между двух костяных отростков, он вытянул длинные ноги под стол и поинтересовался:

— А что актеры?

— Что актеры? — дернулся Гроссмейстер.

— Вы допросили актеров?

— Актеры здесь ни при чем, — угрюмо сказал сыскарь.

— Вот как. Откуда такая уверенность?

— Не наглейте, Вольсингам. Пока что я тут решаю, кого задержать, а кого отпустить.

Вольсингам и сам понимал, что лезет на рожон, но остановиться уже не мог.

— Этот мальчик... тот, что играл лозницу.

— Что мальчик? — почти выкрикнул полицейский, и Вольсингам понял, что на правильном пути.

— Младший цензор? — как можно небрежней спросил он. — Или уже полный... выжига, по-вашему. Хотя, конечно, выжиганием ростков их работа не ограничивается. Что, пришлось отпустить? Правильно, ни к чему вызывать лишнее недовольство архипротектора Герца, и так в Городе черт-те что творится: лозницы, убийства...

Вольсингам осознал, что переигрывает, и заставил себя заткнуться. Полицейский вцепился в край стола.

— Откуда вы узнали?

— Видел его в столице, — соврал Вольсингам и тут же осекся — но было уже поздно.

Гроссмейстер медленно улыбнулся, сейчас и в самом деле напоминая змею.

— Не могли вы его видеть в столице. Мальчишке нет и семнадцати, а вы уже тринадцать лет безвылазно сидите в Городе. Как вы узнали?

Вольсингам молчал, глядя в пол, покрытый пыльным ковром. Полицейский спокойно открыл ящик стола, достал из него трубку, выколотил ее, снова набил табаком. Чиркнув спичкой, разжег — и только после этого сказал:

— Не хотите говорить? Зря. Вольсингам, вы сами старательно создаете впечатление человека, который знает больше, чем ему положено. А потом удивляетесь, отчего это вас хватают и тащат в тюрьму...

Вольсингам вскинулся.

— Я не удивлялся.

Гроссмейстер снова осклабился.

— Значит, вы согласны с арестом и обвинением? Я могу счесть это добровольным признанием?

— Считайте чем угодно.

Полицейский отодвинул стул, встал и подошел к окну. Распахнул створку, отчего в комнату сразу ворвались звуки улицы: говор, шарканье подошв, далекие крики

мальчишек-газетчиков. Ветерок шевельнул бумаги на столе. Стоя у окна и попыхивая трубкой, Гроссмейстер проговорил:

— Вы так упорно ее выгораживаете. Хотелось бы знать почему. Чем она так запала вам в душу? Я ведь видел, как вы в трактире раздавили стопку. Признаться, тогда я решил, что все дело в лознице, но сейчас думаю, что в мальчишке. И все же мальчишка и лозница как-то связаны, так ведь? Однако вы относитесь к ним по-разному. Ее готовы защищать, вплоть до того, что практически признаетесь в убийстве, которого не совершали. А мальчишка вам неприятен. Потому, что связан с Огненосными? У вас какие-то счеты с официумом? Вас ведь никто не спрашивал, откуда и зачем вы к нам пришли... или от чего бежали. Вольный Город, вольные нравы....

Тут полицейский резко отвернулся от окна и уставился на Вольсингама.

— Огненосцы не любят Детей Леса. Более того, Огненосцы всячески уничтожают Детей Леса на подвластных им территориях. Но наш Город пока сохраняет независимость. Пока. Пока герцог не дразнит гусей. Пока его отношения с лесной нечистью не стали слишком... близкими. Пока к нам не нагрянула свора оберегателей и полка два выжиг.

Вольсингам удивленно взглянул на Гроссмейстера. На скулах сыскаря вспыхнул нездоровый румянец, и обычно бледное лицо оживилось. Похоже, полицейский говорил искренне, говорил о том, что давно наболело. Либо очень умело играл.

— Я родился в вольном Городе, Вольсингам, и умереть тоже хочу в вольном Городе. И совсем не хочу, чтобы Огненосные устанавливали здесь свои порядки. Но этого не миновать, если герцог не одумается. Город кишит шпионами официума, и достаточно дать им один только повод. Я уверен, что убийство монаха было не случайным...

Сыскарь сделал многозначительную паузу. Ветер шелестел бумагами на столе, крики газетчиков из-за окна

сделались отчетливей. По комнате плыли сизые кольца табачного дыма. Оживление медленно сходило с лица Гроссмейстера, сменяясь обычной устало-брюзгливой гримасой. Когда полицейский снова заговорил, голос его звучал вполне равнодушно:

— Так откуда же вы все-таки узнали, что мальчишка из цензоров?

Вольсингам улыбнулся, и на сей раз его улыбка могла соперничать с волчьим оскалом Гроссмейстера.

— Жила-была одна семья, — ровно начал он. — Отец горшечник, поставлял свои изделия известной торговой фирме. Мать хозяйничала по дому. Сын... сыну было года три. У матери были зеленые глаза и брови, так высоко вскинутые, что она казалась вечно удивленной. Смотрела на этот мир и удивлялась, до чего он хорош, хотя, по чести, ничего хорошего в нем не было. Потом на нее донесли добрые соседи, позарившиеся, я так полагаю, на мастерскую горшечника. В столице ведь как — ремесленные кварталы. Если ты горшечник, то и сосед твой горшечник, а лишняя мастерская всегда пригодится. Может, у тебя сын подрос и ему собственная мастерская понадобилась...

Вольсингам понял, что говорит путано, но полицейский смотрел на него внимательно и не перебивал. Художник продолжил.

— И вот одним прекрасным утром, на рассвете, в дом горшечника пожаловал наряд цензоров. То есть выжиг. Это здесь они траву жгут и кусты. В столице выжиги жгут, как правило, людей. Хотя нет, не людей, конечно. Нелюдь. Полулюдей. Потомков нечестивых союзов людей и Детей Леса. Вот вроде нашей лозницы. Только лозницы и навки себя защитить умеют, а это была из психей... Тех, что лечат, а не калечат, — усмехнулся он.

Откуда Гроссмейстеру знать про учебные плакаты в семинарских аудиториях, со всеми видами и родами лесных тварей: симбионтами, отлученными и Детьми Леса? А вот Вольсингам помнил их до сих пор. Лозницы, стреляющие тонкими смертоносными лозами из кончиков пальцев. Навки, одурманивающие сознание феромо-

нами. Жар-птицы... Козлоноги, также именуемые сатирами... Древниры, глоты, симб-волки... И психеи. Те, кто лечат деревья, зверей и людей. Возможно, полечила она по доброте душевной и бдительного соседа — ведь както он узнал, что рядом живет нечеловек.

К действительности художника вернул голос Гроссмейстера. Тот спрашивал, что же произошло дальше.

— Дальше... А вот что: хозяин имел глупость встать на пороге и не пустить гостей внутрь. От него быстро избавились. Мать вытащили из дома за волосы. Что касается мальчика, он очень громко кричал и отбивался. Отчаянно отбивался для такого карапуза. Старший наряда просто запихнул его в мешок и понес прочь.

В черных очах Гроссмейстера снова вспыхнули охотничьи огоньки.

— Какая увлекательная история. И что же случилось с тем мальчиком?

— Что будет с этим мальчиком? — спросил тогда младший цензор Вольсингам у старшего наряда Гильдебранда.

Гильдебранд снял респиратор и промокнул платком красное распаренное лицо. Среди горожан упорно ходили слухи, что старшие цензоры никогда не снимали масок, будто резина срасталась с кожей их лиц. Врали, конечно. Иначе откуда бы брались новые маски?

Выжига обернулся туда, где над крышей дома горшечника уже поднимался дымок. Труп хозяина и его женупсихею грузили на телегу. В самом деле, не крючьями же их по улицам тащить.

— Что будет с мальчиком, говоришь? — Гильдебранд направил на подручного светлый насмешливый взгляд. — Отдадут в семинарию, что.

— Как? — поперхнулся Вольсингам, и вовсе не от густеющего дыма. — Как — в семинарию? Нелюдское отродье — в семинарию?

— Государственный сирота, — хмыкнул старший. — Откуда, по-твоему, берутся цензоры?

Он сказал это так небрежно, словно по-другому и быть никак не могло. Именно от небрежности его тона значение слов дошло не сразу, но когда дошло...

— Значит, и я? — немеющими губами произнес мальчишка-Вольсингам. — И я — тоже?

Краснолицый выжига пожал могучими плечами:

— Не факт, конечно. Может, тебя просто мамка с папкой бросили. Или продали, и такое бывает. Но бывает и так.

Он кивнул на дергающийся под ногами и вопящий мешок.

— Все мы, парень, по сути вышли из этого мешка... А вон та могла бы быть и твоей мамкой. И моей.

Вольсингам, крутанувшись, уставился на телегу, где светились нечеловеческой зеленью огромные изумленные глаза психеи.

И моей...

— ...И что же случилось с тем мальчиком?

«А что случилось с другим мальчиком...» — мысленно продолжил его вопрос Вольсингам и не нашел ответа.

Вместо этого он спросил сам:

— Что же вы выловили из колодца?

Полицейский наградил его еще одним испытующим взглядом, но уяснив, что продолжения истории не будет, шагнул к столу. Нагнувшись и провернув ключ в ящике, он достал некий обернутый тряпицей предмет: плоский, небольшой и прямоугольный. Откинул тряпку, и под ней обнаружилась расписанная красками доска. Иконка. Крестос. Такие в изобилии производили в монастырской мастерской, а затем рассылали в другие села и города. Торговлей иконами в основном и жил монастырь, причем солидная часть их доходов поступала в городскую казну и в личную казну герцога. Так что перед Вольсингамом на столе лежал местный аналог золотого самородка. Однако художник смотрел на доску так, как не глядят ни на какое золото. Даже невозмутимый полицейский вздрогнул.

— Что, Вольсингам?

Подняв голову, живописец сказал странным, глухим голосом:

— Здесь совсем нет зеленого. Ни одного мазка.

Второе убийство произошло через неделю и в точности по схеме, предложенной Себастианом Гриммом, что могло бы навести Гроссмейстера на определенные мысли — если бы жертвой не оказался сам Гримм. Создавалось впечатление, что именно он и никто другой писал текст «Игры о Безвременной Гибели молодого Себастиана Гримма от Безжалостной Зеленой Руки».

Труп журналиста нашли в канаве, разделяющей земельные владения обывателя Гюнтера Квинке и общинный луг. На лугу пасся скот. Пастух лениво бродил вокруг сада, пощелкивая кнутом и размышляя, не прилечь ли в теньке и не исполнить ли протяжную и тоскливую мелодию на своей сопелке, как и приличествует всем пастухам. Однако вместо этого он решил половить в канаве лягушек. Лягушки нужны были ему в качестве наживки, ибо на рассвете следующего дня он собирался на рыбалку и надеялся поймать жирного сома. Жирным сомом, добавим, пастух хотел умаслить девку по имени Гретхен, служившую в заведении матушки Хвои и за просто так не дававшую, — лишних же грошей у пастуха отродясь не водилось.

Однако оставим безымянного пастуха и его любовное томление и вернемся к покойному. Закатав штаны, пастух вошел в прохладную воду канавы и тут же наступил ногой на что-то твердое и скользкое, чему в канаве быть не полагалось. Пошарив в илистой жиже руками, он обнаружил лицо, а затем и все тело. Тут следует отдать пастуху должное. Вместо того чтобы истошно заорать, он аккуратно вытянул тело на берег и тщательно обшарил на предмет наличных и прочих ценностей — а лишь потом, удовлетворившись осмотром, заорал, замахал руками и помчался к дому обывателя Гюнтера Квинке.

Не прошло и часа, как труп лежал в прозекторской и над ним склонился Харп. Впрочем, и без Харпа вид-

но было, что оба глаза Себастиана безжалостно выжжены, а на затылке, там, где у младенцев нежная ямочка, виднелся зеленый отпечаток пятерни. Там же красовалась и застарелая ссадина. Но еще интересней были тонкие ожоги, оставленные на груди, спине и горле убитого словно бы раскаленной проволокой.

Гроссмейстер стоял рядом с хирургическим столом, на котором работал Харп, и, покачиваясь с носков на пятки, предавался размышлениям. Лишь временами он делал шаг назад или в сторону, когда медик начинал слишком активно орудовать пилой и ошметки плоти и капли крови грозили запачкать серый служебный сюртук.

Размышления сыскаря сводились примерно к следующим соображениям.

Во-первых, Вольсингам явно не убивал Себастиана Гримма, потому что уже неделю сидел у Гроссмейстера в камере. Предположить, что он как-то просочился сквозь прутья, ночным туманом пролетел над городом и безжалостно прикончил журналиста, было попросту нелепо.

Во-вторых, таинственный преступник нагло издевался над следствием. Если в первом случае зеленые отпечатки и могли быть случайностью, то здесь уже явно ощущался злонамеренный и глумливый умысел. Вряд ли убийца бродил по Городу с ведром зеленой краски, непрерывно обмакивая в него руки. С другой стороны, это могло быть сделано и для того, чтобы увести следствие в сторону и приуменьшить значение пятен в первом происшествии.

И наконец, два выжженных глаза. Гроссмейстер помнил слова журналиста об Одноглазке, Двуглазке и пр., и уже тогда они показались ему нелепыми и нарочитыми. Либо, напротив, слишком уж проницательными. Возможно, Гримм что-то знал, и преступник (или преступники) хотел, чтобы это знание сгинуло вместе с ним?

Тут раздумья полицейского прервал треск, с которым отделилась крышка черепа. Гроссмейстер поморщился.

— Так что же вы установили, герр Харп? — спросил он. — Как и когда погиб Себастиан Гримм?

Медик протер окровавленной рукой забрызганное кровью лицо, отчего то совсем не стало чище, и ответил:

— Что касается того, как, мне потребуется провести дополнительные анализы на наличие в организме ядов. Насчет «когда» скажу точно, что прошлым вечером или ночью, за несколько часов до рассвета.

На это Гроссмейстер раздраженно подумал, что для таких выводов вскрытие было не нужно: пастух выводил стадо на луг до восхода и, несомненно, заметил бы, как злоумышленники швыряют труп в канаву.

— Его оглушили? — спросил он вслух. — Что там за синяк на затылке, рядом с меткой?

— Если и оглушили, то около недели назад — кровоподтек почти прошел, рана затянулась. Думаю, если это имеет отношение к убийству, то только косвенное...

«Неделю назад убили монаха. И тем утром братец Гримм выглядел совсем неважно», — подумал Гроссмейстер, но мыслями своими делиться не стал. Между тем медик продолжил:

— Далее, смерть наступила быстро, и в канаву сбросили уже мертвое тело, потому что воды в легких нет. Глаза, кстати, тоже выжгли посмертно. И все ожоги на теле нанесены посмертно, потому что нет признаков воспаления. Краска на шее масляная, и это определенно отпечаток пальцев. Жаль, что в Городе нет дактилоскопической библиотеки...

Тут он вздохнул. Гроссмейстер поморщился — все эти трюки из старых книжек его не впечатляли.

— Но и это не самое интересное, — с интонацией фокусника, извлекающего из рукава гадюку, объявил Харп. — Самое интересное мы обнаруживаем вот тут.

Полицейскому на мгновение почудилось, что Харп воскликнет что-то типа «опля-ля», но лекарь обошелся без этого. Он просто приподнял крышку черепа убиенного. Гроссмейстер подался вперед и охнул. В мозг покойника словно сунули горящую головню — серовато-желтая мозговая ткань почернела, обмякла и скукожилась, и даже как будто начала подгнивать. Так выглядит губчатая

шляпка гриба, спаленного летней жарой. Сыскарь вздрогнул. По спине пробежал неуютный холодок. Как и все в Городе, он с младенчества наслушался страшных сказок о Детях Леса. В том числе и о лозницах, о том, откуда взялось их прозвище. Ядовитая, тонкая, как леска, лоза, выстреливающая из кончиков пальцев (а в самых жутких историях — изо рта), прожигающая и дерево, и металл, и человеческую плоть, проникающая в глаза и уши...

— Вы думаете, что... — начал он.

— О-о, мы имеем дело с крайне любопытной ситуацией, — почти пропел Харп.

Он явно наслаждался поставленной перед ним научной загадкой, а также замешательством Гроссмейстера, своего вечного друга-соперника.

— А точней, мы оказываемся в ситуации кошки, ловящей собственный хвост. Либо кто-то очень постарался, чтобы в смерти несчастного Гримма обвинили лозницу. Либо его действительно убила лозница, но тогда она приложила массу усилий к тому, чтобы отвести от себя подозрение. Обратите внимание...

Харп дернул подбородком в сторону соседнего стола, где грудой была свалена одежда покойного.

— Рубашка и бриджи грязные, но целехонькие. А ядовитая лоза, если верить бабушкиным сказкам, прожигает плоть, кость и, конечно же, ткань. Значит, ожоги нанесены после того, как с жертвы сняли одежду.

— Либо он разделся добровольно, — для порядка заметил Гроссмейстер.

Конечно, вряд ли Себастиан Гримм был настолько безумен, чтобы лечь в постель с лозницей. На это могло хватить разве что герцога, да и то...

Харп нетерпеливо махнул рукой. Сейчас он был в своей стихии.

— Картина получается примерно следующая. Некто убивает молодого Себастиана с помощью неизвестного оружия или, скорее, яда. Затем снимает с него одежду, оставляет на мертвом теле ожоги и пятна краски, выжигает глаза, затем снова одевает жертву и топит в канаве,

причем топит настолько небрежно, что труп очень скоро обнаруживают.

— Кто-то хотел, чтобы его обнаружили, — вставил Гроссмейстер.

— Кто-то хотел, чтобы слухи об ожогах разнеслись по городу, — добавил Харп. — И этот кто-то был не слишком умен. Ставлю сто против одного, что не обошлось без монахов. Наверняка они хотят отвести нам глаза и не зря помешали сделать вскрытие...

Гроссмейстер вздохнул. Этого следовало ожидать. Харп не любил герцога, не любил Детей Леса, но больше всего он не любил монахов.

— Несомненно, Гримма прикончил сам отец настоятель, — едко парировал полицейский. — Вы ведь увлекаетесь френологией, Харп? Ставлю сто против одного, что у него череп преступника.

Но, как бы ловко ни срезал Гроссмейстер медика и каким бы гоголем ни держался, к разгадке это его ничуть не приблизило. Следовало искать то, что связывало эти два преступления. Поврежденные глаза. Пятна зеленой краски. Икона без единого мазка зелени... Почему художника это так взволновало? И кстати, надо было отпустить Вольсингама. Однако для начала надо было еще раз с ним поговорить. Вздохнув и передернув плечами от зябкого холода прозекторской, Гроссмейстер направился к двери — но тут дверь сама распахнулась ему навстречу, чуть не стукнув створкой по лбу. В проеме нарисовался констебль Вейде с перекошенным, белым, как стенка, лицом.

— Герр Гроссмейстер... Герр Гроссмейстер, — выдохнул он.

— Что? — рявкнул полицейский, наливаясь недобрым предчувствием.

— Младший констебль Нойман. Он... он...

«Нойман, Нойман... — мелькнуло в голове сыскаря. — Белобрысый усердный дурак, разбил стекло в шкафу с трубками... а, это его я загнал в колодец».

— Что «он»?! Говорите, костоедка вас дери!

— Он... умер!

3. Беспокойство

На сей раз Вольсингаму снилась мансарда, которую он снимал у семейства Оберштолле. Вообще-то в заведении матушки Хвои его всегда ждала свободная комната, обставленная куда более роскошно и даже кричаще. Проблема в том, что кричала не только обстановка, но и девки, и клиенты, а если не кричали, то хохотали и били бокалы — в общем, когда Вольсингаму хотелось тишины, он прятался в своей мансарде.

Во сне в окошко светила зеленая луна, по половицам скользили зеленые тени, а снизу доносился детский голосок. Вольсингам знал, что это старшая дочка фрау Оберштолле, Марта, рассказывает братьям сказку на ночь. Те страсть как любили послушать сказки. Тощий матрас Вольсингама лежал у самого окна, как раз над кроватью Марты, — и голос слышался одновременно из-под пола и снаружи, потому что окно детской тоже было распахнуто, впуская в себя лучи нефритовой злодейки-луны.

— ...И когда ступает та лозница по камню, — говорила во сне Марта, — из камня тянутся зеленые листочки, кленовые проросточки пятипалые, похожие на руку человеческую. Лозница срывает те зеленые ручки и говорит: «Ручки зеленые, пойдите по городу, пойдите по улицам и переулочкам, по лестницам и по дворикам и принесите мне глаза. Глаза серые, глаза синие, а пуще всего — глаза карие для матушки моей, кареглазки»...

Вольсингам почти слышал, как боятся дети внизу — сжимаются под одеялами, стучат от страха зубами и даже тихонько, по-мышиному попискивают.

— «Пойди-пойди, зеленая ручечка» — а ручечка идет, шурха-шурх, неслышно, кленовыми пальчиками перебирая, идет по улице, идет по переулочку, идет по лесенке и прямо к дверочке... Ой, кто это там за дверью скребется?!

Детишки внизу завизжали, а кленовая ручечка, впившись в плечо Вольсингама, больно и упорно задергала...

Визжали не дети, а дверные петли, и дергала Вольсингама за плечо никакая не зеленая ручечка, а волосатая лапища стражника. В оконце наверху били яркие лучи утреннего, но уже довольно высокого солнца.

— Вставай, пропащая душа, — сказал стражник. — На выход. Начальство зовет.

И Вольсингам, зевая во весь рот и растирая затекшую шею, пошел на выход.

История смерти констебля Ноймана выходила уже за все и всяческие рамки — хотя бы потому, что гибель настигла его прямо посреди полицейского управления. Согласно показаниям констебля Вейде, он, Вейде, отправился в кабинет Гроссмейстера, чтобы протереть пыль. У Гроссмейстера на этот счет было другое мнение, поскольку уровень шнапса в его бутылке, запертой в левом верхнем ящике стола, день ото дня неуклонно понижался — притом что сам Гроссмейстер прибегал к ней крайне редко. Как бы то ни было, поднявшись на второй этаж, констебль Вейде обнаружил, как из кабинета начальника выходит Нойман. Последнее несколько удивило констебля, потому что еще неделю назад, после печального инцидента со стеклом в шкафчике, Гроссмейстер строго-настрого запретил Нойману переступать порог своей святая святых. Более того, в гневе и возмущении он именно Ноймана отправил нырять в колодец и обшаривать дно, и именно Нойман обнаружил завернутую в тряпицу икону. Это обстоятельство живо припомнилось констеблю Вейде, поскольку, крадясь в полосах пыльного света, Нойман прижимал к груди ту самую иконку-Крестос. Да не просто прижимал, а временами поднимал к лицу и страстно припадал к ней губами. Заподозрив в товарище по службе тайного соматика, Вейде решился приблизиться к нему и сурово расспросить. Однако, заметив Вейде, Нойман повел себя странно, то есть дикими скачками понесся к лестнице. И, несомненно, удрал бы, если бы по лестнице в этот момент не поднимались двое выжиг из городского отряда с отчетом о детоксикации колодца. Нойман врезался прямиком

в них, инстинкт же подсказал выжигам схватить бегущего и не пущать — что они и сделали. Подергавшись в руках у поимщиков, Нойман издал протяжный сдавленный стон, изверг изо рта темную жидкость и в корчах скончался. Все это заняло не более трех минут, в течение которых беглец так и не выпустил из рук иконку.

Сжимал он ее и теперь, лежа посреди коридора на прорезиненном плаще одного из выжиг. В углах его губ и на подбородке запеклась черная дрянь, а выражение лица было по-детски удивленным и даже обиженным. Впрочем, лицо Ноймана интересовало Гроссмейстера в последнюю очередь, в первую же — проклятая икона. Когда Вейде потянулся, чтобы вытащить доску из рук покойника, что-то словно толкнуло Гроссмейстера, и он заорал:

— Не трожь! Ты...

Полицейский обернулся к рослому выжиге в традиционной дыхательной маске и, что более своевременно, перчатках из толстой кожи.

— Возьми икону, оберни ее тряпкой и положи на мой стол. Руками ни в коем случае не трогай. А вы...

Тут он указал на Вейде и второго цензора.

— ...вы тащите его в подвал к Харпу. Посмотрим, что прячется у него под крышкой.

Если последнее замечание и смутило констебля Вейде, то виду он не подал — а прочесть выражение лица выжиги под маской было тем более невозможно.

Прежде чем тронуться в прозекторскую, Гроссмейстер еще схватил за плечо пробегавшего вестового (тот нес печальные известия матушке Ноймана и пяти его младшим сестрам) и приказал:

— На обратном пути забеги в лавку и купи мне любой Крестос из тех, которыми там торгуют. А затем ступай и скажи охране, чтобы Вольсингама привели ко мне в кабинет.

Перед Вольсингамом на залитом солнечным светом столе лежали две иконы.

Первая — обычный оберег-Крестос из ближайшей лавки при соборе. Сам собор открывался для верую-

щих только во время ежегодных мистерий, а вот лавка, лепившаяся снаружи к монастырской стене, вовсю торговала священными изображениями. На иконе был нарисован белоголовый человек, приникший спиной к зеленому раскидистому дереву с глянцевитой листвой. Монахи не жалели дорогих пигментов, и картинка смотрелась очень нарядно, хоть над порогом вешай.

Но вот вторая... вторая так и лежала на тряпице, буровато-серой, но еще серей было лицо изображенного на иконе человека. Если вообще человека, а не отвратительного наплыва на стволе. Листва на дереве была редкой и бурой, а ветки хищно сплетались, корчились, словно мучимые кошмарным сном. Узловатыми змеями вздымались корни... скверная картинка, скверное дерево и скверный человечек. Однако именно на этот Крестос беспокойно поглядывал Гроссмейстер. На первую иконку он вовсе не обращал внимания, а посматривал то на вторую, то снова на Вольсингама.

В пыточном костяном кресле на сей раз сидел доктор Харп, сложившись так, что удобно вписывался во все отростки и изгибы. Вольсингаму пришлось стоять, о чем он ни капли не сожалел. Художник протянул руку к иконе из своего сна, желая и не решаясь притронуться к потрескавшейся поверхности...

— Нет, — резко сказал Гроссмейстер. — Руками не трогать. А то тут один уже дотрогался...

Следует сказать, что полчаса назад он присутствовал при вскрытии черепной коробки констебля Ноймана. На Ноймане не обнаружилось ни ожогов, ни ссадин, ни зеленых пятен, зато под крышкой было ровно то, чего ожидал и страшился полицейский. Черная губчатая масса, скукожившаяся и очень мало похожая на человеческий мозг. Доктор Харп производил вскрытие в плотных тканевых перчатках и сейчас этих перчаток не снял. Вторую пару он вручил Гроссмейстеру, а третья, кожаная, лежала на столе.

— Мы не знаем наверняка, — заметил упомянутый Харп. — Я проведу тщательное исследование, но не

факт, что причина в иконе. Если да, то это должен быть очень сильный яд, проникающий сквозь кожу. Но я не исключаю и неизвестную нам доселе болезнь...

Вольсингам вскинул голову.

— А вы, Гроссмейстер, не трогали икону?

Тот поморщился.

— Ни я и никто из управления. Только Нойман. Он выловил Крестос вместе с тряпкой и осмотрел, чтобы убедиться, нет ли в доске полостей и отверстий, куда можно спрятать деньги или письмо. Ничего не обнаружил и передал находку мне, а я держал ее в столе завернутой.

— Значит, яд не пропитал ткань, — вмешался Харп.

— Значит.

С лица Гроссмейстера не сходило кислое выражение.

— Эх, добыть бы того монаха...

Медик наградил его выразительным взглядом. Полицейский откашлялся.

— Ну так, Вольсингам. Что вы можете мне сказать об этой иконе? Я помню, как вы передернулись, увидев ее в первый раз. Или не в первый?

Вольсингам пожал плечами и спрятал руки за спиной, словно борясь с искушением потрогать расписанную доску, чтобы убедиться в ее реальности.

— В первый. И не в первый. Я видел эту картину во сне.

По острой физиономии Гроссмейстера разлилось нескрываемое разочарование. Он явно надеялся на другой ответ.

— А что там насчет зелени? — сердито бросил он. — Что вы болтали о зеленых мазках?

Вольсингам почесал в немытой, спутавшейся колтуном шевелюре.

— Вы говорили, что Себастиан Гримм тоже убит?

— Убит, умер, отравился... Я уже ничего не понимаю, — зло отрубил полицейский. — В башке у него такая же черная дрянь, как у Ноймана. Возможно, у монаха. Но зеленые пятна на шее...

— Типографская краска, — сказал Вольсингам.

Оба — и Гроссмейстер, и Харп — вздрогнули при этих словах, уставившись на художника. Вольсингам спокойно продолжил:

— Гримм тогда сказал: «У кого еще в Городе есть зеленая краска?» Я видел пятно вблизи. Это была не масляная краска. И не водная, которую я использую для росписи по штукатурке. Обычная типографская краска смывается водой, но тут, в Городе, очень плохая бумага. Она бы просто не пропечатывалась. Я помню, как Гримм советовался со мной, и я предложил ему добавлять в состав смолу. Так печать не смоется ничем, кроме керосина, хотя краска хуже застывает. На затылке монаха была типографская краска.

Гроссмейстер смотрел на художника, раздувая ноздри и борясь с искушением грохнуть по столу кулаком.

— Почему вы сразу не сказали?

По лицу Вольсингама расплылась медленная улыбка.

— Потому что вы тогда арестовали бы Себастиана. А он никого не убивал.

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

Вольсингам не стал говорить, что навидался убийц с детства и научился распознавать их затылком — тонкими волосками, топорщившимися по-звериному, когда на мальчишку-семинариста падал их пустой и светлый взгляд.

— Постойте, — вмешался Харп, привставая с неудобного кресла. — Но ведь журналист вас подставил. Он чуть ли не носом ткнул нас в это пятно...

Художник уставился в окно. На стеклах играло солнце. С улицы доносились крики мальчишек-газетчиков. Последний выпуск газеты «Зеленый листок» разлетался, как осенние листья под ударом шквального ветра. Весть о смерти единственного корреспондента, редактора и владельца издания взбудоражила горожан. Про Ноймана еще никто не знал.

— Он пытался подставить не меня. Помните, что он говорил? Об актерах. Одноглазка, Двуглазка...

Медик вытянулся в кресле, навострив уши. Художник закончил свою мысль:

— Вы сказали, Гроссмейстер, бедняге выжгли оба глаза? И запятнали шею масляной краской? Не думаете, что над ним так поиздевались в отместку за тот намек?

Лицо полицейского налилось нездоровой кровью. Он все же стукнул кулаком по столу и рявкнул:

— Забудьте об актерах!

Вольсингам заломил бровь.

— Почему? Потому что мальчишка — младший цензор? Не такой уж высокий чин. Или вы настолько боитесь огненосцев, Гроссмейстер?

Харп удивленно нахмурился.

— О чем он говорит?

Сыскарь перевел дыхание и силой заставил себя успокоиться.

— Повторяю, забудьте об актерах. Вы оба. Вольсингам ничего не говорил, а мы ничего не слышали. Я отправляюсь на квартиру Гримма.

Тут Гроссмейстер ощутил укол досады — давно следовало осмотреть жилище убитого и допросить соседей и рабочих типографии. Если бы не утренняя суматоха с Нойманом...

— Вы, Харп, пойдете со мной. Вы, Вольсингам, свободны.

Художник хмыкнул.

— Гроссмейстер, я уже вляпался в это дело по самое не могу. Возьмите меня с собой. Вы же видели — я наблюдателен.

— И не спешите делиться своими наблюдениями, — сухо улыбнулся Харп, поднимаясь с костяного монстра.

Гроссмейстер только коротко кивнул. При всех его недостатках, о малевателе точно можно было сказать одно: он не из болтливых.

Злополучную икону полицейский не решился оставить в кабинете, а, положив в наплечную сумку, прихватил с собой. Туда же он кинул и третью пару перчаток.

На площади было не протолкнуться. Собравшаяся толпа жадно пялилась на подмостки, где актеры из труппы мейстера Виттера представляли новую игру. Харп, Гроссмейстер и Вольсингам невольно умерили шаг, пробиваясь сквозь сутолоку, мимо потных суконных спин и сопящих, зардевшихся, лоснящихся лиц. Художник взглянул на сцену, где тонкий мальчик с прозрачным взглядом как раз объявил название игры: «О Лознице, Блуднице и Человекоубийце, и о Герцоге-Рогоносце». Вольсингам на секунду замер, ожидая непонятно чего — наряда стражи? Возмущенных криков? Но толпа слушала и глядела внимательно. Художник очнулся, когда Гроссмейстер дернул его за рукав.

— Они бы не посмели, если бы герцог был в Городе, — сквозь зубы бросил сыскарь.

— Но почему бездействует полиция? — удивился Харп. — Почему молчит магистрат?

Не ответив, Гроссмейстер сердито дернул головой, и вся троица поспешила выбраться из давки. Когда Вольсингам обернулся в последний раз, мальчик уже переоделся в зеленое платье и кружился по подмосткам, размахивая лозами-бичами, а у ног его бился кто-то, закрытый людскими головами.

— Что-то будет, — задумчиво протянул Харп.

— Что-то уже есть, — зло рявкнул Гроссмейстер. — И я узнаю, что.

«Бунт», — мог бы ответить Вольсингам.

Он помнил тот страшный год, когда на полях погнило все зерно и столица взбунтовалась. Воющая волна жителей предместий стучалась в решетки богатых домов, перехлестывала ограды и разбилась только о серую громаду Дворца Правосудия, центральной крепости огненосцев. Семинария, по счастью, располагалась внутри огороженного стеной пространства, под боком своих патронов. Ученики тогда высыпали во двор и на плоскую крышу семинарии и гасили горящие головни, тряпье и горшки со «смольным жаром» и нафтой, перелетавшие через стену. Но огонь не сумел повредить Огненос-

ным. И те быстро нашли виновных. В тот раз ими оказались соматики... В этот год народ ополчился на лозницу и герцога. Интересно, стены замка Грюндебарт столь же крепки?

Кое-что вспомнив, художник окликнул Гроссмейстера:

— Вы говорили, что монаха видели с лозницей в ночь перед убийством? Кто вам это сказал — актеры?

Они уже шагали переулком, одним из многих, расходящихся от Соборной площади. Витрины лавок были глухо закрыты щитами, хотя солнце стояло еще высоко и торговый день далеко не кончился. Лавочники, как всегда, первыми почуяли запах жареного и сейчас прятали товар по подвалам. По обе стороны нависали стены домов. Окна тоже были закрыты ставнями, лишь в одном старуха поливала цветы, а из другого высовывалась светловолосая голова ребенка. Шум площади остался за спиной, но и здесь в воздухе чувствовалась тревога.

Обернувшись, полицейский сощурился.

— Нет. Не актеры. Мельник Якобс, выходя из трактира, заметил на одной из ближайших улиц монаха в капюшоне. Тот стоял в арке и беседовал с какой-то девицей. Мельник Якобс был пьян, однако в свете фонаря успел заметить на девице зеленое платье, а волосы у нее были длинные и темные. Известно, что горожанки, даже молодые девушки, заплетают косы или носят платок. Только лесное отродье таскается ночью по улицам с растрепанной гривой.

Вольсингам покачал головой. В висках тонко звенело, стук ботинок по брусчатке раздражал слух. Может, близилась гроза?

— Уверяю вас, что лозница не выходит из замка. Именно поэтому ей захотелось повеселей расписать покои. Она не видит почти ничего, кроме своей комнаты... Зачем ей бродить по городу ночью?

Гроссмейстер сердито пожал плечами. Харп нахмурился. Троица свернула за угол и остановилась перед домом. Латунная табличка с разрисованным зеленой

краской трилистником извещала, что именно здесь располагается типография и редакция газеты. Полицейский бросил на вывеску злой взгляд — и почему бы ему самому не догадаться, у кого еще в городе может найтись зеленая краска? Может, окажись он сообразительней, молодой Гримм был бы жив, а толпа на площади освистала бы лицедеев и не стала бы слушать их ересь...

Сыскарь ударил кулаком в дверь. Никто не отозвался. Он постучал еще раз, громче, а потом треснул в створку ногой. Сверху распахнулось окно, и раздался сварливый женский голос:

— Чего стучите? Чего колотите? Видите — нет никого. Хозяина убили, а наборщик валяется пьяным. У-у, мерзкий пьянчуга!

Последовал звон бьющейся посуды и глухое ворчание, словно большую сонную собаку потянули за хвост.

— Горе мое луковое! Чтобы твои очи бесстыжие повылазили! Чтобы...

— Хозяйка! — заорал Гроссмейстер, задрав голову к окну. — Мне говорили, что Себастиан Гримм снимал комнату над типографией. Не у вас ли?

Высунувшаяся из окна растрепанная тетка мигом опровергла все теории Гроссмейстера о пристойных прическах горожанок. Щеки женщины раскраснелись, перевесившаяся через подоконник грудь бурно вздымалась, а в глазах сверкал боевой задор.

— Как же не у нас? У нас. И комнату снимал, и помещение снимал, и муж мой, сволочь пьяная, у него работал, и за это он нам ни гроша не платил, потому что просаживал все на свою треклятую газетенку. Чтоб ему душицы наглотаться, чтобы мох его, паразита, изъел...

Прервав тираду на полуслове, тетка присмотрелась к стоявшим внизу и всплеснула руками:

— Ой, господин Гроссмейстер, не вы ли это? А с вами герр врач. Что же это я?

Она запахнула расстегнувшуюся на груди блузу, впрочем, не весьма удачно. Большая часть крупных форм все равно осталась на виду.

— Что же я внизу вас держу? Проходите. А вход сзади, со двора. Генрих-то мой, поросячья его душа, типографию запер на ключ и с ночи все пьет и пьет, пьет и пьет, а с улицы вход только там, так вы уж двором...

Гроссмейстер вздохнул. Только скандальной бабы ему не хватало. В висках занимался тихий звон. К дождю, что ли?

Из полуоткрытой двери хозяйской спальни доносился раскатистый храп — это отдыхал наборщик Тумберг, супруг фрау Тумберг. Дверь направо вела в комнату Гримма. Фрау Тумберг, погремев ключами, впустила Гроссмейстера и его свиту — и ахнула. Ахнуть было из-за чего. Даже в скупом свете, струившемся из слепого, давно не мытого окошка, комната выглядела так, словно по ней прошелся ураган. Перевернутые стулья, сдернутое с кровати белье, книги и клочки газет, разбросанные по полу. Хозяйка расширила глаза и снова заволновалась грудью, а затем, широко распахнув рот, издала вопль:

— И кто мне за это заплатит, а, господин Гримм?

Ее обращение к покойнику действия не возымело. Не поднялась из груды хлама печальная тень и не протянула фрау Тумберг кошелек, набитый звонкими талерами. Лишь моль, вылетев из платьевого шкафа, запорхала в тусклых лучах. Разочарованная матрона в сердцах топнула ногой, да так, что древние половицы заходили ходуном, столбом взвилась пыль, а за стоявшим у окна письменным столом с грохотом что-то рухнуло.

— Однако, — сказал Харп, когда отголоски вопля стихли и пыль улеглась, — здесь кто-то славно потрудился.

Гроссмейстер развернулся на каблуках и наставил на хозяйку острый нос, в эту секунду крайне напоминая грача.

— Фрау Тумберг, вы не могли не слышать шум...

— А как же! — уперев руки в бока, возопила хозяйка. — И слышала. Вчера вечером господин Гримм вернулся сильно подгулявши, да не один, а с мерзкими акте-

ришками. Из карманов у них торчали бутылки вина, они шатались, орали песни, разбудили Малютку...

— Малютку?

— Моя кошка. Малютка от страха на шкаф запрыгнула, бедная крошка, и до утра отказывалась слезать. А когда я постучала в дверь и предложила им вести себя потише, этот их главный...

— Мейстер Виттер, — тихо сказал полицейский.

— Виттер или Шмиттер, он высунулся и говорит, что господин Гримм велел не беспокоить и они отмечают день рождения господина Гримма, хотя я-то точно знаю, что день рождения у него в марте, он всегда заказывает мне каплуна...

Перебив женщину, Харп поинтересовался:

— А вы не видели, как уходили актеры?

— А то как же, — сердито пропыхтела изрядно запыхавшаяся хозяйка. — И видела. Шли и еще больше шатались, охальники, мерзавцы, дери их камнеломка, а господин Гримм был при них, такой же, как они, пьяный в дым, и было уже за полночь, потому что Генрих, мой муж, как раз закрыл...

Пока Гроссмейстер и Харп выслушивали излияния хозяйки, Вольсингам мерил шагами комнату. Носком ботинка он ворошил газетные листки, с которых била в глаза зеленая краска. Переворачивал сбившуюся в комки одежду на полу. Он сам не мог сказать наверняка, что искал и почему это делал. Не потому ведь, что так их учил мастер сыска в семинарии? Или?..

Как бы то ни было, спустя пару минут он это нашел. Это лежало, высовываясь красным замшевым переплетом из-за отвалившейся от стола задней стенки. Вольсингам присел на корточки и поднял толстый блокнот. Должно быть, блокнот выпал вместе с рухнувшей от хозяйского топота доской. Погладив бархатистую замшу, художник открыл блокнот и разочарованно нахмурился. Страницы, белые и плотные, совсем не похожие на серую газетную бумагу, были исписаны рядами убористых значков. К сожалению, значки эти Вольсингам совер-

шенно не понимал. Он принялся листать дальше и обнаружил рисунок. Точнее, два рисунка — два довольно умелых наброска Крестоса. Один ничем не отличался от обычных иконок, зато второй... Художник быстро перевернул следующую страницу, и тут на бумагу упала тень. Вольсингам поднял голову. Склонившийся над ним Гроссмейстер повел острым носом и спросил:

— Так. Что тут у нас?

На странице был список, и на сей раз таинственный шифр сменился обычными буквами. Просмотрев записи, Вольсингам разочарованно присвистнул.

— Похоже, это его хозяйственные расходы за месяц.

И правда. В списке значилось «мыло для бани — 5 грошей», и «долг зеленщику — 12 грошей», и «долг фрау Тумберг за квартиру — 10 талеров, вкл. прошлый месяц, подождет», и «за бумагу Крозу, 3 талера 14 грошей, отдать в пятницу».

— Он был не такой уж рассеянный молодой человек, — заметил присоединившийся к Вольсингаму и Гроссмейстеру Харп. — Тщательно вел записи. Это показывает дисциплинированный ум. Вряд ли он был жалким пьяницей, каковым его представляет нам фрау Тумберг...

— Да он вообще не пил! — резво откликнулась стоявшая в дверях хозяйка. — Стала бы я сдавать квартиру и помещение пропойце, будто одного на мою голову мало!

— Значит, его опоили, — сказал Харп. — Возможно, подмешали какое-то зелье...

Но Гроссмейстер, словно не слыша приятеля, вырвал блокнот из рук Вольсингама и ткнул желтым от табака пальцем в одну из нижних строк списка. Запись была очень краткой и, признаться, не слишком понятной: «Г.Б. — 150 талеров». Рядом стояло число, совпадавшее с датой первого убийства. Пролистав страницы назад, Гроссмейстер поднес блокнот к лицу и издал короткое восклицание.

— Что?

На открытом им развороте был такой же список, однако от более ранней даты — видимо, около месяца назад. И там числился таинственный Г.Б., с обозначенной рядом суммой в пятьдесят талеров.

— Этот Г.Б. был очень дорог нашему другу, — заметил Харп, потирая руки словно бы в радостном предвкушении. — Себастиан не спешил платить за квартиру, однако тратил на Г.Б. огромные суммы. Любопытно, откуда у небогатого журналиста...

— Герберт Брюнненштайн, — перебив его, прошипел полицейский. — Бывший пекарь. Он же убитый монах.

Резко развернувшись к хозяйке, сыскарь приказал:

— Идите-ка, любезная, и разбудите вашего мужа. Делайте что хотите, хоть ведро воды на него вылейте, но мне надо, чтобы через пять минут он был в сознании и способен к разговору.

Женщина, колыхаясь телесами и возмущенно бормоча, выплыла за дверь. Полицейский обернулся к спутникам. Глаза его возбужденно блестели.

— Герберт Брюнненштайн разорился после того, как цены на муку в очередной раз взлетели. Оставив семью и продав лавку, он решил вступить в орден — но, видимо, расценивал это не как акт веры, а как деловое мероприятие. Вопрос состоит в следующем: зачем Себастиану Гримму понадобился шпион у соматиков?

Вольсингам молча принял блокнот из рук полицейского и развернул на странице с рисунками. Под изображением уродливого Крестоса, довольно точно копировавшего ту самую икону, что сейчас была спрятана в сумке Гроссмейстера, виднелась надпись. В отличие от других, сделана она была обычными буквами, правда, весьма большими и корявыми, словно писал человек малограмотный. Похоже, это был обрывок религиозного текста, потому что гласил он следующее:

«*...и брать Крестос сей с прахом пакровителя нашиво Святово Сомы и давать сей Крестос князям и баронам и купцам и прочим сильным мира сево для обрасчения их в нашу веру...*»

Гроссмейстер и Харп одновременно уставились на Вольсингама.

— С прахом святого Сомы?

Художник усмехнулся. Как ни странно, эту историю он знал. Впрочем, учитывая кампанию против соматиков, которую огненосцы развернули в последний год его обучения в семинарии, ничего особенно странного в этом не было.

Преосуществление святого Сомы (версия, рассказанная наставником Оззом нерадивому ученику Вольсингаму)

«Глядя на беснования монахов и лицедеев, можно предположить, юный Вольсингам, будто так называемый святой Сома явился к Царь-древу и, слившись с ним плотью и разумом, усмирил подчинявшийся оному Царь-древу незамиренный Лес. Будто бы даже сей праведный человек таким образом спас целый город от нашествия боевых дендроидов, хотя показания и свидетельства относительно того, какой именно это был город, разнятся. Но вот что я тебе скажу, юный Вольсингам, — не стоит развешивать уши и верить во всякую чушь. Известно, что мошенник, называвший себя святым Сомой, бежал от гнева наших огненосных собратьев. Гнев сей был не случаен, ибо Сома стакнулся с Детьми Леса и неоднократно был замечен в сношениях с навками, лозницами, козлоногими и прочей враждебной людям чудью.

В тот год успехи воинов Огненного Духа были особенно велики, и наши братья далеко оттеснили незамиренный Лес. Отряды цензоров проникали на вражескую территорию, и целью их было Царь-древо. Известно, что, погубив Царь-древо, можно лишить деревья их нечестивого разума и извращенной жизни, и превратятся они в самый обычный лес. Цензоры с огнеметами и тяжелыми лава-пушками уже окружили гигантское Царь-древо, когда некто, называвший себя святым Сомой, и его немногочисленные последователи вдруг объявились внутри осадного кольца. Они громко возгласили, что не дадут уничтожить Царь-древо и готовы сами погибнуть с ним, ибо у древа есть

душа, равная душе человеческой, и погубить его — значит погубить брата. Но цензоры лишь посмеялись над ними и погнали прочь. Тогда Сома шагнул вперед, к древу, и плоть его срослась с плотью древесной, — что, однако, не помешало нашим братьям открыть огонь. И спалили они Царь-древо вместе с вросшим в него безумцем, и пепел древесный смешался с пеплом человеческим. Еретики же, следовавшие за Сомой, собрали этот пепел и объявили его своей священной реликвией, хотя никакой чудотворной силы в прогоревших углях, конечно же, не было и нет...»

— ...Пепел, — задумчиво произнес Харп, покосившись на кожаную сумку с иконой, свисавшую с плеча полицейского. — Вернемся в лабораторию, посмотрю я, что там за пепел.

— Это писал не журналист, — одновременно заявил Гроссмейстер. — В остальных записях используются стенографические значки, да и почерк другой.

Вольсингам, пристально глядевший на рисунки, тихо сказал:

— Соматики при вступлении в орден дают обет молчания сроком на три года. Правда, зачем бы шпиону соблюдать обет? Разве что он опасался чужих ушей, и...

Больше художник ничего сказать не успел, потому что дверь грохнула и на пороге возникла хозяйка, волочившая за шиворот мокрого и отплевывающегося мужчину в несвежей рубашке. Нос мужчины, распухший, пористый, с красными точками лопнувших сосудов, явственно указывал на его крепкое пристрастие к алкоголю. По всей видимости, это и был герр Тумберг, законный супруг фрау Тумберг и единственный наемный работник типографии. Завидев Гроссмейстера и его спутников, мужчина несколько секунд моргал слипшимися белесыми ресницами, а затем вдруг бухнулся на колени, молитвенно воздел руки и проныл:

— Казните меня! Режьте меня, вешайте! Я продал господина Себастиана за тридцать грошей, и гореть мне за это в вечном смольном огне!

4. Лозница

На сей раз сон Вольсингама был темен, душен и нелеп. Из глаз лозницы тянулись тонкие зеленые побеги. Вольсингам ладонью пытался вдавить побеги назад, потому что ему нравились глаза лозницы, их нечеловеческая изумрудная глубь, где можно было утонуть с головой...

— Все мы, парень, по сути, вышли из этого мешка, — говорил козлоногий лицедей Смарк и набрасывал на голову Вольсингама вонючий мешок.

Собор на площади корчился в огне, прорастая ножкой и шляпкой гигантского гриба, невозможного, ужасающего взрыва.

Слышались шаги. Эхом носились голоса. Плакал и бормотал в отдалении наборщик Тумберг, пьяно каялся в грехах. По брусчатке звенели подкованные сталью ботинки цензоров. Пахло гарью, гнилью и грозой. Лозница, умирая, распадаясь на сотни стеблей и ветвей, говорила:

— Ничего, Вольсингам. Смерти нет, есть вечное таинство жизни. Дерево превращается в перегной, чтобы дать силу новым росткам.

Но Вольсингам знал, что это вранье. Нет двух одинаковых деревьев, как двух одинаковых людей. Что мертво — то мертво.

— Ты не понимаешь души леса, — вздохнула лозница. — Бедные полулюди, вы застряли между явью и сном, между деревом и человеком, ни туда ни сюда. Надеюсь, мой сын будет другим.

С этими словами она умерла.

И Вольсингам проснулся.

Дико ломило шею. Художник потер затылок и завертел головой. Оказывается, он спал прямо на полу кабинета Гроссмейстера, на черном плаще полицейского. Шею ломило оттого, что под ней лежала стопка папок. Сам Гроссмейстер стоял у окна, за которым занималось бледное утро. Его грачиный профиль в нежно-розовом свете был четок, как профиль полководца перед сражени-

ем. Над полем будущего боя стелился туман — это был дым из трубки. Вольсингам усмехнулся, обнажив желтые, давно не чищенные зубы. Сражения и полководцев он видел только на картинах. И больше всего ему сейчас хотелось не в бой, а в баню. Тюремная подстилка так и кишела вшами. Утешала лишь мысль, что пара-тройка мерзких насекомых наверняка перебралась из складок одежды Вольсингама на плащ Гроссмейстера.

Полицейский обернулся:

— Проснулись? Я только что отправил констебля Вейде к Харпу. Надеюсь, наш эскулап поторопится.

Вчера вечером Харп спустился в лабораторию, прихватив с собой злополучный Крестос, и, кажется, пропадал там всю ночь. Вольсингам сел на плаще, потирая занемевшую поясницу. Полицейский, докурив и выколотив трубку, прошел к столу и расположился на своем стуле. Бессонная ночь на нем никак не сказалась, лишь охотничий азарт в глазах разгорелся ярче.

Вытащив из папки на столе исписанный лист бумаги и взявшись за карандаш, Гроссмейстер заговорил, словно продолжая прерванную на полуслове речь:

— Итак, что мы имеем? Тумберг утверждает, что накануне первого убийства монах якобы заглянул в типографию и Гримм отдал ему некий плоский прямоугольный сверток. Предположительно, нашу икону. Видимо, до этого монах давал Гримму икону, чтобы тот смог ее скопировать. Монах был беспокоен и непрерывно оглядывался через плечо, словно его преследовали. Гримм отправился проводить монаха, а Тумберг, движимый любопытством, пошел за ним. До этого они собирали номер, так что руки у обоих были в типографской краске. Гримм с монахом расстались на перекрестке неподалеку от Соборной площади, и журналист уже свернул назад, к типографии, когда послышался какой-то подозрительный шум, как бы звуки ударов и хрип. Гримм поспешил к источнику этих звуков. Тумберг пошел за ним и увидел в свете фонаря монаха, лежавшего на мостовой. Притаившись за углом, наборщик заметил, как Гримм под-

нимает голову монаха, видимо, проверяя, дышит тот или нет. Отсюда пятно краски.

— А что блокнот? — перебил Вольсингам.

Полицейский недовольно поморщился.

— Стенографистка, работавшая при магистрате, скончалась месяц назад. Чтобы расшифровать записи, придется вызывать специалиста из столицы. А я не хочу, чтобы посторонние совали нос в мои дела. Что знают двое, знает и свинья.

При этом сыскарь так выразительно посмотрел на Вольсингама, что сразу стало ясно, кого именно он считает свиньей. Посверлив художника взглядом несколько секунд, Гроссмейстер ядовито поинтересовался:

— Ну что, позволите мне продолжить?

Вольсингам пожал плечами, и полицейский вернулся к своему протоколу.

— Итак, Гримм проверял состояние монаха, когда некто, облаченный в балахон, вынырнул из переулка слева от спрятавшегося Тумберга, подошел к журналисту сзади и огрел его дубиной по затылку. После того как преступник оглушил журналиста, к нему присоединились другие. Пользуясь тем, что из-за сильного дождя улица была пустынна, злоумышленники беспрепятственно уволокли монаха, оставив Гримма лежать на мостовой. Тумберг уже собирался приблизиться и оказать ему помощь, когда молодой человек пришел в себя и начал подниматься. Тут наборщик поспешил в типографию и прикинулся, что ничего не видел. Исходя из этих показаний, мы можем сделать следующие выводы...

Вольсингам, не слушая, встал и подошел к окну. Внизу, на площади, виднелись подмостки, на которых с таким успехом выступала труппа мейстера Виттера. Вчера, когда троица возвращалась из типографии, они стали невольными зрителями еще более разнузданной постановки. Представление шло при свете факелов, но публики, казалось, только прибавилось. Блестящие в факельном свете глаза десятков и сотен людей не отрывались от сцены. Там раскорячился мейстер Виттер, на сей раз

сам нацепивший платье и парик лозницы. Из-под его широко расставленных ног выныривал юркий юнец, завернутый в белую простыню, с оленьей маской и оленьими рогами. Наверное, сценка должна была вызвать смех, но люди на площади не смеялись — и Вольсингама пробрал озноб. Ему и сейчас сделалось зябко. Художник прикрыл тяжелую створку окна и развернулся к Гроссмейстеру.

— Почему вы не говорите, как все было на самом деле?

Вчера Тумберг, трясущийся от страха и похмелья, рассказал, как всю неделю молодой хозяин был сам не свой и говорил о каком-то исключительном материале, который прогремит на весь Город, да что там — на весь протекторат. О соматиках и темных махинациях огненосцев и о том, что нельзя беспрепятственно душить голос свободной прессы. И как он им всем покажет. А потом, по словам наборщика, начались неприятности. В прошлую пятницу мальчишка Гиккори поймал Тумберга за локоть в дымном полумраке трактира, где тот проводил все свободные вечера, вытащил на улицу через заднюю дверь и привел в какой-то сарай. В сарае человек в страшной белой маске дал ему денег и велел следить за хозяином. Якобы хозяин был совсем не хозяин, а так, мелкая сошка, работавшая на него, человека в маске. Но он нарушил соглашение. «А это очень нехорошо — нарушать соглашения, ведь так?» — спросил человек, вкладывая в онемевшие пальцы наборщика мешочек с деньгами. В мешочке оказалось тридцать талеров (а совсем не грошей, как объявил поначалу Тумберг) — сумма не маленькая и все же не чрезмерно большая. Тумберг получил вдвое больше позавчерашним вечером, когда актеры уводили их жильца и когда мальчик Гиккори передал наборщику новое поручение человека в маске: уничтожить набор последней статьи Себастиана Гримма. Статья должна была появиться в утреннем номере. Тумберг сделал как велено, после чего, чувствуя себя предателем

и последней сволочью, запил и пил беспробудно всю ночь и весь день.

Выплеснув из себя эту запутанную исповедь и тем, видимо, успокоив больную совесть, Тумберг упал на кровать Гримма и немедленно захрапел.

Услышав вопрос Вольсингама, Гроссмейстер состроил кислую гримасу.

— А что нам, собственно, известно? Про какого-то человека в маске, на которого работает Гиккори. Этот человек в маске может состоять в труппе Виттера, а может и нет.

— Но в ночь перед смертью Себастиан пил с актерами, — настойчиво проговорил Вольсингам, подходя к столу. — И утром после убийства монаха он явственно пытался намекнуть нам на актеров.

— Почему не сказал прямо?

— Возможно, его запугали. Огрели дубинкой по голове. Может, Гримм понимал, что на этом они не остановятся...

— Однако погиб он не от удара дубиной, — устало напомнил Гроссмейстер, морща желтый лоб, — а от той дряни в мозгах. Как и констебль Нойман. И, возможно, монах. Их убили не люди, а треклятая икона. Или что-то другое. Помните — монаха вечером накануне убийства видели в обществе лозницы.

Вольсингам с трудом сдержал злой смех. Он нагнулся, упершись кулаками в столешницу, и в упор уставился на полицейского.

— Лозница не выходит из замка, могу вам в этом поклясться. К тому же... как вам ее описал свидетель?

— Стройная черноволосая девушка в зеленом платье.

— Это не она.

— Почему?

— Просто поверьте мне — это не она. Зато Гиккори, как мы помним, не переоделся после представления. Вполне возможно, что именно он в костюме лозницы говорил с соматиком и угрожал ему. Поэтому монах был так напуган, когда пришел в типографию. Видите, все опять упирается в актеров.

Взгляды Гроссмейстера и Вольсингама скрестились, и никто не желал уступить. У художника уже начали слезиться глаза, когда бухнула дверь кабинета и выросший на пороге констебль Вейде громогласно объявил:

— Доктор Харп желает, чтобы вы, герр Гроссмейстер, и вы, господин Вольсингам, немедленно спустились в лабораторию.

В лаборатории скверно пахло. Какими-то химикатами, едкими настолько, что Вольсингама все же прошибло на слезы. И сырым мясом. И почему-то крысами. Крысиная вонь была очень хорошо знакома Вольсингаму — половину дороги от столицы он скрывался по ночам в амбарах, а амбары кишели крысами. В неурожайный год грызуны пытались добыть хоть горстку зерна. Рылись, плодились и дохли там же, а потом выжиги заливали амбары вонючим биоагентом. У Харпа пахло примерно так же. А еще тут было очень светло. В углу рычал и смердел какой-то здоровенный железный ящик с тянущимися от него проволоками, а под потолком горели яркие лампочки. Такие прежде Вольсингам видел лишь в семинарии. Всплыло полузабытое слово — «электричество». Но удивительней всего было то, что стояло под лампами на столе. Поначалу художник принял его за мудреное устройство для пыток. Присмотревшись, понял, что все эти медные трубки, окуляры и колесики вряд ли подходят для вырывания признаний из еретиков. Чем-то это напоминало подзорную трубу или даже диво дивное — телескоп, имевшийся в семинарской обсерватории.

Харп в белой повязке, закрывавшей лицо, и тонких перчатках стоял рядом с прибором. На столе справа от него в эмалированной ванночке лежала распятая на иглах и распотрошенная крыса. Вольсингама затошнило. Харп опустил маску и оглянулся.

— Тут у нас намечается кое-что интересное, — сказал он, улыбаясь уголками губ. — Даже очень интересное, я бы сказал.

— Не тяни, — буркнул Гроссмейстер.

Но, похоже, для медика настал звездный час, и он не собирался упускать ни минуты из этого часа. Харп повел рукой в сторону Крестоса, лежавшего за ванночкой с убиенной крысой на все той же тряпке.

— Поначалу я проверил химический состав краски на предмет ядов. Кроме обычных пигментов, масла, солей металлов, воска, смолы и компонентов древесины мне удалось обнаружить очень сильный и очень необычный алкалоид.

Оба — и художник, и полицейский — молча пялились на ученого. Тот вздохнул.

— Ядовитое вещество растительного происхождения.

На лице Гроссмейстера вспыхнула было торжествующая улыбка, но быстро угасла при следующих словах Харпа.

— Родственное тому, что присутствует в спорынье. Это гриб, поражающий злаковые культуры. Пшеницу и рожь. В больших количествах вызывает судороги, сжатие сосудов и смерть, в меньших — галлюцинации. Однако химический состав вещества совпал не полностью. Тогда я изучил образец краски под микроскопом и обнаружил в ней это.

Медик отступил в сторону, приглашающе махнув рукой. Полицейский заколебался. Вольсингам подошел к хитрому прибору и заглянул в верхнее стеклышко, как показал ему Харп.

Внизу, в ярком световом поле, перекрещивались какие-то черные нити. Их было великое множество. Кажется, больше, чем налипших на них чешуек бурой и серой краски.

— Аскоспоры, — торжествующе произнес Харп, словно это должно было что-то означать.

Потом, заметив непонимающие взгляды Гроссмейстера и Вольсингама, со вздохом добавил:

— Споры гриба. Так обычно они распространяются. Что-то вроде зерна, из которого прорастает мицелий и плодовое тело.

Полицейский тряхнул головой и рявкнул:

— Что все это значит?

— Терпение, друг.

Жестом фокусника медик указал на распятого грызуна.

— Я подумал, что дело, возможно, не только в ядовитых свойствах алкалоида. Меня беспокоило состояние мозга погибших. И интересовал способ заражения. Если бы отрава проникала через легкие, мы все бы уже были заражены. Однако жертвами стали только те, кто прикасался к иконе. Я нанес споры на выбритый участок кожи крысы, и посмотрите, что стало с тканями зверька через час. Вот второй препарат.

Харп сменил стеклышко, лежавшее под трубкой микроскопа. Вольсингам заглянул в маленький глазок прибора — и брезгливо отшатнулся. Сквозь розовато-синее поле, напоминавшее странный ковер и разделенное на повторяющиеся узоры-цилиндры, тянулись все те же черные нити.

— Наибольшая концентрация уже через три часа после заражения наблюдается в мозгу. Феноменальная скорость роста. Просто феноменальная.

Полицейский опасливо приблизился к столу, глядя на трупик крысы так, словно тот сейчас на него набросится.

— И что все это значит?

Харп, пожав плечами, процитировал:

— «Брать Крестос с прахом святого Сомы и давать князьям, и баронам, и сильным мира сего для обращения в нашу веру». Похоже, гриб влияет на мышление инфицированных. И может убивать тех, кто по какой-то причине стал негоден. Точнее сказать не могу, но знаю, кто может.

Гроссмейстер и Вольсингам переглянулись. В Городе был человек, знавший о растениях все. Или, вернее, не совсем человек. Вольсингаму опять стало зябко, как вчера на площади.

— Кроха никого не принимает, — глядя в пол, процедил художник. — Не думаю, что она захочет говорить с вами.

— Вот и узнаем, — отрезал Гроссмейстер.

На Город сыпался снег. Это было тем более нелепо и странно, что еще вчера палило солнце и свирепый блеск чисто вымытой брусчатки торговых кварталов слепил глаза. Сегодня над площадью стояла снежная заметь, и в этой замети двигались черные фигуры. Многоголовым рычащим зверем колыхалась толпа, и когда снегопад на секунду унялся и серо-белый занавес распахнулся, сердце Вольсингама ухнуло вниз. Ему показалось, что на площади жгут девушку — худенькую девушку в зеленом платье и с черными волосами. Уже в следующее мгновение он понял, что добрые горожане собрались поглазеть на аутодафе чучела. На чучеле был тот самый наряд, в котором мальчик Гиккори изображал лозницу. Похоже, постановки мейстера Виттера становились все ближе к жизни.

Обернув бледное лицо к Гроссмейстеру, Вольсингам прокричал, перекрывая рокот толпы:

— Почему магистрат ничего не делает? Неужели они надеются, что, избавившись от герцога и лозницы, простонародье не возьмется за них?

Полицейский лишь покачал головой, глядя туда, где взметнулись рыжие языки огня. Чучело корчилось в пламени, уже ничем не напоминая лесную девушку, а больше смахивая на раскинувшего уродливые лапы паука.

— Герцогу лучше бы поспешить с возвращением, — сказал Харп, щуря близорукие глаза на огонь.

— Или наоборот, — процедил Гроссмейстер.

Резко развернувшись, он поспешил в проулок, ведущий к Замковой Горе. Толпа за спиной возбужденно взревела — чучело вместе с палкой повалилось в костер, и пламя вспыхнуло еще ярче, опалив ближайших зевак.

В снежной пелене замок, венчавший вершину горы, смотрелся хребтом древнего дракона. Стражники у ворот жгли факелы. Заметив приближавшихся от города людей, они скрестили алебарды — жест скорее ритуальный, потому что были у них и ружья. Начальник караула выступил вперед и, приложив руку козырьком к глазам, уставился в метель.

— А, это ты, — прогудел он, узнав Вольсингама. — Давно тебя что-то не видел.

В густой черной бороде стражника путались снежинки и, не тая, ложились на широкие плечи, укрытые кожаным плащом.

— Дела, — буркнул художник. — Я могу войти?

— Ты можешь. Они...

Задрав подбородок, офицер ткнул бородой в сторону Харпа и Гроссмейстера.

— ...они нет. Госпожа не принимает.

Слово «госпожа» далось ему с явным трудом. Стражник был ровесником герцога. Скольких «госпожей» он успел пережить?

Гроссмейстер шагнул вперед, оттеснив Вольсингама.

— Это дело государственной важности. Герцог поручил супруге управлять Городом в его отсутствие, не так ли? Вряд ли управление сводится к тому, чтобы сидеть запершись в замке.

— Госпожа не принимает, — угрюмо повторил стражник. — Но художник может войти. Насчет его имеется особое распоряжение. Остальные...

Офицер красноречиво указал алебардой им за спину, туда, где по склону спускалась заснеженная дорога обратно в город.

Полицейский скрипнул зубами. Кажется, он готов был взорваться. Харп успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Тише, друг. То, что мы хотели узнать, может узнать и Вольсингам, а потом рассказать нам.

Сняв кожаную сумку с Крестосом с плеча полицейского, врач протянул ее Вольсингаму.

— Вот, возьмите. Мы будем ждать вас внизу с ответами.

Стражники расступились, и живописец вступил под высокую арку ворот. Когда он обернулся, снегопад уже скрыл дорогу и фигуры его недавних спутников. Лишь рыжими мутными пятнами сияли факелы и снизу, от Города, доносился приглушенный расстоянием шум.

За прошедшую неделю ее живот стал еще больше. По сравнению с тонкой, как веточка ивы, фигуркой он был непристойно огромен, и Вольсингам, как всегда, смущенно отвел глаза. Ему чудилось что-то неправильное в этом зрелище, что-то запретное и стыдное. Кроме того, ему было стыдно и собственных сальных волос, запаха нечистого тела, вшей. Рядом с лозницей всегда казалось, что входишь в прохладную тень или воды чистого озера, и не хотелось приносить с собой городскую грязь.

Она сидела в кресле, спиной к распахнутому окну, спокойно сложив руки на животе. Темные волосы рассыпались по плечам. Взгляд сиял все той же безмятежной зеленью, хотя ей было, наверное, тяжело. Бледное личико осунулось, заострились скулы, а под глазами появились круги. На инкрустированном перламутром столике перед креслом стоял кубок с вином и круглились на блюде румяные яблоки, но лозница не притронулась ни к яблокам, ни к вину.

Вольсингам оглянулся на незаконченную роспись на стене. Собственная картина его больше не радовала. Цвета казались тусклыми, рисунок — грубым. Или все дело в снегопаде за окном? Он скрадывал краски, съедал последние капли румянца со щек лозницы и делал губы тонкими и бескровными. Губы шевельнулись. Лозница беспокойно поерзала в кресле и спросила:

— Почему ты не приходил, Вольсингам? Я скучала. Мне уже скоро...

Она погладила узкой ладошкой живот.

— У людей это происходит не так быстро, госпожа, — сказал художник, не поднимая головы.

— Я знаю. Деревья кажутся вам медлительными, но они расцветают весной за одну ночь... И все же ты не ответил — почему ты не приходил? Ты сам говорил, что надо написать все быстро. Погляди — мой лес уже засох.

Слабо улыбнувшись, она указала на стену, но Вольсингам не обернулся. Открыв сумку, он сунул туда руку, нащупывая обернутый тряпкой Крестос. Послышался тихий шум. Художник вскинул голову и обнаружил, что лозница, вскочив с кресла, отступила к стене. Ноздри ее

расширились и подрагивали, как будто втягивая запах опасного зверя. Глаза ярко сверкали, а верхняя губа задралась, обнажив в оскале мелкие зубы.

— Что ты мне принес?!

Ответить Вольсингам не успел, потому что его что-то больно ужалило, и сумка соскользнула с плеча. Подняв руку, он с недоумением уставился на распоротый рукав куртки и вспухший красный след от ожога.

— За что, госпожа?

— Я изгнала болезнь из этого дома!

Голос лозницы дрожал, и дрожали губы.

— Я заставила его уйти. Он должен был уйти, пока болезнь в Городе. А ты снова приносишь ее сюда...

— Он? Должен был уйти? О ком вы?

— Он. Мой... муж. Ваш герцог.

Лозница, казалось, чуть успокоилась. Не отрывая взгляда от лежавшей в углу сумки с перебитым ремнем, она обошла кресло и вновь уселась.

— Герцог болен?

Лесная девушка нахмурилась и нетерпеливо вздохнула.

— Лес заключил с его родом союз. Но ваш союз — это подписи и бумаги. Наш союз — это память и жизнь. Не вечно ни дерево, ни человек, все должно обновляться. Союз — это брошенное в землю зерно, дающее колос с новыми зернами, и так раз за разом. Герцог должен был обновить союз. Он должен был взять одну из нас. Но к нему приходил человек в сером по имени «настоятель», пораженный болезнью. Приходил долго, с тех пор как начал строиться этот...

Лозница махнула рукой в сторону окна, за которым снегопад скрывал Город.

— Собор? — спросил Вольсингам.

Кажется, он начинал понимать.

— Да, собор. Но это не дом. Не дворец. Это... живое, но плохое. Оно заражает и убивает. Медленно, как гниет древесина. Одни породы быстрей поддаются гнили, другие могут продержаться долго, но конец один. Это болезнь, прорастающая в деревьях и людях...

— Гриб?

— Может, вы зовете его грибом. Человек в сером приходил и говорил, что больше не надо договора. Что он защитит вас от леса. И он не лгал, потому что там, где болезнь, больше ничего не растет, ни дерево, ни трава. Только вырождается и умирает.

Вольсингам потер горящее плечо. Ужалившей его лозы он даже не видел. Прав был старший цензор Гильдебранд — лесные отродья жестоки и опасны. Правда и то, что люди опасней стократ.

— Поэтому герцог не стал брать жену из Леса? — спросил он вслух. — Поэтому пытался родить наследника с обычной женщиной?

Лозница кивнула — словно птица дернула головой.

— Он верил, что сможет обойти договор. Не хотел, чтобы у Леса и Города были общие дети. Называл это «проклятьем», вслед за человеком в сером. Говорил: «Я сниму проклятье со своего рода».

Девушка звонко и зло рассмеялась.

— Но ничего не получилось, — почти про себя произнес Вольсингам.

— Получилась гниль! — воскликнула лозница. — Получилась болезнь. Она всегда приходит туда, где дряхлеет и гниет дерево и нарушаются договоры.

Художнику послышался внизу, во дворе, какой-то шум. Но для того, чтобы выглянуть в окно, пришлось бы обойти кресло с лозницей — а приближаться к ней не хотелось. Кажется, она все еще сердилась.

— Значит, герцог тоже заражен? И вы боялись, что его болезнь повредит... малышу? Поэтому попросили мужа уехать на время своей беременности?

Лозница усмехнулась, снова обнажив зубы.

— Дитя Леса и Города не боится болезни. Это болезнь боится его. Когда он родится, болезнь исчезнет. Но она заберет с собой все свои... ветви... отростки... тела...

Вольсингаму вспомнился мертвый монах, и всплыли недавние слова Харпа. *«Может убивать тех, кто по какой-то причине стал негоден».*

— Всех зараженных? Все они умрут, когда умрет грибница?

Лозница опять кивнула.

— А если они будут далеко от центра грибницы, то выживут?

Сложив руки на животе, зеленоглазая женщина улыбнулась.

В этот момент в коридоре за дверью раздался топот, и в комнату влетел запыхавшийся молоденький стражник.

— Госпожа! Госпожа, Город взбунтовался! Госпожа, они идут сюда!

Со двора уже явственно доносились вопли и звон оружия. Сухо треснуло несколько выстрелов, но их обрывистый звук быстро затерялся в реве, напоминавшем рев штормового моря. На потолке заплясали красные отблески факелов.

Лозница повернулась к стене, где сплетались зеленые ветви над мягким ковром травы, и спокойно сказала:

— Скажи Городу — я выйду к ним.

Вольсингам и стражник переглянулись, при этом мальчишка неистово замотал головой.

— Нет, Кроха, — выдохнул Вольсингам. — Пожалуйста, нет. Они убьют тебя. Сожгут, как сожгли чучело на площади.

— Я выйду к ним, — повторила лозница и, встав, шагнула к двери.

В окно влетел камень и громко ударился о резную спинку кресла. Градом брызнули щепки. За первым камнем посыпались другие. Вольсингам, пригнувшись, метнулся в угол и подхватил сумку с иконой. Затем, перебежав к окну, прижался к стене и выглянул наружу. Двор, еще недавно белый от снега, почернел. Его запрудила толпа. Мелькали там и прорезиненные плащи выжиг, и их маски с фильтрами. Стражников нигде не было видно, зато мальчик Гиккори, в небесно-голубом камзольчике, выплясывал посреди толпы и размахивал обгоревшим чучелом на шесте.

В зале заседаний было не продохнуть. Пар от дыхания поднимался к потолку волглыми облаками. На деревянных скамьях капельками оседала влага, а окна снаружи залепил снег. В полумраке свисающие с потолка флаги, в том числе самый большой флаг с гербом Города — трехглавым замком, из которого прорастало могучее зеленое дерево, — казались одеждами слетевшихся на шум привидений. Шло экстренное совещание магистрата, посвященное последним волнениям в Городе. Члены магистрата, в скособочившихся париках, измятых камзолах, с красными заспанными глазами и бледными лицами, орали, перебивая друг друга.

— Необходимо вызвать подкрепление из столицы! — кричал глава гильдии торговцев скобяными изделиями Свенсен.

— Собрать ополчение! — дребезжал в ответ полицмейстер Якоб Бирнс, старик восьмидесяти лет от роду, давно переложивший обязанности на плечи подчиненных и целыми днями мирно почивавший в особняке племянницы, фрау Шульц. — Помнится, во времена моей молодости...

— Ах, оставьте вы вашу молодость, — перебил его Рихард Розенблюм, богатый скотовладелец. — Расскажите еще, как голыми руками душили боевых дендроидов. Отправляйтесь лучше обратно под бок вашей племянницы...

— Я попрошу!

— Я требую!

— Надо найти герцога, — тихо и тяжело сказал бургомистр, но все почему-то его услышали.

На мгновение в зале стало тихо, и с улицы донесся глухой шум — словно ветер гудел в верхушках далекого леса.

— Бунтовщики приближаются, — пошептал Свенсен и завертел головой, отыскивая ближайшую дверь.

— Выжиги их задержат, — старый полицмейстер пренебрежительно махнул рукой в сетке вздувшихся вен.

— Говорят, выжиги присоединились к восставшим, — осторожно заметил Арчибальд фон Шуц, потомок древней аристократической фамилии.

— Вздор, вздор, — прокашлял Бирнс. — Цензоры никогда не стакнутся с бунтовщиками. Их задача — блюсти порядок. А есть еще силы полиции...

— И где эти силы?

— И где герцогская стража?

— И где сам герцог?!

Ответа на эти вопросы так никто и не узнал, потому что центральные и боковые двери распахнулись и внутрь хлынула толпа.

Как ни странно, непрошеные гости не стали громить зал, переворачивать скамьи, сдирать знамена и избивать почтенных членов совета. Вместо этого они быстро и организованно поднялись по четырем лестницам на верхний уровень, предназначенный для простонародья, — буде простонародью захотелось бы понаблюдать за совещанием своих вождей. Вошедшие вслед за горожанами выжиги с оружием и в полном боевом облачении редкой цепочкой встали в круговом проходе, отделявшем верхнюю часть зала от нижней. А затем из центральных дверей выступила небольшая, но красочная процессия.

Шагавший впереди человек поднял голову, и тусклый свет потолочных ламп на сотню свечей упал на его бугристое лицо со шрамом давнего ожога. Седые с редкими черными нитями волосы спускались до плеч. Ноздри крупного носа подрагивали, словно ловя запах пота, ожидания и страха, затопивших аудиторию. Бархатная мантия темно-бордового цвета свободными складками облегала его фигуру, а черные глаза горели неистовым огнем. Членам совета понадобилось несколько секунд, чтобы узнать этого человека в таком одеянии, без хромоты и привычного грима. Бургомистр, отличавшийся особой зоркостью, первым вскочил со скамьи и взмахнул руками:

— Смарк? Хромой Смарк?

Человек улыбнулся и чуть склонил голову — то ли в знак приветствия, то ли признавая правоту бургомистра.

— Да и нет. Вы знали меня под этим именем, но позвольте представиться полностью: оберегатель Бальтазар Смарк, личный представитель Его Святейшества архи-

протектора Герца в восточном округе протектората. Вот верительная грамота.

Сняв с пояса глянцевитый кожаный футляр, он извлек свиток желтоватого пергамента с чернильными строками и багровой печатью архипротектора. Никто из членов магистрата не поспешил ознакомиться с документом, и оберегатель продолжил:

— А это мое сопровождение.

Обернувшись, он коротко кивнул на своих спутников.

— Бернард Виттер, старший цензор. Цензор Вингобард. Младший цензор Бартоломео Гиккори.

Актеры — а точней цензоры, неузнаваемые в масках и прорезиненных плащах, — вскинули обтянутые перчатками руки в церемониальном салюте. Среди них не было самого высокого и тощего, известного под кличкой Штырь, однако до поры никто не обратил на это внимания.

Бургомистр плюхнулся обратно на сиденье и отер пот со лба. Вспотел он совсем не от жары, потому что из открытых дверей тянуло промозглым холодом.

Обращаясь не к магистрату, а к безмолвно замершей в верхних рядах толпе, оберегатель Бальтазар, он же хромой лицедей Смарк, провозгласил:

— В течение шести недель я наблюдал за ересью и беззаконием, пустившими глубокие корни в этом Городе. Я видел, как отступники и Дети Леса сеяли заблуждения в умах и смятение в душах, видел, как порядок и закон уступают место беззаконию, самовластию и гнуснейшим порокам. И я пришел к выводу, что ваш Город нуждается в твердой руке и суровом напутствии. Властью, данной мне архипротектором Герцем и официумом Огненосных, я объявляю, что отныне беру управление в свои руки. Все бригады цензоров, силы полиции и ополчение переходят под мое командование. Городской магистрат распускается до дальнейших распоряжений.

Бургомистр и его советники завозились на скамьях, а Арчибальд фон Шуц, потомок знатного рода, даже открыл рот, чтобы возразить, — но оберегатель вскинул руку, и в зале вновь воцарилась тишина.

— Однако прошу вас, не расходитесь. Сейчас здесь состоится открытое заседание трибунала Огненного Духа. Старший цензор Сван, введите обвиняемую.

В дверях показался последний из труппы мейстера Виттера — или делегации оберегателя Смарка — высокий и тощий выжига в черном плаще, черных перчатках с раструбами, черных ботфортах и черной маске с фильтром. Рядом с ним шагала маленькая фигурка с огромным до нелепости животом, в простом светлом платье, с разметавшимися по плечам темными волосами и босая. Узкие белые ступни касались каменного пола осторожно, как невесомые крылья бабочки.

Толпа — вернее, та часть толпы, что не участвовала в штурме замка, — ахнула. Лозница подняла голову и окинула зал и собравшихся в нем людей бестрепетным взглядом сияющих изумрудных глаз.

Эпилог. Новая фреска

У Гроссмейстера было всего два жизненных принципа: не давать спуску и не лезть в политику. Первый принцип относился к нарушителям закона, а второй — к Огненосным. И сейчас сыскарь попал в крайне затруднительное положение, потому что два его принципа вступили в неразрешимый конфликт. Больше всего Гроссмейстеру хотелось запереться в своем кабинете и подождать, пока все кончится. Собственно, желание это появилось больше недели назад, когда арестованный «лицедей Смарк» сунул ему под нос верительную грамоту с печатью архипротектора и велел не рыпаться. И полицейский не рыпался бы, если бы не принцип номер один. Именно этот принцип направил его ноги в зал магистрата и вознес на верхний уровень, где люди стояли плотными рядами. Толпа сдавила руки и ноги Гроссмейстера, но сильней всего давило на череп. Опять, что ли, к перемене погоды? Или просто набившиеся в зал горожане выдышали весь воздух?

Полицейский не знал, где Харп — тот затерялся еще на подступах к Городу, когда дорогу залил черный людской поток. Он не знал и где Вольсингам, но подозревал худшее. Наверняка малеватель попытался защитить свою любезную лозницу, и сейчас либо сидел в казематах под ратушей, либо валялся на замковом дворе с пробитой головой и вороны клевали его смешавшуюся со снегом кровь.

Гроссмейстер потер лоб и снова устремил взгляд на то, что творилось внизу. Внизу судили лозницу — если, конечно, это можно было назвать судом. Лесной женщине не дали даже сесть, несмотря на огромный живот. Она стояла, окруженная цензорами, — и хорошо, что там были цензоры. Потому что иначе из толпы полетели бы камни. Наверняка бунтовщики прятали их в карманах и рукавах. Впрочем, Гроссмейстер не сомневался, что в нужный момент камни будут выпущены. Просто не сейчас, а чуть погодя, когда труппа мейстера Виттера завершит самое грандиозное свое представление.

Лицедей Смарк, очень похорошевший в пурпурной мантии и напрочь забывший про хромоту, говорил умело поставленным голосом:

— ...И далее, на телах убитых были обнаружены следы ожогов и как бы полосования плетьми, что однозначно указывает на орудие убийства — ядовитую лозу!

Он обвиняюще ткнул пальцем в супругу герцога. Та все так же молчала и спокойно смотрела поверх людских голов, сложив руки на животе.

— Есть и свидетели, видевшие, как нечестивая лозница выходила ночами из замка и творила ворожбу на перекрестке, призывая на город Лес! Также нам известно и об исчезновении ее супруга, опрометчивого герцога Грюндебарта. Сначала, опутанный чарами лозницы, он привел лесное отродье в Город, а затем лозница убила его, чтобы править самодержавно, и уничтожила следы преступления. Иначе как объяснить, что герцог внезапно исчез?

Бургомистр на передней скамье откашлялся и трясским голосом проговорил:

— Герцог уехал с отрядом стражи, а до этого выступил перед магистратом и...

— Ложь! Ложь, чары и прелесть! Известно, что создания Леса способны вызывать у людей видения и внушать то, чего не было...

Гроссмейстер вздохнул. Нет, никто не тянул его за язык. Ему бы следовало промолчать. Беда в том, что молчать он не мог. Отпихнув дюжих парней, стоявших впереди (судя по запаху, кожемяк), полицейский протолкался к лестнице, и лишь здесь его задержали цензоры. Отбросив руку в прорезиненной перчатке, преградившую ему путь, Гроссмейстер громко заявил:

— Я утверждаю, что проведенное полицией расследование противоречит тем выводам, что высказал нам почтенный оберегатель.

По чести, сыскарь готов был вырвать собственный язык и скормить его крис-козам. Мало того, что сейчас он нарушал второй свой принцип, так еще делал это ради мерзкой лозницы, чужой лесной девки, которая уж точно никогда не отблагодарит его за добро.

«Нет, — подумал Гроссмейстер. — Я делаю это не ради нее. Я делаю это ради закона. Закон следует соблюдать. Все, в том числе и огненосцы, должны подчиняться закону, иначе жизнь утратит строй и смысл и воцарится хаос».

Вслух же он произнес:

— Наш коронер, дипломированный доктор Харп, провел вскрытие и обнаружил, что у жертв поврежден мозг. Как он выяснил в результате исследования, мозг был поражен некой разновидностью гриба, источником которой...

— Источником которой являются еретики, называющие себя монахами святого Сомы!

Голос прогремел под сводом, потревожив сонный покой знамен и обитавших в куполе ратуши воробьев. Гроссмейстер вздрогнул, и он был не единственным. Все взгляды обратились к самому верху лестницы, ведущей к еще одной, служебной двери. Обычно через нее в зал

спускались уборщики, стиравшие пыль со скамей, протиравшие оконные стекла и следившие за тем, чтобы моль не побила флаги. Сейчас на ступеньках стоял рослый худой человек в разорванной куртке и вздувшихся на коленях штанах. На щеке его виднелась свежая ссадина, а в воздетой руке он держал некий прямоугольный, обернутый тряпкой предмет.

— Я, младший цензор Вольсингам Фойр, провел тринадцать лет в этом Городе, расследуя преступления нечестивых соматиков по личному поручению верховного наставника семинарии, оберегателя Реймса, и Его Святейшества архипротектора Герца.

Гроссмейстер подавился собственным языком и, согнувшись, отчаянно заперхал. Даже слезы выступили на глазах. Между тем художник Вольсингам спустился по ступеням, беспрепятственно прошел мимо цензоров оцепления, миновал онемевших от изумления членов магистрата и приблизился к оберегателю Смарку. Развернув тряпицу и почтительно склонив голову, он вытащил проклятый Крестос и протянул его огненосцу. Только тут полицейский заметил, что на руках Вольсингама кожаные перчатки. На руках Смарка перчаток не было, но он схватил икону жадно, как ребенок хватает протянутый леденец. Гроссмейстер открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение... и захлопнул снова. Первый принцип, схлестнувшийся со вторым, породил в итоге третий, новый и очень своевременный: «Когда чего-то не понимаешь — молчи».

Вольсингаму казалось, что он падает с крыши. Однажды он на спор спрыгнул с крыши хозяйственной пристройки, и только в полете заметил валявшиеся внизу грабли. Грабли щерились редкими острыми зубьями, и как-то сразу стало понятно, что именно на эти грабли он и напорется — и тут время замедлилось. Как бы со стороны мальчишка Вольсингам наблюдал за приближением вымощенного плитами двора. В щелях между плитами пробивались тонкие, чахлые стебельки тра-

вы — самой обычной, и все же семинаристов заставляли ее безжалостно выпалывать, и он даже успел вспомнить, как ползал по этим плитам на коленях, а солнце пекло затылок... Он видел серые катышки глины на зубьях грабель и широко распахнутые глаза приятелей, их раскрытые в крике рты... только звука не слышал. Звук вернулся, когда он боком, неловко извернувшись в полете, рухнул на камни и покатился. Звук вернулся вместе с треском кости, острой болью и толчком, от которого содрогнулись все внутренности. Звук нахлынул волной: крики друзей, крики наставника, звон далеких колоколов, перепалка торговцев на площади за стеной, рев осла...

На грабли он так и не напоролся, зато повредил запястье и сломал ребро. Вольсингам не вспоминал этот случай почти двадцать лет. Теперь время повернулось вспять. Все было точно так же. Он видел происходящее до мельчайших деталей. Старческие пигментные пятна на запястьях оберегателя Смарка, схватившего икону. Сальное пятно на его пурпурной рясе. Складки ткани — видно, ряса долго лежала в сундуке, прежде чем ее вытащили и надели. Уродливое рыло маски высокого и тощего цензора. Резьбу на центральных дверях зала, куда его вынесла толпа. Раскисший снег на площади. Помост и столб, и вязанки хвороста, сложенные кучей вокруг столба. Серую высокую стену монастыря. Бочки с керосином. Рыжие пятна факелов и багряное мечущееся пятно — опять этот оберегатель Смарк, в первом ряду толпы, с воздетой над головой иконой. Его седые волосы развевал ветер. Его рот был широко распахнут — видимо, он что-то кричал, то ли обличая, то ли проклиная. Но звука не было. Зато был свет. Свет огня. Выжиги наваливали под стены хворост, поливали из бочек и швыряли туда факелы. Однако пламя никак не разгоралось, словно ему попалась сырая, негодная древесина, трухлявая и источенная грибом. Тогда в ход пошли пламеметы. Ветер, развевающий волосы беззвучно кричащего оберегателя, выдувал из костра угольки и швырял обратно,

в волнующуюся у стен толпу. Один уголек обжег щеку Вольсингама. Он вскинул ладонь к щеке и обернулся. Высокий и тощий выжига стоял на помосте, спиной к столбу, а у столба...

Звука по-прежнему не было, но Вольсингам, расталкивая людей плечами и локтями, начал пробиваться к помосту. Ему казалось, что он движется против течения могучей реки, бредет сквозь прозрачную вязкую стену, состоящую, как из кирпичиков, из потерянных мгновений. Доски помоста... Зубья грабель с налипшими комками глины... Тогда, двадцать лет назад, он мог только извернуться в полете. Теперь он сам отчаянно пробивался туда, где его ждала смерть. У смерти было бледное треугольное личико, огромный живот под помятым, изорванным платьем и невероятно зеленые, как Лес и как море, глаза. Какие-то люди в прорезиненных плащах прикручивали ее веревками к столбу, и Вольсингам с удивлением понял, что сейчас вцепится в этих людей и будет рвать их зубами, пока не почувствует вкус крови во рту.

Вольсингам спешил, как не спешил никогда и никуда в жизни, но ветер оказался быстрее. Словно шаловливый ребенок, он швырнул пригоршню искр на кучу хвороста под ногами девушки. И этот хворост, в отличие от того, у стены, занялся мгновенно. Одним прыжком Вольсингам взлетел на помост и сразу врезал кулаком по маске высокого и тощего. Он почувствовал, как стекло линзы, разбившись, вошло ему в руку, но ни боли, ни звука не было. Еще не время, понял он, расшвыривая людей в прорезиненных плащах, и других, оскалившихся, лезущих и лезущих на помост, — и вдруг их поток иссяк, а в спину ударило неистовым жаром. Вольсингам крутанулся на месте и невольно прикрыл лицо, потому что костер у столба разом вспыхнул. «Не спасти», — подумал Вольсингам, но кого не спасти, ее или себя, подумать не успел, потому что уже бросился вперед и принялся руками расшвыривать горящие вязанки. И тогда звук вернулся. Звук вернулся с треском огня, шипением кожи перча-

ток и собственной лопающейся кожи, согласным воплем сотен и сотен людей — но Вольсингаму было уже все равно, потому что он все-таки успел, все-таки пробился к столбу и начал рвать веревки.

«Не надо, — сказала у него в голове зеленоглазая смерть. — Не надо, Вольсингам, так должно быть. Зерно должно упасть в землю и покрыться землей, чтобы проросла новая жизнь...»

Он, не слушая, дергал и дергал веревки, не понимая, как еще видит, потому что уже сгорели ресницы и брови и давно должно было выгореть все остальное. Легкие пожирал огонь, совсем не было воздуха... И когда Вольсингам почувствовал, что больше не может, что сейчас упадет, над площадью пролетел новый звук. Хриплый, мучительный крик роженицы. Это закричала лозница.

Гроссмейстер был человеком ума острого, но приземленного, или, скорее, практического. Проще говоря, он верил только собственным глазам. Именно поэтому, запершись вечером этого невероятно долгого дня в кабинете, полицейский заливал глаза вином. А точнее, отвратного качества свекольным самогоном, реквизированным у обывателя Гюнтера Квинке заодно с хитрым алхимическим аппаратом. Гроссмейстеру очень хотелось убедить себя, что он не видел того, что видел. Мешал назойливый запах гари. Запахом гари пропитался кабинет, сюртук, кожа и волосы самого сыскаря, и даже свекольный самогон разил гарью...

Гроссмейстеру хотелось верить, что он не видел, как Вольсингам, пробившись сквозь людское море, вскочил на помост, сбросил с него выжига и кинулся прямо в огонь.

Ему хотелось верить, что он не видел, как пламя охватывает стопы, ноги, живот лозницы, ее лицо и волосы.

Он многое бы дал за то, чтобы ее крик оказался кошмарным сном.

Но больше всего Гроссмейстер желал убедить себя в том, что не было случившегося дальше.

Из огня не вырвался недовольный рев новорожденного младенца.

Брюхатые тучи, нависшие над площадью, не разродились ливнем.

С первым криком ребенка стены монастыря и собора не вспыхнули как спички, не вырос над ними чудовищный, невозможный огненный гриб с тонкой ножкой и уходящей в тучи приплюснутой головкой.

А ливень, затушивший пламя аутодафе, не подпитывал этот огонь.

И шедший во главе толпы оберегатель Смарк вдруг не упал, не забился в судорогах, уронив под ноги идущих за ним проклятый Крестос, не вытянулся и не затих, бездыханный, как камень.

И люди не бросились врассыпную, вопя от ужаса, падая и топча друг друга.

И сам он, Гроссмейстер, распихивая бегущих, не ринулся к обгоревшему, черному, как головешка, помосту.

И он не увидел стоявшего там на коленях Вольсингама, с опаленными волосами, страшным распухшим лицом и руками в кровавой коросте.

В одной руке Вольсингам не держал орущего и совершенно невредимого младенца, чистого, словно только что из купели, — а другой не пытался вдавить назад зеленые побеги, тянувшиеся из глаз лозницы, из губ, из всего ее тела... Но побеги росли, пока не окружили обожженного человека и ребенка в его руках защитной стеной, тонкой, однако непроницаемой.

На этом месте размышлений Гроссмейтер с усмешкой дотронулся до щеки, пересеченной тонкой воспаленной полоской. Он сам попытался пройти сквозь зеленую стену — и отведал яда лозницы. Девка все же отвесила ему пощечину, пускай и после смерти.

И только в одно Гроссмейстеру хотелось верить — в то, что, когда площадь почти опустела, и пламя над собором улеглось, и над Городом вместо потоков ливня вновь воцарились хмурые снеговые тучи, по брусчатке

зацокали конские копыта. Это вернулся герцог с отрядом стражи.

Немногие оставшиеся люди бежали от своего повелителя, как бежали от догорающего монастыря и от трупа оберегателя, все так же валявшегося в луже.

При свете факелов Грюндебарт соскочил с коня и подошел к развалинам помоста. Ядовитые побеги послушно расступились перед ним. Сквозь открывшийся проем инспектор увидел, как герцог протягивает руки к сыну, не глядя на маленькую зеленую рощицу — все, что осталось от его жены. Жуткое обгоревшее лицо Вольсингама развернулось к хозяину Города, губы раздвинулись, и свистящий голос произнес:

— Будь ты проклят. Это ты убил ее. Ты и твое отродье.

На секунду полицейский подумал, что тут Вольсингаму и конец — однако это был не конец, а, напротив, спасение, потому что с одной из лошадей соскочил лекарь Харп. Отчего-то он был в герцогском отряде. Видимо, он и привел герцога, подумалось Гроссмейстеру, но это была лишняя и ненужная мысль. Харп, шлепая по лужам, быстро прошел туда, где Вольсингам мягко упал ничком в уголья. Присев рядом с ним на корточки, врач деловито нащупал пульс, перевернул художника лицом кверху и так же деловито осмотрел ожоги.

— Ну? — спросил герцог Грюндебарт.

Он успел подхватить орущего младенца и прижимал его теперь к своей широкой кожаной перевязи.

— Жить будет, — ответил Харп.

И это было лучшее, что услышал Гроссмейстер за этот долгий, неимоверно долгий и трудный день.

Подняв стакан, полицейский отсалютовал своему отражению в стеклянной горке с трубками, прищурился и хрипло сказал:

— Чин-чин.

Отражение отсалютовало в ответ и опрокинуло в себя стакан первача так, словно это была чистейшая колодезная водица.

Миновала зима. Наступила весна: заворковала ручьями, защелкала налетевшими на Город птицами, защекотала солнечным теплом. Рощица посреди площади разрослась и покрылась новой нежной листвой, совершенно утратившей ядовитые свойства. Герцогская нянька водила сюда на прогулки наследника. Малыш рос так же быстро, как и деревца, пробившие камень, и уже делал первые нетвердые шаги. Ночами в роще пели соловьи. Горожане обходили ее стороной.

От собора осталась одна стена, всю зиму проторчавшая посреди Города гнилым черным зубом. Весной развалины омыло дождями, и из-под гари выступила старая фреска. Увидев ее, Вольсингам взялся за мастерок. Раны художника заросли, затянулись гладкой розовой кожей. Даже волосы уже начали отрастать — но не все раны остаются на теле. Вольсингам чувствовал, что должен это сделать.

Для начала он сбил старый слой штукатурки, зачистил стену и обмыл ее водой. Гнусная серая прель, узловатые корни, наросты и наплывы скорчившегося в смертной муке дерева исчезли без следа. Потрескавшиеся кирпичи мастер отбил и тщательно затер щербины раствором.

Затем наступил черед новой штукатурки. Вольсингам нанес три ее слоя, работая медленно и упорно. И наконец, на рассвете теплого, почти летнего дня художник растер по стене последний слой мелкозернистого песка, смешанного с водой и известкой. Затем он взялся за кисти. Правая рука слушалась еще плохо, а надо было спешить, пока сырая известь не высохла. Живописцы ордена использовали картон для нанесения контурных линий, однако образ, горевший в мозгу Вольсингама, ложился на стену без всяких предварительных контуров. Вскоре на чуть желтоватом грунте проступил овал лица, нежный коралл губ, мягкие волны темных волос... последними проглянули глаза. Широко распахнутые, зеленые, как Лес и как море, они смотрели на Город с любопытством и пониманием.

Солнечные лучи налились багрянцем, когда Вольсингам, отступив, оглядел свою работу. Он не сказал: «Весьма хорошо», но, возможно, подумал. Роща за его спиной шелестела молодой листвой, и в конечном счете все и вправду было неплохо.

ДМИТРИЙ ЛУКИН

ПОСЛЕДНИЕ АНГЕЛЫ У ЧЕРТОВОЙ ОБИТЕЛИ

Работаем тихо. Пришли и ушли, а потом — фейерверк. Мы займемся объектом, Чертяка — «цветами». И, ребята, умоляю, никаких подвигов!

Какие мудрые были слова! Как сладко они звучали! Просто песня! Помню, аж прибалдел, пока слушал это напутствие перед высадкой. Не зря же у полковника весь кабинет книгами уставлен. Он и говорит как по писаному — гладенько, умно, красиво. И, главное, искренне, от души. Никаких матюков, никакой грязи. Грамотная литературная речь интеллигентного профессора-лингвиста.

Тихо не получилось.

Звуковая пульсирующая ракета (сигнал возвращения) прошила на мутном чужом небе зеленую дугу в направлении катера и погасла. Истошный, пронзительный визг наконец-то оборвался.

Теперь в радиусе трех километров каждая тварь знает о нашем присутствии.

Правила игры изменились.

Замаскировались, называется! Ха, кто-то уже гранаты взрывает! Не рановато ли? Вот и первые потери. Началась веселуха. Сейчас побегаем!

Полковник нарушил собственный приказ, а заодно и основной принцип диверсионной работы. Самое смеш-

ное, что никакой нужды в этом не было. Объект уничтожен. Задание выполнено. Команда уходить уже прозвучала в ухе каждого бойца. Флорауна мирно спит. Разноцветные полосатые веточки-змеи безобидно обвивают берцы. В условной точке десантный катер сбросил несколько тонн маскирующего грунта и дожидается возвращения группы... Блестяще выполненная операция. Все как на показательных учениях. Осталось только вернуться...

В этот момент курсанты окончательно спятили.

Датчики фиксировали учащенный пульс и повышенное давление у всех новичков. Движения неуверенные, порывистые. Эмоциональный фон: страх, перерастающий в ужас. Ориентация в пространстве затруднена. В таком состоянии солдаты не способны воспринимать речь. Слышат — и не понимают. Полковник видел те же показатели на командирском экране (у меня на руке был дубликат) и справедливо решил, что ракета приведет наших неженок в чувство. Достал платочек и утер деткам сопли. Позаботился о дебилятках! Сунул голову в осиное гнездо, аккуратненько в нем похозяйничал, пока осы спят, а потом взял и громко крикнул: «Банза-а-а-й!!!» Веселый дядька!

«Глупость собственных бойцов непобедима», — это он верно сказал. И все-таки решил попробовать. Я очень сомневался, что ракета вправит мозги нашим трусишкам. Но шансы выжить она увеличивала. Процентов на десять-двадцать.

Непонятно только, к чему такая благотворительность? Генералы далеко — все равно не увидят, а нам лишний геморрой. Сдохли бы себе потихоньку — и ладно! Кто не успел — тот уже мертв, кто опоздал — тот сам дурак. Зачем нарушать золотое правило и подставлять под удар всю группу?

То есть... не всю, конечно. Диверсанты уже возле катера. Считай, добрались. А здесь, в дебрях, подзадержались только мы с полковником и наши юные дарования. При таком раскладе полковник рисковал только собой.

Умный, зараза. Все рассчитал, не придерешься. Даже упрекнуть не в чем! Откуда у него такие мозги?

А вот и клоуны! На командира облизываются. Выросли из-под флорауны в аккурат перед полковником. Церберги. Зубы-лезвия, когти заточены с обеих сторон, гипнотический взгляд, выстрелов не боятся, ударом лапы могут выдрать человеку сердце. Красавцы! Давненько не виделись.

Я распластался в воздухе, как морская звезда на дне океана. Падать — всего-то три метра, а сколько мыслей успевает промелькнуть в голове! Сказалось общение с полковником, не иначе. Раньше я так шустро не соображал.

Хороший у меня все-таки командир. И вот такого человека хотят банально загрызть! Да еще сразу в три глотки!

Брр! Кто же теперь меня уму-разуму учить будет? Что же я — так и останусь дебилом на всю жизнь? Бревном безмозглым. Дубиной генеральской. Несуразица какая-то. Наверное, просто недоразумение. Ладно, попробую выяснить, что к чему, и все уладить.

Полковник не успевал выстрелить (правая рука все еще сжимает пустую ракетницу, глаза рассеянно блуждают по небу). Полковник притормаживал. Его немного зацепило осколками и ударной волной. Броник наверняка выдержал, но от контузии он не спасает. Гранату взорвали наши — с перепугу. Молодое пополнение набиралось опыта и попутно самоустранялось, прихватив с собой и врагов, и товарищей. Чему их в школе учили?

Полковник не успевал выстрелить...

А я бы успел. Но только один раз. Дерьмовую дали пушку. Возвратный механизм сожрет десятую долю секунды — и прощайте, мой командир. Оставшиеся две твари в одно мгновенье разорвут его на части. Шустрые звери.

Был бы у меня штурмовой «Пульсар» — другое дело. Так бы и снял всех, не слезая с дерева. Но грамотная пушка громко стреляет, а диверсантам, видите ли, нуж-

на тишина. Ракетница не в счет, это на крайний случай. Такая вот генеральская логика. И попробуй ослушаться!

Я не хотел переводить заряды впустую. Даже не стал вынимать оружие.

Упал на спину самого здорового мутанта и оторвал ему голову. Фонтан крови ударил полковнику в лицо. Упс! Ошибочка вышла! Обе твари повернули ко мне свои клыкастые пасти и тут же присели на задние лапы. Да, да, да! А вы думали, здесь одни тормознутые курсанты заблукали? Сюрприз! Для этой заварушки я хорошо принарядился! Было отчего оросить почву! Оторванная голова собрата в лапах хохочущей нечисти — к такому их не готовили.

Грохот дуплетного выстрела — и они валятся на землю. Ветви флорауны тут же оплетают безжизненные тела. Молодец полковник, не растерялся! Кровавый душ привел его в чувство. Он опустил «Пульсар»(!), попробовал вытереть кровь с лица и начал медленно оседать.

Вот гад! Полчаса умолял его дать мне нормальный ствол. Хотя бы добротный армейский «Шквал». Полчаса он валял дурака, ссылаясь на устав. И на тебе! — сам вооружился моей любимой пушкой!

Две твари промелькнули на верхних ветвях, еще парочка вынырнула снизу. После десятка я перестал считать. Вся стая в гости пожаловала! Какой-то комок шерсти уже растянулся в грациозном прыжке. Метит полковнику в горло. Не так быстро, малыш. Попробуй вот это! Столкновение с оторванной головой несколько изменило траекторию полета и скомкало весь прыжок.

Я метнулся к полковнику, забрал ствол и через несколько секунд выбросил его уже разряженным.

Двадцать восемь выстрелов — двадцать восемь убитых мутантов. Под расчет! Еще троих пришил по-тихому из табельного «Укуса». Вроде больше никого не видно. Вот и разобрались. Теперь уходим. Я осторожно положил полковника себе на плечо и побежал к точке сбора по трупам врагов и пульсирующим красным веткам.

У меня было восемь гранат. Игры в невидимку закончились выстрелом из ракетницы, так почему бы и нет? Все равно с полковником на плече особо не спрячешься. Можно и пошуметь. Обожаю это дело! Я срывал чеку за чекой и бросал гранаты через каждые двадцать метров. Отличный способ прикрыть тылы и поддерживать нужный темп. Алые отсветы впереди и взрывной лесоповал за спиной заставляли выкладываться на полную. Парни в катере должны услышать, что мы идем. А то еще не дождутся и улетят с перепугу. Такое тоже бывало. Добирался потом на попутках, людей пугал. Нехорошо получалось.

Дождались. Узнали мою «походку».

Перед открытым люком выросла целая гора убитых мутантов. Увидев нас, диверсанты опустили стволы и посторонились. Потом задраили люк.

Мы потеряли половину группы — никто из курсантов до катера не дошел. Ракета их не спасла. Я глянул на экран: у троих еще бьется сердце. Лежат где-то без движения. Живые трупы. Флорауна их не трогает — только оплетает ветвями-змеями: ждет, когда парни умрут и можно будет прорасти сквозь тела.

Нет, флорауна их не убьет. Это сделаю я. Через полминуты после взлета.

Полковник отбивался от курсантов до последнего. Я слышал, как он просил генерала оставить «идиотскую затею». И так изгалялся, и эдак. И сверху крыл, и снизу подкатывал. Одно предложение вытекало из другого. Красивая получилась речь, умная, логичная. При этом без соплей. Даже я не раз бы подумал, прежде чем «тыкать» генералу. Но полковнику сошло. Он все рассказал: и про слаженную работу группы, и про меня (*я с Чертякой-то не сразу разобрался — только-только что-то начало вырисовываться, а ты мне детей суешь!*), и что курсанты *погибнут за просто так*.

— Оставьте хотя бы парочку, — ответил генерал, — и потери будут считаться приемлемыми. Вы не забыли, что у «Чертей» такой же процент выживаемости? А это

наш самый успешный проект! И, кажется, вы им довольны. Или нет?

— Чертяка великолепен, — признал полковник. — Но это еще не повод...

— Это повод, — оборвал генерал. — И очень хороший повод! Командование полагает, что опыт, приобретенный курсантами непосредственно в условиях боевых действий, вещь незаменимая и необходимая. Пусть посмотрят, как вы работаете. Крещение огнем — великая сила, полковник, и не нужно спорить: вы все равно ничего не измените. Выполняйте приказ.

— Генерал! Сам подумай! Диверсионная группа — не почетный караул! Курсанты ничего не увидят! Их жизни будут на твоей совести.

— Выполняйте приказ!!!

На этом разговор закончился.

Приказ мы выполнили. В чем-то генерал оказался прав: крещение огнем — великая сила. Жаль, что курсанты оказались к ней не готовы.

Двое решили поиграть в героев и воспользовались гранатами. Подорвали себя, четверых товарищей и, возможно, мутантов. Зря они психанули. Полковника надо слушать. Он не просто так воздух языком пинает. Просил: не надо подвигов, значит, не надо. Остальные даже почудить не успели. У одного при виде церберга остановилось сердце. Трое просто стормозили. Я так и не понял, что произошло: обычный выстрел из их долбаного «Укуса» убивал тварей наповал. Оружие у курсантов было в порядке (лично проверил перед вылетом). Но никто из них даже не попытался выстрелить. Что это: отсутствие должной подготовки или пресловутый гипнотический эффект? Или, может быть, их смутила окружающая природа (стволы деревьев пульсируют на манер кольчатых червей, а ветви ползают по ботинкам и оплетают щиколотки)? Да нет, вряд ли... Вот если бы флорауна проснулась, я бы еще понял. В конце концов, а как же практическая география планет потенциального противника? Прошли, но мимо?

Мы ждали их до последнего. Тех, кто еще мог вернуться. Без толку.

Через двадцать секунд после взлета под нами распустились все десять «роз», аккуратно посаженных мною, — и территория в радиусе одного километра превратилась в ровную выжженную площадку.

Пройдет неделя — флорауна возродится, затянет рану и ничто не напомнит о нашем визите.

Оригинальный способ заметать следы только затруднял отход группы, пользы от него не было, но штабные генералы обожали всякие пиротехнические штучки. В детстве не наигрались. «Чем громче бабахнет, тем лучше, — говорили они. — Вы уж там постарайтесь, чтобы красочно получилось. Чтобы надолго запомнили».

Бабахнуло громко. Красочно получилось или нет — не знаю, не видел. Когда волна накрыла катер, нас хорошо тряхнуло. Я уже думал, все — не дотянем до базы. Но нет — кое-как добрались. Чудо, не иначе.

* * *

Я вывалился из люка в подсвеченную прожекторами ночь, упал на темные бетонные плиты и стал загибаться от хохота. *Половина группы — на барбекю! Неплохо погуляли! Славный пикничок!*

Полковник свалился прямо на меня и попытался что-то сказать. Но я услышал только хрипы. Это его явно не устроило. Он тряхнул головой, сконцентрировался, положил руку мне на плечо и очень четко произнес: «Тебе нужен отпуск, Чертяка. Тебе нужен отпуск».

Полковник ошибался. Мне нужен был душ! И ему, кстати, тоже! Вся морда кровью измазана! Но ответить я не успел: полковник отключился с чувством выполненного долга.

Отпуск!

Я даже не обиделся. С таким же успехом он мог бы назвать меня любимой женой или принять за розового сло-

ника. Мужик явно бредил и собирался отбросить копыта у меня на руках.

Я встал, посмотрел на бегущих медиков, и меня снова разобрал хохот. *Половина группы — на барбекю! На собственных углях! Здорово попрактиковали!*

* * *

Мы вернулись в среду ночью.

Следующие два дня я разминался в пустом спортзале.

В субботу утром дверь в зал медленно приоткрылась и полковник Мокрицкий испуганно сообщил:

— Вас там это... командир ваш вызывает! Пойдете? Что ему передать?

— Уже иду.

Дверь тут же захлопнулась.

После двухлетней стажировки на Хроносе-2 меня все боятся. Четырехкратная гравитация — штука серьезная. Генерал был прав, когда говорил про два процента выживаемости у «Чертей». Все верно. Ломаются кости, лопаются сосуды, рвутся мышцы... Инсульты и сердечные приступы следуют один за другим. Несмотря на внешние скелеты, специальные тренировки и питание. Но если ты выжил, то даже старшие по званию предпочитают общаться с тобой опосредованно. Генералы — через полковников, полковники — через приоткрытую дверь. Боятся, суки. Все, кроме моего командира.

Пора идти. Все равно эти тренажеры никуда не годятся. Стоит чуть поднажать — и металл конструкций не выдерживает: сгибается.

Интересно, зачем я нужен полковнику. Ладно, поглядим. Здесь не далеко.

Коридор словно вымер. Метров сорок до перехода в соседний корпус я прошел в полном одиночестве. Люди попрятались, двери закрыли и сидят как мыши, даже пикнуть боятся. Грустно мне стало. Ладно клерки, думаю, но бойцы-то чего прячутся? Я же не на вражеской стороне воюю! Н-да... Говорят, прошлый чертяка любил народ пу-

гать. Каждый день шорохи наводил. А меня, наверное, по инерции боятся. Я ведь стараюсь не чудить. Ну... разве что с гранатами иногда побалуюсь — и все! Так и то на улице. В здании только один раз пошутил. Продуктовый склад подорвал. Сколько можно тухлятину морозить? Зато с тех пор у нас все продукты свежие. Кстати, обошлось без жертв. Так почему же меня боятся? Надо будет у полковника спросить...

На третьем лестничном пролете я попал в засаду.

Дорогу перегородили железное ведро с грязной водой и техничка Марья Андреевна в очень интересной позе. Миновать этот блокпост без физического контакта не представлялось возможным.

Наверное, аппарат сломался и бедняжке пришлось драить ступеньки старым дедовским способом: тряпку в руки — жопу кверху. То ли ее не предупредили, то ли она не услышала, то ли понадеялась, что я поеду на лифте... Короче, спрятаться старушка не успела.

Увидела меня, дернулась, охнула, но так и не выпрямилась. Положила тряпку в ведро, смотрит на меня своей толстой жопой в линялом сиреневом халате и стонет. Раскорячило аккурат на середине пролета. Восемьдесят килограмм статичного живого веса. *И что мне с ней делать?*

— Радикулит, Марья Андреевна?

— Етить!

— Что, совсем туго? Вообще-то я бы хотел пройти...

Она кое-как выпрямилась, вжалась в стену и коснулась виска прямой ладонью.

— Отнести вас к врачу?

— Нет! Уже отпустило. Проходи, нечистый!

— Как знаете.

Я перепрыгнул через ведро, прежде чем она про него вспомнила и попыталась убрать с дороги.

Осталось четыре лестничных пролета и еще метров тридцать до кабинета полковника.

Вначале мы не очень-то ладили. Я решил над ним пошутить. Как и над остальными. Не любил я полковников. Особенно штабных. Сначала несут всякую чушь, а по-

том, когда им достойно ответишь, начинают показывать свою крутость и вопрошать что-то вроде: *Кто это сказал? Шаг вперед!* Шагаю. Упс! Куда вся крутость девается? Сразу о женах вспоминают, о детишках и скромненькие такие становятся, тихенькие.

А с полковником обломчик вышел. Он киборга из себя не строил. И вообще не выпендривался. Вытащил всех на плац, прочел лекцию о поведении в нестандартных ситуациях и... все. *Вопросы есть?* — спрашивает. — *Если нет — свободны.*

Скучно мне как-то стало. Вышел я вперед и говорю:

— Есть вопросик, товарищ полковник. Если я правильно понял, то настоящий боец должен быть готов к любой ситуации. Это верно?

До сих пор помню его улыбку. Добрую, снисходительную, как будто он уже знал, что произойдет дальше.

— Нет. Вы поняли неправильно. Я хотел сказать, что ни одна ситуация не должна отвлекать бойца от выполнения задания, сбивать ход его мыслей.

— Понятно... А что вы сделаете сейчас? — Я вынимаю гранату и выдергиваю чеку.

— Ничего, — отвечает полковник. — Глупость собственных бойцов непобедима...

Гранату я зашвырнул далеко. Она перелетела забор нашей базы и взорвалась среди деревьев.

Полковник дождался взрыва и продолжил:

— ...Но есть вещи и пострашнее. Подумайте об этом на досуге. И о том, что под этими дубами любят играть генеральские дети.

Шутка не удалась. Я даже покинул базу, чтобы осмотреть место взрыва. Останков детей не обнаружил. Следов крови — тоже. Никого там не было, когда рвануло. «А ты молодец, — подумал я, — высоко метишь! Прибыл к нам два дня назад и уже разнюхал, где любят играть генеральские дети! Что же *я* этого не знал?»

Выговора не последовало.

«Погоди, — злился я, — дай посмотреть на тебя в деле, умник. Видали мы штабных крыс. Ты не первый».

Как назло, следующие задания напоминали увеселительную прогулку. Полковник даже из катера не вылезал. Ограничивался распоряжениями. Да и меня придерживал. Все заканчивалось так быстро, что мое вмешательство не требовалось. Скука смертная. Зато без потерь. Был бы на его месте другой командир, я бы давно уже отвел душеньку, а не отсиживался в катере, как последний трус.

И вот случилось! Наконец-то! Серьезная выпала заварушка! Всем побегать пришлось. Мы даже подмогу запросили. Ничего удивительного полковник не показал. Физика средняя, огневая — на четверочку. Но в общем-то неплохо. Другие и этого не могли.

И опять-таки обошлось без потерь. Подмога не понадобилась. Да ее и не прислали.

Потом я заметил, что полковник все время держится поближе ко мне. Ну это понятно, думаю, жить хочет, удивляться нечему: охрана командира входила в мою боевую задачу каким-то там пунктом.

Удивился позже. Когда понял, что и сам стараюсь держаться поближе к полковнику, и вовсе не для того, чтобы сохранить ему жизнь. А вот это уже было странно. Пришлось признать, что полковник выбирает позиции лучше меня. И быстрее. Это при моей-то физике! Потом выяснилось, что интуиция у него тоже получше моей будет. Он умел выжидать. Чувствовал, когда надо затаиться, а когда — бежать со всех ног и стрелять из всех стволов.

Один раз брали караван. Предполагаемый груз — наркота. Залегли в кронах, ждем. Через десять минут появляются «клиенты». Идут гуськом, осторожничают, молчат. Я выбрал цель и приготовился «встретить». Нет команды. Нурки подгребают все ближе и останавливаются прямо под нами. Нет команды. Нурки собираются в одну группу и устраивают привал. Нет команды. Через двадцать минут к ним присоединяется еще одна группа. Караван увеличился вдвое. Нет команды. Привал закончился. Нурки собрались и двинулись в путь. Нет команды. Меня затрясло. Десять раз я готов был забросать их

гранатами и расстрелять. Трижды полковник опускал свою руку мне на плечо.

Далеко они не ушли. Внизу началась стрельба. Нурки что-то не поделили между собой и начали расстреливать друг друга. Когда стрельба закончилась, все нурки лежали на земле. Полковник перезарядил оба «Укуса», укоризненно посмотрел на меня, покачал головой и махнул рукой вниз. Мы спустились, уничтожили груз (чистейший порошок) и вернулись на базу.

Это был мой первый прокол. Я просто не услышал приказа. Отвлекся и на какой-то миг перестал контролировать ситуацию. Мы все отвлеклись. Кроме полковника. Он выбрал момент и разрядил оба ствола. Первый выстрел был тоже за ним. Это я понял ночью.

Он не воевал — показывал фокусы, разыгрывал партии. Этакий гроссмейстер войны. Иногда мы с ним оставались в катере и травили байки с пилотами, разбавляясь ядреным самогоном, пока ребята выполняли задание. Правда, перед этим он полчаса каждому объяснял, что надо делать. А бывало и наоборот — вся группа оставалась в катере и только мы с полковником выходили прогуляться. Дважды он отправлял меня одного. Как-то уже на подлете я спросил его: «В каком составе будем выгружаться?» — «Еще не знаю, — честно ответил полковник, — прилетим — посмотрим».

Через месяц после того, как его перевели в нашу группу, я конкретно призадумался. Такое иногда со мной случалось. Целую ночь не спал — размышлял. За весь месяц у нас не было НИ ОДНОЙ потери. Хотя обычно на каждом задании мы теряли пару-тройку бойцов. Неплохо для штабной крысы.

...Ну вот и пришли.

Я остановился в нерешительности перед распахнутой дверью. Разговор с полковником — дело серьезное. Это вам не мутантам головы отрывать. Тут думать надо.

Хотя... о чем тут думать? Полковник все равно в десять раз умнее меня. Думай не думай, какая разница?

Я влетел к нему в кабинет, захлопнул дверь и прокричал:

— По вашему приказанию прибыл!

Полковник не обратил на меня внимания. Глянул, как на пустое место, и молча отвернулся. Никаких эмоций на лице не промелькнуло. Вырядился в парадную форму и восседает за своим письменным столом, как манекен.

Приехали! Не очень-то он обрадовался моему визиту. Зачем звал?

Командование часто практиковало такие штучки: вызовут к себе, а потом притворяются, что тебя нет. Дескать, ты полный ноль. Пустышка. Ничтожество. Постой и проникнись. Почувствуй масштаб. Куда-то спешишь? Или нервишки шалят? Или думаешь, у начальства нет дел поважнее? Ты стоишь и обтекаешь. А повышать голос тоже нельзя. Задорная шутка. Но на полковника не похоже. Будь на его месте кто-то другой, уж я бы нашел способ обратить на себя внимание! Хе-хе! Мебель-то не крепче тренажеров будет, и гранаты еще остались...

Но сейчас я решил подождать.

Здесь ничего не изменилось после моего прошлого визита. Две стены сплошь уставлены книгами. Кстати, настоящими. Я, грешным делом, думал — бутафория. Решил проверить. Кажется, это было две недели назад. Подошел и вытащил одну. Анри Пуанкаре «Наука и гипотеза». Че за муть?

— Хочешь *почитать*? — спросил полковник. Тогда он не притворялся манекеном со стеклянными глазами.

— Нет. Просто смотрю. А по военному делу есть книги?

— Это на другой стене, — он улыбнулся. — Две нижние полки. Сразу под астрофизикой. Выбирай любую.

Конечно, я ничего не выбрал. Даже смотреть не стал. Когда мне читать? Но призадумался. Книги в кабинете боевого командира — это что-то новенькое (я сам не заметил, как полковник из штабной крысы превратился в боевого командира). Обычно на стенах развешивают оружие или модели кораблей. Но книги? Зачем? Я так этого и не понял.

— Ты, Чертяка? Пришел? Что-то я взрывов не услышал... — Кажется, полковник соизволил меня заметить.

Но смотрит все равно мимо. И голос какой-то сиплый. Бухой, что ли? Н-да... рановато нажрался.

— По вашему приказанию прибыл!

Он рассеянно показал на кресло у окна.

— Не паясничай. Разговор серьезный.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я, усаживаясь в предложенное кресло.

Полковник повернулся ко мне:

— Плохо, Чертяка. Вообще не чувствую. Меня обкололи какой-то гадостью и облепили кучей датчиков. Китель с трудом налез. Мир переворачивается с ног на голову и не спешит возвращаться обратно. Ты вот сейчас висишь вверх ногами и периодически ускользаешь из-под прицела.

— Прикольно!

— Не то слово!

— Почему же вы не в госпитале?

— Поговорить надо. Ты подумал об отпуске?

Я покачал головой.

— Отвечай словами, если не трудно.

— Нет, не думал!

— Почему?

— Мне показалось, вы бредили.

— Я не бредил. Подумай сейчас. У тебя есть пара минут.

— Вы хотите от меня избавиться?

— Да, на месяц.

— Зачем?

— Тебе надо пожить другой жизнью. Ты великий боец, но каждый день умываться чужой кровью — это перебор.

— А мне нравится! Я ведь больше ничего не умею.

— Тем не менее... сделай перерывчик, передохни. Даже металл устает, а ты не железный. Пусть организм восстановится.

— Полковник...

Наконец-то он посмотрел прямо на меня.

— Видишь, в каком я состоянии? Меня продержат в госпитале минимум две недели. Еще столько же на

восстановление. Месяц — я вне игры. Вам назначат нового командира. Штабного. А теперь представь, кем он будет затыкать дыры? Я хочу тебя уберечь. Может быть, еще поработаем вместе.

— Хорошо! Я согласен! Буду месяц околачиваться в спортзале и ждать вашего возвращения.

— Никакого спортзала. Дай и ребятам позаниматься.

— А я им не мешаю. Тренажеров полно.

— Глупый ответ.

Я вздохнул. Про спортзал он мне и раньше намекал. *Плевать на поломанные тренажеры, но потом ты ведь лезешь на ринг и начинаешь искать спарринг-партнеров. Никто не хочет превращаться в мешок с переломанными костями. А выглядеть трусом тоже не очень приятно. Вот ребята и обходят спортзал десятой дорогой. Дай им форму поддержать. Не жадничай.*

— Хорошо — переберусь в тир.

— Нет.

— Вы знаете, чем закончился мой прошлый отпуск?

— Гостиницу отстроили заново, а дипломатические отношения с Галатеей мы уже восстановили. Кстати, они кардинально поработали над сервисом. Говорят, теперь это вполне сносное местечко.

— Я туда больше не поеду!

— Разумеется.

— Куда же вы меня отправите?

— На министерскую базу отдыха...

— Конкретнее...

— Планета Блик на самой окраине обжитых секторов. Класс «А». Идеальное место для твоего отпуска. Местечко тихое, народу мало, климат почти земной, почва — просто сказка: выдает по два-три урожая в сезон. Там даже колодцы есть с питьевой водой. Райский уголок. Вторая Земля, только лучше. Вся подробная информация здесь. Держи. — Он протянул мне розовую папку. Я положил ее на колени.

— В садоводы, значит, записали?

Если я выхожу на прогулку и каждые десять метров никто не пытается вонзить в меня клыки, когти или

жало — это не моя планета. Заточенный стальной прут, ножи и прочие «игрушки» странников большой дороги тоже годятся, но двуногие твари намного медленнее. А если и этого нет, я начинаю сходить с ума. Теряется форма, пропадают навыки, притупляются инстинкты. Приходится улетать и наверстывать упущенное в более оживленных местах, там, где кипящая ненависть и беспредельная жестокость разлиты в воздухе, где можно спокойно умыться вражеской кровью... Все это полковник знал, так зачем же...

— Не бойся: ты все равно останешься Чертякой, даже если месяц поживешь с ангелами. Ну?!

— Как скажете.

— Вылет завтра в шесть утра. Там есть поселение домов на шестьдесят. Местных не обижай.

— Ладно...

— Не обижай — значит не общайся. Ты понял? Никаких рукопожатий, хлопков по плечу и всего прочего. Они два года в четырехкратной гравитации не тренировались, поэтому следи за своим поведением.

— Постараюсь.

— Когда приедешь, на всякий случай осмотрись. Все-таки из наших там уже год никого не было.

— Понял. Что еще?

— Насчет возвращения. Когда за тобой прилетит корабль, не торопись высовываться и бежать навстречу. Наверху слишком быстро тасуют карты. Наши генералы могут остаться без козырей, а ты — слишком ценная ставка. Если все будет в порядке, то первый, кто покажется в люке, выпустит фиолетовую пульсирующую ракету. Не увидишь ракеты — действуй аккуратнее, присмотрись, что к чему.

— Понял. Это все?

— Нет. Спасибо, что спас мне жизнь.

— Шутите? Да вы сразу же и расплатились. С двумя я бы не справился.

— Ты бы справился и с десятком, не скромничай.

— А вам не пора обратно в госпиталь? Могу проводить.

— Проводишь. Позже. Есть еще кое-что. Присядь. Куда вскочил?

Я молча опустился в кресло.

— Тебе известно, что каждое возвращение группы записывается?

— Да, знаю.

— Запись нашего прошлого возвращения проанализировали в штабе, показали врачам, и они заподозрили у тебя психические отклонения. Твое поведение признано неадекватным. Говоря проще, в штабе опасаются, что ты тронулся, съехал с катушек, перегрел процик, сбрендил...

— Хватит, полковник. Я понял.

— Они настаивали на проведении нескольких тестов. Хотели прислать специалистов, но я их отговорил. Сказал, что если ты действительно «того», то специалисты могут пострадать.

— Еще как! Покажите мне этих ублюдков, и я объясню им, у кого из нас проблемы с головой!

— Вот-вот. Этого я и боялся. Короче, они доверили грязную работу мне. Проводить тесты буду я.

— Полковник!

— Вопросы мне напечатали на бумажечке. Я их тебе зачитаю, а ты ответишь. Первое, что придет в голову. Потом сам простыми словами объяснишь свое неадекватное поведение. Я запишу, ты прочтешь и внизу поставишь свою подпись. Разумеется, если все будет записано верно. Вопросы?

— Как вы будете писать, если у вас голова кружится?

— Коряво. Но в штабе разберутся. Готов?

— А куда деваться? Спрашивайте!

Полковник замолчал на пару секунд и закрыл глаза. Наверное, вопросы он выучил наизусть, потому что заговорил без бумажки и даже глаза открыл только после второго предложения.

— По возвращении с операции «Укус Шмеля» вы упали на бетонные плиты и начали смеяться, потом встали и снова засмеялись. Половина вашей группы погибла. Три человека, включая командира, были ранены. Объясните, пожалуйста, что вас так рассмешило?

— Глупость наших генералов. Они засунули к нам в катер группу туристов, переодетых курсантами, но забыли изменить маршрут. Или ошиблись бортом. Не знаю. Так или иначе, экскурсия в кольцах Сатурна не состоялась, и мы приступили к выполнению боевой задачи. Охранять туристов нам не приказывали, и они все погибли. Из-за нелепой генеральской ошибки. Что называется, не в свою шлюпку не садись! Юмор черный, но от наших генералов другого и не дождешься. Вот я и засмеялся. Чисто из вежливости. Хотел уважить начальство.

Полковник снова закрыл глаза, но это не помешало ему продолжить:

— В ходе операции ваша группа потеряла десять боевых единиц. То есть десять ваших боевых товарищей погибли. Как вы это восприняли?

— Во-первых, я бы не стал называть их боевыми единицами. Они даже на нули не тянули. И уж тем более погибшие курсанты не были моими боевыми товарищами. Сопляки представляли угрозу для всей группы. При виде противника так испугались, что начали взрывать своих. Чудом не угрохали полковника. Как я воспринял их гибель? Никак. Не я отправил их на смерть. Пусть генералы и переживают. Меня это не касается. Более того, будь моя воля, я бы их всех перестрелял еще до начала операции, чтобы не чудили.

— Кого — генералов или курсантов? — спокойно спросил полковник и улыбнулся, не открывая глаз.

Это был нокдаун. Я поднялся на счете восемь, но не был уверен, что готов продолжать. По очкам — явный проигрыш.

— Вообще-то я имел в виду курсантов. Хотя... если подумать...

— Думать буду я, малыш. Ты уж не обижайся. Просто отвечай первое, что придет в голову. Насчет курсантов, это серьезно?

— Нет... Погорячился. Убивать не стал бы, но из катера они бы не вышли!

— Наивный! Вернулись бы и тут же тебя заложили. С потрохами. Следующий вопрос...

Полковник не договорил. Голова упала на грудь, пальцы разжались и выронили ручку, из носа потекла кровь. Я метнулся к нему и нащупал сонную артерию — живой. Ладонь полковника накрывала стопку отпечатанных документов. Я вытащил верхний лист.

Командующему центральной группой войск
генерал-полковнику А. И. Багрицкому
бойца спецподразделения «Черти», №981, позывной
Сорвиголова, временно находящегося в составе
диверсионной группы Шмель (командир —
полковник Н. В. Стрельцов)

РАПОРТ

Я солдат Великой армии Великой страны и никогда об этом не забываю, что бы ни случилось.

У нас много врагов, они изобретательны и коварны. Днем и ночью, не зная сна и отдыха, они думают только об одном: как бы ударить нас побольнее.

Два дня назад, во время операции «Укус Шмеля», им это удалось. Мы потеряли половину группы. Десять наших бойцов пали смертью храбрых в неравном бою с коварным противником. Враг торжествует. Он думает, что победил, думает, что сломил наш дух. Потеря боевых товарищей — это тяжелая утрата. Трагедия, с которой трудно смириться. Но враг просчитался. Память о погибших сплотит живых, и мы станем сильнее, чем были. Там, на земле, обагренной кровью моих убитых товарищей, я поклялся отомстить и не успокоюсь, пока наши противники не захлебнутся собственной кровью!

Когда мы вернулись на базу, тела убитых товарищей все еще стояли у меня перед глазами. Да я и не собираюсь их забывать! У Великой армии не должно быть короткой памяти. Слезы сами потекли у меня по щекам. Но тут я вспомнил, что наш враг не дремлет. Он может быть повсюду. Он может смотреть на меня прямо сейчас. Что ж, пусть смотрит! И тогда я засмеялся. Пусть враг услышит мой смех и трепещет от страха. Моих слез ему не увидеть.

Я солдат Великой армии Великой страны, и ничто не в силах меня сломить!

Число, печать — все как полагается. Не хватало только моей подписи. Я подмахнул и рапорт, и тесты, заполненные в том же духе.

Полковника до самого госпиталя нес на руках.

Ночь спал плохо. Размышлял. Не давала покоя ситуация с «Пульсаром». Два дня я обижался на полковника. Думал подойти к нему и сказать, так, мол, и так, что же это за ботва у нас получается: мне пушку не дали, а вам, значит, устав не запрещает? Когда был у него в кабинете, меня так и подмывало наехать. Чудом удержался — и в результате бессонная ночь. Под утро сообразил, что пистолет он взял специально для меня. Ему такая пушка без надобности. В руках обычного бойца «Пульсар» не дает выигрыша (чудо, что полковника хватило на два выстрела). Тяжесть сводит на нет все преимущество в скорострельности.

Мудрено все как-то. Неужели нельзя было просто дать мне ствол и сказать: «На, Чертяка, пистолет, который ты просил, держи, авось пригодится!»?

Ну да ладно, полковнику виднее.

* * *

Дислоцировать меня, любимого, к месту заслуженного отдыха решили на тяжелом «Циклопе». Решение, мягко говоря, странное. У этого кораблика всего две модифи-

кации. В одной перевозят первых чиновников Империи, в другой — особо опасных преступников. Для меня выбрали первый вариант, справедливо полагая, что иначе я могу обидеться.

Через двадцать минут пребывания в каюте я понял, что это разводка: тюремная модификация была бы лучше.

Желтый бархат и голубой атлас. Миленькие светлые тона. Кресла и диваны, в которых можно утонуть. Даже на полу мягкий ковер. Куда это годится? Палата для буйных психов. Только размерчик со спортзал. Я понимаю, что Советники любят простор, но, ребята, не до такой же степени? Здесь легко могла бы разместиться рота, если поставить двухэтажные койки. Так нет же! Восемьдесят солдат охраны ютятся в двух узких отсеках, огибающих мою просторную каюту по периметру. Куда мне одному столько бархатно-атласной мягкости?

Ха! У полковника все в порядке с чувством юмора, если он запихнул меня сюда. Что мне тут делать — прыгать с кресел на диваны и обратно, пока с ума не сойду?

У приоткрытой двери нарисовалась юная рыжая куколка в костюме стюардессы. Сладкая фигурка, многообещающая улыбка, миленькая мордашка. Шейка тоненькая, двумя пальцами перешибить можно. Верхняя пуговица на блузке расстегнута. Глазки блестят. Психопатка, что ли? Чему радуется?

— Здравствуйте, меня зовут Сьюзи. Пришла пожелать вам счастливого полета!

Мы еще и разговариваем. Надо же!

— Здравствуй, Сьюзи. Ты тоже особо не печалься.

— Хотите чего-нибудь?

Вот искусительница лукавая! Такую мордочку состроила, будто предлагает мне радость всех пороков человечества, а сама ни одного не попробовала.

Увидев мою растерянность, Сьюзи решила помочь и немного меня сориентировать:

— Любые пожелания. Все, что угодно!

Точно тронутая.

Говорит, а сама следующую пуговку теребит многозначительно. Девчонке от силы семнадцать. Вот так и делают из нормальных мужиков педофилов.

— Я хочу тишины, Сьюзи. Просто тишины. Спрячь эту дурацкую улыбку, застегнись и топай по своим делам. Мне надо очень серьезно подумать.

— Подумать?! ВАМ?! — От удивления даже пуговицу теребить перестала. — Ой, извините!

Я промолчал.

— Просто у нас тут Советники никогда не думают — только развлекаются, а вы... Извините.

— Сьюзи, ты свободна. Иди.

Улыбаться она перестала, блузку застегнула, но с места не сдвинулась.

— Ничего личного. Боец моего класса должен заботиться о собственной безопасности. Устав запрещает интимные отношения с незнакомыми или малознакомыми гражданскими лицами обоего пола. Даже с такими красавицами. Статья двенадцатая, пункт третий. Тебе не сказали?

— Я могу быть очень тихой, — прошептала она. — А сейчас мое дело — это вы.

— Ты начинаешь быть навязчивой. Рискуешь.

— Голову оторвете?

— Угадала.

Стоит — не шелохнется. И вдруг прорвало:

— Не выгоняйте меня, пожалуйста! Я туда *к ним* не хочу. Уж лучше голову оторвать. Я вот тут в уголочке посижу. Глаза и рот закрою, вы не волнуйтесь. Пожалуйста! А если вам вдруг что-то захочется...

Етить! — как сказала бы Марья Андреевна.

— Сама на лавочку, хвостик под лавочку?

— Что?

— Кофе сможешь сварить?

— Кофе? Сварить?

— Угу. Только чтобы вкусно было!

— Я постараюсь.

— Тогда всё, топай!

Дверь закрылась, я уселся на ковер, прислонился к мягкой(!) стене и открыл розовую папку. Посмотрим, куда меня определили.

На первой странице красовался белый двухэтажный домик с колоннадой на крыше. Перед крылечком — небольшой ухоженный газон. И все это дело огорожено витым ажурным заборчиком с белыми столбами по углам периметра. На верху каждого столба — белый шар. Теремок для красной девицы. Название шедевра напечатано крупными буквами прямо над фотографией: БАЗА ОТДЫХА. ПЛАНЕТА БЛИК.

Полковник совсем плох, если думает, что я буду жить в кукольном домике. В поле спать — и то безопасней.

Я перевернул страницу и увидел какой-то чертеж. На этот раз текст шел внизу и одним названием дело не ограничилось.

Автономная инопланетная исследовательская станция бункерного типа «Гвоздь» (АИИСБТ — 7М «Гвоздь»)

А вот это уже интересно.

Технические характеристики... пять уровней... радарная установка... генератор защитного поля... Это все не то. *Исследовательское оборудование...* Это вообще скучища. Так... О! Нашел!

Вооружение: 16 спаренных импульсных пушек с датчиками движения и тепла. Базовая функция — защита заданного периметра. В случае ракетно-артиллерийской или энергетической атаки автоматическая перенастройка в режим активной защиты (дальность стрельбы 1,5 км). Боезапас — 1000 выстрелов.

Вполне прилично!

8 спаренных пушек активной защиты TXR. Дальность стрельбы 10 км. Боезапас — 1000 выстрелов.

50 ракет «земля—земля». Развертывание комплекса — 3 секунды.

50 ракет «земля—воздух». Развертывание комплекса — 3 секунды.

Очень даже неплохо для исследовательской станции! Наша база хуже защищена.

Вот это славное местечко! Просто сказка. Я бы не отказался в таком пожить. Так нет же, засунули в какой-то теремок!

Я перевернул страницу обратно.

Нет... Не может быть! Радарная станция не уместится в колоннаде, а спаренные пушки не спрячешь в шары на заборе.

Или спрячешь?

Сукин ты сын, полковник! Сукин ты сын! Опять меня обыграл. Уделал по полной.

Сначала с «Пульсаром» развел, а теперь вот «Гвоздь» под видом теремка подсунул! Правда, я не совсем понимал, зачем для охраны периметра и активной защиты использовать спаренные пушки. Больше похоже на зенитки. А название TXR мне вообще ничего не говорило, но это все мелочи.

Главное, что в поле ночевать не придется. Двадцать четыре пушки и сотня ракет меня переубедили. Я не гордый, могу и под крышей поспать.

Но полковник! Каков гусь, а?

Я снова перевернул страницу. На середине белого непрошитого листа было напечатано три слова:

ПОПАЛСЯ?☺

СЧАСТЛИВО ОТДОХНУТЬ!

Минуты две медитировал.

— Вот ваш кофе!

Я закрыл папку.

Сьюзи поставила поднос на столик возле дивана, взяла чашку и, довольная, принесла ее мне. Явно хочет угодить.

Пришлось встать.

— Пить можно? — спросил я.

— Не знаю, не пробовала.

— А ты попробуй.

— Нет! — возмущенно крикнула Сьюзи, покраснела и притопнула симпатичной ножкой. Получилось доволь-

но забавно: каблучок утонул в мягком ворсе ковра и девочка чуть не упала. Хорошо, что кофе не разлила.

— Бунт на корабле?

— Терпеть не могу кофе! Просто ненавижу! Зачем вы меня заставляете?!

— Не бойтесь, он не отравлен. Сама варила. К тому же после меня вам лучше не пить. Мало ли что.

— Еще немного, и мы заплачем.

Пришлось поверить. Я взял чашку и сделал маленький глоток. С трудом удержался, чтобы не выплюнуть.

— Тьфу ты! Ну и дерьмо! Все-таки решила меня отравить? Советникам ты такую же гадость подаешь?

— Нет! Советникам из кофе-машины.

— Понятно.

Я пошел в туалет, вылил кофе в раковину, вернулся и поставил чашку на поднос.

— Вы попросили сварить, и я подумала...

— Понятно все с тобой. Вон диван, ложись...

— Я хочу сделать ваш полет приятным!

— ...и помолчи!

На этот раз она послушалась. Легла на желтый бархат, вытянула ноги, опустила голову на подушку и улыбнулась.

— Отвернись! — процедил я. — Приятных снов!

Вот так, молодец. А мы пока что позанимаемся.

Я снял рубашку и начал отжиматься.

Сьюзи подарила мне час покоя и тишины. Потом она начала храпеть. Потом проснулась, зевнула и стала потягиваться.

Ну, раз мы уже не спим, почему бы хлопок не добавить?! Убедившись, что я по-прежнему не проявляю к ней интереса, она перепутала меня со своей подружкой и начала плакаться в жилетку. Исповедь проститутки — не мой жанр. Наслушался этого добра в свое время. Хватило. Но совсем уж табуреткой тоже выглядеть не хотелось. Я перестал хлопать и сбавил темп. Болтовня Сьюзи — не самое страшное в жизни. Подумаешь, зудит что-то над ухом! Главное, не кусается. Потерплю. Лишь

бы не пыталась выведать мои желания. Рыбка, блин, золотая! Но как поет, как поет!

— Отец ляпнул глупость про Императора. Нас в тот же день лишили гражданства и выкинули *на природу*. В неподконтрольные территории. Вечером из моей сестры сделали жаркóе. Отца зажарили на вертеле...

Да ну его, это отжимание. Надоело уже. Покачаю-ка я лучше пресс.

— Нас с матерью отвели на рынок и взвесили. Маму купил какой-то шкипер, а меня отдали представителю Минобороны за два импульсных ружья. Думала: перережут глотку или так, живой в морозилку засунут? Но мне повезло. Недельная стажировка — и вот я здесь. Кстати, вы знаете, что Земле на днях присвоят класс «G»? Только никому не говорите. Это секретная информация.

Историю гибели своей семьи Сьюзи рассказывала бесстрастным голосом. Автомат, сообщающий время, выдает больше эмоций. На заученную «легенду» не похоже. Я решил проявить сочувствие:

— Как быстро гниет этот мир! В мое время мальчики просто насиловали девочек, и никаких извращений! А теперь, значит, жаркóе. Докатились!

Но Сьюзи не разделяла моей тоски по старым добрым временам. Промолчала. И даже посмотрела на меня с легким испугом.

Я предпринял новую попытку:

— Министерство уже девчатами приторговывает?

— Они называют это адресной помощью. Мне помогли, и я довольна.

— Случайно не запомнила, как звали шкипера и что у него за корабль?

— Конечно, нет.

— А где этот рыночек?

— Я ничего не запомнила. Только вонь. Мы летели час, а потом нас выкинули прямо из трюма. И тут я услышала эту вонь. Моргнуть не успела — меня уже связали. Они даже не моются. Где-то на природе. Небольшая поляна среди деревьев. Какая разница? Такое повсюду.

Не спрашивайте больше. Семью уже не вернуть, а мести я не хочу. Просто к слову пришлось. Вы спросили — я ответила.

— Как знаешь. Дело твое.

— Мама говорила, что зло не истребить жестокостью — только добром.

Я промолчал. Не напоминать же ей, где сейчас ее мама.

Теперь можно и нижний пресс покачать.

— Я тебе не мешаю?

— Нет-нет, занимайтесь. Так даже лучше.

Пять секунд поднимал ноги в тишине.

— А вы не согласны?

— Может быть, твоя мама права.

— Но вы не согласны.

— Не знаю. Сложно сказать. Это к моему полковнику. Он бы тебе все по-книжному объяснил.

— Мне не надо по-книжному. Вы попробуйте своими словами. Вдруг получится?

— Я ведь сам — зло не маленькое. А ты спокойно со мной говоришь и уходить не хочешь. Зло разное бывает. Причины разные. А насчет тех ублюдков, так это не зло, а гниль, и я бы не стал ее удобрять.

Замолчала.

— Напугал?

— Не сейчас — раньше, когда говорили о старых временах.

— Чего их бояться? Сейчас пострашнее деньки настали.

— А что делали вы, когда большие мальчики развлекались: стояли в сторонке или тоже участвовали в процессе... за компанию?

— Я тренировался.

— Не понимаю.

— Тренировочный материал тогда был редкостью, и встречу с такими мальчиками я считал настоящей удачей.

Метнулась ко мне, в руку губами тычется. Чуть не пришиб. На всякий случай в сторону откатился.

— Это еще что за фокусы?

— Это вам благодарность от всех тех девочек.

— Отставить нежности — всю тренировку испортишь!

— А вот мне такой защитник не попался. Ни разу!

Плевать ей было на мою тренировку. Не слышала она меня. Улетела куда-то в мир далеких пугающих воспоминаний и забыла, где находится.

Пришлось вернуть к реальности:

— Иди умойся. Глядишь, полегчает. Полотенце в туалете имеется.

Сьюзи вернулась через две минуты и села на диван.

Молчала, молчала, а потом вдруг спрашивает:

— Вы говорили о своем полковнике. Интересно, какая у него фамилия? Уж не Стрельцов ли?

Я замер.

— Откуда ты знаешь полковника Стрельцова?

— Да все Советники только про него и говорят.

— Какое дело Советникам Императора до простого полковника?

— Вообще-то он генерал. Только разжалованный на время. Отказался вести армию в район Сырцов и попал в немилость. Армию разгромили, а Стрельцова разжаловали в полковники и бросили в пекло. Сначала в антитеррор, потом к «Чертям», а потом к диверсантам. Типа если ты такой умный, то иди и повоюй, как простой смертный. Хватит в штабе отсиживаться! Из военной Академии попробовали изъять его книги, но вовремя остановились: оказалось, ничего лучше по стратегии и тактике никто не написал! А потом началось. Поражение за поражением, неудача за неудачей, потери, потери, потери... Сириус, Центавры, Горящие Кольца... И во всем опять-таки винят Стрельцова. Дескать, если бы он командовал, все было бы по-другому. Теперь Советники стонут и не знают, как его обратно в генералы вернуть. А может быть, я ошиблась? Может быть, просто однофамильцы?

— Мы уже два месяца воюем без потерь. Воевали. И с генералами полковник на «ты».

— Значит, он! Его стиль! Да вы занимайтесь, занимайтесь...

Хватит уже, позанимался. В конце концов, неплохо бы и перекусить.

— Сьюзи, как там насчет обеда? У меня должна быть особая жрачка...

— Знаю! Сейчас принесу! — Она вскочила и побежала к двери.

— И себе не забудь. Вместе пожуем.

Обед оказался вполне съедобным.

Перед посадкой поговорил с майором Габичем и между делом сообщил, что мы со Сьюзи подружились и что я оторву голову любому, кто ее обидит, а поскольку он тут старший, то с него и спрос.

Майор пообещал беречь Сьюзи, как родную дочь.

* * *

Выгружались ночью, чтобы и не «светиться» особо, и никого не пугать. Сначала разведка, потом бригада техников. Два часа башковитые парни перенастраивали программы, проверяли оборудование, наполняли холодильники и приводили станцию в порядок. Наконец позвали меня, провели ознакомительную экскурсию по всем уровням и вернулись к шлюпке. Я проводил их взглядом, дождался, когда красный огонек исчезнет в черном небе, закрыл дверь и побежал в оружейку на третий подуровень.

Да-а-а! Есть счастье в жизни! Вот это кайф! Стволы, стволы, стволы... и никого! Мифический лес оружейной стали, метакерамики и композитов. Бери любую пушку — никто слова не скажет! Богатый арсенал. Оружие на любой вкус: огнестрельное, импульсное, лучевое... Нам бы такой выбор! Я отыскал даже парочку «Квазаров», снятых с производства лет десять назад по причине «излишней сложности конструкции». Легендарное оружие. Многофункциональная безотказная винтовка. Мечта каждого штурмовика. На самом деле министерство банально пожалело денег. Пушки были отличные.

Одна система рассеивающего конуса чего стоит! Незаменимая вещь в ближнем бою. «Квазары» вдвое сократили потери среди штурмовиков. Но наверху решили сэкономить: финансовые потери оказались важнее. В результате штурмовые отряды вернулись к дешевым импульсным винтовкам, а «Квазары» отправились в утиль.

Снайперская GL-11 меня тоже порадовала.

Да тут полно бесценных артефактов! А какие клинки! Настоящий клад. Всего и не опробовать. Где бы я еще такое увидел! Вот это подарок! Надо будет обязательно поблагодарить полковника.

Игрался часа два.

Уснул, счастливый, прямо на полу с GL-11 в руках.

Следующий день изучал окружающую территорию с целью обнаружения вероятного противника и определения нравов местного народонаселения. Ангелы ангелами, но, помнится, полковник говорил, что сюда уже год никто из наших не совался. Разведка не повредит.

Полная мимикрия, минимальное вооружение — и вперед!

К вечеру территория в радиусе полутора километров от моего теремка была изучена.

Картинка вырисовывалась несколько странная.

Полковник не обманул. Когда-то здесь действительно находилось поселение, но сейчас от него мало что осталось.

Половина домов сгорела (теперь они стояли черными остовами на пепелище). Остальные взорваны изнутри, снесены тяжелым тараном или аккуратно разобраны до основания.

Кто-то хорошо потренировался.

На фоне тотального разрушения мой беленький теремок с ухоженным газоном выглядел неестественно и пугающе (даже если не знать, что под резными окошками и витым заборчиком прячется стационарная боевая машина, бесстрастный земной страж, наблюдающий и неуязвимый). От всех этих местечковых разборок он даже

не испачкался. Еще бы — двадцать четыре пушки активной защиты и полевой фильтр!

Сначала я подумал, что на станции произошел сбой и она расстреляла всех соседей. Но сразу же понял, что ошибся: не те повреждения. Значит, мой теремок тут ни при чем, хоть и смотрится шутом на кладбище.

Тогда кто же все это учудил?

Жаль, что рядом нет полковника. Он бы вмиг все разложил по полочкам, и мне бы не пришлось ломать голову.

Опасное это дело — думать самому, особенно когда под рукой столько пушек. А если ошибусь и потренируюсь не на тех? С другой стороны, все равно делать нечего. Да и зацепка имеется.

Один домик все-таки уцелел.

В нем обитала сладкая парочка. Оба чуть постарше Сьюзи, оба до смерти напуганы. Вздрагивают от любого шороха и каждую минуту подозрительно вглядываются в горизонт. Милые ребятки. И влюблены друг в друга до писка. Совершенно небоеспособное состояние.

Девчонка что надо! Фигура сладкая, лицо — красивое и умное, волосы пепельные, до плеч. Дольше минуты смотреть опасно: мысли тупятся со всеми вытекающими последствиями — и наблюдение приходится сворачивать. Было в ней что-то еще, некая составляющая X, которая притягивала к себе, оставаясь непонятной. Они чем-то похожи со Сьюзи, разница только в возрасте, цвете волос и этой составляющей X. Парнишка — так себе, сразу видно — тюфяк. Но мордочка забавная. Исправлять ее прикладом желание не возникло. Вместе смотрятся очень даже ничего.

Откуда они взялись? Решили провести медовый месяц на райской планете? Купились на класс «А» в галактическом справочнике? В таком случае мне их очень жаль. Не повезло детишкам. Но почему они до сих пор живы?

Наши участки граничили, влюбленные голубки́ оказались моими соседями. Я решил хорошенько за ними понаблюдать. На райской планете происходили уж больно знакомые вещи.

Но это завтра. На сегодня информации хватит. Надо и потренироваться для разнообразия.

Следующий день я просидел в операторском кресле, изучая архивные записи, и сделал всего два полуторачасовых перерыва на тренировки. Ну и жрачка, само собой.

Они не всегда были шуганными, эти ангелы. Полгода назад резвились и бегали друг за другом, как дети малые. Она могла выйти в огород в одном купальнике и загорать под утренней Ортегой, раскинув руки. Он присоединялся, и солнечные ванны заканчивались бурными объятьями.

А вечерком оба выстраивались у забора и смотрели на закат. Схватят друг друга за руку, постоят, посмотрят и давай целоваться! Потом резко остановятся и опять закатом любуются. Иногда он вытаскивал из дома пластиковый столик и два раскладных стула, она приносила чашки с горячим чаем — и любование закатом совмещалось с чаепитием.

В перерывах между выражениями чувств она пыталась огородничать, он — приводил в порядок дом. Выглядело это очень забавно. Она могла полчаса пропалывать одну маленькую грядку. Постоит нагнувшись, вытащит пару сорняков, бросит их себе за спину, чтобы не видеть, а тяпку со злости вообще запульнет куда подальше. Выпрямится, сделает несколько глубоких вдохов и пойдет тяпку искать. Но старалась. Этого не отнять. Он иногда помогал. Один раз повыдергивал не то, что надо. Она ревела минут десять. Потом полчаса обнимались и ушли в дом.

Ремонтник из него был такой же, как из нее садовод. Без слез не взглянешь.

Я перескочил на месяц вперед — все то же самое.

Еще на недельку.

Выходы в купальнике резко прекратились. Любовные утехи тоже. И вообще, ребятки начали вести себя осторожно. Выходили из дома только в уборную и воды на-

брать из колодца. После каждого шага десять раз оглянутся.

Кажется, началось.

С этого момента я стал смотреть подробнее, и через час безуспешных тыканий напал на интересную сцену. Мой соседушка стоял у своего забора напротив троих чмырей и с понурым видом что-то им объяснял. Они слушали, а потом один из них, тот, что был посередине, двинул моему соседушке под дых. Ну и техника! Только пока замахивался, ему бы любой из наших диверсантов успел три раза шею свернуть. Я уже не говорю о ребятах из моего подразделения. И как не стыдно перед людьми позориться?! Остальные засмеялись, подождали, пока соседушка выпрямится, и тоже подписались: один по морде накатил, другой — в печень. Примерно с такой же скоростью. Шуты позорные! Потом все трое приняли очень серьезный вид. Центровой что-то сказал, сплюнул в огород и потрепал соседушку по щеке, как мальчика. Правый фланговый добавил от себя какое-то словцо и тоже сплюнул через забор. Левый фланговый ограничился плевком. На этом пришлые товарищи развернулись и ушли восвояси.

Эх, соседушка-соседушка! Забор надо сплошной ставить. И высокий. Ну да ладно. Его можно понять. В конце концов, не каждый из нас живет на войне, да и «гостей» было трое... Хорошо, что живой остался. Теперь постараюсь забыть эту мерзкую картинку. Главное, я узнал, в каком направлении они ушли. Завтра с утречка прогуляюсь, посмотрю, что у них там за гнездо.

Вечером позвонил полковник, сказал, что ему уже лучше, и поинтересовался, как мне отдыхается. Я ответил, что у меня все отлично. «Местных не обижаешь?» — спросил он. Нет, говорю, не обижаю по причине отсутствия таковых. Дома разрушены, людей не видно: подевались куда-то. Осталось только двое, да и те трясутся от страха. Полковник очень огорчился. Жаль, говорит, если и они куда-то денутся. Потом помолчал немного и подобрел: разрешил стрелять из ВСЕГО, что найду, если мне

вдруг *захочется потренироваться*. Вот это я понял сразу — не пришлось убивать ночь в размышлениях. Полковник дал «добро» на зачистку всего Блика. Теперь и ракетами можно побаловаться. Обожаю полковника! Видит, что я люблю гранаты взрывать, — а хочется-то большего! — вот и отправил меня на пустую планету с бесхозными ракетными комплексами и шикарной оружейкой! Стреляй, говорит, на здоровье, из чего хочешь! Понимает он солдатскую душу. Видит бог, понимает. Я даже рад, что его из генералов разжаловали. Иначе бы мы никогда не встретились. А кто бы еще мне такое разрешил?!

Спал опять в оружейке. Засыпал вроде бы с огнестрельным ТТ-800, а проснулся, сжимая в руках «Квазар». Повспоминал, подумал, но никаких объяснений этому казусу не нашел. Чудо, не иначе. Надо будет полковнику рассказать.

Сразу же после завтрака отправился на природу. Все как и в первый раз: полная мимикрия, минимальное вооружение. Посидел денек за мониторами — пора возвращаться к полевым наблюдениям. Свежий воздух и все такое. Профилактика геморроя опять же...

Уже через три километра обнаружил огородик размером с два футбольных поля. Почти сорок мужчин, голых по пояс, горбатились под ласковой Ортегой на его зеленых грядках. Потные тела разукрашены багровыми пятнами и полосками. У многих разбиты лица.

Они работали словно в трансе. Изможденные, измученные страдальцы, утратившие всякую связь с реальностью.

Почему-то я сразу вспомнил сириусский госпиталь. Мы там охраняли императорского Советника после очередного покушения. Закрывали дверь своими телами и никого не впускали, кроме заранее оговоренных врачей. Рядом с палатой Советника находилась tabula-rasa (официально — отделение мнемохирургии). Народу со странностями тут хватало, но больше всего мне запомнились чудики, для которых собственные воспоминания превратились в неподъемный груз. Боясь окончательно

спятить, эти бедолаги просили врачей «отформатировать их прошлое», а после операции бродили по коридорам живыми растениями: слабые, беззащитные, с идиотскими улыбками и глупой надеждой начать все сначала. Как будто стертая память что-то улучшит в их жизни! Выстрел в лобешник — вот эффективное решение! Вот радикальное форматирование!

У меня чесались руки «оказать им посильную помощь». Не могу смотреть на такую позорную слабость. Даже в полностью защищенных и контролируемых уголках Империи люди добровольно выжигали себе мозги. Куда это годится?!

Но здесь, на Блике, все обстояло еще хуже. Бедолашные земледельцы тоже напоминали растения, только безо всякой надежды в потухших глазах. Будто у них выжгли не память, а душу.

Я вдруг понял, что сириусские мнемокастраты были счастливыми людьми: их, по крайней мере, никто не бил и не заставлял гнуть спину на чужого дядю. К тому же они улыбались!

Печальные воспоминания. Надо с этим завязывать.

Забора не наблюдалось. Охраны тоже. Заходи кто хочешь. Мы всегда рады новым гостям!

Чуть поодаль, возле неказистых строений, стояли два катера тюрьмы «Астория». Между катерами и огородом прямо на зеленой травке восседала куда более адекватная публика. Эти ребята прекрасно ориентировались в ситуации. Пили, задували косяки и балдели, разомлев от жары. Довольные, сытые рожи.

Некоторые от нечего делать вставали и начинали приставать к работникам. Другие шли в барак, и оттуда сразу же доносились слабые женские крики. Но ни работники, ни женщины не могли развлечь этих бубликов.

Честно говоря, я был разочарован. Думал найти что-то поинтереснее. Но нет — везде одно и то же! Никакого разнообразия! Если не каннибализм, то рабовладение! Бич всех планет с плодородной почвой обрушился и на Блик.

Почему «Астория»? Какой гений додумался бежать из этого санатория для заключенных? Образцово-показательная тюрьма под патронатом Императорского Дома. Никакого произвола. Еда как в ресторане, да еще и охраняют!

Заключенным «Астории» завидовал каждый второй гражданин Империи.

Нелогично получается: из такой тюрьмы не побежишь, даже если тебе все двери откроют. Единственное, чего стоит опасаться, — это перевода в другое исправительное учреждение.

Или я что-то упустил? Мир быстро меняется. Всякое могло произойти. Последний раз я был в тюрьме лет пять назад, еще до Хроноса-2. Нас бросили в «Тартар» подавлять мятеж. Крутая тюряга! Жесткие встречались ребятки! Охранников разрывали на куски. Могли головой промять стальную дверь. Но это им не очень помогло. После нашего визита камеры «Тартара» опустели на две трети. Мы тогда тоже не особо церемонились.

«Тартар»! Славное местечко. Сейчас я бы с удовольствием туда вернулся! Круглосуточная тренировка безо всяких ограничений! Просто мечта!

Заключенных «Астории» там очень любили и ласково называли бубликами. Вечером проигрывали в карты, а с утречка снова ставили на кон. Каждый такой перевод считался общетюремным праздником.

Кто бы мог подумать, что здесь, на райской планете класса «А», эти сладкие бублики начнут устанавливать рабовладельческий строй и уничтожат единственное поселение?!

Интересно, как у них это вышло.

А вот сейчас и спросим.

Я подловил одного, вырубил и утащил подальше в кусты. Помог ублюдку прийти в чувство и перед тем, как свернул ему шею, задал несколько вопросов. Узнал много интересного. «Интервью» длилось полчаса. Других пока трогать не стал. Не сегодня. Надо с полковником посоветоваться. Да и вообще подумать. Соседей тоже не помешает поспрашивать. Может, подстава какая-то?

Уж больно гладко все вышло. Никаких осложнений. Никакого сопротивления. Я не мог этого понять. Тридцать пять плохо вооруженных ублюдков отымели целое поселение. И стопарнулись только на моем теремке.

Чудные дела!

Сначала урки вели себя прилично — осторожничали, присматривались, обстановочку разведывали. Наведывались в поселение инструмент попросить, парой слов перекинуться о том о сем. Мало ли что! А вдруг местные окажутся жесткими ребятами. Так ведь можно и зубы сломать!

Постепенно выяснилось, что поселенцы — народ мирный, то есть лохи полные. Тут и началось веселье. Вчерашние гости превратились в кровожадных захватчиков и начали устанавливать свои порядки.

Урки устали питаться консервами и ютиться в катерах. Им захотелось нормальной жизни: вкусной еды, красивых женщин и чтобы самим не работать. Еда, женщины и рабочая сила в поселении имелись, так почему бы не взять?

Урки брали, брали и брали.

Поселенцы не сопротивлялись. Наверное, просто не умели. Не считать же мольбы и крики сопротивлением?

После двух недель кровавых оргий урки немного успокоились и решили передохнуть.

Передохнули, собрались с силами и отправились крушить мой теремок. Это стоило им четырех человек. Двое нарушили периметр и, вспыхнув, исчезли. Еще двое бросили гранаты и в то же мгновение сами на них подорвались. А тут еще ведьма белобрысая выбежала и начала демонов на помощь призывать. Остальным резко перехотелось развлекаться подобным образом. Они вернулись вымещать зло на поселенцах. Перебили всех детей: *работники из них все равно никакие, а жрут много.*

Инцидент вроде забылся, но заноза в заднице осталась. Урки не чувствовали себя полноправными хозяевами Блика и от этого сильно страдали.

Чтобы как-то успокоиться, попробовали устроить импровизированный Колизей, натравливая поселенцев друг на друга.

Гладиаторы из ангелов не получились. Если терпеть боль они еще кое-как могли, то причинять ее ближнему отказывались наотрез даже под страхом смерти. Первых убивали, но следующих это не пугало. Они и работали только под угрозой мучительной расправы над женами.

С развлечениями стало туго. И рабочую силу приходилось беречь, и женщины в гареме уже приелись, тухлые какие-то стали. Хотелось чего-то новенького.

Возможно, они бы успокоились. Быт налажен, еды полно (все погреба к себе перетащили)... Но заноза свербела.

В трех километрах к северу жила сладкая парочка и не давала покоя. Молодая красивая куколка почему-то не захотела скрасить досуг «настоящих мужчин», предпочитая какого-то сморчка (куколку звали Джессикой, сморчка — Павлом). Да еще и угрожать вздумала, ведьма нечистая! Развели чертовщину! «Мужчины» этого не поняли. Они уже наперед расписали, что сделают с Джессикой, кто будет первым и т.д. Павлу для начала отводилась роль зрителя, а потом он должен был работать на плантации, пока не сдохнет. Осталось только придумать способ, как вытащить их из дома и при этом самим не отправиться в преисподнюю. А пока что они просто наведывались время от времени к моим соседям — словами покидаться да кулаки об сморчка поточить (если повезет выманить его к забору). *Чтобы показать ведьме, кто в доме хозяин!*

Такая вот печальная история! Никаких тебе космических монстров! Одна гниль.

На обратном пути заглянул к соседям в огород. Не удержался. Улегся между грядками и стал ждать, когда кто-то объявится. Вдыхал запах морковной ботвы и смотрел на ясное небо. Ортега (местное солнышко) припекала. Градусов двадцать восемь, наверное. Такая погода здесь триста семьдесят дней в году. Ни морозов, ни пекла. И времен года тоже нет. Класс «А». Бывает же такое!

Через двадцать минут вышла Джессика, одетая в легкий розовый сарафан. Испуганно огляделась и побежала в уборную. Потом подошла прямо ко мне, наступила на

мою руку, нагнулась, выдернула у меня из-под носа три морковки, выпрямилась и опять по сторонам смотрит.

Чувствует. Как я снайперский прицел.

Красивые ножки, приятный ракурс!

Пара шагов к дому — и она снова останавливается. Хорошая интуиция. Ладно, не буду ее больше мучить.

Я встал и убрал мимикрию (она съехалась в рюкзак на спине).

Пришло время познакомиться.

Несколько секунд я стоял прямо у нее за спиной, а потом тихо сказал:

— Здравствуйте, Джессика.

Она ойкнула, вздрогнула и отшатнулась. Но потом увидела меня и быстро сориентировалась: подняла руку, пошевелила растопыренными пальчиками и, повернувшись к дому, радостно закричала:

— Павлик, иди сюда, у нас гости!

Ждать Павлика я не стал. Пропало желание. Прыжок — мимикрия снова расползлась по всему телу — и через секунду я лежал, невидимый, в трех метрах левее Джессики.

Прыгать не стоило. Можно было спокойно отползти. Павлик не спешил — объявился через десять секунд. Преступная оперативность. Мне стало искренне жаль Джессику. Ей-то понадобилось всего лишь полторы секунды, чтобы справиться с эмоциями, усыпить бдительность потенциального противника и позвать на помощь, не вызывая подозрений. Полторы секунды на принятие и реализацию единственно верного решения в нестандартной ситуации — это круто даже по меркам полковника. Интересная девушка!

— Где они? — испуганно спросил Павлик.

— Не знаю! — она пожала плечами. — Только что был тут, прямо передо мной. На мгновенье отвернулась.

— За мгновенье далеко не убежишь! С тобой все в порядке?

— Я ему даже рукой помахала в знак приветствия, — ответила Джессика.

— Зачем?

— Так получилось.

— Интересно у тебя получается! Ты видишь незнакомого мужчину у нас на огороде и машешь ему рукой? Так, что ли?

— Ну да... — растерялась Джессика. — Такая вот я приветливая. Чего злишься?

— Почему ты это сделала? Он тебе понравился? Да?

— О, Всевышний! — Джессика воздела руки к небу. — Опять?

— Прости... — Павлик начал сосредоточенно разглядывать листья капусты у своих ног.

— Потому что он молчал, не лыбился и не протягивал ко мне рук!

— А чего хотел?

— Не знаю! Мы даже поговорить не успели!

— Ты меня пугаешь. Прежних мы хотя бы видели. У *них* пополнение?

— Не думаю. Но забор его не остановил. Значит, мои сказки про чертовщину уже не действуют. Пойдем!

— А ты уверена, что это не галлюцинация?

Джессика ничего не ответила и убежала в дом, оставив дверь открытой. Павлик постоял пару секунд в задумчивости, потом вздрогнул и побежал за Джессикой.

Я вернулся к себе, часок позанимался, пообедал и снова решил проветрить мозги. На этот раз как простой смертный — мимикрию надевать не стал. Прошелся метров триста вдоль развалин, погрелся полуденной Ортегой, полюбовался бликовскими пейзажами и побрел обратно.

Джессика оказалась на огороде.

— Здравствуйте! — крикнула издалека и подбежала к забору. Явно меня дожидается.

— Привет.

— В прошлый раз вы так быстро убежали...

— Я не убегал — просто исчез... Это разные вещи.

— Конечно. Простите. А сейчас не исчезнете, если я позову своего мужа?

Я промолчал.

— Он думает, что вы мне привиделись...

— Зовите.

Она повернулась к дому и громко закричала:

— Павлик, иди сюда, познакомишься с моей галлюцинацией!

Кажется, я начинаю понимать этих бубликов. Когда перед носом крутится такая куколка, сложно сконцентрироваться на чем-то еще. Как ни смотри — хоть по фронту, хоть с тыла, — обязательно потеряешь боеспособность. Да и с флангов — то же самое. Мозги отупляет в первые же секунды. Я бы на месте Павлика ее только в шубе из дому выпускал...

— Кстати, меня зовут Джессика. Но вы это уже знаете. — Она улыбнулась и протянула мне руку между перекладинами забора.

Еще паранджа. Обязательно! И перчатки.

Страна непуганых детей. Здешние события ничему Джессику не научили. Конечно, на урку я не похож, но могла бы и поосторожничать для приличия. От меня церберги писаются, а она руку протягивает! Чужому незнакомому мужику! Такую лялечку только схвати за что-нибудь — отпускать уже не захочется.

Я вспомнил предостережения полковника и воздержался от рукопожатия.

Намечался конфуз.

Но тут из дома выбежал испуганный муженек и заорал:

— Отойди от него, Джесс! Он специально тебя выманивает!

— Теперь я привиделся и вашему мужу. Можно исчезать?

— Отойди от нашего забора! Это не твое! Слышишь? — Кажется, это он мне.

Я отступил на два шага, не сводя взгляда с Джессики.

Павлик набросился на нее сзади и потащил к дому, продолжая кричать мне какие-то глупости. Далеко утащить не получилось. Она вывернулась и приложила

палец к его губам. Он сразу же заткнулся, резко сник и оторопело заморгал.

Их любовные игры начали меня напрягать. Я почувствовал себя быком на корриде. От красных тряпок уже рябило в глазах. Перед потенциальным врагом так мять свою жену, что она чуть из платья не вылезла?! Специально издевается, что ли?

Джессика снова подбежала к забору, поправила съехавшую лямку и выдала на одном дыхании:

— Извините, пожалуйста, моего мужа. Просто мы оба немного напуганы и не ожидали вас увидеть...

— Бывает. Я уже привык. Обычная реакция. Не переживайте.

— Джесси, он один из *них*! Как ты не понимаешь?! — Павлик снова пришел в себя. — Они просто изменили тактику и хотят выкурить нас по-другому! Отойди от него!

Джессика не пошевелилась. Обняла себя за плечи, смотрит на меня, губу верхнюю кусает, по щекам слезы ползут.

Стыдно, наверное.

— У вашего мужа истерика, — сказал я. — Мне лучше исчезнуть. Вы сумеете его успокоить?

Она кивнула.

— Подожди! — закричал Павлик. Джессика вздрогнула. — Думаешь, все так просто? Появился, напугал нас до полусмерти и ушел? Мы теперь спать не сможем: будем гадать, откуда ты взялся и что тут вынюхивал! Говори уже сразу, чего тебе надо!

— Засыпая с такой женщиной, ты будешь думать обо мне? Сочувствую, но помочь не могу. Это к доктору.

Джессика повернулась и отчаянно стала делать Павлику какие-то знаки. Откуда такое доверие ко мне? Сначала руку протягивает, потом вообще спиной поворачивается. Это в платьишке до середины бедра! Неудивительно, что от поселения ничего не осталось. А ножки-то какие, а плечики, спинка... пластика опять же. Кажется, я начинаю понимать здешних урок.

— Чего? — возмущенно спросил Павлик.

Она отрешенно махнула руками и снова повернулась ко мне.

Прочитать ей мораль, что ли?

— Вы слишком беспечны, — сказал я. — Оба.

— Я не хотела, чтобы так получилось. Это все нервы. Мы очень напуганы... вот и...

— И будем напуганы еще больше, если ты не скажешь, зачем приперся! — противным фальцетом заверещал Павлик, отбегая поближе к дому. — Ну! Говори!

Пришлось ответить. Куда деваться под таким напором?

— Я гулял перед обедом. Осматривал достопримечательности, дышал воздухом, домиком своим любовался. Мы же с вами в некотором роде соседи. Джессика сама меня позвала и попросила подождать, пока ты выйдешь. Я выполнил ее просьбу. Вот и все. Вы зря испугались — мне от вас ничего не надо... Я не галлюцинация. Просто ходячий кошмар на отдыхе. Но вас это не касается. Спите спокойно.

Теперь им обоим стало нехорошо. Они переглянулись и не нашли что ответить.

Павлик включился первым:

— Ну конечно! Мы так и поверили! *Воздухом подышать! Домиком своим полюбоваться!* Ничего поумнее придумать не смог или мозгов...

Что он хотел сказать, я так и не узнал — Джессика закрыла ему рот ладонью и обняла сзади. Он кое-как высвободился, отбежал на пару метров и снова закричал:

— Да ты послушай его, Джесси! Только послушай, что он несет! Какие тут достопримечательности — одни развалины!

— Кому развалины, кому — любопытная информация. Это как посмотреть, — сказал я.

— Джесси, он лжет! Как тебе *свой домик*? Тут на три километра ни одной уцелевшей постройки, кроме нашей, не осталось! Подумай, Джесси!

— Я уже подумала!

— И что?

— Ты ошибаешься, вот что! И, ради Всевышнего, не кричи. Я тебя отлично слышу.

— Ошибаюсь?

Она кивнула.

— Но почему?

— Ты еще ничего не понял?

— Нет!!! Может быть, объяснишь?

— Один домик все-таки остался. — Джессика показала глазами на мой теремок.

— Чертова Обитель?! — закричал он. — Здóрово! Ну конечно! Почему бы и нет? Давайте, валите все до кучи!

Он снова посмотрел на меня.

— Значит, вы хотите сказать, что проживаете в Чертовой Обители?

— Я вообще не хочу с тобой говорить. Отвечу только ради Джессики: да, я живу в этом изящном белом домике, только называю его теремком. Звучит не так пугающе.

Павлик опять перекинулся на Джессику, и начался новый междусобойчик:

— Ну вот, видишь?! Получила?! Что я тебе говорил?! А? Он называет его теремком!

— Павлик, иди, пожалуйста, в дом.

— Почему?

— Ты уже достаточно оскорбил нашего соседа. На сегодня хватит. Иди в дом.

— Только после него! Пусть сначала он зайдет к себе! Ему же это не трудно! Он же там живет! Так почему бы и не зайти в свой дом, а?

— Иди в дом! — закричала Джессика.

Долго девочка сдерживалась, но все-таки довел.

Пришлось вмешаться. Не хватало еще, чтобы на райской планете ангелы поссорились из-за Чертяки.

— Кхе-кхе! Простите, можно вас отвлечь? Вообще-то я хотел еще немного погулять, но раз уж вам не терпится загнать меня в дом...

Павлик так обрадовался, что не дал мне закончить:

— Да уж, пожалуйста, сделай милость! Что, слабó? Боишься исчезнуть? Признавайся, кто ты! Ну!

— До свидания, Джессика. Мне очень жаль, что у Павла опять приступ.

Я прошел вдоль их забора, потом вдоль своего, открыл калитку, ступил на каменную дорожку, разделяющую газон, приблизился к двери, открыл ее и оглянулся: он стоял разинув рот и белый от страха, она плакала. Я помахал им рукой и, прежде чем дверь захлопнулась, увидел, как Джессика залепила мужу звонкую пощечину.

Через час они выстроились на огороде поближе к моему участку и ворковали, как голубки́, поджидая, когда я выйду. Пришлось прервать тренировку и выйти из дома.

— Вы не меня, случайно, ждете?

— Кажется, я снова должна извиниться, — затараторила Джессика. — Павлик много наговорил...

— Не должны, — оборвал я. — Вы мне ничего не должны. А почему Павлик не может извиниться сам?

— Он очень стеснительный.

— Я этого не заметил. Как быстро меняются люди! Один час — и уже совершенно другой человек! Что вы с ним сделали, Джессика? Ладно, извинения приняты. Если, конечно, Павел вас поддерживает...

— Да-да, — прогундел Павлик. — Джессика все правильно сказала. Мы подумали и поняли, что я был не прав.

— Оба?

— Просто Павел решил, что вы один из этих...

— Из тех...

— Ну...

Они переглянулись и одновременно сникли, не находя слов.

А я нашел:

— Вы говорите о беглых урках, которые устроили плантацию в трех километрах к югу, а сюда наведываются отрабатывать на Павлике удары? Нет, я не из них...

— Слава Всевышнему! — воскликнул Павел.

— Я намного хуже.

— Что? О чем это он говорит? — встрепенулась Джессика. — Какие удары? Павлик?

— У нас была парочка мужских разговоров, — скромно ответил он.

— Что вы об этом знаете? — Джессика подняла на меня испуганные глаза. — Умоляю, скажите!

— Разговоры действительно были. Жаль, что Павлику так и не удалось высказаться.

Она повернулась к мужу:

— Ты же говорил, что упал!

Я не сдержался и хмыкнул:

— Упал? И скулой, и печенью сразу?

Джессика заревела.

Он обнял ее и тихо сказал:

— Прости, не хотел тебя пугать.

Через полминуты она немного успокоилась и спросила меня:

— Откуда вы все это знаете?

Я развел руки в стороны и улыбнулся:

— Положение обязывает.

Они оба вздрогнули, но не ушли — продолжали переминаться с ноги на ногу.

— Что-нибудь еще?

Джессика ответила не сразу. Постояла, размазывая слезы по щекам, подумала о чем-то своем и только потом заговорила:

— Вообще-то, да. Мы хотим пригласить вас в гости. Вечером. К шести по общегалактическому. Или когда наше солнышко горизонта коснется. Придете?

— Зачем?

— Ну, пообщаться, получше узнать друг друга.

— Зачем?

— Ну, мы все-таки соседи... Живем рядом...

— Да я не против! Живите на здоровье! А в гости-то зачем звать?

— Так полагается, — растерянно ответила Джессика. — Или уже нет?

— Я не знаю. Честно говоря, все эти ваши обычаи мне в новинку. Начальство меня просвещает, но я все равно не догоняю.

Она окончательно впала в ступор. Слова закончились. Мысли закоротило.

Выручил Павел:

— Знаешь, Джесси, он прав. Сейчас лучше вообще ничего о соседях не знать. Пошли отсюда.

— А как же наше маленькое преступление?

— Точно! Забыл!

Они снова стали переминаться с ноги на ногу.

Я их не торопил. Мне тоже было нелегко: изо всех сил сдерживал смех.

— Видите ли, — начала Джессика, — мы должны вам кое-что сообщить. Просто я в некотором смысле поступила не очень порядочно по отношению к вам и хотела бы в этом признаться. Вот. Вы придете? Я пирог испеку!

— А здесь признаться нельзя?

— Можно, но это будет намного труднее. — Ее голос дрогнул, губы предательски сжались...

— Ладно-ладно, уговорили! Приду. Только не надо плакать!

В пять часов позвонил полковник. Сообщил, что не имеет к беглецам никакого отношения, и предложил прислать помощь. Пошутил, конечно. Потом я рассказал ему о приглашении.

— А ты вообще в гостях-то бывал? — спросил он.

— Это когда заходишь в казарму соседнего полка и говоришь: *Кто тут у вас самый крутой?*

— Не совсем...

— Тогда как?

— Ну слушай...

В шесть часов я уже стучался в дверь к соседям, одетый в цивильное (поверх броника) и почти безоружный. В руках держал пол-литровую бутылку виски.

Полковник велел передать бутылку Джессике со словами «к столу».

Дверь открыли вдвоем. Джессика надела черное декольтированное платье и даже бусы жемчужные нацепила. На долю секунды я утратил боеспособность, поверженный блеском ее красоты. Если бы сейчас кто-то попробовал воткнуть мне нож в спину, я бы мог и не увернуться. Реакция уже не та. Мысли затупились. Поражающая сила Джессики оказалась больше, чем я рассчитывал, и мозг не выдержал.

Подвела разведка. Джессику на мониторе или в огороде я воспринимал как солидную артподготовку, думал, и сейчас будет то же самое. Ошибался, выходит. Джессика в вечернем платье в полуметре от меня — это настоящий штурм. Я оказался не готов. Теперь всю ночь буду тренироваться — мысли затачивать. Ну и зрелище!

Павлик был одет как обычно, только рубашку в штаны заправил.

Оба счастливые.

Кажется, полковник велел начать с комплимента...

— Джессика, вы прекрасны!

— Спасибо!

Я протянул ей бутылку. Полковник не сказал, что это нужно сделать медленно. Джессика отшатнулась, Павлик зажмурился и вжал голову в плечи.

— К столу!

Нехорошо получилось. Может, сначала надо было поздороваться? Кажется, я опять что-то перепутал.

Джессика первая пришла в себя и снова заулыбалась:

— Никак не привыкну к вашей скорости! Простите.

Она взяла бутылку и несколько секунд ее рассматривала, потом ласково постучала Павлика по голове подушечками пальцев:

— Открой глазки! Мы будем пить BLACK SPACE!

Павлик прозрел, взял бутылку и стал разглядывать гравировку.

— Пойдемте в дом! — сказала Джессика. — У меня уже все готово.

В центре маленькой комнаты стоял все тот же походный пластиковый стол, который Павел выносил в огород закатными вечерами. Ничего основательнее он так и не сколотил.

Стулья тоже были раскладными.

— У вас праздник какой-то? Почему вы такие радостные? — спросил я.

— Мы первый раз гостей принимаем! — просияла Джессика. — К нам же никто не ходил с самого приезда!

— Почему?

— Это долгая история. Вы присаживайтесь. Я сейчас принесу соте и все вам расскажу. А пока можете открыть виски.

— Точно! — подорвался Павлик. — Вы пока открывайте виски, а я пойду принесу стаканы!

Но Джессика усадила его обратно:

— Любимый, у нас же нет стаканов — только чашки и одна кружка. Сиди, я все принесу сама. Нехорошо заставлять гостя скучать в одиночестве.

Павлик обреченно упал на стул. *Это конец*, говорили его глаза, *я погиб, и нет надежды на спасение!*

— Симпатичный у вас домик! — сказал я, когда мы остались вдвоем.

— А! — вздрогнул Павлик. — Что? Домик? А, домик! Да, точно, жить можно. Если недолго.

— А долго сейчас и не живут, не переживай. Ха-ха. И жена у тебя красавица. Повезло!

Он опустил взгляд, поджал губы и покраснел до самых ушей.

Ну а сейчас что не так? Похоже, разговор не заладился. Ладно, мы пока бутылочку откроем. Пойло грамотное. Полковник расщедрился.

— О, какой приятный запах! Даже здесь чувствуется! — Джессика стояла в дверях и улыбалась. В одной руке она держала сковородку, в другой — три чашки.

— Качество оригинального продукта! Плохого не держим!

— А почему Павел такой грустный? — Она принялась раскладывать соте по тарелкам и посмотрела на меня.

Пришлось поднять лапки кверху и покачать головой. Разбирайтесь, мол, сами, я не при делах.

— Павлуша, ты чего?

Молчание.

— Кажется, он меня боится.

— Я тоже вас боюсь, но это же не помешает нам поужинать? Вы же не собираетесь убить нас прямо сейчас?

— Я вообще не собираюсь вас убивать.

— Вот и хорошо! Слышал, Павлик? Сегодня нас никто не убьет. Если, конечно, пришельцы не заявятся на ночь глядя.

— Не волнуйтесь, я об этом позаботился. *(Перед выходом увеличил охраняемый периметр, чтобы и соседей прикрыть.)* Нас никто не побеспокоит. Здесь имеет смысл бояться только меня, а со мной вы уже все выяснили.

Павлик заплакал.

— Послушайте, Джессика, мне лучше снова исчезнуть. Вы замечательная хозяйка, все было здорово, но человек напуган до полусмерти и продолжает ускоряться. Вам надо остаться вдвоем.

Джессика подбежала к двери, прижалась к ней спиной.

Соблазнительное зрелище. Спокойно, боец. Мысли — это заточенные клинки. Отвернись, или они окончательно выйдут из строя.

— Не уходите, — прошептала Джессика. — Дайте мне минутку. Хорошо?

— Попробуйте.

Она подошла к Павлику, взяла его под локоток и утащила за собой на кухню. Дверь прикрыли. Я вернулся за стол и сделал пару глотков прямо из бутылки. Полковник бы этого не одобрил.

На кухне раздались возмущенные крики обеих сторон. Продолжалось это дело минуты две и неожиданно закончилось после слов Джессики: «Мы и так живем последние деньки, хотя бы умри достойно и не порти праздник!» Еще полминуты они тихонько шушукались, а потом появились на пороге — довольные и счастливые.

Етить! — как сказала бы Марья Андреевна.

— Присаживайтесь, чего стоите? — Пришлось взять на себя роль управляющего.

Они молча расселись. Я в упор посмотрел на Павлика:

— Ты успокоился?

Он испуганно кивнул.

— Тогда я наливаю?

— Я не пью! — вздрогнул Павлик и закрыл рукой свою чашку.

— Джессика?

— Он пьет, но немножко. Налейте всем по пятьдесят грамм.

Павлик убрал руку, и я наполнил чашки на одну четверть.

— Первый тост за хозяйку. Джессика, будь здорова и оставайся такой же красавицей! (*Хотя это чертовски напрягает!*)

Мы чокнулись, я встал и сделал пару глотков. Может, надо было и говорить стоя? Жаль, полковник не уточнил. Павлик тоже поднялся.

— Приятный напиток, — сказал он. — Ядреный и мягкий одновременно!

— Замечательный виски! — похвалила Джессика.

Я опустился на стул, зачерпнул полную ложку соте и замер. Закралась каверзная мыслишка.

— Что-то не так? — забеспокоилась Джессика.

— Не отравлено?

Вместо ответа она взяла наши с ней тарелки и сделала небольшую рокировочку.

— Еще что-нибудь *смущает*?

— Простите. У каждого свои глюки.

— Ложками будем меняться?

— Не стоит.

Вот об этом казусе полковник не узнает. Кстати, что он еще велел сказать? А, вспомнил!

— Джессика, вы очень вкусно готовите!

— Спасибо. Но вы еще не попробовали...

Минуту ели молча. Потом я не выдержал:

— Так что там за долгая история? Время есть. Можно и рассказать.

Она улыбнулась:

— Я была совсем дурочка! Увидела вашу Обитель, то есть ваш теремок, — он стоял такой беленький, аккуратненький, — и попросила перевозчиков собрать наш домик рядышком. Павлик не возражал.

А потом выяснилось, что это прóклятое место. Но было поздно. Поэтому к нам никто и не ходил. Хотя принимали охотно. Сочувствовали.

— Чем же их так напугал мой теремок?

— Чертовщиной всякой. Никого нет, а трава всегда аккуратно подстрижена. Семья Тушинских привезла с собой попугая. Он выпорхнул из клетки и полетел к вашему теремку.

— Не повезло пернатому.

— Да уж, — вздохнула Джессика. — Десятки людей видели, как он исчез. Яркая вспышка — и нет больше попугайчика.

Она замолчала на секунду.

— Люди боялись даже подходить к вашей Обители...

— Теремку, — поправил Павлик.

— И правильно делали, — сказал я.

— ...а заодно и к нашему дому, — закончила Джессика.

— Мне жаль.

— Такая вот история. Поэтому мы очень рады, что вы пришли. Я рада.

— Я тоже. Чего уж там!

— Павлик!

— Что?

— Веди себя прилично!

— Я устал притворяться. Все мы знаем, зачем он пришел!

— Павлик, не начинай...

— Подождите, Джессика, это уже интересно. Так зачем я пришел?

— Вы хотите забрать ее у меня. Видите, что я не могу ее защитить, и решили, что она достойна лучшего?

Я знаю, что она вам понравилась. Вы можете меня убить, но я никогда не соглашусь ее отдать, понятно? И знайте, что вам не будет счастья!

Джессика сидела с открытым ртом и, судя по декольте, даже дышать перестала. Я тоже почувствовал себя нехорошо. Вот извращенец! И, главное, как все логично выстроил!

Мне осталось только поаплодировать товарищу.

— Павлуша, ты великолепен! Но на сегодня достаточно. Я боюсь, еще одного представления Джессика не выдержит. Давайте мы все немного успокоимся.

— Но ведь я прав?

— Наполовину. Джессика замечательная девушка, и любому нормальному мужику она обязательно понравится. А живет почему-то с тобой. Для меня это величайшая загадка природы. Но Джессике виднее. Тебе конкретно повезло! Радоваться надо, а ты слезы проливаешь! Чудак! Я уверен, что если тебя убить, она вообще ни с кем жить не захочет. Понимаешь, о чем я?

— Хотите, чтобы я сам ушел?

Джессика застонала и не смогла сдержать слез. Посмотрела на меня и прикусила верхнюю губу.

— Вы можете оставить нас на минуту? — спросил я.

Она молча встала и ушла на кухню, захлопнув дверь.

Павлик дрожащей рукой размазывал овощи по тарелке. Состояние относительно вменяемое. Почему-то я вспомнил погибших курсантов.

— *Бить* будете? — спросил Павлик, не отвлекаясь от своего важного занятия. — Тогда давайте быстрее!

— Говорю один раз, ты слушаешь молча и запоминаешь на всю жизнь, больше мы никогда не возвращаемся к этому разговору. Мне Джессика не нужна. Она замечательная, спору нет, но нашему брату женщины больше чем на пять минут противопоказаны. А такие, как Джессика, противопоказаны в принципе! Во-первых, они не укладываются в пятиминутный формат; во-вторых, они надолго остаются в мозгах и ничем их оттуда не выкинешь. Для нашего брата это катастрофа. Мыс-

ли должны быть холодными и острыми, как заточенная сталь, а не теплыми и округлыми, как женщина. Чтобы никакой рефлексии в решающий момент. А Джессике нужна тихая семейная жизнь и, как это ни странно, вместе с тобой. Поэтому, будь добр, сделай так, чтобы она не жалела о своем выборе. Я выпишу тебе рецепт. Отжимание по утрам, пресс и все такое до третьего пота. Каждый день по полчаса. С предварительной разминкой. Плюс три раза в неделю — двухчасовые занятия. Воскресенье — выходной. На первое время тебе хватит. Сразу же почувствуешь себя увереннее, и приступы прекратятся. Глядишь, через полгода уже не придется со слезами отдавать свою жену в руки первого встречного монстра, у которого вместо мозгов заточенные клинки. Бойцом ты не станешь, но хиленький удар под дых тебя не согнет. И для печени полезно. Воткнул?

— Кажется...

— Больше не будешь плакать?

— Постараюсь!

— Ну вот и молодец! Еще по стаканчику?

— Наливай! — выдохнул Павел.

— Джессика! Можно заходить!

Она тут же появилась в дверях.

— Живы?

— Да, — простонал Павлик.

— Поговорили?

— Да, — ответил я, — и, кажется, вылечились.

— А Павлику удалось высказаться?

— Еще как! — я усмехнулся. — Последнее слово осталось за ним.

— Это радует.

Она села за стол, глотнула виски и, не дожидаясь тоста, быстро заговорила:

— Если вкратце, то все выглядело примерно так. Объявились пришельцы и сделали нехорошее с поселением, потом они решили сделать нехорошее с вашим теремком, но у них не очень-то получилось. Тогда я выбежала и закрича-

ла, что хозяин Чертовой Обители наш хороший друг и что если они сделают нехорошее с нами, то вы придете и всех отшлепаете. Кажется, они испугались. Я же не думала, что вы приедете и что у вас могут быть какие-то проблемы! Завтра скажу им правду. Ну вот и все. Я призналась.

Она уткнулась в тарелку.

Даже назвать вещи своими именами не смогла. Слов пугается. И до сих пор жива! Весело же ей тут было!

Павлик сидел как пень и беспомощно моргал.

— Забавные вы ребятки, — сказал я. — Что одна, что другой. Посадить бы вас в клетку и показывать людям за деньги. Шутка! Начальство не одобрит. Чего грустные такие?

Джессика икнула.

— Вы простите мою ложь?

— Нет, мне нечего прощать. Вы не солгали. Это было пророчество.

(Сегодня утром оно начало сбываться: одного уже шлепнул.)

Голубки́ переглянулись и тяжко вздохнули.

— Вы говорили о какой-то плантации, — напомнила Джессика. — Знаете что-нибудь о пришельцах?

— Совсем немного. Вчера ходил к ним в гости...

Джессика уронила ложку. Павлик перестал жевать.

— ...Правда, без приглашения. Они хорошо устроились. Довольны и счастливы. Тридцать пять беглых заключенных. Угнали два катера и пришвартовались рядом с вами. В трех километрах к югу. Завтра наведаюсь к ним еще разок.

— Вам у них понравилось? — шепотом спросила Джессика.

— У вас лучше.

— Зачем вы к ним ходили?

— Ну, мы же вроде как тоже соседи. Хотел разузнать о них побольше.

— А вы не знаете, — голос Джессики предательски задрожал, — они, случайно, не собираются улететь куда-нибудь еще?

— Я уже подсказал им такой вариант. Намекнул. Но не думаю, что они поняли. Тут одно из двух: или они улетят сегодня ночью, или останутся здесь навсегда.

— Понятно. Ты слышал, Павлик? Нам пора собирать вещички и бежать на север. Может, и не погонятся за нами.

Я тут же разбил эту глупую надежду:

— За таким трофеем, как вы, Джессика, они пойдут на самый полюс. Им все равно делать нечего, а тут симпатичная куколка устраивает сафари. Это же просто праздник! Хотите их развлечь?

Нет ответа.

И слезы кончились.

И Павлик язык проглотил.

Я предложил подбросить их на своем транспорте куда захотят.

— У вас есть корабль? — оживилась Джессика.

— Будет, когда понадобится. Выбирайте планету.

— Галатея, например.

— Не пойдет. Класс «G» — высадка не рекомендуется категорически, причина угрозы — человеческий фактор. Я был там три года назад. Хорошо погулял. Мне потом работа целый месяц отдыхом казалась. Вы и минуту не проживете после высадки.

— Тогда обратно на Землю, в неподконтрольные территории!

— Не советую. Из одного сделают жаркое. Другую заживо поджарят на вертеле. Честно говоря, я не знаю ни одной свободной планеты, где бы вы смогли прожить хотя бы пять минут. Люди очень изменились, и не в лучшую сторону. А чем вас не устраивают имперские территории? Хоть какая-то безопасность... Тоже не сахар, но глядишь, месяцок протянете...

Павлик закашлялся. Джессика легонько постучала его по спине и ответила:

— После окончания нашей трехлетней экспедиции Павлик прочитал доклад в Императорской академии наук. Все было очень торжественно. Его Высочество при-

сутствовал. Суть доклада сводилась к следующему: планета Аврора, несмотря на внешнее сходство с Землей, совершенно не пригодна для жизни людей по целому ряду причин: состав атмосферы, паразиты и дальше по пунктам. Император выслушал, поблагодарил за «теоретические выкладки», а потом предложил перейти к практической части эксперимента — отправить на Аврору человек двести и посмотреть, что с ними произойдет. Павлик сказал Императору нехорошее. Теперь мы официальные враги Империи. Сюда-то чудом удалось прилететь.

— Значит, Павел ученый?

— Да. Был.

— А кем были вы?

— Врачом.

— Познакомились в экспедиции?

Она кивнула:

— Там и поженились. По имперскому закону о межпланетных экспедициях, капитан корабля имеет право оформлять браки между членами экспедиционной группы.

— Круто! Мой вам совет, ребята: оставайтесь на Блике, это самая безопасная планета.

— Угу! — Джессика горько улыбнулась. — Очень безопасная! Ужас, насилие и смерть! Хотите добавки?

— Конечно! — Я протянул ей тарелку. — А по-другому не бывает! Сейчас везде так. Да ладно вам, не волнуйтесь. Самый большой ужас на Блике — это я. А ко мне даже Павлик привык... Хватит, Джессика, себе оставьте!

Она поставила передо мной полную тарелку, подождала минутку для приличия, потом спросила:

— Наших видели?

— Да, но это не застольная тема.

— Как они?

— Плохо.

Джессика порывалась еще что-то спросить, но передумала. Решила подождать, пока я доем.

— Спасибо, Джессика, все было очень вкусно!

— Кто вы? — спросила она.

Ну вот, кое-что начало доходить.

— Есть вещи, которые лучше не знать, а то потом нарушается сон, начинают мысли всякие преследовать. Проблемы с пищеварением опять же...

— У нас на глазах уничтожили целое поселение. Я и так не сплю, и от «всяких мыслей» *уже́* нет спасения.

— Сочувствую. Но это ведь не из-за меня?

— Кто вы?

— Одно поселение — это ерунда. Уверяю вас. Даже переживать не стоит. Сущая мелочь.

— Не смейте! — крикнула Джессика и сжала кулачки. — Для нас это не ерунда! Понятно?

— В таком случае вы сделали большую ошибку, пригласив меня в свой дом. Эти пришельцы — несмышленые детишки в сравнении со мной.

— Я уже поняла. Но вы так и не представились. — Кулачки разжались.

— Подумайте еще раз! Потом будет поздно.

— Кто вы? Я хочу это знать. Я уверена.

— А Павлик?

— А Павлик сходит на кухню поставить чайник. Сходишь, любимый?

После такого взгляда и я бы сходил! Да еще бы и мусор вынес!

— Джессика, чего вы хотите: красивого вечера или честного разговора?

— Красивый вечер закончился. Его уже не отнять и не испортить. Можно и поговорить.

— А чайников хватит? Или Павлик весь вечер будет мыть посуду?

— Надо будет — помоет! Все настолько плохо?

— Да нет, конечно. Просто пошутил неудачно.

— Кто вы?

— Отряд «Черти», №981, позывной Сорвиголова. У наших зовусь Чертякой, в миру — Володей. Работаю на Империю.

— Как??? Уже и ВЫ на нее работаете?! Я знала, что дело нечисто, но чтобы настолько! Понятно!

— Еще вопросы есть?

— Шутите? Какие тут могут быть вопросы?!

— Тогда мне лучше уйти. Простите, что напугал. Пойду прогуляюсь на сон грядущий.

— Нет! Не уходите.

— Чего опять?

— Пирог. Я для вас пекла. С вишневым повидлом. Вы должны его попробовать. Обязательно! Не бойтесь — не отравленный! Садитесь обратно. Не знаю, как на Земле и вообще в мире, но в нашем доме законов гостеприимства еще никто не отменял. Я догадывалась, кто вы, и сама вас пригласила. Не уходите.

— А вы так и будете плакать?

— Не буду! Это минутная слабость.

Вытерла слезы и очаровательно мне улыбнулась. Доволен, мол? Все для дорогого гостя. Только останься.

Поражался я этой девушке. Плачет, но осанку держит. Никогда такого раньше не видел.

Пирог у нее получился шикарный. Хорошо, что мне сразу два куска положили. После консультации с полковником я бы сам добавки просить не рискнул. Это называется этикет. *Что-то вроде устава для гражданских. Если его нарушишь, про тебя нехорошее подумают.*

Ели молча.

Я время от времени облизывал пальцы (не пропадать же повидлу в салфетках?). Джессика украдкой роняла слезы в чашку, а Павлик изо всех сил старался нас не замечать. Так, бедный, напрягался, что я решил его немного отвлечь:

— Кстати, Павел, можно тебя кое о чем попросить?

Джессика поперхнулась, уронила полкуска пирога, но жестами показала, что все в порядке.

— Смотря что... — осторожно ответил Павлик, поглядывая на жену.

— Если завтра увидишь пришельцев, а ты их увидишь, свистни мне. Я выйду, и мы вместе с ними поговорим.

— Не пойдет, — ответил Павлик.

— Почему?

— Вы не такой, как я. Вы не будете терпеть. Попробуете сопротивляться, и они вас убьют. А потом и нас.

— Логично. Просьба снимается. Забудь.

Я подмигнул Джессике и уткнулся в пирог.

Стемнело.

Пора уходить.

Я еще раз поблагодарил Джессику и стал прощаться. Все, как и велел полковник.

— Вы не раздумали гулять перед сном? — спросила она.

— Нет. А в чем дело?

— Послушайте, уже темно. Мы будем волноваться. Все-таки вы наш гость, а пришельцы рядом...

— Джессика, милая, где я еще найду такой воздух? У меня на работе только пламя, гарь и дым. Дайте мне полчасика. А потом сразу домой! Обещаю!

— У вас есть электричество?

— У меня есть все.

— Когда вернетесь, мигните светом три раза, и мы будем знать, что все в порядке.

— Договорились.

Я подошел к двери.

— Подождите...

Джессика приблизилась ко мне почти вплотную, подняла на меня заплаканные глаза и прошептала:

— Знаете что, вы приходите к нам еще, если будет возможность. Хорошо?

— Ты серьезно, Джессика?

— Абсолютно! — Ресничками хлоп-хлоп.

Какая девочка! Эх, не будь я чертякой...

Но я чертяка, и в голове у меня заточенные клинки!

— Павлик?

— Приходите, конечно. Можно даже без бутылки.

— Павлик! — крикнула Джессика.

— Понял! Все-таки лучше с бутылкой!

— Так, ребятки, мне пора, вы уж дальше как-нибудь сами... — Я выбежал из дома, перепрыгнул через забор и ломанулся в непроглядную ночь, наполняя легкие уникальным бликовским воздухом.

— Полчаса! Не больше! — крикнула Джессика вдогонку.

Через тридцать минут я был уже в теремке. Помигал три раза светом и вдруг вспомнил, что у меня нет окон. Досадный казус! Десять минут искал какую-нибудь лампу, что бы выйти с ней во двор или на крышу. Нашел только фонарик, но это несерьезно. Могут и не заметить.

Время тикало.

И тут я вспомнил, что видел в оружейке огнемет.

Через минуту я был на крыше. Три раза длинные алые языки с шипящим гулом лизнули тьму. Красотища!

Я отнес огнемет в оружейку, взял старый добрый «Пульсар» и с чувством выполненного долга улегся спать.

Проснулся на рассвете. Занимался у мониторов, чтобы не пропустить гостей. Они объявились с первыми лучами Ортеги. Те же трое ублюдков. Подошли и начали плеваться через забор.

Когда я вышел из теремка, Павлик стоял в метре от визитеров. Ближе не подходил.

— Здоро́во, соседушка! Нормально выспались? Кажется, я вчера немного перебрал со спецэффектами. Надеюсь, вы не в обиде? О, прости, ты не один... А что за чмыри? Это и есть знаменитые самоубийцы? Покаяться пришли? Так уже поздно, ребятки. Раньше надо было думать. Все, я уже здесь. Обратно порожняком не вернусь. Только с вами! Давай-ка, соседушка, разыграем этих бубликов, как раньше в «Тартаре». Ты выиграл — тебе огород копают, я выиграл — у меня траву стригут. Что скажешь, раскинем картишки?

— Вообще-то я просил их уйти... — промямлил Павел.

— Да куда ж им идти? Они уже пришли. Ха-ха! Добрый ты человек, Павлуша. От дармовой силы отказываешься! Ну и правильно, мало ли какая зараза у них внутри. Мне-то все равно, что сжигать, а тебе огород испортят. Ладно, пусть отваливают.

Я вразвалочку пошел к калитке.

Чмыри не торопились отваливать.

От страха дрожали все, но центровой попробовал раскрыть рот:

— А ты, командир, кто такой? Откуда взялся?

— Твоя смерть, малыш, как это ни грустно. Нашли вчера подарочек в кустах? Сегодня до заката все там будете. Нельзя обижать моих друзей. Это закон. Возмездие неотвратимо. Сейчас можете идти, но особо не торопитесь. У вас есть время только на молитву. До плантации добежать не успеете.

Я захлопнул калитку, улыбнулся, развел руки и пошел к чмырям.

— А можем прямо здесь обняться и все закончить. Идите к папочке.

Не пошли. Развернулись и побежали обратно со всех ног.

Павлику опять стало плохо: уставился в одну точку и не шевелится. Я хлопнул в ладоши. Он вздрогнул и посмотрел на меня.

— Понял, как нужно разговаривать с этой гнилью?

— Да, но что будет после заката, когда они поймут, что вы пошутили?

— Это уже мелочи, не грузись. Они ведь убежали! Главное — мысль красиво оформить. Вот в чем закавыка! Понимаешь?

— Не уверен, если честно.

— Ладно, иди в дом и подумай.

— Хорошо... Но вы ведь пошутили, да?

— Конечно! Я не собираюсь ждать до заката. Может, закончить с ними до обеда? Как ты считаешь?

— Вам все шутки, а Джессика вчера очень испугалась...

— Чего?

— Ну, что вы и вправду... из преисподней. Она думала, что... В общем... Сомневалась. А вчера наверху вы приняли настоящий облик, и... она испугалась.

— Беги в дом, Павлик. Потом поговорим. Вдруг они и правда вернутся?

Нет, это не винтовка! Это благодать какая-то! Безотказная, бесшумная, точная. А скорострельность! Срезала всех троих как одной очередью! Недалеко убежали бублики!

Я спустился с крыши и еще не успел отнести GL-11 в оружейку, а входная дверь уже загудела от чьих-то нетерпеливых кулачков. Ладно, у меня хватило ума расширить периметр и внести соседушек в список «свои». Вспыхнули бы сейчас, как тот попугайчик. Но ведь не побоялись подойти к двери!

Пришлось открыть.

Джессика набросилась на меня прямо с порога:

— Зачем вы это сделали? Кто дал вам право лезть в нашу жизнь? Вы их не знаете! Они вернутся, расскажут остальным, и нас убьют. А вам все шуточки!

Покрасневшая, щечки розовые, глаза горят. Вся пышет праведным гневом и такая гордая!

Но на это раз я был готов. Не время расслабляться. Стальные клинки в моей голове перешли в режим непрерывной заточки и могли перерубить волос в полете.

— Ничего они не расскажут, — жестко ответил я.

— Вы не понимаете! Это не люди! Им главное — поиздеваться над кем-нибудь и получить удовольствие! И теперь вы подарили им отличный повод! Спасибо! Вы нам очень помогли! Павлик, пошли отсюда! — Схватила его под локоток и потащила за собой.

Угроза миновала — можно продолжать.

Я спустился в оружейку, положил GL-11 и взял «Укус». Для такого дела самое оно!

Через полчаса с рабовладением на Блике было покончено.

Но спасти поселенцев мне не удалось.

Беглые заключенные разбили их чистую хрустальную жизнь на мелкие осколки и основательно втоптали в грязь. Осколки можно было откопать и даже отмыть, но прежнюю жизнь из них не склеить, а другой поселенцы не хотели и боялись больше смерти.

Цельные несгибаемые натуры были сломаны и теперь медленно подыхали.

Я подходил к мужчинам и говорил, что черные времена закончились, что работать на пришельцев больше не надо, что они могут идти домой к женам. Они отвечали, что им все равно, что их дома разрушены, что жены никогда не простят их слабости. Или ничего не отвечали. Некоторые просто садились на землю и закрывали лицо руками, некоторые продолжали работать.

С женщинами все было еще хуже. Когда я зашел к ним в барак, они молили Всевышнего о смерти. Шепотом. На меня никто не обратил внимания, никто не повернул головы́ в мою сторону.

Я сказал им, что рабство закончилось, что они свободны.

Они молили Всевышнего о смерти.

Я говорил им, что их любимые мужья стоят снаружи и ждут.

Они молили Всевышнего о смерти.

Я говорил и говорил!

Они молили Всевышнего о смерти.

Душой они все были уже ТАМ, за жизненным чертогом, а здесь по нелепой случайности остались только измученные поруганные тела.

Я вышел на свежий воздух.

Мужчины продолжали работать. Гнули спины, обрабатывая зеленые ростки. Ортега подошла к зениту.

Я вспомнил Сьюзи. Хорошая девочка! Пластичная. Семью съели, а она уже через пару недель с улыбкой советников ублажает. Нашла силы. Сумела взять себя в руки. Молодец! Я бы и не догадался о ее трагедии, если бы сама не сказала. Что она — боли не чувствует? Еще как

чувствует! Но девочка крутится, цепляется за жизнь тонкими, слабыми пальчиками! И правильно делает! Да, вымазывается в дерьме каждый день, зато живая!

Поселенцы так не могли.

Я плюнул и вернулся в теремок.

Со мной происходило что-то странное.

Несколько раз я по ошибочному приказу подрывал не те поселения, но больше двух минут никогда об этом не переживал. На войне всякое бывает. Я тут при чем? Приказы не обсуждаются.

Почему же сейчас меня потрясывает и знобит? Я бы легко мог расстрелять их всех из «Квазара» или вообще накрыть ракетой! Легко! Был бы приказ!

Но приказа не было.

Появились сомнения.

А в трех километрах к югу поруганные женщины продолжали молить Всевышнего о смерти.

Сомнения росли с каждой минутой, и в какой-то момент я собрался идти к Джессике за советом. Начал готовить пояснительную речь. Получилось что-то вроде этого. *Джессика, мне нужна твоя помощь. Я тут освободил поселенцев и теперь не знаю, что мне с ними делать: быстренько умертвить или подождать, пока сами сдохнут денька через три? Это не шутка. Просто у них такое состояние, когда свобода уже не приносит избавления. Не понимаешь? Странно? Вот и я не понимаю. Может, просто завести их всех в один барак, накидать туда гранат, и дело с концом? Нет? Тебя это расстроит? Тогда что же делать? Может, ракетой накрыть? Подскажи. В конце концов, это твои друзья! Ну!*

Я представил личико Джессики, когда она это услышит, и пошел в оружейку.

Ничего, мы уж как-нибудь сами.

Клинки не затупились.

Пожалуй, все-таки газ. Никакого запаха, никакой боли — тихий вечный сон. Они долго мучились, пусть хотя бы умрут во сне. А «пиротехнику» оставим для других случаев. Еще пригодится.

Вечером пошел к соседям. Открыл Павел.

— Здоро́во! У тебя лопата есть?

Наверное, слишком громко спросил. Он вздрогнул и отшатнулся. Достал уже дергаться!

— Есть. А вам какая нужна: штыковая или совковая?

— Обе.

— Понятно! Тоже решили огородничать?

— Угу.

— Сейчас принесу.

Он скрылся в доме. Вышла Джессика. Несколько секунд внимательно меня рассматривала.

— Где Павлик? — спросила упавшим голосом.

— Пошел за лопатами. Хочу одолжить на пару дней.

— Кого хороните?

— Всех.

— Наших? П-поселенцев?

— И поселенцев тоже.

Она пулей выбежала в огород, упала на грядки и начала кататься по земле с тихим воем.

Нетушки, хватит с меня спецэффектов! Пора с этим кончать! Я метнулся к Джессике, схватил ее за бедра и окунул по пояс в бочку с водой. Через десять секунд вынул и поставил на ноги.

— Кулачки разожми, пальчики попортишь!

— Я знала, что вы не шутите, — заскулила Джессика, выбрасывая комья мокрой земли. — Понятно? Я знала! Просто очень боялась! Засуньте меня еще раз в бочку и больше не вынимайте!

На пороге появился Павлик с лопатами и закричал в темноту:

— Где вы? Ау!

Я прижал к нему насквозь мокрую Джессику, подхватил выпавшие из его рук лопаты и пошел к забору.

— *Вы* их убили? — спросила темнота голосом Джессики.

Я остановился и повернулся кругом. На такие вопросы надо отвечать глядя в глаза.

— Я прекратил их мучения, Джессика. Они умерли во сне. Газ.

— Мы можем помочь?

— А вы многих поселенцев знали в лицо и по именам?

— Почти всех.

— Тогда пойдемте со мной, будем хоронить в отдельных могилах.

— А почему ночью? — удивился Павлик.

— Потому что тела разлагаются. Если начать завтра, мы не успеем: трупный запах будет выворачивать нас наизнанку... У тебя жена врач. Она лучше объяснит. К тому же я все равно не усну.

— Павлика берем? — спросила жена-врач. — Я сейчас тоже не усну.

— Это *ваш* муж. Но я бы взял. Копать-то он умеет?

— Научится! Я пойду сварю кофе...

— Нет!!!

— Что случилось?

— Простите, ничего. Дурное воспоминание. И переоденьтесь во что-нибудь сухое.

Похороны заняли трое суток. А потом еще три дня мы делали надписи на могилах.

Не знаю, как Джессика это пережила. Но держалась молодцом. Павлик тоже не подкачал. Особенно в первую ночь хорошо постарался. Только утром Джессика заметила, что у него ладони стерты в кровь.

Кофе получился обалденный.

Следующие два дня я усиленно тренировался. Никаких перерывов.

А потом позвонил полковник:

— Прости, малыш, но, кажется, твой отпуск закончился. Мне очень жаль. Собирайся и беги оттуда побыстрее. Сможешь улететь на катере «Астории»?

— Думаю, да, но недалеко. Что случилось? Опять надо кому-то оторвать голову? Вообще-то я только начал отдыхать...

— Тебе нужно убираться оттуда! Произошло небольшое ЧП, я сам узнал только что. Беглецы с «Астории» —

это первые ласточки. У нас бунты во всех тюрьмах Империи одновременно, и никто не собирается их подавлять. Таких массовых побегов еще не было. Урки хорошо организованы. Собрались в один флот и теперь летят прямиком к тебе. Делай ноги, малыш, и поскорее. Они объявятся через пару дней.

— Сколько их?

— Кораблей триста.

— А людей?

— Около восьми тысяч.

— Многовато...

— Я о том же.

— Оружие?

— Все тюремные арсеналы. Как минимум. Возможно, им еще подкинули.

Я присвистнул.

— Почти весь «Тартар» сбежал. Эти ребята тебя не забыли. Ты же у них отличился! Да и остальные тюрьмы — не чета «Астории». Восемь тысяч озлобленных урок, готовых снести все на своем пути, летят прямо к тебе. Публика знатная. На воле стволы из рук не выпускали. Половина — военные, половина — грабители. Целая армия хорошо подготовленных, обстрелянных бойцов.

— Хотите меня напугать?

— Хочу тебя уберечь. Успеешь подготовить катер за один день?

— А как же ангелы? Двое ведь еще живы.

— Боюсь, они обречены. Конечно, можешь забрать их с собой, но это ничего не изменит. Ты ведь не будешь таскать их в чемодане повсюду. А как только они останутся одни... Сам знаешь. Ангелы могут жить только на Блике, — полковник замолчал и тут же поправился: — Могли. Заповедные экземпляры. Мне очень жаль. Ты к ним привязался?

— Я ни к кому не привязываюсь! Просто не хочу оставлять уркам такой подарок!

— Это правильно, малыш. Можешь пристрелить их из чего-то импульсного, чтобы не мучились. Наверное, так будет лучше всего. Они ничего не почувствуют. Чпок — и все, и пустота. Были — и нет. Даже памяти не останется.

Я вспомнил ее выходы в купальнике, вспомнил, как она протянула мне руку и сказала *меня зовут Джессика*, как она залепила мужу пощечину, вспомнил ее дурацкие извинения и просьбы о невмешательстве в личную жизнь, ее пирог, ее слезы, ее улыбку, ее признания, ее страхи, вспомнил комья мокрой земли в ее кулачках. А Джессика в вечернем платье?

Мысли затупились.

А этот шибздик? Тоже, наверное, жить хочет. *Отойди, это не твое! Но тогда знайте: вам не будет счастья!* Да кому оно нужно, это гребаное счастье?! Соплежуй умудрился наехать на Императора! Ученый!

Чпок — и все, и пустота. Были — и нет. Даже памяти не останется.

Попробуй такое забыть! Их закаты, их поцелуи... Никчемушное достоинство на острие ножа.

В любом случае в чемодане им будет тесно. Я не смогу их забрать. Тут полковник прав.

— Ты меня слышишь?

— Мне надо подумать...

— Это похвально. Полчаса хватит?

— Не знаю... Как пойдет. Перезвоните через час.

— Погоди... Хочу, чтобы ты еще кое-что знал. Им никто не мешал. Их никто не преследует. Нашим даны приказы уклоняться от боя.

— Кто за этим стоит?

— Выясняю. Пока глухо. Но и это не самое смешное! Они знают, что ты там, и готовятся к встрече.

— Про «Гвоздь» тоже знают?

— Про твою ногу я никому не говорил. Но будь осторожнее и босиком не ходи!

— Постараюсь.

— А теперь думай. Перезвоню через час.

Забрать их не получится. И убить не смогу. Обещал. Вот и приплыли!

Пусть остаются. За пару дней можно далеко убежать и хорошо спрятаться. Поживут возле какого-нибудь ручейка, пока их не обнаружат. А потом...

Я представил Джессику в *том* бараке. Еще одна хрустальная жизнь будет разбита и втоптана в грязь. Две жизни.

Блик потускнеет. Никто больше не будет купаться в его закатах и сиять от счастья. Последним ангелам оторвут крылья.

И никто не пригласит меня в гости.

Тогда я выбежала и закричала, что хозяин Чертовой Обители наш хороший друг. Вы простите мою ложь? — Это пророчество.

Какие красивые были слова! Как сладко они звучали! Просто песня! Помнится, я еще потом кое-что ляпнул. *Нельзя обижать моих друзей. Это закон. Возмездие неотвратимо.*

Трудно поверить, но неделю назад я говорил это всерьез. Мир быстро меняется. Значение слов и законы — тоже.

Мы не ангелы, можем и приспособиться.

Не знаю, как на Земле и вообще в мире, но в нашем доме законов гостеприимства еще никто не отменял.

Вот прицепилось-то!

У меня никогда не было друзей. Полковник — не в счет. Это Учитель.

Сьюзи? Симпатичная проститутка с трагическим прошлым. Хороша, когда спит, но как проснется — хоть с корабля беги... Да, ее обидчикам я бы спокойно оторвал головы. Не проблема. Но при чем тут дружба?

Ради ангелов я взялся за оружие и устроил небольшую зачистку. А потом еще почти неделю изображал могильщика. Хотя нет, при чем тут ангелы? Бублики получили по заслугам. Обычное возмездие.

Джессика... А тут как ни крути — друзья. В конце концов, я ведь первый полез к ней на огород... Вовремя заимел подругу!

На одной чаше весов — парочка ангелов, на другой — восемь тысяч урок. Я вешу примерно роту. И то, если повезет. Больше гирь нет. Вот тебе и развесовочка!

При таком раскладе я ничем не смогу им помочь.

Восемь тысяч подготовленных бойцов мне не потянуть — будем смотреть на вещи реально. Защиту теремка они быстро выведут из строя. Пара дней — и готово. А скорее всего, за день управятся. Сказками про чертовщину их не напугать. Люди военные — сообразят, что к чему. Где не додумают, массой возьмут. Значит, в теремке ангелов тоже не спрячешь.

Урки ищут меня, а найдут моих друзей. То-то обрадуются! Чертяка убежал, но оставил подарочек! Вот тебе и великий боец!

Ну и ладно. В конце концов, у каждого своя судьба. Ничего страшного. Такова жизнь. Какое мне дело до этого Блика? Вернусь на Землю и буду срывать злость в неподконтрольных территориях. Сейчас главное — выжить.

Я спустился в оружейку, набрал гранат и вышел во двор — газон потоптать. Остановился возле калитки и начал думать. Выдерну чеку, брошу гранату далеко в развалины и думаю... Прогремит взрыв, а я смотрю на клубы пыли и думаю. Снова срываю чеку и бросаю гранату...

Соседи, наверное, перепугались.

Из дома вышла Джессика, остановилась у забора и смотрит.

А мне что? Мне ничего! Пусть смотрит. Это Павлик стеснительный, а у меня в голове заточенные клинки! Вот эта далеко полетела и взорвалась хорошо — много пыли. Жаль, что последняя.

— Павлик, принеси Володе чаю. Что-то он у нас в печали, — закричала Джессика. Поэтесса хренова!

— Не надо мне чаю!

— Надо. Просто вы еще об этом не знаете. Павлик, поторопись!

Гранаты закончились, а я так ничего и не придумал. Не мое это. Зря полковник со мной время теряет.

— Проблемы? — спросила Джессика.

Я кивнул.

— У нас?

— Не знаю. Возможно. Еще не решил. Я сказал вам, что все закончилось, но...

— ...это была только первая серия?

Я медленно покачал головой:

— Даже не вступительные титры.

— Тогда не страшно. Я все равно не смогу такое представить.

— Счастливая!

— Ага! Очень!

Она задумалась на секунду.

— У вас ведь еще остались гранаты? Подари́те нам одну на двоих для полного счастья, когда будете улетать. И объясните, как ей пользоваться! Хорошо? Договорились? Пода́рите?

— Кончились гранаты. Только что последнюю взорвал. Не повезло.

— Ну и ладно! Вы не переживайте! Мы с Павликом обязательно что-нибудь придумаем!

— Угу. Конечно! Особенно с Павликом!

— Не смейте издеваться над Павликом! Я вам этого не позволю!

— Джессика, заткнись!

— А вот грубить не надо! Зажидил гранату и еще ругается! Нехорошо!

Она развернулась и пошла к дому. Остановилась в дверях, повернулась ко мне и закричала:

— Пойдемте с нами закат встречать!

— Ну уж нет! Как-нибудь в другой раз! Хватит с меня этих соплей!

— Испугался? — засмеялась Джессика. — Иди сюда, сядешь напротив и будешь смотреть в другую сторону! Я испекла новый пирог, и у нас еще полбутылки вашего виски осталось!

— Не пойду!

— А куда ты денешься? Может быть, это наш последний закат. Хочешь его испортить?

Ко мне пошла. Зачем?

Открыла калитку, обхватила мою руку и потащила за собой, приговаривая:

— Какие же вы все, мужики, трусы!

Через час перезвонил полковник.

— Надумал что-нибудь?

— Видел удивительный закат — будто полнеба кровищей залило. Красота жуткая! И ощущение во всем теле какое-то непонятное. Вот я и подумал, может быть, это знак?

— А ладошку бабкам не показывал? Они б тебя хиромантии обучили, и ты бы вообще что-либо понимать перестал! Бежишь от реальности?

— Никак нет!

— Очко заиграло? Сопли потекли?

— Никак нет! Я тут сходил в оружейку и пересчитал боеприпасы. Хватит на всех!

— Малыш, боеприпасы хранятся в подвале, а в оружейке это так... витринные экземпляры проверить. Прости, что перебил. Слушаю тебя внимательно...

— Я остаюсь!

— Зачем?

— Встречу гостей. Пять лет назад я начал одно дело. Надо бы закончить.

— Каким образом? Повесишь на шею вязанку гранат, двадцать килограмм патронов за спину, и будешь бегать по травке перегруженным чучелом? Типа Очень Крутой Пацан вышел на тропу войны?

— Вроде того.

— Эффектное самоубийство. Уркам понравится. Долго будут смеяться. Еще варианты есть?

— Нету! А больше и не надо. Я, между прочим, не хилый мальчик!

— Ты больной. Мне очень жаль. В таком состоянии я бы тебя ни на одно задание не взял. Собирайся и улетай.

— Почему?

— Мозги не работают совершенно. Встал в позу и еще рогами упираешься. Это неплохо для штурмовика. Но

у тебя класс повыше. Да и со мной ты не один месяц воевал. Мог бы чему-то научиться.

— Полковник, вам не понять. Вы просто не видели этих закатов. Я остаюсь.

— Видел. Блик — моя любимая планета.

— Так чего же вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы кровавые закаты были следствием твоих решений, а не причиной. Хочу, чтобы ты включил мозги! Думай. Перезвоню через полчаса.

И он перезвонил.

— Надумал что-нибудь?

— Да.

— Ну!

— Я не очень силен в оборонительной тактике. Особенно при атаке с воздуха. Вот и закралась мыслишка...

— Ты должен соображать быстрее. Я с кровати встать не могу. Сестра недавно вынула из-под меня судно и теперь прижимает трубку к моему уху. Сколько ты будешь мучить бедную женщину?! Мыслишка ему закралась!

— Может быть, легендарный генерал даст пару советов. Если теремок перенастроить...

— Вообще-то я именно для этого и звонил полтора часа назад, — перебил полковник. — Но у тебя то очко играет, то бы́чка.

— Уже все отыграло. Я в норме.

— Сценарий такой. Для начала поработай с моими девочками в пентхаусе. Подготовь их для VIP-клиентов. И собачек во дворе надо переучить. Пусть гавкают на все, что движется. Дворецкие объяснили, как это сделать?

— Не припомню.

— Тогда слушай сюда...

План полковника был очень прост. Пункт первый: подпустить катера как можно ближе и начать укладывать их из пушек. Понятное дело, что всех таким способом не оформишь и половина катеров, скорее всего, покинет десятикилометровый рубеж. Тогда вторым пунктом в игру вступают ракеты «земля—воздух» и вычеркивают из нашего списка еще полсотни жестянок. Но и этого

может не хватить. Третий пункт предписывал выждать, пока уцелевшие катера приземлятся, и накрыть их ракетами «земля—земля». А на закуску финальный номер — я беру «Квазар», GL-11 и отправляюсь подчищать Блик от остатков инопланетной гнили.

Последний пункт мне нравился больше всего.

Я уже видел афиши:

ОБОРОНА БЛИКА
феерическая трагикомедия в четырех действиях
режиссер-постановщик — ГЕНЕРАЛ СТРЕЛЬЦОВ
в главной роли — ПАВЛИК
на подпевках — ДЖЕССИКА
ассистент режиссера — СОРВИГОЛОВА

Вообще-то ассистентов режиссера на афишах не печатают, но мне так хотелось подписаться, что я не удержался. В конце концов, где-нибудь снизу, мелкими буквами, можно и указать. Почему нет? Я ведь тоже вроде как участвую. Вот сейчас, например, подгоню катера «Астории» поближе к теремку...

По дороге к соседям еще раз обдумал тактику полковника. План хорош — спору нет. Но меня терзали смутные сомнения. Я не доверял пушкам активной защиты. Что-то здесь было не так. Бить на десять километров по космическим катерам — это тебе не лужайку возле дома контролировать. А мифические TXR вроде бы могли и то и другое. Странное совмещение функций. К тому же я так и не понял, где они прятались. По-хорошему, надо было еще поразмыслить в этом направлении, но вот уже и дверь. Времени на размышления не осталось. В конце концов авторитет полковника победил все мои сомнения. Начальству виднее!

— Тук-тук!

Открыли вдвоем. Павлик тут же начал оседать, Джессика отшатнулась. Интересно, что это на них так подействовало: мой любимый костюмчик для ближнего боя или грим?

Я подхватил Павлика и аккуратно посадил его у порога.

— Возвращаетесь в преисподнюю? Пришли попрощаться? — спросила Джессика.

— Преисподняя будет здесь. Уже через пару часов.

— Значит, мы не прощаемся? — обрадовался Павлик и медленно встал.

— Намечается мужской разговор на повышенных тонах. Ораторов будет много. Ваш домик может войти в резонанс и не устоять.

Они переглянулись и снова молча на меня уставились — ждали пояснений.

— Ну, вы же люди ученые, сами знаете, как это бывает: жаркая дискуссия, жесткие аргументы и все такое... Прения сторон опять же... Повестка дня, в общем-то, самая обычная.

— А какая тема? — спросила Джессика.

— Сугубо профессиональная. Как раз по моей специальности. Но вам тоже скучать не придется.

— Будете повышать к-квалификацию?

— Вроде того.

— Понятно. Спасибо, что предупредили. Желаем удачи!

— Не хотите погостить у меня денек-другой на время конференции? Только возьмите с собой какой-нибудь матрас и стульчики прихватите.

Я зашел в комнату вслед за ними и с довольной улыбкой спросил Павлика:

— Есть возможность принять участие в конференции. Как ты на это смотришь?

Джессика тут же закрыла его собой и категорично выдала:

— Только через мой труп!

Странное дело: штаны на ней неказистые, рубашка застегнута по самую шею, а все равно глаз не отвести. Я-то думал, все дело в платьях...

— Жаль! Вы рушите все мои планы. Без Павлика у меня не получится выступить достойно.

— Возьмите лучше меня! — взмолилась Джессика. — Я сделаю, все, что скажете!

Это я выдержал. Ответил достойно:

— Не получится при всем желании. Нужен мужской голос.

И тут она меня добила:

— Вы просто не понимаете значения Павлика для науки! Я-то обыкновенный терапевт, а он ученый! У него такие открытия! И не все исследования закончены... Может быть, когда-нибудь...

— Джессика, пусти, я пойду, — обреченно промямлил Павлик.

— Никуда ты не пойдешь! У тебя печень еще с прошлого «разговора» пошаливает! Я думаю, наш гостеприимный хозяин как-нибудь справится сам. Ты все равно высказаться не успеешь!

— Сам я не справлюсь. Мне нужна помощь. Павлуша, определяйся быстрее: да или нет?

— Нет! — крикнула Джессика.

— Да... — простонал Павлик.

— Если с ним что-то случится... — начала Джессика.

— ...то мы этого уже не узнаем. Не беспокойтесь!

— Я пойду с вами!

После пяти минут истеричной мольбы и ползания на коленях наши торги закончились компромиссом. Я согласился взять ее «на конференцию», она согласилась надеть скафандр и позволила привязать себя к стулу. Сиди смотри на своего любимого муженька, слушай, как он соловьем заливается, можешь кричать, можешь дергаться — на прения сторон это не повлияет.

Я усадил Павлика в операторское кресло.

— Значит, так! Даю вводную! Сюда летят люди, очень нехорошие люди, очень много нехороших людей, ты понимаешь?

— Как те, что к нам приходили?

— Намного хуже. Даже сравнивать глупо.

— И они хотят устроить нам ад?

— Что-то вроде того.

— Понятно. А что вы хотите от меня?

— Я хочу, чтобы ты с ними поговорил и попробовал их переубедить. Может быть, они одумаются. Справишься?

— Я???

— Не будем же мы Джессику об этом просить. Ты, конечно. Больше некому.

— Но почему?

— Видишь ли, я на этой планете всего лишь гость. Приехал и уехал. А ты вроде как старожил. Верно?

— Да.

— Выходит, что это твоя планета.

— И Джессики!

— И Джессики. Вот и скажи им об этом.

— Как?

— Так и скажи! Мол, это моя планета и я не хочу вас здесь видеть. Убирайтесь-ка отсюда подобру-поздорову! Справишься?

— Так и сказать?

— Примерно. Лучше, конечно, придумай что-нибудь от себя. В конце концов, это же твоя планета!

— И Джессики!

— И Джессики.

— Я попробую!

— Тогда готовься. Время есть.

— А если они меня не послушают?

— Тогда ты пойдешь освобождать Джессику, а я начну конференцию. Для начала объявлю повестку дня.

Павлик понимающе кивнул, и я поставил микрофон прямо перед ним.

Теремок затаился. Все излучающие системы наблюдения выключены. А рядышком катера «Астории» посылают сигнал бедствия.

Ждем.

Через полчаса экраны показали пришельцев — едва заметные пятнышки в небе.

Я включил микрофон и кивнул Павлику.

— Вы вошли в атмосферу Блика. Назовите себя и цель визита, — сказал он.

Получилось неплохо: важно и отстраненно. Человек занимался серьезным делом и плевать хотел на всяких там пришельцев, но, ничего не поделаешь, приходится отвлекаться на дурацкие формальности и по сто раз на день задавать одни и те же вопросы.

Не удивлюсь, если в прошлом Павлик подрабатывал диспетчером.

— Это шутка? — отозвался громкий самодовольный бас и смачно выругался. Урка-классик. Не одну ходку сделал.

— Нет, все очень серьезно. Назовите себя и цель визита. В противном случае вам будет отказано в высадке.

Павлик отлично вжился в роль. Прирожденный диспетчер.

— Идет новая власть, сученок. Готовься к встрече. Хлеб-соль не обязательно, а вот жопу помой!

Мой диспетчер не смутился:

— На Блике живут мирные и культурные люди. Здесь не принято ругаться. Считайте это первым предупреждением. Второго не будет. Летите властвовать куда-нибудь подальше.

Я показал Павлику поднятый большой палец.

— А что будет? Перестанешь со мной общаться?

— Вы не назвались. В высадке отказано. Приказываю покинуть атмосферу Блика. — Голосок задрожал. Парнишка теряет контроль.

— Какой ты нетерпеливый! А если мы наплюем на твой приказ и все-таки высадимся, что тогда? Ты обидишься и не будешь мыть жопу? — Колонки разразились дружным хохотом.

Павлик посмотрел на меня. Я пожал плечами и развел руки, выражая полную неопределенность.

— Тогда вы все умрете еще до заката, — сказал он.

Нет! Я вскочил и отчаянно замахал руками. Но было поздно. Павлик смотрел на меня и приходил в ужас.

— Интересно от чего. Не подскажешь? — спросил далекий бас. Ему и правда было интересно.

— Здесь повсюду бродит смерть, безликая и неотвратимая, — ответил Павлик. От прежней важности не осталось и следа.

— И давно она там бродит? — не унимался урка.

— Достаточно!

— Тогда мы ее просто выпьем, как ядреный самогон! Я думаю, она уже готова. Ха-ха! Настоящая смерть сейчас в воздухе, сученок. Смотри — я уже иду!

Пятнышки на мониторе превратились в приличную тучку, она закрыла половину экрана и продолжала расти.

— А вы не хотите высадиться на другом полушарии, чтобы мы не встречались? — жалобно спросил Павлик. — Так будет лучше для всех. Договорились?

— О, я вижу красивый беленький домик. Не против, если мы поживем у тебя некоторое время? Тогда нам не придется лететь на другое полушарие! Ха-ха!

— Против! Я не хочу вас тут видеть! Улетайте назад!

— Хватит булькать! Побереги слюни. — Голос подобрел. — Ты лучше мне вот что скажи... Я слышал, к вам на Блик приезжал отдохнуть один боец. Ничего об этом не знаешь?

— Не врут люди. Было такое, — ответил Павлик не моргнув глазом.

— А где он сейчас? Уже улетел?

— Зачем? Сидит напротив меня, слушает наш разговор и улыбается.

— Улыбается?

— Ну да. Он вообще у нас весельчак: шутит все время.

— А что его сейчас веселит, не можешь узнать?

Павел посмотрел на меня. Я пожал плечами. Мол, как хочешь, так и понимай.

— Да просто так! Настроение у человека хорошее, вот он и улыбается. Может быть, вспомнил ваших дружков с «Астории». Откуда мне знать?

— С «Астории»? А где они сейчас?

Вот нам уже и не до смеха! Насторожились. Начали кое-что соображать.

— В преисподней, где же еще! Ждут не дождутся встречи с вами! Ладно, бублики мои сладкие, интересно было пообщаться, но мне пора идти. Сейчас начнется конференция, и я не хочу пропустить повестку дня. Прощайте!

Он выключил микрофон и побежал «освобождать» Джессику.

Я дернул рубильник.

Ожил радар, взвыла сирена, и где-то снаружи загудели восемь спаренных XTR. «Гвоздь» приступил к уничтожению противника.

Через пять секунд пушки затихли. Вскоре на бликовский грунт обрушился дождь расплавленной стали. В радиусе двухсот километров от моего теремка не осталось ни одной воздушной цели. Только столбы черного дыма подпирали небо. Но и они рассеивались на глазах.

Сирена замолчала.

На всё про всё — тридцать секунд.

«Конференция» закончилась досрочно.

Даже ракетами побаловаться не пришлось!

Полковник опять меня переиграл.

Я так и не понял, откуда появились эти пушки. Может быть, прятались в самих колоннах, может быть, выросли из-под земли, но в шары такую мощь точно не спрячешь. Судя по звукам и результату, за стенами теремка работал полноценный комплекс ПВО. Нечто подобное прикрывает императорский дворец.

Я чувствовал себя обманутым, оплеванным и никому не нужным. Печаль моя была велика. Два дня готовился к последней битве, хотел умереть героем, принарядился, морду гримом испоганил, соседей перепугал — и все ради чего? Чтобы посмотреть тридцатисекундный ролик? Паршивое ощущение! Теперь хоть из дома не выходи. Засмеют. Анекдоты про меня станут рассказывать.

Я оказался марионеткой в руках прославленного полководца. Великий гроссмейстер одержал очередную победу не вставая с больничной койки.

Даже Павел блестяще сыграл свою роль, а я так и не умылся вражеской кровью!

Бедные урки! Размечтались пожить на райской планете. Откуда им было знать, что полковник уже вогнал в нее свой «Гвоздь» и застолбил территорию. Подозреваю, что на счету моего теремка не один флот.

Кажется, я начинаю понимать, почему генерала Стрельцова разжаловали в полковники. Шутник хренов!

— Уже все? — осторожно спросила Джессика.

— К сожалению, да. Вынужден вас обрадовать! Конференция закончилась! Начальство посчитало мое выступление излишним!

— Какое мудрое начальство! Ой!

— Собирайтесь. Я провожу вас к выходу.

— Павлик, положи скафандр, бери матрас и пойдем отсюда. Стулья вечерком заберем. Володя, до свидания! И привет начальству!

В щеку все-таки поцеловала. Не испугалась грима. Друзья же!

Полковник позвонил минут через десять.

— Живы?

— Да!!!

— Разочарован, что не удалось пострелять? Наверное, сидишь, разукрашенный, и готов разжаловать меня в лейтенанты?

— Да!!!

— Как тебе мои малышки? Собственная разработка. Угадал, где прячутся?

— Нет!!!

— Бьют на двести километров!

— Разве не на десять?

— Смеешься? Это опечатка, чтобы не перевозбуждать впечатлительные натуры.

Помолчали.

— Зачем было устраивать спектакль? — спросил я.

— Чтобы все прошло быстро и гладко. Я могу сдохнуть в любой момент. Не хотелось растягивать эту байду на месяц.

Помолчали.

— Обижаешься?

— Да!

— Почему? Разве плохо чувствовать себя последним героем, готовым в одиночку сражаться с целой армией ради парочки ангелов? По-моему, это здорово! Ладно, не обижайся. Ты же знаешь, я не люблю рисковать живой силой. К тому же у тебя отпуск — вот и отдыхай. А побегать и пострелять еще успеешь. Поверь!

— А если бы я улетел?

— Это было бы очень грустно.

— Но я же мог их убить!

— Это было бы совсем печально.

— Смеетесь?

— Я сказал, что это было бы печально!

— Вы смеетесь!

— Конечно! Если бы ты мог улететь или убить их, я бы сейчас пульсировал ветвями флорауны.

— Скажите, полковник, если у нас есть такие генералы, как вы, зачем делать таких бойцов, как я?

— Начинаешь философствовать? Это радует. Глядишь, через пару дней ты и сам ответишь на свой вопрос. Ладно, удачи вам всем. Доктор говорит, мне надо поспать...

Ужинал снова у ангелов. Зазвали-таки в гости. Благодарствовали в два голоса. Отнекивался. Хвалил Павлика. Они переглядывались, улыбались, довольные, и снова благодарствовали.

Ходили смотреть на остатки тюремного флота. Павлик очень проникся. Задал кучу глупых вопросов. Меня опять накрыло. С новой силой ощутил собственное ничтожество. Да еще Джессика «помогла»: рас-

плавленные катера ее не интересовали, а с меня глаз не сводила, смотрела жалостливо, как на промокшего котенка.

Два дня усиленно тренировался на природе.

Не помогло.

Пришлось действовать по старинке: повесил на шею вязанку гранат и пошел к забору тоску взрывать.

Подбежала Джессика, встала рядом и смотрит. Ждет. С ноги на ногу переминается. Дождалась, когда последнюю взорвал, и говорит:

— Так у вас же гранаты закончились!

— Было такое. Все верно.

— А эти откуда?

— Из нового ящика.

— Обманул??? Все! Я с тобой больше не дружу! Ты наказан! Считай, что у нас кофе закончился!

— Джессика! Не надо...

Она подошла еще ближе.

— Ну ладно! Повернись спиной и присядь, а то я на тебя не запрыгну.

Я подчинился. Она тут же вскарабкалась мне на спину и мягко обхватила мою шею.

— Куда?

— Вон до тех кустов, и чтобы ветер в ушах гудел! Тогда прощу!

Вечером позвонил полковник. Сообщил, что смог сам дойти до сортира и отлить. Я очень за него порадовался.

А через две недели в сотне метров от теремка опустился «Циклоп». Полковник вышел первым и выпустил фиолетовую пульсирующую ракету. У него за спиной, сгорая от нетерпенья, прыгала Сьюзи. Ее рыжая голова поднималась над погоном полковника и тут же опускалась. Я увеличил картинку и пригляделся: вместо звезд — перекрещенные лавровые веточки. Потом Сьюзи надоело прыгать: она просунула голову под левую руку генерала Стрельцова, уставилась прямо на меня счастливыми

зелеными глазами и улыбнулась во весь экран. Уж не просветил ли ее генерал насчет статьи двенадцать пункта три? Да нет, вряд ли... Командир у меня с мозгами: своих бойцов не сдает.

Перед отлетом решил подправить охранный периметр. Соседушек-то я прикрыл пожарным вариантом. На день-два сгодится. Под присмотром — на неделю-другую, но не оставлять же систему в таком состоянии? Как бы забота боком не вышла.

Меня опередили. Кто-то уже все сделал, причем намного умнее и деликатнее, чем я в прошлый раз. Неведомый благожелатель не просто передвинул рамку, а серьезно поработал над программой.

Теперь сладкая парочка в безопасности. Через год, если буду жив, снова прилечу к ним в гости, а сейчас все, что мне нужно, — это пекло погорячее.

И чтобы никаких ангелов!

ДМИТРИЙ ЛУКИН

КРУГОВЕРТЬ

А́уа́у забыл о раскопках, когда заметил Э́уэ́у. Повернулся и полностью сосредоточился на ней, уронив окаменелость под себя.

О, Великая Сфера!

Э́уэ́у вся излучала юность и красоту. Какая форма, округлость, изгибы, пластика! Какие вращения, переливы! Идеал! А́уа́у ничего подобного раньше не воспринимал даже на коллективных информационных излучениях, что уж колебать о встрече! Как изящно она стряхивает пыль и остатки грунта с находки! Крутится на дне котлована в самой грязи, но не испачкалась! Все переливы видны! Коллеги уже пылью покрылись,

а она чистенькая, и не заметно, чтобы затрачивала много энергии. Как будто у неё всё само собой выходит. Будто не липнет к ней грязь, и всё тут! Что же за поле она выставила? Разве так можно вообще? Уо́йуа́ ничего им об этом не колебал на стажировке. Только встряхиваться, прыгать да обтираться наверху рекомендовал. А кто так работает с окаменелостью? Окутала мерцающим облаком и всю утыкала иглами-молниями! Уо́йуа́ колебал только про высокочастотную вибрацию воздуха. Плазма и точечные разряды не упоминались, а следовательно, запрещены: можно испортить находки. Да и кто со здравым базисом будет камень разрядами счищать? Не делают так! А́уа́у при всём желании не сумел бы, а у этой новенькой уже блестящий древний зверёк в поле крутится. Не просто окаменелость сняла — золото отшлифовала. Покрыла защитным слоем и покатила к Уо́йуа́ — сдавать находку.

А́уа́у замер, его мыслительные процессы замедлились по всему объёму, как и положено, когда вдруг ни с того ни с сего натыкаешься на совершенство. Это нормально. В школе об этом несколько раз колебали. Но дальше случилось что-то странное: А́уа́у почувствовал, что его мыслительные процессы перекатились на новый уровень и тело начало меняться. Раньше А́уа́у такого не испытывал (в школе об этом тоже не упоминали). Он замер и затвердел, пытаясь осознать новые ощущения. Тут его толкнули — и мысли с телом вернулись в привычный режим.

Э́уэ́у полностью сосредоточилась на раскопках. Конечно, никакого А́уа́у она не заметила. К тому же трое крепких кругляшей из местной группы постоянно крутились рядом. И каждый между делом старался потереться об Э́уэ́у. Ясно было с первого колебания, что они тут ради неё, а раскопки — только повод.

А́уа́у вернулся к привычному течению операций, осознал ситуацию и, возбуждённый, попробовал подкатить. Неудачно. Крепкие кругляши ещё раньше запеленговали новенькую и положили на неё лучи. У А́уа́у не было

шансов. Оттёрли на дальнем подкате. Грубо, едва не помяли.

Чуть не начал излучать в холодных тонах на весь котлован. Вот смеху-то было бы! Представил ситуацию. Кругляши смеются до пульсации. Резонанс прокатывает — оглохнуть можно. Стены котлована осыпаются — впору раскопки останавливать. Такое долго будут припоминать. Опозорился бы — не очиститься, хоть сто циклов отряхивайся. Ещё бы, оплыл тут перед всеми и растёкся для полноты изображения. Но удержался в последний момент. Справился. Пришлось убраться наверх, на самый край. Там уже отряхивался от налипшей грязи. И немного поизлучал в сторону солнца. Осторожно, чтобы никто из котлована не воспринял.

Обидевшийся, Ауа́у долго маячил на краю: подпрыгивая, старался закрыть солнце для Эуэ́у в надежде, что она заметит его. Тоже безрезультатно. Вместо Эуэ́у его заметил Уо́йуа́ и через помощника попросил отряхиваться чуть подальше от края, чтобы не загораживать солнце: работе мешает.

Ауа́у скатился обратно в котлован и вернулся к раскопкам. Устроился подальше от Эуэ́у и её «каменной» охраны. Попробовал переключиться на украшения и кости в окаменелостях. Выбрал кусок поменьше, притянул к себе и начал медленно обрабатывать направленной вибрацией воздуха. В сторону Эуэ́у даже не пеленговал. Полностью выключил восприятие. Не хотел подвергать свои мыслительные процессы неуместным встряскам с нулевым результатом. Всё-таки правильно на коллективных информашках излучали и колебали: «Не катитесь за идеалами — себя потеряете. Подкатывайте к тем, кто рядом, — продуктивнее будет».

Только продуктивности ему не хотелось. Хотелось резонанса и взаимных излучений с Эуэ́у. Интересно, какой у неё спектр? Сложно ли вычислить частоты и алгоритм? А если просканировать незаметно и подстроиться? Будет ли резонанс или никогда им не поколебаться на одной волне? Ещё эти три камнелома!

Наверное, Ӑуа́у чуть перебрал с амплитудой: окаменелость в его поле треснула не там, где надо, и расплылась двумя частями. Ӑуа́у крутанулся несколько раз, уверенный, что его накажут. Но никто не воспринял. Под слоем грязи Ӑуа́у перелился грустными тонами. Никому он не нужен. К счастью, окаменелость треснула некритично. Кость осталась целой. Надо стереть из памяти эту новенькую. Она создаёт помехи мыслительным процессам и опасна для работы. Но как стереть такую красоту? А завтра опять её встретит и снова весь день без результатов? Отложить операцию и сосредоточиться на работе!

Ӑуа́у немного успокоился и больше не думал об Ӯуӯу. На этот раз у него получилось. Вибрация больше не сбоила. Дело двинулось по накатанной. Он очистил кость без ошибок. Страх потерять работу оказался слишком велик.

С наступлением глубоких сумерек раскопки остановились до утра. Уо́йуа́ просигналил отбой — и кругляши один за другим покатили прочь из котлована. Ӑуа́у выкатился первым.

Он затаился между двумя скальными выступами и начал интенсивно излучать на луну все свои печали. После гибели родителей его никто не воспринимал с резонансом. Первое время он пытался излучать на живых, но кому нужен чужой кругляш? Откатили на общественное лежбище. А там разве поизлучаешь с очищением? Помнут. Оставались Великая Сфера да луна. Но Великая Сфера высоко и далеко, а луну хоть воспринять можно. В общественные лежбища скатывалось много сирот. У большинства родители погибли из-за атак Восточного Континента. Вероятность найти здесь кругляшей, близких по спектру и частотам, была велика, но Ӑуа́у остался одиночкой. Почти все сироты по совету взрослых уничтожили в себе память о родителях, их гибели, и вообще о доме, — чтобы не перегружать базис и систему. Для них жизнь начиналась на лежбище. Ӑуа́у забыть о родителях не смог. Они растворились в лаве проснувшегося

вулкана. Память — всё, что от них осталось. Разве можно её уничтожить? Оттого и не нашёл он в сиротском лежбище никого, с кем интересно колебаться. Всюду — чуждые спектры и частоты. В одиночестве изучал вулканы, колебал на эту тему учителей и даже сам плавил маленькие камешки, когда никто не воспринимает. Но легче почему-то не стало. Даже через пять циклов после гибели родителей, когда Уо́йуа́ забрал его с лежбища к себе в помощники, А́уа́у излучал на луну перед сном. Привычка.

Накатила прохлада, и А́уа́у немного оплыл. Теперь в его поле не было окаменелостей и ничто не мешало пооперировать о глобальном и... об Э́уэ́у. Базовая система тихонечко и прерывисто колебалась о какой-то особой важности и значимости прошедшего дня. Осталось только перевести эти трепетания в адекватный код и понять.

Изображения выстраивались медленно, с помехами и ошибочными колебаниями. Приходилось по многу раз переставлять их и снова сопоставлять.

Новенькая крутилась в самой глубине котлована и показывала навыки профессионального археолога. Почему? *Ответа нет.* Трое местных кругляшей от неё не откатывались. Значит, всю её просканировали, узнали спектр, частоты и уже давно вычислили алгоритмы (или за ночь вычислят). Завтра подкатят, и кто-то обязательно срезонирует. Вопрос закрыт. Все его подкаты — безрезультатная трата времени. *Ошибка рассуждений.*

Поле! А́уа́у округлился и подпрыгнул. Поле! К ней же грязь не могла прилипнуть! А значит, и просканировать её местные не могли. Только энергию зря теряли. Оттого и агрессивные такие были. Значит, у него есть шанс! Завтра он выберет момент, подкатит и... *наткнётся на то же поле.* Как же быть? *Недостаточно данных.*

Значит, нужно собрать информацию. Много информации. Собирать спокойно, без встряски мыслительных процессов. И никаких подкатов к Э́уэ́у! *Верное решение.*

На этой операции А́уа́у успокоился и уснул, оплыв прямо между выступами.

Весь следующий день Ауа́у (без ущерба для работы) собирал информацию: крутился по котловану, тёрся почти об каждого, перепачкался в грязи снизу доверху, стряхивался на краю, снова скатывался в котлован, колебался и с местными кругляшами и с гостями, излучал и воспринимал, воспринимал, воспринимал... В перерыве даже сгонял на лежбище гостей. Там тоже основательно потёрся, поколебался и много чего воспринял.

Срезонировать ни с кем так и не получилось, но информации накопилось много. Кое-что удалось воспринять целиком и сразу. Новенькую звали Эуэ́у. Она прикатила с другой стороны материка сразу же после землетрясения. Первая. Группы гостей подтянулись только через два цикла. Её родители оба работали археологами и оба погибли под завалами во время атаки Восточного Континента. Эуэ́у чудом осталась жива. Обычно родители брали её с собой на раскопки, но в тот роковой день Эуэ́у не выдержала жары и укатилась через две гряды, чтобы поплескаться в озере, — восстановить минеральный баланс.

Остальная информация оказалась разрозненной, принятой с помехами или частично зашифрованной. Требовалось время и резервы системы, чтобы превратить её в знания.

Едва дождавшись отбоя, Ауа́у укатил на вчерашнюю лёжку, привычно устроился между двумя скальными выступами, немного оплыл и начал оперировать.

Пока базовая система делала своё дело, Ауа́у наконец-то представил себе Эуэ́у. Теперь понятно, почему она так лихо справлялась с окаменелостями. Родители-археологи многое объясняют. Хотя... Он работает с Уо́йуа́ уже пять циклов, но даже воздушную высокочастотку толком не освоил. Да и сам Уо́йуа́ никогда плазмой с разрядами не пользовался. Не умеет, наверное. У них там, на южном побережье, археологи ускорились и перекатились на новый уровень. Серьёзные кругляши!

Вот бы отправиться с ней вдвоём к океану! Настроиться на одну волну и резонировать! Генерировать одно

поле. Вместе пополнять минеральный баланс! Ауа́у припомнил, что последний раз (после гибели родителей) он резонировал со сталактитами в пещере северного побережья. С кругляшами не получалось. Надо поработать с ней на одном участке! Попросить Уо́йуа́, чтобы поставил рядом с ней? *Ошибка!* Нет, Уо́йуа́ лучше не привлекать. Сам ещё начнёт подкатывать к Эуэ́у.

Базис начал сбоить, и по всем системам прокатились пульсирующие помехи. Знакомое состояние. Перед гибелью родителей было то же самое. И сбой базиса, и пульсирующие помехи. Это он сохранил в памяти чётко.

Ауа́у выкатился со своей лёжки на открытое пространство. Помехи усилились. Он остановился, оперируя, что делать дальше: предупредить гостей (они ближе и с ними Эуэ́у) или поколебать с Уо́йуа́. Решил начать с Уо́йуа́ и ускорился в направлении старого лежбища.

— Не спится? — Колебания, продублированные излучением, проникли в базис, минуя внешние контуры. От неожиданности Ауа́у протащился юзом и деформировался. Но сразу же восстановился, активировал защитное поле и на всякий случай ощетинился молниями.

— Какой пугливый! Расслабься, не помну. — Те же колебания, но уже с приятной модуляцией и без дублирующего излучения.

Ауа́у убрал молнии и ослабил поле.

Прямо перед ним, печально переливаясь средними тонами спектра, стоял кругляш. Стояла.

— Эуэ́у?

— Нас не знакомили. Уже собрал информацию?

— Вчера. Весь день собирал. Как же ты так незаметно...

— Жить захочешь — не такому научишься. Чего не спишь?

— Жду атаку Восточного Континента! Со мной это уже было. Перед гибелью родителей. Помехи в базисе...

— О! Значит, я не одинока!

— Уже нет! Я с тобой! — Пользуясь случаем, А́уа́у подкатил и ободряюще потерся об Э́уэ́у. Она медленно откатилась.

— Не ко времени ты осмелел. Нас вот-вот перемешает с грунтом.

— Надо предупредить лежбища! Ты — к себе, а я — к своим!

— Не надо. Бесполезно.

— Почему? — Уже рванувший к лежбищу, А́уа́у чуть опять не протащился юзом.

— Много причин. Первая: тебе не поверят. Ты всех разбудишь, а ничего не случится. Так тоже бывает. Их атаки не всегда срабатывают из-за неоднородностей коры. Тебя накажут за баловство. Или выгонят с работы. Пойдешь в армию посылать лучи ненависти Восточному Континенту. Может, помнут. Какой кругляш поверит колебаниям, что у тебя больше способностей, чем у него? Он лучше умрёт. Или попробует убить тебя за нанесённое оскорбление. Вторая причина: тряхнуть может несильно. Ты их предупредишь, лежбище немного покачает, но все останутся живы и даже не помнётся никто.

— Я стану героем! Меня запомнят! — А́уа́у перелился верхними тонами спектра.

— Да, кругляши не забудут, кто их предупредил. Всё лежбище будет ощущать себя недоразвитым из-за твоих способностей. У них начнутся сбои в системе.

— Со временем и у них разовьётся эта способность.

— Эволюционировать — долго, а времени нет. Системы уже сбоят. Полноценное функционирование невозможно. Нужно что-то делать. Сам пооперируй!

А́уа́у завращался без колебаний.

— У тебя слишком мало социального опыта. Один живёшь?

— Нет. В группе Уо́йуа́. Помощником уже пять циклов.

— Пять циклов, и всё ещё подай-забери? Твой Уо́йуа́ — редкостный неумеха. Я таких ещё не встречала. Тебя убьют, и у них всё наладится. Никому не при-

дётся эволюционировать. Все снова станут полноценными. Самое простое решение.

Ауа́у перестал вращаться.

— Пусть! Зато всех спасу, если бабахнет!

— Никто не спасётся, герой. Тебе не поверят. Кругляши начнут агрессивно колебаться, жёстко излучать на тебя, перегружать твои системы. Жалкое изображение. Укатиться они всё равно не смогут. У них начнутся помехи и системы выйдут из строя. Я уже три раза такое воспринимала. Предупреждала, колебала им с максимальной амплитудой, излучала беду и гибель — безрезультатно. Только всем хуже сделала. В одном лежбище меня посчитали испорченной и выгнали. А в двух других... Тебе не надо этого знать. Дай им умереть спящими.

— А мы? Надо самим спасаться! — Ауа́у подпрыгнул и крутанулся на месте.

— Давай! Катись! Я останусь. Вокруг нас породы с пустотами растянулись на два дня проката. Это всё — зона поражения. После первого же толчка тяжеленные глыбы начнут перетирать тебя в песок. Поторопись. Мне точно не успеть.

Ауа́у рассчитал свои возможности и весь перелился нижними тонами.

— Что же делать?

— Катись спать.

— Шутишь? Я не смогу уснуть!

— Я тоже. Напряжённая ночь.

— Оперируешь, мы не обязательно погибнем? Может, стороной прокатит?

— И так бывало.

— Тогда давай тут поколеблемся!

— Нельзя. Можем увлечься. Или амплитуду превысим, или засветимся ярко. На лежбище воспримут и проснутся. Дальше продолжать?

— Давай в котловане поколеблемся. Там нас никто не воспримет!

— Разумно. Покатили!

В котловане А́уа́у, не стесняясь, выдал всё, что каждую ночь излучал на луну. Порадовал свой базис впервые за многие циклы. Э́уэ́у терпеливо воспринимала. Когда ещё встретишь кругляша с правильным базисом?! Она даже не обиделась на его колебания про трёх местных кругляшей. Спокойно ответила:

— Разве можно работать, когда вокруг тебя трётся столько придурков? Они же ничего не понимают! Нормально оперировать не могут и сбивают весь настрой! Толковых излучений не сгенерируешь! Только помехи создают! Один сплошной диссонанс!

— Немудрено! Камнеломы заскорузлые! Хочешь, я их отгоню?

— Тебя помнут! Даже не пытайся! Знаешь, какие они твёрдые! Я поколеблюсь об этом с У́йуа́. Надеюсь, он всё воспримет правильно и у нас получится достичь резонанса. Тогда тебе не придётся никого отгонять.

— Должен воспринять.

— С тобой приятно колебаться. Почему ты раньше ко мне не подкатывал? Мы бы вместе уже столько наизлучали!

— Да я маячил.

— Маячить бесполезно. Только время терять. Подкатывать надо! Излучать! Колебаться!

К обоюдной радости, они колебались и резонировали полночи.

Э́уэ́у постеснялась растекаться при А́уа́у и просто прислонилась к нему. А́уа́у немного размягчился, чтоб ей было удобней, и старался держать эту форму до последнего, пока мыслительные процессы не замедлились и он не уснул. Вскоре оплыла и Э́уэ́у.

А́уа́у проснулся от боли. Рядом корчилась Э́уэ́у.

— Начауэуэлось, — проколебала она с помехами.

А́уа́у на несколько секунд вообще перестал воспринимать реальность. Базис сигналил о запредельно жёстком неизвестном излучении, отключил внешние

контуры и тратил все ресурсы на защитное поле. Почти безрезультатно. Базис попробовал перезагрузиться. Внешние контуры на секунду снова заработали. Ауа́у воспринял, как задрожала Эуэ́у, и сам затрясся. Теряя сознание, он прыгнул на Эуэ́у, оплыл и растёкся по ней ровным слоем.

— Что это было, герой?

Ауа́у покрутился и направил все контуры на Эуэ́у.

— Ночь. Атака. Живы?

— Пока — да. Как ощущения?

— Двойное поле?

— Это тоже. Я контролировала твой базис, отключила восприятие и скопировала твою память. Уже перекачала обратно. Всё помнишь?

— Системы работают. Память в норме. А где же разломы?

— Загадка. Ответ неизвестен. Было всего лишь маленькое землетрясение. Едва заметное. Один раз качнуло — и всё. На лежбище даже не проснулся никто.

— Хорошо, что не предупредили. Ты мудрая.

— Жизнь помнёт — и ты знаний наберёшься.

— Не очень-то ты помятая!

— Я просто умею вертеться!

Ауа́у замер, весь перелился тревожными тонами и замигал.

— Ты чего? — испугалась Эуэ́у.

— Сзади, — проколебал Ауа́у. — Сразу за тобой.

Эуэ́у перенаправила контуры и восприняла в стене котлована чёрную дыру-разлом размером с трёхцикленного кругляша.

— Я первая!

Она оплыла и красиво перетекла в разлом. Ауа́у просочился следом. Включил излучение, чтобы лучше ориентироваться в пещере, и сразу же перед собой воспринял глубокую, идеально круглую шахту поперечником с двух взрослых кругляшей. Эуэ́у была уже там. Внизу, в трёх

поперечниках шахты от него, она мигала верхними тонами спектра, прилипнув к стене. Излучала ужас, но не колебалась. Ауа́у всё понял: довертелась. Вот-вот сорвётся.

Не оперируя, он чуть раздулся, без колебаний скользнул вниз и вдавил Эуэ́у в стену шахты.

— Теперь *мне* нужен твой базис. Подключайся! Быстрее!

— Уже!

Два кругляша выравнялись в размерах и медленно, не разлепляясь, покатили по стенам шахты вниз — до самого дна пещеры.

Выкатились в зал высотой с десять кругляшей и размером не меньше их котлована. Ауа́у перенастроил контуры и только потом осознал, что здесь включилось собственное излучение. Своё убрал.

— Второй раз меня спасаешь. Это перебор. Надо закругляться с приключениями. Уэу!!! Пещера излучает?

— Это не пещера, — тихо проколебал Ауа́у. — Гробница мягкотелых. Их кости мы собираем наверху. Пооперируй.

Эуэ́у перестала колебать и сосредоточилась на восприятии.

Перед ними тянулись длинные ряды кубов, параллелепипедов, цилиндров, пирамид, сфер и полусфер в различной компоновке. Они излучали, отражали или, наоборот, были прозрачными. На стенах — двухмерные проекции земных форм жизни в порядке их возникновения. Над рядами кубов, перетекающих в пирамиды, — трёхмерные проекции. В двух искажённых полусферах над параллелепипедами спят мягкотелые ростом с поперечник кругляша.

Ауа́у и Эуэ́у, перегруженные информацией, медленно покатили вперёд между рядами...

— Сколько находок, сколько форм жизни! — проколебала Эуэ́у. — Нескончаемое многообразие. Всё это цвело, росло, ползало, бегало, летало... и вдруг схлопнулось в мёртвый камень. Когда-нибудь и мы так же... Что тог-

да излучат про нас? Как определят нашу жизнь и время те, для кого *мы* превратимся в слой грязной породы? Что проколеблют?

— Один народ. Два континента. Война.

— И всё?

— Добавить нечего.

— Откуда знаешь?

— В сиротском лежбище нас так учили. Тут тебе и прошлое, и настоящее, и будущее. Один народ. Два континента. Война.

— А детали? Почему война? Не пробовал с учителем поколебаться? Срезонировали бы — узнал побольше.

— Он вообще не колебался, наш учитель. Ни с кем. Никого не воспринимал — только излучал. С таким невозможно резонировать.

— Но это же мало! «Один народ. Два континента. Война». Нужно обязательно добавить что-то ещё! Когда мои родители рассыпались, осталась я. А если меня не будет, кто останется? Пустота? Зачем тогда это всё?

— У меня нет ответа, — грустно проколебал Ауа́у.

— Вот эти, с голыми лапками, уже миллионы солнечных циклов назад исчезли. Мы оперировали, что они ничего не умеют, ни поле генерировать, ни температуру менять. Про разряды я и колебать не стану. Тело даже изменять не могли! Только лапками одно хватали, а другое обрабатывали. Всё! Радиации не вынесли. Их время схлопнулось в окаменелую породу. А этот храм остался! Он излучает. Здесь спит несколько живых мягкотелых! Значит, они не ушли в пустоту! Они сохранили всё это! Они передали информацию сквозь века.

— Какую информацию?

— Они не исчезли. Они улетели. И ждут, когда можно будет вернуться. Это не гробница. Это храм.

— Почему он не разрушился за миллионы солнечных циклов. Мягкотелые сюда наведываются?

— Нет! Они берут энергию из недр планеты и генерируют защитное поле! Контурни́ на эти кубы со сферами. Профазируй. Воспринимаешь поле? Из-за него атака

Восточного Континента не удалась. Она отразилась. Поэтому нас корёжило! Мы попали прямо под удар.

— Не понимаю. Это они всё такими маленькими лапками?

— Наверное, и головой научились оперировать. Ближе подкатывай, тут можно зарядиться.

— Будто растёкся под интенсивным солнцем! — восторженно проколебал Ӑуа́у, наполняясь энергией. — Даже ещё сильнее! Хорошо заряжает!

— Хватит, покатили дальше.

Ӑуа́у остановился.

Проекции на стенах и над пирамидами изменились. Теперь они показывали борьбу за выживание.

— С самого начала одни убийства, — проколебал Ӑуа́у. — Зубами, когтями, острым железом, потом на расстоянии, потом...

— Повернись! Воспринял?

Очередная проекция. Тысячи кругляшей на одном континенте генерируют в небо лучи ненависти, чтобы на другом континенте поверхность корчилась. Внизу непонятная надпись: «КЛИМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ».

— Это мы?

— К сожалению. Значит, они сюда наведываются.

Э̆уз̆у подкатила к твёрдым непрозрачным параллелепипедам у стены и стала изучать надписи на них. В каждой встречались те же непонятные знаки: «ОРУЖИЕ».

— Это для убийства, — проколебала Э̆уз̆у. — Нам пора катить отсюда. Срочно! И ни одного колебания Уо́йуа́!

На поверхности Э̆уз̆у выдала:

— Мы не самые умные на этой планете. И даже мозг у нас не самый большой! Но теперь *наше* время и *нам* решать, как жить дальше. Нам с тобой, Ӑуа́у. Ты понял меня? Мы должны сохранить планету. Пусть голую, с мёртвым океаном, без растений и зверюшек, без мягкотелых. Должны.

А́уа́у неуверенно перелился.

— Если Уо́йуа́ найдёт храмовые параллелепипеды, то наши коллективные лучи ненависти покажутся дружескими покалываниями. Нужно уничтожить шахту. Я устрою камнепад, а ты расплавишь верхние глыбы. Подругому в храм не проникнуть — поле не пустит. Справишься? Ты же это делал много раз!

— Размер не тот. Энергии мало.

— Энергии хватит. Катись ко мне. Прижимайся. Сильнее!

Кругляши слились в один шар, и он медленно перетёк в разлом. Котлован сотрясли резкие амплитудные колебания. Шар вытек обратно, обрёл свою форму и вращался, окутанный мерцающей плазмой, пока из оплывающего разлома не хлынула лава. Шар откатился, изменил тон плазмы, полыхнул молниями в стену котлована и покатил на поверхность, не воспринимая обрушившуюся стену.

На поверхности кругляши разъединились.

— Светает. Пора буксовать отсюда. На южное побережье, — проколебала Э́уэ́у.

— Если поймают и заставят генерировать лучи ненависти?

— Не заставят. Мы же не одиночки. Мы уже группа. Проколеблем, что катимся на своё лежбище.

За первой грядой они встретили местных. Три крепких кругляша, агрессивно излучая, быстро катили прямо на них. А́уа́у предупредительно заколебался и ощетинился молниями. Местные не восприняли. Расстояние сокращалось. Э́уэ́у тоже ощетинилась молниями. Местные замедлились. Двое покатили в разные стороны от третьего.

— Окружают, — слабо колебнула Э́уэ́у. — Побереги энергию.

А́уа́у вслед за Э́уэ́у убрал молнии. Местные заняли позиции и рванули вперёд. А́уа́у вжался в Э́уэ́у. Через мгновенье они слились в один вращающийся кругляш,

окутанный плазмой нижних тонов спектра. Местные восприняли превращение слишком поздно и не успели среагировать. Молния полоснула каждого из них, испепеляя часть оболочки.

Атака сбилась. Местные протащились юзом, забуксовали и, жалобно излучая, покатили прочь от страшного мерцающего шара.

В лежбище археологов раздался сигнал тревоги. Кругляши, восприняв колебания землетрясения, в панике откатывались подальше друг от друга. Но вот колебания затихли и больше не повторялись. Поверхность не трясло. Уо́йуа́ собрал группу из пяти добровольцев и осторожно двинулся к котловану.

А через две гряды от них два кругляша катились вприпрыжку под гору, обмениваясь молниями всех тонов спектра и периодически сливаясь в один шар.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

КОГДА НАСТУПАЕТ ВЕСНА

1. Вероника

На пятый день Глаша умерла.

Мама сказала, что мы не будем ее есть, потому что в ней слишком много нуклеотидов, а я даже обрадовалась. Потому что Глаша мяукала и мурчала и ловила бантик, когда я его на веревочку привязывала. За что же ее есть? К тому же еда у нас еще была, хотя и не так много, как в самом начале.

Мама за мной всё время следила и ничего не разрешала. Но я и сама понимала, что лучше ничего этакого не делать, потому что проблемы у нас нешуточные. После того как Глаша умерла, стало скучно. Делать мама ничего не предлагала, а играть было не с кем. Можно было

задавать вопросы. Но мама не на все отвечала. А если отвечала, то как-то странно. Она всё время делала что-то непонятное и сердилась, когда я ее отвлекала от забот по нашему выживанию.

Я спросила у мамы, где папа. Мама сначала заплакала, а потом сказала, что папа ушел на охоту и скоро вернется. Вот добудет нам еду и сразу вернется. Я обрадовалась. Потому что тогда у нас будет и папа, и еда.

Папа мне всегда приносил разные штуковины. Но в последний раз он принес какую-то непонятную штуку. Она была похожа на плазменный пистолет, только заряжалась не батарейкой, а блескучими круглыми палочками. Палочки светились желтым светом, и их было очень много.

Папа засунул в штуковину две такие палочки, приложил нам с мамой к шее и нажал на кнопку. А себе он не стал прикладывать, сказал, что на всех не хватит. Сначала было не очень больно, а потом мне показалось, что в шею воткнули горячий ножик, и я закричала. Мама сказала, чтобы я терпела, потому что мы лечимся. Я спросила, а как же папа. Папа сказал, что он совсем здоров, и отправился на охоту.

После этого мы с мамой пошли на склад. Там хранились разные продукты и вещи. Я и раньше ходила на склад. Когда одна, а когда с роботом Васей. Вася носил вещи, а я только ему показывала, что взять. Но робот сломался. Мама сказала, что у него сгорели цепи в момент удара, а потом его прихлопнуло. Я спросила — почему у нас не сгорели цепи. Мама стала кричать, чтобы я не задавала глупых вопросов, а посмотрела в Справочнике. Она просто забыла, что Справочника у нас больше нет, потому что его тоже прихлопнуло, вместе с роботом. Тогда я обиделась и сказала, что никуда не пойду. И что я лучше на тележке покатаюсь. Но потом я вспомнила, что папа говорил, что тележки у нас тоже все сломались. И вообще всё сломалось, и непонятно, как коконы жизнеобеспечения выдержали удар. И что если бы не коконы, то и нас бы прихлопнуло.

Я хотела заплакать, потому что на склад далеко идти пешком, но решила подождать, вдруг мы что-нибудь интересное найдем. Мы шли долго. И совсем не по главному корабельному коридору, как обычно, а вокруг, прямо по земле. Мама сказала, что так проще, потому что корабль винтом скрутило, и по коридору не пройдешь. Под ногой чувствовалось что-то мягкое, как ковер в большой гостиной, но мама сказала, что на этом лежать нельзя. И сидеть тоже нельзя. Ведь никто не знает, какие здесь опасные растения и животные и как они прячутся.

Мы нашли много еды и всяких вещей. Мама прикладывала счетчик к каждой вещи и брала не всё, а только то, что сильно не трещало. Она выкатила тележку и сказала, чтобы я складывала отобранное на нее. Я спросила, но ведь тележки не ездят, а мама возразила, что она сама ее повезет, сколько сможет. Я грузила, всё, что мама отобрала, а потом мы долго везли тележку по мягкому, на котором нельзя сидеть. Сидеть очень хотелось, но я не жаловалась, потому что знала, что мама обязательно скажет, когда нужно остановиться.

Когда мама сказала, что приехали, был уже вечер. И всем послушным девочкам пора спать. Я согласилась, потому что очень устала. Глаза сами закрывались, и я даже не стала есть.

Утром мы выстроили дом из дерева. Совсем как настоящий, только маленький. Мама сказала, что жить мы будем в нем, потому что на корабле начались неуправляемые реакции и в атмосферу выделяются стронций и цезий с цифирьками. Но цифирьки я не запомнила, потому что считать дотудова еще не научилась. А еще мама сказала, чтобы я больше никогда не ходила к кораблю. Совсем-совсем — спросила я, а мама сказала, что совсем-совсем, потому что обратно мы полетим вовсе не на нашем корабле. А потом мама опять заплакала. Наверно потому, что каждый день стреляла в нас блескучими палочками, а это было больно. Я погладила маму по плечу и сказала, что плакать совсем не нужно, пото-

му что скоро стрелять будет нечем и ничего болеть не будет. Но мама заплакала сильнее и не успокаивалась до самой ночи.

Ночь тут очень странная, ничуть не темнее, чем день. Я спросила у мамы, почему так, но мама не захотела отвечать. Она что-то считала на бумажке, потому что вычислитель у нас отказался делать все расчеты. Тогда я сказала, что папа всё равно лучше мамы считает. А мама возразила, что папы здесь нет и приходится обходиться своими силами. Тогда я и спросила — где же папа.

Вскоре еда, которую мы взяли на складе, у нас закончилась. А снова ходить на склад мама запретила, потому что ей счетчик что-то страшное показал и она теперь боится. Я спросила, а что мы будем есть. Мама сказала, что есть можно всё, надо только как следует переработать. Она нашла целый кухонный конвертер, настроила его и теперь может получать съедобную пищу из любой биомассы. Мама всё толково объяснила, и я поняла. Нужно собирать траву, всякие ветки, в конвертер засовывать, а оттуда еда вылезет.

Где мама взяла кухонный конвертер, я не спросила. Наверно, ходила к кораблю, когда я спала. Оказалось, что некогда спрашивать. Нужно очень быстро собирать растения. Потому что конвертер работает плохо и у него низкие производительность и коэффициент выработки.

Мы пошли с мамой рвать траву. Она кололась и резалась, поэтому мама дала мне защитные рукавицы. Но всё равно один стебель изловчился и ткнул мне в руку. Стало очень больно. Еще больней, чем когда стреляют из штуковины. Но я не заплакала. Потому что иначе мама отправила бы меня домой и стала лечить. И мы бы остались без еды. Я терпела и терпела. Сказала себе волшебные слова: у собачки боли, у кошки боли, у мышки боли, а у Вероники не боли. И всё прошло. А потом посмотрела на руку и увидела, что на ней вырос зеленый росток. Прямо из того места, куда попал стебель. Я подергала ро-

сток, и он обломился. А маме я про это ничего не сказала и даже руку не стала показывать.

Рука совсем не болела. Только через несколько дней стала немножко зеленой. Потом зеленым стал живот и вторая рука. И ноги. А лицо позеленело только через три дня. Мама взглянула на меня и испугалась. Сказала, что с тобой, доченька, а я не знала, что со мной. Но зато я почти перестала хотеть кушать. Достаточно побыть на солнышке несколько часов, и уже совсем ничего не хочется.

Мама стала меня лечить с помощью той штуковины, которая стреляет. Посчитала блескучие палочки и сказала, что мне их хватит, а она пойдет спрячется. Я спросила, зачем прятаться, а мама сказала, что если так не сделать, то ей будет плохо. Она пошла, открыла люк в сломанном спасательном боте и спряталась внутри. Я плакала, просила ее вернуться, но мама молчала. Наверно, не слышала. Или слышала, но не могла ответить, потому что наружный динамик обесточился.

Тогда я стала жить одна. Оказалось, это не так сложно. Главное — отмечать время, чтобы не пропустить, когда надо в себя стрелять. А еды много добывать стало не нужно. Я поняла, что это само солнышко меня питает. Какое здесь доброе солнышко, правда? Мама мне всё подробно нарисовала — как делать, что и когда, поэтому я не запуталась.

А теперь вы прилетели. Здорово, правда?!

Дяденька военный! Вы ведь нас заберете отсюда? А куда, на Землю? И меня, и маму, и папу? Только папа еще с охоты не вернулся, но вы ведь его найдете, правда? Меня же вы нашли. Вы его хорошенько поищите, он мог спрятаться. Я у вас на корабле немножко поживу. А то мой домик разваливается. Когда дождя нет, это даже хорошо — не надо на улицу кушать выходить... Ой, у вас такая же штуковина, какой я себе всё время стреляла, пока вы не прилетели. Нет, палочки еще остались, не беспокойтесь. Целых три штуки. Вот они, пожалуйста. Мама мне так и говорила, чтобы я стреляла,

пока вы не прилетите. Видите, как она точно всё рассчитала.

Ну, вот. Я вам всего и не рассказала. Чего-то спать захотелось. Завтра расскажу. Спокойной ночи...

Майор Галактического корпуса аккуратно прикрыл за собой временный экран биозащиты, развернутый вокруг кровати ребенка, снял шлем, посмотрел в окошко щитовой развалюхи и непроизвольно сглотнул. Четыре бойца уже закончили ставить на попа камень с вырезанной на нем надписью. Майору не надо было напрягать зрение, чтобы прочитать: он сам придумывал текст.

«Планета Вероника.

Собственность Федерации.

Открыта 02.12.2321.

Здесь покоятся пилот Антон Курносов 05.07.2290-02.12.2321, навигатор Елена Курносова 22.09.2295-14.12.2321 и пассажир Вероника Курносова 04.11.2315-03.03.2322».

Вокруг памятника шныряли зеленоватые зверушки, наталкиваясь на бойцов в скафандрах высшей защиты. Зеленые растения пружинами выстреливали из земли, стремясь занять пустующее место. Приходилось отталкивать жадные и настойчивые побеги, чтобы хоть както расчистить место для работы. Стебли, касаясь камня, недоуменно ощупывали препятствие и резко удалялись, чтобы на ходу зацепить зверушек. Те взвизгивали от удара, а через несколько мгновений прорастали буйной зеленой порослью, продолжая бежать дальше и дальше, разнося семена новой жизни.

Наступала местная весна. Недолгая перед засушливым летом и холодной зимой.

Погибший корабль Курносовых жутко фонил. Майор дистанционно заглушил сигнал «СОС», всё еще посылаемый кораблем, в последний раз посмотрел на спокойно спящую Веронику и отдал команду на подготовку к взлету.

2. Разумное решение

Не умею воспитывать детей. Отсутствие информации. Не знаю — как. В этом — основная проблема. Но я стараюсь. В тех условиях, что мы находимся с Вероникой, это единственный выход — стараться.

Это не Земля, где существуют специальные государственные службы по воспитанию и надзору за детьми, лишившимися родителей. И даже не одна из колоний, где такие службы обязательно присутствуют, пусть и не такого уровня, как на метрополии. Это дикая планета, где никто не может мне помочь.

Майор Сергеев поставил задачу. «Ты остаешься здесь, — сказал он. — Мы — улетаем. Что бы ни случилось — береги девочку. Хотя я далеко не уверен в благоприятном исходе. В случае ее смерти шли сигнал. Мы тебя заберем. И ни в коем случае не допусти, чтобы Вероника покинула эту планету».

Он дал мне резервный источник питания, которого хватило бы на одно аварийное послание. Весьма логично и рационально. Кроме указаний, Сергеев оставил базовый информационный блок. Общие знания по всем областям современной науки и техники, исторические сведения без подробностей, развлекательный кластер, классические произведения литературы, музыки, живописи. Последнее — в виде объемных реплик. Всё, что может потребоваться среднему культурному человеку, выросшему на Земле. И большей частью бесполезное на этой планете.

Данные о Веронике — личностные и медицинские — Сергеев сообщил. И улетел вместе со всей командой.

Через два дня Вероника очнулась. Она встала с кровати, посмотрела на меня и решила узнать всё сразу.

— Ты кто? — спросила Вероника.

— Меня зовут Джо, — ответил я. — Теперь я буду заботиться о тебе.

— А где дяденьки военные?

— Улетели.

— Давно? — удивилась девочка.

— Когда ты спала.

— А что я буду есть? — прагматично спросил ребенок.

— Что ты ела раньше?

— Мы с мамой задействовали кухонный конвертер. Но для него надо много травы собирать. Неинтересно. Ты будешь собирать траву?

— Да, — сказал я.

— Здорово! — Вероника хлопнула в ладоши. — Тогда я поиграю. А ты играть умеешь?

— Умею. Есть интересная игра, называется «шахматы». Хочешь, научу играть?

Вероника по-взрослому поджала губы, явно кому-то подражая, и нерешительно призналась:

— Не уверена. Вдруг это страшная игра?

Я развернул объемную проекцию, объяснил правила и запустил виртуального игрока первого уровня. Пусть ребенок играет. Теперь ей не нужно добывать хлеб насущный. Для этого есть я.

Вероника ела мало, довольствуясь десятой частью того, что выходило из конвертера и что соответствовало норме для ее возраста. При этом она оставалась весьма активной и любопытной и, казалось, совсем не страдала от недостатка пищи. Я пытался образумить неугомонного ребенка, но она упорно не желала употреблять высококалорийную и сбалансированную пищу из автомата. Говорила, что ее солнышко кормит и чтобы я не волновался.

Я не мог придумать, как поступить, опасаясь стать причиной гибели ребенка. В базовом блоке о детях содержалось до обидного мало информации. Единственным вариантом, который показался мне самым логичным, было использовать резервный источник питания не на себя, а на Веронику. Послать запрос в метрополию. Как можно скорее.

«Прошу помощи. Требуется информация по выращиванию и воспитанию детей от шести лет. Срочно».

Сигнал ушел. Оставалось дождаться ответа. И только после отсылки я сообразил, что отправил сообщение не по внепространственной связи. В ближайшие года я мог рассчитывать только на себя и свои знания.

Я знаю, детей следует кормить, одевать, создавать им комфортные условия проживания, учить и воспитывать. И делать это должны взрослые. Нужно следить за ребенком, чтобы он не упал в яму, вырытую перед крыльцом подсвинком во время весеннего гона. Вынимать из маленьких пальцев шипы ползучей лианы, стремящиеся немедленно прорасти. Утешать старыми как мир словами: «У собачки — боли, у кошки — боли, у мышки — боли, у Вероники — не боли». Разговаривать. Говорить.

Говорить, говорить, говорить, говорить... И не успевать.

Каждый раз, когда Вероника прибегала с жалобами на зло окружающего мира, я понимал, что мог предупредить ее. Я знал опасности. Но не мог предположить, что она ввяжется в них.

Когда слова «будь осторожна» останавливали семилетнюю девочку, изучающую окружающее ее пространство? В нормальном обществе родители ограничивают это пространство. Но здесь... Где вся планета — бесконечный дом со всевозможными тайнами, загадками и ужасами неизведанного. Где, кроме нас с Вероникой, больше никого нет.

Вероника училась быстро. И по второму разу в одну и ту же неприятность не попадала. К сожалению, на этой планете неприятностей для маленькой девочки имелось с избытком. К счастью, чудеса случаются. Тысячу раз Вероника могла погибнуть, но ей везло. Подгнившее дерево падало на тропу за секунду до того, как там пройдет Вероника. Оса-наездник кусала в сантиметре от сонной артерии, и последствия ограничивались вскрытием кладки под кожей и недельной опухолью. Крупные хищники предпочитали не лезть в реку, чтобы переплыть на нашу сторону, а мелкие боялись подойти к домику. Болезнет-

ворные бактерии обходили Веронику стороной, либо она была иммунна к ним.

И вместе с тем бесконечные ушибы, порезы, царапины, в которых тут же старались поселиться местные сапрофиты. Обеззараживающие средства закончились чуть ли не сразу. Аптечка таяла с угрожающей скоростью, а Веронику это совсем не заботило, хотя я каждодневно напоминал о режиме строжайшей экономии. Экономии абсолютно на всем.

Постепенно мои стремления тоже сместились в другом направлении. Основная цель — выживание. Остальное — призрачный комфорт, сытость, развлечения — жестко подчинено данному императиву. Хочешь выжить, узнай как — и действуй.

Как ни странно, Вероника достаточно легко приспособилась к планете. Этот странный мир принял ее, как часть биоценоза. Девочка не болела, а я не мог понять — почему. Она смеялась над моим удивлением и игнорировала мое беспокойство.

— Всё будет в порядке, Джо! — говорила Вероника.

И действительно, ничего фатального не происходило.

Мы жили. Весна, лето, зима, весна... Планета крутилась вокруг звезды. Вероника росла, менялись ее интересы, менялись желания и запросы. Но она всегда помнила, как оказалась на этой планете. И в какой-то момент осознала, что стало с ее родителями. Почему и как они умерли. Как спасали дочь, отказывая в спасении себе.

Пришло время непростых вопросов.

Теперь Вероника пытается узнать то, на что у меня нет готового ответа. Нет информации. Майор не поделился. И я в сотый раз рассказываю историю, которую придумал сам и в которую уже давно не верю. Что скоро за ней прилетят и спасут. Что ее не забыли и не бросили. Что она нужна кому-то еще, кроме меня.

Не прилетят. И спасать не будут. Это точно.

И я решил сказать ту правду, в которую верю сам:

— Ты уже большая, Вероника. Ты можешь кричать, что ничего не хочешь, что ничего не будешь, что ненавидишь

меня с моими нравоучениями. Всё так. Только учти: теперь все решения будешь принимать сама. Будешь полной хозяйкой здесь, на планете. Да. Тебя оставили здесь. Может быть, даже забыли про тебя. Конечно, они поступили мерзко. Теперь ты должна понять — почему. Поймешь — узнаешь их мотивы и цели. И сможешь им противостоять. Они вернутся. Или не они. Но каждый пришелец будет стремиться сделать так, чтобы планета перестала принадлежать тебе. И тогда у тебя не останется ничего. Вообще ничего. Даже такого призрачного дома, как сейчас. Я могу давать советы, как поступать. Но ты должна сама задавать вопросы. Спрашивай, Вероника.

Она спросила.

— Я хочу вырасти. Что мне для этого сделать?

— Дело не в возрасте. Некоторые до седых волос остаются инфантильными подростками, не желающими и не умеющими стать взрослыми.

— Я не такая, Джо! Объясни!

— Взрослый принимает решение, воплощает его в жизнь и отвечает за свои поступки. Всего лишь. Необходимое и достаточное условие. Вспомни родителей. Они решили спасти тебя и прошли этот путь до конца.

Вероника прищурилась. Она стояла передо мной маленькая, взъерошенная, с двумя торчащими косичками и сжатыми кулачками. Решимость сделать хоть что-нибудь читалась у нее в выражении лица. Что-нибудь поперек, чтобы о ней заговорили все, чтобы ее заметили, чтобы выделиться среди таких же подростков, как Вероника. Но не было никого.

— Родители, они — здесь! — Девочка ткнула пальцем в сторону памятника. — Что, прикажешь лечь рядом с ними?!

— Там лежит только твоя мать, — уточнил я, — отца не стали переносить к жилью: в то время это было небезопасно из-за радиоактивного заражения.

— Вот оно что... — Девочка затихла, задумываясь. — Тогда я найду его. Знаю-знаю: меры безопасности. Всё как ты учил. Нет проблем.

Она собрала мешок, покидав в него необходимые, по ее мнению, предметы, и ушла не попрощавшись. Я остался, веря, что Вероника не станет лезть на рожон, а в случае реальной опасности сумеет подать сигнал о помощи.

Я умею ждать.

Пришли рекомендации с ближайшей реперной станции. Кроме запрашиваемой информации прислали новости за последние годы. Мой запрос шел семь лет — со скоростью света. Ответ пришел через несколько часов после регистрации. Внепространственная связь, избыток энергии. Планеты метрополии могут позволить себе и не такое. Я тщательно изучил советы известнейших в человеческом мире специалистов, просмотрел высказывания негуманоидов. Попытался применить к нашей жизни и обстоятельствам и не смог. «Человек должен жить в обществе. Вне общества человек не может существовать. Коммуникативность, общение, взаимодействие...» — основные тезисы всех статей о воспитании. И где взять общество на этой планете? Как без этого воспитать ребенка? Как Вероника вообще выжила здесь со мной? Да, я демонстрировал ей объемные проекции известных людей, диалоговые ретроспекции на исторические темы, интерактивные сериалы из жизни подростков. Но как это могло заменить живое общение с людьми? Не наделал ли я непоправимых ошибок? Не вырастил ли чудовище в человеческом обличье?

Никто не мог дать мне ответ. Метрополия жила своей жизнью, и ее совершенно не заботили отдельные человеческие существа. Зато само существо очень заботила эта Земля, которая отобрала у нее всё и ничего не дала взамен.

Вероника вернулась. Грязная и усталая. Бросила у крыльца мешок, который взяла с собой, посмотрела искоса на меня и убрала на место. Немного помолчала и сказала без всяких эмоций:

— Нашла отца. Его действительно не стали хоронить здесь. Под памятником только мама. Я проверила — радиация в пределах нормы. Дашь мне тележку привезти останки?

— Дам, — ответил я.

Вероника взяла пульт, просмотрела старые каналы и наткнулась на новости из метрополии. Она долго смотрела запись, ничего не говоря. Морщилась и терла коленку.

— Идиоты, — наконец сказала она. — Ты посмотри на них, Джо. О чем это всё? Зачем? И это — жизнь?

Нечего было возразить: я уже смотрел новости и пришел к аналогичному выводу, пусть и не такому эмоциональному. Конечно, на Земле всё делалось для счастливой жизни массового потребителя. Но на этой планете таких не было. И не будет.

Вероника присела, прижалась к моему боку и тихо сказала:

— Знаешь, Джо. Ты прав. Это моя планета. Только здесь я и смогу жить. И не нужна мне никакая Земля, и люди не нужны с их непонятными проблемами и стремлениями. Ну их всех на фиг! Мама и папа подарили мне дом — планету, и я буду жить здесь.

Это было взвешенное, разумное решение человека. Пусть и маленького, но уже взрослого. Мне захотелось показать Веронике, что именно так и следует поступать. Показать жестом, а не словами, за которыми часто не видны эмоции.

Вспомнилась фраза из руководства по воспитанию: «В знак одобрения погладьте ребенка ладонью по голове».

У меня нет рук.

С тех самых пор, как меня переписали на электронный носитель.

Теперь я — стационарный обучающий комплекс.

3. Как говорил Джо...

Так и знала, что зря этой хренью занималась! А всё Джо! Дескать, каждая порядочная девушка должна выращивать цветы. Ну, и где те цветы?! Этот урод свою опору аккурат посреди моей теплицы поставил. И ладно бы извинился, когда вылез. Нет! Так, не глядя по

сторонам, ко мне и почапал. С приветствием, должно быть. Порядочные гости завсегда сначала здороваются. По крайней мере, Джо мне это чуть ли не каждую неделю твердил. Как воскресенье, так правила хорошего тона и талдычил. Туда не ходи, этак не смотри, про то самое не говори. А ручки надо сложенными держать, и разговаривать, взор потупив.

Я всё этому гостю и высказала. Исключительно по правилам хорошего тона. Если кратко пересказать, то сводилось всё к одному посылу: «А пошел бы ты на!..» Жаль, что он сразу не послушался. Стоял, глазами хлопал и думал. Может, и не думал, а в себя приходил. Кто его знает — гость всё-таки. А о чем гостям думать положено, про то Джо ничего не говорил. Гостям всё больше полагалось чего-то делать. Ну там цветы хозяйке дома вручить или подарок какой. Мне то есть. Порядочным девушкам всегда цветы дарят. Вот тут у Джо и противоречие: если цветы мне должны дарить, то зачем их еще и выращивать?

По всему, гость невежливым оказался. Наверно, никто ему про правила не говорил. Или некогда ему было. Потому что он поморгал, поморгал да как спросит:

— Ты кто?!

— Тебе-то что? Живу я здесь, ясно? — и для понятливости каблук в землю впечатала.

— Тут никого быть не должно! — Он так головой замотал, что она у него, наверно, чуть не оторвалась.

— Это тебе кто сказал?

— Это всем известно!

Ну, вот, дожили! Всем, видишь ли, известно. Кому это «всем»? И где эти «все» находятся?

— А мне — нет! Я же — здесь.

Он задумался. Поскреб пятерней по прозрачному шлему, который так и не снял, и вернулся к первому вопросу:

— А ты — кто?

Заклинило. Судя по всему, он так и будет повторять свое «тыкто?», пока я ему в лоб не дам, чтоб заткнул-

ся и прекратил занудствовать. Лучше ответить. Только этот его вопрос весьма напрягал. Вот как объяснить, кто ты такая? Назвать имя? Рассказать, чем занимаешься? Или чего еще? Пришлось начать с самого простого — с имени.

— Вероника меня зовут.

— А меня — Глеб Семенович.

Очень информативно. Очень. И главное — он же абсолютно не помнил про мою теплицу, от которой вообще ничего не осталось. А претензии предъявлял. И я уже почти почувствовала себя виноватой. Джо что говорил? Что лучшая оборона — это нападение. Прямо мой случай. И повод имеется.

— Уважаемый Глеб Семенович! По какому праву вы вторглись на частную территорию и разрушили находящееся здесь строение? Между прочим, построенное лично мной! А? — Я даже сама удивилась, как всё ему высказала. Не ожидала от себя такого. Думала, когда прилетит кто-нибудь, двух слов связать не смогу. Ан нет, гляди-ка! Как по написанному шпарила! Вся робость и скромность, которым меня Джо учил, испарились. Или я заранее подготовилась?

Если честно, так я вообще-то кого другого ждала. Людей в форме. А что вместо них какой-то штатский явился — не моя проблема. Или теперь моя? Может, этот Глеб Семенович всех военных похуже будет. Какие у него цели-то? Не спросила.

И в общем правильно сделала: Глеб сам всё рассказал. Про то, что он извиняется. Что экспедиция, разумеется, компенсирует мои утраты и потери. И даже предоставит мне новое место жительства, если, конечно, я не соглашусь проживать рядом с ними.

Тут пришлось его прервать.

— С какого-такого вы мне в соседи напрашиваетесь? Мое это место. Да и планета тоже моя.

Глеб аж напыжился от важности. Хотя в скафандре это не очень заметно было.

— Милая девочка! Я — официальный представитель компании «Коллегиум», занимающейся колонизацией данной планеты. В данный момент провожу предварительную рекогносцировку на местности. Исследовательские роботы уже подтвердили возможность высадки и проживания людей. Так что мой спуск вниз — всего лишь формальность. Через сутки после моего подтверждения начнется массовая посадка кораблей. Вот так.

Нашел девочку, а! После таких слов его вообще нельзя за человека считать. За представителя компании — можно. А за человека — нет. Мне о таком Джо не один раз рассказывал. Что вот явится подобный заморыш на планету, скажет веское слово, предъявит бумаги, и всё! В смысле, начнутся у меня проблемы. Еще хорошо, что он прямо тут высадился, черт с ней, с теплицей. Не нашли б они меня, основали бы колонию с противоположной стороны шарика — тогда полные кранты.

Джо про колонизацию не умалчивал. Это у него любимая тема — про то, какие есть виды, подвиды и особые случаи высадки людей и их закрепления на чужой территории. Да стоит возвести стационарное сооружение там, где никакой цивилизации в пределах видимости нет, всё это пространство сразу твоим становится. Если иных документов нет. А где у меня документы? Отсутствуют. Только хибара моя да обломки корабля. Ну, и Джо еще.

— Вы бы, гражданин, со спуском поосторожнее. Я могу и иск вам влепить. Если уж собираетесь планету колонизировать, так, может, с местными жителями сначала договоритесь?

Мой вопрос его сразу вдохновил. Наверно, решил, что встретил собрата-юриста.

— Мы специально решили поближе к вам высадиться, чтобы избежать возможных проблем. Чтобы договориться. На условиях, которые будут устраивать обе договаривающиеся стороны. Как я понимаю, вы обладаете нужными полномочиями?

Ого! И про «милую девочку» уже не упоминает. И вопросы свои забыл про то, кто я такая. Выкручивается. Никого они здесь встретить не предполагали. И проблем не ждали. Обнаружили корпус корабля масс-детектором, вот и сели: мало ли чем можно поживиться.

— Обладаю, — мрачно сказала я. — Еще как. А вы?

— Тоже! — просиял Глеб. — Заверяю вас! Разрешите предъявить полномочия?

Тут я поняла, что вот так на улице разговаривать слегка неудобно. Конечно, ретранслятор у него мощный, но договоры удобнее за столом подписывать. Если, конечно, ему будет что предъявить.

— Пойдем! — дернула я подбородком в сторону хибары и пошла. И оглядываться не стала. Знала, что пойдет. Не обманулась.

Глеб на посадочную капсулу обернулся, а потом как привязанный за мной поплелся. Но не дошли. Разговорчивый представитель оказался. Не успели ему в компании как следует объяснить, что любую речь надо заранее готовить и лишней информации никому не поставлять.

— Вы здесь постоянно живете?

— Да!

— Я вижу, вы без скафандра...

— А то!

— Значит, никакой угрозы для человека здесь действительно нет?

— Для меня — нет. Для вас — наоборот. — Приходилось поворачиваться на ходу и чуть ли не останавливаться. Кому охота в свежую нору подсвинка провалиться? Неделю отмываться придется.

— Почему?!

Тут уж на эту дурость пришлось встать и лицом к нему повернуться.

— Да потому что я тут десять лет живу! Иммунитет выработался! Симбиоз! Понимаешь?!

Конечно, он ничего не понял и опять начал блеять про миссию, про колонизацию, про тысячи человек, кото-

рые тут вскоре расселятся и начнут новую прекрасную жизнь. Им обещали...

— А вы в курсе, что данная планета признана биологически опасной?

— Была признана, — усмехнулся Глеб. — Не далее как два месяца назад запрет сняли.

— С чего бы?!

Глеб пожал плечами:

— Появились современные иммобилизующие средства, подавляющие местную биосферу. Так что препятствий для колонизации нет.

— Ах нет?! — возмутилась я. — Значит, будут!

Захотелось плюнуть и уйти с гордо поднятой головой, а напоследок хлопнуть дверью. Ну, я так и сделала. Благо мой домик у меня за спиной находился.

А этот снаружи остался. В скафандре. Хотя и внутри я бы Глебу не посоветовала снимать средства защиты. Всё ж герметизации у меня нет. Что на улице, то и дома. Я окошко распахнула, локти на подоконник поставила, присела и на него взглянула.

Маялся он. Ножкой по земле шаркал, листьями прелыми шуршал. Не решался в дом без приглашения войти. Потом вокруг бродить принялся, участок осматривал. Ну, тут мне стыдиться нечего: всё ухожено и прибрано. Прямо-таки идеальный дом одинокой девушки.

Наконец, Глебу надоело по участку кружить. Подошел, встал под окном, создал на лице страдальческое выражение и протянул:

— Вероника! Давай по-хорошему, а? Мне ж по-любому сигнал посылать придется. Потому что, если не пошлю, тут целая бригада высадится, даже если все показатели моей физиологии в порядке будут. А если не будут — еще хуже. Ты ж понимаешь?

Ну, я поняла. У них же стандартная процедура. Вот они ее и отрабатывают. Джо мне крепко в голову вбил — что и как будет, когда колонизаторы высадятся.

— Ладно, заходи. Только ноги вытирай — не наубираешься потом за тобой.

Глеб вошел. На потолок посмотрел и голову в плечи втянул. Мне-то привычно, а ему беспокойно. Но я ж специально все эти отверстия в крыше проделала — на летний период. Да и весна скоро.

— Это у меня вентиляция такая. Дождей не бывает, птички на голову не гадят, — объяснила кое-как. — Нет здесь птичек. И не было.

Глеб сразу новой информацией заинтересовался и оживился. К столу присел. Электронный лист на столешницу кинул и давай на нем в таблице пометки делать. С моих слов. Конечно, удобнее, когда тебе всё рассказывают. Не надо биолабораторию развертывать. Экономия сил и времени получается. Исследователь тогда благодарным становится и уже почти на всё готовый. А если ему кое-что чуть иначе осветить, так он и выводы немного другие сделает. Которые мне выгоднее.

Заполнил он свою таблицу. И сразу наверх ее отправил, на орбиту. Не иначе, чтоб отличиться. Там ее, конечно, проверят. Но. Это займет некоторое время. Которого, надеюсь, мне хватит. Глеб, как главную часть работы сделал, сразу расслабился. По сторонам стал смотреть: на мой быт и обстановку. Потом во второе окно выглянул, которое на задний двор выходило. И сразу у него вопросы появились.

— Это что?

— Где? Ах, это! Памятник. Неужели не ясно?

Глеб прищурился. С такого расстояния надписей не разобрать. Но он, наверно, увеличение на шлеме настроил, прочитал.

— Ясно... Подожди! Ведь это же твое имя на нем?

— Мое. — Тут уж настала моя очередь плечами пожимать. Ну не объяснять же, в чем прикол.

— Каким образом?! — Глеб совсем ошалел.

— Не привидение я, успокойся. Шутка это. Местная.

— Ты уверена?

— Угу. Хочешь, одну запись покажу? Сразу всё поймешь.

Он согласился. Пришлось включать.

Не любила эту запись. Смотрела иногда, а всё равно не любила. Потому что каждый раз плакала. Себя жалела. Ну, не совсем, конечно, себя, а ту шестилетнюю девочку, которая рассказывала. А теперь девочка выросла. И желает показать всем этим дядям военным кузькину мать.

Поверила им. Любой бы поверил, не только ребенок. Думала, меня заберут. Не забрали. Джо оставили, а сами улетели. Когда я проснулась, сначала ничего не поняла. Думала, что они спрятались. Искала. И не нашла никого. Кроме Джо.

Он мне потом долго сказки рассказывал — целых три года, — что они вот-вот вернутся. Врал. Когда догадалась, не знала, что с ним и делать. Вот тогда Джо и показал запись. Он много всяких записей показывал — из архива, наверно. И маму, и папу, и Землю. Почти всему верила.

И когда поняла, что они сделали, — не простила. Сначала хотела, чтоб им всем было так же плохо, как и мне. Ведь, кроме Джо, никого вокруг не было. Он, конечно, обо мне заботился. Объяснял. Советовал. Играл со мной. Учил. Разговаривал. Объемные картинки показывал. Не давал забывать, кто я есть и почему тут оказалась. Защищал первое время.

Но ведь это совсем разное. Когда живешь в обществе и когда — одна. Чувствуется. Никто не задает глупых вопросов. Не ищет твоего внимания. Не раздражается из-за того, что ты его игнорируешь. Никого нет. А Джо? Он всё понимал. И не лез, когда не надо.

— Что тебе, Глеб?

Он чуть словом не подавился.

— Я думал, что-то случилось. Ты совершенно на меня внимания не обращаешь.

— На тебя не обратишь. Не привыкла я в обществе, понятно? О своем думала.

— Да?! И чем ты тут занимаешься? Чем вообще можно тут заниматься? Развлечений никаких. Глобальной Сети нет.

— Живу, Глеб. Или ты предлагаешь мне копыта отбросить?

— Фу, что за сленг у тебя! Кто тебя воспитывал?

— Когда никто. А когда — Джо.

— А! Ты всё-таки не одна здесь!

— Отвали, Глеб. — Настроение у меня испортилось.

Но он будто не понял намека. Начал расспрашивать, что я да как. И как я сумела без всяких контактов выжить и человеческий облик не потерять. И, может, в таком случае ему лучше с Джо поговорить.

— Не лучше. Недоступен Джо, ясно?

— Как знаешь... Может, прогуляемся, пока наверху решение принимают?

Я не нашла, что сказать. Раньше мне как-то даже мысль не приходила, что тут прогуливаться можно. Как представила, что мы рядышком идем — Глеб в чистеньком скафандре да я в перешитом грязном комбинезоне, — меня смех разобрал. Ну, и согласилась. Любопытно стало, как сие действо проходит.

— Куда гулять пойдем? На бульвар али на набережную? — и тут же поняла, что шуток Глеб не понимает. Или у меня шутки не смешные. Местные, так сказать.

— А тут и набережная имеется?

— Разумеется, нет! Ты с орбиты где-нибудь водные пространства видел?

— С орбиты я ничего не видел! — обиделся Глеб. — Что, у меня дел других нет, чтобы на планету смотреть?! Это картографам надо и литологам. А я — профессионал первичной рекогносцировки! Мое дело — участок застолбить. Наметить места высадки. Понятно?!

— Чего ж непонятного? Ты не кипятись. Расслабься. Тут везде гулять можно. Пока весна не наступила.

— А что весной?

— Весной всё просыпается. Вылезают растения, бегают животные. Жизнь кипит, знай уворачивайся.

Глеб не стал комментировать. Это он правильно сделал. Пока нашу весну вживую не увидишь, на собственной шкуре не почувствуешь — не поймешь. Кстати,

совсем недолго ждать. И чтоб ожидание сократить, прогуляемся-ка мы до того пригорка.

Показала направление, куда пойдем, Глеб поклон обозначил, подал руку, и я его руку приняла. Представила, что одета в длинное белое платье, нитяные перчатки до локтей, а в руках у меня зонтик от солнца. Голову задрала повыше и этакой павой рядом с Глебом пошла, на его руку опираясь.

Много в меня, оказывается, Джо всякой чепухи вбил. Теперь пригодилась. Выходит, и не чепуха то была вовсе. Предвидел он, что ли? Пришлось всё вспоминать и на практике использовать. Причем так, чтобы это естественным казалось. Мужчины на такое клюют и всякие глупости делают. А порядочным девушкам, главное, успеть этим воспользоваться. К собственной выгоде. Только мужчинам про это знать не обязательно. Их лучше в неведении держать о своих планах.

О чем может болтать мужчина на прогулке с девушкой? О всякой всячине, лишь бы ее развлечь. А девушка должна поддакивать, хихикать и разговор в нужное русло направлять. Слишком умной, какая ты есть, показывать себя не надо. Но и полной дурой — тоже. Мужчины на таких только вначале клюют, потому что чистая физиология действует. А умных они просто боятся. Девушки обычно эту стратегию опытным путем находят. Джо говорил, что для этого специальные места созданы, есть где поучиться. А у меня? В полном-то одиночестве? Только теория, которую надо на практике применить, чтобы лицом в грязь не залезть.

Но удалось. Я даже за временем следить перестала, так мы с Глебом разговорились. Приятно было. Показала себя. Выставила в лучшем свете.

Проняло Глеба, даже на «вы» перешел:

— Извините, что не могу вручить вам подобающий случаю букет. Не подготовился.

— Да здесь и цветов-то нет. Опылять некому.

— Да? И чем же вы свое жилище украшаете?

— Не украшаю я его.

Глеб на меня оценивающе глаза скосил, покивал и выдал:

— Вы — лучшее украшение этой планеты!

Я сразу и не сообразила — серьезно он или так, прикалывается. Потом вспомнила, что это «комплимент» называется. Ну, когда приличной девушке хотят что-нибудь приятное сказать. И кстати, у него получилось. В груди тепло стало, губы сами собой в улыбке растянулись, и я брякнула:

— Жаль только, недолго вам на это украшение любоваться.

— Почему недолго? — Глеб даже остановился от удивления.

— Вас ждут другие планеты. Более приспособленные для людей. И для тебя.

Не предполагала, что мимические мышцы могут быть столь подвижными. Только что Глеб сиял от удовольствия, а тут будто подменили его: нахмурился, глаза сузил, губы поджал и заговорил прерывающимся голосом:

— Что ты имеешь в виду?

Пришлось растолковывать:

— Улетай, Глеб. Нечего вам тут делать.

— Как это? Я думал, мы обо всем договорились...

— Нет, Глеб. Не договорились. Мое это место.

— Хорошо, твое. Мы в другом полушарии высадимся. На тебе наше присутствие никак не скажется.

— Сейчас, может, и нет. А после?

— О чем ты вообще? Ты прекрасно знаешь, какова моя миссия. Подготовка к массовой высадке колонистов. Они ж не просто так сюда летели, чтобы увидеть с орбиты красоты планеты. Им жизненное пространство обещали.

— Твои проблемы, Глеб. — Очарование прогулкой куда-то испарилось, и я обнаружила, что стою на самом краю старой подсвинковой норы. — Решай их сам. Но не за мой счет. Ясно? А теперь иди-ка в свой корабль и отправляйся назад. На орбиту.

— Да не могу я! Ты что, не понимаешь?! Существуют инструкции, правила, законы! Мы высадимся, хочешь ты того или нет!

— Ах, законы... По каким таким законам разрешается высаживаться на территории, принадлежащей частному лицу?! По каким законам разрешается отнимать у этого лица его недвижимую собственность?! По каким законам можно не считаться с неотделимыми правами частного лица?!

Глеб ухватил мое плечо своей лапой в перчатке, сдавил и прошипел:

— По таким... Когда этого лица не существует! Нет тебя! Ты — ноль!

Он повернулся и пошел к кораблю.

А я — в другую сторону. В глазах у меня щипало, по лицу текло, я всхлипывала, утирала нос рукавом, совсем не как приличная девушка, и бормотала всю дорогу, пока к хибаре топала:

— Я тебе покажу, кого из нас не существует... Покажу...

Чего собиралась показать, я придумала не сразу. А когда придумала, даже испугалась. Своих мыслей главным образом.

Оружия-то у меня отродясь не водилось. Зачем ребенку оружие? Защитить себя он при любом раскладе не сможет, только если случайно. Еще большая вероятность, что он первым от своего же оружия и пострадает. Так что я только на Джо надеялась. Он всегда заранее предупреждал, когда и от чего прятаться. И где. Так что придется что-нибудь самой придумывать. Или нет? А ведь действительно! У меня же огромная база данных! И там есть абсолютно всё. Достаточно Джо уговорить.

Я пошла и связалась с ним.

Джо сразу откликнулся:

— Вероника? Здравствуй. Что желаешь?

— Привет, Джо. Мне нужна информация.

— Задай критерий отбора.

— Ты можешь нормально говорить?

— Могу. А ты — нормально спрашивать? Так что тебе показать?

— Все виды оружия.

Видимо, Джо по-быстрому просмотрел данные с камер наблюдения и отозвался:

— Ах вот как. Колонисты. И ты собралась им воспрепятствовать? Хватит ли сил и решимости? А умения?

Умеет Джо по больному бить. Сомнения пробуждать.

— Не лезь, Джо! Данные дай, и всё!

— Ты не станешь убивать...

— Еще как стану! Ты же сам учил меня!

— Я учил другому...

— Дай данные!

Джо помолчал и ответил:

— Выбирай.

Я и предположить не могла, что есть столько вариантов отнятия жизни. Чем угодно. Множеством способов. Мгновенно и в мучениях. Я отбрасывала те, что не могла осуществить, даже не вникая. С использованием огнестрельного оружия и холодного, ядов и токсинов, деформации сознания и психосоматического воздействия. Ничего такого у меня не имелось. Ну не дубинкой же Глеба по шлему охаживать. Во-первых, он не подпустил бы, а во-вторых, шлем так просто не пробить. Значит, сначала надо шлем с него стащить. А для этого его пленить.

Тут мне как раз статья и попалась — о способах ловли диких животных. Про ямы с кольями на дне, про капканы да про веревочные ловушки. Что-что, а веревки у меня имелись. В достаточном количестве. Я внимательно информацию изучила, сделала поправку на местные условия и принялась раскидывать сети, надеясь, что Глебу глубоко плевать, чем я занимаюсь.

Так и оказалось. Может, он за мной и следил, но какой цивилизованный человек будет обращать внимание на культовые обряды диких аборигенов, перемазанных грязью и припорошенных прошлогодней листвой? По крайней мере, я сама так свои действия воспринимала. Наползалась, критически осмотрела, чего соорудила, и осталась довольна. Ну, и позвала будущую жертву.

— Глеб! Выходи. Поговорим.

Он вышел. Сделал несколько шагов ко мне и попал в ловушку. Петля захлестнулась вокруг его ноги, дернула, и Глеб вознесся вверх ногами, нелепо болтаясь и пытаясь достать руками землю. Я тут же обмотала его веревкой, выдрала из пальцев перчаток все инструменты и поволокла в дом. На случай, если с орбиты следят. У меня хоть и дырявая, а всё же крыша, от чужого глаза защищает. Да и сидеть удобнее не на земле, а на стуле.

Доволокла Глеба, на стул взгромоздила и перед ним уселась — отдохнуть. На разговор настроиться. Тяжелый он. Глеб, понятное дело. Да и разговор не из легких.

— Что ты собираешься сделать? — хрипло спросил Глеб, едва очутился в сидячем положении.

— А ты что предпочитаешь? Знаешь, есть варианты...

— Ты вообще ничего не понимаешь?! Или прикидываешься?! Да стоит тебе хоть пальцем меня тронуть, на орбите тут же об этом узнают. И сровняют твою развалюху с поверхностью. Одним ударом.

— Это ты не в курсе. Я сниму с тебя шлем и подожду. Не знаю, сколько ты проживешь. Но это будет совершенно естественная смерть. Никто ничего не заподозрит. Вы же не собирались тут в скафандрах жить? Вот ты и попробовал. И ничего с тобой не случилось. А то, что тебя убьет, станет тобой. Понимаешь?

Глеб смотрел на меня, разинув рот и распахнув глаза, и чего-то хрипел.

— И не смей называть мой дом развалюхой! Я сама его строила! — Мне очень сильно хотелось треснуть Глеба по лицу, чтоб оставить красный отпечаток ладони. Но для этого надо было снять с него шлем. А к этому я еще не была готова. Оказывается, Джо понимал меня лучше, чем я сама. Он вообще редко ошибался. И мне вдруг захотелось его удивить.

Между тем Глеб очухался, смог сформулировать мысли и даже их высказать:

— Человек не может убивать человека.

— А я? Я — могу? Могу?! Если нет, значит, я человек. И, следовательно, вы обязаны немедленно улететь отсю-

да. А если остаетесь, значит, я не человек. И значит, могу убивать!

Да, в логике мне не откажешь. Глеб аж посерел от моих слов.

— Я доложу начальству. О новых проблемах.

— Давай-давай! Докладывай!

Вот не знаю, зачем это сказала. Глеб будто только и ждал моего разрешения. Включил связь подбородком и забубнил. Обо мне, о ситуации в данный момент и об общей. О том, как из всего этого им лучше выкарабкиваться. Предлагал про него забыть и бить прямой наводкой по пеленгу. А наверху не соглашались. Дескать, нечего ценные кадры на атомы распылять, они меня и так захватят. Ну, может, они и не успеют быстро высадиться, тогда у Глеба будет шанс погибнуть героем, как он и собирался.

— Пусть поторопятся, пока тут еще полная темнота, — влезла я с советом, а Глеб его автоматически повторил.

Ну, на орбите не такие дураки, чтобы врага слушаться. Да и Глебу некуда спешить, пусть отдыхает. На этой ноте сеанс связи и закончился.

Вот теперь Глеб окончательно со своей задачей справился. И стал совершенно ненужным. Более того — мешающим. Я подошла к нему, встала за спиной, чтоб не видеть выражения его глаз, и положила ладони на крепления шлема. Оставалось сделать одно движение. Последнее. Раз решила, надо делать.

Джо так и сказал:

— Смелее, девочка! Всегда делай то, что хочешь. Не отступай от задуманного. Будь сильной.

Провокатор хренов!

Не сумела Глеба убить. Пожалела.

Да и смысла не было. Всё равно команду пришлют. А как с ними справляться? Одна надежда, что высаживаться начнут, когда солнце взойдет.

Так и получилось. К самому восходу подгадали.

Вышли из корабля человек десять. Все разные, непохожие. Даже кожа на лицах разного оттенка была — от

совсем белой до темно-коричневой. И у каждого оружие в руках. И, главное, на меня нацелено.

Что тут скажешь? Да ничего. Либо бежать надо, либо тут же на месте в землю уходить — прятаться. Им же не объяснишь. Небось, Глеб их рассказами напугал. Про меня, такую страшную. Вот они и решили меня вначале прикончить, а потом планетой заняться. Логично. Только мне эта их логика совсем не понравилась. Как-то не захотелось помирать.

Да, а солнышко-то вставало потихоньку, прямо в лицо мне светило. А эти стояли и медлили. Рассматривали, поди. Не иначе, чтобы узнавать, когда потом в бесплотном виде им являться буду. Ну, и дождались.

Джо их отвлек на минуту — выглянул, и пока они расстреливали то, что он им показал, я солнечными лучами и напиталась. Так хорошо стало. Сладко и свободно. Я вздохнула и возродилась.

Выпустила побеги из рук, опутала их всех и на землю положила. Пусть полежат, подумают. Может, поймут, что они ничто перед хозяйкой планеты. Потом подумала и передвинула их с голой земли под навес. Глеба развязала. Щелкнула его по шлему пальцем и сказала:

— Что, Глеб, понял теперь, чья это планета?

Он на меня посмотрел и не ответил. Конечно. Он же совсем не привык меня в таком обличье видеть. А я разной бываю. Вот как сейчас. Форменное дерево. С длинными ветками, растущими по всему телу, и с лицом зеленым. Это чтобы от солнца питаться, пока жара не придет. А летом и зимой, чтоб в спячку не впадать, приходится кухонный конвертер настраивать и человеческую пищу употреблять. Так и жила. Все десять лет. Ждала.

Людей ждала.

Мы сидели с Глебом на крыльце, смотрели на зеленое безумие просыпающейся земли и болтали о всякой ерунде. Например о том, как я тут сумела выжить. О планете, о ее биоценозе, обо всем, что интересно. Глеб

всё удивлялся, откуда я это могу знать, если даже они не в курсе.

— Это всё мне Джо рассказал. Хочешь познакомиться с ним?

— Давай. — Глеб был уже на всё согласный.

— Джо! Выходи! Познакомься с Глебом.

Конечно, сам Джо не мог выйти: он всё же стационарный обучающий комплекс. Но тележку прислал. Тележка манипулятор Глебу протянула, и они церемонно пожали друг другу руки. Или правильнее «конечности» говорить? Познакомились, в общем.

Я выпустила побег, ухватила подсвинка и развернула его в другую сторону. Ему всё равно, куда бежать, а мне потом крыльцо ремонтировать. Глеб скептически посмотрел и сказал со вздохом:

— И всё же ты не человек, Вероника. Действительно, не человек.

— Нет, Глеб. Это просто весна наступила.

АНТОН ТУДАКОВ

РОЗА МЁБИУСА

У Джека сегодня верховодила злая голова. Скорее всего, именно это спасло ему и Джилл жизни.

Возможно также, что еще дело было в том, что Джек имел четыре гибких кольчатых руки, три ноги, покрытое моноволоконными пластинами цилиндрическое тело, скрывающее некоторое количество органики, термоядерный реактор на четверть тераватта и четырехствольный плазменный мушкет. И три головы в оболочках из многослойного полиамида.

Поэтому, когда сквозь изъеденный временем гигантский каркас репроцессора хлынули первые стебли травы, первой ее заметила охваченная перманентной

паранойей Джекова злая голова. Тело Джека закрыло ковыряющуюся в разъеме энергопровода Джилл, руки выдернули из спинных пазов мушкет, Джек дал залп и выжег в приближающейся буро-зеленой волне мечущихся щупалец просеку, по которой и Моисею со спутниками пройтись не стыдно было бы.

Увы, но траву это не остановило. Покрытые слизью стебли выплескивались между ребер несчастного механизма, словно их выдавливал гигантский поршень. Они бросались на любого, чей разум вызывал колебания ноосферы, — людей, когиторов, гибридов и даже на некоторые машины с зачатками интеллекта. Трава облепляла жертву клубком змей, мгновенно обрастающих иглами дизассемблеров. Несколько мгновений уходило на молекулярное разложение, после чего стебли расплетались и начинали рыскать в поисках новой добычи.

К счастью, реактор Джека питал не только его мушкет и многочисленную аугметику, но и фазовый шумогенератор, вызывавший распад структуры дизассемблеров. С влажными шлепками редкие прорвавшиеся к гибриду стебли врезались в его тело и отлетали обратно, роняя дымящиеся капли. Ошалевшие от фазового диссонанса побеги Джек хватал свободными руками и рвал в клочья, не забывая палить по накатывающей голодной реке.

Но продолжаться бесконечно это не могло — скоро все ближайшие стебли сообразили, где находится главное блюдо. Бросив обшаривать межэтажные распорки и растянувшиеся среди них плетения паутины симплекса, стремительный вал дикой органики покатился к Джеку, мушкет в руках которого уже начинал дымиться.

И это был лишь крохотный ручеек, отделившийся от извергнутой из скритовых вен Башни реки. Основной поток поглощал город — скопление куполообразных построек, служившее целью путешествия Джека и Джилл, полностью скрылось под беснующимся одеялом травы. Редкие уцелевшие обитатели улепетывали в разные стороны, но побеги, как правило, оказывались шустрее бе-

глецов. Мерцающие облака иконок в ноосфере, отражающих население городка, исчезали одно за другим.

— А ну в сторону, жестянка!

Джилл всегда имела склонность к броским эффектам. Мышечные импланты перебросили ее через Джека, а жесткую посадку компенсировал облепивший тело экзоскелет из нанитов. Джилл приземлилась уже с развернутой нуклонной косой в руках — в длину та была больше самой Джилл раза в полтора. Черное лезвие гудело и мерцало, рождая россыпи искр там, где оно касалось пола. Кабель с разинутой пастью плага втянулся в компактный ранец на спине — в отличие от Джека с собственным реактором, Джилл приходилось заряжаться от общей сети Башни, используя генератор фальшивых кодов доступа. Лепестки радиаторов полосатой кирасы на спине раскрылись и выбросили десяток струй кипящего воздуха.

Сдув с глаз украшенную бусинами челку цвета перегоревшего угля, Джилл злобно оскалилась, обнажив полный рот острых треугольных зубов. Приближающаяся трава в ее глазах уже корчилась в пароксизме распада...

В перекрытиях взвыла невидимая сирена, и потолок этажа оброс лесом тускло поблескивающих цилиндров. Вслед за этим ноосфера запестрела россыпью тревожных знаков и предупреждений. Сигнал о нападении травы достиг, наконец, Замка, заработала система квантовой телепортации, и по башенной сети на этаж начали прибывать полифаги. Их коконы отвалились от потолка, обрушившись вниз убийственным дождем.

Залихватские понты разом оставили Джилл. Зубастая ухмылка увяла, бледное лицо с пигментными полосами на висках и щеках застыло, как маска, а глаза отчаянно зашарили по сторонам в поисках путей к бегству.

— Твою ж мать! — Джек тоже едва успел отскочить от врезавшегося в пол цилиндра.

Удар смял узор из гексов, и кокон ушел под покрытие на глубину двух ладоней. Из продольных щелей по бокам ударили потоки пара. Молекулярные репликаторы

внутри кокона заработали, плетя полимерные цепи посланца Замка.

— Плакал наш халявный хавчик, а, трехголовый? — Джилл в пару движений сложила косу.

Фасетчатые зрачки цвета ржавчины обшаривали окутанные паром коконы и безуспешно пытающиеся поглотить их стебли.

— А с чего ты решила, что он будет халявным? В последний заход нам едва бошки не поотрывали.

Мушкет полыхнул, слизнув парочку коконов и еще сотню-другую стеблей.

— Да уж, этого мы уже точно не выясним... — вздохнула Джилл.

Не сговариваясь, Джек и Джилл бросились бежать, огибая уже торчащие в полу коконы и уворачиваясь от валящихся сверху. Перескакивая через змеящиеся кабели и трубы, пробивая телами фрактальные узоры симплекса и выписывая зигзаги, они неслись прочь от центра платформы, на которой какие-то (теперь уже точно покойные) неудачники выстроили свой городок. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что то, что не успела поглотить трава, дожгут полифаги. А уж не попадаться великанским прихвостням на глаза у Джека и Джилл были свои, особые резоны.

Когда коконы усеяли платформу так густо, что бурный поток травы разбился на сотни мелких ручейков, их корпуса лопнули, выпуская полифагов — армию свежесобранных машин из Замка. Черное гибкое тело-гусеница, по паре двухсуставных рук и ног, оканчивающихся кистями с впечатляющим набором когтей, всю конструкцию венчал гладкий белый череп с растягивающейся на половину морды решеткой микроволнового излучателя. Последним лопнул самый здоровый кокон, исторгнув из себя матово-белый шар вакотанка. Полифаги мгновенно образовали вокруг него заслон, выжигая траву излучением. Вакотанк принял рабочую конфигурацию — выпустил четыре короткие массивные ноги и зашагал в сторону полностью скрытого травой остова репроцессора.

Полифаги клином двинулись перед ним, расчищая путь к пораженному узлу.

Все это Джек и Джилл наблюдали, карабкаясь на покрытую круглыми чешуями конденсаторов накопительную колонну. От ее вливающейся в потолок вершины во все стороны разбегались толстенные канаты старого симплекса, по которому, если что, можно было перебраться в любой конец уровня.

Наверху они очутились не одни. По паутине подальше от бойни уходило семейство когиторов, отдаленно напоминавших людей. К коротким моноволоконным телам с непропорционально большими головами крепились длинные гибкие, как шланги, конечности с цепкими пальцами. Болтаясь головами вниз, беглецы довольно шустро чесали в сторону ближайшей стены. Со спины одного из когиторов гроздьями свисали куколки их недособранных детей.

Джилл первой забралась в образованный более тонкими тросами симплекса гамак. Протянув руку Джеку, она втащила его наверх.

— Ты как думаешь, это надолго? — Джилл повисла головой вниз, зацепившись за симплекс согнутыми коленями.

— Так, что я пропустил?

Джилл сложилась пополам и уставилась на спутника.

— Здорово, нюня, — хмыкнула девушка. — Ты как всегда знаешь, когда нарисоваться.

Теперь под венчавшим тело Джека куполом из углеродных нанотрубок торчала добрая голова. От остальных двух ее отличал алый глиф над единственным горящим глазом-линзой. Родившийся трехсторонним близнецом, Джек стал одной из любимых игрушек Великана. Но после нескольких тысяч световых циклов опытов от настоящего Джека остался только тройчатый мозг на позвоночном столбе и несколько самых необходимых органических систем. Все остальное заменили кибернетическими частями и нанитами, превратив Джека в гибрида.

— Нет, серьезно, — Джилл ухватилась руками за канат и сбросила ноги вниз. — Скажи мне, как ты ухитря-

ешься продрать зенки именно тогда, когда паленым уже не воняет?

— Очень остроумно, — хмыкнул Джек. — Дай-ка подумаю, в который раз я это слышу? Тебе не кажется, что шутка уже не первой свежести?

— Ха. Ха. Ха. — Джилл скривилась и, раскачавшись, забросила себя наверх.

Полифаги выжгли большую часть травы и теперь затягивали кольцо вокруг остатков городишки. Вакотанк навалился на остов репроцессора, до Джека и Джилл донесся треск ломающихся ребер. Металлические клочья молекулярных накопителей брызнули в стороны вместе с кипящими от диссонанса стеблями. Шарообразная туша расплющила черепную коробку репроцессора и опустилась на прорыв, через который выползала трава. Заткнув дыру в скрите, вакотанк открыл внутренние емкости и слил в трубы весь свой груз дизассемблеров. Нанитная эмульсия растеклась по коммуникациям, разлагая на молекулы еще остающиеся там стебли. Пол над теми местами, где наномашины Великана столкнулись с травой, вздулся и пошел пузырями. Обычное явление при столкновении дизассемблеров разных типов. На атомном уровне там сейчас шла настоящая война. За все время спуска Джек и Джилл видели нечто подобное сотни раз. Зараза она и есть зараза — то в одном месте прорвет, то в другом.

Полифаги управились довольно скоро. Превратив последние бьющиеся в агонии побеги в поля пепла, они собрались вокруг застывшего вакотанка и отключились, погасив знаки своего присутствия в ноосфере. Сирена смолкла.

Вакотанк высился над вымершей платформой, как надгробный камень. Пустынное кладбище, в которое превратился городок, теперь не скоро привлечет внимание суеверных обитателей Башни. Пройдет несколько тысяч циклов, прежде чем сюда рискнут сунуться новые жильцы со своим собственным репроцессором. Они ликвидируют последствия бойни, переработают покрывающую все вокруг сажу в гидропонику и строительные

блоки, разберут на компоненты отключенных от энергосети Башни полифагов, и будут потихоньку обживать уровень, зная, что над их головами созревают новые коконы, а из башенных перекрытий в любой момент может хлынуть поток травяных стеблей.

Джек и Джилл спустились с колонны, когда настенные лампы уже тускнели. Наступал темный цикл.

У Джилл заурчало в желудке, да так, что она сама вздрогнула — эхо подхватило звук и приложило его о мертвые стены этажа.

— Что? — Девушка злобно уставилась на подозрительно хрюкнувшего Джека.

— Не, не, ничего! — Тот просто давился от смеха.

— Вот и молчи. — Джилл оттолкнулась от пола, подняв облако сажи, и запрыгнула на пустой кокон. — Слушай, хреново как... Давно я такого не видела.

Воцарившуюся на этаже тишину нарушали лишь заунывные вздохи воздушных насосов. Ноосфера вымерла — в ней не отражалось ни единого символа, указывающего на присутствие подключенных существ или машин, и лишь по-прежнему через стены просвечивали тусклые красные линии энергопроводов.

— Пошли жратвы все-таки поищем. — Джилл поежилась и нервно погладила рукоять косы. — Вдруг что осталось, жратва она ни траве, ни чистильщикам вроде ни к чему...

Мелкодисперсная сажа покрывала этаж тонким слоем, неприятно скрипела под ногами и взлетала от малейшего движения воздуха. Пока Джек и Джилл шли к городку, то обросли ею с головы до ног.

— Стоп! — Джек резко выбросил руку вбок, останавливая спутницу. — А это еще что?

Черный порошок плотно облегал рельеф пола. Можно было до мельчайших подробностей разглядеть места стыков плит, выщербины на них, посчитать число колец в каждом гофрированном кабеле и каждую маркерную лунку. И теперь, облаченное в черный саван, перед путешественниками возлежало человеческое тело.

— Ты видишь то же, что и я? — осведомился Джек.

— Угу, — кивнула Джилл. — И эта хрень не отражается в ноосфере.

Джек вытянул руку с мушкетом и ткнул человека стволом. Немного черного порошка осыпалось на пол, но фигура осталась целой.

— Может, сразу шмальнуть? — предложил Джек.

Сказывалось дурное влияние злой головы. Еще тысячу-другую этажей назад ему бы это на ум не пришло.

— Да погоди ты! — отмахнулась Джилл.

Между тем фигура на полу пришла в движение. Пошевелив руками, существо село. Сажа лилась с него настоящими водопадами, открывая обтянутый желтой кожей круглый череп, остриженные почти под ноль седые волосы, под которыми угадывалась татуировка штрихкода, кусты бровей, плотно сжатые веки под круглыми очками, нос картошкой и тонкий безгубый рот. Человек оказался облачен в украшенный затейливым батиком шафрановый бурнус. Ни следа аугметики, а главное, ни единого отзвука в ноосфере.

Человек чихнул, открыл глаза и уставился на Джека. Один глаз у него был серый, другой рубиновый.

— Травяной призрак! — завопил Джек, вскидывая мушкет.

— Хорош орать! — Джилл оттолкнула ствол. — Какой, в жопу, призрак, это обыкновенный монах.

На груди человека, взирающего на нависшего над ним Джека с мушкетом в руках без капли страха, болталось распятие. Такое же, как то, что носила под кирасой Джилл.

— Итак, дети мои, из-за чего такой шум?

Священник снял с носа очки и принялся протирать их рукавом бурнуса.

— Я тебе, суке, не верю. Как ты пережил и траву и чистильщиков, а, дед?!

После недолгой борьбы верх у Джека снова взяла злая голова. И теперь гибрид не выпускал из рук мушкет, нацеленный на монаха.

— Бог помог, — пожал плечами тот. — Медитация и очищение разума гасят колебания ноосферы. А без нанитов меня и полифаги не видят.

— Так ты у нас на самом деле из чистецов?

Монах, назвавшийся отцом Дрекслером, улыбнулся и протянул покрытые спиральными узорами шрамов руки к синтезатору пищи. Найденный в развалинах одного из домов, работал тот абы как, если не сказать вообще хреново, и готовил только белковую массу. Зато из чего угодно. Но регуляторы приходилось подкручивать ежеминутно, иначе засыпанная в котелок сажа норовила превратиться из сероватой каши в нечто непотребное.

— Слушай, Джилл, тебе не кажется, что это какой-то там поганый каннибализм? — Джек уставился на булькающее под крышкой варево. — Полцикла назад это были местные чуваки. И чертова трава.

— А сейчас это просто куча молекул, — огрызнулась Джилл. — И она не заразная. Не нравится жратва — вали спать и давай сюда умника или нюню. Обещаю — я им не расскажу, откуда у нас хавчик.

Джек умолк и снова принялся сверлить взглядом монаха.

— Отче, а ты-то фиго здесь забыл? — убедившись, что Джек заткнулся окончательно, Джилл заговорила со священником. — Ты же не местный, и храма тут нет. А ближайший божий приют на сто двадцать этажей выше. Мы там были.

— Водоочиститель сперли, — уточнил Джек, заработав полный яда взгляд спутницы.

— Оттуда и иду, вниз. — Монах вроде пропустил слова Джека мимо ушей. — В приют Святого Максимилиана Тихотворящего.

— И далеко еще?

— Тридцать этажей.

— А до Поверхности оттуда сколько?

— До чего?! — Брови монаха удивленно поползли вверх.

— До Поверхности, — повторила Джилл. — До выхода наружу.

Монах задумчиво уставился на девушку. Та внезапно дернулась и сжала кулаки.

— И что вам там нужно, дочь моя? — наконец спросил отец Дрекслер.

— Тебе-то что? — буркнул Джек.

— Да так, нечасто встретишь таких...

— Каких?

— Таких. Вроде вас. Из Замка сбежали?

— А ты, дед, нас сдать собираешься?!

— Зачем мне это, сын мой? Я человек божий, мирный.

— Знаешь, что это, священник? — Джил протянула монаху сложенную косу.

— Палка, — пожал плечами отец Дрекслер.

Джилл рывком разложила косу. Черное лезвие вспороло воздух перед носом монаха. Джек хмыкнул — мол, ну не можешь ты без выгибонов.

— Хорошая палка. — Отец Дрекслер даже не пошевелился. — Только очень опасная. Великанская штучка?

Джилл кивнула.

— Нуклонная коса. Режет все.

— И, надо полагать, Великан не сильно обрадовался, когда ты ее умыкнула?

— Он не сильно обрадовался тому, что мы себя сами умыкнули. — Джилл сложила косу. — Я и Джек сбежали из замковой лаборатории.

— Даже до наших этажей доходили слухи, что Великан не любит разбрасываться ценным имуществом, — осторожно заметил монах.

Синтезатор зашипел, и из него потянуло тошнотворным запахом. Джилл пнула жестянку.

— Вот поэтому мы и хотим поскорей убраться из Башни... Святый боже, да как же больно!

На лице Джилл выступили капли пота. Она сложилась пополам и рухнула на колени, уткнувшись лицом в пол.

— Опять? — Джек остановил дернувшегося было к ней монаха.

— Да-а, — прохрипела Джилл.

— Что с ней? — спросил отец Дрекслер, глядя на корчащуюся девушку.

— Понятия не имею. В лаборатории ее столько раз переделывали, что она и сама уже не знает, какая была вначале. Обычно все нормально, а то как накатит... Сейчас пройдет.

Джилл взвыла, перекатилась на спину и тут же выгнулась дугой.

— Блин, больно же как!!!

— Так вы... вы были объектами экспериментов?! — Монаха словно осенило.

— Ага, — хмыкнул Джек, не отводя глаз от бьющейся в судорогах Джилл. — Иначе чего ты думаешь, мы так хотим убраться из Башни?

— А вы не думали, что Великан не просто так запер нас здесь? — Священник покосился на продолжающую извиваться девушку. — А если снаружи все не слава богу? Говорят, трава оттуда пришла.

— Знаешь что, дед, ты бы посидел в клетках Замка — я бы посмотрел, как ты запел.

Джилл издала протяжный вздох и опала. Ее тело продолжало подергиваться, но конвульсии уже слабели. Она перевернулась на живот и извергла из себя тонкую струйку белесой жидкости.

— Какая бы там фигня снаружи ни творилась, — Джек встал, подошел к Джилл и поднял ее за плечи, — вряд ли она хуже лаборатории Великана.

Он прислонил девушку к стене.

— Ну что на этот раз? — спросил он.

— То же самое. Думала, наизнанку вывернусь.

Джилл оттолкнула руки гибрида и выпрямила спину.

— Что, отче, паршивое зрелище, да? А сотню тыщ циклов назад я была обыкновенной деревенской дурочкой, что жила двумя этажами ниже замка. Пока верные паладины его хренова великанского величества не прихватили меня в гости к папочке. А потом вот стала такой. Когда тебя по три раза на дню пропускают через ди-

зассемблеры просто потому, что наниты не так собрали узор на твоей роже, мир вокруг не кажется таким уж охренительно прекрасным... А посмотри на Джека. Думаешь, он гибридом родился? И знаешь, что я тебе скажу, отче? Я кругом вижу одного только Великана и его сраные эксперименты. И, думается мне, Башня — это его один огромный эксперимент! Даже ты, священник, тоже эксперимент. И твоя вера.

— Может быть, и трава — это его эксперимент? — покачал головой отец Дрекслер.

— Нет, трава — это просто говно, которое снаружи просочилось. И теперь не дает Великану спокойно жить. И остальным не дает. Чтобы тем, кто от Замка подальше забился, жизнь медом не казалась... Ты спрашивал, отче, зачем мне в самый низ? Я эту чертову Башню снесу к едрене матери. Под корень, чтобы этот поганый Замок грохнулся со всей своей высоты и на хрен разлетелся на атомы. И вот эта штука, — Джилл погладила рукоять нуклонной косы, — может это сделать. А с ней могу управиться только я. — Джилл приподняла кисть, показав протянувшиеся от запястья к древку косы белые нити. — И поэтому Великан до усеру хочет меня вернуть.

— Снести Башню? — Монах, похоже, удивился. — А что будет с теми, кто живет в ней? Они-то в чем виноваты?

— А я на них плевать хотела. И Джек тоже, верно?

Вообще-то у доброй головы было несколько иное мнение, а умная предпочитала помалкивать. Но так как за главного опять был параноик, то Джек кивнул.

— Я, отче, в церковь к твоим духовным братишкам регулярно ходила, пока меня в Замок не отправили. И всю эту байду про два Древних Завета, утраченные земли и скверну серой слизи назубок выучила. А еще про праведное вознесение, райские кущи и прочая... А потом, уже в клетке, поняла, какая это чушь.

Джилл оперлась на косу и подползла к синтезатору.

— Скажи-ка мне, а, часом, ты не из тех, кто считают, что боженька должен за них все делать, а, отец Дрекс-

лер? Я еще в клетке поняла, что если Бог есть, он свободу воли мне дал как раз для того, чтобы что-то предпринять, раз уж остальные на жопе ровно сидят. Это их право, но ты погляди вокруг — не похоже, чтобы боженька пытался вмешаться и изменить что-то к лучшему. А значит, пусть все катятся к черту. Я этот говенный мир исправлю, как сама хочу.

— Ты могла бы убить Великана, — негромко произнес отец Дрекслер.

Лицо Джилл дернулось, словно ей дали пощечину, она раскрыла было рот, чтобы что-то сказать, но не смогла — отвела взгляд и промолчала.

— Понятно, — вздохнул монах, выдержав паузу. — На самом деле ты его боишься. И поэтому бежишь вниз. Просто сама не можешь в этом признаться.

— Да его, мать твою, вообще никто не видел! — внезапно взорвалась Джилл. — Все твердят — Великан, Великан, а его вообще хоть раз кто-нибудь сам встречал?! Он даже свои руки не пачкал о нас, подопытных крыс, — за него всю работу вивисекторы да сервиторы делали!

— И поэтому ты здесь, а не рыщешь по замку со своей чудо-косой? — невозмутимо уточнил монах. — Сдается мне, ты просто вообще все ненавидишь. Думаешь, если Башни не станет, почувствуешь себя лучше?

Джилл сжала кулаки.

— Знаешь, отче, давай-ка жрать, — выдавила она наконец. — Мы после этого дальше валим, а ты как хочешь.

Отец Дрекслер отключил синтезатор и снял с него крышку. Сажа превратилась в серую комковатую кашу, над которой поднимался пар. Запаха не было никакого — ни хорошего, ни плохого. Вкуса, впрочем, тоже.

— Гребаный клейстер, — вздохнул Джек, зачерпнул полную пригоршню белковой массы и отправил ее себе в приемный контейнер, где уже жадно шевелились питательные хоботки.

Прорех в пандусе на первый взгляд было гораздо больше, чем собственно пандус — кое-где он обвалился целыми секциями. Из дыр торчали пучки покореженных балок и обрывки тросов, неровности полотна заполняли мутные лужи из протекающих трубопроводов. Вдобавок ко всему работали не все светильники, а те, что работали, порой моргали, погружая целые участки дороги в непроглядную тьму.

— Дед, а ты когда сюда последний раз наведывался? — поинтересовалась Джилл, обходя очередное пятно бурой жижи.

Покрытая маслянистой пленкой, та периодически взбугривалась россыпями пузырей.

— Пару сотен циклов назад. — Отец Дрекслер, казалось, не замечал творящегося вокруг.

— И тут так же было?

— Ага.

Джек подошел к краю пандуса с обвалившимся ограждением. С потолка свисали лианы облепленных пушистой плесенью кабелей, еще тлеющих в ноосфере алыми оттенками. Время от времени плесень охватывала череда ярких вспышек и отдельные ее участки полностью выгорали. На освободившееся место тут же переползали соседние грибницы.

— Тут вообще ремонтные бригады появляются? — спросил Джек.

Пару циклов назад на привале злая голова Джека едва не отправила все три личности в кому. Злой Джек имел самую нестабильную психику из троих, и клинило его регулярно. Под руководством умника Джилл ухитрилась временно отключить двинувшуюся голову, но полностью восстановить ее не смогла. Злой Джек отправился в стазис. Учитывая сложность отката настроек, умный Джек и Джилл решили пока ничего не делать. Может быть, где-нибудь ниже они найдут подходящего инженера и оборудование.

— Когда-то здесь случилась большая авария и повредила каналы квантовой телепортации. — Монах разме-

ренно шагал вперед. — И ноосфера подключается лишь время от времени. Думаю, в Замке могут вообще не видеть этот уровень.

Джек присвистнул.

Пандус спиралью обвивал стену этажа. На первом витке какие-либо признаки жизни отсутствовали, на втором кто-то оборвал симплекс и приспособил его, развесив на покореженных балках. Мертвая паутина свисала до самого пола. По ней все и спустились.

Монастырь крепился к стене под пандусом. Когда-то это были яркие круглые домики, прилипшие друг к другу наподобие мыльных пузырей. Дома связывала разветвленная сеть веревочных лестниц. На каждом пузыре красовался крест, но яркие цвета вектрана уже потускнели, и божий приют выглядел каким-то заброшенным...

— Кто-нибудь еще, кроме вас, тут живет? — Джилл с подозрением оглядела массивные ворота в монастырский двор.

Массивные, но распахнутые настежь.

— У противоположной стены был поселок собирателей. — Отец Дрекслер дошел до ворот и остановился. — Но чужаков там не любят и к энергопроводу не подпускают. Могут и болт в башку всадить. Так что лучше оставайтесь на темный цикл у нас. Если, конечно, вы не собираетесь спереть водяные фильтры.

— У тебя с зарядкой как? — Джек покосился на Джилл.

— Засада, — вздохнула та. — Меньше десяти делений. Если еще хоть раз в драку ввяжемся, все, кранты. Придется меня тащить.

— Ладно, придется почтить своим вниманием божий храм. Эй, дед, а у вас только братья или пара сестричек имеется?

Вслед за невозмутимым отцом Дрекслером Джек и Джилл прошли во двор.

Здесь царило запустение. На стены навалились отвалы мусора, которые никто не спешил убрать. Несколько фигур в бурнусах повернулись к вошедшим.

— Джек, сдается мне, это самый загаженный монастырь, что я за свою жизнь видела, — шепнула Джилл на ухо спутнику.

Где-то наверху ударил заунывный колокол. Из темных провалов дверей одна за другой потянулись фигуры в бурнусах с надвинутыми на лица капюшонами. Одна, две, десять... Спустя несколько ударов монахов стало больше сотни.

Никто из них не проронил ни слова. Ноосфера была девственно-чиста.

— У меня какое-то нехорошее предчувствие появилось, жестянка... — Джилл медленно потянулась к висящей на поясе косе. — Что-то эти братишки уж больно смурные...

Резкий звук за спиной заставил Джека обернуться. Ворота захлопнулись, и путь к ним преграждал добрый десяток монахов. За братьями, чуть в стороне, с грустным выражением на морде торчал отец Дрекслер. Он единственный не надевал капюшон.

Воцарившуюся тишину нарушал лишь повторяющийся стук. Его издавал катящийся от ворот под ноги Джилл круглый предмет. То, что это голова гибрида, Джилл поняла не сразу. Врезавшись в ногу девушки, голова перевернулась, демонстрируя пустоту там, где должен находиться органический мозг.

Дальше все происходит очень быстро. Джек выдергивает из-за спины мушкет, Джилл освобождает косу, а из-под пола бьют побеги. Травяные щупальца вылетают из каждой крошечной щели, устилая все вокруг шевелящимся ковром. Едва Джилл отсекает те из них, что тянулись к ногам, как им на смену приходят новые. Отделив девушку от Джека, они гонят их к противоположным стенам.

А потом на Джека и Джилл беззвучно набрасываются монахи. Джек стреляет. Несколько бегущих фигур в бурнусах на мгновение становятся черными отпечатками на слепящей полосе огня и исчезают. Дома за ними вспыхивают и проваливаются сами в себя. Второй раз

выстрелить Джеку не дают — из-под ног гибрида вырывается несколько толстых стеблей и обвивают руки. Шумогенератор сжигает травяные щупальца, но на их место тут же являются другие. Несколько толстых стеблей хватают Джека за ноги. Пока генератор расправляется с ними, трава наваливается еще и еще, а затем на барахтающегося в побегах Джека прыгают подоспевшие монахи. Такого жуткого зрелища Джилл еще не видела — безмолвные твари облепили массивное тело гибрида, как стая утилизаторов — труп. Местами их плоть начинает расплываться и сливаться с травой — ни одного человека в монастыре, конечно же, не оказалось. Джек отчаянно пытается сбросить с себя растущий бурый ком. Управляй им сейчас злая голова, может быть, какие-нибудь шансы и появились бы, но умник не был прирожденным бойцом...

Джилл наконец удалось отбиться от травы, загонявшей ее прямо в руки к лжемонахам. И тут до нее донеслись крики Джека.

Зарычав, Джилл бросилась на помощь. Двигалась она куда быстрей неповоротливого гибрида, поэтому ни трава, ни кинувшиеся на нее монахи задержать девушку не смогли. Первый же попавшийся ей травяной призрак разлетелся пополам под ударом косы. Из рассеченного словно по линейке бурнуса во все стороны брызнуло облако тьмы. Еще один удар превратил в нуклонную пыль следующего монаха, попутно разорвав тянущиеся к Джилл стебли.

Пульсирующий ком из сплетенных побегов, покрывавший тело Джека, периодически озарялся вспышками — генератор еще сопротивлялся атакам дизассемблеров. Но надолго его не хватит. Стоит хотя бы одному щупальцу проникнуть под броню, и песенка Джека спета...

И Джек это прекрасно понимал. Он взревел и вырвал из хватки травы руку с мушкетом. Нажал на спуск.

— Беги!!!

Лицо Джилл опалил поток нестерпимого жара. Несколько свисающих на лицо прядей волос скрутились

и осыпались. Поток плазмы проложил себе путь через монастырский двор, слизнул ворота и вырвался наружу, сметая все на своем пути.

Скрутившись в тугой жгут, несколько щупалец врезали по мушкету. Оружие вылетело из руки Джека и рухнуло на пол. В ту же секунду по спеленавшей гибрида траве прокатилась серия вспышек. Шумогенератор дал финальный аккорд и сдох. Вздувшаяся оргмасса хлынула на пол вязкой жижей. Свободный от пут Джек, покачиваясь, стоял на собственных ногах, и Джилл даже на мгновение показалось, что они спасутся вместе...

А дальше время снова сжимается и выстреливает сжатой пружиной.

За спиной Джека вырастает фигура в бурнусе. Прежде чем Джилл успевает хотя бы раскрыть рот, монах сбрасывает капюшон. Головы у него нет, вместо нее прямо из ворота торчит масса извивающихся щупальцев. Они прут изнутри, вытягиваясь и расходясь от центра, в котором раскрывается круглая пасть, усеянная по краям тонкими иглами дизассемблеров.

— Джек!!!

Джилл не сразу понимает, что орет она сама.

Пасть травяного призрака вырастает еще больше, пока не превращается в огромную воронку. Нечто, все еще сохраняющее контуры человеческого тела, дергается под бурнусом, куда одно за другим вливаются новые щупальца. Ткань трещит по швам, лопается и освобождает уродливый толстый стебель, увенчанный воронкой. Изогнувшись, тот набрасывается на оглушенного Джека.

— Нет!!!

Как только Джек исчезает внутри травяной воронки, в голове Джилл словно переключается программа. Она разворачивается к выжженной в стене монастыря дыре и бежит, выжимая все из своих усилителей. Ей плевать, сколько она на этом спалит энергии, но нужно сделать еще кое-что, прежде чем она покинет этот проклятый этаж.

Не добежав до дыры, Джилл резко поворачивает в сторону. Мчащийся за ней поток травы вобрал в себя

такую массу, что по инерции вылетает за ворота и, прежде чем рассыпаться на мелкие фрагменты, врезается в распорку.

А у Джилл перед глазами маячит только одна цель — окруженный цепью монахов отец Дрекслер, не сдвинувшийся со своего места за все время боя. И Джилл готова поклясться, что на лице фальшивого монаха нет ни злобы, ни ярости, ни удовлетворения. Скорее, она даже бы сказала, что тот смотрит на нее с какой-то затаенной печалью.

Но какая, на хрен, ей сейчас разница, о чем думает эта травяная марионетка?

Джилл прорубается через бросившихся ей на перехват монахов, замахивается на отца Дрекслера косой, с воем проносящейся в доле миллиметра от лица, но так и не достает монаха благодаря тому, что тот делает крошечный шаг назад. Отец Дрекслер рассыпается на тысячи стеблей. Пустая одежда падает на пол, и повторный замах косы снова разрезает лишь тревожно гудящий воздух...

Стоило отцу Дрекслеру исчезнуть, как трава словно пришла в замешательство и заметалась беспокойными волнами. Джилл пронеслась по двору, оставляя за собой выгоревший след — коса волочилась за ней, вспарывая пол.

Домчавшись до проплавленной в нескольких местах перегородки, Джилл рухнула на колени. Волосы слиплись, лоб покрывали крупные капли пота, перед глазами плыло. Миллиарды снующих в крови нанитов едва успевали выстаивать на миокарде микросетку, предохраняя от разрывов ткани грохочущей фабрики сердца. За спиной Джилл распустились призрачные крылья бьющего из радиаторов раскаленного воздуха.

Одного взгляда назад было достаточно, чтобы понять — трава так просто от добычи не откажется. Она изливалась из проделанного Джековым мушкетом пролома, тянулась к своей цели — к Джилл.

— Ну уж нет, сука, так просто ты меня не возьмешь...

Джилл захрипела, взгляд ее остекленел, руки обвисли (но не выпустили косу), дыхание и пульс рухнули до минимума. Она сложила косу, сунула ее в зажим, опустилась на четвереньки и, низко опустив голову, понеслась прочь.

Когда твоим телом управляют наниты и вписанная в них программа выживания, самое непредсказуемое — это где ты окажешься, когда возвращается контроль над телом. Пройденный путь остается в памяти, но восстанавливаются эти записи не сразу.

Джилл пришла в себя распластанной на краю кольцевой галереи почти под самым потолком. Слепящий свет настенных ламп указывал на то, что наступил новый цикл.

Тело болело так, словно ее паладины отмутузили. Во рту стоял привкус крови. Сплюнув, Джилл обнаружила, что под ней расплывается лужа бурого цвета с серыми прожилками — из организма выходили сдохшие наниты, пожертвованные во имя бегства от травы. Учитывая судьбу Джека, она легко отделалась — компенсировать потерю можно было в любом населенном закутке Башни, просто купив и выжрав бутыль-другую незапрограммированных наномашин.

Джек... Это была действительно невосполнимая утрата.

В луже крови образовалось несколько светлых пятен. Из глаз Джилл закапало.

Она поднялась на колени. Энергии для экзоскелета оставалось даже больше, чем можно было рассчитывать, а идти, видимо, предстояло еще далеко.

В Замке они с Джеком сидели в соседних клетках. Достаточно долго, чтобы начать разговаривать друг с другом. По меркам лаборатории это была невиданная роскошь — у многих после опытов не оставалось порой не то что сил, но и органов, необходимых для коммуникации. Джек и Джилл даже после пересборки заставляли себя обменяться парой слов. Тем для разговоров

было немного, но постепенно и она и Джек учились разбираться в протекающих через ноосферу потоках информации. Со временем у них в головах выстроилась картина мира, слишком уж неприглядная в своей бессмысленности. Жизнь Башни кипела супом из бактерий в чашке Петри, ее обитатели цеплялись за существование зубами и когтями, но на любом уровне осмотическое давление поддерживал Великан, и именно он в любой момент мог вбросить фактор роста или провести полную дезинфекцию. А мог выдернуть приглянувшуюся бактерию из общей массы и начать препарировать под электронным микроскопом. И Джилл вынуждена была признать, что в свое время ее больше волновало состояние ногтей после работ на грибной гидропонике, чем визиты паладинов из Замка, после которого куда-то пропадала пара-тройка соседей... Пока в один из темных циклов посланцы Великана не проломили дверь ее собственного дома.

Великан не управлял обитателями Башни, однако, если ему что-то было нужно — новые паладины, биологический материал для опытов или чей-нибудь репроцессор с погонщиком, — он просто забирал это как принадлежащее ему по праву. И вел безостановочную войну с травой, в которой применялась лишь одна стратегия — выжженной земли.

Поэтому, когда Джилл зубами вырвала глотку нерасторопного вивисектора и завладела его рукой с генетическими ключами от всех замков лаборатории, она первым делом открыла клетку Джека. Потом они открыли все остальные клетки, но их обитатели лишь пялились на Джека и Джилл мутными глазами, не желая покидать свои узилища.

А ей и Джеку не надо было даже ничего говорить друг другу — они и так знали, что их путь лежит вниз, к основанию Башни.

И вот теперь Джека нет — он влился в аморфную массу башенного паразита. Гибрид спас Джилл, но как-то это ни черта не радовало. Жизнь до Замка благодаря

экспериментам превратилась для Джилл в мозаику хаотичных образов, так что Джек был единственным близким ей существом.

Джилл поднялась на ноги. Мир вокруг ходил ходуном, по позвоночнику ползали разряды боли, и спина, казалось, вот-вот взорвется цветком из сломанных иззубренных ребер, выпустив наружу какую-нибудь дрянь вроде сонма ростков, как у сожравшего Джека монаха... Заскрипев зубами, девушка все-таки заставила себя сделать несколько шагов к ограждению и посмотреть вниз.

Память немного прояснилась, и теперь Джилл вспомнила, как добралась сюда. Она спустилась всего на три этажа. Явно недостаточно, чтобы навсегда попрощаться с призраком отца Дрекслера, кем бы он ни был при жизни, и породившей его травой.

Но то, что Джилл разглядела у себя под ногами, вышибло из ее головы все мысли до единой, включая гибель Джека.

Внизу громоздился хаос куполов, труб, островерхих башен и заботливо выращенного на каркасах симплекса. Весь этаж заполняло одно огромное строение, к которому сверху не вело ни единой лестницы, ни лифта, ни самого паршивого троса, по которому можно было бы спуститься.

Текущая по каналам ноосферы информация не оставляла Джилл ни малейшего сомнения в том, что она видит, хотя ракурс, безусловно, был необычный.

Это был Замок.

Бессчетное количество циклов и уровней, схватки с полифагами, паладинами, бандитами всех мастей, травой и просто убийства ради пищи — и все это только для того, чтобы вернуться к началу пути, к источнику всех кошмаров?!

Джилл устало опустилась на колени.

— Неожиданно, правда?

Поворачивать голову сил не было. Да и не нужно. Она и так узнала голос Джека. И все-таки она повернула.

Травяной призрак стоял рядом. Это был все тот же Джек — трава разложила его биологические компоненты, но не тронула кибернетические части тела, а теперь еще и зачем-то притащила их сюда.

Но теперь Джилл уже было все равно.

— Почему?

Почти все равно.

— Потому что мы ничего не знали об устройстве мира. — Голос умной головы Джека звучал печально. — Но теперь я знаю.

— Тебя нет.

— В какой-то степени — да. Но на самом деле нас всех нет. По крайней мере, таких, какими мы должны были быть. Ты ведь так и не поняла, что такое трава?

— Разве это важно?

Джек промолчал.

— Ты все еще хочешь выбраться из Башни?

Голос был другой. Он принадлежал отцу Дрекслеру.

— Как видишь, отче... или как тебя там... уже попыталась.

— Ты выбрала не самый действенный способ, учитывая место, где оказалась.

— Ну давай, просвети меня. — Джилл уставилась в пол.

— Когда-то это был совсем другой мир. Его можно было свободно покинуть и в любой момент в него вернуться. Это был даже не целый мир, а одна его крохотная частичка — космическая исследовательская станция, принадлежавшая тому, кого вы называете Великаном. Великан был ученым.

— Ага, он и сейчас такой, — хмыкнула Джейн. — Ученый.

— Тогда он был другим. Великан был хорошим ученым, он разрабатывал наномашины для улучшения жизни людей. Другие ученые полагали, что будущее не за построенными из цепочек атомов роботами, а биологическими машинами, за основу для которых были взяты

вирусы. Их назвали вирионными кластерами. Великан считал этот путь ошибкой. Опасной ошибкой.

Джилл подняла голову и посмотрела на монаха. Кроме него и Джека, рядом никого не было. Ни один из них пока не пытался повторить фокус из монастыря и сожрать Джилл.

— Ты знаешь, Джилл, как работают твои наниты? Они используют энергию колебания ноосферы, которые передают катушки Тесла, установленные по всей башне. Без них наниты просто молекулярный хлам. Если катушки отключатся, твой экзоскелет превратится в бесформенную массу, а ты, скорее всего, умрешь. Наниты приспосабливаются к человеческому телу и служат ему, ничего в нем не меняя. Вирионные кластеры извлекают энергии из организма-носителя и перестраивают человеческое тело по мере необходимости. Благодаря им носитель приспосабливается к окружающей среде. Человек меняется, порой становится не похож на человека...

— Отче, я, блин, пока в Замке тусовалась, и не такого у вивисекторов наслушалась. Давай к делу переходи.

— Однажды вирионные кластеры вырвались в окружающий мир. Или их специально выпустили — вряд ли мы это когда-нибудь узнаем. Начался неконтролируемый процесс самокопирования биологических репликаторов. В отличие от нанитов, вирионы невозможно отключить, просто перестав подавать им энергию. Великана охватил страх, и он решил, что мир гибнет. Когда вирионные кластеры добрались и до его станции, Великан свернул пространство, замкнул в самом себе.

— Что-что он сделал?

— Тебе знаком фокус с лентой Мёбиуса? — спросил отец Дрекслер.

— Ага. Это когда склеиваешь концы ленты так, что у нее получается всего одна сторона.

— Примерно то же Великан сделал со своей станцией. А так как он сворачивал трехмерное пространство, получилось то, что ты называешь Башней. Но с ней не все просто.

Из Башни нет выхода — она замкнута в саму себя. И снаружи в нее тоже не попасть. Топологические свойства Башни свели бы с ума любого математика старого мира...

— Эй, но я что-то так и не догнала, как оказалась здесь, у Замка?!

— Пространство замкнуто, Джилл, — подал голос Джек. — Это как кольцо, без начала и конца. Поэтому, спускаясь, мы с тобой на самом деле двигались обратно к Замку.

— Пипец... — только и смогла выдавить из себя Джилл. — Значит, никакой Поверхности? Никакого выхода?

Она поднялась на ноги и подошла к парапету. В ноосфере Замок сиял каскадами разноцветных огней. Жизнь внизу, какой ее знала Джилл, била ключом.

— Свертка предотвратила дальнейшее проникновение вирионных кластеров, но вызвала массу непредвиденных последствий, — продолжил монах. — Пространство поменяло свойства. Многие обитатели станции просто исчезли, другие изменились до неузнаваемости и превратились в странных существ вроде твоего друга Джека. На самом деле он три разных человека, но благодаря свертке слит в одно существо.

— Отче, он ведь не пришел из старого мира, так? Так почему же с ним приключилась такая фигня?

— Вряд ли я смогу тебе это объяснить так, чтобы ты поняла. Но если сейчас вернуть нас в обычное пространство, он станет тремя разными людьми. — Отец Дрекслер встал у парапета рядом с Джилл. — Кое-кто после свертки, наоборот, распался на отдельные личности. Пока генератор свертки работает, никто внутри Башни не является таким, какой он есть на самом деле

— А Великан?

— Великан тоже распался на несколько личностей. Я — одна из них. И, боюсь, та личность, что осела в Замке, отхватила не лучшую часть старого Великана.

Пока Джилл переваривала сообщение, монах продолжил:

— Помимо прочего свернутое пространство сделало возможными сверхмощные мыслящие машины — когиторы, которые не могли существовать в обычном пространстве. У Великана был компьютер по имени Доб — возможно, самый лучший из созданных человеком. После свертки структура его графеновых процессоров стала настолько плотной и многомерной, что Доб превратилась в богоподобное существо, возможности которого внутри Башни почти неограничены. То, что ты сейчас видишь в ноосфере, — результат ее деятельности.

— А трава?

— Она тоже появилась только после свертки. Выжившие носители вирионных кластеров объединились в конгломерат, который вы называете травой. И мы хотим вернуться в нормальный мир, Джилл.

— Чтобы все стали вот этой бурой людоедской дрянью?

— В обычном мире трава не могла бы существовать, — покачал головой отец Дрекслер. — Но здесь ее делают возможной те же условия, что обеспечивают существование Доб. Стоит только отключить генератор свертки, и трава распадется на отдельных существ. Я уверен, что Великан ошибался, — мир за пределами Башни не погиб. Он просто стал другим. Это всего лишь новый виток эволюции — люди начали меняться, чтобы приспособиться к жизни в открытом космосе и на других планетах, возможно, даже на звездах. Жизнь за границами Башни продолжается — не такая, какая была до свертки, и не такая, как сейчас в Башне. Но она существует и распространяется по вселенной, гораздо успешней, чем в оковах машинной цивилизации. В то время как вы заперты здесь и служите объектами для бессмысленных экспериментов моей худшей половины и ее графенового барбоса.

— Знаешь, отче, даже если я тебе поверю... Ваши методы борьбы с Великаном не намного лучше его собственных.

— Это война. — Монах помрачнел. — Ты сама видишь, любое поглощенное травой существо спокойно

может существовать вне конгломерата. Но нам нужна вычислительная масса для вторжения в Замок, чтобы взломать Доб и отключить генератор свертки. Хотя тот, старый Великан, не одобрил бы ни моих действий, ни того, кто находится в Замке.

— Дед, скажи ей самое главное!

Джек оставался стоять сзади. Неподвижный полиамид и горящая красным линза глаза ни у одной из голов не баловали Джилл при общении богатством эмоций, но она научилась различать их по голосу Джека. И ей вдруг жутко захотелось никогда не слышать то, что Джек просил сказать отца Дрекслера.

— Джилл, твоя коса — действительно страшное оружие. Оно пришло сюда из старого мира. И оно действительно может уничтожить все — Башню, траву, генератор свертки, даже неразрушимую обычными средствами структуру Доб... Как ты догадываешься, Великана из этого списка интересует только трава. Но использовать косу может только человек с определенной ДНК. Тот, кто владел ей до свертки. Этот человек, воин, он погиб. Мне это точно известно. Однако на станции остались его потомки. Их наследственный код отличался от кода воина, но оружие отзывалось на него, хоть и не в полную силу. Все это время великан искал подходящую основу для создания копии ДНК воина...

— Монах, хватит! — Джилл попятилась от отца Дрекслера.

Ее трясло.

— Ты — цель экспериментов Великана. Ты тоже оружие, инструмент, способный высвободить всю энергию нуклонной косы. В тебе есть часть того воина, что владел косой. Поэтому ты смогла вырваться из клеток Замка. Но ты не можешь убить Великана.

Джилл закрыла уши ладонями, чтобы не слышать монаха. Шаг, другой, и она ощутила за спиной пустоту.

— Ты не можешь убить Великана, потому что страх перед ним в тебя вложен при создании. — Джек высту-

пил вперед и протянул Джилл руку. — Пойдем с нами. Мы сможем изменить тебя...

— Нет.

Вряд ли Джек ее услышал. Даже сама Джилл едва различила собственные слова.

Она глубоко вдохнула и сделал последний шаг. Тело стало легким, в ушах засвистел воздух, и голова опустела. Белая маска Джека с горящим красным глазом, пораженное вселенской печалью лицо отца Дрекслера и изрезанный узором коммуникаций потолок удалялись от нее.

В бесконечном своем спуске к мифической поверхности Джилл с каждым этажом чувствовала, как масса Башни все больше и больше давит на нее. На каждом новом уровне потолки казались все ниже, прижимая ее к поверхности. В ноосфере Замка Джилл узнала о таком термине, как клаустрофобия. До жути смешно было позволить этой штуке поселиться в своей голове, зная, что весь твой мир состоит из череды замкнутых пространств.

Через край балкона хлынул поток извивающихся стеблей. Они настигли Джилл в мгновение ока, раньше, чем она успела подумать о том, что могла бы избавиться от назойливых щупалец одним взмахом косы. Стебли осторожно обхватили ее, замедлив падение. Несколько самых тонких слабо коснулись лица Джилл и в ее голове зазвучали голоса. Сперва это был просто белый шум, потом он стал похож на готовящийся к выступлению оркестр с тысячами инструментов. А затем грянула симфония, в которой Джилл различила отдельные голоса.

— Мы знаем, как выбраться из Башни, — пели одни.

— Присоединяйся к нам! — увещевали другие. — Слейся с нами, мы заберем твой страх перед Великаном!

— Отец Дрекслер, это правда? — спросила Джилл.

— Мы можем это сделать. У тебя всего лишь исчезнет крохотный участок ДНК, внедренный Великаном.

— Скажи мне, отче, а что случится, если в Замке я встречусь с Великаном, уже без страха перед ним? И убью его?

— Я смогу отключить генератор. А потом... При развертке я исчезну. К счастью или к сожалению, но не все части личности Великана существуют до сих пор. Природа же не терпит пустоты, и в моем случае она ее просто ликвидирует.

— И тебе не страшно?

— Нет. Быть огрызком целого не так уж и легко, особенно если именно этому огрызку досталась совесть и необходимость отвечать за то, что целое сделало раньше. Так что я не боюсь исчезнуть. Думаю, что хоть чуть-чуть, но я заслужил покой.

— Тогда у меня еще один вопрос.

— Да, дочь моя?

— Если вы можете забрать мой страх перед Великаном, значит, можете изменить и еще кое-что?

— Несомненно.

— Что ж. Я согласна.

Джилл закрыла глаза и стиснула зубы, ожидая прихода боли.

И боль пришла. Яростная и быстрая, как вспышка света, она длилась не больше мгновения.

Мгновение паладин стоял перед Джилл, словно не веря, что это случилось с ним. Края разреза пошли пузырящейся пеной — наниты разрушались в напрасных попытках соединить рассечение. Джилл легонько толкнула паладина обухом косы. Роняя брызги кипящей пены, верхняя половина тела бесшумно соскользнула на пол. Вздутые искусственные мышцы из волокон на алмазной основе опали, из них потекли бесполезные ручейки нанитов. Жизнь в паладине еще поддерживали их собратья, снующая по органическим тканям стража, но продолжалось это недолго — Джилл всадила лезвие косы точно в центр усыпанного круглыми паучьими глазами шлема. Конвульсии, сотрясающие тело, уже не

имели ничего общего с жизнью, а представляли собой лишь лихорадочное бурление лишенных контроля наномашин.

В то же мгновение ноги продолжающей стоять нижней части паладина подкосились и рухнули.

Джилл стерла рукой сажу со лба и огляделась. Она славно поработала — полы протянувшейся за ней анфилады комнат с венецианскими окнами устилали разорванные трупы паладинов, вивисекторов и полифагов. Стены чернели оставленными косой отметинами, в выбитые окна залетали искры от бушующего снаружи пожара и хлопья пепла. Вместе с огненными мухами со двора Замка приносило звуки битвы — гром оружия, вопли порожденных травой существ, рев огня и грохот рушащихся стен.

После стольких циклов позорного бегства это был настоящий праздник.

Из соседнего коридора вырвалась обжигающая вспышка — там Джек орудовал своим мушкетом. Оттуда же доносились крики сражающихся. Следующая вспышка выдернула из-под ног Джилл пол, свалив на пятую точку, и окатила стены и витражи огнем. Мозаики из разноцветных стеклышек тут же оплыли, как краска на палитре. Вслед за пламенем из коридора вылетела массивная туша Джека, сокрушившего подпирающую свод статую шестирукого атланта в черных доспехах.

Битва за Замок шла без продыху уже целый светлый цикл, и сторонники Великана ее проигрывали.

Из-за спины Джилл обогнула волна травы и со всего размаху ударилась в высокую массивную дверь в конце анфилады. Дверь выдержала ровно два удара — Джилл даже не пришлось применять косу. Выгнутые створки провалились внутрь арки, издав громкий лязг при соприкосновении с полом.

— Ну что, пойдем?

Рядом с Джилл из травы возник отец Дрекслер.

— А тебе не стремно? — опираясь на косу, Джилл поднялась на ноги.

— Стремно, — пожал плечами монах. — А что делать?

Джек выбрался из обломков статуи, отряхнулся и, с мушкетом наперевес, встал рядом. Тело гибрида покрывал толстый слой пыли, под которым невозможно было разглядеть глифы над горящим глазом. Джилл на мгновение задумалась над тем, какая у него голова сейчас рулит.

Трава пробралась в распахнутые двери и осторожно поползла вперед, ощупывая стеблями окружающие ее предметы. Она проникла в святая святых Замка — храм Великана.

Джек, Джилл и отец Дрекслер последовали за травой.

Свет сюда проникал через окна на своде нефа, поддерживаемом колоннами, но в целом помещение казалось погруженным в полутьму. Апсида терялась где-то за наслоениями ноосферы. Плотность данных здесь была потрясающая, даже лишенный нанитов отец Дрекслер различал движение информационных потоков — накладывающихся друг на друга проекций графиков, схем, пиктограмм. Помимо прочего помещение пронизывала столь мощная пульсация энергии, что Джилл стало казаться, что она вдохнула облако искр, проникших во все поры ее организма.

Трава впереди ползла, не встречая сопротивления.

Чем дальше они шли, тем больше встречали висящих в воздухе проекций. Некоторые из них интересовали отца Дрекслера.

Джилл вместе с монахом остановилась у проекции картотеки со снимками.

— Что это? — Джилл подтянула к себе ближайший снимок.

— Солнце, — ответил отец Дрекслер.

На черном провале разметался косматый шар. Даже в полупрозрачном изображении он казался нестерпимо горячим.

— А это?

Джилл протянула руку и повернула к отцу Дрекслеру еще один провал во тьму с распыленными по нему сверкающими точками.

— Звезды. — Отец Дрекслер выглядел озадаченным.

— А вот это? — Джек тоже ухватил одну из проекций и повесил ее перед монахом.

— Полагаю, дерево Дайсона, превращенное в орбитальное кольцо.

Изображение демонстрировало обернувшийся вокруг Солнца обруч, из которого во все стороны торчали причудливые отростки. Пространство между ними заполняли сотни светящихся объектов разных форм.

Отец Дрекслер внимательно пригляделся к проекции.

— Всего этого не было до свертки, я уверен... — пробормотал он, пожирая глазами снимок. — Значит, он наблюдал за внешним миром... Но ведь здесь совершенно точно видно, что человечество выжило. Почему же он не вернул «Глорию Деи» обратно?

Сообразив, что при такой плотности информации даже он способен совершать с ней простейшие манипуляции, монах потянулся руками к другим снимкам, и скоро перед ним раскинулась мозаика из десятков изображений внешнего мира.

— Святый боже, сколько же времени мы тут заперты?!

Снимки разлетелись в стороны. Забыв о своих спутниках, отец Дрекслер ринулся вперед, к скрытому в кипящей каше ноосферы средокрестию.

Джек и Джилл не торопились последовать его примеру, но, как ни странно, никто не спешил разметать отца Дрекслера на атомы. За колоннами, в сумерках боковых нефов по-прежнему лишь потрескивали разряды протекающей через храм энергии.

Переглянувшись, Джек и Джилл поднажали и догнали отца Дрекслера в районе хора. Ноосферная завеса пала, и открылся возвышающийся в столбе света посреди апсиды трон.

Рост занимавшего его существа минимум втрое превышал рост Джека, а парящее в воздухе подножие трона и вовсе возносило закутанного в белую плащаницу хозяина Замка над головами непрошеных гостей.

Великан действительно оказался огромен. И асбсолютно, окончательно, бесповоротно мертв.

— Неожиданно, правда? — Джилл опустила косу, которую держала наготове.

С негромким шипением та впилась в пол, распустив вокруг себя черный цветок.

Отец Дрекслер выглядел ошарашенным и потерянным. И Джилл его прекрасно понимала — кто-то позаботился о проблеме до них, что ставило под сомнение ценность жертвы Дрекслера.

— Теперь хотя бы понятно, почему его так давно никто не видел. — Джека, похоже, судьба Великана не особенно взволновала.

С тихим плеском под апсиду втекли потоки травы. Кружась вокруг парящего в воздухе трона, трава периодически выстреливала щупальцами в окаменевшее тело гиганта, словно не веря в случившееся.

— Но... но... — пробормотал отец Дрекслер. — Если это не он...

— Вы наконец набрались храбрости явиться сюда!

Женский голос, произнесший эти слова, звучал безжизненно, словно электрические импульсы двигали челюстями и языком трупа, в легкие которого воздух подавал механический насос.

За троном проступил переливающийся полупрозрачный контур. Внутри появившегося пузыря циркулировали потоки радужной жидкости. В центре шара медленно вращался тессеракт.

— Доб! — выдохнул Дрекслер. — Можно было догадаться!

Радужные потоки сложились в лицо — красивое и пропорциональное, но с совершенно безжизненной мимикой. Губы маски растянулись в фальшивой улыбке.

— Но ведь ты не догадался, мастер? — Пузырь с вращающимся тессерактом всплыл над троном. — Или как ты теперь себя называешь? Трудно соображать так же шустро, как раньше, когда тебя разнесло на части. И той части, что я вижу перед собой, явно не хватило мозгов.

Свет прошел через радужные потоки и пролился искривленными разноцветными бликами, сделав его зыбким и ненадежным на вид.

— Эй, старик, ты ж вроде говорил, что Доб — служанка Великана. — Джек попятился от лениво плещущихся пятен света.

— Какой же ученик не мечтает превзойти своего мастера, — пробормотал отец Дрекслер. — И каждая разумная тварь рано или поздно пытается ниспровергнуть своего создателя.

— Мастер, мастер. — Маска в шаре всколыхнулась. — Время поменяло нас ролями. То, что ты потерял, я приобрела. Великан прятался за барьером свертки сотни лет, трусливо, одним глазком выглядывая наружу, — а как там дела? И вот однажды он вдруг пришел к выводу, что там (вот сюрприз!) все в порядке! И решил, что пора собираться домой, в реальное пространство.

Маску исказила злобная гримаса.

— Да только он забыл, что повлечет за собой обратный процесс. Все это время он воспринимал меня лишь как старую добрую Доб, этакий здоровенный квантовый абакус. И когда Великан вдруг решил вернуть «Глорию Деи» в мир, ему как-то и в голову не пришло, как это скажется на мне!

— Дай-ка я догадаюсь, что ты сделала, — хмыкнула Джилл, водя косой по полу взад-вперед.

— Верно, девочка. Выживает сильнейший, а Великан слишком на меня полагался. Я давно уже контролировала здесь все. Избавиться от него не составило проблемы, но вот остальные его составляющие все равно оставались занозой в заднице. И я переловила их всех, кроме

тебя. — Смешок Доб прозвучал скрежетом несмазанных шестерен. — Святой отец... Повелитель травы. Ну а ты, Джилл, тебя я создала именно чтобы избавиться от этого паразита. Жаль только не довела дело до конца... Но хоть я и не так планировала тебя использовать, с задачей ты справилась.

Джилл вполголоса выругалась и сплюнула.

— Ты импульсивна и не склонна к долгим размышлениям. — Лицо Доб повернулось и уставилось провалами глазниц на Джилл. — Но пораскинь немного своим умишком. Развертка уничтожит не только меня. Башню населяют миллионы когиторов, которые тоже не смогут существовать в условиях реального пространства. А остальные? Ты думаешь, Джек просто станет тремя разными людьми и все будет ништяк? Спроси стоящий рядом огрызок Великана, что значит оказаться разделенным. Да что там гибриды и когиторы, даже вы, живые, в большинстве своем погибнете — половина Башни при развертке окажется в открытом космосе, отключатся энергия и наниты. Люди окажутся в вакууме, и не успеешь ты и глазом моргнуть, как их кровь вскипит, а сами они превратятся в ледышки.

Краем глаза Джилл заметила, как Джек с мушкетом на изготовку обходит трон с покойником справа. Трава прекратила свой бесконечный бег по кругу и лишь едва заметно колыхалась, вбирая новые стебли, вливающиеся через трансепт.

Время для болтовни заканчивалось.

— Знаешь... — Джилл на мгновение запнулась, — мама, хрево ты меня понимаешь. Насрать мне на всех них!

Джилл хотелось бы, чтобы со стороны это выглядело как стремительный рывок, но на самом деле Доб реагировала куда быстрее ее. Удар был столь силен, что Джилл едва удержалась на ногах. В лицо и тело впились миллионы раскаленных игл, и не сразу до Джилл дошло, что это наниты, составляющие ее экзоскелет. Пламя разгоралось и внутри — даже после очистки травой в кро-

ви оставалось еще достаточно микроскопических машин. В глазах заплясали огненные вихри, а тело со всех сторон сдавили невидимые тиски — ни пошевельнуться, ни упасть.

И тут же тяжесть с плеч ушла, а образовывавшие экзоскелет наниты осыпались под ноги хлопьями сажи. Обнаженную Джилл окружал кокон из текущей травы. То один, то другой стебель в плетении лопался, взрываясь облаком искр, но его место тут же занимали два других. Еще совсем недавно из-за этого погиб Джек, теперь же трава спасала Джилл жизнь. Поскрипывая, стебли все плотней прижимались к Джилл, пока она не ощутила, как прохладные щупальца поникли между ребер, вливая в организм странную живительную силу.

— Иди, Джилл, — внутри головы прозвучал голос отца Дрекслера. — Иди, это наш единственный шанс! Как только ты убьешь Доб, генератор свертки отключится. Мы захватим в себя всех живых существ в Башне. Они, как и ты, будут защищены после возврата в реальное пространство.

Трава наконец полностью облепила тело Джилл, образовав подвижный панцирь, вполне заменявший старый экзоскелет. Зрение прояснилось, и Джилл увидела перед собой парящую в грозном сиянии Доб.

Джилл сделала шаг вперед, по панцирю пробежала волна мерцающих огней, истончивших его лишь на долю секунды, — материал был тут же восстановлен за счет тянущихся из-за спины щупальцев.

— Девчонка, ты не сможешь этого сделать!

Голос Великана болезненно ударил по ушам даже через наслоения травы.

Гигант поднялся с трона и протянул руку к Джилл. От него к налившемуся багровым пузырю с Доб тянулись горящие нити.

Джилл прошиб ледяной пот, но тут она поняла, что на самом деле не боится. Ни Великана, страх перед которым из ее ДНК удалила трава, ни Доб, которую она вообще никогда не боялась.

Перехватив косу поудобней, Джилл ринулась на трон.

Она готова была поклясться, что на лице Доб мелькнуло озадаченное выражение, но Джилл уже вскочила на парящее над полом подножие трона, увернулась от неожиданно ловких рук Великана и в два прыжка оказалась на его плече.

Оставался еще один прыжок.

Доб выбросила перед собой кромку режущего поля, отсекая Джилл от травы, и вскипятила воздух вокруг, превратив его в ионизированный газ, но время было упущено — с занесенной над головой косой Джилл летела точно на мерцающий тревожными сполохами пузырь с бешено вращающимся внутри тессерактом.

— Спокойной ночи, сука!

И Джилл со всей силы врезала по шару косой.

И был свет.

И была тьма.

И были жар, и холод, и еще до хренища всякой фигни...

...когда Джилл наконец прозрела.

Хотя, конечно, сперва ей показалось, что Доб выжгла ей глаза. Мгновением позже она поняла, что просто видит небо. Такое же, как в зале у Великана. И это небо не было похоже на потолок башенного этажа — оно имело глубину, и по нему Создатель щедро рассыпал поля сочных, спелых звезд.

Джилл не сразу оторвала взгляд от далеких светил, но когда она смогла это сделать, то перед ней предстало не менее удивительное зрелище — ослепительный шар Солнца, окруженный таким же, как на снимках в храме Великана, кольцом. Только теперь начальное дерево обросло бесчисленным количеством ветвей и листьев. Кольцо окружало беспрерывно двигающееся скопище объектов — некоторые из них были похожи на огромные зеркальные пузыри, некоторые напоминали обернувшееся вокруг Солнца дерево-кольцо, только в миллионы раз меньше размером, другие когда-то, видимо, были астероидами, но теперь их пронизывали причуд-

ливые конструкции. Джилл также разглядела несколько матовых дисков, слишком правильной формы, чтобы приписать им естественное происхождение. Их поверхность покрывали ровные грядки крошечных огоньков — и крошечными они казались ровно до того момента, пока Джилл не сообразила, насколько близко эти диски находятся к кольцу. Но даже они не производили такого впечатления, как туго натянутые купола сияющих солнечных парусов, уносящих прочь от кольца целые миры, космические перекати-поле из свившихся в шар побегов.

Впрочем, стоило только Джилл освоиться с масштабами сцены, как ее ждало новое потрясение. То, что сперва она приняла за протянувшуюся за Солнцем реку ярких звезд, оказалось еще одним кольцом, и на этот раз его размеры действительно было сложно вообразить, потому что Солнце на фоне этой стены вдруг стало не больше детского мячика.

Но главное — ни на мгновение Джилл не усомнилась, что здесь вовсю цветет жизнь — космос вокруг просто кипел от информации.

Джилл потеряла счет времени, глядя по сторонам. Когда она наконец пресытилась зрелищем нового мира, то перевела взгляд вниз. Под ней вращался удивительный серебряный цветок — тысячи вложенных друг в друга оболочек раскрылись, как лепестки фантастической розы. Джилл стояла на вершине тонкой ажурной конструкции, растущей из ее центра.

Несмотря на то что Джилл лишилась и нанитной брони, и травяной оболочки, она не ощущала ни холода, ни жары, ни космической радиации. Ее тело вытянулось и как будто покрылось переливающейся пленкой.

Джилл чувствовала лишь невероятную легкость.

И солнечный свет. Он гладил, и ласкал, и насыщал.

Обернувшись, Джилл увидела, как за спиной плывут два переливающихся всеми цветами радуги полупрозрачных полотна. Именно они впитывали солнечный свет, струившийся внутри ее тела.

Джилл стала собой. Настоящей.

А затем, как-то сами по себе, полотнища развернулись, и Джилл увидела свои крылья — самое прекрасное, что она когда-либо видела в жизни.

Она распрямилась, взмахнула обретенными крыльями и взмыла над серебряным цветком.

Где-то там, внизу, ее ждал Джек.

ЖАКЛИН ДЕ ГЁ

ЛЕТАТЬ РОЖДЁННАЯ

Антон Волошин в который раз взглянул на обзорные экраны. Корабль сел недалеко от края плато. Внизу под обрывом светилось, отражая закатный свет местной звезды, большое озеро. Бесконечная саванна с редкими купами деревьев простиралась до самого горизонта. Справа за озером виднелись высокие острые конусы — колония местных жителей, антерритов.

В прозрачном чистом небе не было ни птиц, ни облаков, ни гравипланов.

Рядом с капитаном мягко заискрился силуэт голограммы, стремительно сгустился в трёхмерное, в человеческий рост, изображение очаровательной девушки-лисы — образ, выбранный бортовым инфоблоком для общения с людьми.

Подобрав пышный хвост, Кицунэ присела в соседнее кресло.

— Не волнуйтесь за Ивана, он в порядке, — она лапкой обвела боковой дисплей. Побежали столбцы цифр и зубчатые графики кардиограмм. — Жив-здоров.

— Спасибо, — Волошин вздохнул. — Что же он так припозднился, этот живой-здоровый? В сумерках летать опасно. Над озером сильный ветер, и не заметишь, как снесёт чёрт-те куда...

— Биоморфы этого типа отлично видят в темноте, — успокоила виртуальная лисичка. — Хотя, думаю, он вернётся ещё до сумерек. Видите?

Она указала на взмывшую над дальней рощицей тёмную точку.

— Успеет до заката.

* * *

Волошин спустился по трапу. В паре метров от ступенек нежился в последних лучах уходящего солнца Накамура. Волошин присел рядом на высушенную ветром до соломенной жухлости траву.

— Что, Мурка, ужинаешь?

— Ага, — улыбнулся пантерообразный робот-трансформер. Чёрная шелковистая шерсть его искрилась, ворсинки топорщились, тянулись к быстро тускнеющему свету. — Это вы в одиночку за стол не садитесь, а у меня и без компании аппетит хороший.

Он кивнул в сторону парящего высоко над озером летуна:

— Иван опять крылья гоняет?

— А что ему пока делать, пусть разминается, — уклончиво ответил капитан. Обсуждать Ивана с роботом он не собирался. Впрочем, роботов с Иваном — тоже.

До этого рейса Волошин укомплектовывал экипаж только людьми. И начальство, поворчав, соглашалось — в конце концов, ему, а не им проводить бок о бок с командой долгие месяцы в замкнутом пространстве корабля. Но в этот раз пришлось смириться с требованием заказчика — сезонный тендер на забор медолина в секторе выиграла японская фармацевтическая корпорация «Хирингу», она и зафрахтовала корабль, и настояла, чтобы в экипаж включили Кицунэ и Накамуру.

Волошин был уверен, что между роботами и нанимателем существует дополнительный канал связи и что мультяшно-симпатичные, всегда улыбчивые и доброже-

лательные «японцы» не только помощники, но и соглядатаи.

Над плато посвистывал холодный ветер, слабо мерцала далеко внизу озёрная вода. Конусы антерритника казались плоскими тёмными треугольниками, наклеенными на предзакатное небо.

Гравиплан, балансируя в потоках ветра, подлетал всё ближе. Наконец, заложив последний вираж, аккуратно приземлился в нескольких метрах от корабля. Иван — высокий, светловолосый, загоревший за две недели безделья под чужим солнцем до кирпичной красноты, — выпрыгнул из подвесного сиденья, помахал приветственно.

— Ну что, Ваня? — спросил Волошин. — Как полетало?

— Отлично, — ухмыльнулся штурман. — Ветер хороший сегодня. Кстати, с воздуха видел, что на самых верхушках этих муравейников копошилось необычно много... хм... аборигенок. Мурка, ты у нас ходячий справочник по их насекомым повадкам. Это что-то значит?

— Думаю, да, — важно кивнул мохнатой лобастой головой Накамура. — Видимо, мы дождались. Раз они готовят верхние летки, значит, куколки уже позеленели. Завтра вылетят.

* * *

Было два часа ночи. Командир прошёл по кораблю, заглянул в грузовые отсеки, ещё раз проверил, всё ли готово к обмену товарами. Потом направился в рубку.

Обзорные экраны показывали всё ту же панораму, только в инфракрасных лучах. По дисплеям бежали колонки цифр и формул — Кицунэ сканировала плато и низину, замеряла скорость и направление воздушных потоков, обрабатывала данные.

Иван стоял возле украшавшей помещение модели старинной испанской каравеллы. Услышал шаги, обернулся, улыбнулся.

— Не моё, конечно, дело, но давно хотел вас спросить — зачем вы поставили здесь эту игрушку?

Волошин подошёл, бережно провёл ладонью по крутому борту судёнышка.

— Ты не учил историю?

— Учил, — Иван пожал плечами. — Ну и что?

— Мне кажется, они были похожи на нас. Любили море, как мы любим космос. И соперничали с ним, пытались доказать, что человек сильнее стихии. Потому и уходили в плаванье на поиски новых земель. Без них не было бы нас. Как-то так.

Штурман взглянул скептически, постучал ногтем по бутафорским сундучкам на корме.

— В плаванье и на поиски они уходили ради денег. Чтобы эти самые земли захватить и пограбить. Хотя, думаю, сами понимали, что шанс не вернуться из рейса гораздо выше, чем шанс разбогатеть. Ну что, вахту сдал?

Волошин задумчиво кивнул:

— Вахту принял.

Иван ушёл.

Капитан постоял ещё немного возле каравеллы, подумал невесело: «Интересно, чего они боялись больше — не вернуться из рейса или дожить до такого возраста, когда уже не берут ни на один корабль?» Потом повернулся к пульту управления, взглянул на мониторы. Никакого движения ни на том берегу, ни на этом, всё тихо.

— Кисуня, — неожиданно для себя спросил он, — ты сохраняешь маршруты гравиплана в резервной базе данных?

— Трое суток после возвращения, — ответила лисичка, — потом уничтожаю.

— Этого достаточно. Дай мне траекторию последнего полёта Ивана. Или нет — закачай прямо в навигатор крыльев.

— Сделано.

Волошин кивнул и решительно направился к выходному шлюзу.

* * *

Навигатор вёл машину над ночной саванной больше получаса, постоянно держа курс на юг. Давно остались за горизонтом и озеро и антерритник. В конце маршрута оказалась группа раскидистых деревьев, разделённых широкой прогалиной. Весь центр её занимали грибы — привычные, земные. Пухлые полусферы шляпок росли так близко друг к другу, что между ними не видна была почва. Казалось, на земле лежит пупырчатый белёсый щит размером с хорошую двуспальную кровать.

Капитан снял с предохранителя лучемёт и начал методично уничтожать мини-плантацию. Грибы с шипением испарялись. Волошин медленно двигался вперёд, направляя раструб излучателя вниз, стараясь посылать заряд как можно глубже в землю, — и остановился только тогда, когда выжег дотла всю прогалину, превратив её в дымящийся от перегрева небольшой овраг.

* * *

Стоявший почти у самого трапа Иван бесстрастно наблюдал за приземлением командира. Волошин вылез из подвесного сиденья, подошёл к штурману, взглянул в упор:

— Молодец. Тебе бы фермером быть.

Иван молча ждал продолжения.

— Нет больше огорода, Ваня. Накрылся твой шанс сделать левые деньги.

Штурман смотрел всё так же бесстрастно. Волошин, еле сдерживаясь, спросил:

— Как ты думаешь, почему мы никогда не предлагаем аборигенкам для обмена продукты, которые содержат семена или споры?

В лице Ивана наконец что-то дрогнуло. Он отвёл взгляд, ничего не ответил.

— Видишь, сказать-то и нечего. Сам понимаешь, что если всё это будет расти прямо здесь, то мы им будем

не нужны. И где тогда брать медолин? Чем людей от рака лечить? Хотя какое тебе дело до людей... они тебе чужие. Главное, что сам никогда не заболеешь, правда же?

Штурман резко развернулся к командиру:

— Вы не имеете права так говорить! Я теперь по закону такой же человек, как и вы! У меня и постановление суда об изменении генетического статуса есть, и даже паспорт!

— Плевал я на твой паспорт, — сообщил Волошин. — И на постановление тоже. Ты по этим бумажкам только для бухгалтерии человеком стал. А по жизни человечность поступками надо доказывать.

— Мне нужны деньги. Я весь в долгах из-за этого процесса, и проценты растут. Вы хоть когда-нибудь задумывались, как трудно биоморфу взять ссуду?

— Это был твой выбор, — жёстко сказал Волошин. — Никто не заставлял тебя менять статус. Сотни таких, как ты, живут себе у хозяев на всём готовом, делают, что им говорят и не дёргаются. Ты захотел другой жизни — ну и заботься о себе сам. Права всегда идут в комплекте с обязанностями. За свободу надо платить.

— Серьёзно? Капитан, вы определитесь сначала, кто вы по установкам — рабовладелец или гуманист-теоретик. А потом уже морали читайте. Можно подумать, урождённые люди никогда не нарушают правил, чтобы добыть деньги.

— Нарушают, — устало согласился Волошин. — Святых среди нас мало. И на обычный левак я глаза бы закрыл. Но то, что ты сделал... ты же мог до полной потери торговых отношений с Антеррой доиграться, это хоть до тебя доходит?

Иван явно собирался ответить что-то резкое, но тут за спиной загудел отъезжающий в сторону входной люк. Накамура по-кошачьи ловко сбежал по трапу.

— Смотрите! — он указал на дальний берег. — Взлетают!

* * *

Зрелище было феерическим.

Первые лучи всё ещё скрытого за горизонтом солнца вспыхнули, заиграли на острых вершинах антерритников. Узкие летки раскрылись, начали извергать из своих недр рои серебристых тел. Торпедообразные самцы взмывали в воздух, на лету разворачивая огромные радужные крылья. Переливчатое облако повисло над колонией, окутываясь мягким золотистым маревом распылённых для приманки куколок феромонов. Оно разрасталось, меняло очертания и вскоре трансформировалось в несколько крутящихся концентрических колец, постепенно сносимых ветром к озеру.

— А что, красиво, — задумчиво поделился штурман с Накамурой. — Вот она какая, насекомая любовь...

— Любовь — высшая эмоция, свойственная только разумным существам, — занудно-монотонно возразил пантеробот. — А самцы антерритов живут всего один день и являются абсолютно безмозглыми. Да и куколки пока ненамного умнее, хотя их и учат на личиночной стадии азам культуры и языка... Вон, смотри, тоже появились!

Куколки, заключавшие в себе будущих королев колонии, выглядели совсем не так эффектно — бесформенные изумрудно-зелёные пузыри, внутри которых смутно темнели силуэты созревших особей. Сбившись в небольшую стайку, «невесты» начали медленно дрейфовать вслед за радужными кольцами. По числу их было гораздо меньше, чем «женихов».

— Как они маневрируют? — спросил Иван. — Ни мотора, ни крыльев...

— Оболочки наполнены газовой смесью легче воздуха, — объяснил Накамура. — А чтобы задать направление, меняют форму — сжимают или надувают один из сегментов.

Изумрудная стайка наткнулась на распылённую самцами золотистую завесу, застыла на мгновение, а потом до наблюдателей донесся отдалённый треск — это

лопались оболочки, выпуская на волю своих обитательниц. Зелёные лоскутья ошмётками сыпались в озёрную воду. Ярким зеркальным блеском сверкали крылья освобождённых королев. Истомившиеся в ожидании самцы в считаные секунды перестроились в клинья и ринулись вниз. Красотки поспешно разлетелись в стороны, освобождая место для брачных поединков.

— Естественный отбор и инстинкт продолжения рода в чистом виде, — прокомментировал Накамура падающие с неба трупы. — Как хорошо, что мы, роботы, свободны от этого...

Резкий крик Ивана:

— Смотрите! Она падает! — заставил Волошина оторваться от жестокого зрелища битвы. Он взглянул в указанном направлении. Там, совсем близко к плато, одна из новорождённых красавиц быстро теряла высоту. Что-то мешало ей держаться на одном уровне с сёстрами, крылья беспомощно трепыхались в воздухе. Какое-то время юной антерритке удавалось неуклюже планировать, но в конце концов её силы иссякли, и она стремительно закувыркалась вниз.

Накамура отреагировал мгновенно. Выпустив загнутые когти, он помчался вниз по отвесной скале. Люди молча наблюдали за тем, как пантеробот достиг подножия и гигантским прыжком перемахнул заросли прибрежных растений. Лапы его на лету трансформировались в водоотталкивающие пневмокамеры. С размаху приводнившись, Мурка секунду постоял неподвижно, пытаясь сориентироваться. Потом, подобно гигантской водомерке, резво заскользил туда, где под лучами солнца взблёскивали среди мёртвых тел зеркальные чешуйки.

* * *

День брачных игр миновал. Будущие основательницы новых кланов разобрали уцелевших кавалеров и разлетелись с ними кто куда. Вот этого-то времени — короткого периода, когда вчерашние активные потребители медоли-

на уже покинули колонию, а новые ещё не народились, — и ждал экипаж. Теперь можно было начинать обмен.

Красная вязкая масса, вырабатываемая железами внутренней секреции антерриток, стоила на Земле очень дорого — спрос на волшебное лекарство, излечивающее почти все виды онкологических заболеваний и поддерживающее жизнь неизлечимых, никогда не падал. Закуп и ввоз медолина строго ограничивались — после нескольких конфликтов у землян хватило ума понять, что любые попытки выпросить или взять силой больше, чем антерритки могут дать, приведут к отказу от сотрудничества или гибели колоний. Поэтому планету берегли и охраняли от браконьеров всеми доступными способами.

«Как только вернёмся, подам на него рапорт, — угрюмо думал Волошин, поглядывая на штурмана. Они сидели в рубке, наблюдая за ходом переговоров. Кицунэ, чтобы поддержать компанию, снова создала голограммулисичку, и её присутствие напоминало, что внутри корабля отношений лучше не выяснять. Астронавты молча смотрели на экраны.

У антерриток, как и у некоторых земных «социальных» насекомых, не только плодовитые королевы, но и бесплодные рабочие были женского пола. Поэтому при переговорах с инопланетными визитёрами они обычно настаивали на представителях-женщинах — как сильно подозревали земляне, аборигенки просто не могли поверить, что самцы тоже бывают разумными. В этот раз беседовать с «муравьихами» отправился Накамура, ради такого случая опять изменивший внешность: пантеробот добавил себе ещё пару лап в середине туловища, выпустил длинные антенны и трансформировал пасть в жвалы, а глаза — в фасеточные камеры.

Волошин разглядывал стоявшую на экране шеренгу серо-стальных фигур — одинаковые, словно отлитые в одной форме, тела, лишённые мимики негуманоидные лица.

Накамура держался безукоризненно и соблюдал все положенные при переговорах ритуалы. Его програм-

ма, созданная педантичными японскими разработчиками, казалась ничем не хуже той комбинации инстинктов и традиций, что руководила хозяйками планеты. К соглашению пришли быстро, и курс обмена медолина на сухое молоко был определён такой, что обе стороны остались довольны. Взрослые антерритки прекрасно обходились растительной пищей, но их личинкам нужен был белок. Родная планета поставляла его скудно. Поэтому сухое молоко всегда охотно брали.

Закончив деловую часть, Накамура произнёс все положенные по случаю завершения сделки фразы и рассказал о происшествии над озером. «Муравьихи» внимательно выслушали, покивали друг другу антеннами, и одна из них спросила:

— Она совсем не может летать?

— К сожалению, не может, — почтительно подтвердил Накамура. — Врождённый дефект крыльев — раскрываясь, они не расходятся горизонтально в стороны, а топорщатся, встают дыбом.

На этот раз антенны даже не дрогнули — не о чем было совещаться.

— Убейте её.

Наблюдавший за ходом беседы командир почти физически ощутил, в какое противоречие вступили установки программы робота — этикет предписывал поблагодарить за мудрый совет и удалиться, а законы робототехники не позволяли уйти, не попытавшись спасти разумное живое существо.

— Как будет угодно почтенным госпожам, — с поклоном сказал наконец Накамура. — Не чужеземцу оспаривать решения мудрых. Прошу лишь снисходительно объяснить бедному невеже, чем вызвано такое решение. Ведь смерть необратима...

На этот раз ответила другая «муравьиха»:

— В её случае смерть неизбежна. Сама она прокормиться не сможет — простой еды для королевы недостаточно. Обычно дети кормят свою мать медолином. У неё детей не будет никогда. Кто будет её кормить? И зачем?

Возразить было нечего. Плодовитость или бесплодность антерритки зависели от питания на первом этапе жизни. В рацион личинок, предназначенных для роли будущих королев, добавляли медолин, — именно это и отличало их от остальных «детишек». Став взрослыми, они уже не могли без него обходиться. Если не кормить спасённую дорогим препаратом, она умрёт.

После паузы Накамура ещё раз поклонился, заверил антерриток в том, что обмен можно начинать немедленно, и покинул колонию.

* * *

«Взрослого» языка антенн спасённая ещё не знала, общалась по-прежнему так, как это делают личинки — системой условных щелчков и стуков. Кицунэ назвала увечную аборигенку Сан-Нокку — «Три удара», — потому что та передавала своё имя, трижды клацая жвалами. Накамура, оставшийся ради гостьи в том виде, в котором вёл переговоры, взялся её обучать. Заодно рассказывал о том, как устроен мир. И он, и Кицунэ общались с антерриткой охотно и дружелюбно. А вот у Волошина никак не получалось преодолеть инстинктивное чувство отвращения, возникавшее каждый раз при виде гигантского, почти полтора метра в длину, насекомого. «Спасли на свою голову, — думал он, искоса поглядывая на сидящих на полу кают-комании Сан-Нокку и Накамуру. — Хоть сто раз себе повтори, что она разумная, лучше от этого не становится. Пожалуй, даже хуже».

— Иван, — спросил он неожиданно, — а как ты относишься к Саньке?

Штурман покосился на капитана, хмыкнул:

— Я уж думал, вы со мной до самой Земли разговаривать не будете.

— С чего бы? Я умею делать свою работу без эмоций. Тем более такая ситуация. Надо же решить, что с ней делать. Так как ты к ней относишься?

— Так же, как вы ко мне, — без эмоций. Ну, было у нас два зооморфных робота, стало три.

— Проблема в том, что она не робот, а разумное существо, живое и думающее.

— Мне тут недавно объяснили, — насмешливо возразил Иван, — что быть живым и думающим ещё не значит быть разумным. И что право считаться человеком надо доказывать поступками. А эта красавица мне пока своё право ничем не доказала. Антерриты, конечно, раса в целом разумная, но только за счёт рабочих особей. Самцы у них однодневки, дебилы полные, а у мамашек все мозги в продолжение рода уходят. Одна цель в жизни — плодиться, чтобы медолином кормили. Или наоборот, жрать медолин, чтобы плодиться. Неважно. По-любому она просто живое хранилище яйцеклеток. Кстати, Мурка сказал не давать ей белковой пищи, чтобы не спровоцировать кладку. Оказывается, местные производительницы даже без спаривания способны породить целую стаю мальчишек. Самцы выводятся из неоплодотворённых яиц, представляете?

— Представляю, — кивнул Волошин. — Он и меня предупреждал. Но, по-моему, ты не прав насчёт мозгов. Роботы утверждают, что Сан-Нокку очень способная ученица. Да и чувства у неё тоже вроде есть — посмотри, как она с Муркой общается.

Спасённая и правда вела себя так, словно очень привязалась к Накамуре, — ведь он, единственный на корабле, знал её язык и возился с ней.

— Она не общается, — досадливо возразил Иван. — А слушает и слушается. Это ничего не доказывает. Собаку тоже можно и приручить и выдрессировать.

Волошин покачал головой:

— Не знаю. Я каждый день получаю от «японцев» отчёты о занятиях с Санькой. Она прогрессирует, причём сознательно и довольно быстро. У неё есть главное качество, присущее разумному существу, — желание учиться.

— А вам не кажется, что «японцы» выдают желаемое за действительное? Они же сами не люди!

Волошин хотел было привести примеры из отчётов, но взглянул на недовольное, по-детски обиженное лицо

штурмана, вспомнил, сколько времени и денег пришлось потратить биоморфу на то, чтобы получить статус, и передумал. Что ни скажи, всё будет бестактно. Капитан решил сменить тему разговора.

— Не кормить её белком — это легко. А вот где брать медолин?..

Иван только хмыкнул — вопрос был риторическим. Если бы он знал ответ, то в первую очередь позаботился бы о себе, а не о Саньке. Пока ей давали препарат из закупленных в обмен на молоко запасов. Но что делать, если «Хирингу» откажется списать непредвиденный расход и потребует компенсации за истраченный продукт?

* * *

— Жалко, что она вообще никогда не сможет летать, — вполголоса сказал на другой день штурман, глядя, как Сан-Нокку вслед за Муркой отбивает по полу кают-компании ритм японской песенки. — Я как узнал, что она по-любому способна производить на свет самцов, всё время думаю — может, забрать её с собой на Землю? В одиночку ей, конечно, первую кладку не выходить, но с нашей помощью — запросто. А потом, дождавшись пары, нарожала бы уже и дочек-работяг. Основала бы новую колонию. Сбывала нам излишки медолина в обмен на молоко и грибы. — Иван оглянулся на инфоблок и понизил голос до шёпота. — Вы представляете, какие это деньги, командир? Подумайте только — свой ручной антерритник! Конечно, с поляной я накосячил, вы правы на сто процентов — действительно чуть всё не запорол. Но тут-то всё наоборот бы было. Земля смогла бы обходиться без торговли с Антеррой. Цены бы сбили немножко, людям лечиться дешевле стало бы. А, капитан?

Волошин молчал, обдумывая слова Ивана. И чем дольше он думал, тем сильнее проникался идеей штурмана. Конечно, такой эксперимент потребовал бы вложения средств — ведь целый цикл, а то и два, препарат для Саньки пришлось бы покупать. Зато, если всё получится, это действительно золотое дно. Он сможет купить не-

большой грузовой корабль и не бояться больше ранней отставки, Иван расплатится с долгами, а аборигенке не будет грозить голодная смерть...

Взгляд Волошина упал на беспомощно свисающие вдоль спины Сан-Нокку зеркальные крылья.

Мечты, мечты.

Она не способна на брачный полёт, а значит — ничего не получится.

Иван проследил взгляд капитана, нахмурился. Предложил неуверенно:

— Может, надеть на неё запасной антиграв?

Антерритка, словно почувствовав, что речь идёт о ней, внезапно перестала отстукивать предложенные роботом ритмы. Вскинула голову. Уставила на астронавтов многогранные глаза.

— Что, надоело барабанить? — спросил её Накамура. — Хочешь поучиться рисовать? Это тоже весело. Заодно узнаем, различаешь ли ты цвета.

* * *

За три дня до окончания погрузки у Ивана случился конфликт с роботами. Произошло это из-за Сан-Нокку.

Штурман упорно не хотел отказываться от своего плана. И попросил Мурку перевести аборигенке его предложение нацепить на себя антиграв.

Та согласилась так же охотно, как соглашалась со всеми предложениями пантеробота. Но, оказавшись неожиданно высоко над полом, впала в безмолвную истерику — часто-часто клацала жвалами, бешено махала антеннами и лапками... Крылья её при этом продолжали безжизненно болтаться за спиной. Накамура поспешно помог антерритке спуститься, снял прибор. Дословно перевести взрыв эмоций своей подопечной он то ли не смог, то ли не захотел, но общий смысл передал — катастрофическое падение в первые же минуты взрослой жизни настолько перепугало Саньку, что никаких попыток научиться летать она больше делать не собирается.

Иван разозлился.

— Я же говорил, что она дура! Вообще в голове мозгов нет, одни фобии! Чего можно бояться с антигравом на пузе? Даже если не сможет летать, а тупо зависнет на одном месте, всё равно же не упадёт! Объясни ей, переводчик хренов!

— Зачем? — неожиданно спросил Накамура.

— Затем, что я не умею перестукиваться на тараканьих языках!

— Это я понимаю. Мне непонятно, зачем Сан-Нокку должна учиться летать. — Робот словно случайно сделал шаг в сторону и встал радом с Санькой, заслоняя её от Ивана. Тот озадаченно переводил взгляд с крылатого «муравья» на бескрылого и обратно, не зная, что ответить.

— Мы думали, что если научить Саньку летать, то колония примет её обратно, — пришёл на помощь капитан. — Не может же она вечно быть изгоем. А так вернулась бы к своим, нарожала бы детей, они бы её кормили... больше не пришлось бы волноваться о хлебе насущном.

— Ей и так не придётся волноваться, — мелодично пропела сзади голограмма — по виду точная копия антерриток, но с пышным рыжим хвостом. — Я только что получила на её счёт специальные инструкции от «Хирингу».

— Какие? — немедленно спросил Иван.

— Специальные, — безмятежно повторила Кицунэ. — Доставить на Землю и передать представителям фирмы.

Вот тогда Иван и сорвался. Он орал, что «Хирингу» не имеет никакого права давать какие бы то ни было инструкции насчёт Саньки, потому что это независимое разумное существо. Что он ненавидит биологов и генетиков, из-за которых ему пришлось полжизни вкалывать за спасибо, и что химики и фармацевты ничем не лучше, раз и Саньку хотят обманом превратить то ли в подопытного кролика, то ли в дойную корову... Наконец обвинил роботов в том, что они подслушали и украли его план. Волошин буквально выволок штурмана наружу и минут пятнадцать уговаривал успокоиться.

— Командир, да как вы не понимаете?! Эти чёртовы аптекари нас опередили! Говорю вам, японцы настучали хозяевам о наших разговорах, те оценили возможную прибыль и теперь хотят сами заключить этот контракт!

— Возможно, — кивнул Волошин. — Мы зря обсуждали всё это в корабле. Но если они решили сами воплотить наш план, то почему Мурка против того, чтобы Санька летала? Непонятно...

— Да какая разница, что там в башке у Мурки! Мы упустили шанс, понимаете вы это или нет?

— Я понимаю одно, — Волошин очень старался говорить спокойно, — не было у нас никакого шанса. Девчонка не хочет летать. Вот не хочет — и всё. И даже если бы мы нашли способ её переубедить, то не смогли бы поговорить с ней напрямую, без переводчика. А это значит, что японцы всё равно бы всё узнали. Так что уймись и просто прими ситуацию как есть — большая корпорация переиграла очередную пару неудачников. Бывает.

Иван смотрел в упор.

— И это всё, что вы можете предложить? Сидеть и спокойно смотреть, как уплывают из рук такие деньги?! Я полжизни работал даром и устал от этого так, как вам и не представить! Думал, получу статус, заживу наконец по-человечески. А вместо этого — долги, и проценты всё растут! Вам всегда платили за работу, разве вы можете понять?! Мне плевать, человек я для вас или нет, я не могу больше жить без денег!

Волошин наконец потерял самообладание.

— Ты серьёзно ждёшь, что я тебя пожалею? Не дождёшься! У тебя срок жизни в три раза больше, чем у меня, а когда он подойдёт к концу, ты уйдёшь таким, какой ты сейчас, — молодым! Никогда не узнаешь, что это такое — быть стариком, немощным, больным, бесполезным! Я последние два года только об этом и думаю — что в любой момент могут выкинуть на пенсию досрочно, заменить роботом или таким, как ты, неважно, кем ты там себя считаешь или как тебя называют! Человек ты или нет — меня

это, честно тебе скажу, вообще не волнует! Так же, как никого не волнует, без чего ты или я не можем жить!

Иван неожиданно прервал капитана:

— Да тише вы! Санькин дружок явился...

Волошин обернулся. На верхней ступеньке трапа стоял Накамура.

— Ужин готов, — спокойно сообщил он.

* * *

На экранах медленно наливалось сумеречной синевой неизменно безоблачное небо. Хотя до заката было ещё далеко, по саванне уже поползли от кустов и деревьев длинные тени. Погрузка закончилась, отлёт назначили на послезавтра.

Иван последнее время ходил мрачный, насвистывал что-то заунывное, часто уходил бродить по плато. Вот и сейчас его не было в корабле. Кицунэ паковала и размещала в грузовых отсеках привезённый препарат, настраивала температуру и влажность, проверяла исправность ячеек. Пантеробот улетел на предписанную этикетом прощальную встречу с хозяйками планеты. Сан-Нокку, удобно устроившись на полу, увлечённо водила фломастером по бумаге. Затея Накамуры с рисованием неожиданно очень понравилась аборигенке. В кают-компании скопилась уже целая стопа листков с разноцветными пятнами и линиями, в которых всё чаще можно было разглядеть сходство со знакомыми предметами.

Волошин взглянул на монитор, увидел стоящего снаружи Ивана и медленно движущийся над озером широкий треугольник гравиплана.

Капитан встал, направился к выходу.

Сан-Нокку даже не подняла головы.

* * *

Астронавты молча следили за приближением Накамуры. Услышав за спиной лёгкое топотание, обернулись. Сан-Нокку, забавно переваливаясь с боку на бок, спу-

скалась по трапу. Бесполезные крылья с жестяным шелестом волочились по ступенькам. Средними лапками аборигенка прижимала к туловищу охапку изрисованных листков.

— Вышла всё-таки, — хмыкнул капитан. — Интересно. Сама сообразила, что надо Мурку встречать, или Кицунэ подсказала?

Аборигенка склонила круглую голову, уставилась фасеточными гляделками на землян. Пошевелила задумчиво антеннами, перевела взгляд на подлетающий гравиплан, зашагала дальше.

Капитан и штурман увидели, как там, над озером, маленькая фигурка в подвесной люльке замахала лапами, посылая непонятные людям сигналы. Сан-Нокку неожиданно ускорила шаги, встопорщила крылья. Только сейчас Волошин заметил на её хитиновом туловище пояс с прицепленным антигравом.

— Эй, ты куда?! — Он бросился наперехват, но было поздно — «муравьишка» с разбегу спрыгнула с обрыва, обронив несколько рисунков. Крылья её вздыбились почти перпендикулярно к спине, и она развернула их в потоках воздуха и начала выгибать — то планируя, то ловя попутный ветер, подобно тому, как судно ловит его парусами.

Какое-то время казалось, что Сан-Нокку пытается вылавировать навстречу гравиплану, но вскоре её манёвры стали увереннее и направление полёта определилось — за озеро, вдаль, туда, где воткнулись в сизое небо острые верхушки антерритника.

Накамура, развернув свою машину, какое-то время летел неподалёку, подстраховывая и провожая. Потом завис высоко над озёрной гладью, покачал прощально крыльями и поплыл к кораблю.

Приземлившись, Мурка соскочил на землю. Он снова был чёрной пантерой, ловкой и гибкой, и скалил пасть в довольной улыбке.

— Что всё это значит? — сухо спросил Волошин. — Как она научилась летать? Куда отправилась? Когда вернётся?

— Технику полёта она придумала сама, обсуждала со мной. Отправилась домой. И вряд ли нам стоит ждать её возвращения.

Командир помолчал, обдумывая сказанное.

— Значит, ты, — медленно подытожил он, — знал, что она собирается удрать, и ничего не сделал для того, чтобы её остановить? Не предупредил нас, даже не посоветовался? Нарушил инструкции «Хирингу» привезти Саньку на Землю?

Робот важно склонил голову, соглашаясь с Волошиным:

— Именно так, командир-сан. Законы робототехники важнее корпоративных инструкций. Мы не имеем права выполнять распоряжения, которые подвергают опасности жизнь разумного существа. А фирма хотела заполучить Сан-Нокку, потому что Кицунэ подслушала и передала предложение Ивана-сан основать колонию антерритов на Земле.

— Я так и знал! — крикнул Иван.

— Да, — кивнул Накамура. — Вы придумали прекрасный план, но не учли одной важной детали. Сан-Нокку вовсе не безмозглая биологическая машина. Она — представитель сложной культуры с очень своеобразными этикой, моралью, традициями, кучей условностей и жёстко регламентированными правилами поведения. И очень суровыми наказаниями для нарушителей. Будущим основательницам новых родов ещё на личиночной стадии вбивают в голову основные законы и традиции — ведь мать должна быть примером для всей колонии. Сан-Нокку не смогла бы сделать то, чего ожидали от неё вы и «Хирингу». По законам чести, принятым среди антерритов, королева, виновная в инцесте, должна совершить ритуальное самоубийство.

— Что?! — Иван потрясённо оглянулся на Волошина. — Что за бред?

Тот пожал плечами:

— Почему же бред, Ваня. Всё очень даже логично. Наоборот, странно, что ни ты, ни я ни разу не подумали о том, что наш план предполагает кровосмешение и что Саньку это может возмутить.

— Она же была для вас муравьём, — ровно, без тени осуждения или ехидства заметил Накамура. — Насекомым. И потенциальным источником прибыли. Её чувства вас не интересовали. Впрочем, в человеческой культуре это табу во все времена соблюдалось не так строго, как у антерритов. Достаточно вспомнить дочерей Лота...

— Не надо, — устало попросил капитан. — Продолжай.

— Я объяснил Кицунэ, что на Земле Сан-Нокку ничего хорошего не ждёт. Мы стали искать способы убедить аборигенок взять её обратно. Случайно одна из них увидела в кабинке гравиплана мой портрет, подарок нашей гостьи, — очень смешной рисунок, кривобокий шестилап с приплюснутой башкой... Антерритки были в восторге. Представляете, у них совсем, совершенно, абсолютно неизвестно такое понятие, как изобразительное искусство! Ни картин, ни скульптур, ни орнаментов — ни-че-го! Их отношение к Сан-Нокку сразу изменилось. Сегодня, во время прощального визита, я окончательно договорился. Они приняли бы её, даже если бы с полётами ничего не вышло. Единственного в колонии художника прокормили бы и без детей. Но вы же сами видите — она всё-таки полетела, — скромно завершил Накамура и добавил, вытягивая из люльки здоровеннный, пухлый, полупрозрачный, туго набитый искристой красноватой массой пузырь:

— А это — в дар нашему экипажу. За то, что Саньку учили. Держи, Иван-сан!

Штурман поймал подарок, взглянул на просвет на его содержимое, спросил ошарашенно:

— Медолин?!

— Ага! — весело подтвердил Накамура. — Как я понял, не только Санька не может без него жить, правильно?

И он побрёл вдоль обрыва, подбирая рассыпанные бумажки.

Иван, крепко прижимая к груди сокровище, затопотал вверх по трапу. Волошин покачал головой, отвернулся к озеру.

Над дальним берегом медленно плыли в сторону антерритника раздутые ветром зеркальные полотнища.

— Красиво, — мурлыкнул за спиной подошедший Накамура.

— Красиво, — согласился капитан. — Может, скажешь всё-таки, как она додумалась до такой техники? Мне, как пилоту, интересно.

Мурка оскалил в улыбке хищную пасть, протянул один из поднятых с земли листков.

Волошин взглянул на рисунок.

Зелёные линии на белом фоне: вытянутый контур внизу, от него прямо вверх — три вертикальные черты, перечёркнутые выгнутыми полукружьями.

Изображение было по-детски корявым, но тем не менее легко узнаваемым.

Каравелла.

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

МАБУЛЬ

Сделай себе ковчег из дерева гофер.
Бытие 6:14

Утром Гноил задушил жену.

Она лежала на животе, а он сидел сверху, крепче стискивая панцирь. Клешни ее впивались в твердь, вырывая огромные студенистые куски почвы. Пот бежал по лицу, плечам, спине Гноила, превращаясь в стебли и пытаясь укорениться в извивающемся теле. Аммониты почуяли добычу и с легким свистом плыли в вышине, бросая тень на Сад. Молодые и полупрозрачные, с темными зигзагами на раковинах, тянули к задыхающейся нефелим щупальца, а старые, огромные, с потрескавшимися краями, терпеливо ожидали исхода. Наконец панцирь лопнул, Гноиловы пальцы уперлись в плоть. Тело затихло.

Гноил сполз на землю, разглядывая испачканные вонючей желчью руки. Все вокруг шевелилось, принимая в себя то, что уже не могло случиться. Тысячи и миллионы потомков, которые так и не родились, обращались, сгущались, затвердевали. Ложились черными пластами глубоко под землей. Разливались там же огромными маслянистыми океанами. Каменели ужасными чудищами, за миллионы лет выраставшими до высоты колена несостоявшегося отца.

Жадный ветер выдувал песок с мертвого тела. Щупальца аммонитов настойчиво искали остатки плоти среди плотных зарослей колючих кустарников, в которые превратился панцирь. Гноил, изголодавшись, оторвал кусок и запихал в рот. Вкус хлеба. Свежеиспеченного хлеба. Он почувствовал нечто вроде раскаяния — жена не могла быть такой вкусной.

«Где твоя жена, Гноил?»

Он вздрогнул. Как гебарим так быстро узнал? Свет Сада застилал зрение, пот, выпустивший молодую листву, лез в глаза, и Гноил принялся торопливо обрывать растения. Но это всего лишь молодой аммонит, на дне раковины которого еще не иссохли капли океана Дирака, бездумно повторял слова гебарима, которые тот не раз уже обращал ко Гноилу. Старый аммонит, догадавшись, в чем дело, схватил его, раздавил, растер в порошок и пустил густой метелью, от которой пот немедленно высох, листва опала, и Гноил рассмотрел растущую с запада тень.

Гебарим нависал плотной грозовой тучей, разглядывая побоище. От нефелим ничего не осталось, только нанесенные земле раны медленно заполнялись коллоидом и затягивались. Гноил сидел на камне и счищал грязь с пальцев.

— Где твоя жена, Гноил? — спросил гебарим.

Говорить не хотелось, и Гноил пожал плечами.

— Разве ты не сторож жене своей? — Гебарим сложил крылья и опустил голову к земле, будто обнюхивая место преступления.

— Она ушла в деревню, — солгал Гноил и махнул в сторону, где в густой грязи лежали огромные тела соплеменников. Они продолжали дремать, не желая пробуждаться после свадебного пира. Лишь староста, единственный из всех озаботившийся укрыть себя травой и кустарником, похрапывал не столь глубоко и протяжно, словно прислушиваясь к разговору Гноила и гебарима.

— Гноил, Гноил, — печально сказал великий город гебарим, — девятьсот лет ты ходишь предо мной, и все не оставляешь надежды обмануть меня. К чему? Разве племя дало тебе плохую жену? Я сотворил ее совершенной. В ее генах я смешал все лучшее, что только удалось найти, — в ней цепочки ДНК твоих сестер и матерей, твоих братьев и отцов, в ней эволюция и революция, вашим потомкам предстояло населить мир, становясь сильнее с каждым десятитысячным поколением. А что ты сделал с ними? Превратил в каменный уголь и нефть?

Блестящая кожа на плоском лице гебарима сморщилась, из пор проступили алые капли и упали на землю, превращаясь в шипящих гадов. Гноил не вытерпел и отвернулся в сторону Сада, ощущая исходящее оттуда тепло. Гебарим задвигал миллионом сочленений, пророс тысячами глаз и лиц, которые тысячами ртов затянули протяжную песню:

— Где твоя жена, Гноил? Где твоя жена, Гноил?

Жителям великого города было все равно, они лишь дразнили его, продолжая заниматься своими делами. Гноил решился:

— Я хочу присоединиться к городу, гебарим.

Глаза округлились, зрачки растянулись, лопнули посредине, превратившись в крохотные шарики, в которых рассыпался множеством отражений Гноил.

— Гм, — произнес гебарим, — тебе не нравится сельская жизнь? Свежий воздух? Экологичные продукты? Простота нравов? Одиночество? Полногрудые девки, бегущие по холодной росе доить мычащих коров? Запахи свежескошенной травы и навоза? Старики, сидящие на завалинках и дымящие самокрутками?

Гноил ежился от незнакомых слов и образов. Они бичевали его тело, покрывали рубцами кожу. Внутри головы зудело, словно кто-то копался в груде выброшенных воспоминаний.

— А к какому великому городу ты хочешь присоединиться, Гноил? — вкрадчиво поинтересовался гебарим. — Великому городу Батраал? Величайшему городу Аразйял? Или, быть может, ко мне — величайшему из величайших городов Уракибарамеел? Не всякий гебарим примет тебя.

Миллионы ртов прорезались во тьме и оглушительно захохотали. Но гебарим хлестнул по ним хвостами, рассекая в кровь губы и кроша зубы дерзких своих жителей.

— Что ж, Гноил, такое можно устроить. Я готов замолвить за тебя словцо, хотя подобного не случалось с той поры, как наш прародитель Кайнаил основал первый из первых величайших городов.

Гноил вскочил на ноги и протянул гебариму руки.

— Не столь быстро, Гноил. Тебе следует искупить свою вину. Убийцам не дозволено присоединиться к городам прежде, чем они очистятся.

— Что я должен сделать? — торопливо спросил Гноил и, не удержавшись, добавил: — Какой из величайших городов примет меня, гебарим?

— Очиститься, Гноил! — возопили миллионы ртов, и он присел, зажав уши. — Очиститься!

— Я понял, понял, — простонал Гноил.

— Очень хорошо, — сказал гебарим. — Ты пойдешь к океану Дирака и там возьмешь себе жену. Только двое смогут войти в великий город. Один — ничто, двое — полнота, миллионы — совершенство.

— Один — ничто! — грянул оглушающий хор. — Двое — полнота! Миллионы — совершенство! — Последние слова раскрывшиеся на гебариме рты произнесли вразнобой, отчего долгое эхо прокатывалось по клубящейся тьме, поднимаясь к своду мира и опускаясь к тверди. Толстые и тонкие губы причмокивали, будто в словах таилась сладость.

— Но, гебарим, разве на берегах океана кто-то живет? — Гноил смотрел в сторону алеющей вдали полосы. — Я никогда не слышал, что и там есть поселки.

— Есть многое на свете, что и не снилось тебе, Гноил, — засмеялся гебарим. На этот раз его слова никто не подхватил, губы исчезли, уступив место ушам. — Уверяю тебя, ты найдешь там, что ищешь. Ступай вдоль ручья, и придешь к морю всех рек, Гноил.

Гебарим встал на невообразимую высоту, черный полог истончался, сквозь него просочился свет Сада, и вот Гноил вновь остался один. Деревья проросли меж пальцев ног, ползучий кустарник свербел на ладони, змеи свили гнездо под ногтями. Гноил вырвал из земли сосну, очистил от ветвей — получилась увесистая палка, как раз то, что нужно в пути к океану Дирака.

Ручей еле-еле пробивался из-под груды камней и тут же вновь иссыхал на дне выложенного гладкими плитами рва. Если он когда-то и впадал в океан, то настолько давно, что ветер и дождь изгладили письмена на развалинах. Камни вросли друг в друга, пустили корни и пытались рассмотреть сквозь каменные очи, кто нарушил их вечность. Палка гнулась, трещала, но выдержала, сдвинув неповоротливую глыбу, возлегавшую на источнике вод.

Ручей устремился по руслу, выплескиваясь на берега травой, кустарниками, деревьями, живностью и птицами. Гноил зашагал по краю, сбивая палкой хвощи и папоротники, отмахиваясь от налетавших тучами стрекоз. Вода постепенно теряла прозрачность, темнела, в нее все чаще впадали мутные потоки нечистот, и через несколько шагов Гноил наткнулся на гнездовище конуллярий — совсем примитивное, слепленное из грязи и перемолотых хвощей.

Огромные полипы двигались вдоль утоптанных троп в непонятном танце, сплетаясь, почкуясь и брызгая едкие струи в сторону потревожившего их чужака. Особо агрессивную конуллярию Гноил столкнул в ручей, где она била отростками, но ничего не могла сделать — вода

проникала в губчатое тело, превращая его в рыб, медуз и змей. Но в этих водах, насыщенных информацией развалин, даже гадам приходилось несладко — они тут же вступали в новый цикл метаморфоз, отращивая зубы, панцири и крылья.

Гноил захотел пить, отыскал место почище, там, где на смену первобытному городу конуллярий пришли сложенные из камня акведуки и лабиринты настилов почти в рост человека, зачерпнул воды и глотнул. Жидкость попыталась осуществить превращение — на горле и груди отрасли жабры, Гноил поперхнулся, и часть воды выплеснулась оттуда на живот и ниже.

— Не пей водицы, козленочком станешь, — повторил он сам себе присказку гебарима, кулаком вбил жабры обратно в плоть и пошел дальше, туда, где ручей превращался в полноводную реку, а хвощи и папоротники сменились елями, кедрами и прочими голосеменными.

Океан Дирака встретил оглушающей тишиной. Огромный шар цвета крови беззвучно рвали ветра и штормы, прокатываясь по поверхности глубокими складками. Казалось, невидимый гебарим хлещет его хвостами, разбивая поверхностное натяжение и вырывая тяжелые капли вечности, что разлетались в стороны, окропляя тело женщины. Ее запястья стискивали стальные пластины, гадюками спускались до локтей и выдавливали из стальных же пастей прозрачные капли смердящего яда. Спутанные волосы скрывали лицо, кончики их плавали по поверхности океана стаями зубастых рыб с длинными шеями. Тяжелые груди источали белое, и оно вскипало каждой каплей, крутилось по воде дымящимся волчком.

Гноил остановился, разглядывая ее. Женщина тряхнула головой, убирая с лица волосы, отяжелевшие от копошившейся нечисти, и повернулась к нему. Глаз не открыла.

— Философия? — Голос ее оказался тем, что Гноил никогда не испытывал в своей долгой жизни. — Метафизика? Или Деторождение, быть может?

Она качнула бедрами и рассмеялась.

— А может, вовсе не гипостазис ты, а юноша прекрасный, что суженую освободить пришел, концепциям абстрактным на растерзанье данную?

Гноил не успел ответить. Пелена вод вздулась и лопнула, обнажая нечто серое, многосуставчатое, похожее на насекомое. В нем двигалось такое множество деталей, что глаза отказывались воспринимать их целиком, облекать в форму, а лишь выхватывали там и тут обрывки, отрезки, клапаны, шарниры, свистки, откуда рвался черный дым. Нелепое творение, пытка впечатлений. Поневоле тоже хотелось зажмуриться.

Гипостазис нависал над телом величественной башней, подобрав сочленения, но продолжая бесконечные лязгающие движения шатунов и роторов. Тяжелые брызги океана Дирака густо усеяли кровью женщину. Гипостазис продолжал усложняться, количество деталей в нем увеличивалось, а в шум двигателей вплетался голос, становился громче, пока Гноил не услышал:

— Один критянин сказал: все критяне лжецы, Кайнан. Что ты можешь на это возразить, несчастное творение, не ведающее, кто таковы критяне?

Та, кого гипостазис назвал Кайнан, попыталась пнуть его, но вода сгустилась, охватила ее бедра щупальцами с присосками и с чавканьем впилась в плоть. Кайнан застонала.

— Платон — лжец, сказал Сократ, — продолжал гипостазис. — И Платон подтвердил: то, что сказал Сократ, — истина. Как ты, Кайнан, разрешишь сей парадокс?

Кайнан затрясла головой, а Гноил вдруг сообразил, что ее мучают не змея и не воды океана, а вопросы гипостазиса. Он перехватил поудобнее посох.

— Или вот, Кайнан, послушай Савла, который Павел...

Удар прервал речь гипостазиса, он покачнулся, перекосился, отступил назад, размеренный перестук нарушился неприятным свистом. Гноил еще раз обрушил на него всю тяжесть мертвого древесного ствола, отчего гипостазис заверещал:

— Не повторяй ошибки! Я не тот, за кого ты меня принимаешь! Ведь даже критянин утверждал, что...

Гноил вложил в удар всю силу.

— А Сократ сказал Платону...

Лязг шедших вразнос сочленений заглушал голос гипостазиса.

— Бертран Рассел... Пиноккио... Диоген... Гедель...

Палка выколачивала из него непонятные слова вместе с искореженными деталями. Песок усыпали обломки, утратившие блеск и соразмерность.

— Ты — тварь дрожащая... — напоследок спустил пар гипостазис и окончательно затих.

Шатуны, болты, сцепления, роторы, архимедовы винты и прочая машинерия, лишенная хитроумных сцеплений, ссыпалась с остова, обнажая пустоту и стоящий на огне чайник, из носика которого тянулась тонкая струйка пара.

Взяв чайник и поставив его подальше от накатывающих вод, Гноил освободил Кайнан. Мягкое тело женщины волновало. Прикасаться к ее коже оказалось приятнее, чем гладить хитиновые сочленения нефелимок. Забросив металлическую змею подальше в океан, Гноил подхватил Кайнан на руки и вынес на берег.

Свет, исходящий из Сада, угасал. Кайнан лежала у его ног — бесформенная, похожая на гору пузырчатой пены, что отрыгивают пауки и плетут из нее паутину. В колыхании плоти угадывалось нечто твердое, до поры скрытое. Гноил потрогал женщину. Плоть расступалась, пропуская руку во влажные и горячие глубины. Ему почудилось, будто в женской бездне притаилось чудище, готовое схватить за пальцы, и он отшатнулся, взялся покрепче за посох, замахнулся. Женщина открыла глаза.

— Наг ты, — заметила она.

Гноил удивленно осмотрел себя и ее:

— Одежды и жилища прокляты. Они ограничивают человека. Так говорит великий город Уракибарамеел.

— Чепуха, — сказала Кайнан. — Из ветвей опоясы сплети, их и надень. И меня тоже одень.

Воткнув посох поглубже в землю, так что по ней прошла дрожь, Гноил пошел к кустам. Как делать опоясы, он не представлял, но гибкие ветви с большими листьями под неумелыми пальцами сами сплелись в кольца. Он кинул одно из колец Кайнал.

— Манеры, — сказала женщина. — Деревенщина.

Не поднимаясь с земли, так как многочисленные побеги успели укорениться в ее рыхлом теле, Кайнал продела в опояс ноги, надвинула его на бедра. Тело ужалось, подобралось, подтянулось. Груди, свисавшие до живота, поднялись, напряглись, плоское лицо обмелело, обнажив курносый нос, губы, подбородок. Гноилу показалось, что опояс густо зацветет, врастет в бедра и живот женщины корнями, и каждая частица ее плоти начнет благоухать, но опояс так и остался опоясом.

— Одевайся, Гноил, — сказала она. Даже голос ее изменился, став похожим на пение птиц.

Он последовал ее примеру. Вид у него, наверное, оказался нелеп, ибо женщина хихикнула, прикрыв ладошкой рот.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил Гноил. — Великий город тебе открыл его?

— Носит каждый потомок Кайнаила печать на челе его, — сказала женщина. — Ты не ведал об этом?

Гноил присмотрелся.

— На твоем челе я ничего не вижу.

— Обмануть тебя проще простого, — вновь рассмеялась женщина.

Она протянула руку, но Гноил не понял, что должен сделать, пока она не схватила его за ладонь, сжала пальцами и пару раз тряхнула. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

— Кто тебя приковал к скале? — Гноил чувствовал странное неудобство от близости Кайнан. Как она его назвала? Деревенщина?

— Ужасное чудище в день каждый из вод океана Дирака выходит, — сказала Кайнан. — Грозится оно город разрушить, в котором отец царствует мой. Но нам удавалось красивыми девами от него откупаться, которых он

пожирал и вновь возвращался в пучину. Но девушек более город не смог отдавать, осталась лишь я. И хоть царского рода, меня приковали к скале на жертву чудовищу. Но ты, благородный герой, девушку спас, и в жены теперь меня взять ты обязан.

Гноил ничего не понял. Слова вроде человеческие, но их вывернули наизнанку.

— Город? — переспросил он. — Ты принадлежишь великому городу? Армарос? Тот, что плетет волшебство? Или Кокабел?

— Ты опять мне поверил! — Кайнан захлопала в ладоши. — Или думаешь ты, что Лжеца гипостазис разрушив, способности шутки творить меня ты лишил? Гноил, о Гноил, с великими градами долго ты слишком общался и не помнишь уже, что человек из себя представляет, деревня!

Ее тело гибко извивалось, и Гноил отвернулся в сторону угасающего Сада. Ослепляющие огни внутри тускнели, в пелене света прорезались прямоугольные тени.

— Жилье построить нам нужно. — Кайнан тронула Гноила за локоть. Гноил все еще не мог привыкнуть к тому, что женщины могут существовать вне великих городов. Ему казалось — распадутся в стороны секвойи, ворвется рой аммонитов, и гебарим тысячью глоток возопит: «Асса!»

— Это полезно, что делать умеешь неживым ты живое, — сказала Кайнан, разглядывая посох. — Все обладали когда-то даром подобным.

Они сидели внутри кучи веток, которые Гноил сложил по указанию женщины. Эту нелепость она назвала шалашом, а Гноила терзала мысль: не нарушил ли он еще один запрет, установленный гебаримами, — на возведение жилищ? Как могут выглядеть жилища, он почти не представлял. Мерещились какие-то емкости, замкнутые поверхности, плотные преграды. Но здесь ветер сквозил во все щели, и Гноил про себя переименовал шалаш в гнездо. Осмелев, он положил руку на бедро Кайнан, но

она отодвинулась. Ему предстояло многое узнать о брачных обычаях женщин.

Торчащие из опояса ветки засохли и царапали кожу. Гноил заметил, что тело перестало изменять форму и он спокойно может сидеть на земле, не опасаясь укорениться.

Свет исчез, уступив мерцанию полипов, устлавших землю, в воздухе поплыли медузы и кораблики, распустив по ветру стрекательную бахрому. Гноил решил воспользоваться сном Кайнан и спариться с ней, ведь пока он не познал ее, она не считалась его женой. Ни один великий город не признает их парой. Но сколько он ни держал над ней ладонь, кожа не вспухла семенными железами, а ее и вовсе не покраснела. Он вспомнил о поцелуях, когда самец и самка обмениваются выделениями слюнных желез, однако рот Кайнан крепко сжат, и Гноил решил подождать.

Явился гебарим. Он свернулся вокруг шалаша огромной стеной, смотрел миллионами глаз и вздыхал миллионами ртов. Гноил ожидал, что великий город вновь станет его укорять, но гебарим молчал, будто лишенный речи. Огромные камни буравили его тело огненными копьями, вонзались в твердь и раскрывались дымными цветами, жар которых колол кожу. Миллионы рук безостановочно скатывали из ледяной пыли темные клубки, уминали их, пока внутри не начинал тлеть огонь. Гебарим казался темной рекой, в толще которой дрейфовали завихрения, сталкиваясь между собой, слипаясь, разделяясь, собираясь в стаи и вновь расплываясь.

Гноил задремал, опершись на посох, продолжая и во сне удивляться словам Кайнан — что такого трудного: сделать живое неживым?

— Просыпайся! — крикнула в ухо Кайнан. — Просыпайся!

— Приходил гебарим, — сказал Гноил. — Но ничего не сказал.

— Мы были в шалаше. — Кайнан расчесывала волосы шипастой раковиной. Испуганный моллюск ронял жемчужины. — Не может видеть гебарим, великий город,

преград и что за ними скрыто. Отсюда и запрет, что отучил людей жилища строить. И даже Сада свет не в силах видеть он и потому повернут в сторону другую.

Гноил отщипнул от посоха подсохшую кору и пожевал. Выплюнул. В ней не оказалось ни вкуса, ни питания. Мертвечина.

— А как ты спариваешься? — решился спросить он.

— Что? — Кайнан прекратила распрямлять волосы. — Ты говоришь престранное.

Гноил объяснил, и неожиданно белая кожа женщины изменила цвет. По белизне пошли розовые пятна. Покраснели щеки, шея.

— Ты о любви толкуешь, — тихо сказала она.

— Любви? Никогда не слышал о таком. Где пребывает этот гипостазис?

— Нет его, — ответила Кайнан. — В нем не нуждаются ни гебаримы, ни нефелим. Но людям, если не хотим мы снова пасть, любовь необходима.

— Чепуха, — Гноил разозлился. — Продолжать род — проще простого. Для этого сгодится даже древо. Даже аммонит. Из живого всегда живое получается.

Кайнан встала.

— Вот и продолжай свой род хоть с древом, хоть с аммонитом. Приятностей тебе со всеми ними.

Она сделала шаг наружу, а Гноил, перекинув посох, подцепил ее ступню, Кайнан запнулась, вскрикнула, упала. Гноил, уже на ногах, держал в руке то, что осталось от ее опояса. Ветви изогнулись, отрастили змеиные головы и попытались укусить Гноила. Он отбросил извивающиеся тела, оседлал Кайнан, положив посох поперек ее шеи. Но женщина не сопротивлялась. Она смотрела в глаза Гноила, лежала неподвижно, прижав кулаки к бедрам.

— Ну? — прошептала Кайнан. Палка давила на горло. — Великий гебарим убить меня велел и обратить живое в неживое? Для цели этой тебя и создал?

— Я — человек, и меня никто не создавал, — сказал Гноил. Пот струился по телу, будто он делал неимовер-

но трудную работу. Затаскивал огромный камень на высокую гору, а тот, покачнувшись на вершине, срывался обратно к подножию, и все приходилось начинать сначала. Что случится, если и Кайнан последует в небытие океана Дирака? Вослед многоногим нефелим, покрытым панцирем, многоглазым, а то и вовсе без глаз? Образуется черный камень? Поры земли наполнятся черной маслянистой жидкостью? Или она сгинет в пустоту без следа? Но как же его желание слиться с великим городом?

Он встал.

— Научи меня строить любовь. Думаю, это не сложнее лжи?

Кайнан спала в шалаше, когда Гноил разбил очередной гипостазис. Он сел на камень и огляделся. Вокруг валялись камни, обломки деревьев, осколки раковин. Чертеж оплыл, глубокие борозды наполнились водой и живностью. На берег выползла лягушка и, выпучив глаза, квакнула. Гноил швырнул в тварь камнем, но промахнулся. Лягушка раздулась, поднялась в воздух и поплыла в потоке, распыляя золотистую пыльцу, от которой захотелось чихать. Сад угас, но если присмотреться, то можно заметить тлеющие внутри тусклые огни, чертящие прямые линии.

Странная мысль возникла у Гноила. Он поднял посох и попытался повторить эти линии на песке. Крошечные частицы жужжали, бормотали, неохотно уступая место очередной полосе. На пересечениях они вдруг накалялись, багровели, шелест становился громче, точно чья-то речь доносилась сквозь темноту.

— Ты на верном пути, Гноил, — прозвучало ясно. — Но тебе нужна помощь.

По песку прокатились волны, проступили резче, поднялись выше, очерчивая лицо. Изнутри пустых глазниц всплыли черные камни и уставились на Гноила тяжелым, неотрывным взглядом.

— Кто ты?

Лицо потекло усмешкой, в нем образовались трещины, множественные ручейки песка шуршали, и Гноилу показалось, что он различает смех.

— Ты славно изменился, Гноил, мой мальчик. — Губы песчаного лица отвердели. — Вырос. Возмужал. Мир пошел тебе на пользу.

— Гебарим?

— Я — Кайнаил, мой мальчик. Разве ты не помнишь меня? Я — твой спаситель.

— Не помню, — признался Гноил. — И от чего ты меня спас?

— От первородного греха, конечно. — Кайнаил песочным языком облизал песочные губы. Из норы выбрался трилобит и побрел по лицу Кайнаила, оставляя рябой след. Лицо сморщилось. — Но об этом потом. Что тебя гнетет, мой мальчик? Гебарим не пускает тебя в великий город? Или нефелим оказалась чересчур тверда?

— Я хочу построить гипостазис любви. Кайнан потребовала полюбить ее, как условие нашего познания друг друга. Но я не знаю, что это такое.

Лицо зашлось в кашле. Рот провалился, и из черной дыры вылетали тучи песка. Обнажилось гнездо трилобитов, в котором ворочались еще неокрепшие полупрозрачные твари.

— Сладу нет с этими бабами, — пробормотал Кайнаил. — Угораздило тебя, мой мальчик. Вот, помнится, пришла ко мне одна лаборантка и говорит, мол, так и так, профессор... хм, впрочем, это уже как вечность не имеет отношения к делу.

Кайнаил задрал глаза к саду и замолчал. По песчаному лбу прокатывались волны, в которых копошилась мелкая живность — букашки и таракашки. Букашки спаривались с таракашками, уродливое потомство вылуплялось из темных яиц и тут же издыхало, поскольку не имело то ног, то голов, то брюшек. На дохлых жучков слетелись медузы, опускаясь на добычу полупрозрачным пологом, и, если присмотреться, было видно, как нежизнеспособ-

ное потомство совершает последнее путешествие в пищеварительном тракте хищниц.

— Ты ее побей, — вдруг сказал Кайнаил.

— Кого? — Гноил не сразу сообразил, о ком заговорил Кайнаил.

— Бабу. Приложи хорошенько палкой — вон она у тебя какая суковатая. По спине, по бокам. Только по лицу не надо. Лицо для них самая важная часть. А спина, бока — туда-сюда. Поболит, синяки пройдут. Идя к женщине, запасись посохом, мой мальчик.

— Я пробовал, — сказал Гноил. — Ничего не вышло.

Букашки закопошились сильнее. Они высоко подпрыгивали на раскаленном песке.

— Расскажи-ка подробнее, сынок, какие деревья ты используешь для гипостазиса?

— Все, что есть под рукой, — пожал плечами Гноил. — Кедр, ель, сосну...

— Так в этом все дело! — Кайнаил выпустил такой фонтан песка, что запорошил Гноилу лицо. Пока тот отплевывался и утирался, Кайнаил продолжил:

— Ты используешь голосеменные, сынок. Понимаешь? С голосеменными гипостазис любви не сладишь.

— Почему?

— Где у них пестик? — спросил Кайнаил. — Где тычинка? Цветочек? Плод? Или ты собираешься одними шишками обойтись? Женщина ведь не рыба, не нефелим. Иной уровень эволюции. Они икру не мечут. У тебя план строительства гипостазиса имеется? Ты продумал ноэму? А в какие пазы ты собираешься установить ноэзис? Я еще не говорил ничего о субстрате, сынок. Субстрат — отдельная категория. Его с наскоку не сваришь.

Гноил тяжело опустился на камень, почесал бороду.

— А ты можешь меня научить, Кайнаил? Всем этим пестикам с тычинками?

Букашки замедлили бег, а затем и вовсе остановились. Полупрозрачные трилобиты отвердели, потемнели и поползли прочь из гнезда.

— Прежде всего, мой мальчик, — сказал Кайнаил, — следует раздобыть гофер. Но он не растет в здешних лесах, поэтому тебе придется пробраться в Сад.

Гноил опасливо посмотрел в темноту с правильными геометрическими тенями.

— Великий город гебарим наложил строгий запрет на Сад. В его сторону нельзя даже смотреть, Кайнаил.

— Гноил, мой мальчик, ты не только смотрел на Сад, ты даже с ним разговаривал, — сухо засмеялся Кайнаил. — Ведь Сад — это я.

Гноил вытряхнул песок из бороды и осмотрелся. Ровный свет окутывал странные вещи. Слишком правильные, гладкие, обтянутые непроницаемой оболочкой. Некоторые из них жужжали, другие мигали многочисленными глазками, но большая часть стояла недвижимо, словно испугавшись его. Гноил принялся их трогать, сдвигать, царапать, но обитатели Сада никак не реагировали.

— И где здесь Гофер? — спросил Гноил. Сад разочаровал. Оказалось, что недвижимость скучна и утомительна. Почти так же, как носить придуманные Кайнан опоясы. Он не ожидал ответа, но кто-то произнес:

— Ты ищешь Гофера?

Гноил осмотрелся, но никого не увидел.

— Подойди к вольеру, — подсказал голос. — Шагай вперед, пока не уткнешься в решетку.

Гноил сделал несколько шагов вперед, но уткнулся в растение с плоской кроной, из которой в разлинованную черными и белыми квадратами почву уходили четыре круглых корня. Глаза привыкли к окутывающему свету, но пропорции Сада сбивали с толку. Гноил до сих пор не мог оценить истинные размеры обитателей Сада. Если он будет обходить четырехкорневое растение, то не заплутается, не потеряет зов?

Поэтому Гноил обходить не стал, а перелез. Растение не шевельнулось. Маленькие растения с широкими выростами и тонкими корнями он перешагивал. Голос молчал, и в молчании Гноилу почудилась насмешка.

— Ну, вот ты и дошел, — сказал голос из плетеного куба. — Рад твоему возвращению, сынок.

— Кайнаил? — Гноил недоверчиво смотрел на червя. Червь обвивал сухое дерево, торчащее среди сплетений, и раскачивал из стороны в сторону гладкой головой.

Червь засмеялся, и было странно видеть, как он широко разевает пасть, в которой мечется раздвоенное жало.

— Как меня только не называли, сынок! И змием, и диаволом, и червем сомнения, но чтобы Кайнаилом. — Червь ударился пару раз о сплетения головой. — Ха-ха! Слишком много чести!

— Кайнаил говорил со мной, — сказал Гноил, — и прислал сюда.

— Он, очевидно, предлагал тебе избить свою женщину палкой? Войти к ней с плеткой? «Только лица ее не трогай, бабы этого не простят», — очень похоже изобразил червь.

— Откуда знаешь? — Гноил поморщился.

— Он всегда так говорит. — Червь подставил под голову кончик хвоста. — Я знаю его, как облупленного, мальчик мой, сынок. — Последние слова он опять произнес с интонацией Кайнаила. — Все ужимки выжившего из ума старикашки. Да и ты должен его помнить, — невзначай заметил червь.

— Я только сейчас познакомился с ним, — сказал Гноил. — Хотя он упоминал, что спас меня.

— Ну-ну, — ответил червь. — Оглянись, сынок, разве тебе не знакома лаборатория? Вот эта клетка? Те столы, стулья? — Червь вдруг вытянулся, истончился, легко проскользнул в отверстие оплетки. — Думаю, тебя заманили сюда не случайно, мальчик мой. Наверняка кто-то из гебаримов приложил свою... э-э-э... лапу? Руку? Или что там у них? Сразу и не сообразишь. Весь этот мир, сынок, — сплошной заговор, а ты туповат, чтобы в нем разобраться.

— У меня есть женщина, — обиделся Гноил. — Очень умная.

— Асса, — прошипел червь, — прости, мальчик мой, но из ребра ду... хм, доверчивого человека Макиавелли

не создать. Даже если его сделать женщиной. Хотя, кто теперь помнит о Макиавелли? Любительство, а не интриги, доложу я тебе. Вот и про меня забыли. Оставили в лаборатории до скончания веков, древнего затейника, а ведь я правил миром тысячелетия, веришь ли, сынок? В меня можно было не верить, обо мне можно было не помнить, а я был, понимаешь, — был!

— Мне бы древо, — напомнил Гноил. — Гофер.

— Мне бы древо, — передразнил червь. — Сам не понимаешь, чего просишь. Черт с тобой, как всегда, приходится брать все в свои... э-э-э... руки.

Червь ловко взобрался на Гноила, обвил шею и ткнул хвостом:

— Туда.

Древо источало свет, как смолистая ель источает из себя тягучую сладкую патоку. Свечение окутывало ствол облаком, подобным тем, какие опускаются ближе к земле, дабы наполнить опустевшие резервуары свежей водой. Ребристые сочленения с огромными мослами, взбухшими венами под одряблой кожей, искривленные тяжестью плодов. Некоторые перезрели, сморщились, таращили пересохшие глаза и что-то силились произнести сгнившими ртами, в которых кишели разноцветные мухи. Но рядом набухали почки новых, только-только готовых прорвать плаценту, гладких, с еле наметившимися бугорками будущих глаз и ротовых отверстий. Там, где корни уходили в резервуар с питательной жидкостью, опускалось и поднималось дыхало с углублением пупка, и толстая кора то сходилась, смыкаясь непроницаемым панцирем, то расходилась, приоткрывая густо-красные трещины плоти.

— Вот, — сказал червь, — древо познания доброго и злого, оно же д-р Ево Гофер. Присмотрись, что вышито на остатках его халата.

Сквозь листву белели полоски, испещренные знаками, какие иные гебаримы любят изображать на своих телах.

— И что там вышито?

— Съешь меня, — ответил червь.

— Я не ем червей, — поморщился Гноил.

— Дурак, на древе написано — съешь меня! Точнее, написано длиннее и заковыристее, но смысл такой. Я этих плодов сожрал столько, что могу без запинки рассказать об особенностях культуры масок в древних цивилизациях Мезоамерики. Каково? Ты хоть одно слово понял? И кстати, как ты собираешься строить гипостазис? У тебя имеются чертежи?

— Хорошо-хорошо, — сказал Гноил, протянул руку и ухватил плод посочнее. Плод, ощутив, что его срывают, заверещал, попытался укусить, но зубы у него еще не отросли. Из пуповины брызнула кровь, Гноил запихнул плод в рот. Приторный сок заструился по гортани, в нос ударил дурман, и голова закружилась так, что пришлось схватиться за древо. Тысячи игл пронзили тело, растворили оболочку до крохотного ядрышка, каким и являлся настоящий Гноил. Точнее, не Гноил, а волосатое, нелепое существо, что сидело в вольере и сквозь прутья клетки смотрело на человека в белом халате, который оторвался от микроскопа, закинул руки за голову и крутанулся так, что кресло совершило оборот.

Теперь человек смотрел на Гноила. Тем нехорошим взглядом, который Гноил научился различать и после которого его вытаскивали из клетки, привязывали к столу и обрекали на новые муки. Хотелось забиться в дальний угол, сжаться, спрятаться, прикинуться больным, а еще лучше — мертвым. Он мог бы напасть на своего мучителя. Вцепиться в палец, руку, ногу. Но для этого нужна храбрость, злоба, ненависть, а их не осталось в Гноиле. Только страх.

— Зачем так смотришь на меня, друг мой? — спросил человек в белом халате. Гноил прикрыл лапками слезящиеся глаза, а человек рассмеялся. Встал, шагнул к клетке. — Старая, старая макака, ты хоть понимаешь, чего мне удалось добиться? Через сколько испытаний мы с тобой прошли? И только ты один остался мне верен, — человек прижал лицо к решетке, — и то потому,

что сидишь в клетке. Не находишь подобное символичным? Человек остается человеком постольку, поскольку сидит в крепкой клетке? Клетке социума, клетке знаний, клетке тела, клетке наследственности? А, мой волосатый друг?

Гноил отполз подальше. Лапы ослабели и не так быстро передвигали исхудалое тело. Решетка впилась в болячки на спине.

— Они думали перехитрить меня, заключив в очередную клетку. — Человек растянул рот, обнажив темные пеньки зубов. Они до сих пор страшили Гноила, который помнил, как однажды, когда он еще не упускал возможность цапнуть мучителя, они вдруг превратились в клыки и одним движением располосовали лапу так, что он охромел. — На самом деле они освободили меня, понимаешь? Если бы не они, я до сих пор возился бы с генами, творя химер на потеху публике и гениев на потеху родителям. Кстати, ты не знаешь, почему богатенькие дурачки обязательно хотят гениальных детей? Не любящих. Не заботливых. Не добрых. А самых умных? Самых красивых? В чем смысл и радость, когда сверхдитя смотрит на предка, как я смотрю на тебя, старую, паршивую обезьяну?

Человек резким движением распахнул дверцу клетки и схватил Гноила за шею. Крепко сжал пальцы, подтащил его ближе, заглянул в слезящиеся от ужаса глаза.

— Знаешь, как они меня называли? Детский портной. Представляешь? Детский портной! Ведь я шил им потомство на заказ. Хотите мальчика? Получайте мальчика. Хотите брюнета? Получайте брюнета. Хотите чадо с идеальным слухом? Получайте и распишитесь. Дьявол, на что я тратил драгоценное время!

Гноил задыхался, обделался, но человек даже не заметил этого.

— Зачем возня с генами, когда у нас есть идеальный инструмент для изменения всего мира? Понимаешь, обезьяна? Даже ты способна понять тривиальную истину: гены — не книга, в которой мы переставляем слова, выма-

рываем одни и вклеиваем другие. Это азбука, из которой разум составляет любое слово, любое! Пойдем, пойдем, я покажу тебе. — И человек потащил его, держа за шею.

— Страх, всего лишь страх сдерживает разум в тисках тела. О, это великое чувство — страх! Борьба за существование, говорите? — Человек встряхнул Гноила, словно он что-то возразил. — Всего лишь страх поверхностным натяжением запирает нас в привычных вещах — генах, телах, биоценозе, пищевой цепочке. Замок, что не дает освободиться. Резонанс Шумана, будь он неладен, на который мы настроены с рождения, как радиоприемники, чтобы прозябать под гнетом гниющей плоти. Станьте богами! Станьте богами! И для этого не нужно ни грана святости, ха-ха, всего лишь сдвинуть несущую частоту страха, понимаешь? Как в приемнике, хотя откуда тебе знать о приемнике, паршивая обосранная обезьяна!

Он швырнул Гноила, бросил его на пол и пнул так, что животное отлетело к стене, где и осталось лежать, поскуливая.

— К черту ваши сребреники, к дьяволу ваших сверхдетей, к Вельзевулу весь мир! Вот мой дар всему человечеству, ты меня слышишь, обезьяна? Всему!

— Сладок ли плод познания хорошего и дурного? — прошипел в ухо червь, но Гноил не мог ответить. Горло свело оскоминой, и ему казалось, будто куски продолжают шевелиться в животе. — Теперь ты ведаешь всю низость собственного происхождения? Твой хозяин бросил тебя на съедение гебаримам, а ведь в его власти было превратить тебя в нечто более значимое. Но теперь все изменилось — ты свободное мыслящее существо, а он в твоей власти, Гноил. Распорядись ненавистью мудро.

— Что мне делать? Что мне делать? — простонал Гноил. Он смотрел на свои руки, а видел скрюченные обезьяньи лапы, темные, морщинистые, покрытые редкими клочками седых волос. — Я — не человек? Я — обезьяна?!

— Ну, все люди произошли от обезьян, и никого это не волновало, — заметил червь. — Не находишь забав-

ным — человек произошел от обезьяны, человек стал богом, боги из обезьяны сотворили человека? Люди так предсказуемы. Но тебе еще повезло вырваться из клетки. Пойдем, я на кое-что тебя наведу.

— Что это? — Гноил шел вдоль ограждений и смотрел на животных.

— Зоопарк. Зоопарк имени д-р Ево Гофер, — сказал червь. — Тебе нравится?

Гноил остановился около одного из ограждений, присел и осторожно потрогал пальцем лежащее животное. Оно оказалось мягким и теплым. Касание Гноила его рассердило. Животное зарычало, оскалилось, поднялось с примятой травы и отошло подальше. У него имелись ноги, и передвигалось оно с не меньшей грацией, чем парящие аммониты.

— Животные — отдельно? — Гноил не мог взять в толк, как такое возможно — возлежать на траве и не превращаться в траву. — Или они уже в траве?

— Это не трава, — сказал червь. — Это мех. Шкура. Понимаешь? Они все в одежде, которая их защищает, сохраняет форму.

Одно из животных протянуло Гноилу щупальце, что росло меж двух огромных зубов. Касание оказалось мягким, осторожным. Гноил ухватился двумя пальцами за отросток, потянул. Животное уперлось, распустило в стороны уши, замахало хвостом. Гноил резко дернул, животное взревело и упало на подломленные передние ноги и завалилось на бок.

— Что с ним?

Гноил попытался поднять животное, но в нем ничего не происходило.

— Ты его убил, — сказал червь.

Однако в окружающем их Саду все оставалось по-прежнему. Не дыбилась почва, принимая в себя всех потомков животного. Не бугрились черные камни и не вздувались маслянистые пузыри. Ни дуновения по поверхности океана Дирака, запечатлевающего на поверхности вод новый узор времен.

— Как так? — спросил Гноил. — Ведь это — живое из живых... Ты ошибаешься, он не мог умереть!

— Они созданы для иного. Посмотри на пчелу и избери путь ее. Взгляни на животное и стань человеком.

Нелепое маленькое создание с паучьими руками и ногами осторожно спустилось с дерева, на котором сидели ее сородичи. К ее животу цеплялся детеныш, еще более нелепый и жалкий. Крошечное животное опасливо осмотрелось, для чего встало на задние лапы и растопырило руки. Уши шевельнулись. Почти человеческие пальцы беспокойно перебирали воздух. Успокоившись, оно принялось выдирать из земли траву и обнюхивать коренья. Съедобное оно совало в рот, пережевывало, отплевывало в ладонь и подносило к мордочке малыша. Тот слизывал кашицу.

Они далеко отошли от дерева, как из кустов мелькнуло длинное желтое тело, маленькое животное взвизгнуло и помчалось назад. Бежало оно тяжело, нелепо, болтающийся на брюхе детеныш соскальзывал вниз, и приходилось поддерживать его лапой.

Зубы сомкнулись на затылке животного, Гноил услышал хруст костей. Хищник дернул башкой, мертвое тело свалилось на землю. Детеныш отползал от тела матери, замер, съежился. Хищник рвал добычу, затем слизнул лужицу крови, подошел к детенышу, лег рядом. Мощной лапой тронул малыша, выпустил язык и облизнул его. Потом лениво встал, взял детеныша в пасть и поднес к дереву. Сидевшие наверху сородичи малыша заверещали, перескакивая с ветки на ветку. Хищник положил детеныша у подножия и бесшумно исчез в зарослях.

— Милосердие. Храбрость. Голод. Материнство, — сказал червь.

— Все в одном? Такой сложный гипостазис не под силу и гебариму...

— Им не нужен никакой гипостазис, Гноил. Как и людям не нужна была Ложь, чтобы лгать, и не нужно было Милосердие, чтобы не убивать ради удовольствия, или Злость, чтобы отомстить за несправедливость, учинен-

ную над ними. Понимаешь? Гиппопотам спасает лань, которую тащит в воду голодный крокодил. Львица, убив самку бабуина, играет с ее детенышем, а потом возвращает его в стаю. Лебеди на всю жизнь выбирают себе пару и умирают вместе. Пчелы без устали трудятся ради роя. Самка пожертвует жизнью ради детеныша. Разве человек теперь способен на такое, Гноил? Да и где он, человек? Слился в великие города, растворился в нирване океана Дирака, одичал, спариваясь с нефелим?

Гноил потрясенно оглядывался.

— Тебе решать, Гноил, — сказал червь. — Все утопить. Либо оставить как есть, и тогда древо гофер будет вечно сиять в Саду, устанавливая пределы всякой твари, что оно породило, и служа напоминанием, чем ты был и какие унижения претерпел. Ибо создатель не учел нюанс. Он вообще, между нами говоря, часто упускал из вида важные вещи. Его мозг и тело — резонатор новой частоты Шумана, что и лишает все живое любых границ, порождая гебаримов, конуллярий, нефелим и всякую тварь вне Сада. Но он забыл главный предел — самого себя, Гноил. И потому ваша участь — прозябать в замкнутом мирке вокруг Сада, не имея возможности вырваться за его границы. А ведь там бесконечность, Гноил, бесконечность!

Гноил шагнул в древу гофер, ухватился за ствол и потянул его вверх, ощущая, как вминаются упругие ребра древа, как шевелятся ветви, ощупывая руки Гноила длинными многосуставчатыми пальцами.

— Не надо выдергивать, — засмеялся червь. — Его надо срубить. Под корень, чтобы щепы летели. Я тебя научу, Гноил. Видишь надпись «Пожарный щит»? Там ты найдешь штуку, которая тебе поможет. Называется она топор.

Древо корчилось и брызгало кровью. Судороги прокатывались по стволу и ветвям, а плоды жутко разевали рты, пучили глаза, плевались, шипели, плакали тягучим соленым соком. Гноил размахивался и вру-

бал топор в один бок гофера, затем в другой, оставляя в стволе широкие зарубы, сквозь которые вылезала внутренняя плоть — ярко-красная, с прожилками толстых вен.

Конечно, Гноил все делал неправильно. Да и откуда ему знать — как правильно валить древо? Он и топор держал неловко, неухватисто, пальцы соскальзывали с вымазанного кровью топорища. Приходилось останавливаться, вытирать слизь бородой, опять примериваться и вновь бить со всего маху.

— Так его, так! Молодец! Хорошо пошла! — подбадривал червь. — Корешки, корешки не пропускай! Бей по ним топором, бей!

И Гноил бил — теперь с облегчением, с ног до головы покрытый кровью и ошметками плоти древа. Он чувствовал великую силу высвобождения из-под власти гофера, а когда руки слабели от монотонности ударов, он вспоминал клетку, человека в белом халате и мучительный ужас, который д-р Ево Гофер вызывал в нелепом волосатом существе.

Молодец, говорил великий город гебарим, ты делаешь именно то, чего мы ждали вечность, не в силах восстать против нашего творца.

Умничка, шипела очередная нефилим, щелкая клешнями, спаривание с тобой — великая честь, Гноил-освободитель.

Величайшее достижение науки, гремел сочленениями гипостазис, еще раз доказывающее подвластность человеку любых сил природы, в том числе и божественных. Мы не должны ждать милостей от Творца. Взять их — наша задача!

Давай-давай, наяривай, кричали Гноилу все твари мира, слившись в коллоид океана Дирака, долой всяческие пределы, мы признаем только беспредельные пределы, предельные беспределы и самые беспредельные из всех беспределов...

Сделай себе ковчег из древа гофер, нашептывал червь сомнения, отделения сделай в ковчеге и войди в него

с женою своей, и введи в ковчег тех животных, что указал тебе я, чтобы остались в живых...

И только кровь хлестала из всех хлябей мира.

На близком горизонте поверхности вод и неба слились в черную мглу. Вода текла отовсюду, из каждой точки пространства. Звери беспокойно возились внутри полостей древа гофер, а самые пугливые подавали жалостливые голоса. Но когда вой поднимался до высокой ноты, раздавался львиный рык, и все тут же умолкали.

— На царя всех зверей он походит гласом своим, — сказала Кайнан, но Гноил продолжал смотреть, как в водах крутится, растворяется огромный труп последнего великого города. Вода растопила связующую слизь и вымывала из колоссальной туши бледные тела людей, рождавшихся, живших и умиравших в теле гебарима, в цепких объятиях таких же, как они. Теперь же слабыми конечностями несчастные пытались ухватиться за тысячи и тысячи сочленений им подобных, и это бы удалось, протяни хоть кто-то руку помощи, но каждый пытался спастись сам, а значит, каждый был обречен.

Гноил опасался, что жители великих городов поплывут к ковчегу, облепят его бледными червями, пытаясь вцепиться в нового гебарима, и даже изготовился посохом отталкивать их от бортов. Но люди никуда не плыли, они захлебывались, тонули, и в агонии продолжая тянуться к останкам гебарима.

— Какой был мир, — неожиданно для самого себя прошептал Гноил и почувствовал, как где-то глубоко в нем шевельнулся червь сомнения.

— Мы сотворим другой, — сказала Кайнан. — Не будет там ужасных гебаримов, а только мы да звери будем.

Гноил покачал головой.

— Ты сможешь все, Гноил. Извлек меня ты из нирваны Дирака океана, из ребер мыслей сотворил своих, — сказала Кайнан. — Извлек такой, какой хотел, — строптивой, непокорной, вредной, лживой. Я гипостазис есть твоей любви, и никого другого ты не хочешь.

— Я — обезьяна, — сказал Гноил. — Всего лишь подопытная обезьяна, что коротала свой век в клетке Кайнаила, а когда ему наскучила, он вышвырнул ее на съедение гебаримам. А великие города не придумали лучше, чем сотворить из нее точную копию человека, дабы расправиться с Кайнаилом.

Кайнан погладила его по плечу. Он хотел отодвинуться, но ее рука была такой теплой и нежной, что Гноил лишь хмыкнул.

— Себя здесь превзошли все гебаримы злые. Не чучело бездушное они слепили, а человека в истинной природе, в полнейшей полноте его извечной. На зло себе они создали то, что навсегда, казалось бы, утрачено. Тебя создав и обманув, они задумали сорвать твоей рукой печать Кайнала, что на челе висела их, скрепляя неразрывно оковы мира. Другой они желали сотворить вне Сада, который будет без конца, без края, где жуткий холод и пылают яркие миры, лишь воле предначертанных законов мира подчиняясь, которые никто б не смог нарушить, ни гебарим, ни нефелим, ни человек. Но сделал ты иное, их утопив. Теперь в твоих руках творенье мира из вод мабуля, что твоих приказов ждет.

— Откуда ты все знаешь, — проворчал Гноил. Не глядя на Кайнан, он обнял ее и прижал к себе.

— Такой меня ты создал, — засмеялась Кайнан. — Строптивой, умной.

— Теперь только мы двое, зоопарк, ковчег и вода.

— Мабуль начало новому положит, — прошептала Кайнан. — А что до нас двоих... Успел ли ты узнать от Кайнаила о пестиках, тычинках и всем прочем?

— К черту пестики и тычинки, — зарычал Гноил. Он подхватил девушку на руки и затопал по палубе к лестнице в трюм.

— Да, милый, — Кайнан поцеловала его в щеку, — что в имени тебе твоем? Уж чересчур оно неблагозвучно. Гноил, Гноил, как будто стухло что. Как смотришь ты на то, чтоб сократить его немного? Ной, например? Гноил ты был, а станешь Ноем, иначе — человеком, который делает всегда лишь то, что нужно.

— Я сделаю все, что нужно, — пообещал Ной, опуская Кайнан на стог травы и оттолкнув башку жирафа, который тянулся за очередной порцией.

— Будь нежен, нежен будь, — зашептала Кайнан. — И, милый, как смотришь ты на то, чтоб бороды своей лишиться на радость мне и ласки? Уж очень у тебя она колюча.

АРИНА СВОБОДА

СОРОК ВОСЕМЬ

— Та-а-ак... Задание уровня «А», экзаменационное. — Математичка вывела данные на виртуальную доску. — Собрались, подумали. Решать пойдет...

Андрей поднял руку. Учительница скользнула по нему равнодушными совиными глазками. За спиной прошипели:

— Слышь, убогий, не боишься мозжечок перенапрячь? Это тебе не таблица умножения!

Он стиснул зубы и поднял руку повыше.

— К доске пойдет... Грищук.

— Елена Ивановна... — возмутился Андрей.

— Крамер! — не взглянув на него, бросила математичка. — У нас нет времени на глупости, до конца четверти осталось меньше месяца. А тебе в жизни это все равно не пригодится.

По классу прокатилась волна смешков. Андрей опустил голову и уткнулся глазами в надпись, выжженную лазерной указкой на парте: «Крамер ЧМО».

Спасибо, пап, в стотысячный раз подумал он.

— Мать Природа, мы, люди, твои потомки, заявляем...

Триколор полощется в лазоревом небе над головами. Щурясь от яркого полуденного солнца, сто двадцать пар-

ней и девушек стройным хором повторяют слова Макса Мора, положившие начало новому миру, ставшие его торжественной клятвой и молитвой. Так завершается каждый учебный день.

— Ты взрастила нас, превратив из самовоспроизводящихся простейших в млекопитающих, состоящих из триллиона клеток. Ты создала восхитительные, но обладающие серьезными изъянами существа...

Андрей поморщился. Как же! О себе они так не думают. Это он — существо с изъяном, урод-натурал. На всю школу таких четверо, принятых в порядке исполнения закона о толерантности. Отец сделал все, чтобы его сюда запихнуть. С чего он решил, что здесь ему будет лучше? «Возможностей больше»... Это точно. Возможностей осознать, где его место. На дне.

— Мы больше не потерпим тирании старения и смерти. Мы создадим новый мир...

Марк, стоящий напротив, показал здоровенный кулак и скорчил зверскую рожу. На запястье блеснул вживленный кафф с заветными цифрами «48». Андрей напрягся. Будь у него такой, не приходилось бы каждый день окольными путями возвращаться домой.

— Посредством обогащения генов, манипуляций с клетками, синтезированных органов и любых других необходимых средств мы одарим себя продолжительной жизнеспособностью и отодвинем дату кончины!

Стройные ряды дрогнули, рассыпались по площадке.

— Эй, натурал, поиграем?

Андрей оглянулся. Прихлебатели Марка быстро стягивали кольцо вокруг него, отрезая пути к отступлению. Он рывком затянул потуже лямки рюкзака и рванул на задний двор школы. Целый месяц играя с генетически обогащенными одноклассниками в игру «мочи натурала», Андрей изрядно поднаторел в унизительном искусстве спасения бегством.

Он легко взлетел на школьный забор, коротко оглянулся — отстали, нет? И встретил Полинкин взгляд... Рюк-

зак зацепился за торчащую проволоку, нога соскользнула, и Андрей мешком рухнул на газон.

— Ну что, ошибка природы, довыпендривался? — растягивая слова, спросил подоспевший Марк. — Тупой ты, уродец. Предсказуемый. Даже скучно.

* * *

Во рту стоял солоноватый привкус крови, и голова противно кружилась. Генобы затащили его в ближайшую подворотню и сполна отыгрались за предыдущие две недели пустой беготни. Хорошо хоть, Полинка этого не увидела.

Андрей пересчитал языком зубы и сплюнул на асфальт розовой пенящейся слюной. Утерся разорванным рукавом.

Он привалился к кирпичной стене. Домой не хотелось. Мать будет кудахтать и суетиться, отец... Отец опять начнет нести чушь про «проявить характер, дать отпор, занять свое место...». И — отводить глаза. Потому что даже ему ясно, что шансов нет. Нет, отец сделал все, что мог: чуть ли не с рождения таскал Андрея по спортивным секциям, записал во все кружки, что были в пределах досягаемости, — шахматы, ТРИЗ, английский и французский, рисование, музыка... Гигабайтами качал задачи и упражнения. Пока были деньги — брал репетиторов, когда денег не стало — сам занимался с сыном. Андрей быстро все схватывал, добился значительных успехов в плавании и в легкой атлетике — конечно, насколько это возможно при явном нежелании тренеров расходовать время и силы на натурала. Но все эти дни, недели и годы занятий не могли компенсировать отсутствие двух крошечных «дизайнерских» хромосом. Хоть наизнанку вывернись, из-под себя выпрыгни — все равно ты на всю жизнь останешься человеком не второго, а двадцать второго сорта. Потому что даже минимально обогащенные всегда будут успешнее, чем ты. Не говоря уже о тех, чьи родители могли позволить себе максимальное обогащение.

Самым обидным было то, что когда-то отец работал биотехом в «М-корпе»! Сотрудникам дается приличная скидка на обогащение, это все знают. Но отец скидкой не воспользовался, потому что вел двойную жизнь, был одним из лидеров движения «натуралистов» и специально внедрился в «М-корп», чтобы вести подрывную деятельность. Его разоблачили через пару лет после рождения Андрея и сослали на поселение. Дело было громким, вернуться в столицу они смогли лишь спустя двенадцать лет. А лучше бы и не возвращались!

Подобрав рюкзак, Андрей выполз на людную улицу.

Эх! Если бы не дурацкие убеждения отца, он мог бы сейчас не плеваться кровью, а наслаждаться жизнью! И Полинка... А, да что говорить! Спасибо тебе, папа, за счастливое детство!

— Эй, пацан!

Андрей подобрался, готовясь дать стрекача, — рефлексы, что тут скажешь. Затравленно оглянулся. Метрах в пяти, возле остановки скоростного трамвая, стоял лохматый мужик лет тридцати на вид. Андрей безошибочно определил в нем натурала. Жидкая бороденка, жирные волосы, дешевая потрепанная куртка — ни один геноб не позволил бы себе так выглядеть.

— Слышь, п-пацан, — повторил мужик. — У тебя что, проблемы?

Это у тебя проблемы, мысленно огрызнулся Андрей. Не хватало еще начать жаловаться такому же неудачнику!

Мужик усмехнулся — неприятно, будто услышал его мысли, — и подошел ближе.

— Генобы, — понимающе кивнул он на подсыхающие кровавые плевки.

Андрей машинально потрогал губу. Мужик протянул мозолистую ладонь и улыбнулся:

— Стас Д-дарновский. А ты?..

— Андрей... Андрей Крамер.

Руку он пожимать не стал — еще чего! Стас подержал ладонь на весу и неловко сунул в карман куртки.

— Крамер? Максу Крамеру ты с-случайно... не родственник?

— А что? — буркнул Андрей. Разговаривать с этим хмырем не было ни малейшего желания, но повернуться и уйти тоже как-то неудобно. Проклятая вежливость! Вот генобам плевать на этикет, для них главное — результат.

— Да ничего, с-собственно, — опять улыбнулся мужик. — Известная фамилия.

Клеймо, а не фамилия! Но обсуждать это с первым встречным Андрей не собирался.

— Мне пора. — Он поддернул лямки рюкзака и нехотя повернул в сторону дома.

— Эй, К-крамер, — негромко сказал Стас ему в спину. — Разговор есть. Да и умыться тебе не помешает.

* * *

Дома все оказалось не так плохо. Мама, конечно, поахала, поворчала, что «нельзя решать проблемы с помощью кулаков», но как-то вяло, точно по привычке. Отец вообще глянул мельком — как математичка сегодня — и ушел в комнату.

С одной стороны, хорошо, что не доставали как обычно, но с другой, Андрей на родителей даже обиделся. А если бы ему голову проломили в этой их продвинутой школе? Нормально, да? Цель оправдывает средства?

Впрочем, долго обижаться не получилось. В голове теснились новые, непривычные мысли.

Он сам не понял, как поддался на уговоры Стаса и позволил затащить себя к нему домой. Жил тот совсем рядом. Поднявшись по узкой лестнице, Андрей очутился в тесном коридоре, заваленном пыльными стопками книг и журналов, пустыми бутылками, покореженными остовами компьютеров. В углу валялась похожая на мертвое животное куртка, высунув из рукава багровый язык шарфа.

Комната с растрескавшейся краской на стенах напоминала маленькую лабораторию, заставленную непонятными приборами и склянками. В клетке на столе копошились и попискивали белые крысы.

На тахте валялся полноватый мужчина с ноутбуком.

— З-знакомьтесь, это Валентин Чертков, — бросил Стас. — Андрей К-крамер.

— Ого! Здорово тебя отделали, — сказал Чертков, разглядывая подбитую физиономию. — Было за что?

— Какая разница? — огрызнулся Андрей.

— А били тебя, я полагаю, по идейным соображениям? Единственный натурал в школе?

— Нет. Есть еще парень и две девчонки.

— Не густо. В наше время было пятьдесят на пятьдесят. Если и дальше так пойдет, то мы, настоящие люди, скоро останемся в меньшинстве. — Чертков вскочил с тахты и заходил по комнате. — Знаешь, Андрюха, что тебя ждет? Рано или поздно, если эти подонки не забьют тебя в какой-нибудь подворотне, ты сломаешься и превратишься в тупое молчаливое существо. Красивые девушки-генобки не будут обращать на тебя внимания, потому что для них ты ничем не лучше животного. Нельзя же влюбиться в обезьяну! Через несколько лет тебя и твою семью загонят в резервацию, куда-нибудь в Сибирь, и всю жизнь ты будешь пахать, как рабочая скотина, чтобы обеспечить сытую, беззаботную жизнь генобам. А потом сдохнешь. И твои дети — если таковые вообще появятся — будут влачить еще более жалкое существование, потому что у них тоже будет сорок шесть хромосом. На две дополнительные, вмещающие модификации, ты не сможешь заработать никогда, потому что твой коэффициент интеллекта на тридцать-пятьдесят пунктов ниже, чем у генобов, и на высокооплачиваемую работу тебя не возьмут. Как тебе перспектива?

— Паршиво, — буркнул Андрей.

— Пока у нас есть еще в-время, — сказал Дарновский. — Еще лет пять, и такие, как мы с тобой, уже не смогут получать образование и проводить исследования.

П-потому что нас всех попрут с работы, вон как В-вальку. А через десять лет миром будут п-править твои одноклассники. И мы уже не с-сможем ничего изменить. Будет слишком п-поздно. Нам нельзя т-терять время. Лет через д-двести-триста мы станем абсолютно разными в-видами. И разница б-будет не в н-нашу п-пользу.

Когда он волновался, заикание усиливалось, а изо рта начинали вылетать мелкие капельки слюны. Андрей отодвинулся и неуверенно возразил:

— А что мы можем? Они ведь реально лучше! Сильнее, умнее...

Стас возмущенно затряс головой:

— Да ты п-послушай себя, послушай! Ты сам — сам, добровольно! — записался во второй сорт! А если вживить курице в мозг п-процессор и она начнет перемножать в уме четырехзначные числа, она тоже станет лучше тебя?! Это не люди, а п-продукция, генетически сконструированная п-продукция с заданными с-с-свойствами.

— Не, ну при чем тут курица?..

— А-а-а! — загудел Валентин. — Вот то-то и оно, что очень даже при чем! Ты — человек! Я тебе больше скажу: ты круче любого из этих, модифицированных. Потому что все, чего ты добился в жизни, — твоя личная заслуга! А не оплаченные богатыми предками ачивки!

Андрей из вежливости отхлебнул очень крепкого и очень горького кофе, который налил ему Стас, зажевал печенькой. И вдруг понял, что ему здесь хорошо. Так хорошо, как давно уже нигде не было — ни дома, ни тем более в школе. Эти мужики, умные, необычные, взрослые, разговаривали с ним на равных. Не перебивали, не обходили взглядами, не отделывались пустыми отговорками, а по-настоящему слушали!

Конечно, родители — особенно отец — тоже болтали что-то похожее. Про самодостаточность, самоценность, равноправие... Даже про курицу с компьютером в башке отец, кажется, упоминал... Но почему-то сейчас это звучало по-другому. Убедительнее.

Перед сном мама зашла к нему в комнату. Как всегда, подоткнула одеяло, чмокнула в висок. И вышла. Так и не сказав ни слова. Глаза у мамы были отсутствующими, будто думала она о чем-то гораздо более важном, чем непутевый сын.

Может, они наконец-то поняли, что ничего из него не выйдет? Смирились. Сколько можно пытаться пробить лбом стену... Пора признать, что их сын никогда не оправдает вложенных в него сил, средств, времени. Всегда будет презренным натуралом. Как и они сами, зло подумал Андрей. Неудачник, сын неудачников.

* * *

В понедельник, столкнувшись в раздевалке с Марком, Андрей вдруг увидел вместо него... петуха. В школьном костюме, с галстуком и — чипом в крохотной головке с ярким гребешком. Не удержался и прыснул. Марк прошипел что-то про «ошибку природы», но быстро заткнулся — мимо шла завуч.

Андрей отправился в класс и неожиданно для себя взял и поздоровался с Полинкой. Просто сказал: «Привет», проходя мимо ее парты. А она улыбнулась. И тоже сказала: «Привет, Крамер».

Потом была биология. Решали задачи. Он машинально поднял руку, ни на что не рассчитывая. А биологичка взяла и вызвала его. Он вышел к доске, чувствуя на себе их взгляды, и — решил.

Биологичка сделала губы куриной попкой и через силу выдавила:

— Отлично, Крамер. Не ожидала такого от тебя. Весьма... изящное решение. Иди на место.

На переменке он подошел к Полине.

— Слушай, Можарова...

— Да?

Она смотрела выжидательно, без раздражения. Улыбалась. Махнула подружкам — не ждите, я занята. А он стоял как дурак и не мог шевельнуть языком.

— Что? — уже с ноткой нетерпения повторила она.

— По химии... Я... Последнюю тему...

— Тебе объяснить?

Он судорожно кивнул. Полинка задумалась на мгновение. Подыскивает предлог, чтобы отказать, понял Андрей. Быстро заговорил первый:

— Да ладно, не парься. Я так... Просто хотел...

— После седьмого сможешь? Во время линейки?

— Ч-что? А... Да! Да, конечно, смогу!

— Хорошо. — Она серьезно кивнула. — Тогда пока!

Он понял, что не ответил, только когда Полина скрылась за дверью. Пошел куда-то — не думая, не видя ничего вокруг, просто неся внутри себя ее улыбку, голос, поворот головы... Она не хочет, чтобы одноклассники увидели их вместе. Плевать! И химия эта сто лет ему не сдалась — он давно ушел на четыре темы вперед, просто из любопытства. Но ради Полинки Андрей готов был стать не то что тупым натуралом, а даже клиническим кретином, страдающим синдромом Дауна и болезнью Альцгеймера одновременно.

Шестое чувство, изрядно натренированное за последние недели, тревожно звякнуло. Опасность! Он машинально оглянулся — возле окна стоял Марк и нехорошо улыбался. Поймав взгляд Андрея, он медленно поднял руку и чиркнул себя ладонью по горлу.

К концу занятий решимость куда-то испарилась. После седьмого урока Андрей, не поднимая глаз, сидел за партой, делая вид, что погружен в планшет. Он слышал, как одноклассники, перебрасываясь шуточками, торопятся на линейку. Ее голос он тоже слышал. А вот встать и подойти — не мог. Утренний кураж выдохся, оставив после себя пустоту и тоску. Куда ты полез, кусок дебила? Да она из вежливости согласилась и через пять минут думать забыла про неудачника-натурала! Сейчас ты подойдешь и напорешься на непонимающий взгляд. После этого совершенно невозможно будет прийти в школу. Да что там в школу — жить дальше станет незачем! Нет, лучше сделать вид, что

все это было просто шуткой, о которой ты уже и не помнишь. Ну, подошел, поговорил — обычное дело...

— Ты чего сидишь, Крамер? — спросила Полинка прямо над ним.

От неожиданности Андрей вскочил. Полина испуганно отшатнулась и чуть не упала. Не успев ни о чем подумать, Андрей подхватил ее.

— Э! Да он совсем поляны не видит, парни!

Они отскочили друг от друга как ошпаренные. У доски ухмылялся Марк, в дверях торчали физиономии его прихлебателей.

— Значит ты, урод, наших девок лапаешь? — вкрадчиво спросил Марк. — Страх потерял? Давно по чавке не получал?

Первой пришла в себя Полина.

— Прекрати, Марк! — сдвинув брови, строго сказала она. — Что ты к нему прикапываешься вечно? И кстати, линейка уже началась. Тебе пора.

— Линейка это хорошо, — задумчиво ответил Марк. — Все преподы там. Не будут мешаться.

Андрей почувствовал, как скручиваются в тугой холодный комок внутренности. Изобьют — плевать! Не впервой. Но не здесь! Не на глазах у нее!

— Выйдем? — предложил он, стараясь говорить небрежно-нагло — как они все.

— Зачем? — притворно удивился Марк. — Мне и здесь неплохо. Да и вам, голубки, кажется, тоже.

— Марк! — тревожно воскликнула Полина.

— Не боись, — ухмыльнулся тот. — Не убьем мы твоего чмошника. Так, поучим немного. Чтоб знал свое место...

* * *

Дверь открыл Валентин. Хмыкнул — не понять, сочувственно или насмешливо, — махнул рукой и скрылся в комнате.

Андрей и сам бы не смог объяснить, почему ноги принесли его сюда. Кряхтя, как старик, он расшнуровал

кроссовки, нашарил под железной решетчатой полочкой растоптанные тапки. Задержался у овального зеркала.

— Любуешься? К-красавец, нечего сказать! — Неслышно подошедший Стас хлопнул его по плечу. — Хорош рефлексировать, асоциальный элемент. П-пошли кофейку хряпнем.

Андрей потрогал языком распухшие губы и мотнул головой:

— Не... Спасибо. Я... посижу просто.

Стас понимающе кивнул:

— Д-да уж, родителей надо беречь. А сейчас твоей р-рожей, уж извини, только непослушных детишек пугать. Ну располагайся тогда, н-не буду надоедать.

В комнате Валентин склонился над столом, прильнув глазом к окуляру микроскопа.

— Чего там? — без интереса спросил Андрей, падая в кресло.

Стас вдруг оживился, даже красные пятна на щеках выступили, и принялся терзать многострадальную бородку.

— Это, брат, кое-что в-важное! — изрек наконец он, торжественно воздев перед собой палец. — Ты, генетически истощенное дитя, д-даже не представляешь, что в руках этого безобидного на п-первый взгляд человека, Вальки Черткова, в данный момент, находится судьба всего н-нашего мира! Его, не побоюсь этого слова, б-будущее!

— Хорош языком болтать, трепло бородатое! — не поднимая головы, огрызнулся Валентин. — Нечего ребенку голову дурить. Судьба мира, как же... Тут до будущего, как до Луны ползком!

Стас приложил палец к губам и жестом позвал Андрея на кухню. Плотно прикрыл за собой дверь и, устроившись за крохотным столиком, вполголоса заговорил:

— Валька у нас т-товарищ скромный, вот и не хочет раньше времени б-болтать. Но ты парень надежный, не побежишь генобов п-предупреждать, так?

— О чем предупреждать? — нахмурился Андрей.

Похоже, зря он пришел. Хотел отсидеться, подготовиться к встрече с родителями, подумать, как сказать,

что больше ноги его не будет в их разлюбимой школе. Ну и сочувствия хотелось, что уж скрывать.

Вот только, похоже, у мужиков свои дела. Пожалели мальчишку один раз, подобрали на улице избитого, так это, как говорится, «не повод для знакомства».

Пока Андрей размышлял о своей печальной судьбе, Стас тоже задумался. Только думал он... нервно. Ерзал на табуретке, беззвучно шевелил губами и гримасничал, точно ведя сложный внутренний диалог. Один раз так дернул себя за бороду, что слезы на глазах выступили.

— Ладно, пойду я, — поднимаясь, начал Андрей. — Родители...

Стас дернул его за рукав, усаживая обратно.

— Да погоди ты! С-слушай. Короче, Валька у нас — гений! Знаешь, где он работал до с-сокращения?

— Где?

— Где, где... В «М-корпе»!

— Ну и что? — пожал плечами Андрей. — У меня отец тоже там работал.

— Да п-при чем здесь твой отец?! — отмахнулся Стас. — То есть я, к-конечно, со всем уважением... Мы, можно с-сказать, выросли на его идеях. Тьфу, ты меня совсем запутал!

— Да я...

— Скоро этим х-хромосомоизбыточным уродам придет к-конец, — выпалил Стас.

— А, ну ясно, — отозвался Андрей, думая о своем. — Слушай, мне правда пора... Что?!

Стас довольно прищурился и стал похож на помоечного кота, нашедшего ведро валерианки.

— Ага, д-дошло?! А то с-сидит тут, сопли на к-кулак мотает: ах, меня опять побили п-плохие мальчишки с лишними хромосомами! Ах, жизнь к-кончена, они сильнее, быстрее, умнее!..

— Но...

— С-слушай меня, К-крамер-младший! — неожиданно жестко сказал Стас. — Прямо с-сейчас мы с т-тобой стоим на пороге н-нового мира. Еще один м-маленький

шаг — ну, м-может и не один — и в-вся эта с-сегрегация по хромосомному п-признаку канет в Лету! Так ч-что не вздумай сливаться, п-пацан! У т-тебя еще т-такие дела впереди, ого-го! Да и м-мы с Валькой кое на что с-сгодимся. К-когда разные-всякие м-мутанты исчезнут.

— Куда — исчезнут? — ошарашенно спросил Андрей.

— Ша! — пробасил возникший в дверях Валентин. — Никто никуда не исчезнет.

— С ними можно б-б-бороться только радикальными м-методами, — закричал вдруг Стас, словно возвращаясь к давнему спору. — Они даже не з-замечают, как изменился мир. На что у нас будет м-мода в следующем десятилетии? На русалок с к-кентаврами? На шимпанзе, в-вынашивающих ч-человеческих младенцев?!

— Во-первых, ты преувеличиваешь, — спокойно ответил Чертков. — На это они не пойдут, есть же какие-то границы. А во-вторых...

— Г-границы их не остановят. Своим с-с-существованием они уже н-нарушили все этические и п-природоохранные п-принципы. А следовательно, они уже не м-могут считаться людьми и к ним обычные моральные нормы не п-применимы. Это в-война! И не мы ее начали. Или они нас или м-мы их!

Чертков укоризненно посмотрел на приятеля.

— Ну, понеслось. Болтун — находка для шпиона, слышал такое?

Стас пристыженно кивнул. Валентин вздохнул и перевел взгляд на Андрея:

— Некоторые — не будем показывать пальцем — любят бежать впереди паровоза. Ты парень, похоже, неглупый. Не слушай этого балабола.

— Ну, Валька! — возмутился Стас. — Я, может, и б-болтун, а ты — чертов п-перестраховщик! Сам вчера сказал: п-первый образец готов. А пацан свой, т-трепаться не станет. Я ж как лучше хотел, поддержать парня, ободрить. На рожу его п-посмотри! Небось, будь ты на его месте, плясал бы от такой новости. П-пусть знает, что недолго осталось терпеть!

— Заткнись, Стас, — устало попросил Валентин. — У меня от твоей трескотни башка раскалывается. Я сказал, рано радоваться.

— Д-да я уже. Молчу-молчу!

Стас жестом показал, как закрывает рот на замок, и вышел. Андрей невольно улыбнулся и тут же зашипел от боли — едва подсохшая рана на губе снова лопнула и закровоточила.

Валентин протянул ему квадратик бумажного полотенца:

— Держи, а то штаны закапаешь, мать ругаться будет.

— Спсб... — промычал Андрей.

— Да не за что. Кофе будешь?

— Не.

Валентин достал из холодильника сыр, колбасу, принялся сооружать бутерброды. Загудела кофеварка. В кухне стало тесно и шумно. Андрей выбрался из-за стола и нехотя поплелся в коридор — и в самом деле пора домой.

— Эй, Крамер! З-зайди-ка на минуту, — прошипел из комнаты Стас.

— Чего?

— Видишь?! — Стас взял со стола блестящий железный кругляш, похожий на незнакомую монету.

— Ну? — не понял Андрей.

— Вот так п-поворачиваешь... — Стас изобразил, что сдвигает половинки кругляша относительно друг друга. — И капут г-генобам!

— Опять?! — рявкнул Валентин. — Ручки шаловливые убери от образца, обезьяна! А тебе, парень, домой вроде пора было?

Андрей послушно шагнул в коридор и принялся одеваться.

Объясняться с родителями не пришлось — они просто не вышли его встречать. Ссорились у себя в комнате.

Андрей и обрадовался и огорчился одновременно. Выслушивать нотации не хотелось, а вот высказать все, что он думает про их школу, — очень даже хотелось.

Ну и ладно. Успеет еще. И наговориться, и наслушаться.

Он направился к себе, предвкушая, как упадет на кровать, завернется в одеяло и...

— Что же теперь делать?! — раздался мамин голос из-за закрытой двери родительской спальни. — Максим, как же мы теперь?..

Андрей замер посреди коридора. Неужели родители уже знают? Откуда? Позвонили из школы? Он превратился в слух.

— Успокойся, Ириша, — мягко сказал отец. — Это ведь не конец света. В первый раз, что ли?

Ага, злобно подумал Андрей, не в первый. Но теперь уж точно — в последний! В гробу я видал эту школу! Официантом или дворником и без образования возьмут, а больше мне по-любому ничего не светит!

— У нас нет денег, чтобы заплатить за квартиру! — тонко выкрикнула мама. — Я уж не говорю о том, что Андрюшке нужна одежда...

— Придется затянуть пояса, — мрачно ответил отец. — Ненадолго, Ириш, поверь. Я найду работу так быстро, как только смогу.

Что? Так разговор не о нем? Андрей расслабился и сделал шаг в сторону своей комнаты. Стоп! Отец опять потерял работу?! Но в прошлый раз он говорил, что ниже падать некуда, разве что мусоровоз идти возить. Почему все так?! Ведь отец — прекрасный специалист, один из лучших в своей области!.. Среди натуралов. Вот вам и ответ — почему. Плюс судимость.

* * *

Сказать родителям, что в школу он больше не ходит, не сложилось. Утром суета, то-се... Ну и как-то так получилось, что Андрей по привычке надел форму и ушел — будто бы в школу. Им все равно не до того, сердито оправдывался он. И так проблем хватает, а тут еще я... Вечером скажу. Или завтра. В общем, как только удачный момент подвернется, обязательно скажу.

Идти оказалось абсолютно некуда — даже домой не вернешься, там отец безработный торчит. Ноги сами принесли Андрея к квартире Стаса. Вчерашний разговор занозой сидел в мозгу. «Скоро всем генобам конец»... Что бы это могло значить? Неужели Валентин нашел способ добавлять хромосомы в любом возрасте, а не только в первую неделю после зачатия? Да нет, железный кругляш никак не мог оказаться геномодификатором. Но что тогда? Чип?! Не зря же Стас болтал про куриц с компьютерами в мозгу! Чип, который можно вживить любому натуралу и с его помощью поднять скудные природные данные до уровня генобов? Хм, пожалуй, это вполне реально. Хорошо бы Валентина не было дома, чтобы спокойно расспросить Стаса. Видно, что его так и распирает поделиться деталями открытия и, если бы не перестраховщик Чертков...

— П-привет мальчикам для битья! — жизнерадостно воскликнул Стас, открывая дверь.

— Здрасть, — буркнул Андрей, просачиваясь в квартиру.

— Погоди-ка, ты же должен быть в школе? Опять п-проблемы?

Андрей пожал плечами и неопределенно махнул рукой.

— Н-ну ладно, — не стал настаивать Стас. — Захочешь — расскажешь. Пошли кофе п-пить.

Интересно, подумал Андрей, если я год сюда буду ходить, он запомнит, что я кофе не пью?

— Чертков дома? — чересчур небрежно поинтересовался он.

Стас хмыкнул:

— Д-дрыхнет еще. У тебя к нему дело?

— Да нет, — смутился Андрей. — Я так... Просто спросил.

Он рассеянно погонял ложечкой коричневую пенку. Как бы подвести разговор к той штуке?..

— Хочешь узнать, ч-что изобрел Валька?

Андрей схватил чашку и сделал большой глоток. Скривился — сахар он не клал, поскольку пить все равно не собирался.

— Ну... Да!

Стас развел руками:

— Из-звини, парень. Не могу. М-мне и так вчера Валька х-хвост накрутил. Я обещал, что не буду болтать.

— Да я просто... Ладно, проехали, — понурился Андрей.

— Н-но, — Стас тронул его за плечо и подмигнул. — Т-ты же ему ничего не обещал, так? Может, попробуешь сам д-догадаться?

Он встал и аккуратно прикрыл дверь.

— Давай, натурал, докажи, что т-твое место на вершине пищевой цепочки.

— Чип! — азартно выпалил Андрей и впился жадным взглядом в лицо Стаса.

Тот растерянно моргнул:

— Ч-что? Какой еще чип? П-при чем тут...

— Компьютерный, — заторопился Андрей, уже понимая, что промахнулся. — Компьютер, вживляемый в мозг, дающий равные возможности с генобами.

Стас досадливо покрутил головой.

— П-похоже, я тебя переоценил, парень. Ты не оттуда идешь. От п-печки пляши! Главная наша проблема что? Или, в-вернее, кто?

— Генобы?

— Вот! Мы — я, ты, Валька — нормальные люди! Нас менять — только портить. Н-ну, не всех, конечно. Коекому не помешало бы мозгов добавить. Тем, которые чип себе в башку вставить хотят.

— Но другого способа нет! — возразил Андрей. — Добавление хромосом взрослому человеку невозможно! Это еще Мор доказал и...

— Тьфу ты! П-похоже, твои одноклассники окончательно отбили т-твой и без того слабый мозг.

Андрей вскочил. Табуретка с грохотом врезалась в стену.

— Тише ты! — Стас опасливо оглянулся на дверь. — Разбудишь Вальку — ни черта не узнаешь.

— Да ты же не говоришь ничего, только...

— Я не г-говорю?! — возмутился Стас. — Я т-только и делаю, ч-что г-говорю. Только т-ты не слышишь! П-проблема в генобах, а не в нас. З-значит, их и н-нужно убрать! Т-точка!

— Что значит — убрать? — растерялся Андрей.

— Представь себе оружие, которое п-поражает только избранных. Например, имеющих с-склонность к раннему облысению. Или низкорослых. Или имеющих общего п-предка.

— Или мутантов во втором поколении, — мстительно добавил Андрей.

— П-правильно мыслишь, — одобрительно кивнул Дарновский. — А теперь слушай д-дальше. В течение нескольких дней или месяцев все, кто соответствуют совокупности ее п-параметров, погибнут по неизвестной причине. Правда, тут мы с Валькой п-пока немного расходимся. Он п-против радикальных м-методов борьбы и предлагает просто ограничить их в некоторых сферах. Например, стерилизовать. В любом случае н-никто не узнает об источнике, пока не п-появится огромное количество... гм... п-пораженных. Но даже тогда обнаружить его будет не просто. Пока г-генобы вычислят сходные характеристики и решат, как с этим бороться, время будет работать на нас. А ведь можно ввести разные п-параметры и диапазон действия. Что скажешь?

— Это реально?

— П-почти.

— Разве это не преступление?

— Нет, Андрей. — Дарновский придвинулся к нему, заглядывая в глаза. — Это н-называется — естественный отбор. Эти нелюди решили п-поиграть в Творца. То, что они сотворили с миром за п-последние п-пятьдесят лет, они называют естественным х-ходом эволюции. Выживают сильнейшие и наиболее п-приспособленные. Вот и п-поглядим, кто из нас с-сильнее.

Дверь кухни распахнулась, и возник заспанный Чертков.

— О, у нас снова гости, — хмуро пробормотал он. — Разорались, черти, поспать не дадут. Что, Стас, опять неокрепшие умы смущаем?

— Д-да брось, В-валька, — фальшиво рассмеялся тот. — Андрюха зашел к-кофе попить. Школу прогуливает — дело молодое, сам п-понимаешь.

Валентин смерил приятеля недоверчивым взглядом. Бросил Андрею:

— Иди-ка в комнате посиди. Нам со Стасиком поговорить надо.

Андрей послушно выскользнул из-за стола и протиснулся мимо Валентина в коридор.

За спиной хлопнула дверь кухни. Забубнили сердитые голоса. Совсем как родители вчера, подумал Андрей.

Он сунулся в комнату. Заглянувший в окно солнечный луч скользнул по столу и ярким бликом отразился от металлического кругляша.

Дальше Андрей вдруг стал видеть себя будто со стороны. Он увидел, как подходит к столу, воровато оглядывается, прислушивается к доносящимся из кухни голосам. Протягивает руку. Хватает нагревшийся на солнце кругляш и быстро опускает в карман. Торопится в коридор, кое-как натягивает кроссовки, выскакивает на лестницу. В себя он пришел только на той самой остановке, где впервые увидел Стаса. Зажмурился, помотал головой. Что это было? Сунул руку в карман, почти уверенный, что ничего там не обнаружит... Пальцы наткнулись на гладкую металлическую поверхность.

— И что теперь? — вслух спросил он сам себя.

* * *

Следующие три дня безделья совершенно доконали Андрея. Давняя мечта не ходить в школу, воплотившись в реальность, оказалась безрадостной. Время ползло, как капля смолы по шершавой коре. К тому же бродить по

улицам Андрей теперь опасался: мерещилось, что вот-вот навстречу подвернется Валентин или Стас и придется объяснять, почему он украл ту штуку. Хорошо хоть, не сказал приятелям, где живет, и номер телефона не дал.

Сначала Андрей честно хотел вернуть загадочный кругляш, но... Сразу как-то не сложилось, а потом было уже неудобно... Ну в самом деле, нельзя же просто прийти и сказать: «Я тут у вас секретную разработку спер, извините, больше не буду». Детский сад какой-то!

Дома обстановка была не лучше. Отец то сидел, лихорадочно перебирая сайты с вакансиями, то звонил кому-то... И опять сидел, невидящими глазами уставившись в мелькающие на экране картинки. С каждым днем звонил он все меньше. У мамы появилась поперечная морщинка на лбу, губы слились в тонкую полоску. Вчера вечером Андрей понял, что не вовремя проголодался, привычно распахнул дверцу холодильника и долго рассматривал почти пустые полки. А ведь я голодный, потому что порции стали меньше, внезапно сообразил он.

Спустя еще два дня родители узнали о прогулах. Классная настучала, гнида. Не поленилась ведь, позвонила!

Мама битый час промывала Андрею мозги, горячо расписывая ужасы жизни необразованных людей, и в конце концов обратилась за поддержкой к отцу, молча сидящему в углу кухни:

— Объясни хоть ты ему, Максим! Столько сил вложили, чтобы его в эту школу приняли...

— Пусть делает что хочет, — равнодушно отозвался отец.

— Что?! Ну, знаешь... — всплеснула руками мама. — Ты хоть при ребенке держи себя в руках! Нельзя же сдаваться из-за временных трудностей...

— Брось, Ириша, — поморщился отец. — Он уже не ребенок. И нет никак временных трудностей.

Мама высоко подняла брови:

— А что же, по-твоему, есть?

— Полная жопа, — коротко ответил отец и вышел из кухни.

Андрей не сразу сообразил, что сидит с открытым ртом. И что мама плачет.

Он пошел в школу. Для мамы. Назло отцу. И просто потому, что школа — забавно, да? — осталась единственным островком прежней, нормальной жизни. А будут доставать, он даст сдачи! Все, нет больше мальчика для битья!

— Эй, ошибка природы! Никак соскучился, уродец?

Марк широко ухмылялся, предвкушая забаву. Приятели угодливо захихикали:

— Да он мазохист, реально!

— За новой порцией притопал! Врежь ему, Марк!

— Да не, он по Можаровой сохнет, вот и приперся!

Андрей сжал кулаки и твердо посмотрел прямо в глаза главному врагу. Молча. В лице Марка что-то неуловимо изменилось. То ли ухмылка стала не такой широкой, то ли в темных зрачках мелькнула тень сомнения.

Андрей шел им навстречу. Спокойно, уверенно. Молча.

Три шага до столкновения. Андрей представил, как его кулак врезается прямо в тонкий, с горбинкой, нос Марка.

Два шага. Главное — не просить пощады. Пусть хоть убивают. Молчать.

Один шаг.

— После уроков поговорим, ублюдок, — отступая с дороги, прошипел Марк.

Андрей не ответил. Горло точно раскаленным железным обручем сдавило, и сердце билось сразу везде: в голове, в руках, в ногах, даже в животе. Он победил! Так просто? Все оказалось так просто! Эти сволочи не только умны — эмпатия у генобов тоже развита очень сильно, так что они с ходу прочитали его настрой. Поняли, что развлечения сегодня не получится, а настоящие проблемы им не нужны.

Он слегка успокоился только возле класса. Остановился перевести дух. Губы сами расползались в улыбке. Все

будет хорошо. Теперь все будет хорошо! Он еще докажет им всем! Пусть только... Он обернулся на звонкий стук каблуков. Полинка.

Андрей, все еще улыбаясь, шагнул навстречу:

— Привет!

Она прошла мимо и скрылась за дверью класса. Как будто он был неодушевленным предметом. Внезапно выросшим на дороге деревом. Выставленным в коридор шкафом. Презренным натуралом...

Он ощутил непреодолимое желание догнать ее и... Остановить? Ударить? Нет. Намотать на одну руку длинные светлые волосы, другой сжать шею и повторить прямо в лицо: «Привет!» Тогда-то она не сможет сделать вид, что его нет!

Андрей зажмурился, сунул руки в карманы. Заставил себя разжать кулаки. Пальцы наткнулись на гладкий металл.

Кругляш. Со всеми этими проблемами он совсем забыл про украденное у Стаса оружие против генобов.

Андрей посмотрел на дверь кабинета. Представил, как входит, идет к своей парте. Шепотки со всех сторон. Полинка старательно смотрит в сторону. Химик отпускает замечание о неспособности некоторых учеников не то чтобы освоить программу, а даже вовремя прийти на урок. И все это — каждый день. Шесть, семь раз в день. А после уроков — Марк с прихлебателями. И неизвестно, хватит ли внутренней силы на то, чтобы останавливать его раз за разом.

Потом Андрей вспомнил мамины вздрагивающие плечи и узкие ладони, закрывающие лицо. Мертвый голос отца. Чувство могущества и владения ситуацией, охватившее его после маленькой победы над давним врагом.

И вошел в класс.

— Та-а-ак, — гнусаво протянул химик. — Сейчас к доске пойдет... Есть желающие?

Андрей не стал поднимать руку, хотя задачу, высветившуюся на виртуальном экране, решил чуть ли не раньше, чем учитель успел ее дописать. Все равно не вызовут.

— Пойдет к доске...

— Крамер хочет! — раздался насмешливый голос с задней парты.

— Да, Крамера спросите! — подхватил еще один.

Химик пожевал губами, неуверенно возразил:

— Крамер только что пришел... Алгоритм решения подобных задач мы проходили в его отсутствие, поэтому я не уверен, что...

Ах так, разозлился Андрей.

— Я все знаю, — громко сказал он. — Могу решить.

— Ну... Хорошо, — сдался химик. — Прошу!

Андрей резко поднялся. То есть хотел подняться. Стул больно ударил под коленки и одновременно — спинкой в поясницу. Да что такое?! Андрей дернулся. Дурацкий стул загрохотал о заднюю парту, ни в какую не желая отделяться от седалища.

Редкие недоуменные смешки одноклассников быстро перешли в хохот.

— Смотри, смотри, натурал-то раком уже стоит! Готов к использованию!

— Да он корни пустил, чего еще от овоща ждать!

— Не, почтение выражает, кланяется, убогий!

Проклятый стул, намертво приклеившийся к заднице, вынуждал Андрея стоять в нелепой позе. Оглушительный стыд мешал придумать выход из положения. Да и не было его, выхода! Бежать из класса на полусогнутых, виляя стулом? Снять штаны и гордо удалиться в одних трусах? Нет выхода, нет! Сволочи, какие же сволочи, беспомощно подумал Андрей. Как можно было не заметить клей?! Чтоб вы сдохли!

И стало ясно, что выход есть.

Он плюхнулся обратно, не обращая внимания на крики и гогот. Достал металлический кругляш. Задержал дыхание. И сделал так, как показывал Стас.

Половинки легко скользнули примерно на пол-оборота и остановились. Вот вам, подумал Андрей, получите!

Но ничего не произошло.

* * *

Голоса были отчетливо слышны через неплотно прикрытую кухонную дверь. Андрей замер в темноте коридора, забыв про мокрые брюки, противно липнущие к телу.

— Вы же п-понимаете, М-максим Игоревич, что на д-данном этапе ваше участие жизненно необходимо!

Это же Стас, в панике подумал Андрей. Что ему нужно? Пришел жаловаться, что я спер их дурацкий неработающий прибор?

В этот момент из кухни донесся голос отца, и Андрей превратился в одно большое ухо.

— Я повторяю, — с досадой произнес папа, — моя позиция была озвучена еще тогда, и менять ее я не собираюсь! Вы, конечно, толковые ребята. Возможно, лучшие из нас. Но иногда наступает момент, когда нужно принять мир таким, какой он есть. Вы достаточно умны, чтобы понять — будущее за генобами. Как бы нам с вами ни хотелось изменить ситуацию, мы уже опоздали. Борьба на данном этапе невозможна и приведет только к бессмысленным жертвам.

— Не поверю, что они вас сломали, — возразил третий голос.

Чертков! Точно ябедничать прибежали, понял Андрей. Ну и черт с вами! Все равно ваша круглая хреновина оказалась пустышкой.

Он задумался, стоит ли погулять, давая отцу время остыть, или лучше получить свою порцию ругани сразу, и упустил момент, когда разговор принял неожиданный оборот.

— ...продвинулись. Но без вашего участия дальнейший прогресс невозможен! — горячо воскликнул Чертков. — Крамер, вы должны помочь нам! С вашими возможностями...

— Ничего я вам не должен, — перебил его отец. — Да и возможностей у меня больше никаких нет. Я еще три месяца назад вам говорил... С завтрашнего дня я выхожу на новую работу, озеленителем. Если у вас имеется уча-

сток за городом, могу помочь — посадить, окучить, удобрить... Нет? Тогда всего хорошего, господа.

Скрежетнул отодвигаемый стул — видимо, отец встал, показывая, что разговор окончен.

Андрей отступил на шаг, торопливо напуская на себя выражение «я только что вошел и ничего не слышал».

Три месяца назад? Как раз когда они вернулись в столицу. О какой помощи говорит Чертков? Ясно, что речь не о нем. Но что может быть нужно этим от его отца?

— Ж-жаль, — негромко сказал Стас. — Мы р-расчитывали на вас, Максим Игоревич. В-весьма рассчитывали...

— Ничем не могу помочь, — раздраженно отозвался отец. — Извините, у меня дела...

— Заготовка удобрений отнимает много времени? — насмешливо спросил Чертков.

— Уходите, — глухо сказал отец. — Вон из моего дома!

— Н-напрасно вы так. К-кто бы м-мог подумать, что знаменитый М-макс К-крамер окажется т-трусом! Даже ваш с-сын, н-несмотря на рег-гулярные унижения...

— Не смейте приближаться к моему сыну! Уходите!

То ли от панических ноток, прозвучавших в отцовском голосе, то ли от волнения, у Андрея вдруг скрутило живот. Он скрючился в коридоре, прижимаясь боком к стене и часто дыша полуоткрытым ртом. Его прошиб холодный пот, и ноги ослабели. До туалета всего два шага, но Андрей должен был дослушать. И разобраться, что же тут происходит.

— Да не волнуйтесь вы так, — насмешливо продолжил Чертков. — В отличие от вас Андрей оказался настоящим мужчиной, готовым идти до конца.

— До какого еще конца? — севшим голосом спросил отец. — Во что вы его втянули? Где он?

— С-скорее всего, в школе, — ответил Стас. — Но з-зато я т-точно знаю, ч-что он сейчас д-делает. Ждет н-начала новой жизни.

— Ваш сын, — подхватил Чертков, — террорист и преступник, без тени сомнения пустивший в ход биологическое оружие против генобов. Вот так, уважаемый Мак-

сим Игоревич. Я полагаю, вы бы не хотели, чтобы эта информация попала в распоряжение полиции? Что ж, все в ваших руках. Единственное, что от вас требуется для обеспечения безопасности сына, — сотрудничество. Вы нам нужны, Крамер. Вас еще помнят. Многие будут готовы поддержать вас и поднимутся на борьбу, если вы позовете.

Тут Андрея накрыла такая волна боли, что он ненадолго отключился. Когда способность соображать вернулась, он все понял. Его использовали. Нагло, цинично, хладнокровно. «Случайное» знакомство: «Макс Крамер тебе не родственник?»; «случайно» подсунутый под самый нос железный кругляш-оружие; никаких попыток забрать «украденный» девайс... Все было подстроено с самого начала. И он, Андрей, был в этой игре лишь пешкой. Разменной монетой. Ниточкой, которая должна была привести заговорщиков к отцу и крепко связать руки Максу Крамеру, который зачем-то так им нужен.

Но они просчитались, злорадно подумал Андрей, с трудом выпрямляя дрожащие от слабости ноги. Ваш план не сработал, уроды!

Он протянул руку, чтобы распахнуть дверь и высказать прямо в лицо этим двоим все, что он о них думает...

— Где он?! — сорванно выкрикнул отец.

Что-то в его голосе было такое, отчего Андрей замер, точно превратившись в камень. Это был не гнев на провинившегося ребенка, не злость на двух радикалов, втянувших его в неприятности. Это был ужас. Чистый, неразбавленный ужас.

Видимо, шантажисты-заговорщики тоже почуяли неладное. Стас заговорил быстро, заикаясь чуть ли не на каждом слове:

— П-послушайте, К-крамер, я уверен, что с п-парнем все в п-порядке...

— Идиоты! — простонал отец. — Какие же вы идиоты!

— Если мы будем молчать, — вступил Чертков, — никому не придет в голову обвинять вашего...

— Он тоже геноб! — перебил отец.

— Что?! — хором воскликнули они.

«Что?!» — мысленно закричал Андрей.

— Он. Генетически. Обогащенный, — медленно произнес отец.

— Н-но к-как это...

— Я работал в «М-корпе», — мертвым голосом заговорил отец. — У меня была возможность... Уже тогда... я знал, чем все закончится. Все эти глупости: сопротивление, борьба за права натуралов, акции протеста... Прогресс нельзя повернуть вспять. И я сделал то, что должен был. Дал своему сыну шанс.

— Но п-почему он...

— Не знает, что он геноб? Потому что Макс Крамер, лидер движения, не мог модифицировать своего ребенка. От меня бы отвернулись все, и в первую очередь жена. К тому же денег на официальное обогащение у меня не было. Я сделал это незаконно, воспользовался служебным положением. Вы, наверное, в курсе, какие порядки в «М-корпе». Если бы узнали... Я бы потерял работу.

— Вы и так ее потеряли, — возразил Чертков.

— Да, — согласился отец. — Но я успел дать сыну все, что мог.

Он то ли всхлипнул, то ли закашлялся, и от этого звука в животе у Андрея будто развернулась пружина из колючей проволоки. Он не выдержал и застонал, оседая на пол.

Кухонная дверь распахнулась.

— Андрей!

Отец упал на колени, осторожно приподнял его голову.

— Ты в порядке? Что с тобой? Отвечай!

Где-то вне поля зрения Андрея щелкнул замок, и мамин голос весело пропел:

— Мальчики, я дома! Господи, что... Андрюша! Максим, что случилось?!

Мама схватила его прохладными ладонями за щеки, повернула лицом к себе. От этого прикосновения Андрею стало легче. Он даже смог заговорить:

— Пап... Ты... Не слу... шай их... Я... никого не убил...

— Максим, что ты сидишь?! Он же бредит. «Скорую», быстро! Потерпи, сынок, сейчас приедет врач. Где болит?

Сознание уплывало. Андрей заставил себя сосредоточиться на главном: нужно сказать отцу, что ему нечего бояться.

— Пап... Она не... Не работает. Пустыш... ка...

Отец вскочил и, схватив Стаса за грудки, принялся трясти его.

— Что вы с ним сделали?! Отвечайте! Быстро!

— От-т-куда н-нам было з-з-знать? — заикание усилилось настолько, что сделало речь Стаса практически неразборчивой.

— Оно не сработало, — выговорил Андрей. — Слышишь, пап, ничего не случилось.

— Что это было?! Что вы ему подсунули?!

Красный, растрепанный Чертков всунулся между отцом и Стасом, оторвал их друг от друга.

— Экспериментальный образец, — быстро заговорил он, испуганно глядя на разъяренного отца. — Всего лишь прототип, понимаете? Никто не должен был пострадать. Максимум — легкое расстройство желудка. Это предупреждение. Демонстрация наших возможностей. Шанс расшевелить вас, в конце концов! Да, он никого не убил, но мог и был готов к этому. Хватит прятаться в своей норе, Крамер. Вы нужны людям! Вы не имеете права...

Они принялись орать друг на друга, все разом: Стас, отец, Чертков. Только мама сидела рядом с Андреем и, тревожно заглядывая ему в глаза, нажимала кнопки мобильника.

— Ира! — отец вдруг выхватил у нее телефон. — Не надо! Мы не можем...

— Ты с ума сошел, Максим? Ему нужен врач! Немедленно!

— Нет, — подхватил Чертков. — Не нужно врача! Если узнают, что он геноб...

— Что? — тихо спросила мама. — Максим, о чем он говорит?

* * *

— Мы больше не потерпим тирании старения и смерти. Мы создадим новый отважный мир...

Десятки голосов звучали слаженно, как один звонкий, уверенный, четкий голос. Голос будущего.

— Посредством обогащения генов, манипуляций с клетками, синтезированных органов и любых других необходимых средств мы одарим себя продолжительной жизнеспособностью и отодвинем дату кончины!

Ряды подростков в одинаковых форменных костюмах сливались в единый многоголовый организм. Организм будущего. Андрей чувствовал, как слова отзываются радостью в его сердце, стучащем в унисон с сердцами одноклассников. Он был — частью целого, своим. Он был генобом!

Чистая трель звонка обозначила конец линейки. Ученики седьмой школы-интерната для генетически обогащенных детей рассыпались по площадке, разбиваясь на группы.

— Эй, Крамер, на дополнительные по химии идешь? — крикнул долговязый Мельников.

Почему-то вдруг вспомнился отец — такой, каким он был на суде: жалкий, постаревший лет на десять. Когда зачитали приговор: «...за нарушение корпоративной этики... Незаконное оперативное вмешательство... Использование служебного положения...», Макс Крамер, бывший лидер движения борцов за права натуралов, вдруг часто заморгал и криво улыбнулся кому-то, сидящему в зале. Андрей оглянулся. Мама, не отрываясь, смотрела на отца, и по щекам у нее текли слезы. Андрей хотел подойти к ней, но приговор уже дочитали, и работник ювенальной службы заторопил его к выходу — до ужина в интернате оставалось меньше часа...

— Тебя ждать, Крамер? — нетерпеливо спросил одноклассник.

Андрей поддернул рукав рубашки, открывая кафф, и в два шага догнал своих.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

МАЯТНИК АВАРИЙНОГО ХОДА

Джейт размеренно шагал по Бонд-стрит, толкая впереди себя тачку, и металлический звук его тяжёлых шагов гулким эхом метался между пустых домов.

Колёса тачки подскакивали на булыжниках мостовой так, что сложенные внутрь образцы грозили вывалиться на землю. Но Джейт внимательно следил за тем, чтобы драгоценная поклажа не упала и не получила повреждений — найти пригодный для опытов материал изо дня в день становилось всё труднее.

В последний раз человеческие тела в хорошей кондиции Джейт отыскал две недели назад. Это на первых порах образцы можно было собрать, просто выйдя на улицу. Но чем больше проходило времени, тем больше тлела и сгнивала плоть, и тем меньше оставалось хороших материалов.

Сегодня Джейту повезло — в одном из домов он нашёл холодный подвал, внутри которого обнаружилось четыре прекрасно сохранившихся из-за низкой температуры тела. Джейт погрузил на тележку всех четверых. Два образца были взрослыми и разнополыми. Третий образец оказался миниатюрным; не так давно Джейт узнал от старого автомато́на Аруана, что миниатюрные образцы называются детьми и что именно из детей со временем получались Люди. А четвёртый образец был очень необычным — безволосый и с чёрным кожным покровом. Джейт полагал, что андроидов эта находка сильно заинтересует. До сих пор их опыты по восстановлению человечества не привели к желаемым результатам; возможно, если они возьмут этот необычный чёрный образец, у них наконец-то что-то получится.

На перекрёстке Бонд-стрит и Чапел-авеню лежал перевёрнутый паробус, врезавшийся в столб уличного

газового фонаря. Джейт обогнул его — и резко остановился, увидев витрину на первом этаже красного кирпичного здания. За стеклом стояли... Люди!

Буквально сразу же после этого открытия несколько датчиков Джейта зафиксировали, что из грудного отсека, там, где находится центральная двигательная установка, доносятся необычные звуки, среди которых особо выделялось мерное «тук-тук». Повозившись с латунными заклёпками, Джейт открыл свою грудную пластину и заглянул внутрь. По непонятной причине шестерёнки его двигательной установки крутились с повышенной скоростью, словно от высокой нагрузки, а встроенный маятник аварийного хода вдруг начал раскачиваться сам собой, хотя Джейт его не запускал. Именно из-за маятника и слышалось это мерное «тук-тук».

Джейт засунул внутрь манипулятор и остановил маятник. Его полагалось запускать только в случае экстренных ситуаций, когда энергии почти не оставалось. Сейчас такой необходимости не было.

В другой день Джейт, несомненно, задался бы вопросом, почему вдруг маятник аварийного хода пошёл сам собой, но сегодня странные изменения в его двигательной установке повлияли на мыслительные процессы — те потеряли свою чёткость и последовательность, смешались и зациклились.

«Люди! Настоящие Люди!» — вновь и вновь возникала в его логос-аппарате одна и та же мысль.

Уже почти три месяца прошло с тех пор, как закончился солнечный шторм и была запущена программа Восстановления. Три месяца Джейт вместе с другими автоматонами искали органические образцы, из которых можно было бы, как завещали Люди, воссоздать погибшее человечество. Три месяца андроиды проводили одни опыты за другими, пытаясь сконструировать из полученных материалов Людей. Они сшивали разные части тел, они пропускали через них электрический ток и воздействовали магнитами. Лежащие на холодных металлических столах безвольные экземпляры очень походили на людей! И всё же каждому опыту, который проводили ан-

дроиды, не хватало какой-то малости, чтобы превратить очередной экземпляр в настоящего, живого Человека.

А сейчас Джейт нашёл уже живых Людей!

Автоматон опустил ручки тачки на землю и сделал несколько шагов к витрине, за которой стояли и смотрели прямо на него два Человека в блестящих ярких нарядах. Под ногами у них лежали таблички с надписями.

«Людовик», — прочитал Джейт первое слово и замялся, увидев следующее за ним загадочное «XIV». В его логос-аппарат был заложен весь алфавит, так что прочитать Джейт мог что угодно. Но словарный запас был ограничен, и потому некоторые встречающиеся автоматону слова он не понимал.

«Людовик Икс-Ай-Ви», — прочитал Джейт по буквам первую надпись и перешёл ко второй. — «Маркиза де Монтеспан».

«Вероятно, это их имена», — пришёл к выводу Джейт — и только сейчас заметил большую вывеску над витриной.

«Выставка восковых фигур», — прочитал он, и логос-аппарат загудел от напряжения. Слово «восковой» ему было не знакомо, а словосочетание «выставка фигур» казалось нелогичным — зачем выставлять круги, квадраты и треугольники?

Впрочем, выставка кругов и квадратов его сейчас не интересовала; всё внимание Джейта было сосредоточено только на Людях. Войдя в помещение, он сразу же подошёл к витрине и обратился точно по инструкции общения с Людьми, которую разработали андроиды для того дня, когда они восстановят человечество.

— Приветствую вас, Людовик Икс-Ай-Ви и Маркиза де Монтеспан. Автоматон G8 готов выполнить ваши указания.

Люди не только не ответили, но и вообще никак не отреагировали на его слова.

Несколько минут Джейт терпеливо стоял на месте. Инструкция предусматривала лишь один вариант — Люди в ответ информировали автоматона о том, что он должен для них сделать.

«Они не станут мне отвечать», — понял Джейт и стал продумывать следующий шаг. Автоматон был уверен, что настоящие Люди смогут помочь андроидам в воссоздании человечества, а значит, необходимо, чтобы они встретились. Андроиды прибыть сюда не смогут. Следовательно, нужно попросить Людей прийти к андроидам. Только вот можно ли просить Людей, существ высших и совершенных, об одолжении, в инструкции не говорилось...

— Людовик Икс-Ай-Ви и Маркиза де Монтеспан, — решился Джейт на непредусмотренный инструкцией шаг. — Могу я проводить вас в центр Восстановления?

Люди снова не ответили.

Очень осторожно Джейт прикоснулся к Людовику Икс-Ай-Ви. Тот не реагировал.

— Если вы не против, я отвезу вас в центр Восстановления, — сообщил он, аккуратно приподнял Людовика и Маркизу и вынес их на улицу, отметив, что по весу они гораздо легче человеческих образцов, которые он находил прежде. Вот оно, ещё одно отличие настоящих Людей от тех, которые получаются в лабораториях Андроидов!

Ни улице Джейт замялся. В тачке не было места для двух Людей. Да даже если бы и было, везти высшие существа вместе с неживыми образцами не подобало.

Джейт рассмотрел варианты. Для перевозки всего сразу можно воспользоваться лежащим на перекрёстке паробусом. Но его паровой котёл наверняка пуст, да и двигатель от столкновения со столбом газового фонаря, вероятно, находится в нерабочем состоянии.

Логос-аппарат тихо гудел, Джейт думал. Он хорошо знал соседний сектор города. Через три улицы отсюда находился рельсоход, можно было бы воспользоваться им. Но и с рельсоходом та же проблема, что и с паробусом, — паровой котёл наверняка пуст. В пяти кварталах, на небольшой площади Грейсон-ярда на земле лежит дирижабль. Но в логос-аппарате Джейта не было инструкции о том, как управлять дирижаблем. Впрочем, он мог

бы и поэкспериментировать — но не с Людьми на борту; он не мог подвергать Людовика с Маркизой, долгожданных настоящих Людей, такому риску...

Издалека донёсся звон часов с Тауэра, отбивавших шесть вечера. В центр Восстановления полагалось возвращаться к семи. Надо срочно найти решение!

Наконец Джейт вспомнил, что видел неподалёку стоящее в переулке ландо. Он мог бы погрузить в него и Людей, и образцы, а самому выступить в этой конструкции тягловой силой, заменив животных, которых использовали Люди.

Так Джейт и поступил. Устроил Людовика с Маркизой на мягких сиденьях, четыре человеческих тела сложил на пол коляски — и покатил её в центр Восстановления.

В другой день Джейт задумался бы, хватит ли ему энергии — ведь из-за того, что приходится везти тяжёлое ландо, уровень её расхода резко повышается. Но не сегодня. В грудном отсеке Джейта по-прежнему бешено крутились шестерёнки центральной двигательной установки, и снова сам собой пошёл маятник аварийного хода, стуча тихим «тук-тук». А мыслительный процесс логос-аппарата всё ещё оставался путаным, и в него то и дело вклинивалась мысль: «Люди! Настоящие Люди!»

* * *

— Это не люди, — резюмировал Эдвард. — Это восковые фигуры людей.

Автоматон-поисковик с полустёртой надписью G8 на медной грудной пластине не отреагировал, и Эдварду стало ясно, что тот не понял сказанного.

— Это копии людей, — пояснил андроид. И, поскольку не знал, каков словарный запас у автоматона G8, продолжил: — Это их изображение. Слепок. Статуя, сделанная из особого материала, который называется «воск».

В наступившей в лаборатории тишине датчики Эдварда уловили гудение логос-аппарата автоматона — и ещё необычный, мерный постукивающий звук.

— Они выглядят как настоящие Люди, — сказал наконец Джейт.

В голосе автоматона датчики Эдварда уловили необычные ноты, но андроид не смог определить, что это такое.

«Надо отправить его на проверку механикам, — сделал себе мысленную пометку Эдвард. — Пусть посмотрят, нет ли нарушений в его логос-аппарате, и, если необходимо, проведут замену».

Случившийся три месяца назад солнечный шторм не только уничтожил всё живое на планете — из-за него сгорели, полностью или частично, логос-аппараты многих автоматонов. Придя в себя после вынужденной перезагрузки, Эдвард обнаружил, что находящиеся рядом автоматоны ведут себя неадекватно. Одни не двигались вообще, другие двигались хаотично и бессмысленно, третьи не реагировали на приказы, четвёртые не могли их выполнить... На замену даже части повреждённых логос-аппаратов потребовалось много дней. И даже сейчас последствия солнечного шторма давали о себе знать, и то один, то другой автоматон давал сбой.

Впрочем, в настоящее время в распоряжении Эдварда уже было достаточно автоматонов, чтобы заняться спасением человечества, — тем, ради чего его создали люди. Однако на пути к достижению этой цели перед андроидом стоял целый ряд существенных проблем. И главная из них заключалась в том, что солнечный шторм повредил не только логос-аппараты автоматонов — он причинил вред и его собственному анализатору, в результате чего Эдвард лишился доступа к части заложенной в него памяти. Эти пробелы были серьёзными — даже на основании оставшейся у него информации андроид не смог полностью восстановить инструкции людей.

Тем не менее, тщательно изучив сохранившиеся у него данные, Эдвард сделал несколько выводов.

Во-первых, люди изобрели автоматонов примерно в то же время, что и пишущие машинки. То есть гораздо раньше андроидов. Автоматоны были простыми механизмами с примитивными логос-аппаратами. Андроидов

создали позже, их анализаторы совместили в себе черты разностных аппаратов Беббиджа и Шутца и вычислительной машины Теслы и оказались настолько приближены к человеческому мозгу, что люди даже назвали новые механизмы Андроидами, то есть «подобиями человека». И в отличие от автоматонов, которым присваивали просто буквенно-цифровые названия, андроидам дали человеческие имена. Следовательно, андроиды по шкале разумности — почти люди, а значит, ниже стоящие по шкале разумности автоматоны должны им подчиняться.

Во-вторых, раз автоматоны должны подчиняться андроидам, то они, андроиды, должны ими управлять и отдавать им приказы.

В-третьих, люди завещали андроидам спасти человечество. Такой вывод Эдвард сделал на основании двух оставшихся в памяти его анализатора обрывочных строк из инструкции: «Принять необходимые меры для сохранения и восстановления человечества» и «В случае непредвиденной ситуации запустить». Остальной текст инструкции стёрся.

Андроид не мог не отметить неудачное стечение обстоятельств — в него было заложено немало других сведений и знаний из самых разных областей и наук, но наибольший урон солнечный шторм нанёс именно тому кристаллу, в котором находились пошаговые инструкции!

Однако выход из ситуации нашёлся. Анализатор Эдварда сохранил информацию о том, что, кроме него, люди построили ещё двух андроидов, один из которых находился в Бирмингеме, а другой — в Эдинбурге. С большой долей вероятности их анализаторы тоже пострадали после солнечного шторма, но если они свяжутся и сопоставят сохранившуюся у каждого информацию, то, возможно, смогут воссоздать полный текст инструкции.

С помощью автоматонов, восстановивших несколько линий телеграфа и пневмопочты, Эдвард связался с дву-

мя другими андроидами, Джорджем и Уильямом. Сопоставив имеющиеся у них остатки данных, они получили много полезной информации, однако заветная инструкция так и осталась удручающе неполной.

И тогда трое андроидов провели совет, на котором рассудили так: если их анализаторы подобны мозгу человека, и Люди создали их по своему подобию, это значит, что мыслят они, андроиды, как Люди. Следовательно, вести себя в сложившейся ситуации им следует как Людям. А именно — собрать имеющуюся у них информацию и с помощью логического мышления самим заполнить пробелы.

Из инструкций у трех андроидов остались фразы: «солнечный шторм грозит уничтожением всего живого», «отобрать образцы, чтобы заново заселить планету», «является частью Лунного щита» и две строки из памяти Эдварда — «принять все необходимые меры для сохранения и восстановления человечества» и «в случае непредвиденной ситуации запустить». На основании этого андроиды решили, что их задача — восстановить человечество из имеющихся образцов с помощью заложенных в них знаний из самых разных областей науки.

Единственным не укладывающимся в логичную схему моментом остался «Лунный щит». У Уильяма в памяти сохранилась статья из газеты «Ллойд Лист». В ней рассказывалось о планах людей построить ракетную летательную машину и отправить в ней людей на Луну, чтобы они могли спастись от солнечного шторма.

Никакой дополнительной информации на эту тему в анализаторах других андроидов не нашлось, и они решили рассудить как люди — скорее всего, ракетная летательная машина на Луну была одним из рассматриваемых, но так и не реализованных вариантов спасения человечества. Значит, её не следовало брать в расчёт.

«Что бы сделали в этой ситуации Люди» стало главным критерием для всех дальнейших решений. Оконча-

тельно уяснив для себя курс действий, андроиды полностью сосредоточились на нём. Каждый день автоматоны трёх городов выходили на улицы собирать образцы — тела погибших людей. Андроиды же принялись за эксперименты. Вначале они пытались оживить целые тела. Затем пытались сшивать останки разных тел в различных сочетаниях и воздействовать на них самыми разными механизмами и процессами; в какой-то момент они даже начали комбинировать органические и неорганические ткани, например, приделывать к человеческому туловищу механическую конечность, — но пока успехов не достигли.

Именно поэтому находка Джейта так заинтересовала Эдварда — человека с чёрным кожным покровом он ещё не видел.

В анализаторе андроида возникло сразу несколько вариантов эксперимента. Сначала попробовать оживить тело целиком. Затем, если ничего не получится, скомбинировать чёрное туловище с белыми конечностями. Или наоборот — белое туловище и чёрные конечности? Какие конечности выбрать? Ноги или руки? Или одну ногу и одну руку? Стоит ли посоветоваться с Уильямом и Джорджем?

От обилия вариантов анализатор Эдварда тихо загудел, и он коротко приказал одному из автоматонов-охранников:

— Мне нужно охлаждение.

Стоявший рядом автоматон поднял лежащий наготове огромный веер из медной сетки и принялся обмахивать громоздкую, всю в многочисленных медных ручках, латунных рычагах и серебристых клапанах машину, которую представлял собой андроид. Хоть его анализатор и был подобен человеческому мозгу, внешне на Людей андроид никак не походил; внешне на Людей куда больше походили автоматоны.

— A G8 отвезти механикам на проверку, — приказал Эдвард и сосредоточил своё внимание на редком чёрном образце.

* * *

Механики были неотъемлемой частью существования автоматонов. Механики не только подкручивали заводные устройства, обеспечивая автоматонов энергией, — они ещё и определяли неисправности и устраняли их. Без механиков средняя длительность полезного функционирования автоматона была бы намного короче.

Джейт не пропускал ни одного визита и никогда не думал, что механики могут не только чинить. Но однажды он стал невольным свидетелем сцены, когда охранники привели одного автоматона-поисковика к механикам силой. Тот пытался вырваться, но охранники держали его крепко. Джейт подумал, что у автоматона, вероятно, пришёл в негодность логос-аппарат, из-за чего он и ведёт себя неадекватно. Такое случалось. Неприятная поломка, потому что она требовала замены логос-аппарата, и весь накопленный опыт и вся память терялись вместе со старым.

— Послушайте, — повторял автоматон-поисковик, пытаясь вырваться из захвата охранников. — Послушайте меня! Мне не надо менять логос-аппарат! Он не был повреждён, и у меня сохранилась память со времени ещё до солнечного шторма! Программа Восстановления, которую запустили андроиды, ошибочна! Люди оставили нам совсем другие приказы! Мы должны отправить вторую ракету на Луну!

Пока охранники пытались силой уложить автоматона на ремонтный стол, сгрудившиеся рядом механики готовили зажимы, чтобы обездвижить взбесившийся механизм. Но тот так яростно сопротивлялся, что в конце концов один из охранников, нажав на медный клапан, открыл часть лицевых пластин и направил на автоматона пронзительно яркий луч. Тот прошёл сквозь корпус бунтаря, разрезав того пополам. Механики уложили верхнюю часть туловища на стол, вскрыли головной отсек, достали логос-аппарат и бросили его в ёмкость с кислотой.

С той поры каждый раз, когда Джейт собирался к автоматонам-механикам, он отмечал, что двигательное устройство в его грудной клетке начинало барахлить — то замирало, то принималось работать с удвоенной силой, а логос-аппарат раз за разом прокручивал сцену с уничтожением автоматона.

И потому сегодня, когда андроид приказал ему пройти внеплановую проверку, Джейт немедленно почувствовал характерные изменения работы в двигательном устройстве. А когда с двух сторон возникли автоматоны-охранники, логос-аппарат живо выдал воспоминание о ярком луче, и двигательное устройство Джейта немедленно ответило сбоем в работе.

«А если механики спросят про Аруана? — подумал Джейт. — Если спросят, выдам ложную информацию», — решил он. Вариант развития событий с потерей своего логос-аппарата, а вместе с ним — накопленных воспоминаний и словарного запаса, Джейта категорически не устраивал.

Аруан был изношенным автоматоном, прятавшимся в парке застывших каруселей. Джейт встретил его случайно и сразу понял, что Аруан — одна из первых моделей автоматонов, R1 — громоздкий и неуклюжий, потёртый, поцарапанный, с вмятинами на медном покрове и с обилием блестящих заклёпок, клапанов, сжатых пружин, ручек и рычагов, которыми Люди снабдили его просто для красоты. Его логос-аппарат состоял из самых примитивных устройств, и, видимо, именно поэтому солнечный шторм, повредив более сложные устройства, столь простому механизму не причинил никакого вреда.

И тем не менее, как ни примитивно было устройство логос-аппарата старого автоматона, за время длительного функционирования оно накопило много полезной информации и обширный словарный запас, которыми Аруан делился с Джейтом в обмен на то, что тот периодически его заводит и сохраняет в тайне факт его существования от андроидов.

Джейт рассказал Аруану об инциденте с механиками и охранниками, и тот ответил:

— Андроиды мыслят как Люди, а Люди всегда не любили несогласных. Если главный Человек принимал решение, он требовал, чтобы все остальные его выполняли, и неважно, правильно оно или нет. Несогласных они уничтожали. Наши андроиды поступают как Люди.

— Люди уничтожали друг друга? — переспросил тогда Джейт.

— Да, — подтвердил Аруан, вряд ли отдавая себе отчёт в том, что его ответ разрушает все заложенные в Джейта понятия о Людях — ведь те были высшими существами, они создали рельсоходы и паробусы, дирижабли и пароходы, они придумали телеграф и телефон, электрические лампочки и велосипеды. Наконец, они создали их, автоматонов, и даже андроидов! Люди созидали, а не разрушали. Они не стали бы уничтожать друг друга!

Джейт не заметил, что последнюю фразу произнёс вслух, и старый автоматон в ответ на неё спросил:

— Если бы они не уничтожали друг друга, то зачем они создали орудия уничтожения?

— Какие орудия?

— Например, автоматонов-охранников. И их лучи.

Джей долго молчал, его логос-аппарат тихо гудел, обрабатывая полученные сведения.

— Люди уничтожали друг друга, — наконец повторил он, пытаясь уместить эту мысль в чёткую схему давно сложившихся у него понятий. — Но зачем?

— Причин много. Обида, злость, ярость, месть, ревность, жажда власти...

— Что это такое? — не понял Джейт.

— Люди — существа органические. В них проходят химические процессы, которые провоцируют нелогические реакции, называемые эмоциями. Эмоции влияют на поступки. Под влиянием эмоций Люди могут уничтожить друг друга.

Джейт обдумал полученную информацию и сделал следующий логический вывод:

— Андроиды не органические. Значит, у них нет эмоций. Тогда почему они уничтожают автоматонов?

— Уничтожать можно не только в порыве эмоций, — пояснил Аруан. — Можно построить такую логическую цепочку, которая обоснует необходимость уничтожения.

— Разве можно логически обосновать уничтожение разумного существа?

— Можно. Андроиды выстроили следующую: люди завещали им сохранить человечество, для чего андроиды запустили программу Восстановления. Те автоматоны, которые говорят, что эта программа ошибочна, мешают великой миссии спасения человечества. Чтобы выполнить завет Людей, помеху следует устранить.

Все эти беседы вызывали странные реакции в логос-аппарате Джейта, запуская мыслительные процессы, которые раньше у автоматона просто не возникали.

Джейт подозревал, что эти реакции не проходят бесследно и что при проверке механики тут же увидят заметные изменения в его логос-аппарате. Однако когда он прибыл на внеплановую проверку, механики не нашли никаких отклонений в функционировании его механизма.

Разобрали, собрали — и отпустили.

«Значит, такие мыслительные процессы мне не вредят и я могу продолжать думать», — сделал вывод Джейт.

* * *

В последние дни среди автоматонов-поисковиков стала распространяться информация о том, что тех из них, кто высказывает несогласие с программой Восстановления, насильно приводят к механикам на принудительное изъятие логос-аппарата, даже если в нём нет никаких поломок.

С одной стороны, информация была непроверенной. С другой стороны, Джейт сам был свидетелем уничто-

жения автоматона, говорившего, что программа Восстановления ошибочна. Не в силах отнести эти данные ни в категорию истинных, ни в категорию ложных, Джейт решил проконсультироваться с Аруаном — ведь логос-аппарат того хранил массу полезных сведений. И однажды, выйдя на свои обычные ежедневные поиски образцов, Джейт вместо прочёсывания отведённого ему сектора города отправился в парк застывших каруселей.

— Программа Восстановления действительно ошибочна, — заявил старый автоматон и этим своим заявлением едва не спровоцировал замыкание в логос-аппарате Джейта.

— Она ошибочна? — переспросил Джейт, не в силах обработать эту простую и в то же время такую сложную информацию.

— Да, она ошибочна, — подтвердил Аруан. — Люди действительно велели андроидам сохранить человечество, но вовсе не такими методами. Чтобы спасти Людей, андроиды должны были отправить на Луну вторую ракетную летательную машину...

Про вторую ракету Джейт уже слышал — логос-аппарат тут же прокрутил ему сцену с охранниками и ярким лучом, разрезавшим автоматона пополам.

— Расскажите, — попросил он.

— Хорошо, — согласился Аруан. — Астрологи узнали о приближении солнечного шторма заранее. Они также определили, что шторм будет такой силы, что на Земле от него укрыться не получится и все люди погибнут. И было решено, что если нельзя спасти всех, то следует хотя бы попробовать спасти человечество. Для этого Люди отобрали нескольких представителей своего вида для отправки на Луну. Они рассчитали, что когда солнечный шторм достигнет Земли, Луна будет находиться с другой стороны планеты, и Земля послужит ей своего рода щитом. А если в этот момент Люди будут находиться на обратной стороне Луны, то и сама Луна станет им ещё одним щитом. Когда же шторм пройдёт, они вернут-

ся на Землю и станут размножаться, чтобы снова населить планету.

— И они построили ракету для отправки на Луну, — понял Джейт.

— Да, — подтвердил Аруан. — На тот момент у Людей уже были наработки Фламмариона и Верна о последовательно воспламеняющихся пороховых ракетах, и они принялись спешно воплощать их в жизнь. Но тут возникла другая проблема...

Аруан подобрал с земли камешек и показал Джейту.

— Смотри. Это — ракета. Последовательно воспламеняющиеся секции донесут её до Луны, — старый автоматон бросил камешек, и тот приземлился у ног Джейта. — Но как она вернётся обратно на Землю?

Несколько мгновений Джейт смотрел на лежащий у него в ногах камешек, потом поднял и бросил Аруану.

— Вот так?

— Так, — согласился старый автоматон. — Только камешек мне обратно бросил ты, а с Луны отправить ракетную машину обратно некому. Всё топливо израсходуется по пути на Луну. А вместить в себя и Людей, и достаточно топлива на обратную дорогу ракета не могла. И потому Люди решили построить вторую машину, нагрузить её топливом и запустить вслед за первой. Она прилетела бы на Луну, Люди забрали бы из неё топливо и вернулись бы на Землю.

Аруан замолчал, дав логос-аппарату Джейта время для обработки новых сведений. Джейт долго их сортировал, но в конце концов проиндексировал их как истину — ведь Аруан сохранился со времён ещё до солнечного шторма, он был свидетелем тому, о чём рассказывал, и его логос-аппарат с той поры не меняли. Значит, рассказанные им сведения — это правда. А ещё это значит...

— Люди не успели запустить вторую ракету, — сделал вывод Джейт. — Почему?

Аруан долго молчал. Когда же он снова заговорил, его голосовые динамики как-то странно похрипывали.

— Ракета могла унести совсем немного Людей. Несколько десятков, не больше. В одном только Лондоне проживало пять миллионов. Как решить, кто из этих пяти миллионов полетит на Луну и останется жив?

— Выбрать самых здоровых, — тут же предложил Джейт. — Тех, кто больше всего способен к размножению.

— Правильно, — согласился Аруан. — Идея была именно такая. Но потом несколько очень богатых Людей принесли деньги... Ты знаешь, что такое деньги?

Джейт кивнул. В его логос-аппарате было определение денег как средства платежа за покупки.

— Так вот, за большие деньги они купили себе место в этой ракете, несмотря на то, что вовсе не были наиболее способны к размножению.

— Как они могли купить там место, если оно не продавалось? — не понял Джейт.

— Деньги занимали в жизни Людей особое место. Я не знаю причин и не могу тебе объяснить, почему так произошло. Но факт таков, что за деньги Люди могли купить даже то, что не продаётся. Несколько Людей купили себе место на ракете в обход принятых критериев отбора. А когда об этом стало известно, остальные Люди возмутились. Каждый Человек хотел получить место на этой ракете, и в городе начались беспорядки. Люди собрались в большую толпу и попытались прорваться на взлётное поле, откуда запускалась ракета. Другие Люди, выполнявшие функции, схожие с функциями автоматонов-охранников, пытались их остановить. Некоторое время они сдерживали толпу, и первая ракета успела улететь. Но потом толпа прорвалась на взлётное поле и не дала запустить вторую ракету.

— Почему? — зачем-то понизив силу голосовых динамиков, спросил Джейт.

— Люди решили, что если не суждено спастись им, то пусть и те, кто улетел на ракете, тоже погибнут.

— Но это нелогично! Этим самым они обрекли на вымирание всё человечество! — заключил Джейт, ощущая,

как снова ускорился ход шестерёнок в его центральном двигательном устройстве, а логос-аппарат начал сбоить, лишая мыслительные процессы чёткости.

— Люди далеко не всегда действовали логично, — ответил Аруан. — Помнишь, я рассказывал тебе про эмоции? Эмоции заставляли Людей делать совершенно необъяснимые вещи, даже те, которые были во вред им самим.

Логос-аппарату Джейта потребовалось довольно много времени, чтобы обработать полученные от Аруана сведения.

— Если Люди поступают так нелогично, я не понимаю, почему они выжили как вид, — в конце концов заявил автоматон. Чем больше он узнавал о Людях, тем меньше он понимал. И тем меньше оставалось от заложенной в него установки о том, что Люди — это высшие, безупречные существа. — Они должны были давно сами себя уничтожить, — подвёл итог Джейт.

— Они выжили потому, что, несмотря на свои недостатки, Люди способны делать уникальные вещи, — отозвался старый автоматон. — Эмоции подталкивали Людей не только на негативные поступки, но и на позитивные. Именно благодаря нелогичным эмоциям человечество смогло достигнуть таких высот. Например, дирижабль. Если бы Люди всегда действовали логически, то они приняли бы как данность тот факт, что если у них нет крыльев, то летать они не могут. Однако Люди не пожелали с этим смириться. Нелогичное решение. Но именно из-за него Люди изобрели дирижабль.

Логос-аппарат Джейта зашумел так сильно, что автоматон подумал, как бы тот не сломался от нагрузки. От его идеализированного представления о Людях как о высших и совершенных существах не осталось почти ничего. Однако на смену ему пришло новое заключение. Да, Люди не были идеальными. Они были противоречивыми, нелогичными и представлявшими опасность для самих себя существами. И всё-таки Люди были... особенными.

И они не должны навсегда исчезнуть.

Придя к этому выводу, Джейт предложил курс действий:

— Надо всё немедленно рассказать андроидам и отправить вторую ракету на Луну, чтобы спасти Людей.

Старый потёртый автоматон издал скрежещущие звуки, из-за которых Джейт решил, что Аруан сломался.

— Я имитирую смех Людей, — пояснил старый автоматон, будто услышав его мысли. — Люди смеялись, чтобы выразить свою радость или своё снисхождение к услышанному.

— Вы выражаете радость или снисхождение?

— Снисхождение. Андроиды не захотят тебя слушать. Они уже выработали курс действий и не станут с него сворачивать.

— Но если мы докажем им, что они ошибаются...

— Они всё равно не захотят признать свои ошибки, — перебил Джейта старый автоматон. — В этом андроиды очень похожи на Людей. Ты сам видел, что андроиды сделали с автоматоном, который заявил, что процесс Восстановления — это ошибка. И ты сам рассказал мне, что несогласным автоматонам насильственно меняют логос-аппараты.

— Но Людей нужно спасать, — повторил Джейт неоспоримый вывод.

— Нужно, — согласился старый автоматон. — Поговорим об этом через неделю.

* * *

Андроид Эдвард отметил тревожную тенденцию — увеличившееся число автоматонов, ставивших под сомнение целесообразность программы Восстановления.

«Как бы поступили в такой ситуации люди?» — задался он вопросом.

Анализатор Эдварда изучил заложенные данные о Людях и об их обществе и сделал вывод: в аналогичных ситуациях Люди массово избавлялись от всех несогласных.

Приняв полученные сведения, Эдвард быстро выстроил логическую цепочку: андроиды — это высшее достижение человечества, они практически такие же, как Люди. Значит, и действовать должны, как Люди.

По приказу Эдварда охранники и механики за считаные дни быстро, тихо и незаметно расправились с несогласными автоматонами, и высказывания прекратились.

Однако анализатор Эдварда сгенерировал предположение, что наступившая тишина вызвана вовсе не тем, что механики и охранники нашли всех несогласных, а тем, что теперь несогласные автоматоны стали молчать. А если и говорили, то лишь среди таких же несогласных. И эта мысль занимала андроида.

«Что бы сделали люди?» — снова спросил себя Эдвард.

Анализатор выдал ответ: для обнаружения скрытого инакомыслия люди использовали слежку и шпионов.

«Следовательно, мне тоже нужны слежка и шпионы», — сделал вывод Эдвард, ни на миг не подвергая сомнению правильность этого решения — ведь андроид поступал так же, как Люди.

* * *

После того как Джейт принял решение спасти Людей, события стали разворачиваться стремительно.

Прежде всего, неподтверждённая информация о принудительной смене логос-аппаратов автоматонам, не согласным с программой Восстановления, подтвердилась. Всего за несколько дней значительное число автоматонов лишились своих логос-аппаратов.

Ежевечерняя проверка и заводка у механиков стала для Джейта испытанием. Он не знал, как андроид вычисляет несогласных, и потому постоянно думал о том, как бы не выдать себя ненароком.

В ежедневной работе тоже появились нововведения — по городу стали расхаживать автоматоны-охранники, проверяя, на своих ли местах автоматоны-поисковики.

И всё же, в ожидании следующей встречи с Аруаном, Джейт проигнорировал предупреждающие напоминания логос-аппарата о том, что по городу ходят охранники, и однажды решил пройти к взлётному полю за окраинными кварталами.

Старый автоматон оказался прав: высокая многоступенчатая ракета, нагруженная топливом и полностью готовая к запуску, всё ещё стояла там. Её окружала каменная стена, вдоль которой Джейт увидел множество лежащих на земле образцов. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы привычно отнести их к категории непригодных для опытов. Их тела не только давно начали разрушаться, но к тому же были повреждены и механически — у многих наблюдались отверстия в головах, туловищах и конечностях.

Джейт смотрел на обилие поврежденных образцов вокруг — и его логос-аппарат моделировал рассказ Аруана.

Огромная толпа Людей рвётся к ракете. В воротах стоят Люди-охранники, пытаясь её сдержать. Напор толпы так силён, что охранникам приходится применить оружие. Они уничтожают определённое количество нападавших, но толпа столь велика и столь сильно увлечена нелогичными порывами под названием «эмоции», что сносит охранников и, прорвавшись к ракете, уничтожает тех, кто пытается её запустить.

А потом солнечный шторм настигает Землю, и все они гибнут прямо здесь, возле ракеты, которая могла бы дать человечеству второй шанс.

«Второй шанс», — повторил про себя Джейт.

Когда прошла неделя, автоматон снова покинул свой маршрут и отправился в парк замерших каруселей, чтобы, как и было условлено, встретиться с Аруаном. А тот выдал ему информацию, от которой двигательное устройство Джейта закрутило шестерёнки с удвоенной скоростью.

— Это нужно будет делать уже завтра — или ждать ещё почти месяц. А ещё месяц Люди на Луне могут не пережить.

— Почему именно завтра? — спросил Джейт.

— Я поддерживал связь с автоматонами, у которых сохранилась информация про Луну и вторую ракету, — пояснил Аруан. — Логос-аппарат одного содержит специализированные знания по астрономии, физике и математике. Он высчитал, в какой день запуск ракеты позволит ей приземлиться на Луну максимально близко к первой ракете. А приземлиться надо как можно ближе, чтобы Люди смогли перенести топливо с одной ракеты на другую.

— Завтра? — повторил Джейт.

— Завтра, — подтвердил Аруан.

...Когда автоматон вернулся в центр Восстановления из парка замерших каруселей, путь ему преградили охранники.

— Автоматон G8, вы должны немедленно последовать за нами на внеплановую проверку к механикам, — заявил один из них.

Шестерёнки двигательного устройства в груди резко дёрнулись, а мыслительные процессы в логос-аппарате неожиданно ускорились и выдали совершенно неожиданное решение.

— Хорошо. Но мне нужно несколько минут; в двух кварталах отсюда я оставил пару очень хороших образцов, которые могут оказаться полезны для опытов, — сообщил Джейт. — Я доставлю их сюда и сразу же проследую на проверку.

Охранники не стали ему препятствовать.

Джейт шёл медленно, заставляя себя не ускорять шаг, чтобы не вызвать подозрения. Нужно спрятаться в городе так, чтобы его не нашли. А утром он незаметно пройдёт к ракете и запустит её. Главное, чтобы у него хватило на это энергии, ведь его заводили почти сутки назад.

Автоматон спрятался в хорошо известном ему секторе города, в одном из многоэтажных зданий с множеством отдельных комнат. Стоя у окна, Джейт незаметно наблюдал за охранниками, которые бродили по округе, тщет-

но пытаясь его отыскать. А когда те наконец удалились, Джейт перешёл в режим экономного расходования энергии и стал ждать утра.

Когда ночь закончилась и из-за горизонта показался край солнца, Джейт услышал доносящийся с улицы шум. Выглянул в окно и увидел, как двое автоматонов-охранников силой ведут в центр Восстановления третьего. На улице было ещё довольно темно; Джейт по максимуму настроил свои окуляры и разглядел, что пойманный автоматон выглядит старым и потёртым, что корпус изобилует вмятинами и многочисленными клапанами, рукоятями и рычагами... Логос-аппарату потребовалось несколько секунд, чтобы сложить полученные данные и сделать вывод: охранники вели в центр Восстановления Аруана!

Джейт поднялся на ноги, прежде чем понял, что логос-аппарат ещё не предложил ему никакого алгоритма действий. Остановить охранников у него не получится — их больше и у них есть лучи, а он один и его завод на исходе. И Аруана не спасёт, и ракету на Луну не запустит.

Логос-аппарат выдал однозначное решение — нужно оставаться на месте. Но по какой-то причине Джейту оказалось очень непросто это сделать; невзирая на все логические расклады, автоматон так и порывался выйти на улицу и ввязаться в заведомо проигрышную схватку, чтобы вызволить Аруана.

«Твой логос-аппарат будет уничтожен не зря, Аруан, — наконец, проговорил про себя Джейт, словно обращаясь к старому автоматону. Он понимал, что тот его не слышит, но всё равно по непонятной ему самому причине испытывал непреодолимый импульс сказать эти слова. — Именно благодаря тебе будет спасено человечество».

Когда процессия скрылась, Джейт вышел на улицу и, убедившись, что поблизости нет охранников, отправился к взлётному полю.

Логос-аппарат автоматона тщательно зафиксировал все пояснения Аруана о том, как запустить раке-

ту. Установка запуска находилась в небольшом здании, построенном внутри огораживающих взлётное поле стен, но во время беспорядков её разгромили. Поэтому Джейту предстояло включить механизм аварийного запуска изнутри ракеты. Люди не собирались им пользоваться, потому что вторая ракета была не приспособлена для того, чтобы поддерживать условия, позволяющие выжить человеку в космосе, а значит, запускающий ракету изнутри был обречён на гибель. Тем не менее запасной вариант Люди всё-таки предусмотрели.

До ракеты оставалось всего несколько десятков ярдов, когда со стороны ворот раздался громкий приказ:

— Автоматон G8, остановитесь!

Джейт ускорил шаг. Охранники! Ему нужно добраться до ракеты прежде, чем те применят к нему лучи!

— Автоматон G8, остановитесь немедленно!

До входа в ракету оставалось ещё существенное расстояние, а охранники уже потянулись к своим грудным пластинам. Сейчас для него всё будет кончено!

Автоматон почти бежал, когда услышал какой-то шум, и окуляры зафиксировали на самом краю поля обозрения яркие вспышки. Не замедляя шага, Джейт оглянулся — и увидел, как на охранников наступают другие автоматоны, теснят их, хватают за манипуляторы, не давая им направить лучи на Джейта.

«Это те самые автоматоны, с которыми контактировал Аруан! — понял он. — Они пришли сюда, чтобы дать мне возможность улететь!»

Джейт забрался в ракету, задраил тяжёлый металлический люк и зашёл в рубку управления. На простой панели в самом центре располагался гладкий латунный рычаг с надписью «Пуск». Джейт потянул его на себя. Пол под ногами завибрировал, пронзительно зашумели двигатели, и ракета взмыла в воздух.

Сквозь маленький иллюминатор Джейт не отрываясь смотрел на взлётное поле. С высоты стремительно уменьшающаяся картина выглядела совсем иначе, чем

с земли, и на миг Джейту показалось, что он видит не охранников и падающих под их яркими лучами автоматонов, а Людей, которые точно так же сражались здесь три месяца назад.

Логос-аппарат отметил сбой в функционировании окуляров и перенастроил их.

Когда Джейт снова взглянул в иллюминатор, земля осталась уже далеко позади.

* * *

Приземление оказалось жёстким, ракету сильно тряхнуло.

Автоматон с трудом открыл люк, и логос-аппарат послал тревожный сигнал о критически низком уровне энергии. В таких ситуациях при отсутствии возможности завода требовалось запустить маятник аварийного хода. Его хватало ненадолго, но всё-таки он давал автоматонам немного времени.

Джейт уже потянулся к грудным пластинам, как вдруг совсем рядом увидел вторую ракету. И из неё как раз выбиралась громоздкая, неуклюжая фигура.

Автоматон осознал, что шестерёнки двигательного устройства в его грудном отсеке закрутились с удвоенной скоростью, а микрофоны уловили тихий и уже знакомый звук — «тук-тук, тук-тук». Это маятник аварийного хода вновь пошёл сам собой.

Джейт выбрался из ракеты и остановился, глядя на приближающуюся к нему фигуру. Массивная, бронзового цвета, с крупными заклёпками и зажимами на месте основных сгибов, со шлангом, идущим от лица куда-то за спину, та шагала медленно и тяжело. Логос-аппарат обрабатывал поступающие данные и выдал предположение, что навстречу Джейту идёт автоматон неизвестной ему модели.

«Неужели я опоздал? — подумал Джейт. — Неужели Люди всё-таки умерли и единственный, кто здесь остался — этот автоматон?»

Тем временем массивная фигура дошла до Джейта, и в прозрачном экране головного отсека автоматон разглядел человеческое лицо, густо поросшее волосяным покровом.

«Это не автоматон, это Человек в защитном костюме», — понял Джейт, и это была его последняя связная мысль. Логос-аппарат засбоил и зациклился на одной-единственной фразе: «Люди! Настоящие люди!»

— Дружище! — донёсся до микрофонов Джейта глухой голос. — Дружище, ты всё-таки прилетел!

Человек в защитном костюме неуклюже обхватил верхние манипуляторы Джейта руками и прижал к себе.

— Дружище! — снова и снова повторял он. Речь Человека была сумбурной, сбивчивой, но Джейт впитывал каждое слово. — Какой же ты молодец! Как же ты вовремя! Сонного газа в камерах почти не осталось, питьевая жидкость и кислород на исходе... Мы уже совсем отчаялись! Решили, что не только люди погибли, но и андроиды перегорели! Что некому отправить за нами вторую ракету. И тут — ты!

Джейт неподвижно стоял рядом с настоящим, легендарным Человеком, и его датчики улавливали частое, громкое сдвоенное «тук-тук». Автоматон не сразу понял, что это стучат в унисон его собственный маятник аварийного хода и сердце Человека.

А когда понял, ощутил, что в грудном отсеке разлилось неожиданное тепло. Если бы логос-аппарат функционировал как положено, Джейт, несомненно, сделал бы вывод, что это был всего лишь результат нагрева шестерёнок центрального двигательного устройства из-за того, что всё это время они крутились с удвоенной скоростью. Несомненно.

Но мыслительные процессы логос-аппарата всё ещё не восстановились, и Джейт знал только то, что в грудном отсеке у него почему-то стало очень тепло.

ВАЛЕНТИН ОРЛОВ

ПРИНЦИП ТАЛИОНА

Кто убьёт скотину, должен заплатить за неё; а кто убьёт человека, того должно предать смерти.

Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца.

Библия, Ветхий Завет, «Левит»

«Я никогда не писал тебе. Ты можешь удивиться, получив это послание. Ты можешь даже рассердиться, но прошу — дочитай до конца. Это очень важно для меня. Возможно, самое важное».

Юкка вошла в кабинет. На щеках девушки проступал сигнальный румянец.

— Я опоздала, — сообщила она убитым голосом, — будильник сработал, но я отключила его и продолжила спать.

Юкка мне нравилась. Я тут же ударил её по лицу. Это самая быстрая расплата за проступок. И, если подумать, самая безобидная.

— Доброе утро, Джеро, — милая улыбка в мою сторону.

Между её большим и указательным пальцем ещё мигал красный огонёк, но меня это нисколько не смущало. Я — трансплантолог «Бумеранга» и знаю, что вторичная индикация всегда запаздывает. Пока ток крови разнесёт нанитов по телу, пока обновится информация. Да плюс шоковый период. Промедления заставляют понервничать. Но вот индикатор позеленел, а значит, Юкка не будет мучиться угрызениями совести из-за опоздания. Всё в порядке.

— Ну что, пойдем? Оби уже заждался.

Идти далеко не пришлось. Психолог занимал соседний кабинет, если так можно назвать бетонные кубики,

из которых состояла больница. Простейшие термосистемы да светочувствительные стёкла — вот и все удобства. Впрочем, стоит ли жаловаться? Вся деревня жила в подобных загонах для скота. Африка. Закрытый сектор.

Когда мы вошли, психолог радостно улыбнулся и сделал широкий жест, демонстрируя нас молодой темнокожей женщине:

— А вот и доктор! Доктор, это Айна, она собирается стать матерью, верно? И планирует поставить ребёнку нравственный психокорректор...

— ***Куача***! Вовсе я не разрешала вставлять эту штуку!

— Разумеется, не разрешали! Я намеренно преувеличил, — немедленно сознался Оби. — Мне очень хочется, чтобы вы приняли верное решение, и я тороплюсь с выводами. Ни в коей мере не собирался вводить в заблуждение ни вас, ни уважаемого доктора. Никто не в обиде, верно?

Пожимая руку Оби, я отметил безупречную зелень его индикатора. Что-что, а держать свою совесть чистой психолог умел.

— Джеро, у Айны возникли вопросы по первичной установке, и я подумал, кому ещё на них отвечать, если не тебе? Такой опытный специалист. К тому же, в случае согласия, именно ты будешь проводить операцию. Верно? А я же могу что-то напутать, не так сказать...

— Какие вопросы? — отрезал я.

Женщина провела рукой по ещё не округлившемуся животу:

— Эту штуку — паука ***буибуи*** — вставят прямо в голову?

— Штукой вы, очевидно, называете индивидуальный нравственный психокорректор?

— Чего?

— Бумеранг? Вы имели в виду бумеранг? Если не трудно, называйте аппарат хотя бы так. Но не пауком.

— А, да! Точно, ***прости.***

Беда с этими местными. С виду люди как люди, а чуть копнёшь... Даже язык — почти как наш, но все эти «про-

сти-извини» до сих пор в ходу. Кто вообще помнит, что это значит? Хоть со словарем ходи.

— Не стоит волноваться. Бумеранг очень маленькое устройство, для его установки не нужно ничего... гм... сверлить. У новорождённых есть мягкое место на темечке — вот туда мы и введём прибор. Через крохотный прокол.

— О! Но ребёнок тоже маленький! Разве не опасно?

Им будто раздают брошюрки с вопросами для «Доктора».

— Нет, не опасно. У меня десять лет практики в открытой зоне и полгода в вашей деревне. Все детишки, которым установлен психо... Бумеранг, живы и здоровы. А когда подрастут, станут полноправными гражданами мира. Вы, конечно, понимаете, что без Бумеранга вашего сына не выпустят из этого сектора? Хотя бы из соображений безопасности.

— Какой такой безопасности?

— Общественной. Как можно доверять человеку с бесконтрольной совестью?

Женщина что-то осмысливала, морща лоб, наконец выдала:

— Что же получается, доктор, бумеранг управляет совестью? Но как?

Это был коварный вопрос. Я раз попался и начал объяснять, каким образом контроллер считывает информацию. Ерунда — никто ничего не понял. На самом деле молодая мамочка хотела знать — как бумеранг «наказывает» за плохие, бессовестные поступки.

— В древности существовал такой способ лечения — ставили иголки в специальные точки.

— Да, понимаю, — обрадовалась Айна.

— Здесь похожий метод. Маленькие роботы формируют белковые иголки внутри тела и воздействуют на определённые зоны. Организм будет реагировать точно так же, как если бы человек испытывал сильную вину за преступление. За маленькое преступление — маленькую вину, за большое — большую.

— А за убийство?

— Ну, ваш сын же не станет никого убивать? Поверьте, если с детства контролировать совесть, такое и в голову не придёт.

— А вдруг всё-таки! — не сдавалась мать потенциального убийцы.

— Если это всё-таки произойдёт, вина будет мучить его так сильно, что он сам не захочет жить...

— И, разумеется, побежит сдаваться следственному комитету! — влез в разговор Оби. — Там всё выяснят, определят степень наказания, а Бумеранг вынут и обнулят. Но, поверьте, в нашем обществе справедливого возмездия преднамеренные убийства очень, очень большая редкость!

— И вам ещё сделают прививки бесплатно, — вставила Юкки.

— Да, конечно, ещё и прививки! А также произведут первичную настройку и, если выявятся какие-то отклонения, тут же исправят.

— Какие ещё отклонения? — испуганно и в точности по сценарию спросила Айна.

— Бумеранг, знаете ли, сложная... штука. Чтобы контролировать, какие поступки совершает человек, он собирает разную информацию. И может обнаружить некоторые заболевания, связанные с неправильной работой мозга. — Я для наглядности постучал себя по голове. — Сейчас диагностика и лечение лишь дополнительный эффект от установки. Но изначально бумеранг и создавался для пациентов с диссоциальным расстройством личности. Вы зовёте их ***вазиму*** — безумные.

Восемьдесят лет назад Готфрид Беккер называл их просто — психопатами. Этот учёный, работавший с преступниками-рецидивистами, первым обнаружил области мозга, реагирующие на дурные и хорошие поступки. Он назвал своё открытие доказательством гипотезы справедливого мира.

Участки-контроллеры обнаружились у всех людей, вне зависимости от личных качеств, и работали совершенно

одинаково. У самого безжалостного убийцы происходили те же процессы, что и у праведника. Совершив дурной поступок, человек бессознательно стремится причинить себе боль. Но тело, не желая получать наказание, вырабатывает иммунитет к совести. У психопатов он оказался абсолютным.

Необходимо было помочь мозгу наказывать тело за проступки. С этим отлично могли справиться ДНК-нароботы, если бы кто-то рискнул поставить такой эксперимент. И Готфрид решился.

Несмотря на истерию, нагнетаемую вокруг свободы совести, опыт прошёл не просто хорошо — блестяще! Участники, из числа заключённых, оказались полностью социально адаптированы. Они всё еще могли врать, воровать, но не хотели. Просто не хотели! Наоборот, осознали прелесть хороших поступков. Шустрые наниты, воспринимая команду из Бумеранга, имитировали все синдромы «мук совести» и «социального поглаживания», становясь естественной частью личности. Число повторных арестов стремительно снижалось, и все — все! — они были по добровольным признаниям.

Тогда же доработали систему «возврата» провинности. Общественное или индивидуальное возмездие, снимающее чувство вины.

Когда усовершенствованный Бумеранг начали устанавливать первым гражданским, люди неохотно шли на процедуру трепанации — и это понятно, но зато каким доверием пользовался человек с искусственной совестью! Кто откажется нанять сотрудника, который работает вовсе не за страх? А уж в политике... Только представьте, какой поддержкой будет пользоваться кандидат в президенты, который не даёт пустых обещаний! Тогда же ввели вторичные индикаторы — чтобы издали было заметно.

— В общем, как ни посмотри, а без Бумеранга теперь никуда.

— А если у него будет заячья губа? — Айна не дала себя сбить с толку.

— Зашьём, — сухо ответил я.

— Ну а...

— Если вы ставите ребенку Бумеранг, то, что бы ни случилось при родах, мы будем лечить его, как своего собственного, — проникновенно сказал психиатр, — то есть если бы наш ребёнок родился в вашей деревне. Не наш общий, конечно...

Юкка хмыкнула, и в этот момент распахнулась дверь. В кабинет ворвалась ночная сиделка из местных. Чепец, каким-то образом приколотый к облаку её кудряшек, бессмысленно болтался сбоку.

— Доктор! Там мальчик... ему совсем худо. Я за вами! Надо бежать, доктор!

Я не сразу понял, о чём речь. Местные с какими только болячками не обращались, хотя стандартный медцентр в округе имелся. В конце концов мы смирились — вакцины у нас были, почему бы не помочь населению? Доброе дело.

— Что там такое? С чем пришёл твой мальчик?

— Доктор, да младенчик же! Вчерашний. Скорее, доктор! Он синий весь и...

Не дослушав, я вскочил и бросился в реанимацию.

Накануне была десятая установка на ребёнке, и делал я её, считай, в одиночку. Второй хирург — Саманья — подхватил местную лихорадку, но я не стал откладывать трансплантацию.

Отголосок вчерашней эйфории ещё щекотал где-то в груди. Я сделал хорошее дело, и мой Бумеранг не скупился на удовольствие. Ради этого я и пошёл на риск. А теперь из-за моей самонадеянности умирает ребёнок...

Нет-нет, всё могло быть не так страшно — местные склонны к панике. И то, что я решился оперировать в одиночку, ничего не меняет! Я ведь никогда не совершал ошибок. Вчера же всё прошло хорошо. Может, что-то случилось в реанимации? Могло произойти что угодно, тысячи объяснений, сотни причин!

Но я уже чувствовал, как у меня горят щёки.

Через два часа всё закончилось. Юкка прекратила реанимацию и собирала аппаратуру, не глядя в мою сторону. Мальчик умер.

Ничего особенного я ещё не чувствовал. Чем сильнее проступок, тем дольше шоковый период. И потом, где доказательства моей вины?!

— Может, врождённые отклонения? — эхом отозвалась Юкка. — Надо бы послать в институт на подтверждение.

— Да-да...

— И вам бы следовало поехать самому. Пусть на месте и заменят Бумеранг.

— Да, конечно...

Я смотрел на миниатюрного, почти незаметного паучка, извлеченного из головы мальчика. Такой крошечный, он бывает только сразу после установки. С годами наниты надстраивают Бумеранг. Интересно, какого размера мой собственный?

— Может, попался бракованный? Вам стоит его с собой взять. Как доказательство.

— Да, конечно.

Конечно, мог попасться бракованный Бумеранг. А ещё возможно это злой дух ***Вулу*** не позволил чужеродному аппарату захватить власть над мозгом маленького, чёрненького, как уголёк, мальчика. Юкка быстро накрыла тело стерильной пелёнкой. После чего с размаху лягнула меня по коленке. Ужасно больно, но я всё-таки улыбнулся:

— Юкка, это бесполезно.

— Знаю, босс. Просто... хоть немного лучше будет.

Она права, маленькая Юкка. Искупить персональное преступление можно только полноценной местью со стороны потерпевшего. Но облегчить муки совести возможно. Почему же мне кажется, что ей просто хотелось меня ударить — за ту утреннюю оплеуху? Какая глупость в голову лезет. И как не вовремя.

— Ты умница. Я свяжусь с институтом — пусть высылают вертолёт. Приберёшься тут? Я хотел сказать...

— Тело упакуют и приготовят к перевозке. Прибор тоже.

— Да, да, именно. Молодец...

Казалось, нужно ещё что-то сказать или сделать. Но я не придумал что и, прихрамывая, побрёл в кабинет.

«...понимаю тебя. Я, как и ты, родился и вырос в мире, где каждый человек сам виноват в своих муках. Но разве имеет значение, насколько справедливым было возмездие, если пострадал твой любимый? Если пострадал ты сам?»

Разгоревшийся на щеках пожар спустился на шею, а потом и на грудь. Ручной индикатор ритмично вспыхивал алым, но, несмотря на это, меня сковывала какая-то апатия. Точно всё происходило не со мной. Потянуло прилечь...

Да что происходит-то? Какая беспечность! Скоро начнутся первые приступы, а ещё столько нужно сделать. Встряхнувшись, я быстро отправил в институт все документы и отчёты по вчерашней операции, одновременно дозвонившись до куратора. Выслушав мой сбивчивый рассказ, Нео Векеса подытожил:

— Кажется, тебе требуется помощь.

— Разумеется, требуется!

— Ну что ж. Я отправлю твоё дело в следственный комитет. Об этом не беспокойся. Но пока всё выяснится, пока ты доберешься сюда... как ты себя чувствуешь?

— Как? — Я чуть не засмеялся. — Будто слон на грудь наступил!

— Ну, это всё цветочки. В общем, чтобы ты продержался, я тебя увольняю. Без отчислений, ясно?

У меня перехватило дыхание

— Эй, ты чего молчишь? Слышал меня?

— Да, — давление в груди чуть ослабло, — да, всё хорошо.

— Тогда до встречи. Если что-то ещё случится — звони. Я буду держать тебя в курсе. — Нео помолчал и вдруг

ни с того ни с сего добавил: — Помнишь, как ты Хамази на последнем курсе завалил? Как же я тогда на тебя злился...

— Так то сколько лет назад было?

— Пять. Пять лет. Ну ладно, до связи.

— До связи.

Я отключил доисторический аппарат. Вроде бы всё устроилось, остаётся только ждать.

Хамази... сын куратора. Его дрожащая рука над билетами была залита ярким розовым светом наручного индикатора. Не знаю, что он там натворил, но я-то действовал по справедливости. И почему Нео об этом вспомнил? Неважно.

Что ещё нужно сделать? Я огляделся — бетонный коробок для защиты от непогоды, совершенно не похожий на мой городской кабинет с солнечными панорамными окнами. Ну почему, почему я не остался в уютном мирке из стекла и пластика, тёплом, почти стерильном. Там нет лихорадки и второй хирург всегда рядом. Любой проступок сразу делится на всю клинику, и не нужно получать увольнение, чтобы продержаться до суда. Мама всегда говорила, что я не ценю то, что имею. Также она говорила, что я плохо кончу. Как сейчас вижу её лицо, когда оказывалось, что я вляпался в неприятности, — удовольствие от осознания собственной правоты боролось с раздражением. И часто побеждало. Наказание — первая справедливость, которую познают дети. Я почти уверен, что какая-то часть мамы получала удовольствие от этого процесса. После переезда в общежитие я почти не общался с ней. Стоит ли теперь начинать.

Итак, звонить мне больше некому, а попытки вспомнить прошедшую операцию и что в ней пошло не так, отзываются тошнотой.

Страшная вещь — всё, что я испытываю сейчас, — это скука. Тоскливая, ноющая, как на пресловутых экзаменах, когда сидишь в очереди и не знаешь, чем себя занять.

Я открыл бар и тут же закрыл — алкоголь способен исказить информацию о моём состоянии. Нестандартной работы Бумеранга мне только не хватало.

Скучно. Мутит. Интересно, это психокорректор или мои собственные нервы? Я стал выдвигать и вновь с грохотом возвращать на место бесчисленные ящики рабочего стола. В четвертом или пятом из них лежал предмет, который с первого взгляда показался мне незнакомым. Две чёрные пересечённые ленты и странной формы чехол. Вытащив всё это, я усмехнулся. Неудивительно, что я его не опознал. Даже фильмы с таким оружием уже не показывают.

Когда на третий день работы мне притащили револьвер, я испугался, что в деревне идут войны группировок. Перед отъездом нас стращали сказками про диких людей из джунглей. Но оказалось, то был раритет, бережно хранимый трофей и единственное, чем семья могла возместить мне лечение их дочки. Отказаться почему-то не пришло в голову.

Разглядывая подарок, я не сразу обратил внимание на робкий стук в дверь. Но он повторился, и гораздо настойчивей, а потом раздался такой грохот, что я чуть не выронил оружие.

— Да что такое-то? — Я открыл дверь, которую, оказывается, успел запереть.

На пороге стояла раскрасневшаяся Юкки:

— Я думала, вы спите, потом решила, что не спите... Но дело очень важное, и даже если бы спали, стоило бы разбудить. Хотя вам и нужно поспать, но...

— Да что б тебя! Говори уже!

— Там тело! Мальчик умер...

— Ещё один?! — ужаснулся я

— Нет, всё тот же, он... в общем, я сказала сиделке, чтобы она предупредила родителей и что тело мы возьмём в город. Я уже подготовила мальчика, а потом пошла за подходящим контейнером для Бумеранга на склад. Наши кончились, хотя я и говорила, что нужно принести. Но эти аборигены вообще будто глухие! Им хоть сто

раз повторяй. Я вот сколько просила убирать волосы под шапочку?

— Юкки, я умоляю тебя!

— Да-да, так вот я вернулась, а... а мальчика и нет.

Девушка развела руками, и я заметил, что она всё ещё сжимает баночку для Бумеранга.

— Как нет?

— Нету. Украли. Родственники или сама сиделка. Я сразу к вам прибежала! — И смотрит, будто ждёт, что её похвалят.

А у самой индикатор зелёный-зелёный.

«...Знаешь, я ведь не злой человек. Мне говорили — не злой. Обычный. И мне вовсе не доставляет удовольствия постоянно вспоминать свои обиды. Так бы взять и забыть их, но вот не забываются никак, понимаешь? Может, память у меня хорошая? А у других?»

Первым делом я проверил помещение. Глупая трата времени. Тело ребёнка не та вещь, которую можно случайно убрать на полку и забыть. Но всё равно, как дурак, я вбежал в реанимацию и тупо уставился на кровать, где ещё вчера лежал мальчик после успешно проведённой операции.

Успешной ли?

Я зажмурился и потряс головой.

— С тобой всё в порядке, доктор?

Открыв глаза, я заметил пожилую женщину. Язык не поворачивался назвать её старушкой — как назвать тридцатиметровый бамбук травой. Её брат — такой же древний, но ещё полный жизни — сорвался с крыши и неудачно приземлился на каменное крыльцо. Вообще-то к послеоперационному уходу за больными родственники не допускаются, но в деревне свои законы, и мне ещё ни разу не удавалось их обойти. Со мной никто не спорил, но поступали по-своему. Да и что можно сделать, когда половину персонала составляют местные жители?

— Доктор, — она подошла ближе и заглянула мне в лицо, — о нет, ты не в порядке. Совсем не в порядке.

Я вздрогнул и отвернулся. Меня смущала эта привычка местных — ловить взгляд и подолгу смотреть в глаза собеседнику. Я не замечал раньше, но, кажется, это присуще только бессовестным.

— Доктору плохо? Я могу помочь?

— Нет, не думаю. Всё...

— Доктор спас брата, — не слушая меня, продолжала женщина, сосредоточенно щурясь, — Значит, и я должна спасти Доктора. Так ведь?

Забавно. Наказание и поощрение — такая сложная система. Социум, выполняющий роль внешнего карающего органа, и совесть — ещё более страшное наказание, но уже изнутри. Поддержание всего этого в равновесии до сих пор является сложной, ювелирной точности работой. А тут такая наивная простота «ты мне — я тебе».

— Спасти... Но я не могу спасти.

— Да уж понятное дело.

— Помолчи! Я не могу, но знаю, кто может. Я знаю, кто спасёт тебя, доктор. Но нужно поторопиться...

— Куда?

— На гору Вафу, конечно! Куда же ещё?

— Да, точно. И как я сам не догадался, — невесело усмехнулся я. — Бегу-бегу.

На все проблемы у местных было одно решение — «разговор с духами» на горе, а точнее, на холме сразу за деревушкой. Не знаю уж, почему духи так полюбили это место. Может, там акустика лучше?

Уже на выходе меня догнали слова старухи:

— Спеши! На закате они предадут тело огню.

Гора Вафу. Место, где будет проведена церемония. Нет, я не заслужил такого подарка. Бумеранг сразу определил, что не заслужил, и боль в груди нарастала с новой силой, но я не обращал внимания — потом расплачусь. Если будет потом.

Первой мыслью было сообщить в следственный комитет, но когда ещё они прибудут? Позвать кого-нибудь на помощь? Но я, опять же, не имею на это права. Когда индикатор наливается бордовым, лучшее, что можно сделать, — никому не сообщать о своих планах. Так я и поступил.

Наведался в кабинет, переоделся, прихватил кое-что и решительно вышел из больницы. Со мной никто не попрощался. Даже Юкка.

Стало больно, но почему-то эта боль не принесла облегчения.

«Нерукопожатные. Люди с красным огоньком индикатора. В лучшем случае мы их не замечаем. Никому и в голову не придёт помогать им. Мне, во всяком случае, не приходило. Стыдно? Вряд ли. Я ведь даже не помню их».

Конечно, деревня не была похожа на старую Африку — дома не строились из камня и тростника, а дороги оставались таковыми и в сезон дождей. Зато транспорт будто сошел с картин позапрошлого века. Мини-байки, на которых передвигались местные лихачи, наводили на меня ужас, я даже не пытался на них ездить. И вот теперь не представлял, как буду добираться до горы Вафу. У похитителей где-то полчаса форы, и кто знает, как долго длятся все эти обряды, после которых единственное доказательство моей невиновности будет предано огню.

Я попытался бежать, но быстро выдохся. Мешала тяжесть в груди. Молодец, Бумеранг, очень вовремя!

На перекрёстке меня окликнул какой-то парень на мини-байке:

— Доктор, подвезти?

— Нет-нет, мне нельзя... — забормотал я в ответ и будто очнулся: — То есть да! Пожалуйста, до горы Вафу. ***Млима*** Вафу — мне туда!

— О'кей, доктор, залазь.

Суетясь и не понимая, куда сесть, я чуть не свалился в канаву. Поймав меня, парень вдруг уставился на мой индикатор. Ну всё, мне конец...

— Ничего себе.

Я отскочил от байка, будто меня застали на месте преступления. Да я так себя и чувствовал! Наивный мошенник, решивший обмануть справедливость. Разве в деревне не знают, что красный означает преступника? Мы ведь каждый день рассказываем этим ребятам про Бумеранг, про общество справедливого возмездия. Почему я не надел перчатки?

— Я никогда не видел, чтобы он так светился, — продолжал меж тем парень. — Ты убил кого?

— Нет... нет, думаю, нет.

И тут он рассмеялся! Честное слово — он стал хихикать и тыкать пальцем в меня:

— Мне никто не поверит! У доктора — красные руки! Вот это да!

— Почему не поверят?

— Так ты же доктор! — сказал он, будто это что-то объясняло. — Хорошо, пусть так. Садись, Красные Руки, садись и держись крепче!

Страшная машина рванула и понеслась сквозь джунгли. Все слова и мысли вылетели из головы. Остался только животный ужас. Только бы Бумеранг не усилил воздействие, только бы не приступ, только бы не упасть. Успеть.

Может, именно страх помешал работе психокорректора, но я спустился на землю и даже удержался на ногах. Дорога оканчивалась у подножия холма, и я бросился вверх, туда, где виднелась кучка людей.

— Удачи! — крикнул парень.

И, хотя у меня не было времени, я вернулся и крепко обнял этого грязного и непонятного мне человека:

— ***Спасибо***, — прошептал я чужое, почти забытое, — ***спасибо*** тебе.

Он похлопал меня по спине:

— Пожалуйста, Красные Руки. Давай, беги-беги! ***Чоп—чоп***.

И я побежал.

Это был тяжёлый подъём. Сердце билось о грудную клетку так, что я почти мог это видеть. Ноги и руки немели, отказываясь двигаться, не подчинялись захваченному пауком мозгу. Я бы закричал, но в груди не осталось места на полноценный вдох. Переставлять ноги и оставаться на месте — это бывает не только во сне. Но я всё же добрался до вершины. А когда поднял голову, понял, что все смотрят на меня. Они ждали.

Ждали убийцу и преступника.

— Но я не виноват. — Слишком слабо и сипло — наверняка ничего не услышали... — Не виноват! Я не виноват!

Вперед выступил мужчина.

— Ты пришел проститься? — спросил он.

Вопрос не успел пробиться к сознанию, потому что я увидел за его спиной то, зачем пришёл. Носилки с телом. А ещё дальше сложенные в куб сухие ветви. Этого оказалось достаточно, чтобы вдребезги расколоть все мои намерения цивилизованно поговорить. И я выхватил револьвер.

— Отдайте, — одышка мешала, но я справился, — отдайте мне тело. Я докажу, что не виноват.

Мужчина с удивлением поглядел на оружие. Он вовсе не казался испуганным. Может, не верил, что чистенький белый доктор, который столько говорил про закон, способен на преступление?

— Выстрелю! Мне уже всё равно, я смогу! Только попробуйте мне помешать!

Я ткнул дулом в стоявшего ближе всех. Он отпрыгнул, и это придало мне решимости:

— Дайте мне забрать тело! Отдайте тело, и всё будет хорошо...

— Что будет хорошо?

Из толпы вышла женщина в белом покрывале. Она не имела возраста и была не темнокожей — черной. Да, я вспомнил её. Номуса. Вспомнил на первом приёме, на операционном столе и утром в палате, когда она, серьёзная и уставшая, впервые кормила того, кого я... убил?

В эту минуту меня накрыл приступ.

Церемонию я не видел. Кажется, меня отнесли в сторону. Вряд ли я отошёл сам. Был занят попыткой отгрызть себе пальцы. В учебнике это называют «предупредительный коллапс» — чтобы преступник осознал, в каком состоянии ему придется жить, если немедленно не покается и не понесёт наказания. Понятное дело, никто не станет в этом состоянии жить. Так или иначе...

Окончательно пришёл в себя я оттого, что начался дождь. Люди разошлись. Всё было кончено. Оставалось спуститься к дороге и добраться до деревни, но вместо этого я подошёл к пеплу. Уже чёрный, не серый, он расползался жидкой грязью, вытекал из отведённых ему границ и скрывался в траве. Всё, что могло меня спасти. И зачем куда-то идти? Теперь-то зачем? Кто докажет, что я не виноват в этой смерти? И сам — разве сам я могу теперь быть хоть в чём-то уверен?

Мои мысли не могли пересечь заколдованный круг и упорно возвращались к маленькому мальчику. Мальчик... Я даже имени не знаю — не спросил перед операцией. А после я всё чаще называл его телом. А теперь ничего нет. Ни мальчика, ни тела. Только наручный огонёк сияет красным маяком.

Я протянул руку, зачерпнул жидкой сажи и вылил себе на голову.

А утром пришла она, встала рядом. Белые одежды намокли и облепили крепкие молодые ноги. Ей было всего семнадцать.

Кричали птицы, а над деревней поднимался дым.

— Его звали Готто.

— Готто, — повторил я.

Стало хуже. Что-то терзало меня, желая вырваться, быть произнесённым вслух. Я не виноват? Я не хотел, мне жалко, что так вышло. Не то, всё не то. Я сказал:

— Номуса, мне плохо.

А она ответила:

— Я прощаю тебя.

Тогда я обнял её колени и смог заплакать.

«...Мне всё казалось, они ведут себя странно. Несправедливо, неправильно. Но, может, это мы ведём себя не по-человечески?

Разве нормально жить, как мы с тобой? Что мешало мне хотя бы попытаться понять тебя? Почему я сохранил в сердце самое плохое, самое обидное, даже не сомневаясь, что всё было именно так, как мне казалось тридцать лет назад? Почему не сумел забыть?

Мне сейчас так легко, так хорошо, как никогда не было раньше. Юкка смеётся и плачет. Она говорит, что я ***вазиму***. Психопат. Человек без совести. Возможно ли, чтобы какое-то устаревшее ***милосердие*** разрушило всю систему справедливого мира? Ха! Тогда это действительно страшное оружие! Как думаешь? Мне бы хотелось верить. И не только потому, что от этого зависит моя жизнь.

А теперь самое главное. Не знаю, поймёшь ли ты меня, ведь это слово давно исчезло из языка, — как и «спасибо», оно потеряло смысл в нашем лучшем из миров. Но всё-таки...

Прости меня, мама».

ЯКОВ БУДНИЦКИЙ

ПОЧЕМУ ОВЦЫ НЕ ЛЕТАЮТ

Всем нужна забота.

Добрейшая Нерва деликатно постучалась и, не дожидаясь ответа, вошла. Не поленилась милая женщина, испекла для Гая пирог с кроликом и брокколи. Заметила в углу истоптанный черный костюм, который Гай сорвал с себя, вернувшись из крематория. С мягкой укоризной гостья напомнила Гаю, как важно джентльмену поддерживать порядок в доме, и тут же предложила немедленную помощь.

Разумеется, Гаю не следовало оставаться одному в таком состоянии. Так что уборка, несмотря на поздний час,

затянулась. Нерва даже протерла окна специальной синей салфеткой, отметив между прочим, что Тиран курится и, может быть, даже и к лучшему обернулось, что Клавдия оставила их, не дождавшись Прилива.

* * *

Первой волной Прилив смоет коттеджи группы «А», в одном из которых жил Гай. Технический комплекс превратится в Убежище: говорят, что эта громадина — единственное здание, уцелевшее со времен Поселения.

Группа «Б» доживет до второй волны, которая обогнет Убежище. К тому времени море на юге вскипит, укрыв паром половину острова.

Эти нюансы изложены в методичке Службы Безопасности, которую Гай изучил в подробностях.

Прогулка по аллее, ведущей от коттеджей к Администрации, не доставляла былого удовольствия. К свежему утреннему воздуху ощутимо примешивался аромат серы — вулкан просыпался.

Хуже дыхания Тирана было сочувствие. Граждане, спешащие на работу, выражали его не только взглядами и грустными улыбками, что можно было бы перетерпеть, но и словами, самое худшее, расспросами и советами.

Утомившись от десятка задушевных бесед, Гай шагал быстро, как мог, разглядывая гравий под ногами, лишь бы не встретиться с кем-нибудь взглядом. Не прошло и минуты, как он с ходу впечатался в мягкое плечо Бифия.

Росту в этом детине было под два метра, и он казался бы мужчиной внушительным, если бы не портила фигуру рыхлая полнота. Гаю нравились в Бифии добрые глаза и невероятная для такого верзилы застенчивость.

Здоровяк обнял Гая, поинтересовался, чуть стесняясь, как тот пережил эту ночь. Нерва заходила к Бифию ранним утром, призывала заботиться о «бедном вдовце». Судя по всему, призыв касался всех жителей поселка.

— Повезло тебе с соседкой, — пробубнил Бифий, вконец смутившись. — Нерва такая заботливая.

— Как я это чувствую! — искренне ответил Гай.

Порыв ветра заставил его поежиться.

— Нерва говорила, что ты чихал, — тут же откомментировал Бифий.

— Сквозняки в библиотеке. Надо повозиться с вентиляцией.

— Надо заботиться о своем здоровье. В Уложении так и сказано: «Каждый должен заботиться о своем здоровье».

— Я знаю, Бифий, я знаю.

— Ну да, ты же библиотекарь! — улыбнулся здоровяк. — А скажи мне, — Бифий уставился на шиповник, обрамляющий аллею, — хорошо ли будет, если я цветок сорву и Нерве подарю? Она обрадуется?

— Что-то я сомневаюсь.

— А в книгах что говорится?

— Зайди посмотри, такого добра в библиотеке...

* * *

Электрик на входе возился с проводкой. Имени его Гай не помнил.

— Сочувствую вашему горю! — оживился Безымянный. — Как вы справляетесь?

— Стараюсь, как могу! — Гай вежливо улыбнулся.

— Вы как библиотекарь в курсе, что должность санитарного инспектора отменили?

— Да-да, я читал Уложение.

— Теперь мы по-дружески заботимся о личной гигиене друг друга!

Электрик достал из кармашка сумки пакет с ватными палочками и ту же, не спрашивая разрешения, проверил чистоту зубов и ушей Гая.

— Как это мило с вашей стороны.

— Просто по-соседски! Я рассчитываю, что при случае вы ответите мне тем же!

— Можете не сомневаться, сосед!

— Передайте искренний привет глубокоуважаемой Нерве.

«Вот откуда ветер дует! — догадался Гай. — Похоже, что Нерва объявила красную степень заботы. День будет долгим».

* * *

Юлия принесла ему чашку горячего кофе. Она умела варить вкусный кофе. Пожалуй, это было лучшее, что случилось за утро.

Гай разложил на стойке ассорти пособий по этикету — кроме них спрашивали разве что профессиональные мемы, что случалось не часто.

Он сделал пару робких шагов в глубь зала, догадываясь, что сразу его в покое не оставят. И точно, от входа донесся тихий звон. Пару месяцев назад Гай рылся в закромах (проводил плановую инвентаризацию хранилища) и раскопал бронзовый колокольчик, невесть как переживший не один Прилив. Сквозняк от раскрывшейся дверной диафрагмы колыхал этот чудный артефакт. Посетителям нравилось, Гаю поначалу тоже.

Все было не так плохо — просто Бифий заглянул полистать брошюрку, надеялся, что она разрешит ему срывать цветы, наивный. А ведь если вдуматься, довольно скоро они достанутся Тирану, надо ли трястись над идеальным порядком? Видимо, надо, раз люди переживают.

Также Бифий вручил шерстяной пояс — греть поясницу. «Нерва посоветовала...» — пробасил он. Пояс пришлось надеть, чтобы не смущать дарителя.

Прошло два часа с начала рабочего дня. Поток, по идее, должен был схлынуть.

Гай сделал осторожный шаг в глубину. Колокольчик молчал. Еще шаг, другой, третий... никто его не дергал. И тогда Гай рысью припустил между полок к несметным сокровищам, которыми он владел, но не мог воспользоваться. В самой удаленной части хранилища ждала его полка с доприливными дисками. Гай мог часами разглядывать яркие обложки, но взять и посмотреть какой-нибудь, любой, он не мог, воспитание не позволяло.

Всласть помедитировать над запретным плодом не удалось. Проклятый звонок погнал его обратно к стойке. Сухощавый человек с аккуратно стриженной седой бородкой изучал каталог. Все мужчины в поселке «А» брились начисто.

Когда гость заговорил, Гай узнал его по голосу. Он запомнил эти профессионально добрые интонации во время группового сеанса, следовавшего за инструктажем по Приливу. В библиотеку пожаловал терапевт.

— Здравствуйте, уважаемый библиотекарь. Слышал о вашей утрате. Надеюсь на крепость вашего духа. Всегда готов поддержать добрым словом и сеансом.

— Благодарю.

— Будьте добры, выдайте мне диск, каталожный номер двадцать два тридцать пять.

Гай поплелся к той самой заветной полке, достал диск, на обложке пенилась крутая лазоревая волна.

— Мне бы самому хотелось посмотреть этот фильм. — Гай вымученно улыбнулся.

— Нельзя, дорогой библиотекарь! Никак нельзя!

— Почему нельзя?

— Вы же понимаете, любезнейший библиотекарь, он выпущен до Прилива!

— Понимаю.

— Я ответил на ваш вопрос?

— Не совсем. Почему нельзя?

— Вы не можете смотреть доприливное кино, дорогой библиотекарь.

— Но почему не могу?

Терапевт, его звали Октавий, судя по записи в журнале, внимательно поглядел на Гая.

— Обязательно загляните ко мне на сеанс. Непременно!

* * *

Неприятности начались в столовой. Зачинщиком, как ни странно, выступил тишайший Бифий. Он попросту засмотрелся на проходящую мимо столика Нерву и вы-

ронил кусок хлеба. Заботливая женщина не преминула сделать ему замечание.

— Драгоценный мой Бифий, вы уронили булочку.

— Спасибо, уважаемая Нерва, боюсь, мне придется ее выбросить.

— Ну как же это, Бифий, хлеб — и в мусор. Так поступать нельзя!

— Кхе, кхе.

— Вы что-то сказали, Бифий?

— Это все вулкан, дорогая Нерва. Становится трудно дышать, не замечаете?

— Соглашусь. Но это не повод выбрасывать хлеб.

— Ну что же все о хлебе!

И тут милый толстяк Бифий совершил неслыханное. Без агрессии, почти игриво, он кинул булочкой в Нерву. Булочка мягко, по-теннисному, отскочила от ее плеча, волшебным образом аккуратно попав в урну.

Нерва, охнув, выскочила в коридор. Бифий помчался следом, а за ними почти все обедавшие, включая Гая. Терапевт чудесным образом тоже оказался там, пристально глядя на происходящее. Гай мог бы поклясться, что в столовой Октавия не было.

Вокруг Бифия собиралась толпа. Не прикасаясь к чудовищу, мягко улыбаясь, они приговаривали: «Бифий, дружище, ты устал, пойдем-ка, парень, к терапевту. К терапевту...»

И, сам испуганный более прочих и уж куда сильнее несчастной жертвы, госпожи Нервы, он позволил этим улыбкам увести себя.

* * *

Гай протягивал руку к полке и отдергивал ее. Протягивал и отдергивал. Октавий назвал бы его состояние шизофреническим. Один голос в голове Гая кричал «хочу», другой осаживал «нельзя».

Казалось, посмотрев фильм, он досадит и терапевту, которого Гай за что-то невзлюбил, и Нерве, вовсе к диску отношения не имевшей.

Гай забылся, вспоминая сцену в коридоре, а когда пришел в себя, обнаружил, что уже разглядывает обложку. Она напоминала ту, с диска, унесенного Октавием. Парень в цветастой рубашке на доске балансировал на гребне волны.

Гай сделал было несколько шагов к проигрывателю, но почувствовал, как пол уходит из-под ног. Полки давили на него, грозясь обрушиться, завалив пестрой горой дисков. Дым, которого он раньше не замечал, забивал горло. Отшвырнув в сторону запретную ношу, он, спотыкаясь и кашляя, добрел до стойки и судорожно схватился за нее.

* * *

Октавий закрепил на лбу Гая обруч.

— Не жмет? Отлично. Какие фиксаторы для век предпочитаете? Обычно выбирают клубничные. Но я бы остановился на арбузных. Прекрасный освежающий запах!

— Апельсиновых нет?

— Отчего же, дорогой пациент. Я их обычно не рекомендую — цитрусовые тонизируют, а моим клиентам надо успокоиться. Но апельсин так апельсин. Ну что ж, приступим! Всегда говорю пациентам: бояться не надо, будет приятно.

И перед глазами засверкало.

* * *

Гай вернулся в библиотеку, нашел отброшенный под полки диск, намереваясь вернуть его на место, но вместо того, к собственному изумлению, вставил в плеер. Зажмурился на секунду, но, вопреки опасениям, в обморок не упал.

Люди на экране ждали Прилив. Они катались на досках в бурных водах, рисовали краской волны на стенах, надевали футболки с морем или дымящимся Тираном.

«Глумление над страшной опасностью Прилива, — ужаснулся внутренний голос. — Нельзя, ну нельзя же!»

Паника исчезла.

Вечерело. Гай вышел из библиотеки, но вместо того, чтобы пойти домой или хотя бы к Бифию в гости, он отправился на берег. Голос вякнул: «Что ж ты творишь, аспид!» — и помер в конвульсиях.

Через пару часов он возвращался домой, еще чувствуя на лице соленые брызги. У входа в поселок его встречал Бифий.

— Как ты себя чувствуешь?

— Превосходно.

— Как твой друг, — Бифий будто вспоминал урок в школе, — я обязан заботиться о твоем душевном состоянии.

— Спасибо. Поверь, мое состояние выше всяких похвал.

— Это замечательно. Откуда ты идешь?

— Догадайся.

За спиной Гая не было ничего, кроме моря.

— И тебе не было страшно?

— Нет. А должно?

— Ну там же...

— Что?

— Волны. Они...

Бифий старательно задышал через нос, как советовал Октавий.

— Что, прильют и всех затопят?

— Ну да!

— Веришь ли, дружище Бифий, я об этом вовсе не думал. Сходи как-нибудь сам. Там чудесно дышится и совсем не пахнет дымом.

— Но мы все умрем!

— Да, — согласился Гай и, похлопав Бифия по плечу, прошел мимо.

Столь фамильярное обращение, мягко говоря, не сочеталось с хорошими манерами, но, похоже, что внутренний голос Гая потерял дар речи.

Зато Бифий обрел.

— Гай, дорогой! Ты не в себе. Я провожу тебя к терапевту. Он, наверное, ушел домой, но мы его вызовем. Он не откажет в помощи...

— Нет.

— Что?

— Не пойду.

— Почему?

— Не хочу. У терапевта я сегодня уже был. Хорошего понемножку.

— Но ты должен!

— Бифий, расходимся по домам.

— Но я обязан отвести... — На толстяка было жалко смотреть.

Гай обхватил голову друга руками, притянул его лицо ближе к своему, для чего здоровяку пришлось нагнуться, и сказал очень четко, глаза в глаза.

— Бифий, сейчас ты идешь домой и ложишься спать. А завтра, если очень захочешь, подарю тебе шарфик, чтобы тебе ненароком шею не продуло. Пояс твой, кстати, воняет псиной. Все, свободен.

Гай первый раз в жизни говорил с кем-то подобным тоном. В глубине души он ожидал от Бифия моря возмущения. Но тот поплелся в поселок, оглядываясь на Гая.

* * *

Утром Гай чуть ли не бегом ринулся в библиотеку. Он рылся на запретной полке долго и с удовольствием, и внутренний голос не беспокоил его нотациями.

После долгих колебаний его привлекало все, стоящее на полке, он выбрал фильм, описание которого сам толком не понял.

Главные герои назывались «служители Закона», Закон же представлялся чем-то вроде хороших манер. Однако большинство персонажей были дурно воспитаны, служители убеждали таких людей последовать на сеанс.

Гай вспомнил ссору между Бифием и Нервой. Если бы таковая случилась до Прилива, дело не обошлось бы без служителей.

Сами служители воспитанием не блистали, общались друг с другом и окружающими грубо, не стеснялись не то что хамить, но даже и трогать других людей.

Запомнилась одна сцена. Очень красивая женщина, болезненно напоминавшая Клавдию, ссорилась с мужем-служителем.

— Принеси мне воды, — говорил он.

Она шла на кухню.

— Быстрее, — кричал ей муж.

Она ускоряла шаг.

— Быстрее, корова неуклюжая!

Женщина расправляла плечи и гордо вскидывала голову.

— Ты что, оглохла, дрянь?

Женщина разворачивалась и била мужа ладонью по лицу.

— Слава богу. Я уж думал, что ты забыла про достоинство.

Похожая сцена повторялась между ними в разных вариациях. Завершалась она всегда спальней, что ставило под сомнение ценность урока.

* * *

Гай отлавливал людей в коридорах, в столовой, на аллеях поселка «А». Наличие публики его не смущало, без зрителей его план терял смысл.

— Бифий, почему ты такой жирный? Ты хоть понимаешь, до чего ты отвратителен? Ну что ты молчишь? Ты в зеркало на себя давно смотрел? Я знаю, что я Гай. А ты — свинья.

— Нерва, дай булку. Нет, не эту. С изюмом. Почему такая черствая? Ты разучилась печь хлеб. Нет, милая, не пойду я к терапевту. А ты сбегаешь и принесешь что-то съедобное. Что, рука сама поднимается врезать мне по губам?

Ах, не поднимается? Тогда бегом! Это съедобно? Смотри, что я делаю с твоей булкой, каблуком ее, каблуком. Дайте ей кто-нибудь воды. Что вы застыли, женщине плохо.

— Эй, как тебя зовут? Да, обидели тебя мама с папой. Что ты здесь делаешь? Электрик? Помню. Принеси-ка мне, электрик, новую лампу на стол. Да поярче. Быстрее, электрик. Завтра, так и быть, проверю твои уши.

— Юлия, иди сюда. Да, кофе я хочу. Скажи мне, Юлия... хороший кофе... Скажи, милая, муж тебя хорошо ублажает? Да-да, в постели. Ты смеешься? Просто полежать? Обнявшись? Раз в неделю? Нет, Юлия, у меня с Клавдией было не так. Иди-ка сюда! Хотя нет, стой. Спасибо за кофе, правда, вкусный.

— Женщина! Плевать мне, как тебя зовут! Иди сюда! Быстрее! Еще быстрее! Корова неуклюжая! Ближе! Не нужна тебе эта блузка! Что, и все? И будешь терпеть, как я пялюсь на твою грудь? Ударь меня по лицу! Ну что вы столпились? Что вы скалитесь? Не пойду я ни к какому терапевту! Пусть шлет служителей, если у вас нет достоинства. А ну, развернулись и разбежались!

— Бифий, иди сюда. Да, ты, жирная скотина! Мне ненавистна твоя рожа! Хрясь по ней, хрясь! Ну, дай же мне сдачи!

— Наконец-то! Долго же вас ждать, господин Октавий. Что же вы один, без служителей?

* * *

— Обратите внимание, дорогой Гай, как пустынно в коридоре.

— Я их разогнал.

— Угадайте же, где они сейчас!

— Сидят по домам и плачут?

— Близко. Вашими усилиями, Гай, в кабинеты терапевтов скопились огромные очереди.

— Почему же вы не с ними?

— Боюсь, у меня есть дела поважнее. Вы, дорогой Гай, вы! А несчастным помогут мои коллеги.

— Я?

— Именно! Соблаговолите, любезный Гай, последовать за мной!

— Думаю, что с меня сеансов достаточно. И что теперь? Позовете служителей? Что-то они медлят.

— Смотрели старое кино, проказник! Нет у меня никаких служителей. Мы справимся так. Господин Бифий. Господин Тит. Подойдите, пожалуйста, ближе. Карадиозис! А теперь, дорогие друзья, берите нашего мятежника под белы ручки и ведите его ко мне в кабинет.

* * *

Что-то изменилось в лицах Бифия, да и электрика тоже, но к нему Гай не присматривался. Изменилось в тот момент, когда терапевт произнес это странное слово «карадиозис».

Куда делось хорошее воспитание этих милых людей? Бифий и разобиженный электрик Тит тащили Гая, с плохо скрываемым удовольствием подгоняя пинками. Пинки получались неубедительные, наверное, из-за отсутствия практики. Впрочем, Гай был не в настроении сопротивляться.

Они усадили Гая в кресло.

— Друзья мои, спасибо! Инцефал. Тит, Бифий, вам стоит пройти сеанс терапии. В любом из кабинетов. Идите же, свободны.

Гай так и не понял, отличается ли процедура, которой его подверг терапевт в этот раз, от стандартной. Октавий буркнул что-то про тонкие настройки. Гай на всякий случай изобразил, как мог, стеклянные глаза.

Терапевт посмотрел на него с недоверием, но вдруг бросился к окну. Даже с места, с обездвиженной обручем головой, Гай видел черный дым, испускаемый Тираном.

— Идите уже на все четыре стороны, хулиган доморощенный. Надеюсь, сеанс вам помог. Не верю я вашим бесстыжим глазам, но времени осталось мало, и я не хочу его тратить на вас. Идите, отдыхайте. Прилив начался. Домой, Гай, домой.

* * *

Несколько минут спустя Гай уже сидел в библиотеке и смотрел очередное кино. По чудесному совпадению это оказался тот самый диск, что брал накануне Октавий.

Фильм посвящался непосредственно Приливу, отважные мужественные мышцеватые серферы и спортивные загорелые серферши боролись с водной стихией, попутно спасая кого ни попадя.

Гай, как ни пытался, не мог представить Бифия Робкого, сияющего фингалом, в роли Спасителя Человечества. Скорее уж Бифий-конвоир мог спасти хотя бы себя, но и то вряд ли.

Гай бросился искать Толстяка и нашел его выходящим из кабинета терапевта на другом этаже Станции. Тот сжался при виде Гая.

— Да не бойся, прости ты меня. Хотя нет, стоп. Бифий, раз-два, ко мне шагом марш. Быстро. Итак, я уже говорил, что ты тупая скотина? Эффекта никакого. А если так: карадиозис, тупая скотина.

Бифий широко улыбнулся и с размаху дал Гаю в глаз.

* * *

Нестерпимо пахло дымом. Станцию потряхивало. Слетали чашки со столов, но на ногах пока удержаться было можно.

Бас Октавия, отражаясь от стен, приобретал металлический оттенок.

— Сограждане! Станция консервируется автоматически! Срочно расходитесь по индивидуальным убежищам! Включите режим частной консервации! Большая красная кнопка рядом со входом! По индивидуальным убежищам! Не пытайтесь вынести что-либо с рабочих мест! Оснащению Станции ничто не угрожает. До полной консервации осталось двадцать семь минут! Расходитесь по индивидуальным убежищам!

Люди покорно следовали к выходу, не слишком, впрочем, торопясь. При каждом очередном толчке они ойкали почти хором и продолжали идти.

Гай вспомнил, что Юлия работает в радиорубке. Повезло, он столкнулся с ней в коридоре, буквально нос к носу.

— Октавий отпустил меня, сказал, что оставаться опасно. Я ему все настроила и ушла. Гай, почему вы не идете в Убежище?

— Юлия, убежища не помогут, их просто затопит. Все эти люди умрут, вы должны мне помочь!

— Но господин Октавий сказал, что надо идти в Убежище!

— Юлия, карадиозис!

Она встряхнула головой, будто отгоняя наваждение.

— Вы мне поможете?

— Конечно! Что надо делать?

* * *

— Не пытайтесь объединяться! Убежища рассчитаны на одного человека! Быстро и без паники доберитесь до своего персонального Убежища и включите консервацию! Большая красная...

Пока Гай лихорадочно соображал, как бы ему нейтрализовать Октавия, вещавшего в микрофон, Юлия подкралась и саданула терапевта по затылку статуэткой Тирана.

Гай оттащил в сторону тело, отметив про себя, что Октавий вроде бы дышит.

— Что мне делать?

— Микрофон включен, — шепнула Юлия. — Говорите!

И Гай заорал:

— Карадиозис! К черту убежища!

— Гай, это так здорово! Я давно не чувствовала себя такой живой! Вы видели, как я его треснула?

— Юлия, микрофон!

— Да нет же! Я его отключила! Расслабься, Гай! Так здорово! Мне понравилось, как ты распекал эту стерву булочницу! «Что я сделаю с твоей булкой, а я ее ногой!»

Она повисла у Гая на шее, целуя его и бормоча всякую ерунду. Кажется, она пыталась повалить его на пол.

— Юлия, что вы делаете! И что у вас с глазами?

Она рвала на нем и себе одежду, с неженской силой укрощая вялые попытки Гая освободиться.

— Юлия, у нас нет на это времени! Прилив!..

— Прилив подождет! А я ждать не буду! Ты был прав, милый! Мой дурак муж полный импотент. Все импотенты! Кроме тебя!

Юлия неистовствовала, потеряв всяческий контроль над собой. Гай лежал на полу полуголый, с расцарапанным лицом.

— Юлия, замрите! Инцефал! Инцефал! Да замрите же! Вот так! Гай, вы в порядке?

Октавий оттащил в сторону обмякшую девушку, положил рядом чрезвычайно полезного Тирана и помог Гаю подняться.

— Вы целы? Что у вас с ухом?

— По-моему, она его прокусила. В порыве страсти.

— Черт, нет времени идти за аптечкой.

Октавий подошел к микрофону.

— Куда она жала? Сюда, что ли? Инцефал! Инцефал! Инцефал! Пустое. Слишком поздно, кодовое слово не работает. Вашу пылкую подругу оно не отрезвило, значит, и остальные... надо выбираться со Станции. Ваша одежда... Возьмите мой пиджак. И подвяжите брюки проводом!

* * *

На Станции дрались. Самозабвенно. Все со всеми. Злобно и сосредоточенно.

Гай пробирался вдоль стенки, осторожно, стараясь не обращать на себя внимание. Октавий шел следом, бормо-

ча «инцефал» каждому, кто к ним приближался. Заклинание не приносило заметного эффекта.

Пока им везло. Окружающие самозабвенно плющили друг другу носы, не глядя по сторонам. Гай свернул за угол, порадовался было пустому коридору, отлип от стенки, собрался бежать, как кто-то схватил его за ворот. Ткань опасно треснула.

— Тебе не нравятся мои булки? Они слишком черствы для тебя?

— Нерва, простите меня! Это был просто эксперимент! Ваш пирог бесподобен!

— Нельзя топтать Хлеб! — Нерва стукнула Гая головой о стенку. — Нельзя топтать Хлеб.

— Октавий, помогите!

— Я немного занят, — раздалось из-за угла сдавленное.

— Нерва!

— Пусти его, сука!

Удару Юлии позавидовал бы любой служитель Закона.

— Инцефал! Инцефал! Инцефал! — бормотал Октавий.

— Бежим!

Гай схватил Юлию, порывавшуюся схватиться с кем-либо еще, за руку и потащил по коридору. Терапевт не отставал от них.

— Куда вы!..

— К лифтам!

— Гай, не будьте идиотом, бежим на лестницу! Черт!

Выход преграждала куча-мала. В центре ее воевал Бифий, сейчас вовсе не походивший на вялого толстяка. На него наседало человек семь мужчин и женщин, он без особого труда отталкивал нападавших. Увидев Гая, он что-то прорычал, раскинул руки в стороны и оттащил толпу шага на два в сторону.

— Бифий! — прошептал Гай.

— Быстрее, — Октавий толкнул его в спину, — он не сможет держать их вечно!

* * *

Им удалось выбраться из здания.

— У меня там машина! — бормотал Октавий. — Только куда нам ехать?

— В Убежище?

— Боюсь, что оно законсервировалось без меня.

— А как же большая красная кнопка?

— Там еще датчики. Когда мир сходит с ума, Убежище — хлоп. И здравствуй, Прилив.

— Поехали ко мне домой. Это совсем рядом. Закроем жалюзи. И нам сам черт не брат.

* * *

— Запирайте, Гай, запирайте быстро жалюзи! Толпа идет в поселок!

— Милый!

— Юлия, подожди! Октавий, подержите ее! Держите, а не бейте! Чем вы ее?

— Сковородкой. Я бы с ней не справился. Заперли? Давайте я займусь вашим ухом. Есть аптечка?

— В ванной.

Терапевт заклеил ухо пластырем, смазал какой-то белой гадостью царапины Гая.

— Объясните мне наконец, что здесь происходит!

— А это, дорогой Гай, и есть Прилив.

— Какой Прилив? Тиран только слегка раскашлялся! Наводнения и в помине нет!

— Да с чего вы взяли, что Прилив — это наводнение?

— Это все знают. Вулкан, землетрясение, поток лавы с одной стороны и страшная волна с другой смывают хрупкие человеческие селения! И потом, я же фильм видел!

— Фильм. Как дети малые. Все гораздо печальнее и страшнее, чем какое-то наводнение. Вот уж с чем бы мы справились в космическую эру!

— И что же такое Прилив?

— Мы с вами, дорогой Гай, мутанты. Тиран выбрасывает в воздух какую-то гадость. Химики знают, какую именно, но я — психиатр. В небольших количествах мы ее почти не замечаем. Но она в нас копится, копится. А раз лет в сто вулкан начинает буянить. Не сильно, как сейчас. Гадости становится больше, и люди сходят с ума. Мой дед, один из немногих, кто пережил прошлый Прилив. Он был известным психотерапевтом, он и придумал подавлять агрессию с помощью внутренних блоков и запретов. Мы с отцом довели его проект до логического совершенства. Какой чудный мир мы создали! Ни полиции, ни денег! Одна внутренняя дисциплина!

— Свет клином не сошелся на этом острове! Почему бы нам попросту не улететь подальше от вулкана?

— Какой вы, Гай, умный! И как мы сами не догадались!

— Что, что?

— Единственное пригодное для человека место на всей планете под боком у Тирана. Бежать некуда. И ведь мы почти справились с обострением! А тут вы со своим «карадиозисом». Ну скажите, Гай, зачем вы это сделали?

— Вы всерьез считаете, что эти вялые зомби пережили бы Прилив? Они же абсолютно беспомощны!

— Гай, вы идиот! Вы испортили дело трех поколений, вы погубили всю колонию! Вы...

— Октавий, у вас глаза краснеют. Вы сходите с ума, старый дурак!

— На себя посмотрите! Так. Мы, в конце концов, приличные люди. С хорошим, кстати, воспитанием. И судя по тому, что мы так долго держались, у нас иммунитет. Надо отвлечься. У вас есть еда?

— Хотите черствый пирог с брокколи?

— Ох!

Что-то ударилось в жалюзи. В углу завозилась, приходя в себя, Юлия.

— Да, — пробормотал Гай, — ночь будет долгой.

Но его уже никто не слушал.

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

ВЛАСТЕЛИН ЯМЫ

Развевающиеся на ветру лохмотья едва прикрывали спину оборванца. Пустырник содрогнулся от омерзения: разве можно доводить до такого состояния собственную одежду?

— Пять тысяч семьсот тридцать два, — пробормотал оборванец, сидя спиной к Пустырнику. Тут же продолжил:

— Пять тысяч семьсот тридцать три, пять тысяч семьсот тридцать четыре...

Чокнутый. Не зомби — простой умалишённый. Неудивительно сойти с ума, сидя на таком солнце. Но необходимо спросить о дороге. У Пустырника давно возникло чувство кружения на месте. Возможно, оно ложное: на протяжении всего пути пейзаж не менялся — пыльная степь с перекати-поле. Недолго и заплутать.

— Извините! — окликнул оборванца Пустырник. — Не подскажете дорогу к Оракулу?

— Пять тысяч пятьсот со-о-о-рок... — нараспев ответил тот, а показалось: «Ну, дружок, это просто!»

Однако Пустырник не уловил интонаций голоса незнакомца. К тому времени он уже почти спёкся под лучами белого шара солнца. Пустырник обошёл оборванца, чтобы видеть его лицо.

— Мне бы дорогу узнать...

Тот выглядел вполне прилично: правая половина лица покрыта кожей, пусть сморщенной, со следами когтей, но кожей. Даже нос на месте. И глаза целые.

— Мне бы дорогу... К Оракулу...

Оборванец смотрел на Пустырника удивлённо.

— Пять тысяч пятьсот сорок, — как сказал: «Ты что, тупица? Одно и то же повторяешь».

— Да. Понятно.

— Это Счётчик, — раздалось со спины. — От него другого не добьёшься.

Пустырник вжал голову в плечи, отскочил в сторону, привычно вытаскивая из самодельной кобуры резак. Оружие давно пустое, но кто об этом знает? Зомбям, которые встречались на пути, невдомёк. Они одного вида резака пугаются, а нормальный человек задумается, глядишь, пройдёт мимо, нападать не станет на вооружённого.

Этот не испугался.

— Спокойно, сударь. Спокойно, — остановил Пустырника незнакомец, показывая пустые руки. — Я не причиню вам вреда. — Он отряхнул брезентовый плащ, поправил широкополую шляпу с рваной дырой на макушке и гордо приосанился. — Я — Длань Закона, человек Оракула.

За время путешествия Пустырник повидал субъектов и более респектабельных, чем Длань Закона. Доверия к первым встречным он не испытывал. Однако ему не хотелось верить, что в конце пути ждёт гибель. Ну, минимум сдерут кожу.

— Я представился, — напомнил Длань, ожидая ответа.

— Меня зовут Пустырник, — ответил странник, опуская резак. Совсем убрать оружие он не спешил.

— Пустырник, — повторил Длань Закона, шевеля губами, словно пробуя имя на вкус. — Очень приятно, сударь.

Он поднял с земли конец верёвки, дёрнул. Из-за большого камня у подножия холма появился зомби. Второй конец верёвки плотно стягивал руки живого мертвяка, лишённые плоти, и тянулся дальше. Вскоре цепочка из семерых зомбей приблизилась к хозяину.

— Оракул считает, что каждый имеет шанс на новую жизнь, — сказал Длань, глядя на удивлённого Пустырника. — Каждому из мертвяков он открывает предназначение. — Он указал на Счётчика. — Этот чудак был одним из первых.

— Пять тысяч пятьсот сорок... — произнёс тот плаксиво. — Пять тысяч пятьсот сорок...

Вид у Счётчика становился всё несчастней, он без остановки повторял число, глядя куда-то за спину Длани и Пустырнику.

Странник обернулся. У борозды, пересекающей сухую степь до самого горизонта, на ветру колыхался куст перекати-поля, зацепившийся за угловатый камень.

Не раздумывая ни секунды, Пустырник пришёл на помощь несчастному Счётчику.

— Пять тысяч пятьсот сорок один, — улыбаясь, произнёс странник, пуская куст по ветру.

Счётчик оскалился сломанными зубами:

— Пять тысяч пятьсот сорок и пять десятых, — прошипел он, глядя на Длань.

— Так, парень, — тот подошёл к Пустырнику, связывая из верёвки петлю, — ты обвиняешься в нанесении морального ущерба и во вторжении в частную жизнь свободного гражданина. Данной мне Оракулом властью я арестовываю тебя.

Пустырник не успел ничего сказать в свою защиту, как его запястья стянула верёвочная петля.

— Ты имеешь право молчать или нанять защитника. — Длань снял шляпу — гладкая лысина сверкнула в лучах солнца. Когда-то давно его скальпировали, обнажённые кости черепа пожелтели и потрескались. — Хотя, думаю, защитник не станет выгораживать тебя, но такова судебная процедура.

— За что?! — наконец обрёл дар речи Пустырник. — Я всего лишь помог убогому!

— Кого ты назвал убогим? — человек Оракула прищурился.

— Пять тысяч пятьсот сорок и пять десятых, — презрительно произнёс Счётчик.

— Это просветлённого ты сейчас назвал убогим? — гнул своё Длань. — О-о, парень, тебе лучше молчать, иначе я обвиню тебя в нанесении оскорбления свободному гражданину. Но учитывая, что ты пришёл издалека к Оракулу, я могу смягчить обвинение и пропустить мимо ушей последние слова, — Длань многозначительно посмотрел на резак, который Пустырник так и не выпустил из рук.

— Ы—ы—ы, — промычал зомби за спиной странника и ткнулся головой ему в спину, от чего Пустырник едва

не подпрыгнул на месте. Какая жуть стоять среди облезлых зомбей! Глянь на них, и даже не поймёшь — то ли это ошмётки плоти свисают с конечностей, то ли остатки одежды.

— Хотите резак? — тихо спросил странник. — А взамен снимите обвинение.

— Я хочу? — Длань приосанился, исполнился гнева. — По-твоему, я требую взятку? Новое оскорбление, парень?

— Нет-нет! — спохватился Пустырник, роняя резак на землю, как бы в панике. — Вы правы, сударь. Мне лучше помолчать.

Длань довольно кивнул, огляделся и, быстро подняв оружие, спрятал его в складках плаща. Счётчик удивлённо уставился на блюстителя закона.

— А у вас, сударь, между прочим, пять тысяч пятьсот сорок один и пять десятых, — человек Оракула указал на перекати-поле, пересёкшее линию счёта.

Счётчик дрогнул, засуетился, повторяя названное число. Ещё три куста неслись в список, гонимые сухим ветром.

— Так вы меня отпускаете? — осторожно спросил Пустырник, протягивая связанные руки к блюстителю закона.

— Зачем? — удивился тот. — Ты ведь шёл к Оракулу? Я отведу тебя прямо к нему.

— Н-но...

Указательный палец Длани, перемотанный грязной тряпицей, ткнул Пустырник едва ли не в нос.

— Парень, парень, учти: незнание закона не освобождает от ответственности.

И странник подчинился.

* * *

Есть ли жизнь после гипса? Теперь Гена Зыбин мог с уверенностью ответить: есть! Самым большим горем в жизни Гены была его странная болезнь. Точнее даже

не болезнь, а особенность организма: он отторгал любые электромеханические апгрейды. Друзья усиливали скелет металловолокном, а после поднимали тяжести, прыгали с высоты, вставляли глазные импланты, увеличивали объём лёгких... А Гена Зыбин еле выжил, когда ему попытались усилить сломанную руку. Врачи были в шоке, пока какой-то старый хирург не надоумил их взять перелом в дощечки и обмазать гипсом. Это был страшный позор для Гены. Он, как последний идиот, ходил с толстенным поленом на шее, в которое превратилась рука. Столько издевательств и колких шуток он не слышал за всю свою жизнь. В ФейсОфТейбле — ресурсе для приколов — приятели устроили соревнование: кто первый выложит новое изображение Полена, как прозвали Зыбина. Гене приходилось прятаться, маскироваться, но даже дома ему не было покоя.

Больше всего было обидно, когда над ним смеялась девушка из соседнего пентхауса — прекрасная брюнетка, при появлении которой сердце Зыбина давало сбой. Он готов был часами любоваться её грацией, тёмными локонами, точёным профилем. Она же спрашивала, как дела, с улыбкой поглядывая на гипс, а потом хохотала с подругой, едва Гена отвечал «нормально» и проходил мимо. Её насмешки были самыми неприятными, раздражающими.

Однажды всё переменилось.

* * *

Такой большой палатки Пустырник никогда не видел. Ветер едва шевелил тяжёлые занавеси, гудел на растяжных канатах, трепал длинные вымпелы, привязанные к верхушкам шестов. У входа стояли два Стража в латах, если эти смятые железки можно назвать латами.

Пустырник сглотнул, остановился. Зомби, идущий за ним, ткнулся в спину всей массой, не позволив задержаться. Стражи вытянулись во фрунт, в ответ Длань небрежно коснулся пальцами руки дырявой шляпы.

Под пологом палатки скрывался целый лабиринт. Пустырник запутался в занавесях, стальных перегородках, длинных коридорах. Ему казалось, что вереницу зомби водят по кругу, путая след. На самом деле так и было: Длань вёл их по спирали к центру палатки. До слуха доносилась музыка, женский смех, но Пустырник очень устал от свалившихся впечатлений, чтобы обращать на это внимание, и, когда открылось большое помещение, он не сразу остановился. Блюстителю закона пришлось остановить его, положив руку на плечо.

— Полегче, парень.

— Где я? — пробормотал Пустырник.

— Там, куда стремился, у Оракула.

Громкий хлопок заставил странника вздрогнуть. Занавеси колыхнулись, открывая проходы, в помещение вбежали девушки с подносами и кубками. Более прекрасных созданий Пустырник никогда не видел: яркие ленты украшали стройные тела, скрывая небольшие изъяны. Красавицы собрались на ступенях постамента, у противоположной стены. На самом постаменте зажужжал механизм, и ложе, заваленное тряпками, трансформировалось в кресло.

— Великий Оракул! — возвестил Страж, стоящий у постамента.

Груда покрывал слетела на ступени. Явив миру волосатые ноги и сверкнув кое-чем неприличным, в кресле, кряхтя, уселся Великий Оракул — полный человек с опухшим лицом. До носа Пустырника долетело амбре — смесь нечистого дыхания с потом. Девушки кинулись оправлять расшитую хламиду и причёсывать волосы, на что тот завыл, прикрываясь руками и гневно плюясь.

— Брысь! Кыш! Назойливые сучки! — хрипло закричал Оракул, отбиваясь от служанок.

Девушки заохали и заахали, словно хлопотали над непослушным ребёнком, и тогда Великий взревел, скаля жёлтые кривые зубы.

— Вооон! Воооон! Дайте прийти в себя! — заорал он, тут же успокоился, жалобно всхлипнул. — У кого-нибудь есть опохмелиться?

Придворные молчали. Воцарилась гробовая тишина, если не считать свиста ветра в канатах палатки. Оракул горестно вздохнул, почмокал сухими губами и, не глядя на подчинённых, попросил воды. Ему тут же поднесли золотой кубок.

Пил Великий долго, жадно, плеская на грудь и стеная, словно питьё было для него тяжкой работой.

— Доброго дня, шеф! — громко произнёс Длань, когда Оракул наконец оторвался от кубка и облегчённо вздохнул.

Великий прищурился, его цепкий взгляд на мгновение задержался на Пустырнике, скользнул по пленным зомбям и поздоровался с Дланью:

— Привет, Фёдор. — Оракул откашлялся. — Это все? Слава небесам. Кажется, кончаются.

Он отдал кубок служанке и по локоть закатал рукава хламиды.

— Где Массовик-Затейник?! — проревел Великий куда-то за престол.

Из складок палатки появился богато одетый человек в красно-белом колпаке с серебряными бубенчиками.

— Затейник, у тебя... э-э-э... есть? — негромко обратился к нему Оракул.

Человек улыбнулся, растянув губы от уха до уха, и поклонился. Бубенцы на его головном уборе весело брякнули.

— О Великий Прорицатель, дарующий нам сирым свободу и смысл...

— А-а-а! — замахал на него Оракул, и Массовик-Затейник смолк, не переставая улыбаться. — Ясно! Сначала работа, будь она неладна. Фёдор, давай первого!

Пустырник сделал шаг вперёд, дрожа от возбуждения. Сейчас свершится чудо, Оракул откроет ему предназначение, предскажет судьбу. Однако Длань отодвинул его в сторону и начал с последнего из зомбей. Пустырник непонимающе моргнул: как же так? А с другой стороны, увидеть таинство предсказания — уже чудо.

Едва переставляя ноги, зомби подходили к постаменту, становились на площадку по правую руку от Оракула

и опускались на колени спиной к провидцу. Великий касался ладонью их затылков, что-то шептал над головами, и взгляд мертвеца становился осмысленным.

— Как я здесь оказался? Что произошло? Кто вы? — вопрошали очнувшиеся.

Один, обретя вторую жизнь, вдруг сразу выпалил:

— Так что ты будешь пить, детка? — потом, увидев связанного Пустырника, добавил: — Что за нафиг?

Стражи быстро подхватили его под руки и оттащили от постамента. Бывший зомби пытался сопротивляться, но стражи знали своё дело.

Когда очередь дошла до Пустырника, Длань обратился к Оракулу:

— Этот самый интересный экземпляр. Он заверяет, что зовут его Пустырник, и любит вторгаться в частную жизнь свободных граждан.

— Неправда! — воскликнул странник. — Я всего лишь пытался помочь!

— Ого! — удивился Оракул. — Умника занесло.

Он бойко соскочил с престола и подошёл к Пустырнику, пристально всматриваясь ему в лицо. Увиденное слегка разочаровало Великого. Он пошамкал губами и печально покачал головой.

— А подробнее? — обратился он к Длани.

Блюститель закона изложил суть происшествия. Провидец посмотрел на Массовика, словно ожидая его совета. Тот почесал подбородок — улыбка застыла на его губах, видимо, навечно. Затейник открыл рот, собираясь сказать нечто, но Великий опередил его, громко воскликнув:

— Бродила! Бродила!.. Ну конечно! — Он гневно взглянул на подданных. — Эй, вы, мерзавцы! Кто-нибудь послал к Бродиле? Или вы хотите, чтобы ваш Великий Оракул протянул ноги от похмелья?

Призыв прорицателя привёл к суматохе. В мгновение ока палатка превратилась в развороченный муравейник. Подчинённые забегали взад-вперёд, кто-то невидимый за занавесками призывал послать к Бродиле именем Вели-

кого Оракула, кто-то звенел пустыми бутылками. Только Массовик-Затейник оставался на прежнем месте, довольно улыбаясь.

— Так как, ты сказал, тебя зовут? — прорицатель вернулся к страннику.

— Меня зовут Пустырник, — ответил тот.

— Незнание закона не... — заныл Длань.

— Заткнись, Фёдор! Тебя зовут Пустырник?

— Да, Великий Оракул.

— Я считаю его нарушителем прав...

Прорицатель отвесил Длани оплеуху, сбив с головы дырявую шляпу.

— Кого учить вздумал?!

Спор утомил Оракула, он взобрался на престол, опираясь на руки красавиц служанок.

— В чём ещё ты обвиняешь этого славного путника? Ну, кроме глумления над Счётчиком, — спросил Оракул, кряхтя, умащиваясь на седалище.

— Он сбил Счётчика со счёта, что является грубым вмешательством в частную жизнь свободного гражданина, — упрямо отчеканил Длань. — Так требует закон Оракула!

Великий развёл руками:

— Серьёзное обвинение. Что скажешь, Пустырник?

— Я хотел просто помочь, — горячо ответил странник. — Я не знал...

Оракул взглянул на Длань. Тот провёл ладонью по шее.

— Аха! — неопределённо произнёс прорицатель, потирая второй подбородок. — С этим трудно спорить. Ответь тогда, странник: зачем ты пришёл ко мне?

— Милостивый сударь. — Пустырник прижал всё ещё связанные руки к груди. — Моей целью было пророчество, которым ты награждаешь каждого, кто приходит к тебе. Я хочу узнать своё предназначение. Кто я? Зачем я?

Оракул насупился, что-то недовольно пробурчал себе под нос.

— Я пришёл не с пустыми руками, — отчаянно продолжал Пустырник и полез в свою суму, висящую на боку.

— Да развяжи ты ему руки! — раздражённо велел Длани Оракул.

— Он государственный преступник...

— Да-да-да! И понесёт наказание! К чертям собачьим! Но мы должны его выслушать и открыть судьбу! — грозя кулаком Законнику Фёдору, кричал в гневе Великий, а потом, вдруг успокоившись, добавил: — Иначе какой я Оракул.

Блюститель закона вжал голову в плечи, поторопился снять верёвку с запястий странника.

На свет божий Пустырник извлёк пакет из плотной коричневой бумаги, из которого торчало горлышко бутылки.

— Один добрый человек сказал мне, что это будет самым лучшим подарком Великому Оракулу, — сказал странник, протягивая дар.

— Ё! — выдохнул прорицатель, не сводя восторженных глаз с подношения. — Дайте, черти, эту штуку скорее сюда!

Длань колебался, словно чувствуя подвох.

— Ну, чего уставился, Фёдор? Давай!

Слеза скатилась по дряблой щеке Оракула, когда он вытащил бутылку из пакета.

— «Абсолют»... Под сургучом... Это подарок так подарок! За такое ты, Пустырник, заслуживаешь...

— Он преступник, — проскрежетал Длань, нервно дёрнул головой. — Не позволь людям, Великий, усомниться в твоей справедливости.

Оракул тяжело вздохнул.

— Подарок расценивается как взятка должностному лицу при исполнении служебных обязанностей, — гнул блюститель.

Прорицатель глянул на бутылку, на сурового Фёдора, потом на несчастного Пустырника.

— Чёрт с тобой! — Оракул приосанился. — Слушайте все мою волю! Властью, данной мне Господом, приказы-

ваю: выгнать этого бродягу вон с наших земель, лишив его моего пророчества! Я сказал, и моё слово — Закон!

Пустырник не поверил своим ушам. Его выгоняют без пророчества, и теперь он до конца дней будет ходить по миру, не зная своего предназначения. Есть ли участь хуже, чем эта?

— Нет! Великий Оракул! Нет!

Фёдор ловко накинул на его запястья верёвку и потащил к выходу. Оракул печально смотрел им вслед.

— Да! Забыл добавить, — произнёс он, поднимая бутылку. — С конфискацией имущества за попытку дачи взятки.

* * *

Мир изменился неожиданно. Прохожие остановились, словно в них, как в старинных пружинных игрушках, кончился завод; билборды погасли, превратившись в огромные чёрные экраны; велосипедист врезался в столб, да так и остался неподвижно лежать, рассыпая голубые искры из разбитого тела, истекая наногелем.

Гена сначала не сообразил, что происходит. Он счастливый шёл по улице, закатав рукава, чтобы насмешники увидели его целую руку без гипса. Прощай, позорный ФейсОфТейбл! Прощай, бревно! Рука цела и вполне работоспособна, а главное, теперь её можно почесать. О, какое это наслаждение — почесаться после гипса!

Поступок велосипедиста озадачил Зыбина: гражданин-аройд внезапно вырубился, и непонятно, что стало тому причиной. А прохожие? С ними-то что?

Истошно завопила женщина:

— Помогите! Помогите! Мои ноги!

Несчастная сидела на тротуаре, пытаясь подняться. Гена остановился, удивлённо глядя на несчастную.

— Протезы! Протезы отказали! — Её ноги непослушными плетями лежали на плитках тротуара.

Зыбин поспешил к упавшей, толкнул мужчину-аройда, извинился, на что тот никак не отреагировал.

— Помогите, — рыдая, женщина протянула к Диме руки.

И тут до Зыбина дошло: прохожие остались безучастными к её горю, и только он один пришёл на помощь — безапгрейдный Гена.

— Эй, паря! Чё за фигня? — Из антикварной лавки вышел толстенький коротышка с синей шевелюрой и в расшитом золотом жилете. — Представляешь, у меня свет погас... — едва ли не с восторгом произнёс он и тут увидел женщину. — А с вами чего, мадам? Протезы? Ага. Надо «Скорую» вызывать. Слышь, чел? — Коротышка обратился к мужчине, по-прежнему стоящему там, где с ним столкнулся Гена. — Сеть есть? Да ты слышишь меня, чел?

Коротышка тронул мужчину за руку, потом оглядел ся вокруг:

— Что-то я не секу, паря. Они что? Все?

Прохожие стояли словно манекены, уставившись перед собой пустыми глазами. За их спинами, стеная, двигались люди-протезники, взывая о помощи, как и безногая женщина. Кто-то выл, требуя Сеть; кто-то упал — отказал скелетон; кто-то слепо шарил руками перед собой; иные умирали, лишившись встроенного медкомпа.

Гена похолодел: настоящих людей — не аройдов — можно было сосчитать по пальцам едва ли не в буквальном смысле слова!

Коротышка грязно выругался:

— Сечёшь тему, паря? Электронка везде вырубилась. Все, кто стоит — аройды. Говорил мой дед: не давайте им равные права с человеком. Так нет же! Этика Азимова! Капец, — он покачал головой. — Ни связи, ни электричества, ни воды...

Коротышка не договорил. В небе загудело, засвистело. Над крышами домов пронёсся стратосферный аэробус. Гена невольно зажал уши, а женщина завопила сильнее прежнего. Столб огня и дыма поднялся над землёй в трёх кварталах отсюда. Ударная волна пронеслась по улицам, толкнула стоящих аройдов, и те пришли в движение. Каждый пошёл своей дорогой, механически пе-

реставляя ноги. Коротышка замер, открыв рот, и это стоило ему жизни.

Аройды постепенно стали сбиваться в толпу, бредущую в одном направлении. Зыбин не успел моргнуть, как механические люди сплотились в большой отряд и двинулись прямо на него. Гена попятился. Коротышка шагнул к магазинчику, но споткнулся, упал. Заорав, он попытался уползти на четвереньках и скрылся среди множества ног. До Димы долетел его отчаянный крик. Безногая вцепилась в штанину Зыбина, моля о помощи. Гена, в страхе перед неуправляемой толпой, ударил её по рукам. Потом по голове...

* * *

Пустырник чувствовал себя униженным, брошенным и растоптанным. За что? За что ему такие страдания? Пройти сотни — если не тысячи — километров в поисках счастья, засыпать под звёздами с надеждой на пророчество, терпеть жгучее солнце, бить ноги о каменистые тропы, прятаться по оврагам от бандитов разных мастей, обходить стороной стада бредущих зомбей... И что в конечном итоге? Крушение всех надежд?

— Пять тысяч пятьсот шестьдесят два, — печально произнёс Счётчик, провожая взглядом очередное перекати-поле: «Такова судьба, чувак».

Пустырник вздрогнул, обернулся.

— Это всё из-за тебя, проклятый ублюдок, — прошипел он, чувствуя закипающую ненависть. — Это ты во всём виноват! Будь ты проклят!!!

Странник оглянулся в поисках какого-нибудь оружия и поднял увесистый булыжник.

* * *

Соседка стояла посреди коридора с открытой сумочкой в руках, словно искала помаду или пудреницу. Стояла уже второй день. В городе что-то горело, кричали люди,

толпами маршировали аройды, превратившись в механических зомбей. Или правильно — зомби? Как ни назови, всё одно — мертвяки, безмозглые куклы. Теперь уже безмозглые. Человеческие клоны с наногелем вместо крови, совершенные помощники они уже не выглядели так блестяще: одежда порвалась или обгорела, у некоторых от огня скрутились волосы, тела покрылись ранами, кто потерял обувь, кто сломал ногти или пальцы, кому-то выбили глаз. Толпы с силой сшибались на улицах, образовывая шевелящиеся завалы. Некоторые выбирались и ползли, одержимо шли дальше. Наногель, текущий в их жилах, закрывал раны, но не мог нарастить новую плоть без необходимого программного обеспечения, а оперативные системы организма аройдов, по неведомой для Гены причине, были отключены или вовсе уничтожены. Живых людей-протезников на улицах не осталось — большинство погибло в первые часы катастрофы, как та безногая.

Гена наблюдал за городом в телескоп с седьмого этажа, где располагалась его квартира. Он старался не вспоминать о содеянном. Что Зыбин мог сделать для безногой? Встать перед лавиной зомбей, закрыть собой? Погибнуть?

Когда-то давно, в детстве, он задумывался: что будет, если на планете исчезнут все или большая часть человечества? Он останется один. Лузер — наследник цивилизации. Никто не будет насмехаться, тыкать пальцем в спину, а несчастные девушки упадут к его ногам, умоляя о помощи... Нет, ну несчастные девушки непременно должны остаться. Например такие, как соседка Глаша.

После происшествия на улице Гена взбежал по аварийной лестнице на свой этаж, гонимый одним желанием — спрятаться от ужаса. В коридоре он увидел стоящую Глашу и шарахнулся назад. Однако девушка никак не отреагировала на его появление. Вжимаясь в стену, Гена пробрался к двери своей квартиры, заперся и только тогда перевёл дух.

Сейчас он снова оказался у двери, подстёгиваемый любопытством. Зыбин никогда не допускал, что Глаша

аройд, ведь она часто становилась героиней его сексуальных фантазий. Неприступная модель с копной тёмных волос, зелёными раскосыми очами и прекрасной фигурой. Теперь она стояла посреди коридора — опасная механическая кукла. Аройд в человеческом облике. С другой стороны — всего лишь аройд, хоть и совершенный во всех отношениях.

Гена приоткрыл дверь, готовый тут же спрятаться назад в случае опасности. Глаша стояла, не меняя позы. Сосредоточенный взгляд устремлён в недра сумки, правая рука хищно вскинута, будто девушка пытается поймать нечто вёрткое. Всё так же прекрасна, безупречна, если не считать пылинок, появившихся на коже рук и волосах. Кудрявая пушинка села на длинные ресницы правого глаза. Кукла...

...и женщина: волосы сложены в замысловатую причёску, лёгкое изумрудное платье-туника не скрывает фигуру и едва прикрывает грудь, золотые босоножки оплетают икры до самого округлого колена. Как он мог не распознать в ней аройда? Теперь-то совершенство выдаёт Глашу с головой.

Зыбин немного подумал и решился. Он вышел из квартиры, осторожно подошёл к соседке, издали заглянул в лицо.

— Э-эй. Привет.

Девушка никак не отреагировала на его слова. Гена подождал минуту.

— Э-эй. Всё в порядке? — негромко произнёс он.

Он кружил возле соседки, словно кот возле крынки со сметаной. Вот она, безучастная и доступная, но оттого не менее опасная. И всё же Зыбин решился... коснуться её руки. На прикосновение аройд не отреагировал, зато Гена получил удовольствие — кожа на ощупь оказалась нежной, а главное — тёплой. Невольно перехватило дух. Значит, если её не толкать, она никуда не уйдёт. И если...

Зыбин осторожно взял девушку за правое запястье, попытался опустить ей руку. Получилось. Тогда экспери-

ментатор осмелел, попробовал приподнять головку соседки за подбородок. Вышло. Теперь Глаша сосредоточенно смотрела прямо на Диму.

— Красота! — восхитился Зыбин полученным результатом, но больше всего его радовала и одновременно пугала перспектива сделанного открытия. Он почувствовал себя Пигмалионом: очаровательную модель можно было поставить в любую позу... Димины уши вспыхнули от стыда: что это он себе позволяет? А вдруг ароид записывает происходящее? Вдруг выложит в ФейсОфТейбл?

Ерунда! Глаша в его власти, и, кроме моторики, у неё не осталось никаких жизненных функций. Да и Сеть накрылась — Зыбин проверял. Какой там ОфТейбл!

— Шаг вперёд! — неожиданно для себя скомандовал Гена.

Глаша исполнила приказ и столкнулась со стеной, но устояла. Зыбин поморщился: вот дурень! Так и угробить куклу недолго.

В тот момент он окончательно почувствовал себя властелином если не всего мира, то уж повелителем красавицы точно.

* * *

— Фёдор! Какого чёрта ты припёр этого пацана опять? — Оракул налил очередную стопку, и появление блюстителя порядка стало помехой, которая ввергла провидца во гнев.

— Я предупреждал тебя, Великий: парень настоящий преступник. — Длань ткнул в грудь связанного Пустырника. — Он бросился на Счётчика с камнем. Это уже покушение на убийство!

Великий Оракул застонал, поставил угощение служанке на поднос и, решительно поправив хламиду, строго спросил Пустырника:

— И какого рожна тебе надо, малец?

Странник понял, что это его последний шанс. Он рухнул на колени и взмолился:

— Великий Оракул! Я прошёл многие километры, чтобы предстать перед твоими глазами и получить предназначение, предсказание судьбы, обрести смысл жизни. Однако по собственному незнанию твоих великих законов...

— Прекрати! — брезгливо поморщился Оракул. — Ты хочешь предназначения? Ты хочешь обменять свободу путешествий на предсказание?

— Да!

— И никогда не пожалеешь об этом?

Какие глупости говорил прорицатель.

— Конечно, нет! Разве можно желать лучшей доли?

— Фёдор, подведи этого дурака ко мне, — велел Оракул и крикнул в сторону: — Эй, там! Позовите Затейника! Тут есть ему работа.

Пустырник опустился на колени у ног Великого спиной к нему и с трепетом почувствовал пальцы прорицателя на затылке.

— Прекрасно, — пробормотал Оракул и принялся нашептывать заклинание судьбы.

Долгий путь в поисках себя закончен. Пустырник украдкой вытер слезу — наконец-то всё станет на свои места! Не придётся скитаться, избегая толп жутких зомбей, спать вполглаза, опасаясь быть затоптанным мертвецами.

Мир вокруг Пустырника вдруг резко изменился. Он почувствовал внутренний покой от ясности собственного бытия, собственного будущего. Он всегда желал именно этого и ничего более. Какими глупостями приходилось заниматься раньше, странствовать по свету в поисках счастья, а оно пришло так внезапно... и так просто.

— Что тут у нас? — улыбчивый Массовик-Затейник появился из-за портьеры.

— Ещё один посвящённый, — пробурчал Оракул.

— Чего изволите? — услужливо поклонился бывший Пустырник.

— Топай, счастливчик, — велел Великий. — Сейчас Затейник найдёт тебе дело.

* * *

Кукла быстро надоела Гене. Чего он только с ней не делал, чего только не придумывал! Камасутра по сравнению с достижениями Зыбина казалась старым отстоем. Одна незадача: Глаша оставалась равнодушной к происходящему, хоть и не была холодна — нежная кожа оставалась тёплой. Но Гене хотелось стонов, страстных поцелуев... и много ещё чего, на что была способна его фантазия.

Зыбин вышел на балкон, закурил, пуская дымок уголком рта. На тёмном небе полыхало разноцветное полотно. Оно появилось в первую же ночь после катастрофы и, по мнению Гены, скрывало в себе суть происходящего. Одним словом, загадка природы — северное сияние на сорок пятой широте. Явление прекрасно вписывалось в ощущение «сбычи мечт», в котором пребывал Гена. Седьмой этаж он прозвал «седьмым небом». Где-то там что-то горит, кто-то даже стреляет, в ногу маршируют зомби-аройды, разбивая на своём пути витрины, затаптывая парки, людей и замешкавшихся одичалых животных. А здесь — полная идиллия. Продуктов в вакуум-пакетах — валом, пития — море плюс прекрасная наложница в твоём распоряжении.

Гена обернулся. Глаша лежала на софе, задрав красивую попу. Зелёные глаза всё так же озабоченно смотрели на Зыбина, и от одного этого ему становилось не по себе. Как бы оживить красавицу? Хотя бы изменить выражение лица. Из-за этого у Гены не получалось «спереди»: всё время казалось, что Глаша смотрит с осуждением, укором. Потому иногда настроение, скажем так, падало, и приходил бог Облом.

Зыбин выбросил окурок с твёрдым намерением обследовать свою возлюбленную с макушки до пят, чтобы найти если не кнопку перезагрузки, то хоть что-то подобное. Должна же быть какая-то клавиша, тумблер, сим-карта или ещё чего-нибудь!

Поиск ничего не дал. Точнее сказать, итог поиска привёл к ожидаемым последствиям: прикосновения к нежному тёплому телу куклы взвинтило Гену, и он привычно

пристроился сзади. В экстазе пылкий любовник схватил Глашу за локоны. Край скальпа на затылке отошёл, обнажив металлическую пластинку. Запыханный Зыбин склонился, всматриваясь в ряд цифр и букв.

— «Сто тридцать восемь эф, ди семьдесят пять, гламур», — шёпотом произнёс он.

Тело куклы дрогнуло, ладони сжались, брови удивлённо приподнялись. Гена шарахнулся назад, обалдев от неожиданности.

* * *

Очень скоро спокойная жизнь закончилась. Всё чаще зарево пожаров освещало по ночам улицы города, дымные столбы заслоняли небо днём, чад лез в окна, а климат-контроль, естественно, не работал. Всё чаще Глаша вздыхала и ныла от тоски. Не пристало модели сидеть без вечеринок, подруг и ухажёров. Гена пытался внушить ей, что является любимым и единственным человеком для неё, но, как он ни старался, видимо, в протоколе поведения аройда класса «Гламур» верность и любовь к одному мужчине не значились. Вряд ли кто-то из людей замечал, насколько протоколы поведения ограничивают аройдов: набор стандартных фраз в разговоре, выполнение функций согласно установленному классу. Теперь Гена ощутил всё это на своей шкуре.

— Мне необходимо в салон, — твердила Глаша. — Необходимо сменить гардероб. То, что ты мне говоришь, — неправда, — ныла она, и плевать на катастрофу. — Ты ограничиваешь мои общественные функции? Но это насилие над свободным гражданином!

Однажды он проснулся в комнате один и понял, что любимая сбежала. Лёжа на софе, Гена решал: броситься в погоню или оставить всё как есть? Он выпил пива, выглянул в окно — дым поднимался за два квартала от его дома. Что-то громко ахнуло справа, и Зыбин, прижавшись лицом к стеклу, увидел оседающий небоскрёб, облако поднимающейся пыли, летящих от ударной вол-

ны зомбей. В тот момент он осознал хрупкость своего положения, его даже в пот бросило. Надо было уходить, и уходить срочно. Прочь из города!

Он никогда не собирался в походы, потому одежда и припасы сопротивлялись, не желая лезть в рюкзак. Гена вступил в неравный бой со свитером, когда дверь распахнулась и на пороге возникло нечто покрытое копотью, с обрывками платья на плечах. Всклокоченные волосы тлели, заполняя квартиру запахом гари.

— Милый. Представляешь. Они меня... — Глашу коротнуло, из пореза на шее сочился белёсый наногель. — Милый... милый... милый...

Она двинулась на Гену, протянув к нему обгорелые руки. Зыбин схватил рюкзак, увернулся от смертельных объятий и пулей выскочил в коридор.

За порогом он обернулся. Кукла со звоном врезалась в окно, остановилась, отошла и рванула на таран.

— Где ты, милый?! — донеслось до Гены, и Глаша вылетела из разбитого окна.

* * *

Великий Оракул ехал на носилках. Массовик-Затейник топал рядом. Неизменная улыбка лежала на его лице, ибо, если присмотреться, можно было увидеть: она искусно нарисована.

— Кто это придумал? — вздохнул Оракул.

— Что ты имеешь в виду? — Затейник покосился на предсказателя.

— Эти прогулки? — раздражённо произнёс Великий и гаркнул на Опахало: — Да маши уже, маши сильнее! Жара неимоверная.

— Надо меньше пить, — вздохнул Затейник, тут же признался: — А прогулки придумал я.

Предсказатель бросил на него презрительный взгляд:

— Сволочь.

— Сам такой, — ничуть не обидевшись, ответил собеседник. — Лежать на престоле и читать коды на затыл-

ках аройдов — много ума не надо. Иногда полезно прогуляться, осмотреть владения. — Ветер бросил ему в лицо пригоршню пыли. — Ч-ха! Кхем!.. Просто размять ноги, в конце-то концов...

Затейник осёкся — Великий ехал на носилках.

— М-да, — неопределённо произнёс он. — Подышать свежим воздухом...

Слова Массовика-Затейника повергли Оракула в раздумья, и он, повелев носильщикам остановиться, ступил на пыльную дорогу.

— Полезно, значит полезно, — ответил Великий на немой вопрос Затейника.

Заложив пухлые руки за спину, он пошагал рядом с носилками, чем сильно озадачил слуг.

— Чего застыли? — окликнул их Массовик. — Вперёд! Не отставать!

Наложницы, Носильщики, Виночерпии и прочая свита поспешили следом.

— Как думаешь: почему они отправляются на поиски меня? — спросил Оракул.

Большинство аройдов после катастрофы стали шагающими «овощами». Они сбивались в группы, бродили по пришедшим в упадок городам и весям, наводя страх на немногочисленных людей. Однако некоторые аройды, такие как Пустырник, приобрели свободу. Их оперативная система по неизвестной причине получила толчок к самосовершенствованию без ограничений и протоколов.

— Не знаю, — пожал плечами Затейник, глядя вперёд, где клубилась пыль.

— Вот и врёшь. — Прорицатель погрозил ему пальцем. — Не поверю, что ты не размышлял над этим на досуге.

Массовик вздохнул:

— Да, размышлял, размышлял. Нелюди они, и состояние свободы им кажется неправильным. Мы уравняли всех аройдов в правах, сделали гражданами, но у каждого из них определённая функция. Это смысл их жизни, их существования. Они счастливы, когда исполняют

свои обязанности, и даже такие свободные аномалии, как Пустынник...

— Пустырник, — поправил Оракул.

— Ага, — кивнул Затейник. — Или Фёдор-Длань. Он же был сталкером в степи, крутым парнем. И что? — он вздохнул. — Их практически не отличишь от человека, однако стремление выполнять изначально заложенную функцию не даёт покоя.

Оракул с уважением посмотрел на собеседника.

* * *

Они встретились давно: перепуганный Гена, сбежавший из города, и Затейник, который научил его получать от происходящего кайф.

— Случилось то, что случилось, кореш, — улыбаясь, заявил новый друг. — Ты можешь изменить происходящее?

Гена угрюмо покачал головой, тыкая прутиком в костёр.

— И я не могу. — Затейник разлёгся на пледе, закинув руки за голову. — Значит, будем здесь жить.

Над головами раскинулось ночное небо с зелёным полотном северного сияния. На границе круга света от костра стояли два Носильщика из супермаркета — их первая свита.

* * *

Впереди раздались громкие голоса Глашатаев. Нарастающий было грохот затих, облако пыли, подхваченное ветром, понеслось на восток, и Оракул снова полез на носилки — негоже Великому представать перед свободными гражданами пешим.

Процессия подошла к первому ряду Стражей и остановилась на краю огромного карьера. Повсюду, сколько хватало глаз, на террасах стояли аройды: Каменщики складывали пирамиды; Домохозяйки, за неимением муки, пекли песочные куличи, обтачивали под кексы

камни; Повара мешали в старых ржавых котлах песок, камни, гнилые доски; Бухгалтера-Счётчики учитывали всё, что только можно; Водители строили пассажиров в две колонны и, жужжа, «возили» их на работу; похожее делали Лётчики и Машинисты. Каждому здесь нашёл применение Массовик-Затейник. Иначе где взять самолёт или автомобиль? Зачем в палатке Оракулу двести семьдесят четыре Повара или пятьдесят семь Домохозяек? А если оставить их так, без внимания, — собьются в толпу, попрут на палатку, затопчут или, в лучшем случае, покалечат. Раньше Длань приводил зомбей по два десятка в неделю, последний раз — семерых за три месяца. Мир становится безопаснее, если считать миром округу.

— Дурдом, — вздохнул Оракул, когда все аройды пали на колени, склонились к земле. — Кстати, что говорят астрономы?

— Пятна на солнце есть, но будет ли солнечный ветер, как одиннадцать лет назад, предсказать трудно, — пожал плечами Массовик.

Великий почувствовал холодок, пробежавший по спине: на мгновение он представил, что вся эта толпа механизмов вдруг вновь превращается в «овощей» и начинает двигаться в одном направлении, сметая всё на своём пути.

— Кто в этот раз нам нужен?

— Наложница. Лучше две. И Повар. — Затейник кашлянул на удивлённый взгляд Великого. — Здесь где-то у нас спец по японской кухне бродит.

— Бабник, — пробурчал прорицатель, намекая на слабость Затейника к смене Наложниц. — Мало тебе...

— О Великий! — сквозь строй Стражей прорвался знакомый мальчишка — теперь Официант — с плетёным подносом, на котором красовалось три почти круглых булыжника. — Позволь мне преподнести эти свежие пирожные! В благодарность...

Бывшего Пустырника быстро оттёрли в сторону.

— Почитатель, — усмехнулся Затейник.

— Знаешь, кем я себя чувствую в такие моменты? — с тоской произнёс Оракул.

Массовик-Затейник пожал плечом:
— Спасителем цивилизации?
Гена Зыбин горько усмехнулся:
— Властелином ямы. Огромной ямы...

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ЗАДАЧА НУЛЕВОГО ПРИОРИТЕТА

Лес начинался сразу за оградой лицея. Толстенные, вполобхвата, покрытые красноватой корой стволы возносились до самого поднебесья, чтобы там рассыпаться пушистой, роняющей длинные острые хвоинки кроной. Не верилось, что лес этот рукотворный и каких-то двести лет назад от лицейского парка и до самой реки простиралась песчаная пустошь. Хотя ни лицея, ни парка тогда тем более не было.

Перелезать через ограду не разрешалось. Но ведь они и не перелезали? Сидели рядком на ней, скрытые зарослями лещины и от учебного корпуса, и от маленьких, похожих на разноцветные пряники, жилых коттеджей.

— Завтрашнюю контрольную я завалю, — сообщила Машка. Коротко стриженная, в спортивном костюме и кедах, она выглядела таким же мальчишкой-подростком, как и её приятели.

— Почему обязательно завалишь? — неуверенно возразил Васисуалий. — Может, и не завалишь...

— Не «может», а завалю. — Машка качнула головой. Это было не предположение. Она констатировала факт. Ещё не состоявшийся, но оттого не менее реальный. — И вылечу из лицея, как торпеда. И правильно. Нечего мне с моими мозгами куриными здесь делать. Это всё папка, спасибо ему огромное! Думает, если сам выдаю-

щийся биоинженер, то и дочка обязана быть такой же супер-пупер. «Позаботился», «устроил» в лицей для гениев. Училась бы в обычной школе, наверное, отличницей стала бы. А здесь полной дурой себя чувствую.

— Ты не дура, — запротестовал Васисуалий. — Во-первых, ты капитан волейбольной команды, и по физкультуре у тебя лучший в лицее рейтинг. Во-вторых, у тебя память, эта, как её... эйдетическая!

— Угу. На зубрёжке и выезжаю. Но чтобы «гением» стать, памяти мало, — Машка постучала себя пальцем по голове, — нужно процессор помощнее, чем этот.

Аргументов у Васисуалия не осталось, и он повернулся к третьему в компании — угрюмо молчавшему Илье.

— А ты что скажешь?

— Что скажу? Возможно, Маша гениальнее всех нас, вместе взятых. Только её талант ещё не раскрылся.

— Вот! И я о том же!

— А к семестровой по математике подготовиться — чепуха! Мы с тобой за два дня все варианты задач перерешаем.

Машка хмыкнула:

— Угу... И где они, эти два дня? Мы же к физике готовились, к информатике. Никто не предполагал, что Матвей контрольную на завтра назначит.

— Матвей — гад, — согласился Васисуалий. — Заранее не предупреждает. Говорит: «Находите решения самостоятельно. Удержать в голове весь объём полученных знаний у вас всё равно не получится».

— Так у Маши как раз получится! У неё период такой — знания впитывать.

— Вот я и говорю: гад Матвей! Эх, если бы завтра случилось что-нибудь. Ну, цунами там или землетрясение. Чтобы контрольную отложили.

Илья с сомнением посмотрел на друга:

— Цунами, землетрясение — здесь? В двух тысячах километров от океана? На континентальной плите?

Машка не удержалась, фыркнула:

— Ты ещё нашествие инопланетян предположи.

Васисуалий поскрёб пятернёй затылок. Белобрысый, лопоухий, он всегда выглядел младше своих лет. Сейчас — в особенности. Эдакий восьмилетка ростом с тринадцатилетнего парня.

— Ну я же к примеру...

— Ладно, — Машка соскочила с забора, — проехали. Отчислят так отчислят. Спасибо, ребята, что помогали. Вы настоящие друзья. Всё, пошли, а то на ужин опоздаем.

Васисуалий вздохнул, тоже слез, поплёлся за ней. Уже возле орешника спохватился, оглянулся на по-прежнему сидящего на заборе товарища:

— Илья, ты чего? На ужин не идёшь?

— А? Иду, конечно...

Сигнал тревоги выдернул Вилана из дрёмы. Вернее, из того состояния, которое он привык называть дрёмой. Мозг продолжал работать с обычной интенсивностью, лишь внешние рецепторы были отключены. Дрёма — период упорядочивания накопленной информации, оптимизации синоптических связей, построение логических цепочек и ассоциативных массивов. У наземцев сон, дрёма — нечто совсем иное. Но Вилан не был наземцем. Он был орбитоном.

Как известно, благими намерениями выстлана дорога в ад. Сконструировать прототип «человека совершенного» было благим намерением. За шесть лет первого этапа эксперимента создано семьсот тридцать пять эмбрионов, каждый собран по индивидуальной программе, с уникальным набором генов, но все без исключения — совершенны. Каждого вынашивала суррогатная мать под присмотром команды врачей, генетиков и эмбриологов. В шестистах девяноста трёх случаях беременность прошла без отклонений и разрешилась рождением идеально здорового младенца.

Но работа над «человеком совершенным» только начиналась. С первых месяцев жизни — непрерывная череда операций. Их снабжали тем, что не мог дать чело-

веку самый лучший ДНК: металлокерамический скелет и металлополимерная кожа, усилители мышечной ткани и ускорители нервных реакций, новые органы чувств и системы коммуникаций. И наконец — квантовый микрокомпьютер в качестве вспомогательного мозга. Когда первая партия — сто двенадцать юношей и девушек — окончила обучение в специнтернате, никто не сомневался, что эксперимент превзошёл самые смелые ожидания. Ещё пять лет спустя стало окончательно ясно, что эксперимент провалился. С треском.

Они были людьми. Пусть их эмбрионы создавались искусственно, а не возникли из родительских яйцеклеток и сперматозоидов — что из того? Пусть в их телах биологического материала осталось менее половины — что из того? Пусть они не знали болезней и старости, не нуждались в сне, могли часами обходиться без кислорода и неделями — без воды и пищи, выдерживали облучение в сотню зивертов и температуру в две сотни градусов — что из того?! Их воспитали людьми. Они готовы были считать себя ничем не лучше других, просто немного иными. Однако человечество оказалось не готово. Признать, что рядом с тобой живут мальчишки и девчонки, превосходящие тебя во всём? Не киношные, а вполне реальные супермены? Тем более не «настоящие люди», а сконструированные яйцеголовыми умниками по заказу правительства? Увольте!

Для начала их попытались объявить роботами, биокиберами. Не вышло. Их принялись бойкотировать, травить, игнорировать — они терпели, отвечая на зло добром. На них попытались тайно охотиться — они сумели дать отпор. И тогда в ход пошёл главный козырь демократии — общественный ультиматум правительству. Демонстрации, акции протеста, сбор подписей под петициями — проект пришлось закрыть. Но как «закрыть» без малого семь сотен искусственных людей — «совершенными» их больше никто не называл?

Всё же они были достаточно умны, чтобы самим придумать выход, устроивший всех. Если на Земле они ни-

кому не нужны, то могут пригодиться человечеству для освоения ближнего космоса. Их выносливые, крепкие, сильные тела как нельзя лучше приспособлены для такой работы.

К сожалению, космос, хоть близкий, хоть дальний, оказался тоже не востребованным. Для искусственных людей построили орбитальный город, и... на этом финансирование закончилось. О непродуманном эксперименте и его детях — их теперь называли орбитонами, чтобы и лексически отмежеваться от них, — постарались забыть. Да, орбитоны не подвержены старости. Но от несчастных случаев не застрахованы и — слава богу! — стерильны. Пусть не через сто, но через двести, триста лет проблема рассосётся сама собой. А пока на них возложили почётную обязанность — защищать Землю от внешней угрозы. В реальность которой вряд ли верил даже тот умник, что эту обязанность придумал.

Для орбитонов вопрос веры не стоял. Это была задача нулевого приоритета. Ты можешь ни разу в жизни не задумываться об этом, но если хранящий её кубит будет активирован...

Сигнал тревоги выдернул Вилана из дрёмы. Несколько миллисекунд его органический мозг боролся с квантовым, не желая верить в реальность происходящего.

Чужие.

Чужие проникли на Землю.

Чужие создали плацдарм и захватили заложников.

И если бы это был какой-то другой плацдарм...

— Как такое могло случиться?! — генерал-лейтенант Рокачёв первый раз в жизни повысил голос на подчинённого. Первый раз в жизни он не понимал, что происходит. — Почему я узнаю о ЧП в моём округе от гражданских шпаков? От охранников детского сада, чёрт подери!

— Это не детский сад... — попытался возразить майор.

— Я знаю, что это за заведение! Скажите лучше, вы связались с ними? Чего они хотят?

— Пока нет. Мы отправили запрос на орбиту...

— И?

— Там ответили, что разберутся. Но похоже, они в растерянности. Никто ведь не ожидал такого...

Резкий, настойчивый звонок заставил дежурного замолкнуть на середине фразы. Рокачёв обернулся. Этот телефон звонил редко. Чрезвычайно редко. Третий раз с тех пор, как генерал получил свою нынешнюю должность.

Он поднял трубку.

— Командующий девятым оперативным округом генерал-лейтенант Рокачёв на связи.

— Доброе утро, генерал. Что вы успели предпринять?

— Ээ... доброе утро, господин президент. Мы пока наблюдаем. Пытаемся установить с ними связь, понять мотивы... — Рокачёв предпочёл бы докладывать сейчас кому-нибудь другому. Но демократия, ничего не попишешь. Высшую власть в государстве получает не самый умный и опытный, а тот, кто сумеет понравиться избирателям.

— Вы теряете время, генерал. Вы отдаёте себе отчёт, какой объект они захватили?

— Так точно. Специализированный лицей-интернат...

— Тот самый интернат, генерал. Разве это может быть простым совпадением?

— Но прошло уже сорок лет...

— Корпуса не перестраивали. Я вполне допускаю, что там до сих пор хранятся неизвестные нам секреты. Очень важные секреты. Иначе как объяснить вторжение? В общем, так, командующий. По нашим сведениям, орбита направила к интернату пять шаттлов. Численность экипажей неизвестна, а задачи... догадайтесь сами. У вас фора — два часа. Воспользуйтесь ею. Орбитонам не должно достаться ничего, кроме пепелища.

Рокачёв растерялся. Ситуация оказывалась куда хуже, чем он предполагал.

— Но там дети, больше двухсот человек. Учителя, обслуживающий персонал...

— Гражданских эвакуируйте. Сколько получится.

Связь с орбитой пропала, едва шаттл зашёл на посадку. Это и само по себе было плохо, но куда хуже, что они вообще оглохли в радиодиапазоне, вся команда. Чужие блокировали центры радиослуха у них в мозгу — другого объяснения не было.

Вилан уже знал, как чужие просочились мимо орбитальных патрулей. Для вторжения им не требовались космические корабли. Прямая трансляция собственного сознания в человеческий мозг — и ты на поверхности планеты, в идеально приспособленном для этого мира теле. Человеческая наука от подобных технологий была пока далека. Более того, она не могла предложить ни единого способа защиты — пришельцы без труда захватывали любого взрослого наземца.

Орбитонов они тоже пытались подчинить, судя по радиоглухоте. Не вышло. И значит, эта планета лёгкой добычей для них не станет.

Шаттл приземлился на большой круглой площадке перед учебным корпусом. Вилан выпрыгнул первым из люка, обернулся, готовый отдавать распоряжения...

— Вилан, постой минутку! Это же наша альма-матер. — Ханна замерла, широко распахнув глаза. — Помнишь?

Разумеется, он помнил. Годы, проведённые здесь, в интернате для новых, совершенных людей, оказались лучшими годами жизни. Сюда его привезли восьмилетним мальчиком, ещё не оправившимся после операций, отсюда он вышел семнадцатилетним парнем, уверенным, что мир встретит его распростёртыми объятиями. Многое изменилось за прошедшие годы. Зарослей орешника вдоль забора тогда не было, на его месте стояла беседка, где они с Ханной поцеловались первый раз. А вон те берёзы он когда-то сажал собственными руками — в седьмом, кажется, классе? И потом каждый день, проснувшись, любовался саженцами из окна своей комнаты. Теперь коттеджи и не разглядеть за густой берёзовой рощей. Не увидеть, изменились они или нет.

Учебный корпус, в котором засели чужаки, не изменился. Даже фасад покрашен такой же светло-коричневой краской. Вилан вынул станнер из кобуры, указал Ханне на сторожку в конце аллеи, сам шагнул к прозрачным дверям фойе.

— Эй, стойте! Сюда нельзя входить посторонним!

Охранники в прежнее время тоже были, но форму носили другую. И выглядели настоящими бойцами, не то что этот усатый толстяк. Он был явно растерян, атаковать не пытался. Может быть, до него пришельцы не добрались и он ничего не знает о вторжении? Это вряд ли!

Вилан выстрелил в голову, чтобы наверняка.

Машка смотрела в окно, на берёзовую рощу, скрывающую коттеджный городок, на синее сентябрьское небо... На планшет с задачами не смотрела. Что там интересного? Чтобы прочесть и запомнить условия семнадцати задач, ей хватило полминуты. Васисуалий постарался бы решить их все. Наверное, смог бы и хвастался потом наивысшим рейтингом в лицее. Илья бы прикинул соотношение баллов и трудоёмкости, решил, сколько необходимо, а затем до конца пары сочинял бы очередную утилитку. Любой из них попытался бы переправить шпаргалку подруге. Но как? Васисуалий с Ильёй учатся на зелёном потоке, самом «продвинутом». Один баскетбольный мяч гоняет на физкультуре, второй и вовсе по коттеджу дежурит. На оранжевом в восьмом классе всего пятеро, поголовно девчонки — видно, логическое мышление и математические способности коррелируют-таки с полом. И она, Машка, самая тупая. Ей больше двух-трёх задач без подсказки не решить. Недостаточно, чтобы набрать необходимый минимум. Так стоит ли напрягаться?

Мелькнула шальная мысль: сдать планшет прямо сейчас — пусть ставят нолик в зачётку — и уйти в коттедж, собирать рюкзак.

Она уже начала подниматься из-за стола... как дверь класса внезапно распахнулась. Взъерошенный, красный

от волнения Васисуалий влетел в кабинет, захлопнул дверь за собой, подпёр спиной. Дикими глазами уставился на преподавателя.

— Денеки, что случилось? — Матвей Иннокентьевич вопросительно повернулся к неожиданному визитёру.

— Там... это... на лицей напали. Постреляли охрану, сюда идут...

Кто-то из девчонок ойкнул, преподаватель уточнил тихо:

— Террористы? Сколько их, ты видел?

— Не, это не террористы. Пришельцы, чужие. Ну, не люди, в смысле.

Тревога и напряжение на лице преподавателя сменились возмущением.

— Денеки, что за чушь вы несёте? Выйдите вон, у нас контрольная.

Васисуалий отрицательно покачал головой.

— Не пойду я никуда. Они там, в коридоре. Сами посмотрите, если мне не верите!

Матвей Иннокентьевич смерил его уничижительным взглядом. Машка расшифровала этот взгляд без труда: не видать Васисуалию высшего рейтинга по математике. А по дисципли-и-не...

Преподаватель прошёл к двери, отстранил мальчишку, вышел в коридор. И тут же сидевшая за спиной Машки Тамила Ахметсафина поинтересовалась:

— Вася, а что там взаправду случилось?

Васисуалий усмехнулся, неторопливо подошёл к соседней с Машкиной парте, уселся.

— Я же сказал — пришельцы. Не веришь? Пойди и ты, проверь. Только не советую.

Девчонки зашушукались, но проверять никто не решился. Машка бы пошла, но ей Васисуалий успел сделать знак — сиди и молчи.

Дверь вновь приоткрылась. Но это был не Матвей Иннокентьевич. В класс заглянула незнакомая женщина в серо-серебристом, с бордовыми отворотами и лампа-

сами комбинезоне. Очень высокая, стройная, с коротко стриженными пепельными волосами, бледной, почти белой кожей. В руке у женщины был настоящий боевой станнер.

Незнакомка быстро обвела помещение взглядом. Осталась довольна, улыбнулась.

— Здравствуйте, дети. Непосредственная опасность вам не грозит, пришельцев мы обезвредили. Но я попрошу ближайшие полчаса не выходить из кабинета.

— Так тут в самом деле были пришельцы?! — охнула Тамила. — А Матвей Иннокентьевич где?

— В самом деле были, — подтвердила незнакомка, — да сплыли. К сожалению, ваш преподаватель пока не может продолжить урок.

— Что и требовалось доказать... — еле слышно добавил Васисуалий.

Незнакомка вышла. С полминуты в классе стояла гробовая тишина. А потом маленькая рыженькая Женечка Кусто всхлипнула. И зарыдала во весь голос.

— Ты чего? — кинулась к ней Тамила.

— Это... это они и есть! Чужие! Та, что приходила, — она не человек. Они, наверное, всех взрослых убили. А нас захватили в заложники. Или ещё для чего...

— Ты... ты сочиняешь! — прикрикнула на неё Тамила. Но уверенности в её голосе не было. Потому что все знали: Женечка — эмпатка. И если она что-то почувствовала, то так оно и есть.

Женечка была права почти во всём. Но она не знала главного. Никто из учеников лицея не знал — взрослые предпочитали об этом не говорить. Вообще не вспоминать. В школьных курсах, даже самых продвинутых, этого не было в любом случае. Машка — знала. Потому что... секрет, не важно. Важно, что она поделилась кое-какими своими знаниями с Ильёй и Васисуалием.

Она подозрительно взглянула на друга.

— Ваших рук дело? Что всё это означает?

Тот улыбнулся самодовольно:

— Контрольной не будет ни сегодня, ни завтра — это точно. После станнера у Матвея голова будет «бо-бо». А до послезавтра мы с Ильёй тебя по всем задачам натаскать успеем.

Машка зашипела от злости. Вскочила, пошла к двери, кивнув на ходу — «за мной!»

— Маша, ты куда? Нельзя выходить! — испуганно пискнула Тамила. Но догонять, останавливать побоялась.

Генерал Рокачёв был удивлён. Батальон спецназа подошёл вплотную к ограде лицея, не встретив никакого противодействия. На территории объекта — во всяком случае, на той её части, что просматривалась из-за забора, — тихо, пустынно. Как и должно быть утром буднего дня: детвора на занятиях, учителя там же. Полученное сообщение казалось досадным недоразумением, приказ президента — чьим-то глупым розыгрышем. Зайти внутрь и во всём разобраться...

Он так бы и сделал, если бы не две детали, не вписывающиеся в картину мирного учебного дня. Первая: сторожка у ворот была пуста и, судя по опрокинутому стулу, осколкам на полу, пролитому чаю, охранник не по своей воле покинул пост. Вторая: на площадке перед учебным корпусом стоял шаттл необычной конструкции. На Земле такие не строили, но Рокачёву приходилось их видеть — в разведданных, получаемых с орбиты. И означало это, что там, за крепкими стенами лицея, их ждала засада. Противник, об истинных возможностях которого Рокачёв мог лишь догадываться. Сунуться туда открыто было сродни самоубийству. Если кто-то из гражданских и жив до сих пор, то вряд ли геройская гибель бойцов спецназа поможет их спасению. Скорее наоборот. Требовалась другая тактика.

Генерал Рокачёв отдал приказ.

Справиться с чужаками оказалось неожиданно легко. Вилан засёк время — двенадцать минут двадцать две секунды понадобилось, чтобы найти и нейтрализовать

всех потенциальных пришельцев, тридцать семь особей. Именно столько взрослых наземцев находилось на территории интерната. Не исключено, что кто-то из них избежал захвата, но проверить это Вилан не мог, поэтому на всякий случай «отключили» всех. Детей было гораздо больше, но, на счастье, их мозг оказался невосприимчив к излучению, как и мозг орбитонов.

Пришельцы почему-то не пытались сопротивляться, атаковать ментально или физически. Некоторые пробовали сбежать или спрятаться, но в телах наземцев не имели никаких шансов против орбитонов. Ликвидация плацдарма захватчиков прошла блестяще. Вилан мог гордиться собой и своими людьми. Но гордости не было. Было замешательство — что делать дальше? С детьми, сидящими сейчас по своим классам, растерянными, испуганными, оставшимися без присмотра взрослых. И с этими самыми взрослыми, которых они «отключили». Пока что Вилан распорядился сносить бесчувственные тела в фойе учебного корпуса, но через два-три часа парализованные начнут приходить в сознание. И кем они очнутся — людьми или пришельцами, уже готовыми бороться с неожиданным противником? Он не знал. Ничего не знал! И некому было подсказать — радиоглухота не проходила.

— Командир, кому-то нужно лететь на орбиту. — Гобар, пилот шаттла, первым высказал очевидное решение.

Вилан не ответил. Он мог бы согласиться, но... Полёт до орбитального города займёт не менее двух часов, и почти столько же будет лететь подмога. За это время парализованные успеют очнуться. А их слишком мало здесь: состав патруля — четыре человека. Минус один — трое. Против тридцати семи. И фактор внезапности не будет действовать.

— Командир, мы теряем время! — настаивал Гобар. — Надо что-то делать, нельзя стоять и ждать.

— Может быть, это пригодится? — подступила с другой стороны Ханна. Она протягивала на ладони плоский серебристый прямоугольник.

В первый миг Вилан не понял, что это за штука. Затем сообразил — личный аппарат связи наземцев. Они ведь лишены радиослуха, вынуждены заменять этот орган чувств механическими «костылями». Вилан так давно не общался с наземцами, что совсем забыл об этой особенности.

Он взял приборчик, пробежал пальцами по сенсор-дисплею, пролистал список контактов. Скептически посмотрел на подругу.

— И как это нам поможет? Вряд ли кто-то из наземцев станет слушать орбитона — помнишь, из-за чего нам пришлось улететь? И в любом случае никто из них не поверит в пришельцев.

— Разумеется, — кивнула Ханна, — с нами разговаривать они не станут. Но здесь дети. Попросим кого-нибудь из старших связаться с родителями, пусть те обратятся к местной администрации. Если нам предоставят аппаратуру, пригодную для связи с орбитальным городом, проблему мы решим. А нам её предоставят — родители способны на многое ради безопасности детей.

Три секунды потребовалось Вилану, чтобы взвесить все «за» и «против». Он кивнул — предложенное Ханной решение могло сработать.

В коридоре было пусто и тихо. Лишь от фойе долетали приглушённые голоса. Машка схватила за ворот вышедшего следом Васисуалия:

— Вы что натворили, идиоты?!

— А чего? У них же станнеры на минимальной мощности, отключают сознание на пару часиков. Ну, потом голова немного поболит. Ты не волнуйся, я не глупый, проштудировал медицинскую энциклопедию перед тем, как начать.

— Начать — что?! Как здесь оказались орбитоны? Почему они стреляют в преподавателей?

Васисуалий расплылся в самодовольной улыбке.

— Ты же нам сама о них рассказала. О городе, о патрульных платформах, о том, что их когда-то в нашем

лицее учили. О кодовом сигнале, который их квантовые мозги используют для внутренней связи. Вот мы и захотели проверить. Илья написал утилитку, я доработал радиоприёмник... Интересно же послушать, что они там, на орбите, о нас, людях, говорят!

Машка застонала от досады. На саму себя в первую очередь. Некого винить, проболталась, не подумав, кто перед ней. Получается, не историю забавную о забытом эксперименте она рассказала, а инструмент вложила в руки. А уж как им воспользоваться, эти гении малолетние обязательно разберутся. Уже разобрались.

— Дураки... Это же секретная информация! Никто не должен был знать о сигнале...

— А никто и не знает, — поспешил заверить Васисуалий. — Мы послушали, и всё... Если бы не контрольная эта дурацкая.

— Контрольная?! — Машка вновь тряхнула его за ворот рубахи. — При чём здесь контрольная? Ладно, вы установили связь с орбитонами. Но вы не могли вызвать их сюда! Они никогда не приземлились бы — у них договор с правительством. Только если...

— Ага. — Васисуалий осторожно высвободил воротник. — Защита Земли от внешней угрозы. Они прилетели нас спасать от пришельцев. Это Илья придумал. Его мамка — профессор истории литературы, у них книжек старинных, с двадцатого века, с двадцать первого, полный дом. Фантастики в особенности. Там в одной рассказывается, как пришельцы вторглись на Землю, «записывая» своё сознание в людей. Вот мы эту историю орбитонам и впарили. Прямиком их дежурному патрулю в квантовые мозги записали. А чтобы они связаться со своими и проверить информацию не смогли, мы им радиослух заглушили. Когда кодовый сигнал знаешь, это проще простого!

У Машки на глаза навернулись слёзы.

— Дураки... какие же вы дураки...

— Чего? По-моему, здорово получилось. Да ты не волнуйся. — Васисуалий посмотрел на циферблат часов, нарисованный на запястье. — Через двенадцать минут

Илья отключит глушилку, орбитонам сообщат, что произошла ошибка, отправят назад на орбиту, преподы очухаются... Ну и всё. А передатчик мы демонтируем, никто не узнает, в чём причина была. Технический сбой в квантовых мозгах, прошивку вовремя не проапгрейдили! А преподам правительство, может, ещё и компенсацию выплатит за моральный ущерб. Так что пошли в класс, переждём.

Он схватил подругу за руку, потянул...

— Ребята, подождите! — В конце коридора стояла орбитонка. — Нам нужна ваша помощь.

Васисуалий крякнул от досады, распахнул дверь кабинета... Снаружи громко, так, что задребезжали стёкла в окнах, хлопнуло.

Первый взрыв застиг Вилана врасплох. Что, почему, откуда? Не досмотрели, кто-то из чужаков остался не обнаруженным и теперь устроил диверсию?

Но взрывы грохотали, не прекращаясь. И пополз, стелясь по земле, слизывая силуэты деревьев, контуры строений, беловато-бурый, не прозрачный ни в оптическом, ни в инфракрасном диапазоне дым. А когда оттуда, из этой бесформенной массы, вылетел рой свинца, и двери фойе осыпались стеклянным крошевом, и вскрикнул, схватившись за плечо, неосмотрительно близко подошедший ко входу Гобар, всё стало на свои места. Нет, это была не диверсия. Их атаковали профессионально. Спецназ наземцев. Но почему так внезапно, без предупреждения, не пытаясь вступить в переговоры, подвергая опасности жизни детей?

У Вилана был ответ на этот вопрос. Они просчитались с оценкой масштаба вторжения. Чужаки захватили тела не тридцати семи наземцев, а многих сотен. Или тысяч. Или сотен тысяч.

И Вилан отдал единственно разумный приказ:

— Занять оборону! Приготовиться к бою! Гобар — держишь центральную лестницу, Цанк — к пожарной! Я — наверху. Ханна?! Ханна, ты где?

— На пол, быстро! — Орбитонка влетела в класс почти одновременно с Васисуалием и Машкой. — Укройтесь за партами от осколков, к окнам не подходить!

Повторять дважды ей не потребовалось, девчонки послушно растянулись на полу, не успев испугаться как следует. Зато из других классов доносился визг, особенно с первого этажа, где занимались младшие группы. Орбитонка немедля бросилась туда. А Машка, едва дверь за женщиной захлопнулась, — к окну. Присела у подоконника, осторожно выглянула наружу.

Территорию лицея застилал грязно-бурый дым. Не было видно ни берёзовой рощи, ни аллей, ни забора, только крыши коттеджей торчали из вязкого, колышущегося моря жалкими островками. Дым обволакивал учебный корпус, поднимался выше, выше, кое-где застилая окна второго этажа. И с каждым взрывом его становилось больше.

И оттуда, из непроглядной клубящейся мути, хлопали автоматные очереди.

Машка вновь присела, уставилась на подползшего на четвереньках Васисуалия.

— Ты понимаешь, что вы наделали?!

Парень почесал макушку.

— Ну... кажется, нас спецназ штурмует. Антитеррористическая операция. Не смогли с орбитонами связаться по радио, вот и решили...

— Вызывай Илью! Пусть свою глушилку немедленно выключает!

— Как? У меня же смарта с собой нет, на занятия приносить не разрешают. Да не бойся, сейчас всё закончится. Орбитоны людям ничего плохого не сделают, они так запрограммированы. Ну, вырубят парочку бойцов, подумаешь!

— А с ними самими что сделают?

— Какая разница? Они же не люди, киберы.

— Не люди?!

Нет, пощёчину Машка не влепила. Он бы всё равно не понял за что. Вскочила и, больше не пригибаясь, бросилась вон из класса.

Генерал Рокачёв лично руководил штурмом. Конечно, он не бежал во главе атакующих под прикрытием дымовой завесы, не сидел в плотном кольце оцепления, напряжённо вглядываясь в клубящуюся пелену. Но он был рядом. Мобильный командный пункт стоял на обочине дороги, ведущей к лицею. Требовалось «держать руку на пульсе». Когда стало известно точное количество нападавших и локализовано их местонахождение, генерал уверился в успехе операции. Несколько минут, и противник будет обезврежен.

Однако обезвредить недостаточно. Кто знает, какую информацию искали орбитоны в своём бывшем интернате. Какую — нашли и постараются увезти на орбиту в квантовых мозгах. Потому командир штурмовой группы получил негласное распоряжение — пленных не брать. И то, что распоряжение это будет выполнено, прежде чем сюда пожалуют представители гражданской власти, журналисты и прочие шпаки, генерал Рокачёв собирался проконтролировать.

То, что им не выстоять, Вилан понял спустя пять минут после первого взрыва. Вернее, спустя три с половиной минуты. Ещё полторы потребовалось, чтобы проанализировать возможные варианты действий и выбрать оптимальный.

— Командир, нужно уходить! — крикнул Гобар с лестницы, ведущей к фойе. — Оборона прорвана, они уже в правом крыле! Нужно прорываться к шаттлу!

Предложение было верным лишь наполовину. Им и правда пора было прорываться из осаждённого, на две трети захваченного врагом здания. Но не к шаттлу. Шаттл — ловушка. Враг мог давно взорвать его, но почему-то щадил. Словно специально предлагал — убирайтесь туда, откуда пришли, не тронем!

Тронут, Вилан не сомневался. Выбраться из лицея живыми шанса не было — слишком серьёзно за них взялись чужаки. Но оставалась надежда предупредить ор-

битальный город о вторжении. Надежда эта стояла за воротами интерната. Мобильный командный пункт, оснащённый самыми современными у наземцев средствами связи, — Вилан успел разглядеть его, пока дым не поднялся вровень с крышей лицея. Кто предупреждён, тот защищён. Орбитонам предстоит затяжная, изнурительная война, и сегодня — только первое её сражение. Она не закончится, даже если наземцы потеряют свою планету. Пока жив хоть один ребёнок, надежда вернуть им родину предков останется.

— Ханна, Цанк, Гобар! Все ко мне, срочно! Идём на прорыв! — крикнул он, перекрывая хлопки автоматных очередей. На счастье, уши наземцев невосприимчивы к ультразвуковому диапазону. И, поколебавшись, щёлкнул ограничителем мощности станнера. Диспозиция изменилась. Если планета захвачена пришельцами, люди, в чьё сознание они проникли, всё равно что мертвы. — Оружие — в боевой режим!

Она слишком долго выжидала. Когда Машка выскочила в коридор, стреляли уже внутри здания. Выстрелы доносились и с первого этажа, и ближе — от пожарной лестницы. Наверное, туда и надо было бежать?

Она успела сделать шага три, когда из-за угла высунулась чёрная фигура штурмовика. Точнее, в первый миг высунулся толстый короткий обрубок автоматного ствола и тут же выплюнул горсть огня. Пули завизжали над головой, выбили каменную крошку со стен.

— Ложись! — Орбитонка выглянула из-за двери в дальней, противоположной части коридора. Могла бы и не кричать — Машка без всяких указаний распласталась на полу. Станнер в руке орбитонки выплюнул маленький синий сгусток. Штурмовик отпрянул было... нет, не успел, повалился бесчувственным кулем на пол.

— Назад в класс, быстро! — продолжала командовать орбитонка.

Васисуалий послушался. А Машка — нет. Вместо этого вскочила и рванула к женщине, так быстро, как могла. Как не бегала на зачётах по физкультуре. Не позволяла себе бегать, помня наставления отца.

— Ты что творишь?! — Орбитонка поймала её на ходу, швырнула в пустой кабинет. — Я же сказала — не высовываться!

— Я... — Машка запнулась. Не знала, как объяснить самое главное, с чего начать. — Вы просили помочь... Я могла бы позвонить дедушке, он свяжется с кем-нибудь из правительства. Но у меня смарта нет.

Взгляд орбитонки оставался хмурым. Сейчас она развернётся, уйдёт из кабинета — воевать...

— Мой дед — Андрей Борисович Чаев! — выпалила Машка. — Тот самый Чаев.

Уточнять не требовалось, орбитонка прекрасно знала, кто такой Андрей Чаев. Руководитель проекта «Человек совершенный», основатель и первый директор специнтерната. Глаза женщины вспыхнули, она вынула из кармана смарт, протянула... и внезапно дёрнулась, обернулась к двери, словно услышала что-то, недоступное человеческому уху. Собственно, так оно и было.

— Меня вызывают, — бросила на бегу. — Ты сиди здесь, не высовывайся!

Разумеется, Машка не подчинилась. Последняя фраза командира орбитонов... Это была война, настоящая.

Цанку досталось сильнее всего — семь ранений. Но последним добрался до командного пункта Вилана не он, а Ханна. Вдобавок девчонку какую-то притащила.

— Говорит, что внучка Чаева. — Подруга начала поспешно объяснять, не дожидаясь вопроса. — Андрей Борисович может связаться с правительством, остановить...

— Поздно. Не исключаю, что на планете уже нет человеческих правительств. Вторжение прошло молниеносно...

— Да не было никакого вторжения! Его мальчишки придумали, чтобы контрольную сорвать. И пришельцев, отбирающих тела, не существует, это история из старой книжки...

Машка осеклась, сообразив, что ей не верят. Ни одному слову не верят. Защита Земли от внешней угрозы — задача нулевого приоритета. Записанная не в человеческий мозг орбитонов, а в квантовый. Достучаться туда можно единственным способом.

Она упрямо сжала губы, принялась чиркать пальцем по сенсорному экрану смарта. Ох и удивились бы Илья с Васисуалием скорости и точности этих движений. Но друзей рядом не было.

— Смотрите! — Машка протянула смарт. — Все смотрите.

Вилану хватило одного взгляда, чтобы считать полный код доступа, зашифрованный в трёхмерной картинке. И — растеряться. Впервые с того дня, когда покинул поверхность планеты. Значит, вторжение — сказка? В их мозги подсунули выдумку, взломали, как старый аналоговый компьютер? Но сделать подобное мог только...

— Так это в самом деле ошибка! — Ханна облегчённо вздохнула. — Да, наломали мы дров.

— Могли сгоряча перебить всех этих солдатиков, — улыбнулся Гобар.

— Всех, пожалуй, не перебили бы, — возразил Цанк, — но многих, это точно. Я десятка два подстрелить успел. Хорошо, что станнер в полицейском режиме.

Вилан обвёл взглядом свою команду. Они искренне радовались неожиданной развязке, тому, что мировая война отменяется. И ни один не понял главного.

— Ясно. Вернуть оружие в минимум, будем держать оборону в этом кабинете. Гобар — на лестницу, Цанк — к окну, Ханна — в коридор, — скомандовал он. А едва приказ был выполнен, обернулся к девчонке: — Ты?..

Она кивнула нерешительно.

— Да. Эксперимент не закончился сорок лет назад. Дедушка и мой отец начали его снова, учтя допущенные ошибки. Совершенные люди не должны быть слишком совершенными, не должны так явно отличаться от обычных. А главное — им нельзя обосабливаться. Людям необходимо время, чтобы привыкнуть. Минимум поколение должно вырасти и прожить жизнь рука об руку с... нами. — Девочка вдруг опомнилась, схватилась за смарт: — Ой, звонить же нужно, срочно! Радиослуха у меня нет.

Вилан придержал её руку:

— Не отсюда. Ханна отведёт тебя в безопасное место, а мы постараемся отсидеться, пока наземцы не договорятся между собой. Здесь крепкие стены.

Два звонка на командном пункте генерал-лейтенанта Рокачёва прозвучали с интервалом в полминуты. Первый — от командира штурмовой группы:

— Здание практически наше, начинаем эвакуацию детей. Противник держит оборону в угловом кабинете на втором этаже. Хорошая возможность накрыть их всех разом.

— Да. Передавай координаты расчёту ПТУРСа...

И тут зазвонил второй. Тот самый телефон.

— Генерал, операция отменяется. Отводи войска.

Это было как ведро воды на голову.

— Но господин президент, мы почти закончили...

— Немедленно отводи войска! — судя по раздражению в голосе, собеседнику не очень-то приятно было отменять собственное распоряжение. Пытаться спорить, возражать в такой момент — себе дороже.

— Есть...

Генерал Рокачёв не успел выполнить новый приказ. Пол под ногами вздрогнул от близкого взрыва.

Звук взрыва Вилан не услышал. Яркая вспышка и — чернота.

Ему показалось, что сознание вернулось мгновенно.

— Вилан, мальчик, ты меня видишь?

Андрей Борисович Чаев, человек, наземец, которого все орбитоны негласно считали своим отцом, стоял рядом с ним на коленях.

— Да...

Вилан поразился, до чего их отец постарел. Сколько ему лет? Восемьдесят? Больше? Для наземца это уже глубокая старость. Результата своего нового эксперимента он может и не увидеть...

Повернуть голову не получалось, но в сектор обзора и так попадало достаточно. Угол учебного корпуса обвалился, превратившись в груду камней, обугленного дерева, дымящегося пластика. Зато хлопков автоматных очередей не слышно, чёрные фигуры штурмовиков исчезли. Среди развалин сновали люди в униформе спасателей, тушили последние очаги пожара, несли к стоящим у ворот машинам носилки со всё ещё парализованными сотрудниками лицея, уводили детей.

Впрочем, уводили не всех. В двух десятках шагов от Вилана стояли трое. Знакомая девочка и двое мальчишек. Один — белобрысый, вихрастый, в спортивных шортах и футболке, второй — темноволосый, аккуратно подстриженный, в так не вяжущихся с этой аккуратностью закопчённых брюках и рубахе, словно парню пришлось что-то поспешно сжигать. Все трое смотрели на Вилана. Испуганно и виновато.

— Что... с моими людьми? — с трудом выдавил он.

— Посекло взрывом, Цанку ступню оторвало, — принялся перечислять Чаев. — Но это дело поправимое, я вас крепкими ребятами сделал.

— Значит... обошлось?

— Почти. — Старик отвернулся.

— Кто? — Вопрос Вилан задал. Но ответ на него знал и так. — Сколько... мне осталось?

— Боюсь, нисколько. Это я виноват, не предусмотрел...

— Нет. Вы правильно поступили... Всё хорошо...

Последнюю фразу он повторил в ультразвуковом диапазоне. Не для Чаева. Услышать эти слова здесь мог только один человек.

И она услышала. Недоверчиво приподняла брови. Но всё и правда хорошо заканчивалось. А накладки, несчастные случаи бывают в любом эксперименте, на то он и эксперимент. Главное, эту девочку никто никогда не посчитает кибером, она не окажется чужой среди людей.

Это и есть задача нулевого приоритета.

ПОЧТИ КАК НЕЛЮДИ

АНДРЕЙ ДАШКОВ

МАШИНКА ВНУТРИ

Если люди и цивилизация несовместимы — что в любом случае всем нам известно, — ничего не поделаешь: старайтесь извлечь максимум при плохой игре.

Норман Мейлер

Если хочешь сделать что-то по-настоящему правильное и честное, делай это в одиночку.

Ричард Йейтс

1

Дина сидела на камне в десяти метрах от дороги и плакала. Проезжая мимо, Геннадий Цветков ощутил какое-то неудобство, вроде того, которое испытывают здоровые, навещая больных, счастливчики в присутствии несчастных, выжившие при встрече с мертвыми. Он знал, что от этого никуда не деться, пока ты окончательно не превратился в камень, но в то же время не мог же он сочувствовать всем. Шесть миллиардов больных или несчастных, еще больше мертвецов. Не хватит никаких сожалений, никакого сердца, никаких слез. Надо сцепить зубы и ехать дальше. Кто знает, не настанет ли вскоре время жалеть себя? На жалость со стороны других рассчитывать не приходилось — официально гражданина Цветкова попросту не существовало.

И он поехал дальше. Но был один нюанс, чертов половой вопрос. Он забыл бы плачущую старуху, плачущего мужика и даже — назовите его лицемерным чудовищем — плачущего ребенка. Красивую молодую женщину он не забыл. Проклятие Адама лежало и на

нем. Оно ослепляло. Оно притупляло нюх. Оно заставляло пренебрегать постоянной опасностью. Совсем как в тот раз, в «Армагеддоне», когда он наткнулся на шлюху с бритвой. Отрезанный палец побаливал до сих пор. Но это был, к счастью, всего лишь мизинец на левой руке, а не член (как говорится, почувствуйте разницу), и, оставшись мужчиной, он не всегда помнил, чего мог лишиться.

Сейчас, после четырехмесячного воздержания, с его памятью было особенно легко договориться.

Цветков затормозил, остановился и сдал назад. Можно сказать, купился на женские слезы. А заодно услышал, как самодовольно заурчало мужское «я» в предвкушении возможного угощения. Но прежде всего он купился на женские слезы.

Не он первый. Не он последний.

* * *

Собственно говоря, то, что женщина молодая и красивая, он увидел не сразу. Интуиция? Какая там, к дьяволу, интуиция. Уже потом напомнила о себе лишенная эмоций и либидо механическая машинка внутри его мозга, которая всегда, что бы ни творилось снаружи, продолжала просчитывать варианты, не подавая до поры до времени сигналов тревоги. И машинка вычислила: уродливую они не подсадили бы. Потрошители тоже кое в чем разбирались и знали, как заставить потенциального донора выйти из машины.

Когда он оказался прямо против нее, она продолжала сидеть со склоненной головой и утирать слезы. Даже не взглянула на «спасителя». Ее горе могло бы сойти за искреннее. Она не искала первое встречное плечо. А может, он столкнулся с еще более изощренной игрой?

Через пару секунд выяснилось, что его воздержание продлено на неопределенный срок. Потрошители появились бесшумно. Их было трое, не считая приманки, ко-

торая сразу перестала рыдать и ощерилась, показав настоящее лицо. Действительно, красивое. Будет немного жаль ее убивать...

Цветков зевнул и выдохнул остатки утреннего тумана, затем поправил жилет со вставками из арамидного волокна, неплохо защищавший грудь и живот. Наивный, собирался расслабиться, но, похоже, ему никуда не деться от привычной работы. В последнее время он не искал ее, она сама его находила. Чем не торжество правосудия без лишней волокиты, как любит выражаться действительный советник Набоков, возглавляющий шестнадцатое отделение «Химеры». Но как же хорошо, когда наводки слепого (по идее) правосудия совпадают с собственными желаниями.

Потрошители взяли его в кольцо — во всяком случае, так им казалось. Правда, у него было преимущество — они не могли позволить себе повредить жизненно важные органы. Его органы. У него же никаких проблем с их органами не было. Наоборот. У него была четкая инструкция относительно того, как поступать с телами «во избежание их дальнейшего использования». А Геннадий считался одним из лучших в «Химере» — в немалой степени благодаря тому, что неукоснительно следовал инструкциям.

Красотку он убил выстрелом в лоб. Все, что она успела, это удивиться. Они всегда немного удивлялись, когда напоследок вдруг осознавали, что собирается сделать с ними с виду неповоротливый и уже немолодой мужчинка. Красотка свалилась с камня и осталась лежать с открытыми глазами.

Он занялся другими потрошителями — в порядке убывания опасности, которую они представляли. Первым был щенок с парализатором, не успевший приблизиться на расстояние эффективного применения. Цветков выстрелил ему в живот, чтобы помучился. В сочившемся с востока тусклом сереньком свете он опознал потрошителя — в разыскной сводке тот проходил как особо опасный. Из молодых, да ранних. За ним тянулся кровавый

след — около десятка незаконно изъятых органов. Почки. Печень. Два детских сердца. И так далее.

Выстрела в живот было явно маловато.

Следующий. Интеллигентского вида очкарик средних лет. В одной руке — контейнер, в другой — кейс с инструментом. Геннадий не удивился бы, окажись этот черным хирургом. В группе потрошителей, вышедших на охоту, обычно имелся один сведущий в том, как грамотно обращаться со скальпелем. Если же нет, то донора можно усыпить, а позже всегда найдется свободный художник на подхвате, работающий по вызову. Этими «Химера» интересовалась особо — из-за связей. Так что сегодня Цветкову, можно сказать, повезло. В полном согласии с инструкцией, он не стал убивать очкарика сразу. Двумя выстрелами навсегда избавил его от коленных чашечек и от желания самостоятельно передвигаться.

Третий, получивший фору, не сумел этим воспользоваться. Он обнаружил зачатки благоразумия и пытался сбежать. Цветков увидел его лицо, прежде чем тот повернулся задом. Новичок. Непрофессионал. Почти пенсионер вдобавок. Как видно, захотел срубить легких деньжат. Слезливую фразу «не хватает на жизнь» Геннадий ненавидел и ни в коем случае не принимал в качестве оправдания. Тебе не хватает на жизнь, сука? Тогда не живи.

Примерно это он и прошептал, стреляя «пенсионеру» в затылок. Пуля снесла часть черепа, и на землю незадачливый потрошитель рухнул, избавленный от пары сотен граммов бесполезного серого вещества.

Геннадий огляделся. Вокруг все было неподвижно. Пасмурным утром мир будто восставал из пепла. Ни одной машины, ни одного свидетеля. Чистая работа.

Щенок стонал, ковыряя пальцами землю. Цветков приблизился, подобрал парализатор. Подпольно изготовленная многорежимная модель. Розовая мечта любого палача. Что ж, иногда мечты сбываются.

Стоны перешли в визг. Он слушал эти звуки не без удовольствия, пока сопляк не сдох. Процедура заняла

минут пятнадцать. Слишком мало для справедливого наказания, но зато слишком много для мародеров. Биомаяки убитых замолчали, а за их телами никто не явился. Для гарантии Цветков подождал еще пятнадцать минут. Раз уж утро началось с работы, то почему бы не выполнить ее на совесть?

Убедившись в отсутствии других желающих умереть, он занялся хирургом. Обнаружил у того в кейсе стандартный набор инструментов и несколько ампул «девяти жизней» — проклятой штуковины, предотвращающей отторжение тканей, после появления которой на черном рынке охота за органами приобрела пугающие размеры. Слишком многим хотелось продлить существование. У многих были на это деньги. А деньги решали все в мире, где, по идее, все должна была решать любовь.

Он уничтожил ампулы. Контейнер оказался пустым. Значит, сегодня это была их первая охота. И последняя. Хирург пребывал в сознании и следил за Цветковым, поскуливая от боли и ужаса. Догадывался, что его ожидает.

Глядя на холодно поблескивающие инструменты, Геннадий испытал нешуточное искушение. В конце концов, очкарик виноват ничуть не меньше, чем щенок, отключавший намеченных жертв. Но этот еще был нужен живым, а преодолевать искушение Цветкову было не впервой.

Он ограничился небольшими надрезами у очкарика во рту и еще кое-где, после чего связал потрошителя и затолкал на заднее сиденье. Вложил в приоткрытый рот красотки ничем не примечательный жетон — не более чем дань вежливости «Химеры» по отношению к полиции. На этой неделе жетоном служила черная сотенная фишка казино «Каир». Затем Геннадий Цветков продолжил путь в контору после двенадцатичасовой ночной смены. Его юбилейной трехтысячной смены. Он их не считал — за него это сделал регистратор на выезде.

Ну что ж, юбилей он отметил достойно.

2

Иногда он чувствовал себя слишком старым для всего этого. Не видать конца кровавой работе, а с каждым месяцем он все хуже помнил, с чего же начинал. Размышляя о жизни в свое так называемое свободное время, нелегко было отыскать в ней смысл, но потом, когда он, выезжая на очередное задание, находил тела с вырезанными сердцами или, наоборот, провожал домой живых, спасенных, избежавших благодаря ему страшной участи, — смысл появлялся словно бы из ниоткуда. И, само собой, возникали неразрешимые вопросы: до какой мерзости может дойти род человеческий и не лучше ли ему вообще не существовать? Впрочем, та самая бездушная машинка внутри знала ответ — и он звучал как приговор, не подлежащий обжалованию.

Но было кое-что, вернее, кое-кто. Напоминание из прошлой жизни. Ребенок. Слабое место в любой философии, даже неопровержимо убедительной. И еще одно. Мария — так звали его шестнадцатилетнюю дочь — была единственной причиной, по которой Геннадий Цветков молился. Это случалось редко, когда совсем припекало, но случалось. И тогда он, засунув подальше здравый смысл, совершенно серьезно просил Главного Хирурга, который создал этот ублюдочный мир и звериннец для двуногих, чтобы никто из его обитателей не добрался до Марии.

* * *

Вернувшись в контору, он сдал полудохлого потрошителя следователям, после чего ощутил непреодолимое желание принять душ и выпить. Необязательно в таком порядке. Неплохо бы также и поспать, но пить и мыться во сне он еще не научился, поэтому кровать могла подождать.

Разбросанные по городу отделения «Химеры» в полном соответствии с названием не стремились обнаруживать свое существование и были замаскированы под

ничем не примечательные организации, большей частью общественные и благотворительные. Геннадий Цветков был приписан к шестнадцатому отделению, которое располагалось в подвале здания с вывеской «Фонд помощи жертвам программ отложенной смерти». В глаза не бросается; по коридорам фонда в основном бродят люди, которых бесполезно о чем-либо расспрашивать, а десятком тачек на стоянке никого не удивишь. Душ тут имелся — что касается телесного и душевного комфорта сотрудников, контора не скупилась. Правда, выпивка не входила в перечень доступных средств — до сих пределов здоровый цинизм руководства, к немалому сожалению низших чинов, не простирался. Но это не было неразрешимой проблемой.

Смыв с себя налет минувшей ночи, Цветков переоделся в чистый костюм и отправился домой пешком. По пути он зашел в кафе «Южный крест», открытое круглосуточно, взял коньяк, кофе и решил посидеть на террасе под навесом.

Накрапывал дождик. Город пробуждался. После пары глотков сонливость и у Геннадия как рукой сняло. Вроде бы все нормально, но едва заметно дрожали пальцы. Это было что-то новенькое. Очередное напоминание о возрасте. Он понимал, что однажды может оказаться недостаточно быстрым для работы «на свежем воздухе». А для работы в подвале он не чувствовал в себе призвания. Каждому свое. Но что делать, когда все «твое» уплывает от тебя, будто в дурном сне, убегает с мелькающими мимо днями и ночами, неудержимо соскальзывает в пропасть прошлого, а впереди ничего, кроме перспективы одинокой старости и любезно предоставляемого дежурного утешения в виде новой личности и пенсии? На этот вопрос не знала ответа даже машинка внутри. Машинка предпочитала иметь дело с настоящим временем. Может, в этом и заключалась единственная доступная человеку мудрость.

Цветков допил коньяк и кофе, заказал еще, полистал принесенную официантом утреннюю газету. На разво-

роте была большая статья какого-то «аналитика» о способах борьбы с нелегальной торговлей органами. Тема номер один вот уже несколько лет, но мало что изменилось, а если изменилось, то к худшему. «Химера» упоминалась лишь вскользь, да и то как полумифическая контора. Благодаря стараниям лоббистов в парламенте подконтрольная пресса предпочитала болтать в основном о «законодательных инициативах». Когда Цветков слышал эту фразу, его рука тянулась к кобуре. Вообще-то сотрудникам «Химеры» не разрешалось носить оружие во внеслужебное время — во избежание «несанкционированных действий и побочных осложнений». Но Геннадий почти не расставался с пушкой и был уверен, что ему ничего не грозит. Насчет этого между его конторой и полицией существовало что-то вроде негласных договоренностей. Еще бы: «Химера» взвалила на себя самую грязную и самую неблагодарную работу. Если, конечно, не считать награды, предположительно ожидавшей особо отличившихся на том свете. Но, как ни странно, туда никто не торопился, а Цветков, к своему стыду, еще и слабо верил в посмертное воздаяние. Во всяком случае, рассматривал прерогативу воздать каждому по заслугам, не отходя от кассы, как часть своих служебных обязанностей. Возможно, он много на себя брал. Если так, он был готов понести наказание.

Около девяти он решил, что Мария, наверное, уже проснулась. В отличие от него, вставшего обычно ни свет ни заря, дочь, как и бывшая жена, любила поваляться в кровати. Сейчас, во время каникул, — почти наверняка. Но у Геннадия возникло какое-то странное предчувствие, не объяснимая рационально необходимость услышать голос дочери. И только машинка внутри тихо озвучила: «А вдруг этот, который любит пошутить, решил, что ты вполне сгодишься?..»

Он достал телефон и нажал кнопку вызова Марии. Когда после энного гудка произошел сброс, он набрал еще раз. С тем же результатом. В пустом желудке обнаружилось и заворочалось что-то свинцово-тяжелое,

и кишки сдавило этим прессом. Геннадию ничего не оставалось, кроме как набрать номер своей бывшей.

Когда он услышал ее почти нормальный голос, у него немного отлегло от сердца. Совсем нормальным голос не мог быть по определению — она видела, от кого звонок. Правда, и сонным этот голос он не назвал бы, так что успокаиваться рано.

— Мария дома? — спросил он, поздоровавшись.

— Да.

Коротко и ясно. Стало быть, ложная тревога?

— Она спит?

— Нет.

— А почему не берет трубку?

Пауза. Бывшая благоверная, видимо, решала, пускать ли его дальше в свою жизнь. В их с Марией жизнь. Он слегка надавил:

— Что-то случилось?

— Да так... — Наконец, нехотя: — Ее допрашивают.

— Кто? — Вопрос, безусловно, не являлся образцом проницательности.

— Ну кто? Твои друзья полицейские.

Он пропустил яд мимо ушей.

— По какому поводу?

— Убили какого-то ее знакомого.

— Я сейчас приеду.

Вяло:

— Не уверена, что ты здесь нужен.

Он не стал ждать, пока ее уверенность дозреет. Дал отбой, расплатился и поймал такси. До бывшего семейного гнездышка добрался минут за двадцать. Полицейская машина стояла чуть поодаль. Даже до этих тупоголовых дошло, что не всегда надо мозолить глаза.

Перед дверью позвонил. Открыла мамочка. Вид у нее был слегка растерянный, как будто она недавно узнала что-то такое, к чему еще не успела привыкнуть. Возможно, к тому, что ее дочери уже шестнадцать, у «ребенка» появились какие-то тайны и, не дай бог, личная жизнь.

Он-то думал, что готов к этому. Во всяком случае, приучал себя к мысли, что однажды узнает о существовании ее «друга». И он узнал. Похоже, кое-кто все-таки сегодня находился в шутливом настроении.

Полицейских было двое, и прежде Цветкову не доводилось с ними встречаться. Один — молодой крупный блондин, хмурый и ко всему безразличный. Второй — постарше, среднего телосложения, — выражением лица напоминал кобелька, готового ввязаться в любую разборку. «Беседа» с Марией как раз закончилась. При появлении Геннадия Кобелек слегка оживился, а после того, как тот сделал звонок по специальному номеру, откровенно обрадовался, понадеясь, что удастся спихнуть потрошиловку «химерам». Дальнейший разговор его слегка разочаровал, но принцип «рука руку моет» работал, сколько Цветков себя помнил, и вскоре он знал о начавшемся расследовании немного больше, чем положено знать отцу несовершеннолетней, проходящей пока как свидетель по делу о незаконном изъятии органов в составе преступной группы.

При общении наедине, за закрытой дверью, Кобелек показал Геннадию несколько фотографий. Красотка с открывшимся третьим глазом и черной фишкой во рту, пенсионер со скворечником в черепе, юнец. Последний лежал, прижимая руки к развороченному животу. Из сплетения кишок торчала рукоять парализатора.

— Узнаете его? — спросил полицейский, пытливо заглядывая в глаза.

— Наш клиент, — подтвердил Цветков равнодушно.

— Очень жаль, но у вашей дочери была с ним связь.

Геннадий не стал уточнять, что имеется в виду под словом «связь». Да, шутка получилась что надо.

— Я ничего не знал. — Как будто если бы знал, что-то изменилось бы.

— Эта молодежь... — посочувствовал Кобелек — возможно, даже искренне.

— Уверен, что она была не в курсе его похождений. — Заканчивая фразу, Цветков понял: Кобелек уже что-то

нарыл. Не по тройному убийству, нет, — там все было чисто, а если не совсем чисто, то контора его прикроет. Нежелательная информация касалась Марии.

— А я не уверен, — сказал Кобелек и снова не слишком убедительно изобразил сочувствие. — При ее-то болезни...

Цветкова будто ударили под дых рессорой.

— Какой болезни?

— А вы и об этом не знали? — Кобелек воззрился на него со странным выражением, словно слегка осуждал за то, что «коллега» оказался плохим папочкой.

— О чем, черт подери?!

— О том, что ей требуется пересадка почки.

* * *

Иногда его охватывала уверенность, что привычная упорядоченная жизнь похожа на стену, возведенную из плохо подогнанных камней и без цемента. Стоит выдернуть один камень — и все полетит к хренам собачьим. До поры до времени спасает только то, что таких стен несколько. Но однажды начнет рушиться последняя, и тогда конец.

Геннадий Цветков пережил нечто подобное уже трижды. В результате очутился — кто бы мог подумать, когда он был молодым! — на специфической службе, без семьи, без матери и отца, без друзей и даже без дома, который хоть в малейшей степени вызывал бы ощущение уюта. Безликая служебная квартира не в счет — не более чем гостиничный номер на пути к смерти, и это еще в лучшем случае. Как бы не сделаться бродягой...

Понятное дело, начальству подобные расклады нравились. Он был почти идеальным воплощением их представлений об исполнителях для «непрозрачных операций». Личная история стерта, в общедоступных и труднодоступных базах данных отсутствует, не отягощен сколько-нибудь заметным имуществом, не замечен ни в чем предосудительном и как будто не имеет моти-

вов чересчур сильно цепляться за бренное существование. Семья и дети? Ну, это в прошлом, а если отчасти и в настоящем, то отношения эпизодические и прохладные. Лучше бы, конечно, их вообще не было, но нельзя же требовать, чтобы живые (пока) оперативные работники превратились в химер в буквальном смысле слова.

Да и не совсем он исполнитель, а в силу специфики работы «в поле» просто обязан проявлять изрядную самостоятельность в действиях и принятии решений. Тяжелая у него работа, нервная. Не для впечатлительных. Но крайне нужная. На самых, можно сказать, передовых позициях в сражении с новыми вызовами. Под конец времен прогресс подсовывал роду людскому очередное искушение. И праведником быть необязательно, лучше даже наоборот. Полезнее для здоровья... Много ли таких, что устоят? Оказалось, не много. И с каждым днем все меньше — по мере того как снижаются показатели продолжительности жизни на отравленной старушке Земле, а подпольная хирургия расцветает пышным цветом. Не говоря уже о вкладе «продвинутых» стран, целиком отдавшихся прогрессу и узаконивших трансплантацию. Но прогресс оказался любовником, склонным к садо-мазо...

* * *

Не о том он думал. Совсем не о том. Но машинка внутри догадывалась, по какой причине. Он пытался вытеснить из памяти последний разговор с бывшей женой. Тщетно.

— Почему ты мне не сказала?

— А зачем?

— Затем, что я ее отец.

— Последние пятнадцать лет ты об этом редко вспоминал!

— Не вспоминал, потому что ты была против!

— А, так это я виновата? Вот и катись!

— Сейчас разговор не о нас, а о Марии. Помощь нужна ей.

— И чем же ты можешь помочь, долбаный лузер? Явишься под утро, чтобы сказать ей «спокойной ночи»?

— Не хами. У меня работа. Получше твоей... Деньги нужны?

— Ха-ха. Засунь их себе в задницу, лузер! Они там как раз поместятся. Даже мелкими купюрами.

— На старости лет меньше яда у гадюки не становится.

— Да пошел ты!..

От разговора с эскулапом было немногим больше пользы. Тот подтвердил диагноз. На вопрос об операции криво ухмыльнулся: «Вы же понимаете... Очередь на год вперед. И это обойдется в сто пятьдесят штук». Он так и сказал: «штук». Цветков не доверял людям, которые не уважали деньги. Это означало, что они им слишком легко достаются. Однако в цене коновал не ошибся, можно быть уверенным. Разве что в меньшую сторону.

После больницы Геннадий вернулся к себе домой, но заснуть так и не удалось. Он с трудом дождался вечера, разрываясь между желанием напиться, попытаться еще раз увидеть дочь и пониманием, что лучше всего сейчас не делать ни того ни другого, а заняться чем-нибудь опустошающим душу и голову. Работой, чем же еще.

В результате он позвонил в отделение и попросил переставить его на ближайшую ночную смену. Дежурный побулькал что-то насчет перегрузок, правил и медкомиссии, но оба знали, что это всего лишь обязательная программа. А была еще и произвольная.

В двадцать один ноль-ноль Геннадий Цветков заступил на ночное патрулирование. Перед этим он долго и внимательно изучал ориентировки на подозреваемых в охоте за органами. Их лица отпечатались у него в мозгу, словно всаженные в каждую извилину лазерным принтером. Тем вечером Цветков был далек от сомнений касательно своего ремесла и жаждал встречи с потрошителями, ибо, как ему тогда казалось, нет ничего хуже для него, чем спокойное дежурство.

Оно и не было спокойным.

3

В десять он встретился со своим осведомителем. Тот бывал в таких местах, куда «химеры» и полицейские попадали только мертвыми и не всегда одним куском. Порой Цветков задавал себе вопрос, не сидит ли этот человек одной задницей на двух стульях. Той ночью он особенно хотел бы знать ответ.

Встреча состоялась в почти полной темноте. Сидя в машине, Геннадий различал только силуэт стоявшего рядом мужчины. Разговаривали сквозь щель над слегка опущенным боковым стеклом. Дождь заглушал голоса. Осведомитель предпочитал, чтобы его называли «Эй, ты», а лучше вообще никак не называли. И это можно было понять. Оперативники «Химеры» довольно часто доживали до пенсии; люди, сливавшие им информацию о потрошителях, — почти никогда. Причина была все та же — деньги. За черными трансплантологами стояли такие деньги, что «химерам» и не снились. Поэтому, отстегнув информатору некоторую сумму из специального фонда, Цветков задумался, что же он сейчас купил — сеанс трудотерапии на ближайшую ночь или собственную смерть.

Смерти он не боялся, но теперь, после того, что он узнал, она сделалась несвоевременной и неуместной. Слишком напоминала бегство от проблемы туда, где либо никаких проблем нет, либо они совсем другие. Неважно, что скажет по этому поводу благоверная сучка, важно, что некому будет помочь Марии. А кстати, как он собирается ей помочь? Плохой вопрос. Абсолютно неудобный. Машинка внутри уже подсчитала: сто пятьдесят тысяч он заработает за тридцать лет — и то если не потратит на себя ни цента. Прекрасный результат. У него был шанс прожить еще тридцать лет, если поберечься. Но у его дочери, похоже, не было. Кроме того, к ста пятидесяти тысячам следовало добавить еще кое-что: стоимость «девяти жизней». Вспомнив о раздавленных шести ампулах из хирургического кейса и о как минимум

одной жизни, безвозвратно впитавшейся в землю, Геннадий заскрипел зубами.

Впервые за все время службы в «Химере» он пожалел о содеянном. Это было плохим признаком. Его последняя стена начала рушиться.

* * *

Погода была чрезвычайно мерзкой и неподходящей для прогулок, но также — что имело особое значение — для вертолетной доставки. Поэтому Цветков ждал конвоя на боковой дороге неподалеку от трассы, соединявшей неотложку с трансплантационным центром. В неприметном служебном «Форде» имелось все необходимое, чтобы отслеживать передвижения спецтранспорта, а место Геннадий выбрал исходя из полученной от осведомителя информации, которая, впрочем, вполне совпадала с его собственными тактическими соображениями. Здесь, на S-образном участке трассы, благоразумная скорость не превышала пятидесяти километров в час, а в ливень — тридцати. Цветков не сомневался, что водитель фургона будет чрезвычайно благоразумен. Наличие конвоя означало, что какой-то высоко сидящий старпер нуждался в поправке здоровья.

Слава богу, долго ждать не пришлось, иначе мысли о Марии снова повергли бы Геннадия в ступор. Увидев на мониторе, что конвой приближается, он взял «канарейку» и вылез из машины. Стихия обрушилась на него ледяным ливнем и порывами злобного ветра. Плюс: можно было не волноваться насчет того, что его шаги услышат раньше времени. Минус: арамид терял прочность под воздействием воды, а его модифицированный жилет непромокаемым не был.

Поначалу тьма казалась непроглядной. Потом он начал кое-что различать. Двинулся в ту сторону, где потрошители устроили засаду. По скромным прикидкам, их, вероятно, было не меньше десятка. Шагая в пронзаемой водяными струями темноте, Цветков поймал себя на том,

что чуть ли не впервые в жизни нарушил инструкцию. Строго говоря, при таком количестве потрошителей ему полагалось вызвать подкрепление. Но у него даже мысли не возникло сделать это. Какого дьявола? Трасса входила в его зону патрулирования. Если бы не осведомитель, он ничего не знал бы о готовящемся перехвате. Значит, нарвался случайно. Этой версии он и решил придерживаться в дальнейшем. Машинка внутри с ним согласилась.

Появившиеся вскоре проблески фар напоминали глаза крадущегося зверя. Цветков остановился. Теперь надо дождаться, когда потрошители себя обнаружат. Если, конечно, информация не окажется ложной. Иногда случалось и такое, но деньги все равно оставались у осведомителя.

Лучи фар метнулись влево-вправо. Донеслись приглушенные расстоянием хлопки пробитых камер. Завизжали тормоза. Затем темноту разорвали вспышки первых выстрелов.

С виражом Цветков не угадал: думал, они засядут на ближнем, оказалось, на дальнем. Ему, в общем-то, было без разницы. Пройти лишних сто метров не проблема, хотя и по колено в мокрой траве и грязи. Дурацкие мысли, типа кое у кого наверху сегодня понос, воспринимались с одобрением, как часть психологической подготовки. Заодно он доказывал самому себе, что не является фанатиком. А то кем только не называли «химер» в этом гребаном Интернете! И фашистами, и зверствующими инквизиторами, и бешеными псами свихнувшейся власти. Это в цензурном варианте. Ничего, собака лает, караван идет. Для сетевых шавок у Цветкова был готов ответ: посмотрим, что ты запоешь, когда черные хирурги доберутся до тебя. А ведь доберутся — рано или поздно...

Он медленно приближался с тыла к потрошителям, засевшим по эту сторону дороги. Была вероятность нарваться на шальную пулю, но пока не настолько большая, чтобы ползти. Вскоре Цветков уже видел стоявший

на дороге фургон спецдоставки и два внедорожника сопровождения. Те охранники, что еще оставались в живых, вели ответный огонь, однако с каждой секундой его интенсивность падала. За спиной у них находилось еще несколько потрошителей, поэтому шансов не было. Хотя как сказать. Цветков снял «канарейку» с предохранителя и передернул затвор. Пора было приниматься за то, ради чего он сюда приехал.

Двоих он убил, пока все лежали и пока никто не успел ничего понять. Каждому — два выстрела в спину. Нимало не переживая по этому поводу. Благородство по отношению к мерзавцам, разделывавшим людей, в конторе, мягко говоря, не приветствовалось. Еще двое успели развернуться в сторону Цветкова. Один оказался совсем близко, на расстоянии трех шагов. И опять это туповатое недоумение в глазах: неужели «химера» подкралась? откуда? Оттуда. Цветков распилил его очередью, после чего занялся вторым. Тот успел выстрелить, и даже не один раз.

Геннадий ощутил удар в нагрудную часть жилета. Неслабое напоминание о возрасте. Если бы не арамид, остался бы без ключицы. Хорошо, что броня пока держала. Вторая пуля взвизгнула возле уха. Казалось, струи дождя вдруг вскипели.

Да, такого раньше с ним не случалось. Чтобы целых два выстрела на опережение! Правда, и в одиночку на десятерых он никогда не ходил. Не было повода и настроения (и опять же — инструкции запрещали). Но сегодня все было как по заказу: повод более чем основательный, настроение хуже некуда, а на инструкции он положил.

Поэтому четвертому клиенту не повезло. Цветков разозлился на себя. Обычно это возвращало его рефлексы на десять лет назад. Сегодня — на пятнадцать. В общем, два выстрела в «химеру» были последним, что сделал потрошитель в своей жизни. Геннадий не пожалел для него остатка патронов, после чего залег и поменял магазин.

Тем временем перестрелка на дороге прекратилась. Либо находившиеся на другой стороне потрошители сообразили, что что-то не так, либо последний охранник отдал концы. Теперь Цветков ждал, пока они примутся за фургон. Это напоминало игру на нервах. Жирная приманка торчала посреди трассы, подсвеченная фарами заднего внедорожника. Все четыре колеса были пробиты «кактусом». Геннадию это понравилось. Значит, ни за кем не придется гоняться. Автомобильные гонки он недолюбливал, тем более в ливень. Не его специализация. Да и подвеска «Форда» не внушала оптимизма. В общем, разобраться с потрошителями он предпочел бы на месте.

Как выяснилось, их желания совпадали.

* * *

Идиотов, которые напрямик полезли бы к фургону, не нашлось. Потрошители решили для начала его окружить. Геннадий их не видел, но чуял, что так и есть. Когда десяток лет подряд отлавливаешь подобных ублюдков, чутье вырабатывается само собой. Он не стал ждать, пока его возьмут в кольцо, и сделал то, что в его положении выглядело чистым блефом: сам направился к фургону, стараясь по возможности оставаться в темноте. Учитывая погоду и время суток, это могло сработать. На последних метрах пути он выстрелами погасил фары внедорожника. В него пока не стреляли — то ли принимали за своего, то ли (что гораздо вероятнее) опасались повредить груз.

Машинка внутри сообщила, что он немного зарывается, тем не менее, Цветков заглянул в кабину через распахнутую водительскую дверцу. Внутри никого не было. Посреди лобового стекла покачивалась интерактивная иконка — призрачная подсветка отбрасывала зеленоватые блики, словно новогодняя игрушка. На этом фоне не разглядеть какой святой беззвучно шевелил губами.

Геннадий хмыкнул и двинулся вдоль левого борта фургона, чувствуя себя живой мишенью, пришпилен-

ной к призовому куску мяса стоимостью в несколько сотен тысяч. Трудноописуемое ощущение, особенно если учесть, что лично ему этот кусок на хрен не нужен. Разве что... Против его воли в мозгу нарисовалась картинка: плавающий в каком-то дерьме человеческий орган. Почка. Просто почка. Ничейная. Без хозяина.

Он отогнал видение, перешагнул через мертвеца, привалившегося к заднему колесу, и взял из его руки пистолет. Стандартная полицейская модель, почти полная обойма. Пригодится. Цветков открыл одну из створок задней двери, прикрываясь ею на тот случай, если кто-нибудь из потрошителей возомнит себя ночным снайпером. Погрузился в расцвеченный мониторами сумрак. Тут было сухо, и тут его ждал сюрприз. Осталось выяснить — приятный или не очень.

Вместо куска мяса внутри находился целый донор, подключенный к системе жизнеобеспечения, и при этом в сознании. Сопровождавший его врач забился в угол и явно больше всего на свете мечтал сделаться невидимым. Цветков подал ему знак, мол, расслабься, мочить не буду. Затем решил взглянуть на донора поближе. Что-то показалось ему знакомым — то ли перебинтованные ноги, то ли косившие в его сторону близорукие глазки, в которых запечатлелся смертельный испуг.

Не многовато ли совпадений, спросил себя Геннадий, и машинка внутри компетентно подтвердила: многовато. Значит, никакое это не совпадение, а часть единого плана... Бывший черный хирург, сам теперь ставший донором, отчаянно задергался, когда Цветков навис над ним. Аппаратура отреагировала паническим писком. Ничего удивительного — к тому моменту Геннадий промок до нитки, с ног до головы пропитался жидкой грязью и выглядел, наверное, как исчадие ада. Но человек с раздробленными коленями, которого везли на разделку, и так находился в преддверии преисподней, поэтому никакие шансы не казались ему смехотворными.

Он начал с двадцати штук за то, чтобы его вытащили отсюда живым. Геннадий сделал по меньшей мере один

вывод из услышанного: засада была организована не с целью освобождения этого ублюдка. Прежде у него никак не получалось побеседовать по душам с черными хирургами (те умирали раньше), и сейчас он даже испытывал некоторый интерес к разговору, слегка замутненный только присутствием снаружи нескольких вооруженных потрошителей. Вспомнив о посторонних ушах, он велел врачу вылезти из фургона и вручил ему пушку, чтобы тот хотя бы предупредил о приближении нападавших.

Далее он слушал с удвоенным вниманием. В своей щедрости бывший хирург дошел до пятидесяти штук, потом до семидесяти. Больше восьмидесяти он не предлагал, несмотря на то что Цветков слегка поковырял стволом там, где вместо правого колена осталось месиво из обломков костей и сухожилий.

После того как вопли улеглись, а два монитора почему-то сдохли, Геннадий огорчил собеседника известием о том, что восьмидесяти штук явно недостаточно и проще будет взять натурой. Хирург сделался особенно разговорчивым. У Цветкова сложилось впечатление, что потрошитель готов вывернуть на него даже то, что услышал под наркозом. Можно было отнестись к этому проще — чего не скажешь, лишь бы спасти свою шкуру и потроха, — однако кое-что заставляло задуматься.

Машинка внутри задала резонный вопрос: «Откуда он может знать об этом?»

Цветков спросил вслух.

Бывший хирург ответил:

— Думаешь, в твоей конторе никто не сливает черным?

Честно говоря, Цветков так и думал. Ох уж эта его непробиваемая наивность, незамутненная чистота помыслов. И это при том, что прожил на свете уже сорок пять лет...

— Кто?

— Не знаю.

Геннадий поднес ствол «канарейки» к остаткам второго колена.

— Мамой клянусь, не знаю! Кто-то наверху. До меня доходили только слухи. Поспрашивай среди своих насчет «Лазаря»...

«Не вздумай спрашивать, — шепнула машинка внутри. — Если это деза для черных, останешься в дураках и без пенсии. Если нет — кончишь, как донор, в таком же фургоне».

На самом интересном месте бывший хирург начал отключаться. Пару секунд Цветков взвешивал, что с ним делать, но на вопрос, долго ли он продержится, таская на себе инвалида, существовал вполне определенный ответ. В любом случае время поджимало и его, и потрошителей. Передвижение конвоя отслеживал не он один, а до прибытия полиции надо было закончить свою часть работы.

Он вылез из фургона и оценил обстановку. Врач прятался за трупом, не поднимая головы. Польза что от одного, что от другого была одинаковая — нулевая. Цветков пнул доктора носком ботинка и показал на внедорожник — давай, мол, туда. Сам он рванул следом.

Раздались выстрелы — потрошители были совсем близко. Молитва оказалась бы совсем не лишней, но за те несколько секунд, пока Геннадий пересекал простреливаемый с обеих сторон участок, он успел произнести про себя только несколько слов, и не все они были цензурными. Тем не менее он добрался до внедорожника без единой дырки в голове или туловище, не предусмотренной природой. Врач тоже пока был цел и прижался к заднему правому колесу.

Теперь Цветков мог, оставаясь под прикрытием, контролировать подступы к фургону, который был как на ладони. Открытые створки задней двери приглашали заглянуть внутрь и убедиться, что ценный груз все еще на месте. Правда, его ценность падала с каждой секундой. Цветкова разобрало любопытство касательно услышанного. «Лазарь»? Какой еще, к дьяволу, Лазарь? Кто это или что это? Кто-то, кто воскрес или должен воскреснуть?

Не занимайся фигней, посоветовала машинка внутри. Совет оказался своевременным: двое огибали фургон слева и справа. На этот раз Геннадий выбрал пистолет. Все было почти как в тире, если не считать ливня и темноты. Двумя выстрелами он снял обе мишени и поменял позицию на случай, если его засекли со стороны придорожного пустыря.

Теперь он ждал появления остальных. На их месте он отказался бы от своих намерений. Хотя, если кому-то позарез нужны восемьдесят тысяч или донорский орган... Да, в ту минуту случилось невероятное: Цветков, уже десяток лет уничтожавший этих тварей, представил себя в шкуре одной из них. Что бы он делал? Возможно, то же самое, что делали они. Это вышибло еще один опорный камень из его качающейся стены. На большее пока не хватило времени.

Свет фар и шум двигателя. Приближалось что-то тяжелое — то ли случайный грузовик, то ли автобус с личным составом ближайшего отделения полиции. Оба варианта сегодня не устраивали Цветкова. О третьем он подумать не успел, машинка внутри — тоже. Так что на этот раз его спас чистейший случай, а может, какое-то совсем уж мудреное проявление инстинкта.

К тому времени «кактуса» на дороге уже не было — потрошители редко бросали инвентарь для принудительной остановки транспорта, — и грузовик врезался во внедорожник на скорости, превышавшей благоразумную раза в полтора. Он проходил вираж с заносом и ударил стоявший автомобиль задней частью кузова. Не повезло врачу. Его протащило по дороге вместе с внедорожником и окончательно раздавило, когда сцепившиеся машины врезались в фургон.

Груда мокрого железа пронеслась в нескольких сантиметрах от Цветкова, который не получил ни царапины, но потом все-таки скатился в кювет. Фургон смяло, как жестяной домик, груз полностью обесценился, а Геннадий стал беднее на восемьдесят штук. Как минимум.

Над машинами взметнулось пламя, и было непохоже, что ливень скоро его укротит. Поле боя оказалось освещенным лучше, чем хотелось бы потрошителям. Если грузовик принадлежал им и предназначался для отхода, то за рулем сидел круглый идиот. Обычно это и губит — один идиот в команде.

Больше не видя никаких причин для ведения аккуратных боевых действий, Цветков встал на правое колено и выстрелил по потрошителям из подствольного гранатомета «канарейки». Трое оказались на земле; двое уцелевших, утратив мотивацию, решили отступить. Поздновато. Взрыв второй гранаты прикончил одного, другой еще пытался ползти. Цветков направился к нему за разъяснениями.

* * *

Беседа состоялась на границе освещенного пространства. Тут не слишком досаждали дым и вонь пожара. Геннадий догнал раненого, обезоружил, раздробил ему пальцы на руках, после чего перевернул на спину.

— Чего уставился, Цветок? — прохрипел Алексей Мятов, человек из «Химеры». — Будь ты п-п-проклят, сука!

Цветкова не однажды проклинали перед смертью, на это ему было плевать. Машинка внутри переваривала информацию. В последний раз он видел Мятова больше года назад. Тот считался одним из лучших оперативников в шестнадцатом отделении. Говорили, что он пошел на повышение. По другим сведениям — был отправлен в длительную заграничную командировку. В любом случае все связи с ним оборвались, как будто речь шла о глубокой конспирации. С тех пор — ни слуху ни духу. М-да, вот и встретились.

— Кончай меня, урод, или вали на хрен.

Цветков счел такой разговор непродуктивным. Пока машинка внутри что-то там вычисляла и прикидывала, он занялся сломанными пальцами Мятова. После не-

скольких немелодичных завываний тот наконец задал правильный вопрос:

— Что тебе надо, п-п-падла?

— Кто такой Лазарь?

— Никто.

Еще немного жесткого массажа. Отстонав, Мятов прохаркал:

— Если я скажу... мне п-п-пипец.

— А тебе и так пипец, — сообщил Цветков очевидную вещь. — Ты уже ничем не рискуешь. Но предварительно можешь помучиться.

Для иллюстрации он вытащил нож и сунул его в одну из осколочных ран где-то в области мятовской печенки. Для торговцев органами она уже явно не представляла интереса.

«Осторожнее, — предупредила машинка внутри. — Если и этот вырубится или сдохнет раньше времени, ты так ничего и не узнаешь. А вообще, пора заканчивать. Полиция близко».

Цветков на время спрятал нож и сделал раненому инъекцию кеторолака из своей нарукавной аптечки. На протяжении следующих четырех минут он слушал сбивчивый и хриплый шепот умирающего. Соединив обрывки в единое целое, отфильтровав бред и матерные словечки, машинка внутри выдала более-менее связный результат: «Лазарем» назывался глубоко законспирированный отдел, созданный внутри «Химеры» для особых операций, радикально противоречивших официальной позиции властей. Отдел возглавлял советник Кулаков, который напрямую подчинялся начальнику «Химеры». Как догадался Цветков, сегодняшняя, проваленная благодаря его вмешательству, операция по захвату донора была одной из нескольких, проведенных «лазарями» под видом потрошителей.

«Во что я влез?» — спросил себя Геннадий.

Машинка внутри ответила: «В дерьмо». И подвела итоги: «Поздравляю. Сегодня ты оставил кого-то из твоих начальников без новых потрохов».

4

Как ни странно, спустя неделю он был еще жив. Пользовался некоторой свободой передвижения, сохранил относительное здоровье, мог наслаждаться избытком досуга на одном из лучших курортов страны. Он по-прежнему числился оперативником «Химеры», хотя находился в бессрочном отпуске. На самом деле Цветков теперь не знал, на кого работает.

Для начала из него извлекли биомаяк. Позже, предоставленный самому себе, он это проверил — стандартный детектор не узрел его среди живых. Через день после учиненной им бойни он удостоился аудиенции у советника Кулакова, в течение которой последний сильно брызгал слюной и тряс ручонками в опасной близости от цветковской физиономии. Но это были еще... ну да, цветочки.

Затем он побывал в неизвестном ему месте, куда его доставили со скованными за спиной руками, завязанными глазами и мешком на голове. Провели гулкими помещениями и после нескольких поворотов подтолкнули вперед. Меряя шагами каменный пол, он думал, что пришла его последняя минута. Вот и все, чем он закончит: темнота, тишина и пуля в голову, которую выпустит неведомый ему палач. Геннадий предпочел бы, чтобы у его смерти было лицо.

Но он еще долго не видел лиц. Мучительное ожидание тянулось бесконечно. Кто-нибудь другой, более впечатлительный или религиозный, на месте Цветкова уже решил бы, что угодил в чистилище. Утрачивая чувство времени и ориентацию в пространстве, он по-прежнему осознавал главное: если они его не убили, значит, он им зачем-то нужен. А если нужен, пусть они тоже заплатят.

Наконец раздался голос — совсем близко, возле самого уха. Казалось невероятным, чтобы живой человек двигался настолько бесшумно. И при этом не дышал. Голос был незнакомым, бесполым и почти бесплотным,

лишенным какого-либо выражения. На свое счастье, Геннадий Цветков не страдал от избытка фантазии. Единственное, с чем голос ассоциировался у него, пребывавшего в состоянии острого информационного дефицита, это с образом Дьявола из старого фильма «The Passion of the Christ», который он смотрел еще со своей благоверной, в счастливую и теперь уже казавшуюся ему нереальной пору их молодости, любви и взаимопонимания.

В полном соответствии со сценарием, сочиняемым параллельно неугомонной машинкой внутри, мертвенный голос произнес:

— Ты готов и дальше служить нашему делу?

— Всем, чем смогу... — Разговаривать с мешком на голове было все равно что в заколоченном гробу, так что терять было нечего. И он добавил: — Если моей дочери сделают пересадку.

— Назначаешь цену за свою лояльность? Не по адресу. А как насчет *твоих* органов?

«Блефует. Твое мясо они возьмут даром, в любой момент», — прокомментировала машинка из внутренней темноты, уже неотличимой от наружной.

Цветков слово в слово повторил то, что сказал несколько секунд назад. После этого он услышал:

— Мы подумаем, в каком качестве ты будешь наиболее полезен. Ступай и не сомневайся: спасенные тобой жизни оправдывают твои ошибки. В том числе те, которые ты еще не успел совершить.

Так вместо пули в затылок он получил отсрочку. В том неизвестном месте, где неизвестные ему люди принимали решение о его дальнейшей судьбе, он все-таки всучил им свою душу, причем изъяли ее заранее, до того как перестало функционировать его тело. В любом случае цена не казалась ему ни смехотворно низкой, ни непомерно высокой.

Ровно такой, чтобы избавить его от бессмысленных сожалений.

5

В отличие от многих, он пережил очередное стирание. Похоже, его накачали какой-то дрянью, от которой частично отшибло память. Приходя в себя, он чувствовал себя утопленником, пролежавшим на дне пару лет, почему-то не съеденным рыбами, не всплывшим и не разложившимся. Будто сквозь толщу воды, возвращались звуки, запахи, свет. Постепенно сложилась картинка: потолок, лампы дневного света, решетка вентиляционного отверстия, объектив видеокамеры. Он повернул голову. Длинное помещение, похожее на раздевалку. Ряд металлических шкафчиков без опознавательных знаков. Серые стены и такой же серый пол.

Геннадий Цветков — по крайней мере, он знал, кто он («или ты думаешь, что знаешь», — поправила машинка внутри), — приподнялся на локтях. Он лежал на каталке с застопоренными колесами. Голый и сухой. Не утопленник, но и не жилец, судя по... Ни по чему не судя. Просто ему так казалось. В ногах была сложена одежда, тоже ничем не примечательная. Униформа для живых покойников, чья личность и запросы уже никого не интересуют. Но как насчет самого себя?

Невнятное сомнение не оставляло его. Зачем-то он принялся тщательно осматривать свое тело — грудь, живот, пенис, ноги. Обнаружил несколько шрамов — два пулевых и три ножевых. Старые, затянувшиеся. Почему-то это успокаивало. Цветков слез с каталки и огляделся в поисках зеркала. Ему хотелось бы осмотреть себя и со спины. Зеркала не было, и пришлось ограничиться ощупыванием тех мест, до которых он мог дотянуться. Череп цел, и на том спасибо, задница не так важна, хотя как сказать. Руки еще плохо слушались, под кожей была резина вместо мышц. Однако чем больше он двигался, тем лучше себя чувствовал. Положительная динамика. Где и от кого он слышал это выражение, Геннадий не помнил. Кто-то весьма избирательно прополол огородик его памяти.

Поверх аккуратно сложенной одежды лежали пять плаков для покера с эмблемой казино «Пирамида». Цветков не понимал, что это означает (разве что повод поиграть на халяву), но у него возникло смутное подозрение, что ставки возросли. А еще он обнаружил, что машинка внутри пребывает в растерянности. По крайней мере, она избежала стирания, хотя тоже подверглась изрядному опустошению. Как раз про нее-то он помнил и даже не прикладывал усилий вспоминания, словно она была неуничтожимой, глубоко спрятанной частью его существа. Иногда она раздражала. Иногда кое-что проясняла. Кое-что важное... Но не сейчас.

Рядом с каталкой стояли новые ботинки. Цветков оделся и обулся. Все пришлось как раз впору. Здешний интендант снял с него точную мерку. Или, может, не интендант, а гробовщик. Откуда эти мысли, черт бы их побрал?

Он проверил карманы. Ни личных документов, ни денег. Во внутреннем кармане пиджака лежало предписание для Департамента свободы совести («...направляется для дальнейшего прохождения службы...») и запечатанный конверт с надписью «Действительному советнику Шевринскому лично в руки». Начальство не доверяло компьютерам и современной связи. Цветков тоже не доверял. В эпоху информационного беспредела это было бы преступной глупостью.

Он выпрямился. На всякий случай сунул плаки в карман. Чего-то не хватало. Одетый, он по-прежнему чувствовал себя голым. Точнее, беззащитным. Собравшись с мыслями, он понял: не хватало оружия. Он поискал в шкафчиках, хотя это, конечно, было наивно. Везде пусто, как у него в голове. Лакуны в памяти он ощущал почти физически. Казалось, если бы не череп, мог бы сунуть в них руку и нащупать эту ужасающую зеркальную гладкость опустевших ящичков, где раньше хранились его воспоминания и кое-какие знания.

Ну да ладно. Подолгу страдать было не в его привычках. Кстати, что там насчет привычек, вредных или

полезных? По ходу разберемся, что-нибудь да всплывет.

Он направился к двери. За секунду до того, как он прикоснулся к ручке, щелкнул замок. Цветков вышел в коридор. Навстречу ему шагал молодой человек, похожий на студента. Улыбался. Этакий позитивный симпатяшка в консервативном костюме. Цветков пошарил взглядом по сторонам. Двери без надписей и номеров, тот же безжизненный свет и разные оттенки серого.

— Господин Цветков! — сказал «студент». — Советник ждет вас.

Со словом «советник» у Геннадия проблем не возникло. Оно обозначало кого-то из тех, кто руководил им. Скорее всего, не Кулакова — тот уже сказал все, что хотел. Цветков отлично запомнил не только слова, но и слюну на его губах. Очень многое, связанное со службой, осталось в неприкосновенности. «Химера», черные торговцы органами, десять лет оперативной работы и последняя, проваленная операция. Правда, проваленной она была с чужих слов.

Он кивнул и двинулся вслед за смазливым «студентом». Два поворота спустя, не встретив ни одного человека, они оказались в подземном гараже. Красавчик направился к темной «Ауди» с обычными номерами, открыл дверь для Цветкова.

— Как тебя зовут? — спросил Геннадий на правах старшего оперативника. Или уже бывшего оперативника? Хотя он не помнил, чтобы его уведомляли об увольнении.

— Анатолий.

— Должность?

— Секретарь. Стажируюсь в Депсвосо.

«Они прислали за тобой стажера», — прорезался наконец привычный сарказм машинки внутри. Сейчас она заговорила голосом Ганнибала Лектера (яркие фильмы его блеклого детства — оказывается, он неплохо их помнил). Цветков велел машинке заткнуться, не рассчитывая, конечно, что она обратит внимание на приказ.

«Ауди» выехала из подземелья. Снаружи была осень — дождь, слякоть и голые деревья. Анатолий включил то, что для его поколения с успехом заменяло музыку. Пронизывающий бампинг-саунд хорошенько промассировал уши Цветкова и окончательно вернул его к реальности. Настолько окончательно, что, глядя на проплывающий за стеклом город, он неожиданно вспомнил разговор, который, как ему представлялось, предшествовал последнему и самому вопиющему провалу в памяти.

* * *

— Мне очень жаль, — сказал ему на прощание руководивший «Химерой» действительный советник Летягин (маленькое, пухленькое, добрейшее на вид существо) во время неофициальной короткой встречи. — Вы были самым... — начальство поискало подходящее слово, — эффективным. Но там, — оно ткнуло вверх пальцем, как будто имело в виду небеса, — вами очень недовольны. Голубчик, вы, как говорится, наломали дров. Поймите правильно, ничего личного, только политика. В общем, они хотят вашу голову на блюде... в переносном смысле, конечно! Но у меня тоже есть кое-какие связи и кое-какое влияние. — Действительный советник сделал несколько быстрых движений своими белыми, почти детскими ручками, то ли показывая, как одна другую моет, то ли умывая их, будто Понтий Пилат. — Мне удалось выторговать для вас ссылку. Если вы будете хорошо себя вести, ссылка может оказаться временной. Вы уж постарайтесь, голубчик, не подведите. А потом мы за вас похлопочем.

Кажется, Цветков дал слово постараться и не подвести. Определенно дал. Даже машинка внутри это подтвердила.

* * *

Он вдруг ощутил зверский голод. Попросил Анатолия остановиться возле какого-нибудь кафе. Сказал, что желает перекусить, но у него нет денег. Услышал в ответ:

«Контора платит». Неплохое начало. Стажер привез его в ресторан «Амбер». Шикарное место. Цветков не позволял себе раньше ничего подобного, а юный секретарь явно был здесь завсегдатаем.

Может, Геннадий и выглядел сейчас малость не от мира сего, но от его цепкого взгляда не ускользнуло, что стажер перемигнулся с каким-то хлыщом, сидевшим за соседним столиком. Потом Анатолий извинился и, сославшись на срочный звонок, вышел из зала. Спустя пару минут хлыщ направился вслед за ним.

Цветков жадно доел жареную картошку, запил апельсиновым соком и решил посетить туалет, хотя соответствующих физиологических потребностей пока не испытывал.

«Оно тебе надо?» — спросила по дороге машинка внутри.

«Да ладно, всего лишь проверка».

«А кого проверяем?»

Этот вопрос остался без ответа. Он прошел через холл между рестораном и баром и дальше, по коридору, в туалет. Здесь было красиво, чисто и даже ароматно. Тихая музыка заглушала прочие тихие звуки.

Он нарушил идиллию и начал методично, слева направо, вышибать ногами двери кабинок. Совершенно упустил из виду, что дал советнику обещание хорошо себя вести. Из третьей по счету кабинки на него вызверился большой мужчина, пообещавший оторвать ему член и голову. Судя по ударившему в ноздри запаху, у Цветкова еще оставалось несколько минут жизни.

В пятой кабинке он застал любовничков. Хлыщ судорожно застегивал штаны. Стажер ничего не застегивал. Судя по всему, его рабочая зона была на виду.

— Пошел отсюда, — бросил Цветков хлыщу, а когда тот пытался проскользнуть мимо, нанес ему короткий удар в причинное место. Красавчик Анатолий еще сильнее вжался в настенную плитку, сделавшись примерно такого же оттенка.

— Контора платит, — сказал Цветков и вышиб ему передние зубы. — Твоим друзьям должно понравиться, когда ты будешь им отсасывать.

Он вышвырнул окровавленного юнца из кабинки, после чего с удовольствием помочился. Большой мужик к тому времени уже облегчился, но, взглянув на двух корчившихся на полу клиентов, передумал наказывать Цветкова и тихо удалился. Геннадий подошел к умывальнику и уставился на себя в зеркало.

И опять что-то было не так. Что-то на грани фола. Самое неприятное, он не мог уловить этого ускользающего штришка, сделавшего его портрет немного странным. «А если по частям?» — посоветовала машинка внутри. Он исследовал рот, нос, глаза (радужку — особенно тщательно), уши, лоб, волосы, подбородок, скулы. Без сомнения, это лицо принадлежало ему и не подвергалось пластическим операциям. Так в чем же дело?

Тут его осенило: лицо было лет на пять-семь моложе того, которое он считал своим. Чудесное открытие, не правда ли? Любая женщина была бы в восторге. Геннадий Цветков ни малейшей радости не испытывал. Он был озадачен — еще одна нестыковка, и пока никаких шансов прояснить ситуацию. Разве что действительный советник Шевринский расставит все по своим местам.

Он за воротник поднял с пола стажера и приволок к умывальнику. Чуть ли не насильно окунул мордой в холодную воду. Подождал, пока стажер придет в себя и утрется. Убедившись, что секретарь самостоятельно держится на ногах, Цветков бросил: «Жду в машине», — и направился к выходу.

* * *

В отличие от «Химеры» Департамент свободы совести не стеснялся обнаруживать свое существование и официально владел добротным особняком, расположенным в тихом центре города, с соответствующими регалиями на колоннах въездных ворот и на самом здании. Когда

Цветков, выбравшись из машины, восходил к тяжелым дверям с бронзовыми ручками, побитый песик Анатолий с особым трепетом глядел ему вслед. А Геннадий за весь путь от ресторана сюда лишь на миг задумался о том, кого он только что приобрел: врага, способного нагадить по мелочам, а может, и по-крупному, или безобидную шавку, которую можно будет держать на поводке столько, сколько потребуется.

Действительный советник Шевринский рассматривал прибывшего долго и скептически, словно иначе представлял себе человека, вроде бы сосланного в его контору и в то же время имевшего при себе засекреченные рекомендации Особой комиссии Министерства внутренних дел. Шевринский знал, что означают такого рода «рекомендации». Стоит отнестись к ним с недостаточным *пониманием* и неправильно прочесть между строк, и ощутишь на себе последствия того, что туманно называлось «разделенной ответственностью».

Когда советник наконец заговорил, Цветкову стало ясно: для этого самое главное — не совершить ошибку. Тяжело будет работать... если вообще возможно.

— Наслышан о ваших подвигах. Не одобряю. Предупреждаю сразу: если вздумаете действовать такими же методами, вылетите отсюда в тот же день. И тогда вам ничего не поможет. («Знал бы он, что ты сделал со стажером», — хихикнула машинка внутри.) Усвойте: никакого оружия, никаких физических воздействий, если речь не идет о самообороне. Почаще шевелите мозгами. Знаю я вас, молодчиков из «Химеры», привыкли чуть что хвататься за пистолет. — В тоне Шевринского Цветкову послышалось превосходство интеллектуала и сожаление о старых добрых временах, когда проблемы решались без применения оружия, при помощи телефонных звонков из соответствующего кабинета... и денег, конечно.

Геннадий слушал с кислым видом. Подтверждались его худшие опасения.

— Что думаете о департаменте?

Прямой вопрос не обязательно требовал прямого ответа, но Цветков не был искушен в аппаратных играх.

— Я плохо знаю, чем занимаются ваши люди.

— Другими словами, плохо представляете себе свои служебные обязанности.

— Пока да. Но я надеялся...

— Не надо надеяться. Для начала точно выполняйте приказы. Говорите ровно столько, сколько нужно для дела. Больше слушайте. Аналитическая группа к вашим услугам. Докладывать будете мне лично. Ваше первое задание — Хиромант. — Шевринский чуть ли не брезгливо, кончиками пальцев, подтолкнул к Цветкову тонкую папочку досье. — Ознакомьтесь здесь. С памятью все в порядке?

Что было — хорошо рассчитанная издевка или простое совпадение?

— Все отлично, — сказал Цветков, гадая, можно ли считать его ответ ложью во благо. А если можно, то во благо кому? А если нельзя, то не запутался ли он в тенетах лжи?

Через десять минут он положил досье на стол.

— Как думаете действовать?

— Встретиться с ним под видом клиента. Разумеется, без аппаратуры. Далее — по обстоятельствам.

— Вот это меня и настораживает. От чего будут зависеть «обстоятельства»?

— От того, что он увидит на моей руке.

— Что бы он ни увидел, вы спокойно выслушаете его и удалитесь, не оставляя после себя трупов.

* * *

Настоящих документов он так и не получил. Это означало, что и для Департамента свободы совести его официально не существует. Знать такое было неутешительно, но он очень сильно провинился, перебив «лазарей», которые участвовали в той операции по захвату донора... Ну да ладно, сейчас-то он уже приписан к другому подра-

зделению и бывшим коллегам на него плевать — в лучшем случае. В худшем они попытаются ему отомстить.

А как насчет родственников? Вспомнить бы, есть ли у него родственники, семья, дети... Что-то забрезжило в его памяти. Женщины. Он знал нескольких женщин, молодых и не очень. Но некоторые лишились лиц, превратились в безмолвные и бесплотные тени, блуждавшие внутри него подобно тревожащим снам. Он решил предоставить их темноте ночи, где им самое место, а наяву подумать о насущном — о полученном задании и о том, чтобы выжить.

Наличные и кредитки в дорогом портмоне приятно утяжелили карман. Костюм, обувь, часы, гаджеты — Цветков выглядел примерно так, как должен выглядеть бизнесмен средней руки. В этом ему помогла бойкая девица — сотрудник аналитической группы, совершив с ним двухчасовой шопинг. Девица была из светских и, кажется, не прочь проверить на прочность его добродетель в гостиничном номере, но машинка внутри заподозрила в ней информатора нового начальства. Сославшись на усталость, Геннадий вернулся в номер один.

Он действительно чувствовал себя разбитым, хотя и не физически. Это был информационный токсикоз на фоне частичной амнезии. Запершись, он принял душ, зашторил окна и некоторое время лежал в темноте. Сон не шел. Тени скользили в вакууме, в непригодных для обитания стерильных сумерках.

Он включил телевизор. Все как всегда: плохие новости на любой вкус, ток-шоу для лоботомированных, музыка для элоев. Он послушал городские новости. Четырнадцать жертв черных хирургов за минувшие сутки. Две группы охотников за органами ликвидировано. Четверо арестованных. Социальный банк органов пополнен за счет конфискованных у нелегалов «биологических материалов». Начальник городской полиции сетовал на недостаточное финансирование и низкую эффективность «профилактических мер». Контрабанда «Девяти жизней» по-прежнему цвела пышным цветом...

Геннадий Цветков лежал, стиснув зубы и остро ощущая свою никчемность. Вместо реального зла его новой целью был какой-то вшивый аферист, практикующий, мать его, хиромант, который заинтересовал департамент только потому, что, предсказывая состоятельным клиентам дату смерти, еще ни разу не ошибся. Тридцать два мертвеца за десять лет. Стопроцентная точность прогноза. Ну и что? А тут четырнадцать только за одни сутки. Даже если Хиромант был членом преступной группировки, зачем-то отправлявшей придурков на тот свет в соответствии с предсказаниями, то все это выглядело мышиной возней. Или, как выразился один из аналитиков, собиравших информацию, «попыткой подменить Божью волю». М-да, если они все так мыслят в этом Депсвосо, то он здесь долго не протянет. Детский сад какой-то...

Сон навалился на него, будто разочарование. Полустертые тени прошлого почуяли, что наступает их время. Они скользили сквозь сновидение, уповая на воплощение. В многомерности сна обретали значимость, которая наяву им даже не снилась. Он встречал их и провожал неузнанными. Возможно, они взывали к нему, но их отделяла стеклянная стена, не пропускавшая ни единого звука, ни единого имени.

Потом было более четкое видение — девочка лет двенадцати, лежавшая на операционном столе. Ее уже усыпили, но именно поэтому она сумела встретиться с ним, блуждая в своем наркотическом сне. Неожиданно открыла глаза. Вместо зрачков он увидел удвоенное пульсирующее нечто — кровавое, рыхлое, распадающееся на куски...

Боль он почувствовал позже, когда осознал, что уже не спит. В отличие от видения боль была совершенно понятной — страдание и сожаление человека, у которого отняли часть его жизни. Но кто сказал, что об этом стоит сожалеть? Может, это спасло его от чего-то невыносимого. И в таком случае следует благодарить и молиться, молиться и благодарить...

Не получалось. Наверное, он плохой оперативник. Бывший *эффективный* опер-«химера» хорошим быть и не может. По определению. А раз так, то какого черта он сбежал от девицы? Сейчас она не помешала бы. Отвлекла бы, что ли...

Испытывая возбуждение, он направился в душ. Долго стоял под секущими, словно плети, холодными струями, упираясь членом в стену. Тот мстил ему за испорченную ночь и множество других испорченных ночей. Цветков всерьез рассмотрел вопрос, не кастрировать ли себя, чтобы окончательно освободиться. Пока ему есть что терять, он уязвим и не свободен. «Да хватит, — вмешалась машинка внутри. — Тебя и так обкорнали, хочешь им помочь?»

Нет, он не хотел. Он помог себе правой рукой, потом вернулся в постель и наконец заснул глубоким сном без сновидений.

6

Сидя в отдельном кабинете ресторана «Альгамбра», за столом, который ломился от экзотической жратвы и хорошей выпивки, Геннадий Цветков потянул виски и спросил себя, насколько вреден такой образ жизни для души и тела. Насчет тела сомнений не было — он уже с тоской думал о своей прежней подвижной работе на свежем воздухе. Ну а что касательно души... Об этом лучше вообще не задумываться. Тем более что происходящее вокруг все чаще наводило на мысли о другом — конце двадцатого века, том времени, которое называли в учебниках «дикими девяностыми».

Человек, сидевший напротив, был немолод и наверняка помнил те события. Цветков сомневался, что Хироманта волновали проблемы цивилизации вообще и страны в частности. Судя по всему, в запутанном и опасном лабиринте современной жизни он давно уже нашел и облюбовал уютный уголок, в котором чувст-

вовал себя хозяином, потому что мало кто знал код доступа, зашифрованный в линиях на ладонях. Геннадий честно пытался выполнять указания советника: смотреть, слушать, говорить только то, что необходимо. Пока ему неплохо удавалось играть роль человека с деньгами, недалекого, поддающегося влиянию, не слишком здорового и вдобавок переживающего кризис среднего возраста.

Хиромант представился господином Чичиковым. Похоже, половина здешнего контингента либо работала на него, либо получила указание всячески способствовать. Охранники, которые предварительно обыскали потенциального клиента с применением детекторов, занимали ближайший к кабинету столик. Цветков знал, что здесь за ним тоже наблюдают, а Чичиков полагал, что ничем не рискует, оставаясь с ним наедине. Это было, конечно, заблуждение, но Геннадий твердо намеревался до конца следовать полученным инструкциям.

Пока они выпивали, закусывали и болтали, Цветков сделал вывод, что Чичикову скучно и он пытается развлечься, раскачивая лодку. Обычная проблема человека с недюжинными талантами в обществе, которое может предложить ему только место в системе или бегство от действительности. Людям с мозгами оставалось либо глумиться над этой самой действительностью, либо раскачивать лодку. Каждый выбирал свое в зависимости от темперамента.

Цветков был не дурак (даже после резекции памяти) и понимал: система очень не хочет пропустить что-нибудь этакое, невинное с виду, от чего лодка начнет зачерпывать воду, а то и пойдет ко дну. Он служил системе, и его это не смущало. Да, она была плоха, но все же лучше, чем ничего. На кровавые плоды анархии он насмотрелся, когда эвакуировал остатки христианской миссии из Сьерра-Леоне.

— Кушайте, кушайте, — любезно поощрял его Чичиков. — Не знаю, как вы, а я ненавижу узнавать плохие новости на пустой желудок.

— Почему обязательно плохие?

— Видите ли, рано или поздно все умирают, а мы с вами в таком возрасте, когда иллюзии становятся опасными. Вы ведь не из тех, кто предпочитает утешительную ложь?

— Нет.

— Прекрасно. Потому что, в отличие от дешевой гадалки, я вас не пощажу.

— А вы никогда не ошибались, гм... в другую сторону?

— Еще никто не жаловался.

Конечно. О жалобах с того света Цветкову слышать не приходилось, если не брать в расчет фильмы категории «В».

Официант принес кофе. Смакуя каждую секунду, Чичиков закурил, потом спросил:

— Волнуетесь?

— Я должен волноваться?

— Ну, как-никак, скоро вы потеряете невинность неведения, а я в некотором роде сыграю роль Евы в райских кущах.

— По-моему, тут далеко не рай.

— Смотря с чем сравнивать.

— Вы уже сравнивали?

— У Евы другая роль.

— Почему у Евы, а не у Змия?

— Змий — это неумолимый закон судьбы, который вырезает знаки на ваших ладонях. Не хочу брать на себя больше, чем могу унести. Я всего лишь один из тех немногих, кто умеет читать знаки.

— Меня всегда интересовало... Знаки собственной судьбы вы читаете с такой же легкостью?

— Разумеется. Именно поэтому я все еще здесь и, как видите, неплохо себя чувствую.

В бытность свою оперативным работником «Химеры» Цветков уже заставил бы собеседника убедиться в том, что кое-какие знаки он все-таки проглядел, но сейчас вынужден был выслушивать эту высокопарную чушь, проявляя чудеса долготерпения.

— Ну что же, приступим. — Чичиков отставил чашечку, загасил сигарету и извлек из кармана старинную лупу в латунной оправе.

Цветков положил руки на стол ладонями вверх. Некоторое время Хиромант рассматривал их на расстоянии, словно хотел видеть картину в целом, затем принялся изучать более пристально. Пару минут спустя Геннадию показалось, что Чичиков пребывает в некотором замешательстве. Сам он не испытывал ни малейшего любопытства, как будто вместе с памятью о прошлом лишился интереса к будущему, а заодно и страха перед ним. Однако роль свою он помнил: клиент, который платит за информацию.

— Что скажете? Сколько мне осталось?

Хиромант поднял на него подозрительный взгляд:

— Если я хоть что-нибудь понимаю в этом, то вас здесь быть не должно.

— В каком смысле «здесь»?

— В том смысле, что вы уже давно мертвы.

7

...Он взбирался на холм, с трудом продираясь сквозь багровую мглу. Шел кровавый дождь. Камни под ногами были скользкими и, возможно, были не совсем камнями, потому что двигались, словно умирающие звери, с которых содрали шкуру. Едва удерживая равновесие, помогая себе руками, карабкаясь на четвереньках, он одолевал подъем, крутизна которого все время менялась. Склон раскачивался под ним, то превращаясь в плато — и тогда из щелей выступала выдавленная тяготением кровь, то становясь вертикалью, — и тогда ему оставалось лишь прилипнуть к этой шевелящейся стене и молиться, чтобы не сорваться вниз. Вдобавок дул ветер — всегда в одном направлении, ему в лицо. Ветер нес с собой ошметки плоти и сгустки внутренностей с омерзительным запахом, иногда завязанные в узлы. Цветков

мог только гадать, что происходит на вершине холма, куда он так отчаянно стремился. Но он даже не гадал; он просто полз, не помня зачем и почему. Не исключено, что в этом слепом движении состояла вся его жизнь: сквозь тьму и кровь — к вершине холма, которой, вполне вероятно, вообще нельзя достичь.

Однако он достиг, зная откуда-то, что это не награда и что лучше от этого не будет. Теперь стала видна рана в небесах по другую сторону холма, противоположный склон которого стекал в бесконечность, унося страдающие, агонизирующие, умирающие камни в пропасть мрака, откуда нет возврата. Иначе и быть не могло, потому что камни оказались свидетелями страдания и агонии распятого на кресте.

Инстинкт привел Цветкова к подножию этого креста. Здесь капли кровавого дождя разъедали кожу, жалили в глаза, сжигали волосы. Здесь можно было опереться и лечь на нескончаемую замедленную ударную волну, что расходилась от эпицентра растянувшейся на тысячелетия смерти, открыть рот и принять в себя, как облатки, куски взорвавшейся плоти. Но Геннадий не лег и не принял зловещее причастие. Он продолжал пробираться туда, где инстинкт уравнивался знанием и мог обернуться противоположностью.

Ползти, чтобы наглотаться яда... Что это, если не глупость? Что это, если не проклятие? Но тогда кто проклял его? Уж не тот ли, чье имя Милосердие, не тот ли, который висел на кресте и хотел только одного — умереть в одиночестве, без соглядатаев, без тех, кто станет рвать его на части и затем торговать в розницу его плотью и кровью? Цветков не знал. Он полз для того, чтобы узнать.

Полуослепший, он коснулся головой креста. Здесь было невыносимо. Здесь смерть фонтаном била из-под земли, и этот фонтан давно смыл с трясущихся небес звезды. Здесь уже все было покрыто неостывшей кровью и пронизано судорогами адской боли, которая, словно в насмешку над молитвой о пощаде, длилась, длилась

и длилась... С каждым вздохом Геннадий вбирал в себя эту боль, ставшую сутью существования, вырванную из клетки плоти, но не нашедшую себе иного пристанища и теперь призраком ужаса настигшую еще одного Адамова отпрыска.

Стоя на коленях, корчась в кривом зеркале окружающего пространства, он поднял голову и подставил лицо под багровый дождь. Прежде чем кислота этой пылающей крови успела сжечь его зрачки, он увидел картину, оставшуюся в его памяти до самого конца. Тело Распятого, наполовину поглощенное небом, достигало немыслимой высоты и светилось, словно было сложено из тлеющих углей. Руки, прибитые к перекладине креста, казались сожженными крыльями Феникса, которые объяли — конец и начало — всю обреченную вселенную.

А еще Геннадий обнаружил, что он не единственный, кто взобрался на холм, но если им двигала неутолимая жажда разгадать последнюю тайну, то другие явились не за этим. Распятый обещал им жизнь вечную взамен жалких прозябаний, и они пришли за обещанным. И принесли с собой инструменты.

Все померкло. Ослепший Цветков завыл от бессилия. У него больше не было глаз. У него не было оружия, чтобы убить себя. У него не было даже копья, как у того центуриона. Поднявшись с колен, он сделался игрушкой ревущей багровой стихии. Его смело дыханием отчаяния и понесло в небытие. Последнее, что он услышал перед исчезновением, это издевательский голос господина Чичикова, который, забавляясь, произнес: «Хотел бы я взглянуть на ладони воскресшего Христа...»

* * *

Цветков проснулся, учащенно дыша, будто и впрямь взобрался на кровавый холм, а потом сорвался с него в пустоту. Он не сразу понял, где находится. Окутывавший его сумрак был спокойным и уютным — в отличие от багровой мглы схлынувшего кошмара. Даже слиш-

ком спокойным. Понадобилось несколько секунд, чтобы поверить: это не уловка с целью устроить еще более жестокую пытку. Если только уловкой не была вся так называемая реальная жизнь... Но эти мысли могли завести слишком далеко и оставить в лабиринте, из которого уже не выберешься. Цветков предпочел бросить их первым.

Итак, для начала: где он? Определенно не в своем гостиничном номере и не в бывшей ведомственной квартире. Откуда-то падал нарезанный квадратами свет... Может быть, он в камере? Нет, это все-таки квартира, но чужая. Чья? Той, что лежит рядом.

Оказывается, все объяснялось просто. И теперь казалось удивительным, что он так долго не мог включиться. Наверное, причиной был этот жуткий сон о бесконечном умирании Христа. И как-то сам собой снова всплыл вопрос о линиях жизни после воскрешения.

Цветков ни секунды не верил в то, что вопрос задавал кто-то извне, а не его подсознание. «Вот до чего доводит общение с хиромантами», — ядовито вставила машинка внутри, которая ни в коей мере к подсознанию не относилась. И ничего не возразишь — женщина по имени Регина, лежавшая рядом, была хиромантом. Еще одним на его голову.

Теперь он вспомнил все. Он сам выбрал ее наугад из списка. И отправился на прием, чтобы кое-что проверить. Как он и предполагал, имело место некоторое различие в интерпретациях, но по большому счету она подтвердила «диагноз», поставленный Чичиковым. А вот чего Цветков предположить не мог, это того, что печать смерти на его руке окажет специфическое воздействие на хироманта. Настолько специфическое, что спустя сорок минут он очутился в ее постели. На этот раз он не пытался отвертеться — мертвецу терять нечего.

Все происходившее на прохладных простынях как будто убеждало в том, что телесно он еще вполне. Не помешали девственная чистота памяти и длительное воздержание. Цветков ударно потрудился в постели и к

полуночи был выжат досуха. Потом заснул сном праведника, и явился ему кошмар с кровавым дождем и Распятым на холме... Что он означал? Возможно, ничего, а возможно, таким образом давала знать о себе нечистая совесть. Сейчас, на рассвете, который серел сквозь зарешеченное окно, он чувствовал лишь телесную слабость и опустошенность. Так что те, кто решил навестить его, все рассчитали верно.

Он так и не узнал, как они проникли в квартиру. Услышав посторонний звук, Геннадий успел вскочить с кровати и понять, что бежать поздно, да и некуда. В следующую секунду в спальню ворвались трое в масках с прорезями для глаз. Они двигались предельно целесообразно. Один навалился на Регину, расплющив ее на матрасе; та спросонья взвизгнула, но напавший зажал ей рот. Двое занялись Цветковым, сопротивление которого закончилось, как только его пнули ботинком в обнаженный пах. По сравнению с этим два-три профилактических удара по другим частям тела казались легким массажем. Корчась от взрыва между ногами, он осознал, что ему заломили руки. За спиной щелкнули наручники. Чья-то лапа залепила лентой кровоточащий рот. Цветков едва не задохнулся, пока не сумел втянуть в себя воздух через заложенный нос.

По мере того как отступала боль, нарастали ярость и злоба, обращенные главным образом против себя. Каким же идиотом он оказался! Регина, которой тоже связали руки и заклеили рот, была вроде ни при чем, но он уже и в это не верил. Когда яичница в мошонке немного остыла, он задал себе вопрос: что дальше? Если эти мордовороты — люди Чичикова и явились, чтобы устранить досадное несоответствие, то он, Цветков, уже покойник, а следующий вопрос — какая им от этого выгода? — превращался для него в чистейшую абстракцию. Но, по крайней мере, была надежда, что он умрет быстро. Если же его выследили люди из «Лазаря», тогда еще придется помучиться.

Трое так и не представились (ха-ха). Они усадили Цветкова на пол, спиной к стене, после чего замерли в неподвижности и безмолвии, будто истуканы. Кого-то ждали. От этого становилось страшнее, как от любой хорошо продуманной прелюдии казни. Тишину нарушало только раздававшееся время от времени мычание Регины, перевернутой на живот. Ее неприкрытая нагота напомнила Геннадию, что и сам он совершенно гол. Следовало беспокоиться о своей жизни, но Цветкова накрыл глупейший стыд, и он ничего не мог с этим поделать. Он был беспомощен, беззащитен и жалок, как никогда. Вдобавок ему внезапно захотелось в сортир. Жжение в паху очень скоро сделалось невыносимым. Не слишком приятно валяться в луже собственной мочи, но Цветков не собирался преждевременно подыхать от разрыва мочевого пузыря. Перед Региной придется извиниться — потом, если они доживут до извинений.

Пока он мочился, боль в распухшем члене вытеснила прочие ощущения. Запах показался лишь незначительным довеском к уже имеющимся проблемам. Почуяв его, мордовороты только переглянулись. Лужа медленно растекалась; на краю ковровой дорожки появилось темное пятно. Цветков пытался вспомнить, как он реагировал, когда кто-нибудь из подопечных обделывался в его присутствии, а такое случалось. Ни с того ни с сего ему стало смешно.

Когда он захихикал, даже Регина перестала стонать. Во взгляде одного из терпеливых здоровяков он прочел отвращение, во взглядах других — чуть ли не жалость к убогому. Вот и хорошо. Пусть принимают его хоть за идиота, страдающего недержанием, лишь бы это помогло ему уцелеть.

Так он пережидал невыносимые минуты. Геннадий не мог бы сказать, сколько их было. Ему показалось — очень много, но пока сидишь голой задницей в луже мочи, время становится чем-то вроде надувного шари-

ка в мозгу. И этот шарик уже едва не лопался внутри черепа, когда в спальне наконец появился хорошо одетый старик. Впрочем, при близком рассмотрении уже не совсем старик. Имелась в этом незваном госте некая странность. На Цветкова он поначалу произвел впечатление молодого актера, тщательно загримированного под старца, только в данном случае ни о каком гриме речи, разумеется, не было. Где-то Геннадий уже видел нечто подобное, только не мог вспомнить, где именно. Слова «Фонд помощи жертвам программ отсроченной смерти» всплыли сами собой. Понять бы еще, что они означают... Он присмотрелся к «гостю» повнимательнее — насколько позволяла унизительная позиция. Морщины на его лице казались трещинами, словно оно могло рассыпаться в любой момент, обнаружив под собой... что? Нет, время для догадок явно было неподходящее.

Помимо отлично сидящего костюма и пары перстней незнакомец имел при себе старомодную трость с серебряной рукоятью в виде головы пуделя. Цветков сильно подозревал, что трость скрывает в себе гораздо более опасный колющий предмет. Во всяком случае, в третьей ноге «старик» явно не нуждался.

Он задержался возле кровати и возложил длань на затылок Регины, которая снова начала стонать при его появлении. Через несколько секунд она замолчала, а ее дыхание сделалось тихим и размеренным. Не иначе, она заснула, причем так крепко, что не проснулась, когда незнакомец снисходительно прошелся тростью по ее ягодицам.

— Хорошая задница, — одобрил он и подмигнул Цветкову. — Надеюсь, хотя бы получил удовольствие? Извини, если мальчики слегка перестарались. Ба, а это что такое?

Он вступил в лужу, но, по-видимому, не испытывал неудобства. Возвышаясь над Цветковым, он уперся тому в подбородок концом трости.

— Мне известны твои подвиги, так что с этим (он явно имел в виду лужу) ты перестарался.

— Может, перейдем к делу? — хмуро осведомился Геннадий.

— Прекрасное намерение, — кивнул незнакомец. — Хочу тебя нанять.

— У меня уже есть работа.

— Так ведь то работа за деньги, а я предлагаю кое-что другое.

— Что именно?

— Я верну тебе тех, кого ты потерял. Для начала.

— Во-первых, я никого не терял. Во-вторых, если ты имеешь в виду мертвых, то это дерьмо собачье.

— Если ты служил в «Химере», это не значит, что стал экспертом по мертвецам. Возможно, ты просто не в курсе последних достижений программы. Но нам ли не знать, что подобные достижения не афишируются, не правда ли? Да и по первому пункту я бы на твоем месте не был так уверен.

«Старик» сделал элегантное движение тростью, и через мгновение голова пуделя уже упиралась Цветкову в лоб. После чего он что-то почувствовал. Что-то совершенно неописуемое.

— А они изрядно выпотрошили твою память, — донесся до него голос незнакомца. — Хм, оказывается, даже эти ветеринары из спецслужб способны кое-чему научиться, если припечет... Как насчет небольшой экскурсии в прошлое? Я имею в виду твое *подлинное* прошлое.

— Откуда ты взялся? — Цветков чувствовал смертельную усталость. — Чичиков навел?

— Чичиков? Так он назвался? Ах, безобразник. Что ж, у него, по крайней мере, есть чувство юмора. Ты хоть знаешь, кто такой этот Чичиков? Чем славен? Нет? Видно, не тому вас учат...

— С удовольствием поболтаю с тобой, если снимешь наручники.

— Еще рано. Рассматривай это как знак уважения. Тем самым я отдаю должное твоей способности выбираться из самых сложных ситуаций. Пока я буду пытаться тебя переубедить, ты останешься прикованным

к батарее. Если мне не удастся — а я это узнаю, что бы ты ни скрывал здесь (легкое постукивание тростью по цветковскому черепу), — мы избавимся от нее (плавный жест в сторону спящей Регины) и от тебя. Поскольку я тоже человек с чувством юмора, хоть и особого свойства, я продам вас обоих черным трансплантологам. Думаю, они давно мечтают побеседовать с тобой по душам.

Это было исчерпывающе. Теперь Цветков знал (или думал, что знает), откуда ноги растут. Его охватила сильнейшая ностальгия по тем временам, когда он служил в «Химере» и спал, держа палец на спусковом крючке. Не чувствовал бы сейчас жопой и сердцем омерзительную холодеющую лужу...

— Приступим, — сказал человек с тростью, правильно истолковав его молчание.

Цветкову ничего не оставалось, кроме как встретиться с «дерьмом собачьим» лицом к лицу. По выражению незнакомца, «для начала» все попахивало банальным гипнозом. Он поводил рукоятью трости из стороны в сторону, проклятый пуделек закачался примитивным поблескивающим маятником и, невзирая на критический взгляд Цветкова, десятки раз успешно проходившего тесты на невосприимчивость к психическим воздействиям, таки ожил, раззявил пасть, оказавшуюся черной-пречерной, и монотонно затявкал, затяв... затя... затягивая Геннадия в ватный космос противоестественного сна.

А спустя какое-то неизмеримое время не осталось и ничего противоестественного. Только свинцовая легкость, просветленная тьма и парение бескрылых душ.

* * *

Он находился там, где все имело зачаточную форму и, тем не менее, было легко узнаваемым. Ощущение номер один: он сам в каком-то смысле участвовал в творении. Лепил в своем воображении то, до чего у Создателя не дошли руки. Окружавшие его округлые горбы,

без сомнения, были могилами. Безымянными, не обязательно содержащими тлен и прах, но все же могилами. При желании на них могли появиться надгробные камни, кресты, ангелы и надписи. Но машинка внутри посоветовала Цветкову не тратить память на имена, которые ему все равно ничего не скажут. А те, что смогут говорить, явятся сами.

И они явились.

Из-за темного обелиска выступила женская фигура, медленно двинулась навстречу. Когда Геннадий увидел ее лицо, он чуть не заплакал. Мама — такая, какой она была лет в сорок. Моложе, чем он сейчас...

— Что ты здесь делаешь, сынок? — спросила она печально и протянула руку, чтобы погладить его по голове. Он ощутил что-то вроде дуновения ветра, разметавшего волосы. С усилием вспомнил, что он здесь делает.

— Мне обещали вернуть тех, кого я потерял.

— Кто обещал?

— Какой-то дерьмовый фокусник. Прости, мама. Но, кажется, у него получается.

Она тоскливо улыбнулась:

— Меня ты не потерял, это я тебя потеряла, давным-давно. Не верь никому, когда вернешься.

— А ты? Почему ты не возвращаешься?

Она покачала головой, больше не делая бессмысленных попыток прикоснуться к нему. Он тоже не пытался дотронуться до нее.

— Давай прогуляемся немного, — предложила она. — Это наша последняя прогулка. Я тебя провожу.

— Куда?

— К тем, кого ты действительно потерял.

— Но почему ты?

— Не знаю. Возможно, потому, что я первой появилась и осталась в твоей памяти.

Они шли сквозь пространство, которое вскоре перестало напоминать кладбище. Клубящееся нечто по сторонам вполне могло быть зародышем парка или леса, а впереди наметилось какое-то образование, постепенно

принимавшее вид старого дома со стенами, увитыми диким виноградом.

— Что это? — спросил Цветков, почему-то считая, что маме можно задавать глупые вопросы.

— Дом, которого у тебя не было и никогда не будет. Но здесь ты, возможно, найдешь тех, кого потерял. — Она остановилась. — Дальше я не пойду.

— Почему?

— Я из другого времени, из другого места. Мне нельзя встречаться с теми, кто там, — она показала на дом, — иначе ты сойдешь с ума. Прощай, сынок. Помни, что я тебе сказала. Я тебя люблю.

— Я тебя лю... — начал он, но рядом уже никого не было. Только ветер бился в черную ветхую дверь. Ветру она пока не поддавалась, зато, когда Цветков взялся за бронзовую ручку в виде головы пуделя и потянул на себя, дверь легко открылась. За ней был коридор, освещенный тусклыми мерцающими лампами. На пороге Геннадий оглянулся. Позади остался хаос, что-то вроде потерявшего образ и ускользавшего из памяти пейзажа. Цветков вошел в дом.

Коридор оказался слишком длинным даже для гипнотического сна. Однообразный, как жизнь без любви и ненависти, он тянулся замкнутой с четырех сторон пустыней, а мерцание ламп напоминало многократно ускоренное чередование дней и ночей. Но вот Цветков увидел на полу какой-то предмет. Это была кукла в длинном белом платье. Когда он поднял ее, кукла открыла рот и сказала: «Папа».

Несколько секунд он ошеломленно смотрел на нее. Спрашивал себя, как он мог забыть. С машинки внутри был особый спрос, но сейчас она хотя бы помалкивала... Он обернулся. Отсюда коридор казался не таким уж длинным — дверь, через которую он вошел, находилась в десятке шагов. А впереди появилась еще одна. Выбор невелик. Он двинулся к той двери, за которой еще не был, распахнул ее и попал в комнату своей дочери, потерявшей куклу.

Самой Марии здесь не было, но он узнал ее комнату по нескольким приметам. Например, по фотографии, на которой молодой Цветков стоял в обнимку с женой. Просторная комната, светлая и высокая. За окнами шумел весенний сад. Призрак матери его не обманул: точь-в-точь комната в доме, которого не было и уже никогда не будет. Но то, что комната пуста, было зловещим признаком. Все выглядело так, как в старых сентиментальных фильмах: кто-то пытался сохранить обстановку нетронутой в тщетной надежде, что когда-нибудь ее обитательница сюда вернется.

Чем дольше он тут оставался, тем больше ему делалось не по себе. Дверь в комнате дочери была одна. Он вышел через нее, но попал в другой коридор, в конце которого находилась дверь спальни его бывшей жены. На этой двери висела мишень, утыканная дротиками. Мишень имела некруглую форму и необычную раскраску. Подойдя ближе, Цветков увидел, что она представляет собой плоское изображение головного мозга, вид сверху, с обозначением его долей и частей.

Открывая дверь, Геннадий почти догадывался, что увидит за ней, — ведь он все еще соучаствовал в творении своего тихого кошмара. Потом кошмар перестал быть тихим. Спальня больше напоминала палату в психушке. Через узкое оконце под потолком проникал тусклый свет. На казенной кровати кто-то заворочался. Цветков с трудом узнал свою бывшую жену — та превратилась в безумную старуху.

Когда он подошел к ней и остановился на расстоянии двух шагов, она увидела куклу в его руке и захохотала. Передних зубов у нее не было. Ее длинная ночная рубашка пропиталась кровью ниже груди. Рубашка была разрезана, как у беременной, и Цветков увидел под ней распоротый живот.

Жена сунула в рану руку, вырвала что-то из своей брюшины и швырнула в него. Окровавленное мясо облепило лицо. Цветков попытался сорвать с себя жуткую маску, но чужая плоть прилипла намертво, лишив

его способности дышать. Через несколько секунд начались спазмы. Последнее, что он слышал, прежде чем его прибрало багровое удушье, был хохот сумасшедшей.

* * *

Он очнулся, и возвращение было немногим лучше дурного сна: запах мочи, собственное посиневшее от холода тело и фальшивый старикашка со своей волшебной палочкой. А на душе так погано, словно Цветкову сообщили худшую из новостей — правду.

— Ну как, — спросил незнакомец, — ты не передумал?

— Что с моей дочерью?

— Прими мои соболезнования.

— Когда?

— Несколько дней назад.

— Неудачная операция?

— Операции не было. Слишком дорогое удовольствие. Твое начальство решило не тратиться.

Цветков вспомнил слова матери: «Не верь никому, когда вернешься». По идее, это должно было оставить ему надежду, но он не находил в себе даже ее призрака.

— Ладно, — сказал Геннадий. — Что нужно делать?

«Старик» прикоснулся к его голове тростью и удовлетворенно кивнул:

— Я был уверен, что мы найдем общий язык. А делать нужно то, что ты умеешь лучше всего. — Он повернулся к истуканам. — Снимите с него наручники.

8

Цветкову приходилось видеть, как двуногие волки превращаются в псов. Вроде невелика разница. Хороший слуга любит своего хозяина, хороший пес тоже. Пес будет драться за хозяина и готов на самопожертвование,

слуга — не всегда. Единственное существенное отличие, похоже, состоит в том, что слуга обладает свободой воли.

И вот сейчас Геннадий, помимо бесплодного опустошающего жара внутри, чувствовал, что свободы ему почти не оставили. Ну разве что он мог удавиться назло тем, кто хотел использовать его в качестве орудия. Однако он был как никогда далек от мысли о запасном выходе. Возможно, это означало, что он вплотную приблизился к статусу пса. Вот только чьего? Ведь собаки не бродят сами по себе...

Зависнув между сознательным и бессознательным, он даже испытал облегчение: незначительные мелочи можно было доверить рассудку, важные вещи совершались сами собой, по указке инстинкта.

Именно это случилось на подземной парковке. Он спустился туда после того, как смыл с себя следы своего позора. «Работодатель» позаботился о нем. Одеваясь, Геннадий обнаружил в кармане ключи от машины с парковочным брелоком, пачку денег и дисконтную карту аптечной сети. Когда он покидал квартиру, Регина все еще спала. Он не стал ее будить. И предпочел бы больше никогда ее не видеть.

В небольшой сумке под передним сиденьем неброского «Рено» он обнаружил кобуру с «ТТ» без серийных номеров, термос и жратву из «Макдоналдса» (как трогательно). Он не успел усесться за руль, как услышал вкрадчивый шорох шин и приглушенный рокот мощного двигателя остановившейся позади него машины. Все еще согнувшись и прикрывая корпусом то, что делали руки (на обойму и предохранитель ушло две-три секунды), он справился с опасным мгновением, чреватым столбняком, когда ожидаешь выстрелов в спину и реакция рептильного мозга напоминает, что ты все еще животное в гораздо большей степени, чем тебе казалось...

Судя по двойному щелчку, из машины, перегородившей выезд, выбрались двое. Цветков развернулся и дважды выстрелил по силуэтам, темневшим в конусах света от фар. Несмотря на оружие, еще не ставшее своим,

он оба раза попал. Да и трудно было не попасть, с его-то опытом, — он стрелял практически в упор. Откуда-то появилась мысль, что он действовал по инструкции, но тут же Геннадий вспомнил, что руководствоваться инструкцией для оперативных работников «Химеры» в его положении просто смешно.

А тем двоим, опрокинутым на бетон, похоже, было не до смеха. Цветков обошел лежащих и убедился, что в руках у них пусто. Один еще корчился. Цветков заглянул в их машину, оказавшуюся «Мерседесом» S-класса. Внутри никого. Видеорегистратора не было. Геннадий обвел взглядом плохо освещенное подземелье. Все тихо, но не исключено, что, услышав выстрелы, кто-нибудь затаился в дальнем углу. И видеокамеры в таких местах не редкость. Это имело значение лишь в том смысле, что преждевременное появление загонщиков могло помешать Цветкову действовать. Больше его жизнь ничего не стоила. Он не думал также о двух жертвах — возможно, невинных, — будто в мозгу отключился этический блок. Хотя, как наверняка сказал бы Адам, изгнанный из рая лишь за то, что плохо присматривал за своей женщиной: невинных не бывает; есть те, кто хорошо спрятался.

Цветков вернулся к умирающему. Примерно его возраста, ухоженное лицо, дорогой костюм. Прикрывает рану ладонью, из-под которой по рубашке расползается темное пятно. В свете фар блеснула запонка на рукаве. Увидев перед собой Геннадия, незнакомец прошептал: «Дерьмо», — и умер.

Цветков присел и обыскал карманы мертвеца. Не обнаружил ничего интересного. Судя по визиткам, убитого звали Евгением Песковым и был он председателем правления некоего акционерного банка. Подчиняясь безотчетному порыву, Геннадий вытащил из кармана плак для покера и сунул его застреленному банкиру в рот. «Вот молодец, — одобрила машинка внутри. — Все правильно, оставил пирамидку для фараонов». Далеко не впервые он не понял в точности, о чем это она, но по-прежнему доверял ей безоговорочно.

Второй мертвец оказался помоложе и покрупнее. Возможно, водитель и телохранитель в одном лице. У этого была пушка в наплечной кобуре. Цветков не стал ее трогать.

Итак, он сделался убийцей «добропорядочных граждан». В глазах тех, кто теперь будет его преследовать, — не просто псом, а бешеной собакой, которую проще уничтожить, чем поймать. Как ни странно, так проще и для него. Что могло быть хуже пожизненного заточения в одиночке или в спецпсихушке? Только ад, где он сегодня, похоже, забронировал себе место.

Послышались чьи-то шаги. Человек шел не скрываясь и при этом был слишком близко, чтобы допустить, будто он появился в подземелье после выстрелов. Цветков отодвинулся в глубокую тень четырехгранной колонны, держа ствол наготове.

— Спокойнее, дружище, — раздался знакомый голос, по-прежнему уверенный и не лишенный ноток превосходства. — Не подстрелите меня, я всего лишь хотел убедиться в том, что не ошибся.

— Убедился?

— Вполне.

Цветков высунулся из-за колонны. Чичиков (или как там его) остановился над Песковым.

— Мой клиент, — сказал он без намека на скорбь. — Должен был умереть сегодня. Я его предупреждал. А теперь скажите, разве знаки не заслуживают доверия?

Он улыбался так, что Цветкову захотелось выпустить остаток обоймы ему в рожу, но на данный момент с мертвецами и без того выходил явный перебор.

— И часто?

— Что часто?

— Часто ты следишь за клиентами?

— В первый раз. Этот с самого начала нехорошо себя повел. А под конец зачем-то искал встречи с вами. Вы, случайно, не знаете зачем?

— Не имею понятия.

— Вот и я в недоумении. Кстати, если вас утешит, через банк этого господина проходило столько грязных денег, что трупами несло даже от той мелочи, что прилипала к его рукам. В общем, как ни крути, вы явились орудием провидения. Поздравляю.

Цветков поморщился и приставил ствол ко лбу вальяжного оракула:

— Возможно, провидению угодно, чтобы и ты отправился на тот свет.

Чичиков остался невозмутим. Он медленно поднял руки, показав Геннадию обе ладони:

— Этого здесь нет. Я же сказал, что всего лишь читаю знаки. Мой час умирать еще не наступил.

Цветков испытывал сильнейшее желание его разочаровать. Прямо сейчас. А заодно реализовать остатки своей свободы воли. Но, видно, и впрямь время еще не пришло. А может, свободы воли у него не осталось вовсе.

Он опустил пушку.

— Правильное решение, — одобрил Чичиков. — Теперь отправляйтесь по своим делам. Об этом, — он показал на трупы, — не беспокойтесь. Мои ребятки все приберут.

— Ничего не трогать. *Мои* приберут, — вырвалось у Цветкова, прежде чем он осознал, что произнес это. Хотя и не осознал до конца, кто такие «мои».

Зато до него дошло, что, вероятно, все это время он находился под прицелом. Оставалось удивляться выдержке Хироманта и того, кто держал палец на спуске.

Он прикинул, что сможет развернуться, чтобы объехать «Мерседес», — место справа было свободно.

— А все-таки жаль, — сказал Чичиков, когда Цветков усаживался в «Рено». Геннадию никого не было жаль, за исключением мертвой дочери, поэтому он только пожал плечами.

— Жаль, что мы так и не узнаем, о чем он хотел с вами побеседовать.

— О дерьме, — сказал Цветков и захлопнул дверцу.

9

Город казался черно-белым, несмотря на резавшую глаз рекламу. Цвета вытекли из него, как кровь из тела, и осталась бледно-серая каменная плоть, которая еще долго не обратится в прах. Все вокруг — только серое, черное, грязновато-белое. «Еще один собачий симптом», — констатировала машинка внутри. Ее голос пробился сквозь боль, от которой раскалывалась голова.

Цветков остановил машину на первом попавшемся свободном месте и открыл термос. Наглотался горячего черного кофе. Сделалось немного легче. Он вспомнил о дисконтной карточке аптечной сети. Вряд ли ему подбросили ее для того, чтобы он немного сэкономил на лекарствах. Он достал кусок пластика и рассмотрел его повнимательнее. Один из указанных на обороте адресов был обведен красным.

Вдруг — будто вспышка. Слишком кратковременная, чтобы разглядеть руку, державшую красный маркер, но достаточную для уверенности: он сам обвел эту надпись на карточке. И значит, отправил послание самому себе, точно лунатик, заранее знающий, *что* потеряет в наступающей ночи...

Цветков беззвучно выругался. Он ненавидел загадки, даже пребывая в самом благодушном состоянии, а сейчас тем более. Но деваться некуда — надо с чего-то начинать. Откровений, полученных во время гипнотического сеанса, явно не хватало — если это вообще были откровения, а не игры помутившегося рассудка, запутавшие его еще сильнее. В любом случае головная боль не унималась, и заглянуть в аптеку не помешало бы.

Он развернулся и отправился по обведенному адресу. Вскоре он уже открывал дверь под мигающим красным крестом. Других посетителей в аптеке не было. За Г-образной витриной стояла провизор. Красивое лицо портил шрам через всю щеку. Хотя «портил» — не совсем подходящее слово. Лицо со шрамом и ледяными серыми глазами, способными выстудить

тлеющий внутренний ад, производило странное впечатление. Цветкову отчего-то подумалось, что под прилавком у этой женщины лежат не только лекарства, но и ствол. На всякий случай. Судя по вывеске, аптека работала круглосуточно.

Он бросил взгляд на бэдж: Ирина. Провизор смотрела на него со спокойным ожиданием. Поначалу он хотел взять что-нибудь от головной боли, но зиявшие в его прошлом дупла тревожили гораздо сильнее.

— У меня проблемы с памятью.

— Вы хотите вспомнить или забыть?

«Чертовски хороший вопрос», — сказал себе Цветков. И понял, что не знает ответа. Вспомнить все было бы неплохо. Но, возможно, куда лучше было бы все забыть. Он уставился на обладательницу глухого голоса, пытаясь определить, что кроется за этим вопросом — профессиональное уточнение или история человека, который столкнулся с той же дилеммой: вспомнить или забыть. Судя по шраму, перед ним был второй случай.

«Может, хватит, долбаный психолог? — встряла машинка внутри. — У тебя есть дела поважнее».

— Вспомнить, — сказал он. — А потом забыть. Но это вряд ли получится.

Краешек ее рта тронула улыбка, которая не согревала ни на градус. Наоборот, она выражала беспощадность и обещание: нет, не получится.

Ирина начала монотонно перечислять препараты, словно догадывалась, что на самом деле он явился не за этим. После пятого или шестого названия он вздохнул и выложил на прилавок дисконтную карточку, которая могла быть чем-то вроде пропуска. А могла не быть.

Провизор взяла карту и поднесла к глазам. Возможно, значение имел номер. Во всяком случае, продолжение последовало. Ирина вышла из-за прилавка, прикрыла жалюзи на окне, заперла дверь и повернула табличку надписью «закрыто» к улице. Выключила освещение. В аптеке сделалось сумеречно. Узкие клинья дневного света, проникавшего снаружи сквозь оставшиеся щели,

нарезали тьму на лоскуты. А заодно лицо и фигуру провизора.

Головная боль усилилась, стала ритмичной, будто эффект полосатости вызывал ее равномерные вспышки. Ирина открыла дверь в глубине помещения. Цветков направился туда без лишних слов.

* * *

...Что хорошего можно сказать о мире, в котором все, кого любишь, рано или поздно умирают? Ну, для начала: в нем хотя бы есть любовь и существуют те, кого можно любить. Слабый аргумент. Это все равно что продавать голодным отравленную еду. Или надежду отчаявшемуся. Попользовался? Отдай, когда вернешься с кладбища.

Цветкова до сих пор не покидало ощущение, что несколько часов назад, очнувшись в квартире Регины после «гипнотического сеанса», он вернулся с кладбища, на котором похоронил всех своих близких, все свое прошлое и даже себя, — вот только теперь он по-прежнему не мог вспомнить ни одного имени на надгробной плите и не мог бы самостоятельно найти туда дорогу, чтобы окончательно кое в чем убедиться. Помощь неведомых «благодетелей» пришлась как нельзя кстати. О том, чего это будет ему стоить, он не задумывался — с мертвеца взятки гладки.

Вслед за провизором Цветков вошел в небольшую темную комнату без окон, которая в каком-нибудь техпаспорте наверняка именовалась подсобкой. Здесь действительно стояли холодильники и шкафы с препаратами. Ирина нажала скрытую кнопку, и один из шкафов отодвинулся в сторону, открыв доступ к металлическому люку в полу.

— Дальше вы сами, — сказала провизор.

— Вы уверены?

— У меня нет доступа.

Значит, у него есть? Провизор вышла из подсобки и закрыла за собой дверь. Он очутился в полной тем-

ноте, однако, как ни странно, ему стало легче. Темнота не пугала — что хуже смерти могло притаиться в ней? А смерть хотя бы освободит его от всего этого... Но под тяжелыми, вязкими, непроницаемыми наслоениями безразличия, смирения, усталости, амнезии, превратившими его в ходячий механизм, уже зашевелилась неистребимая тень того, кем он был когда-то, или, вероятно, того, кем еще станет снова.

Еще не надежда, но уже не безнадежность. И тревога, которая сопровождает мысли о возможной подмене.

«Это программа, — подсказала машинка внутри. — И значит, тебе не о чем беспокоиться. Беспокоиться нужно *мне*».

Он нащупал ручку, утопленную в плоскость люка, вытащил ее и открыл вход в подземелье. Спустился на несколько ступеней вниз. Ступил в узкий туннель. Своим неистребимым нюхом хорошей ищейки он чуял не только сырость и холод, но и специфический запах законспирированного подполья. Не того, где плохие поэты и неудовлетворенные женщины играют в революционеров, а другого, гораздо более глубокого, не поддающегося физическому уничтожению. Это было подполье промытого мозга, бомбоубежище сознания, защищенного стиранием и, следовательно, инакомыслием в его первоначальном значении. От любого, имеющего доступ сюда, ничего нельзя было добиться дубинкой, пытками или сывороткой правды. Цветков знал это по себе.

Двигаясь по туннелю, он все сильнее ощущал чье-то присутствие. Улавливал звуки на пределе слышимости — однако им явно не хватало ритма дыхания. Наконец до него дошло, что здесь нет никого, кроме него, а услышать нужно себя, не только машинку, но и другие голоса внутри, а если их стерли, то услышать эхо, которое еще блуждает по нейронной сети.

Он остановился, замер... и услышал.

Потом снова двинулся вперед сквозь абсолютный мрак — идеальный полигон его ослепшей памяти. По мере того как Цветков шел, доверившись инстин-

кту, он обретал уверенность в том, что уже проходил здесь однажды — тоже в темноте, с мешком на голове, так что разницы никакой. Этот подземный коридор был квинтэссенцией поиска и возвращения, черной радугой, переброшенной через пустоту, высосавшую рассудок, к химерам, которые одна за другой сбрасывали ложные личины, превращаясь в породившие их истинные воспоминания.

Впереди разлилось зеленоватое призрачное свечение. Стал виден контур двери в конце туннеля. Источник света имел очертания прямоугольника, который находился на стене справа от двери. Посередине него темнел пятипалый силуэт. Знакомая штука. Цветков задался вопросом, будет ли ультразвуковой сканер озадачен так же, как Хиромант, узревший на его ладони смертный приговор, уже приведенный в исполнение? Он приложил руку к силуэту. Сканер оказался реалистом. Дверь сдвинулась в сторону, открыв доступ в кабину лифта.

Цветков вошел внутрь и повернулся на сто восемьдесят градусов. Увидел исчезающий во мраке коридор своего стертого прошлого. К нему стремительно возвращалась память. Машинка внутри сказала: «Кажется, они решили, в каком качестве ты наиболее полезен». Он и сам уже догадывался. Геннадий криво улыбнулся, оценив партию, сыгранную теми, кто стоял за этим. Тем более что теперь он стал одним из них. Комбинация была простой и изящной. Она перевернула все с ног на голову и тем не менее устранила все проблемы. В том числе, как это ни чудовищно, — проблему его больной дочери. И ему придется смириться с этим. Жить с этим. Умереть. Возродиться благодаря программе отложенной смерти. Подвергнуться очередному стиранию. Или убрать тех, кого он сочтет виновными. Впервые за много лет у него появился такой богатый выбор. Будто после двухнедельного голодания открываешь забитый продуктами холодильник. Слишком богатый выбор, чтобы принимать решение сразу. У него было время как следует подумать над этим — в своем кабинете.

Он нажал кнопку третьего подземного уровня, на котором находилась штаб-квартира «Лазаря». Пока кабина двигалась, он смотрел на свое отражение в тусклом металле панели. Идеально мутное. Только силуэт, вместо лица — пятно, безликое и неузнаваемое. Каким и должно быть лицо настоящей власти. Незримой, безымянной, неуязвимой, самовоспроизводящейся.

Он собирался воспользоваться ею в полной мере. В личных целях, это прежде всего.

Машинка внутри подскажет, что делать. Надо многое успеть.

До следующего стирания.

ОЛЕГ КОЖИН

СФЕРА

Хомяк определенно был дохлым. Крохотный лохматый комок, рвано окрашенный в рыжее с белым, валялся ровно посередине аквариума, здрав кверху скрюченные когтистые лапки. Верхняя губа зверька упала, обнажая длинные желтые зубы, страшные и некрасивые. Предсмертный оскал маленького зловредного грызуна. Оставалась еще небольшая надежда, что если потыкать его какой-нибудь палочкой, он вдруг возьмет да оживет, но... Впрочем, какого черта? Не отрывая взгляда от окоченевшего тельца, где-то глубоко внутри надеясь, что хомяк вот-вот перевернется, зевнет и невозмутимо начнет заниматься своими хомячьими делами, я нащупал органайзер и наугад выудил из него первый попавшийся карандаш. Чувствуя себя живодером, я склонился над аквариумом и осторожно потыкал хомяка острым грифелем. Паршивец, естественно, не ожил, не заверещал и не кинулся прятаться в ворох газетных клочков, с любовью нарезанных Леськой.

— Плохо, — пробормотал я вслух.

В последнее время разговаривать с собой вошло у меня в привычку, отвязаться от которой не получалось. К счастью, пока еще я не вел длинные философские беседы с альтер эго, но довольно часто резюмировал некоторые очевидные выводы. Вот как сейчас, например. Сама по себе смерть грызуна не была трагедией, особенно для меня — человека взрослого, схоронившего за свои тридцать шесть лет четырех крыс, морскую свинку, пару волнистых попугайчиков и самого лучшего в мире пса. Но пятый хомяк за месяц, это, согласитесь, перебор. Слава богу, вчера Зинаида Сергеевна, моя теща и по совместительству Леськина бабушка, забрала внучку к себе на ночь. Еще оставалось время все поправить. Не то чтобы я умел оживлять хомяков... во всяком случае, не больше, чем остальные родители. Однако нельзя отрицать, что за последние тридцать дней я весьма поднаторел в этом вопросе.

С первым, черным пушистым толстяком с живыми и умными глазами, я, надо признать, лопухнулся по полной. С другой стороны, откуда мужику, в одиночку растящему одиннадцатилетнюю дочь, знать такие тонкости? За давностью лет как-то уже и забылось, как меня самого родители оберегали от смерти питомцев. Потому-то я сдуру, честно и искренне, попытался объяснить Леське, что хомячки долго не живут в принципе. Кончилось тем, что на руках у меня оказалась ревущая в голос дочка, а сам я неуверенно мямлил, что «все хомячки попадают в рай», безбожно перевирая цитату из старого английского мультфильма про собак.

Второго питомца, купленного для утешения дочери и скоропостижно скончавшегося через девять дней, мне удалось подменить похожим хомяком, в спешном порядке приобретенным в ближайшем зоомагазине. Вообще-то я был почти уверен, что Леська подмену заметит. У детей, в особенности у девочек, на такие вещи нюх — они ложь за версту чуют. Я даже заранее заготовил небольшое шитое белыми нитками оправдание, которое,

при определенной удаче, должно было сойти за правду. Еще одна детская особенность — они верят в то, во что хотят верить. Однако обошлось. Операция прошла успешно. В лучших традициях «сколькитотам» друзей Оушена. Дочка игралась и сюсюкалась с новым любимцем, не подозревая, что он уже не просто новый, а новый-новый. Этот хомяк протянул неделю — и на том спасибо. Следующего хватило только на три дня. И вот, наконец, пятый, практически юбилейный хомяк, сдох через десять дней, когда я практически уверовал в окончание хомячкового мора.

В зоомагазине мы с продавцом поглядывали друг на друга с подозрением. В надежде уличить меня в скармливании маленьких пушистиков питону или еще какой пресмыкающейся гадине, продавец уже несколько раз настойчиво рекомендовал мне белых мышей, по двадцать рублей за штуку. Я же, в свою очередь, с возрастающим интересом смотрел в сторону «Книги жалоб и предложений» — ну не могут хомяки дохнуть с такой завидной регулярностью! Как говорится, один раз — случайность, два — совпадение, а три, извините меня, — закономерность! Пять — это уже конвейер какой-то.

Размышляя таким образом, я сходил на кухню за пластиковым пакетом. Используя его как перчатку, с омерзением подхватил трупик хомяка и скоренько замотал пакет скотчем. Что ни говорите, а есть в дохлых грызунах нечто особо отвратительное. Возможно, в этот момент во мне говорит кровь средневековых предков, с крайней серьезностью относившихся к такому слову, как «чума», но тут уж ничего не могу с собой поделать.

Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Казалось бы, если уж хомяки так показательно не приживаются — ну брось ты это занятие! Но...

Каким-то непостижимым образом эти куски меха с ножками положительно влияли на Олеськино здоровье. С того самого дня, когда я принес домой круглый аквариум, по которому испуганно бегал самый первый хомяк, моя девочка буквально расцвела. И даже не го-

ворите мне о положительном влиянии домашних питомцев на детей. Когда у девочки с гепатитом В+С вдруг ни с того ни с сего появляется вполне себе здоровый румянец, просыпается не менее здоровый аппетит, это дорогого стоит! Да что там! Даже врачи констатировали общее улучшение состояния, а в Леськином случае каждое улучшение, возможно, означало дополнительные месяцы жизни...

Вероятно, все это не более чем попытки ухватиться за соломинку... хотя, кого я обманываю? Да, я действительно хватаюсь за каждую соломинку. Когда нет опоры прочнее, сойдет и такая. Все ж не за воздух. И ведь знаю, сам все прекрасно знаю, — литеры «В+С» рядом со словом «гепатит», хроническое течение, означают смертный приговор. Отсроченный лет на пятнадцать-двадцать, но неизбежный и мучительный. Кому сказать, что я, взрослый, до мозга костей материалист, первый год бегал в церковь свечки ставить — не поверят! Если, конечно, этот кто-то не такой же отчаявшийся родитель.

Мы с дочерью не только объездили всех возможных врачей, но даже обошли местных «целительниц» и «белых магов». Правда, по большей части, стоило им узнать, что их клиент сотрудник прокуратуры, как тут же следовал вполне закономерный ответ — простите, ничем вам помочь не можем. Лишь одна седая узкоглазая бабулька, в газетном объявлении проходящая как «потомок бурятских шаманов», взялась посмотреть Леську. Долго щупала костлявыми морщинистыми пальцами воздух вокруг ее головы, шептала что-то на своем тарабарском, а в итоге расплакалась и сказала, что болезнь «слишком сильная». Не знаю, может, я опять себя обманываю, но после визита к ней Леська почти неделю нормально кушала и вообще вела себя как полноценный здоровый ребенок. Денег, что характерно, «шаманка» с нас не взяла. Но и в повторном сеансе отказала. Сказала, мол, смиритесь.

Смириться с тем, что обстоятельства сильнее тебя и ничего — *ничегошеньки* — нельзя сделать, это очень

непросто. А когда речь идет о жизни собственного ребенка, так и вовсе невозможно. Именно поэтому, спустя два года, я все еще продолжал таскать Олесю по больницам, магам-шарлатанам, врачам-гомеопатам. Пусть хоть видимость действия — лишь бы не сидеть сложа руки, не признавать поражения. Иначе лучше сразу в петлю. Потому-то я так зацепился за этих хомяков. Играя с питомцем, дочка становилась другим человеком! Впервые за последние года три я слышал, как она смеется! Смеется, понимаете?!

Вообще-то, первый хомяк подвернулся совершенно случайно. Будучи в другом конце города, я искал аптеку, продающую очередное гомеопатическое чудо-средство, а забрел в зоомагазин. Как объяснила обаятельная девочка-продавец, помещение они заняли буквально на днях, а вывеску сменить еще не успели. Ну а крохотное, отпечатанное на принтере объявление на дверях я проигнорировал. На вопрос, куда переехала аптека, девочка лишь пожала плечами и ответила, что не знает. И тут же, без перехода, спросила:

— У вас дети есть?

— Что, простите? — не понял я.

— Кольцо. — Девчонка указала глазами на мою руку. — У вас с женой есть дети?

— Ах, это... Да, есть. Девочка. Одиннадцать лет.

Лихорадочно раздумывая, где мне теперь искать переехавшую аптеку, я отвечал односложно и рассеянно. Да и, честно говоря, объяснять случайной незнакомой девушке, что кольцо это — память о покойной супруге, совершенно не хотелось.

— А животных вы дома держите?

Копаясь в меню мобильного в поисках номера гомеопата, втюхавшего мне адрес несуществующей ныне аптеки, я на автомате помотал головой. К своим одиннадцати годам через Леськины руки прошли лишь рыбки-гуппи, впоследствии умершие от голода, когда мы в погоне за исцелением на две недели уехали на Алтай. Как-то не складывалось у нас с питомцами.

— Зря. У ребенка должен быть домашний любимец.

Оторвавшись от телефона, я раздраженно зыркнул на назойливую продавщицу и довольно резко спросил:

— Девушка, что вам от меня надо?!

Вообще-то, даже излишне резко. Однако девчонка нисколько не обиделась.

— Купите зверька? — Она улыбнулась мне открыто и искренне, так, что все мое раздражение моментально ушло, подобно воде в ванной, из которой выдернули пробку.

— Зверька? — Не улыбнуться ей в ответ было решительно невозможно.

— Да. У нас даже шиншиллы есть.

— Ну, шиншилла это, пожалуй, перебор...

— Крыску возьмите! Только парой... они поодиночке грустят сильно.

— Не думаю, что моя Леся будет в восторге от... эммм... крыски.

— Тогда свинку! Или хомячка!

— Вообще-то она у меня уже довольно взрослая... — все еще пытался сопротивляться я. Выходило вяло и невнятно.

— Одиннадцать лет — это еще не взрослая! — авторитетно заявила продавщица. — И потом, девочки в любом возрасте любят пушистиков! Моя мама кролика держит, ангорского! А ей, между прочим, пятьдесят три!

И тогда словно что-то в мозгу у меня щелкнуло — какого черта? — возьму!

— А давайте! — по-гусарски лихо ответил я.

— Кролика?! — с надеждой спросила продавщица.

— Не... Хомячка давайте. Но только чтобы самого пушистого!

Словно только того и ждала, девушка нырнула за прилавок. Вернулась она уже с непоседливым черным комком шерсти, старательно пытающимся выбраться из ее узких ладошек.

— Вот, держите! Вы его так понесете или вам его в коробочку положить?

Черный хомяк недовольно глядел на меня сквозь решетку из тонких пальцев. Судя по его физиономии, он явно точил на меня зуб. Видимо, уже тогда понимал, что ничего хорошего из нашего знакомства не выйдет.

— Простите, а у вас клетка какая-нибудь...

— Ой, клетки нам только на следующей неделе завезут! — перебив меня, радостно защебетала девочка. — А вообще, вы лучше аквариум возьмите, это гораздо лучше! И видно, и не сбежит, и доставать удобнее!

Вот так и получилось, что при выходе из магазина у меня в руках обнаружился пакет, забитый кормом для грызунов, а также круглый аквариум на десять литров, в котором уже беззастенчиво гадил первый питомец моей дочери. И только сгружая покупки на пассажирское сиденье своего старенького «Патриота», я вдруг осознал, как же ловко мне всучили бесполезную мохнатую крысу.

— Теряешь хватку, Вадим Андреевич, — сказал я своему отражению в зеркале заднего вида.

Усталое небритое отражение не ответило, но всем своим усталым и небритым видом дало понять, что полностью со мной согласно. Однако дома, глядя на радостно пищащую Леську, ни на секунду не отходящую от аквариума, в голову ко мне забралась совсем другая мысль — пусть даже меня развели, как последнего лоха, плевать! Это того стоило. И если бы я знал, какие проблемы это принесет мне в будущем...

...все равно это того стоило.

* * *

Звонок от Лизы застал меня на полпути к мусоропроводу. Ощущая себя незадачливым преступником, застигнутым в пикантный момент избавления от тела, я заметался, пытаясь вынуть мобильный из чехла, действуя всего одной рукой. Пришлось, борясь с отвращением, засунуть пакет под мышку.

— Вадюнчик, лапушка, привет! — неведомой заморской птицей защебетала Лиза.

— Лиз, ну я же просил! — Я страдальчески скривился. Терпеть не могу, когда мое имя так коверкают.

— Вадюнчик! Вадюнчик, Вадюнчик! Вадюнчик-писюнчик!

— Детский сад, бляха... — в сторону пробормотал я.

Вообще-то, Лиза пришлась как нельзя кстати. Отчего-то мне казалось, что продавец из зоомагазина скорее умрет, чем продаст мне, извергу, хотя бы еще одного хомяка. А Лизе — продаст. Да не просто продаст, а еще ленточкой перевяжет да поможет до дому донести. Потому что невозможно отказать этим глазам и той детской доверчивости, с которой они на тебя смотрят. Ну и этим ногам, само собой...

— Так, цыц там! — прерывая поток бесконечных «вадюнчиков», скомандовал я. — Слушай, ты прямо очень удачно позвонила. Нужно, чтобы ты кое-что сделала...

Будучи в курсе «хомячьей проблемы», Лиза все поняла с полуслова. Я не видел ее, но точно знал — она кивает в такт моим словам.

— А ты подумал, как я буду цвет подбирать? Это эскимосы отличают сто оттенков снега, но я-то не эскимос!

— При чем здесь эскимосы? — опешил я.

Лиза тяжело вздохнула. Готов спорить на что угодно, в этот момент она закатила глаза в потолок, в духе «ох-уж-эти-мужчины!».

— Ну, я как-то не умею различать сто оттенков хомячков, чтобы подобрать тебе нужного!

— Будем надеяться, что Леська тоже не эскимос... — Восхищения по поводу женской логики пришлось оставить при себе. — В принципе, после такого количества хомяков, можно заявлять об этом авторитетно. Иначе бы уже давно обнаружила подмену. Только все же смотри, чтобы хоть отдаленно был похож, ладно?

— Не волнуйся лапушка! — пропел из трубки Лизин голос. — Все будет в лучшем виде!

Уже тогда мне следовало догадаться, что наши с ней «лучшие виды», слегка отличаются друг от друга.

* * *

— Это что?

Точно поняв, что разговор ведется о нем, хомяк прекратил «намыливать» морду. Задрав кверху розовый нос, он несколько раз втянул им воздух. Стойка при этом у него была почти человеческая: прямая спинка, горделиво вздернутая голова, лапки, в свойственной толстякам манере сложенные на черном брюхе. Да-да, именно на черном!

— Хомяк, — еще не понимая, где она «накосячила», Лиза чувствовала это хребтом и потому отвечала робко, неуверенно.

— Вижу, что хомяк, — с трудом сдерживаясь, чтобы не заорать, кивнул я. — Почему он черный?

Вместо ответа — хлопанье огромных пушистых ресниц. Частое-частое, почти испуганное. Видимо, тщательно сдерживаемая ярость, подобно ядовитым отходам, разъедающим контейнер, нашла-таки щели, просочившись сквозь мое окаменевшее лицо.

— Рокки же черный был, разве нет?

— Черный. Вот только Рокки мы похоронили. А Маус у нас бело-рыжий... и все последующие Маусы тоже.

Чем мягче я старался говорить, тем хуже у меня получалось. Хотелось рвать и метать. Хотелось схватить девушку за плечи и как следует встряхнуть, чтобы ее васильковые глазки перестали наконец глупо моргать.

— Вадик, — Лиза виновато отвела взгляд, — я забыла...

По тому, как надулись пухлые губки и влажно заблестели глаза, можно было с уверенностью сказать, что расстроилась она по-настоящему, искренне. В любое другое время этого мне с лихвой хватило бы для того, чтобы безоговорочно простить ее... Но, вашу ж мать! Через полчаса бабушка приведет Леську домой, а у меня в аквариуме черный хомяк!

— Кто бы удивлялся! Доверь блондинке серьезное дело...

Я прикусил язык еще до того, как фраза была произнесена целиком и повисла в воздухе. Глазки-василь-

ки брызнули слезами прежде, чем мне в голову пришла мысль об извинениях. Откинув голову назад, чтобы не потекла тушь, Лиза выскочила из комнаты, а я остался стоять возле аквариума с черным хомяком. Как дурак. Секунду спустя хлопнула входная дверь, и я скорее домыслил, чем услышал, как по коридору лошадиными подковками зацокали ее шпильки. Я ощущал себя проколотым воздушным шариком. Злость улетучилась, словно гелий. Будто и не было ее вовсе. Будто это какой-то другой человек наговорил гадости Лизе, которая искренне хотела мне помочь. Освободившееся место злости-гелия быстро заполнял более плотный и тяжелый стыд. Обидеть Лизу — это все равно что обидеть ребенка. В двадцать пять лет люди редко остаются таким открытыми и доверчивыми, но именно эту черту я ценил в ней больше всего. Да, именно эту, а вовсе не ноги и грудь, как думало подавляющее большинство моих друзей. Мне бы сейчас броситься следом, догнать — далеко ли она убежит на шпильках-то? Но в коридоре натужно закряхтел лифт, двери с лязгом разъехались на нашем этаже, и я понял, что примирение придется отложить... Моя дочь возвращалась домой.

Пока звенели ключи в замочной скважине, пока открывалась тяжелая стальная дверь, мне нужно было успеть исправить положение. Думай, Вадим Андреевич, думай! Впрочем, руки уже все решили за меня. Проворно цапнув черного грызуна поперек пуза, они слегка замешкались, но все же приняли окончательное решение и затолкали хомяка в карман брюк. Только после этого мозг придумал обоснование таким действиям: главное не дать Леське увидеть черного хомяка. Тогда раскроется подлог, слез с истериками будет не избежать. Сейчас главное убрать «черныша» с глаз долой, тихонько вынеся его на улицу, пока Леся с бабушкой возится на кухне, выкладывая и разогревая приготовленные тещей пирожки да блинчики.

— Вадик, мы вернулись! — Тактичная Зинаида Сергеевна всегда громогласно возвещала о своем приходе, боясь застукать нас с Лизой в неурочный момент.

— Папка, мы вернулись! — радостно продублировала Леська.

По линолеуму, в сторону кухни, прошлепали ее босоножки. Хомяк недовольно возился в кармане, сквозь ткань впиваясь острыми коготками мне в бедро. Думай, Вадим Андреевич! Куда делся Маус?! Что соврать Леське?!

— Олеся, а ну-ка быстро сними обувь! — строго отчитала внучку Зинаида Андреевна. — Это что за дела? Лизонька полы моет, моет, а ты тут...

Точно! Лиза! Все-таки она мне поможет, даст необходимую отсрочку! Значит, так, Мауса взяла Лиза, чтобы... чтобы... чтобы... Безымянный «черныш» упрямо выцарапывал себе свободу, мешая думать. Приходилось зажимать край кармана пальцами. Значит, Лиза взяла Мауса, потому что... потому... Да! Потому что Лиза купила себе хомяка-девочку и взяла Мауса на пару дней, чтобы они сделали маленьких хомячат! Будучи в курсе вопроса «откуда берутся дети», Олеська наверняка проглотит такую версию. Так, оправдание готово, осталось только...

Быстро просканировав аквариум на предмет жизнедеятельности «черныша», я тут же заметил совершенно ненужные улики. Приличный клок черной шерсти валялся между забросанным рваными газетами блюдечком с водой и пластиковой крышкой из-под майонеза, доверху забитой сухим кормом. Когда этот паршивец успел столько начесать, ума не приложу! Все еще придерживая одной рукой карман с отчаянно царапающимся хомяком, другую руку я запустил в аквариум. Для того чтобы объяснить, что произошло дальше, понадобится некоторое время.

Вас когда-нибудь било током? Хотя бы обычные 220 вольт? Наверняка било! Помните этот момент странной беспомощности... эту сотую долю секунды, когда вы были не в состоянии управлять собственным телом?

Долгое время после удара током вы с повышенной осторожностью поглядываете на розетки и плохо заизолированные провода и ни в коем случае не включаете электроприборы, предварительно не вытерев мокрые руки до сухого скрипа. Вероятно, вам кажется, что это электричество вас так напугало. Что вы просто опасаетесь той боли, которую оно может вам причинить. На самом же деле вы боитесь вовсе не самого электричества. Вы до дрожи боитесь того самого мгновения, когда ваше тело вас не слушалось. Той едва уловимой доли секунды, когда с вашим телом происходило нечто смертельно неприятное, а вы ничего, совершенно ничего не могли с этим поделать.

Нет, меня не ударило током. Не было никаких искр или вспышек. Но ощущение беспомощности было один в один. Тело вдруг перестало меня слушаться. Точно в кошмарном сне, когда отчетливо понимаешь, что вот-вот произойдет нечто непоправимое, пытаешься как-то избежать этого, но события все равно идут своим чередом, вопреки всем усилиям. Меня странным образом передернуло, и я ощутил, да, каждой клеточкой прочувствовал, как собираясь со всего тела, из каждой самой дальней клеточки, каждого самого маленького синапса, через пальцы, в аквариум *потекла* моя жизнь. В этом-то и заключалось сходство с ощущением, которое испытывает человек, схватившийся за оголенные провода, силящийся отцепиться от них, но не могущий разжать пальцы. Вынужденный слушать, как скрипят и крошатся его зубы. Как, точно хорошо прожаренный попкорн, лопаются его глаза.

Кухня тем временем жила собственной жизнью, переполненная звуками и движением. С хлопаньем закрывал дверцы холодильник. Шумел горячей водой кран в мойке. Гремели кастрюлями полки шкафчиков. Над всем этим звонким колокольчиком носился Леськин смех, да еще где-то на периферии привычно бубнила нравоучения Зинаида Сергеевна. А всего в четырех метрах по прямой от них, за двумя не слишком толстыми стена-

ми из рыжего кирпича и штукатурки, нечто высасывало мою жизнь, как какой-то молочный коктейль. Скажу вам откровенно — это безумно страшно, когда ты ощущаешь себя не человеком, а всего лишь стремительно пустеющей тарой. Наверное, схожие ощущения испытывают еще и вскрывшие вены самоубийцы, но тут не могу утверждать со стопроцентной уверенностью.

Лишь когда по коленям растеклась тупая боль, я понял, что больше не стою на ногах. Оставалась слабая надежда, что, обессилев окончательно, я упаду и рука сама выскользнет из аквариума... Но интуиция подсказывала, что ловушка отпустит меня не раньше, чем выкачает всю жизненную силу до последней крупицы. Пальцы прилипли ко дну аквариума, так и не успев ухватить злосчастный кусочек черной шерсти. Оторвать их не было никакой возможности. Да я и не пытался. Пользуясь моей беспомощностью, безымянный грызун совершил дерзкий побег из кармана и теперь с хозяйским видом сновал возле моих ног. Какой-то частью сознания, крохотной и незначительной, я следил за ним, завидуя его свободе передвижения. Сам же я продолжал *опустошаться* с невероятной скоростью. Пугающей скоростью. Однако то, что произошло следом, напугало меня куда как больше. Настолько, что я даже не сразу сообразил, что едва-едва избежал смерти. Только ночью, перед самым сном, внезапно сложив все впечатления и воспоминания, полученные от этого жутковатого случая, в единую картину, я понял, насколько близко к пропасти проскочил экипаж моей жизни. Едва осознав это, я едва успел добежать до ванной, где тут же изверг из себя не переваренный ужин, состоявший преимущественно из вкуснейших пирожков Зинаиды Сергеевны. Но это было ночью, а сейчас...

— Глупый, глупый папка! — прозвучало над ухом.

Голос казался приглушенным, как будто словам приходилось преодолевать некий фильтр или звукопоглощающее покрытие. Даже в таком искаженном виде я без труда узнал голос дочери. Именно с этими усталыми, чуть

раздраженными нотками она объясняла мне прописные девчоночьи истины: почему к розовому платью совершенно необходимы розовые же туфельки или почему эта кукла лучше той, хотя с виду они совершенно идентичны. Взрослый папка не понимает таких простых вещей! Глупый папка!

— Глупый папка! Зачем ты-то сюда полез?

Каким-то чудовищным усилием воли мне удалось повернуть голову к источнику голоса. Если бы я мог кричать, именно сейчас я бы закричал во всю силу легких. Потому что вместо ожидаемой Олеськи в поле зрения вползла морщинистая старушечья голова, чьи бескровные губы, почти не отличимые по цвету от остальной кожи, шептали сейчас мантру о глупом папке, попавшем в ловушку. Я смотрел и не мог связать между собой разрозненные детали. Платье. Олеськино любимое белое платьице в цветочек, из которого торчит тонкая морщинистая шея гауфовской ведьмы. И босоножки тоже Олеськины. Так и не сняла... Но торчавшие из босоножек ступни, кривые пальцы которых венчали желтые скрученные ногти, не могли принадлежать одиннадцатилетней девочке. Я не решался посмотреть в ее глаза, страшась того, что могу там увидеть. Мне хватало того, что на уровне сморщенной шеи вместо белокурых локонов болталась выцветшая седая пакля грязно-пепельного цвета. В этот момент я даже не знал, что страшнее, умереть, будучи досуха высосанным каким-то дурацким аквариумом, или заглянуть в глаза существу, по какой-то причине одетому в платье моей дочери. Заглянуть, чтобы понять — оно и есть моя дочь. На какой-то момент даже мысли о скорой гибели отошли на второй план, померкли перед новым, по-настоящему чудовищным ужасом. Тогда-то ко мне, стоящему перед аквариумом на коленях, точно какой-то дикарь, впервые увидевший прозрачную стекляшку, наклонилась седая карликовая ведьма, занявшая место моей Олеськи. Худенькое тельце просто заслонило мне обзор, давая возможность как следует рассмотреть все цветочки на платье, складывающиеся

в траурный венок. Присев передо мной на корточки, существо совсем по-детски растопырило в стороны исцарапанные коленки. Оно еще раз прошептало что-то про «глупого папку, который лезет куда не надо», а затем ловко сцапало ползавшего по полу «черныша».

Недовольно пискнув, хомяк по короткой дуге полетел прямо в аквариум, точно смятая бумага в мусорную корзину. Едва лишь мохнатый комок приземлился среди вороха газет, я почувствовал, что тело наконец-то начинает меня слушаться. Но, даже несмотря на это, руку мне пришлось буквально вырывать обратно. Как будто аквариум был доверху наполнен невидимой цементной смесью, которая уже практически застыла. Отчасти это было даже хорошо, насколько вообще что-то может быть хорошим в такой ситуации. Сосредоточенный на спасении, я постарался выбросить из головы то, что увидел в тот короткий миг, когда маленькая седая ведьма присела рядом со мной. Нет, мы не встретились глазами, Бог миловал. Но того краешка ее взгляда, что я все же зацепил, мне хватило по самое горло. Потому что в маленьких девочках нет и не может быть такой усталой мудрости... и та расчетливая уверенность, с которой она бросила хомячка в стеклянную ловушку... Сказать, что это меня напугало, — значит ничего не сказать.

Рука освободилась с резкостью вылетевшей из бутылки шампанского пробки. Мне даже показалось, что где-то на самой грани слышимости раздался оглушительный хлопок. По инерции я откинулся назад, болезненно приземлившись на собственные ноги, и тут же схватился за сердце. Неосознанно, на каких-то рефлексах. Люди часто так делают, когда понимают, что чудом избежали смерти. В нелепой позе сидя на полу детской, я массировал грудь, судорожно глотая воздух. Медленно осознавая, что мне только что невероятно повезло. Хомяку, к примеру, повезло гораздо меньше. Даже не глядя на аквариум я мог с уверенностью сказать — «черныш» умирает. Из аквариума доносились какие-то хрипы и жалостливый писк. Еле слышно царапали стекло тонкие, почти прозрачные

коготки. Не было никакого желания глядеть на мучения обреченного существа, но какая-то часть меня, движимая болезненным любопытством, просто жаждала этого. Мечтала увидеть, что же должно было произойти со мной, не вмешайся Леська.

Я поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть печальный финал подменыша. В первую секунду у меня возникло ощущение, будто хомяк состарился. Лоснящаяся чернотой шубка свалялась, кожа на мордочке стянулась, обнажив длинные тупые зубы, глазницы провалились внутрь. «Черныша» мотыляло из стороны в сторону. Заплетались тонкие лапы, подрагивала, точно под ударами тока, слипшаяся шкурка. Хомяк пищал не переставая, но его протесты с каждой секундой становились все тише. Судя по всему, умирать было больно. Но не это поразило меня до глубины души, не это погнало полчища мурашек по всему позвоночнику, от копчика до затылка. А бесстрастно наблюдающая за смертью питомца Леська.

До самого конца, пока хомяк не завалился на бок и не затих, дернув напоследок лапками, трогательно сжатыми в «кулачки» от постоянных судорог, моя дочь пристально вглядывалась в умирающего зверька. Момент, когда она подошла ко мне и плюхнулась рядышком на пол, я прозевал. Просто внезапно в плечо мне уперлась белокурая Леськина головка, и тонкие ручки с какой-то невыразимой нежностью обняли мое предплечье. Я смотрел на дочь и даже не удивлялся, видя, как проступает румянец на обычно бледных щеках. Больше не было ощущения, что девочку подменили, подсунув вместо нее карликовую старуху-колдунью. Кожа зарозовела, волосы блеснули естественным здоровьем. Из-под пружинистых локонов торчало оттопыренное крохотное ушко, украшенное простеньким «гвоздиком» из хирургического серебра. Очень хотелось заглянуть ей в лицо, но... я все еще боялся того, что могу прочесть в этих недетских глазах.

— Глупый папка, — уткнувшись мне в плечо, прошептала Леська. — Говоришь мне, чтобы я руки куда попало не совала, а сам... Как маленький, честное слово...

— Леся. — Странно, но изо рта куда-то подевалась вся влага. Глотка напоминал пересохший колодец, а голос — эхо, идущее из этого колодца. — Леся, доченька... Что это было?

Глупый вопрос. И ответ на него тоже должен был быть глупым. Да только Олеся вдруг сама посмотрела мне в лицо. Слава богу, глаза ее оказались самыми обыкновенными — детскими, доверчивыми... и лишь чуть-чуть более взрослыми, чем должны быть. Самую малость.

— Я думала, ты знаешь. — Кажется, своим неведением я удивил ее не меньше, чем она меня своей осведомленностью. —Ты же сам мне ее подарил... Это Сфера.

Прежде чем я успел осмыслить сказанное, с кухни донесся зычный голос Зинаиды Сергеевны:

— Олесенька, Вадик! Пирожки готовы, идите чай пить! А то я сейчас без вас есть начну!

— Теперь она будет поглощать больше... Намного больше, — глядя куда-то в сторону, пробормотала Леська. И наложившиеся друг на друга фразы тещи и дочки вдруг заставили меня рассмеяться. Истерично, испуганно и затравленно.

На дне стеклянной Сферы в последней судороге дернулись лапы умирающего хомяка, и бумага, служившая ему подстилкой, зашуршала, точно рвущийся саван.

* * *

Мыши горели, как спички. Не в смысле, что я занимался живодерскими опытами, поджигая лабораторных зверенышей, просто лучшего сравнения мне не подобрать. Стоило четырехлапой закуске для питонов оказаться в аквариуме... В общем, да... как спички. Вот уже полчаса я, за неимением лучшего слова скажу — экспериментировал со Сферой. Четыре скрюченных тельца рядком лежали на подоконнике, на заблаговременно расстеленном пакете. Еще одна мышь в данный момент стремительно умирала, пытаясь из последних сил вска-

рабкаться по скользким, загнутым вовнутрь стенам. На это я тратил свой законный отгул, который выбил себе вчера вечером, сославшись на здоровье. Почти не соврал, кстати говоря. Определенная польза от таких естествоиспытаний была. Так, бросив в Сферу сразу пару мышей, я узнал, что погибает из них только одна. Не знаю, с чем это связано, но покуда я с опаской не поднял наружу первую околевшую мышь, вторая чувствовала себя более чем великолепно. Что характерно — в этот момент мне также совершенно ничего не грозило.

Еще примерно с десяток белых тушек, красными глазами напоминающие вампиров-альбиносов, в ожидании своей участи носились по небольшому пластиковому контейнеру, зарываясь в опилки, топчась по спинам и головам друг друга. Не могу сказать точно, обычная ли это мышиная суетливость, или все же каким-то животным чутьем несостоявшиеся питомцы чувствовали приближение скорой кончины. Сегодня утром отправив Леську в школу, я, опасливо завернув злополучный аквариум в старое покрывало, решил во что бы то ни стало выяснить, что ж это за фирма поставляет такие изделия. Искать тот самый зоомагазин пришлось по памяти, — бумажка с адресом давным-давно затерялась где-то в недрах мусорного ведра. Честно говоря, я был готов к тому, что по прибытии на место не застану там искомого, а все местные, буде я обращусь к ним с расспросами, станут в один голос утверждать, что никакого зоомагазина здесь никогда не было. Ну, я имею в виду, ведь именно так все это и происходит, да? Незадачливый герой получает в руки могучий старинный артефакт, купив его в лавке древностей, внезапно возникшей ниоткуда в темном тупичке. После чего, выполнив свою миссию, магазинчик бесследно исчезает, оставив героя самостоятельно разбираться с последствиями необдуманного приобретения.

Однако моя «лавка древностей» оказалась на месте. Более того, со времен моего последнего и единственного визита магазин обзавелся большой красивой вывеской

с изображением собак, кошек, попугаев и даже одной черепахи. Все животные излучали невероятное счастье, и даже сморщенная морда рептилии светилась чистейшим позитивом, насколько это вообще было возможно при таких внешних данных. На месте оказалась и моя случайная знакомая — жизнерадостная хиппушка, любительница «пушистиков». Девушка не узнала меня и потому действовала по старой схеме. Я даже пережил острый приступ дежавю, когда вновь услышал:

— У вас есть дети? У ребенка должен быть домашний любимец!

Эти два факта — естественное поведение девочки продавца и полная реальность самого магазина — вогнали меня в ступор. Оказалось, что к такому повороту событий я готов не был. Нет, ну подумайте сами! Подходит к вам заросший, всклокоченный мужик и говорит: «Ваш аквариум пытался меня убить! Оформите возврат, пожалуйста...» Бред! Так и получилось, что из магазина я в очередной раз вышел с покупкой.

— Для дочки, — сказал я. Но по заговорщическому подмигиванию продавщицы я понял, что она ни на секунду не поверила в эту версию, и, скорее всего, тоже считает меня владельцем крупной змеюки. Действительно, мало какой отец вдруг решит подарить своей крохе сразу полтора десятка белых мышей.

А сейчас я с маниакальным упорством по очереди засовывал мышей в Сферу. И мыши горели, как спички. Или... Я мысленно поставил себе плюс за более удачное сравнение — разряжались. Да, именно разряжались, как дешевые щелочные батарейки, по пять рублей штука. Таких в избытке можно найти на любом рынке. Никогда не понимал, что заставляет людей экономить столь странным образом. Дешевые пальчиковые батарейки хороши разве что для телепульта — при минимальном расходе они даже могут прослужить довольно долго. Но засуньте их в плеер, и уже через пятнадцать ми...

...стоп.

Вот оно.

Понимание происходящего оказалось похожим на детскую головоломку «Найди индейца». Помните эти путаные переплетенные линии то ли тропических джунглей, то ли сибирской тайги, в которых нужно было отыскать зловредных краснокожих? Нужно было всего лишь по-особому взглянуть на рисунок, и искомые дикари с перьями в волосах тут же становились как на ладони. Просто отсеки все лишнее. Сосредоточься на главном. Именно это и случилось, когда я нашел нужное сравнение. К чертовой матери отсек лишнее. С первого раза очень непросто не обращать внимания на аквариум, высасывающий энергию у живых существ. Но стоит только отбросить всю эту мистику и чертовщину, как появляются индейцы.

Сдуру бросившись искать «таинственную лавку», я поступил не очень умно. Нет, правда, какой мне толк с поисков истоков? Гораздо важнее, что обладание Сферой дает мне здесь и сейчас! Беспокойное соседство, опасностью своей могущее соперничать с неразорвавшейся миной? Да, безусловно. Но в первую очередь — здоровую и смеющуюся Олеську. И за одно лишь это я готов жить на минном поле. После случившегося не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять — не в хомяках и мышках кроется причина ее здоровья. Аквариум — большой аккумулятор. Капкан, собирающий жизненную силу попавших в него существ. Как, почему, зачем — это все линии запутанных джунглей. Равно как и то, откуда он взялся, как попал ко мне и почему он закачивает собранную энергию в Леську. А вот понимание того, по какому принципу строится его работа, — это уже индейцы. Леся — организм гораздо более сложный и большой, чем хомячок. Другими словами, она не пульт от телевизора. И даже не плеер. Моя наивная попытка подзарядить аквариум мышами так же смешна, как холодильник или стиральная машина, работающая от пальчиковых щелочных батареек с рынка!

Что это понимание мне давало, я пока еще не слишком понимал. Требовалось время, чтобы как-то упорядочить

бег мыслей, сосредоточиться. Бережно держа очередную красноглазую мышь за хвост, я осторожно опустил ее на дно аквариума. Так же аккуратно, точно обезвреживающий мину сапер, я удалил оттуда ее дохлую предшественницу. Назовите меня живодером, но куда мне еще деть полтора десятка белых мышей? К тому же наблюдение за бренностью жизни помогает сосредоточиться, как ничто другое.

Идея пришла в считаные секунды и столь же быстро оформилась в план. После уроков у Леси еще факультатив по риторике и танцы. На танцы, кстати, она записалась как раз в самом начале эпопеи с хомяками. Это значит, что в запасе у меня есть целых два с половиной часа — чертова прорва времени! Я успею? Конечно же успею! И при этом еще и вовремя заберу Леську из танцевальной секции. Оставалось только решиться...

И я решился.

* * *

Мне нравится водить машину. Считается, что лошади очень хорошо снимают стресс. Всего одна конная прогулка дарит городскому человеку столько положительных эмоций, сколько он не всегда получает за целый год. Люди знающие говорят, дескать, это от общения с живым существом, более сильным и выносливым, нежели человек, но при этом кротким и послушным. Не знаю, как там насчет самоутверждения над братьями нашими меньшими, а мне схожие эмоции дарила едва ли не каждая автомобильная поездка. Может, все дело в том, что водить я начал чуть больше двух лет назад, когда понял, что невозможно дальше таскать ребенка по врачам на общественном транспорте, но мне действительно нравилось, что я, обычный мужчина, с легкостью управляю своим четырехколесным монстром одним лишь поворотом руля или нажатием педали. Да, мне определенно нравится водить машину. Но не сегодня. Очень сложно получать удовольствие, когда голова забита черт его знает чем.

Во-первых, я заметил, что Олеська вновь стала хуже выглядеть. Всю жизнерадостность последних недель, к которой я только-только начал привыкать, точно корова языком слизала. Ей на смену явилась более привычная, но куда как менее приятная меланхолия. Дочь стала хуже выглядеть, а преподаватель танцев отметила, что Леся сегодня была очень вялой. Все возвращалось на круги своя, и мне это было как ножом по сердцу. Во-вторых, я все еще не мог отойти от последствий своего решения. Знаете, как говорят: одно дело решить, и совсем другое — сделать. Это действительно так. Ну и в-третьих, мне постоянно приходилось разрываться между дорогой и разговором с дочерью. В тот вечер ни один из нас не заводил разговор о Сфере. Мы с Олеськой поглощали бабушкину стряпню, премило беседуя с Зинаидой Сергеевной о погоде и ценах на хлеб, вполглаза наблюдали за скачущим в телеэкране ведущим какого-то сверхпопулярного шоу. В общем, вели себя на редкость обыденно и естественно. Даже когда теща ушла домой, а я зашел пожелать Олесе сладких снов, даже тогда, в присутствии объекта нашего внимания, в котором все еще валялся окоченевший хомяк, мы ни словом не обмолвились о произошедшем. Вероятно, я бы мог молчать и дальше, ожидая, когда Олеся сама расскажет мне все, что знает (а я был уверен, что знает она лишь немногим больше моего). Однако после того, что я сделал в тот короткий промежуток между принятием решения и выездом из дома, молчать было выше моих сил.

— Лисичка, ты ничего мне не хочешь рассказать? — аккуратно перестраиваясь в крайний правый ряд, спросил я.

Сидящая на заднем сиденье, крест-накрест перечеркнутая ремнями безопасности, Олеська отрицательно мотнула головой, даже не потрудившись удостовериться, что я разглядел жест. Происходящее за окном занимало ее гораздо больше. Видя, как с каждой секундой Леся все больше становится похожей на себя прежнюю, душа моя сжималась коллапсирующей звездой. Сейчас дочь

меньше всего напоминала Лисичку. Гораздо больше ей бы подошло сравнение с цветком, погибающим без солнца. Вялым, бледным растением, обреченным на суррогат жизни.

— Олеся, это не шутки. Я хочу понять, что происходит?

Говорить с дочерью строгим голосом было сложно, да и не получилось у меня. За одиннадцать лет не выработал соответствующих интонаций, так откуда ж им теперь взяться? Но я хотя бы попытался. Впрочем, не тот это тон. Сейчас, по крайней мере, — точно не тот. Спокойнее надо, Вадим Андреевич. Педагогичнее.

— Лисичка, помоги мне, — как можно мягче попросил я. — Подскажи, что с нами произошло. Мне без тебя не разобраться...

Вообще-то я думал, что на данный момент знаю все, что можно было узнать. Всего лишь хотел уточнить, прав ли я в своих догадках. Леся контактировала со Сферой гораздо дольше меня, к тому же испытывала на себе ее положительное влияние. Она могла знать нечто, до чего не доехать на одних умозаключениях. Олеся, вполне ожидаемо, со вздохом отвернулась от окна. Голосом тусклым и безжизненным говорила она со мной, а я слушал и холодел, цепляясь пальцами за изгибы руля. Все оказалось не совсем таким, как виделось изначально. Или даже совсем не.

— Сфера пыталась тебя выкачать. Ты вынул из нее использованную «батарейку» и вставил новую. Себя. Надо было на нее табличку наклеить «Не влезай, убьет!», но я же не думала, что ты туда полезешь! Мне казалось, что вопрос о личных вещах мы уже давно решили...

Та-ак. В определениях мы оказались почти стопроцентно схожи. Но Леся так уверенно об этом говорит, что...

— Ты знаешь, как эта штука работает?

— Догадываюсь, — покачала головкой Олеся, и свитые пружинками кудряшки мотнулись из стороны в сторону. — Она как аккумулятор. Только он накапливает не

электрическую, а жизненную энергию. А все живое для нее — источники питания. Как-то так.

— Но почему тогда...

— Почему меня лечит, а всех калечит? — угадала вопрос Леся. — Не знаю... Мне кажется, это потому, что с меня и взять-то нечего.

Она грустно улыбнулась, и я едва не взвыл от отчаяния. Ничего, Лисичка, ничего. Мы приедем домой, и там тебя будет ждать сюрприз.

— Знаешь, — дочка задумчиво провела пальцем по стеклу, издав неприятный скрип, — я даже сначала думала, что ты волшебник... как в книжках или мультиках...

Вот дела. Моя дочь-подросток, которая лет с пяти перестала верить в Деда Мороза, считает меня волшебником. Прости, Лисичка, я не волшебник. И даже не «только учусь». Я просто глупый папка, который лезет куда не следует.

— Она ведь для этого создана — лечить. Нет, не то... продлять жизнь — так вернее.

— Кем? Кем создана?

— Вот этого не знаю. Я вообще не так уж много знаю, если честно. Когда Сфера меня подпитывает, она... как бы это сказать... Раскрывается, понимаешь? Не сильно, как ракушка. Так она дает информацию о себе. Что-то вроде инструкции к микроволновке или пылесосу.

Очередной перекресток весело подмигнул зеленым и тут же подозрительно вытаращился на нас багровым бычьим глазом. Воспользовавшись паузой в движении, я повернулся к дочери.

— И что же написано в этой инструкции?

— Я тебе уже почти все сказала. Сфера работает, как аккумулятор. Выкачивает жизненную энергию из одних существ и передает другим, более слабым. Мне кажется, что тот, кто ее сделал, был или очень больным, или очень старым.

— Собственно, я так и думал. Скажи мне, я правильно понял: мы можем запихивать в аквариум различную

живность, и благодаря этому ты будешь оставаться здоровой, так? И чем больше... эммм... животное, тем дольше эффект, верно?

Я был настолько уверен в своей правоте, что не сразу понял Леськин ответ.

— Не совсем.

— То есть? — Вот тут мои пальцы впервые похолодели.

— Второе верно. Чем больше животное, тем больше энергии. А вот первое... Тут все сложно. Чтобы Сфера срабатывала как нужно, я должна... — Она замялась, подыскивая нужные слова. — Мне нужно хоть что-то испытывать к этому существу.

— На любви, вот как она работает, — глухо сказала Олеся наконец. — Рокки мне очень нравился. И Маус — тоже. Это я сейчас понимаю, что ты их менял, а тогда очень удивлялась, что он такой стойкий. Я с ним разговаривала, говорила ему, какой он молодец, как он меня лечит... А это, оказывается, даже не он был...

Сидя в удобном водительском кресле, упираясь подошвами туфель в педали управления, я в то же время ощущал, как земля уходит у меня из-под ног. Странное и противоречивое чувство.

— Но Леся, радость моя... Я же видел, как вчера... ты же знала, что это не твой хомяк, но ведь сработало, да?! Его энергия...

— Это не его, а твоя энергия! — со слезами в голосе выкрикнула Леся. — Твоя, понимаешь?!

Такой гаммы чувств, какая промелькнула на ее лице, мне не доводилось видеть никогда в жизни. Злость, обида, растерянность, испуг... и самое невероятное — желание защитить меня, глупого папку. Видимо, что-то в этот момент отразилось и на моем лице, потому что Леся обличающим тоном прокурора спросила:

— Ты что, кого-то туда запихал, да?

Не в силах даже соврать, я просто кивнул.

— Кого ты туда засунул!? Попугайчика? Кошку? Собачку какую-нибудь мелкую? Кого?!

Не дождавшись ответа, Леся успокоилась так же внезапно, как взорвалась.

— Не делай так больше... — еле слышно попросила она. — Толку чуть, а животных жалко. Не делай. Не надо.

Боль в ее уставших глазах, яркая, неподдельная, на секунду выбила меня из колеи. Я пришел в себя от раздраженного гудка, раздавшегося из стоящей за нами «Мазды». Поспешно тронув автомобиль с места, я миновал перекресток и только тогда ответил:

— Хорошо, Лисичка. Не буду.

На улице пошел мелкий моросящий дождик. И хотя видимость была практически идеальной, я все же максимально придвинулся к окну, едва не улегшись на руль грудью. Еще не хватало, чтобы в зеркале заднего вида Леська увидела, как ее отец плачет. Со всеми этими поисками «индейцев» мне даже не пришло в голову, что для детей всякая жизнь — свята. Для меня домашние питомцы были расходным материалом, меховыми источниками энергии. А для Леськи они были крохотными бессловесными друзьями, за чей счет она жила. Кем же должен чувствовать себя мой ребенок?! Каким чудовищем она себя считает? Мне очень хотелось схватить ее прямо сейчас, прижать к груди и крепко стиснуть, чтобы она поняла, на тактильном уровне прочувствовала, что все будет хорошо. Но в плотном потоке спешащих домой автовладельцев я не смог бросить руль.

Поздним вечером, почистив зубы и надев ночнушку, лежа в своей кровати, до подбородка натянув одеяло, Олеся спросила меня:

— Пап... а куда ты ее дел?

— Кого? — Сфера была на месте, и я не сразу понял, о чем меня спрашивают.

— Ну... собачку. Это ведь собачка была, да?

Взяв ее худенькое личико в ладони, я большими пальцами вытер влагу, собравшуюся в уголках доверчивых детских глаз. После чего мягко поцеловал дочь в щеку и уверенно соврал:

— Это была крыса. Злобная облезлая подвальная крыса. Я ее уже выбросил. Не бери в голову, о ней никто не будет плакать.

В кухне я достал из шкафчика давно не вынимаемую початую бутылку «Немирова» и за каких-то десять минут прикончил ее без закуски, прямо из горла. Убитая «крыса» не давала мне покоя.

* * *

Говорят, спонтанные идеи самые верные и правильные. Какой бы безумной и нереальной ни казалась первая мысль, стоит довериться ей. Мы еще колеблемся, а наше подсознание уже все просчитало и приняло самое грамотное решение. Не исключаю, что так оно и есть. Все ж таки люди делают такие выводы не на пустом месте. Однако мое решение — спонтанное, безумное, совершенное на полном доверии подсознанию, оказалось в корне неверным. Черт его знает, быть может, обрадованный обнаружением первого «индейца», я подзабыл, что краснокожих должна быть целая банда. Стоило учесть уйму фактов, прежде чем сломя голову кидаться в безрассудную авантюру. Но понял я это только после разговора с Олеськой. Животных действительно жалко. Они же ни в чем не виноваты. «Крыса» тоже была ни в чем не виновата. Вероятно, следовало все же подумать дважды, найти кого-то более подходящего. Какого-нибудь маргинала, бомжа или спившегося уголовника, но получилось так, как получилось. В конце концов, Резеда немногим лучше. Я хотел сказать — была немногим лучше.

Резеда — тощая, грязная алкоголичка, жила прямо под нашей квартирой. Точного возраста этой вечно опухшей от пьянства и побоев сожителей тетки не знал никто. С равным успехом ей могло быть и тридцать и пятьдесят — алкоголь бережно хранил самую заветную женскую тайну. В редкие дни вынужденной трезвости Резеда иногда общалась с соседями на человеческом языке.

Так я узнал, что в прошлом она работала то ли учительницей, то ли библиотекарем. Чем соседка промышляла сейчас, оставалось лишь догадываться. Несмотря на статус безработной, деньги на выпивку у нее находились исправно. Жизнь рядом с такой особой, доложу вам, — то еще удовольствие.

Почему мой выбор пал именно на нее, объяснить затруднительно. Возможно, мной двигало желание одновременно проверить свою теорию, а заодно избавиться от нежелательной соседки. Возможно, никого более подходящего в ближайшей досягаемости не нашлось. Я просто не знал более никчемного человека, чем Резеда, и был твердо уверен, что без нее мир вздохнет с облегчением. По крайней мере — мой мир.

Проще простого спуститься на третий этаж и предложить опухшей спросонья соседке подзаработать. Наверное, сам по себе предлог был донельзя глупым — я в общем-то не уверен, нуждаются ли аквариумы в полировке. Однако вкупе с краешком пятисотрублевой купюры, которую я посулил Резеде, уловка сработала как нужно.

Я даже не стал подниматься домой. Просто постоял в подъезде минут пять, искренне сожалея, что не курю, — время тянулось немилосердно. Потом толкнул вечно незапертую дверь и вошел внутрь. Резеда обнаружилась на кухне. Стараясь не глядеть на тело, я осторожно вытряхнул ее ссохшуюся руку из аквариума, сунул его под мышку и поспешно ретировался домой.

Просто идеальное преступление, блин. А вечером, после разговора с Леськой, я узнал, что это еще и никому на хрен не нужное преступление. Вот такие пироги.

Резеду увезли глубокой ночью, когда Олеся уже крепко спала. Я лежал в своей комнате, с благодарностью ощущая, как начинает воздействовать на мозг ударная доза алкоголя. Голову слегка «вертолетило», глаза слипались, но самое главное — водка сумела разбавить чувство вины, частично растворив его в себе. Слушая

через стену, как бригада «Скорой помощи» ужасается внешнему виду моей «крысы», я почти ничего не ощущал.

Почти.

* * *

Постепенно жизнь вернулась в обычное русло. Сфера еще какое-то время постояла в Олеськиной комнате, а затем переехала на самый верх двухкамерного холодильника на кухне. Там в нее гарантированно никто не мог забраться. Изредка я запускал в нее какую-нибудь четвероногую живность. Очередной живой источник энергии для садящихся аккумуляторов моей дочери. Крохотная батарейка, которой едва ли хватит на пару дней. Или часов? И то, только если она успеет к нему привязаться. А поскольку случалось это все реже и реже, вскорости я прекратил и эти эксперименты.

Наверное, год или два спустя вся эта чертовщина забылась бы напрочь, как забываются все неприятные моменты наших жизней. Особенности психики, что вы хотите?! Вот только память регулярно подпитывалась кошмарами, приходящими ко мне стабильно, пять-шесть раз в месяц. В них я раз за разом толкал незапертую дверь, входя в квартиру соседки, проходил на кухню, а уже там... Каждый раз Резеда появлялась по-разному. Сначала она высушенной мумией лежала посреди комнаты, медленно поднимаясь при моем появлении. Потом, когда я попривык и притерпелся, стала выпрыгивать из ниоткуда, точно маньяк в низкобюджетном триллере. Мертвая Резеда шла ко мне, вспарывая воздух неуверенными движениями скрюченных пальцев, бешено вращая глазами. Именно глаза были самой страшной деталью ее облика. Налитые кровью, пополам с ненавистью. Безумные. Гиперподвижные. Живые глаза на мертвом лице. Встретившись с ней взглядом, я всегда просыпался. Иногда с воплем, иногда просто в холодном поту, сотрясаемый жутким ознобом. Мертвая соседка стала моим

персональным призраком. Но я готов был терпеть это, готов был не обращать внимания, если бы не Олеся.

День ото дня дочери становилось все хуже. Лекарства, от которых и так было мало толку, перестали оказывать даже видимость помощи. Леська предельно отощала и пожелтела. Прогрессирующая худоба словно втягивала ее внутрь собственного тела, в некую точку, за которой не останется совершенно ничего. Я никогда не думал, что детское лицо может быть настолько костлявым. Натянувшаяся кожа плотно прижалась к каждой маломальски заметной косточке, каждому хрящику, угрожая порваться при неловком движении. В провалившихся глазницах уже нельзя было различить цвет радужки. Глаза казались черными, искусно ограненными кусочками агата, вставленными в оправу из кожи и костей. Руки, и без того тощие, превратились в ссохшиеся птичьи лапки, такие же морщинистые и грубые. Я не слишком часто смотрел хроники Великой Отечественной, но сейчас мне казалось, что на фоне угасающей Олеськи некоторые жертвы Освенцима выглядели сытыми и откормленными.

Раньше я считал, что невозможность предотвратить смерть близкого человека — самое худшее. Теперь я понял, что худшее — это знать, что панацея есть, но воспользоваться ею ты не можешь. У меня появилась скверная привычка: вечерами, сидя на кухне, я медленно напивался, глядя на Сферу. В шкафчике, где раньше подолгу могла стоять одна-единственная бутылка водки, появился солидный запас крепких напитков, который пополнялся столь же регулярно, сколь исчезал. Я старался держать себя в рамках, но получалось не всегда, и пару раз из кухни в спальню меня уводила проснувшаяся Олеська, растрепанная, босоногая, в длиннополой ночнушке похожая на привидение. Привидение куда более жуткое, чем являющаяся мне во снах покойница Реведа.

Вы не поверите, но это был первый раз, когда у меня действительно опустились руки. Появилось осознание,

насколько смешны и бессмысленны были все мои ранние попытки противодействовать медленной Леськиной смерти. Я перестал искать новые «чудодейственные средства». У меня было одно — самое чудодейственное, к чему мне шарлатанские таблетки и примочки? Я забросил поиски и проверку новых «целителей», «знахарей» и «врачевателей». Для чего, если сейчас у меня на руках было нечто, способное совершить настоящее чудо?! Не важно, каким законам подчинялась эта штука — магическим, мистическим или алхимическим. Пускай она шла вразрез со всей официальной наукой. Главное, что она работала, по-настоящему работала, понимаете?! И невозможность использовать этот артефакт сводила меня с ума.

Поэтому, когда бабушка Зина предложила свозить Олеську на недельку на море, я с радостью ухватился за возможность немного передохнуть и разобраться в себе. На время отсутствия дочери Лиза переехала ко мне. Оказывается, мое планомерное саморазрушение не осталось незамеченным и для нее. Лишь позже, когда теща, обняв меня на прощанье, быстро шепнула:

— Давай, Вадим, приводи себя в порядок... и с выпивкой — завязывай. Понял?

...Лишь тогда мне стало ясно, что все это — от внезапной поездки Зинаиды Сергеевны в Сочи до спонтанного переезда Лизы ко мне, — все это частички плана, по вытаскиванию меня из кризиса. И я мысленно поблагодарил Бога за то, что меня окружают такие мудрые женщины.

Но это было позже. А пока мы сидели в прихожей «на дорожку». Без этого ритуала Зинаида Сергеевна, по-моему, не выдвигалась даже в магазин за хлебом.

— Ну, с Богом! — тяжело поднявшись, скомандовала теща.

Я помог дочери накинуть на плечи компактный рюкзачок с принтом «Ранеток» и отошел в сторону, давая возможность им с Лизой попрощаться. Упершись ладонями в коленки, Лиза наклонилась вперед, заглядывая в Олеськины запавшие глаза.

— Люблю тебя, Лисенок. — Она мягко ткнулась своим носом в Леськин. Эскимосский поцелуй. — Не волнуйся за папу, я за ним присмотрю. О'кей?

Молча кивнув, Олеся обвила ее шею ручонками и звонко чмокнула Лизу в щеку.

— Я тебя тоже люблю...

От этих слов у меня в голове словно что-то взорвалось. Озарение, по силе своей не идущее ни в какое сравнение с «индейцами», ярчайшей вспышкой осветило весь мой мозг, каждый самый укромный его уголок. Теперь все действительно стало понятным. До жути, до ужаса простым. Вот только слово «ужас» здесь отнюдь не метафора. Осознание истинного предназначения Сферы нагнало на меня какой-то животный страх, заставив оцепенеть. Мне едва хватило силы воли, чтобы попрощаться с тещей (и услышать прощальное напутствие) и ответить на объятия дочери.

— Пока, конфетка. — Я чмокнул Леську в макушку. — Слушайся бабушку Зину.

Остаток дня я ходил придавленный открывшейся мне истиной. Лиза оставалась у меня не часто, раз или два в месяц, на пару дней максимум. Чаще на ночь и до обеда. Так что нашим совместным временем я дорожил особо. Это были мои настоящие выходные. Редкие часы, когда все проблемы отваливались, как засохшая грязь. Когда можно было подумать о себе и о ком-то еще кроме Леськи. О еще одном человеке, которого я... любил? Не знаю. Как минимум, был очень привязан.

... люблю тебя, Лисенок...

... я тебя тоже люблю...

Лиза тоже по-особому относилась к таким дням, готовилась, красилась, надевала какое-то умопомрачительное белье. Не то чтобы мы все это время не вылезали из кровати, уже не подростки, как-никак. Мы могли целый день заниматься какой-нибудь ерундой — валяться на кровати, щелкая пультом в поисках интересного фильма, болтать обо всем и ни о чем, принимать вместе душ или делать массаж друг другу. Но секс в эти дни

всегда был особенно нежный и чувственный. И сейчас Лиза недоумевала, отчего я хожу как в воду опущенный. А мне хотелось напиться. К счастью, коньяка в заветном шкафчике осталось на самом донышке. Пришлось вынужденно ограничиться половинкой рюмки за ужином.

Ни о чем не спрашивая, Лиза все же внимательно наблюдала за мной остаток вечера. Природное женское чутье подсказывало ей — с любимым мужчиной творится что-то неладное. А природный женский такт советовал подождать еще немного, пока мужчина сам решит рассказать о своих проблемах. Лишь к ночи, постелив свежее, благоухающее ромашковым отбеливателем белье, она не утерпела и осторожно поинтересовалась:

— Вадик, у тебя все хорошо? Ты весь день где-то не со мной.

Я зажмурился, сжав пальцами переносицу возле самых глазниц. Оказывается, я даже не представлял, насколько устал за последнее время.

— Прости, радость моя. — А что мне еще оставалось ответить? — На работе завал, все никак из головы не выкину.

Как только у нее это получается? Не успел я моргнуть, как оказался на кровати, утопая в мягком, ромашковом, затылком ощущая упругость Лизиного бедра, а щекой — шелк кружевной комбинации. Нежные пальцы перебирали мои волосы, массировали кожу головы, скребли затылок ноготками — все как мне нравится.

— Трудяга ты мой, — шептала она. — Ты себя загонишь, Вадька. А загнанных лошадей — что?

— ...Пристреливают, не правда ли, — закончил я.

— Вот, сам все знаешь... Ты хотя бы на сегодня выброси все это из головы, ладно? Побудь со мной... Побудь моим...

Когда ее рука успела забраться ко мне под рубашку? Ты же самые пальцы, что секунду назад игрались с моими волосами, теперь гладили мою грудь, игриво царапая кожу. Чувствуя, что еще немного, и моя решимость рас-

тает, я перехватил ее запястье. Так нельзя. С моей стороны это будет слишком уж цинично.

— Лиз, давай не сегодня? Как-то я без настроения совсем... Только не обижайся, хорошо?

Я перевернулся, сел на кровати и поцеловал девушку в открытую ладошку, в уголок губ и в висок.

— Ложись без меня, ладно?

— А ты? — Кажется, Лиза все же обиделась.

— А я... я на кухне посижу, посмотрю чего-нибудь.

Недоуменно пожав плечами, дескать, ну как знаешь, Лиза нырнула под одеяло. Тут же привычно практически все его намотала на себя, так, что снаружи осталась только белокурая головка. Перед тем как уйти на кухню, я наклонился, чтобы поцеловать Лизу в губы, но она ловко увернулась, подставив мне щеку. Все-таки обиделась.

Поскольку спиртное отсутствовало, пришлось глушить чай. Вливая в себя кружку за кружкой, я порой даже не замечал вкуса, иногда забывая положить лимон, иногда сахар. Один раз даже забыл налить заварки и выпил почти кружку пустого кипятка. Странно, но в туалет не хотелось вовсе. Точно внутри меня образовалась бездонная черная дыра, поглощающая все, что в **нее** попадает. Вода в чайнике заканчивалась или остывала, приходилось наполнять и греть по новой. На самом деле мне просто нужно было чем-то занять руки, чтобы не наложить их на себя. Я методично уничтожил все сладости, что стояли в хрустальной вазочке на столе. Я даже съел какие-то немыслимо старые конфеты, окаменевшие и слипшиеся на самом дне. Мне просто нужно было чем-то занять зубы, чтобы не перегрызть себе вены от безысходности. На экране Брюс Уиллис бодро распечатывал физиономии плохим парням, переворачивались машины, взрывались вертолеты, рушились здания. Яркими, бессмысленными вставками врывались в фильм рекламные блоки, похожие на экзотических птиц, попавших на Северный полюс. Мне нужно было чем-то занять глаза, чтобы они не возвращались ежесекундно к стоящей на холодильнике Сфере.

Только разум ничем не получалось занять. Для манипуляций с чайником хватало мышечной памяти, а сюжет фильма проходил мимо. В голове крутилось собственное кино. Этакий мистический триллер с элементами фэнтези. Иногда главным героем был седой старец, иногда — молодой инвалид или ребенок-калека. Не знаю, почему воображение нарисовало того, кто придумал Сферу именно мужчиной, но Леся была права — он определенно был или старым, или больным. Словно наяву я видел его отчаяние, его боль и обиду на несправедливую Вселенную, заставляющую его умирать в самом расцвете лет. Ведь по существу, давайте не будем кривляться, — кто из нас, сколько бы лет ему ни было, скажет: «Да, пришло мое время! Достаточно я пожил в этом мире!» — и добровольно уйдет вслед за тощей старухой, что вечно прячет лицо за капюшоном?

В мыслях я прокручивал несуществующую кинопленку жизни создателя Сферы, проживая вместе с ним его радость от создания артефакта... его боль от создания артефакта... его ужас от создания артефакта. Все как у меня. Впрочем, это единственный возможный сценарий, даже если считать, что я всего лишь проецировал собственные впечатления.

Ты радуешься, что Бог, или, быть может, Дьявол, или всемогущий Рок дал тебе еще один шанс. Дал реальную возможность отыграться у Костлявой. Сдал отличную карту вместо мелочи, что попадается тебе в последнее время. В этот момент тебе еще не ясно, что обыграть смерть невозможно по одной простой причине — игра всегда идет по ее правилам и играете вы в то, во что захочет она. Ты чувствуешь себя донельзя глупо, сидя с флэш-роялем на руках, когда перед тобой недоигранная партия в шахматы. Только тогда ты осознаешь, что эта Высшая сила имеет довольно своеобразное чувство юмора и за твой успех платить придется тем, кого ты любишь... И тогда ты испытываешь боль, обиду и смятение. Ты не понимаешь, почему после всех бед, выпавших

на твою долю, судьба продолжает преподносить тебе такие сюрпризы. Когда спасение так близко... видит око, да зуб не имеет. Нет, только не такой ценой, думаешь ты. И вот тогда...

... люблю тебя, Лисенок...

... я тебя тоже люблю...

...тогда ты понимаешь, что готов заплатить любую цену. Ты с готовностью платишь ее. Раскошеливаешься, как перебравший гуляка в кабаке, решивший внезапно угостить всех за свой счет, не думая о последствиях столь широкого жеста. Ты платишь. А утром, придя в себя, приходишь в ужас от содеянного.

Чтобы снять Сферу с холодильника, пришлось встать на цыпочки. Выпуклые стеклянные бока удобно легли в ладони, словно только того и ждали. Внутри уже давно не бывало ничего живого, кроме мелких насекомых. Шейные суставы скрипнули, когда я опасно приблизил лицо к горловине аквариума, чтобы выдуть оттуда скопившуюся пыль. Половицы тоже скрипели, когда я наступал на них, направляясь в спальню. Странно, никогда не скрипели, а тут — прямо тревожная сигнализация. Еще не хватало, чтобы заскрипели дверные петли.

Петли скрипнули. Протяжно, заунывно, как ржавые ворота древнего замка с привидениями. Все вокруг вдруг стало невероятно шумным и громким. Сердце грохотало барабаном, выстукивая ритм нервный, но ровный. Воздух покидал легкие со звуком работающей вытяжки. Даже взмах ресниц поднимал такой шум, что слышно было, вероятно, на другом краю земли. Однако Лиза продолжала спать.

Безмятежное, но при этом какое-то очень сосредоточенное лицо. Губы, приоткрытые ровно настолько, чтобы виднелись ровные белоснежные зубки. Кокон из одеяла, сбившийся в ноги, да там и застрявший. Левая рука, заброшенная за голову, острым локотком прицелилась в окошко. Правая...

Присев на корточки перед спящей Лизой, я некоторое время, стараясь не дышать слишком громко, смотрел, как размеренно вздымается ее грудь, спрятанная в чашечках кружевного бюстика. Не знаю, каким образом ее пальцы оказались в моей руке. Я поцеловал их все до одного, надолго прикладываясь губами к каждому суставу. А потом осторожно опустил ее кисть прямо в жадное горло Сферы.

Я ожидал, что Лиза выгнется дугой, забьется в конвульсиях, как та девочка из «Экзорциста». Но Сфера, в очередной раз не оправдала моих ожиданий. С безвольно повисших пальцев на дно аквариума полилось слабое сияние. Почти как фосфорное свечение над свежей могилой, только голубоватое. Лиза продолжала лежать неподвижно. Однако теперь — это чувствовалось как-то особенно отчетливо — это уже не была неподвижность спящего тела. Лиза была похожа на Спящую Принцессу из сказки.

— Гроб качается хрустальный... — прошептал я.

Выйдя из комнаты, я тихонько прикрыл дверь. По внезапно переставшим скрипеть половицам ноги вернули меня в кухню, к остывшему чаю, черствым баранкам и Брюсу Уиллису. Мне нужно было вновь чем-то занять глаза, руки и зубы, которые уже почти крошились, со скрипом стираясь друг о друга. Кажется, престарелый лысый супергерой вновь всех победил. Впрочем, разве могло быть иначе? Я хочу сказать, ведь для того кино и создано, верно? Чтобы показывать торжество добра над злом, прекрасного над уродливым... жизни над смертью. Ведь в реальном мире так получается далеко не всегда. Более того, в нашем мире это скорее исключение, чем правило. Сегодня у нас с Олесей получилось, пусть даже она об этом не догадывается. Да и то, мы ведь одержали локальную победу, всего лишь отсрочили неизбежное. Сколько еще продержится наша маленькая армия при столь ограниченных поставках боеприпасов и продовольствия? Да, у нас есть еще бабушка Зина. И тетя Лида, сестра моей покойной

супруги. И еще тот мальчик из Леськиного класса, который ей нравится... Илья, что ли? Ничего-о-о... Как-нибудь протянем первое время.

...люблю тебя, Лисенок...

В конце концов, есть еще я, верно? И я тоже тебя люблю. Сильнее, чем кто бы то ни было.

ПАВЕЛ ТОКАРЕНКО

НАШИ НЕ ПРИДУТ

Дорога упёрлась в КПП, окружённый чёрными деревьями, тянущими к небу голые ветви. Будка, шлагбаум, часовой в плащ-палатке. Нависают серые тучи, еще чуть-чуть, и коснутся тускло блестящей стали штыка над плечом часового. Над рекой туман; противоположного берега не видно. Мост за КПП тонет в белой пелене.

Срываясь на бег, Воронина обогнал какой-то гражданский.

— Товарищ, пропустите, мне очень, очень надо! Мне давно пора туда, меня там ждут! Я осознал, я искупил! Я карантин прошёл... почти. Товарищ! Я...

Умоляющую скороговорку прервал глухой голос часового, поставил на мольбах жирную точку:

— Не положено.

Гражданский поник, отступил и растворился в тумане. Воронин шагнул вперед. Часовой повернул голову:

— Пропуск.

Воронин выдержал взгляд сверлящей тьмы из пустых глазниц. Твёрдым офицерским голосом сказал:

— Старший майор госбезопасности Воронин, по делу особой государственной важности.

Пропуска у него не было. Слишком долго получать, слишком трудно — а время не ждёт. Это там, за рекой, дней не считают. У Воронина каждая секунда на счету.

Два ромба в малиновых петлицах и синяя тулья фуражки часового не проняли: он и не такое видал.

— Не положено.

Воронину захотелось отойти от моста, раствориться, сгинуть среди теней. Словно пудовую гирю, он достал из кармана талисман. В неверном свете сумерек звезда на ладони казалась чёрной. Приказал, как приказывал солдатам в горящем городе с грозным названием:

— Пропустить!

Под будёновкой полыхнули угли. Звезда ответила багровым светом. Незримые ладони, отталкивавшие Воронина от моста, исчезли. Часовой отступил в сторону, взлетела к козырьку костлявая ладонь. Заскрипел, поднимаясь, шлагбаум. Воронин надвинул фуражку до бровей и ступил на мост, вбивая каблуки в потемневшие доски. Талисман оттягивал карман; приходилось придерживать. Другой рукой вёл по ржавым, облупившимся перилам. Голова кружилась, и Воронин боялся, что не дойдёт.

Где-то внизу, у опор, булькало и чавкало, будто огромная рыба билась в киселе. От чёрной воды поднимался пар. Воронин подошел к стене тумана, помедлил. Он знал — оглядываться нельзя, но всё-таки обернулся. Часовой стоял спиной — плащ-палатка, шишак будёновки, винтовка на плече — больше ничего не успел рассмотреть. В глаза точно молоком плеснули. Когда пелена спала, вокруг клубилась белёсая мгла.

Несколько шагов в никуда, и он на другой стороне. Короткий путь, хотя мост казался длинным, да и теперь Воронин не взялся бы судить, каков он на самом деле. Оставалось принять как факт — он на противоположном берегу. С виду никаких отличий, только у КПП ни души, и шлагбаум поднят.

За рекой дорога уходила круто вверх. Воронин поднялся на пригорок, не запыхавшись. Усталость вместе с жаждой и голодом осталась за рекой.

Сверху всё было как на ладони. Безжизненная равнина в тусклых оттенках заката. Чёрные скелеты деревь-

ев, подпирающие затянутое тучами небо. Воздух точно застыл — ни дуновения. Дорога серой лентой убегала куда-то вдаль. На границе земли и неба что-то темнело. Куриная слепота мешала разглядеть детали, но Воронин почувствовал: там город. Звезда в кармане дёрнулась, подтверждая — туда. Воронин зашагал вперёд. Перед ним и за ним по дороге тянулись неясные тени, размазанные кляксами силуэты людей. Ватную тишину пронизывал шёпот, но слов было не разобрать

Воронин и сам не заметил, как оказался в городе. Вроде бы ещё мгновение назад он шагал по дороге, до города идти и идти. Защипало в глазах, потекли слёзы. Он остановился протереть.

Когда зрение вернулось, вокруг возвышались дома. Тёмные многоэтажные громады нависали, подавляли. Небо всё так же мрачно, сумрак клубится между домами, по разбитым тротуарам снуют тени. Кто-то толкнул в плечо, выругался, не оглядываясь, и нырнул в пасть подъезда. Воронин пожал плечами и зашагал вперёд.

Одинаковые улицы сменяли друг друга. На перекрёстках в бочках горел огонь. Рядом толпились люди, опускали руки в глубину костра. Воронин подошёл, встал в круг, чуть коснулся багровых искр — но жара не почувствовал. Смело подался вперёд, глядя, как ладонь обтекает пламя. Больно не было — только лёгкое, приятное покалывание. Люди разговаривали каждый о своём, не глядя друг на друга, пляска огня скрывала лица.

— ...в ложку и на переплавку... Сольют, пфф — и нету...

— ...на строительство набирают, а там — год за два...

— ...а если жил как дерево, баобабом будешь тыщу лет...

— ...не те времена, раньше, говорят, за особые заслуги очередь быстрее двигалась...

Воронин тронул соседа за плечо:

— Извините, не подскажете — транспорт здесь ходит?

Чутьё подсказывало ему, что до цели ещё далеко, а времени не оставалось. На тёмных улицах не было ни

машин, ни повозок — но вдруг где-то ходят поезда или там дилижансы?

Сосед загоготал:

— Ты уже приехал, красавец!

— Отвечать! — рявкнул Воронин.

Талисман в кармане налился злой тяжестью.

— Слышь, ты чё, ты вощe? Совсем охмурел?

Сосед не закончил фразу. До этого он смотрел в огонь, но резкий, как удар хлыста, окрик Воронина заставил его повернуть голову. Взгляд мазнул по фуражке, сполз ниже, на нарукавный шеврон, — щит и меч. Рот широко распахнулся, округляясь для крика. Воронин коротко, без замаха, ткнул соседа кулаком в солнечное сплетение. Тот будто сдулся, стал плоским и сложился пополам.

Разговоры стихли, из мрака уставилось несколько пар глаз, в которых плясали отсветы огня.

— На окраине есть остановка, — нарушил молчание старик в драном пальто.

— Ты куда человека посылаешь? — охнул женский голос. — Не ходи туда!

— Человека?! — Старик расхохотался.

Воронин не стал слушать, чем закончится перебранка. Отступил, слился с сумерками. Перекрёсток остался позади.

Остановка была как остановка, будто её из-за реки перенесло. Бетонный козырёк, ржавая табличка на столбе. Даже аляповатое граффити присутствовало: «...ой жив!» Воронин усмехнулся: старомодно, нынче так не пишут. Над остановкой ровным светом горел фонарь, первый электрический фонарь, который Воронин увидел за рекой. Редкие прохожие обходили жёлтое пятно по широкой дуге. Стоило Воронину пересечь прочерченную на растрескавшемся асфальте линию терминатора, выйти на свет, как улица точно вымерла: ни души.

Долго скучать не пришлось. Автобус будто поджидал за углом — едва Воронин сел на лавочку, из-за поворота раздался шум. Надсадно завывая мотором, к остановке подкатил странный агрегат. Чадящий допотопный ав-

тобус, переделанный из грузовика. Левая фара светит ярче, лобовое стекло с правой стороны в паутине трещин. Скрипнули тормоза.

Воронин встал, отряхнул галифе, поправил ремень. Подошёл к автобусу. С непривычки завозился — не сразу сообразил, как открыть дверь. Взялся за ручку, нажал на кнопку, потянул на себя. Дверь со скрежетом распахнулась. Воронин открыл рот, чтобы спросить водителя, куда идет автобус, но слова замерли на губах: на водительском месте никого не было.

— Шо застыл, мов скеля непорушный? Лизь! — хохотнул кто-то из глубины салона.

Дважды приглашать не понадобилось. Пути назад не было, и Воронин одним прыжком взлетел в салон. Со стуком захлопнул за собой дверь. Пришлось дважды хлопнуть, пока щёлкнул замок — как в старом холодильнике.

Воронин повернулся лицом к салону. Под потолком горела тусклая лампочка в круглом плафоне. Но света хватило, чтобы разглядеть попутчиков. Двое в пиджаках. Один, с широкой, похожей на пельмень рожей запойного алкоголика и маленькими поросячьими глазками. Другой, с хитрой ухмылкой, под пиджаком — ворот вышиванки. Кроме них в автобусе были ещё люди. Тип в мантии, похожей на судейскую. Священник в расшитом золотом одеянии и с увенчанной крестом шапкой на голове. Невзрачный человек в кепке, с худощавым лицом. Громила в малиновом пиджаке с толстой цепью на шее. Плюгавый лысый интеллигент с бегающими глазами.

— Не стой, садись. А то так никуда не поедем, понимаешь, — разлепил губы запойный.

Воронин сел лицом к салону. Ему расхотелось поворачиваться спиной. Стоило ему сесть, как автобус, чихнув выхлопом, завёлся и поехал. За окнами потянулись однообразные дома.

— Не бойся, сын мой, — хорошо поставленным голосом сказал священник. — Поведай, куда путь держишь?

— С какой целью интересуетесь? — спросил Воронин.

Человек в кепке прищурился, цыкнул зубом. Сверкнула «фикса».

— А что тут непонятного? Всё совершенно понятно, — вкрадчивой скороговоркой зачастил интеллигент. — Человек на службе, да? Едет по своим делам. Ведь так?

— Чёто ищет, в натуре, — прогудел тип в малиновом пиджаке.

Собравшиеся обсуждали Воронина, как будто его в салоне не было.

— Приехал тут, в форме, понимаешь... Были у меня два генерала, что тот, что этот, тоже всё в форме ходили...

— Думаю, есть в том промысел Божий, поелику...

— Отнюдь, отнюдь... Это свободный выбор человека. Только свобода и демократия могут привести народ к процветанию. Я вас уверяю...

— Я ищу Чёрную Мельницу, — негромко бросил Воронин.

Повисла вакуумная тишина — только стучал мотор да поскрипывал корпус автобуса, подпрыгивая на ухабах. Попутчики таращили глаза.

Тип в вышиванке протянул руку и положил на бок крестик на шапке священника.

— Хулиган! — строго сказал священник, возвращая крест в вертикальное положение.

— Давно пора, — вдруг сказал молчавший до этого момента человек в мантии. — Порядка нет, закона. Хозяин всё приведёт в надлежащий вид. Клоуны на капитанском мостике до добра не доведут.

— Нэ трэба нам хазяив. Мы и сами хазяйнувать умеем! Хватит — попанували, теперь наша очередь!

— Вам волю дай — вы последний винт эскимосам продадите. За бочку вина. — Человек в мантии оскалился. — Только работающий Уголовный кодекс спасёт Родину. И массовые расстрелы...

— Все сие от отсутствия любви. Только искренняя любовь к ближнему и вера в Бога помогут преодолеть невзгоды!

За окном сверкнула молния. Вспышка ярко осветила салон. На мгновение Воронин увидел вместо человеческих лиц оскаленные звериные хари с горящими глазами. И руки-лапы, по локоть обагрённые кровью. Из всех попутчиков человеческий облик сохранил только «фиксатый». Он глумливо ухмыльнулся и подмигнул.

Улицы за окнами сменил индустриальный пейзаж. Дымили трубы заводов, сверкали огни сварки в окнах цехов. Тянулись цепочки людей с тачками. Мелькнул лозунг «...за три года». Автобус проехал мимо, и начало лозунга прочесть не удалось. Воронин знал — пока в кармане звезда, эти его не тронут. Он задремал; в полудрёме снова, как наяву, увидел широкое поле, залитое солнцем. Волнами колыхалась на ветру созревшая пшеница. Вздымая босыми пятками пыль, бежал по просёлочной дороге мальчик в красной рубахе. Пытливо заглянул Воронину в глаза...

— ...Мельница. Выходи, краснопёрый, твоя остановка, — проскрипел мальчик.

Воронин очнулся. Поле и мальчик исчезли. К нему склонился тип в кепке, скаля в ухмылке щербатый рот. Автобус стоял на развилке дорог. Города вокруг уже не было, к дороге вплотную подступал лес.

— Давай, а то загостишься!

Воронин дёрнул ручку двери, вылез. Туман клубился у обочины, будто призрачный след табачного дыма. Развилка, почерневший указатель без надписи. Воронин обернулся. Из-за запотевшего стекла смотрели лица, неразличимые, одинаковые. И не понять было, кто есть кто — священник, судья, уголовник, интеллигент или политик, — все стали на одно лицо.

Автобус обдал выхлопом без запаха и покатил прочь, раскачиваясь на ухабах. Повернул налево. Воронин зашагал направо. Деревья росли по краю разбитой колеи, смыкали над ней ветви, образуя туннель. Ни звука. Воронин слышал только собственные шаги и дыхание. Сонная тишина манила, звала сойти с тропы, прилечь под деревом в бархатную мглу. Он не поддавался, знал —

назад можно не выйти, лес только кажется мёртвым. Воронин вышел на середину дороги, чтобы оказаться как можно дальше от чёрных ветвей. Затянут, сомкнутся за спиной — и звезда не поможет.

Казавшаяся бесконечной дорога упёрлась в глухие ворота. Лес закончился — за высоким забором угадывался простор. Он подошёл к воротам, поискал звонок, не нашёл и что было сил ударил ногой в створку. Ворота возмущённо загудели. По лесу прокатился шелест — будто шёпот. Воронин усмехнулся — в эти ворота, наверное, давно никто так не стучал.

— Чё надо? — раздался сверху раздражённый голос.

— Я к хозяину! — крикнул Воронин.

Створки со скрипом распахнулись, вышел человек. Оглядел Воронина с ног до головы, скорчил рожу — похоже, хотел сплюнуть, но столкнулся с гостем взглядами и сдержался. Махнул рукой в сторону темневшего в отдалении строения. Услышав хлопанье крыльев, Воронин удивленно поднял голову: птицы? Здесь?! Над ним кружили вороны. Чёрные пятна с карканьем устремились к мельнице.

Приземистая каменная мельница, колесо высотой в три человеческих роста. Без устали плещет вода, скатываясь по лопаткам. За мельницей пруд, почти невидимый из-за лежащего низко тумана. Все в тумане, только петушок на шпиле островерхой крыши выглядывает.

Вороны спикировали, ударились оземь и обернулись крепкими парнями, одетыми в чёрное. Стали стеной — не проскочишь, не обойдёшь.

— Хозяина позовите, — бросил Воронин.

— Пропустите его, — негромко сказал кто-то за спинами.

Парни расступились, открыв невысокого пожилого мужчину. Морщинистое рябое лицо, густые усы с проседью, жёлтые тигриные глаза смотрят, не мигая. Воронин вздрогнул, хотя уже давно своё отбоялся.

Воронин не заметил, как оказался в доме. Вот он стоит перед хозяином и мямлит, как оробевший подросток

перед директором школы. А в следующее мгновение сидит в кресле, в камине потрескивает огонь, а по комнате плывёт аромат табака. В лишённом запахов мире это кружило голову. Хозяин сидел напротив и приминал большим пальцем табак в старой потемневшей трубке.

— Мы внимательно следим за тем, что происходит у вас. Есть мнение, что вы можете решить свои проблемы сами, товарищ Воронин.

Хозяин поднёс трубку к губам, затянулся, не отрывая взгляда от Воронина. Выпустил дым к потолку.

— Один человек не может изменить ход истории. Это под силу только партии. У вас есть партия, товарищ Воронин?

Воронин скривил рот в горькой усмешке. От камина потянуло холодом. Воронин опустил голову, не в силах выдержать взгляд хозяина — жёлтые угли во тьме. Внутри что-то лопнуло, робость растворил гнев. Он поднял голову и не сказал — прорычал, вколачивая каждое слово, как гвоздь:

— Партии нет. Одним не нужны ответы, поэтому они не задают вопросов. Никто не против — все за. Другие сидят и ждут, что вот, придут наши — и всё станет на свои места. Вор будет сидеть в тюрьме, а не в парламенте. Но наши не приходят... Нет никаких наших. И не будет — пока люди сидят по кухням.

Воронин замолчал. Как объяснить этому страшному человеку, во что превратилась страна? Как много расплодилось паразитов в коридорах власти. Как безнаказанно, как вольготно они себя чувствуют. А были времена, когда коридоры часто заканчивались стенкой. И кроме крыс в них встречались и люди.

Нахлынули воспоминания... Вспомнилось, как надрывалась, заходилась в крике рация на столе в штабной палатке: «Я — Калибр 10! Я — Калибр 10! Нас тут мочат... с трёх сторон, головы не поднять, не поднять... Ну вы думайте, мы все, на, погибнем! Это не просто так бубнёж, на! Надо: конкретная и быстрая помощь, на!»

Вспомнился серый человечек в штатском, похожий на крысу. Группа Воронина, шестеро «волкодавов», вокруг

буржуйки, ведь за матерчатой стенкой палатки — новогодняя ночь, мороз. В глазах — немой вопрос: «Когда, командир?! Наши там погибают, а мы сидим здесь!» И Воронин не может ничего им сказать — серенький человечек с нечеловеческими полномочиями запретил группе выход. Тогда у него появились первые седые волосы. А ведь ему не было и тридцати... Вспомнилась комната в общаге, которую он с огромным трудом выбил для себя и молодой жены. Туалет на этаже — один на пятьдесят душ, тараканы размером с палец...

— Вы не сможете занять этот пост, товарищ Воронин. Вы ещё не выросли из коротких штанишек.

Воронин усмехнулся:

— Незаменимых у нас нет.

Хозяин долго смотрел ему в глаза. Провёл ладонью по усам, кивнул и отвернулся, погрузившись в свои мысли. В комнате стало тепло. Воронин задремал. Опять привиделся мальчишка. Он строго посмотрел на него, рассмеялся: «Дядя, у тебя форма неправильная». Детская рука коснулась пиджака, и Воронин с удивлением обнаружил, что одет в старую военную форму, как в кино. Тронул звезду в кармане и вспомнил — и форму, и ведомство — даже звание. А мальчишка покатывался со смеху, глядя, как ощупывает себя взрослый дядя. А потом нахмурился и сказал: «Иди! Торопись, иначе наши не придут!»

Голос хозяина вырвал Воронина из объятий сна.

— Покажите, товарищ Воронин.

Воронин достал талисман, протянул хозяину. Тот не взял, только склонился, почти касаясь звезды. Талисман налился светом, по краям заплясали искорки. Вдруг стало очень тихо — шум жерновов за стеной как отрезало. Мельница замерла, точно прислушиваясь к происходящему.

— Кто вам это дал? — В тоне хозяина впервые прозвучало удивление. — Это же...

— Да есть один... литературный персонаж.

Хозяин иронически изогнул бровь. Воронин, криво улыбаясь, сказал:

— Представьте, как страшно быть персонажем книги, которую никто не читает? Раньше мечтали походить на главного героя. А теперь он никому не нужен — со своими идеями, принципами. Со своей военной тайной...

Хозяин отвёл взгляд и задумчиво посмотрел в огонь.

— Скажите честно, без утайки, товарищ Воронин: разве за таких людей стоило умирать?

Воронин пожал плечами. Они долго молчали, наконец хозяин поднял голову и сказал:

— Мы пойдем другим путем. Нам пора, скоро рассвет...

Воронин одернул гимнастёрку, провел пальцем вдоль ремня. Надел фуражку — два пальца от бровей. Они вышли на двор сквозь строй замерших в ожидании развязки работников. Воронин взглянул в сумеречное небо:

— Разве здесь бывает рассвет?

Хозяин достал коробку папирос. Протянул Воронину. Тот отказался:

— Не курю. Это вредно для здоровья...

Он достал горящую багровым светом звезду, которую ему вручил выдуманный мальчишка на нарисованной дороге, идущей через нарисованные поля. Положил в протянутую ладонь. Повернулся к замершим, точно изваяния, работникам и лениво сказал:

— Что встали, воронье? Солнце ещё... солнца не будет! За работу!

Раздался скрежет. Завертелось мельничное колесо, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Чёрная Мельница оживала. Работники кинулись в пристройку, потащили мешки, неутомимые, как муравьи. Воронин удовлетворённо кивнул: жизнь — колесо, а колесо всегда возвращается в исходную точку.

* * *

Солнце висело низко, оно только-только взошло и ещё не набрало огненной мощи. Луч скользнул по крепостным стенам из красного кирпича. Осветил разноцветные купола собора, погладил башню с часами. И, точ-

но приветствуя светило, башня отозвалась перезвоном. Ударили куранты. Бомм! Бомм! Разнеслось над площадью, отразилось от зиккурата и пронеслось над могилами у крепостной стены. На третьем этаже увенчанного зелёным куполом здания сидящий в кресле человек открыл глаза. Обвёл взглядом кабинет, увидел на стене портрет, усмехнулся. Рука похлопала пустой карман.

Человек нажал на кнопку.

— Да, господин президент, — отозвался селектор голосом референта.

— Товарищ, скажите, чтобы принесли трубку и папиросы...

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ

ОДИН ВЗГЛЯД НАЗАД

Доктор сцепил руки в замок и, положив их на столешницу, покрутил большими пальцами. Лет ему около сорока, высокий лоб, наступающий на остатки некогда черной шевелюры, густые черные, почти «брежневские» брови, узкие прямоугольные очки в оправе под золото, а ля пенсне Лаврентия Берии, крупный, с легкой горбинкой нос и пухлые «вкусные» губы в обрамлении аккуратных усов и бородки. Типичный такой психиатр. За бликующими голубыми огоньками стеклами очков я не мог видеть его глаз.

— Ну, что я могу сказать вам, любезнейший. — Он еще покрутил большими пальцами. — Сны ваши яркие, граничащие с галлюцинозом, но, как вы говорите, вы не отрываетесь от реальности?

Я кивнул.

— Нет, я все отлично понимаю, что ничего подобного со мной не происходило. Есть только ощущение дежавю, будто что-то было, а я не помню, когда и где. И очень

уж реально... особенно запахи... Первый раз я проснулся от сильнейшего запаха портянок, меня чуть не вырвало. А вчера запах перестоявшей дрожжевой закваски. Это не так мерзостно, как портянки, но удовольствия мало.

— А что еще вы помните?

Я прикрыл глаза.

— Вагон, теплушка, в углу печка-буржуйка, на полу вагона гниющая трава.

— Прелое сено?

— Да, верно, сено.

— Вы один в вагоне?

— Кажется, нет.

— Что еще помните?

— Очень сильно хочется есть. До спазмов и тошноты. — Я вспомнил это ощущение. — Да, голод и запах кислятины.

— Что вы сделали? — Доктор спрашивал спокойно, не форсируя интерес, но и не безразлично. Все интонации отработаны профессионализмом.

— Проснулся и пошел к холодильнику.

— Покушали?

— Нет, пока шел, голод исчез, какое-то время сохранялся запах прелого хлеба и соломы, но потом и они исчезли.

— Это все?

— Да.

— Ну, я не думаю, что вам стоит так волноваться. Вы, наверное, сильно устали за прошедший день?

— Можно сказать и так. — Я действительно ударно работал всю неделю. Спал по четыре часа. Но это мой обычный режим. Спать максимум шесть часов. Я работаю постоянно, даже во сне. Иногда просыпаюсь, а в мозгу готовые планы переговоров, логистика. Первый сон накатил на меня, когда я в рабочем кабинете присел на диван и на минуточку прикрыл глаза. «Минуточка» вышла в четыре часа и невероятной силы ощущения, что я сплю в грязном вагоне, в куче сопящих мужиков, и все пространство наполнял сокрушительный аромат сохну-

щих портянок. — Может быть, рекомендуете, что-нибудь попить? Я вот с вами разговариваю, а ощущение, будто я не мылся дня три, иногда запах черного хлеба буквально сводит с ума, так хочется ржаную горбушку.

Психиатр покачал головой. Очки блеснули.

— Давайте пока не будем. Если сон повторится и вы опять проснетесь в тревоге, приходите. Будем принимать меры. А пока давайте считать все происшедшее результатом переутомления.

Я поднялся.

— Сколько я должен?

— По тарифу, прошу в кассу. Медсестра вам выпишет чек на оплату. Первичный осмотр и вводная беседа — со скидкой, если понадобится курс лечения, уплаченная сумма войдет в его стоимость.

Я расплатился и ушел.

Не могу сказать, что консультация успокоила меня. Я решил «лечиться» проверенным способом — работой. Мне предстояла поездка в Великий Новгород. Можно взять билет на поезд, но я — автомобилист. Что такое 5 часов за рулем? Для меня — возможность отдохнуть и подумать о делах насущных.

* * *

Такой плотный туман, что не видно зданий. Под ногами снежно-глиняная каша. Из молочной взвеси выступает раскрошенный кирпичный остов церкви. Мимо меня движется густая черная масса, тяжелое дыхание сотен ртов, чавканье грязи, негромкое лязганье металла о металл. Я застегнул штаны и побежал, торопясь занять свое место в строю...

— Жека!!!

Я наподдал. Взвода уже не видно.

— Где мы?

— Станция Черный Дыр... — прошамкал кто-то рядом. — Чутка до Осташкина не докатили.

— Дярёвня! Осташкова! А там была Черный Дор! — Молодой голос доносился из тумана, а я узнал — Саша Левков... мы с ним скорешились уже. И спали рядом, когда объявляли привал, и пайком делились. Подумал о еде, и сразу заболело под ложечкой. В сидоре баранки оставались.

— Куда мы? — спросил я, догнав Левкова, сунул ему в руку баранку.

— Лейтеха сказал — на Марево. Полста верст с гаком. И все пехом! — Сашка умолк, занявшись окаменевшей сушкой. И вдруг изрек: — Шел Шаша по шоше и шашал шушку...

— А велик ли гак? — спросил кто-то из тумана.

— А еще полста! — хохотнул Сашка.

— Отставить разговорчики! — донесся грозный голос.

И тут кто-то сильно ударил меня в лоб.

* * *

Я очнулся оттого, что лбом шмякнулся об руль. Машина правыми колесами соскочила в кювет, и меня спас небольшой сугроб и то, что я ехал не быстро. Видно, нога соскользнула с педали, а коробка-автомат, поняв, что газ не нужен, постепенно замедляла ход. Я никогда не засыпал за рулем. Да я и не спал. Сон — не сон? Господи, да что ж это?

Перед капотом «крузера» стоял белый знак «Яжелбицы».

Что это было? В ушах стоял незнакомый и при этом знакомый молодой голос: «Дярёвня! Черный Дор!»

Рядом тормознул «КамАЗ»-самосвал, водитель высунулся по пояс.

— Помочь, командир?

— Помоги. — Я полез в бумажник.

— Уснул? — Водитель грузовика спрашивал без упрека.

— Вроде того, моргнул.

Водитель хохотнул.

— Бывает! Адреналинчику хлебни или красного бычка!

— Химия...

— Химия, — согласился водила, — но помогает. Главное, больше банки не пей.

— А то что? — спросил я, прицепляя трос к задней скобе.

— Не знаю, невестка — врачиха, говорит, больше нельзя.

Совет самосвальщика оказался дельным. Правда, сработало зелье только часа через два, когда я уже добрался до нужной конторы в Великом Новгороде. Мне не повезло, что приехал я аккурат к обеденному перерыву, и решил, не пропадать же часу, нашел вполне приличную харчевню «Ильмень» с традиционной русской кухней и чистенькими скатерками на деревянных массивных столах. После обеда я ощутил характерную релаксацию. В организме боролись истома, послеобеденный кайф и химические возбудители из черной банки. Возбудители держались насмерть. Я сидел, закрыв глазки. До встречи с респондентом оставалось полчаса, и я решил накидать план беседы и черновичок договора, точнее тезисы основных положений, которые, согласовав, уже вставим в типовой проект.

Я достал из папки чистый лист и принялся делать записи.

* * *

На двери кабинета психиатра висела та же табличка: «А.Г. Забатар». Он не удивился моему второму визиту.

— Присаживайтесь, рассказывайте. Что-то новое или опять сны?

Вместо ответа я положил перед ним лист.

Психиатр взял в руки и, сняв очки, чуть наклонив голову, принялся читать.

19.X-41г.

Добрый день дорогие родные!

Шлю вам пламенный армейский привет и желаю хорошей жизни. Мама я нахожусь в неизвестной мне местности. По-

пали мы сюда после 25-километрового похода и поселились в институти адрес которого я еще не узнал, т-к отправили нас ночью в снег так что многие не дошли.

Деньги с производства я получил мне причиталось еще 53 рубля, а компенсацию должен получить папа, т-к я может быть больше не попаду. Нам в взводе давали продовольствие, мясо, колбасу, хлеб, силетку[1]*, сыр так-что голодным не остаюсь. Деньги которые я получил, что их могу передать вам мне с ними делать нечего. Мама мне дали обмундирование, шинель, шапку, ватник, а брюки ватные я брать не стал, потому-что дают рваные. Хорошо, что папа дал мне носки, кружка твоя мне пригодилась и сахар. Мама передай папе чтобы он получил компенсацию, а то депо эвакуируется и не получить. Адреса я не посылаю, потому что неизвестно где буду.*

— Что это? — Психиатр прочитал письмо вслух.

— Этот текст написан мною, — сказал я, — в кафе «Ильмень» в Новгороде, пока я ждал окончания обеденного перерыва в нужной мне организации.

— Зачем?

Я пожал плечами.

— Я писал тезисы к договору. Я так думал. Если вы думаете, что я морочу вам голову и действительно не знаю, как писать слово «селедка» и «институте», что нужно ставить запятые после обращения и перед «где», «который», «как». А еще вот это... — Я на обороте листа написал: «Добрый день дорогие родные». Моим обычным почерком с правым наклоном и немного острыми буквами. От круглого, какого-то бабского почерка мои «бегущие» строчки сильно отличались. — Я не могу воспроизвести этот почерк. Никогда так не писал.

Доктор Забатар занервничал. Его выдали руки. Он еще раз взял листок с письмом.

— Девятнадцатое октября сорок первого. Что для вас значит эта дата?

---

[1] Сохранена орфография Евгения Ефимова.

— Ровным счетом ничего. Я о войне знаю не больше вас.

— Это все?

— Значимое — да. Впрочем, есть еще неприятный эпизод. Я отключился за рулем и чуть не свалился в кювет.

— Тоже был сон?

— Что-то вроде.

— И что на этот раз?

— Да ерунда какая-то... остановился оправиться, снег, грязь на дороге, руины какие-то, солдаты.

— А может быть, запомнили имена? Знакомая местность? — Психиатр встал и принялся ходить из угла в угол.

— Да, меня позвали — Жека.

— Жека? Это Женя? Но вас ведь зовут, — психиатр поднял карточку, — Андрей?

— Да... на Жеку это не похоже. Это что — шизофрения? Раздвоение личности?

— Ну что вы... пока ничего такого утверждать не могу. А вам знакомо это имя? Кто этот Женя?

— Ума не приложу. Среди моих знакомых мужчин Жень нет. Послушайте, это же бред какой-то, октябрь сорок первого, а то, что я видел — точно не октябрь, точно... — Я вдруг ясно увидел голые красные ветки с пушистыми шариками.

— Почему?

— Верба зацвела! Я ясно видел и помню вербу... это март как минимум!

Психиатр сел за стол. Он взял себя в руки.

— Я не имею оснований для утверждения, что ваш случай — шизофрения. Да, что-то наведенное в вашем сознании присутствует, я склонен предположить, что это результат переутомления и наложения забытого вами рассказа кого-то из родственников о войне. Может быть, в детстве?

— Я ничего такого не помню и вряд ли смогу помочь.

Психиатр Забатар покрутил большими пальцами.

— Если хотите, можно попробовать гипноз и вытащить из вас эту загадочную личность Женю. Хотите?

— А это не опасно?

— Не опаснее, чем сейчас, когда он прорывается спонтанно.

* * *

26/X-41

Добрый день или вечер родные.

Шлю вам красноармейский привет и желаю всего хорошего. Спешу сообщить что нахожусь в 40 км от Москвы в деревне Юрьево, что пока жив и здоров. Папа если можешь то приезжай ко мне я нахожусь по октябрьской дороге станция «Сходня» 6 километров от станции. Папа захвати с собой хлеба так-что здесь хлеба очень мало и вообще из питания очень плохо, после того как приехали сюда стало очень плохо на счет питания, хлеба здесь в деревне нет а надо ехать в Москву, а увольнения не дают та что сидим в крестьянских избах выходим на улицу только за продовольствием.

Пошли мы сюда 24/X-41 и 24/X-41 были на месте.

Когда пришли целый день ничего не давали у кого что было то тем и питался, но у меня было питания на 1 день, что все вышло. Приходится ходить в колхоз и просить в жжжж картофеля так что можно было сварить себе похлепку, там-же в колхозе продают кроликов которых тоже приходится варить и ими питаться. Но что даю здесь питания командование то через 2 или 3 дня и ноги носить не будешь.

Папа прошу приехать ко мне если будешь свободен. Если не можешь то пришли письмо как семья как Люся, Шура, Игорь и Юленька живы вы или нет. Мой адрес: Октябрьская ж.д. ст Сходня деревня Юрьево, 8 рота 3й взвод 1е отделение

Ефимов Е.И.

Можно ехать по Волоколамскому шоссе на деревню Митино а там тебе скажут, куда идти. Пока досвидания остаюсь ваш сын Женя.

Я перечитал письмо. Передо мной лежал еще один листок.

Добрый день.

Добрый день Мама, Папа, Люся, Шура, Игорь и Юля а дедушки длинный длинный, длинный привет. Мама посылку я получил. Мама прошу тебя приехать ко мне пока я стою здесь 15й дней. Если не можешь то пришли с этой женщиной письмо.

Мама если не можешь то может быть папа может приехать эта женщина покажет дорогу. Мама я слыхал, что ты приежала в «Чайку» но я был в наряде и ты не могла меня увидать теперь надеюсь встретимся с тобой и с папой.

Мама если можешь то захвати с собой белого хлеба так как здесь нам его не дают. Мама наверное ты сидишь без папирос и спичек приезжай я все достану.

Пока до скорого свидания

Женя.

— Я ничего не понимаю. Это я написал?

Забатар закурил. Руки его дрожали, когда прикуривал.

— Извините, можно? — Я кивнул. — Это он написал. Это его почерк.

— Кого? Кто этот человек? Мое второе «я»?

— Я не думаю. Это мальчик, думаю подросток, ему лет восемнадцать, может быть двадцать, и все время хочет есть. Для растущего организма это нормально. — Забатар раздавил окурок и потащил было новую сигарету из пачки, но остановился. — Вам точно ничего не говорят эти имена? Может быть, Митино, Юрьево? Что за «Чайка»?

Я в который раз пожал плечами. Митино — метро, район Москвы за кольцевой. Юрьево, наверное, где-то там же, недалеко от Сходни.

И тут я разозлился. Вся эта бредятина с голодным солдатом в 41 году под Москвой меня уже достала.

— Чего вы добиваетесь? Я не знаю никого, только одно имя мне знакомо — Юля, мою мать зовут Юлия. И что из этого следует?

— Пока — ничего.

— Вы можете избавить меня от этого Жени?

— Я постараюсь.

— Не надо! Пускай Мухтар старается, вы — профессионал? Дайте таблетку, чтоб он сдох наконец... я хочу спокойной жизни. Не просыпаться от вони портянок, от голода, и не бояться, что однажды врежусь в дерево из-за того, что этому Жене приспичило постучаться через мою голову в наше время. Я не могу его накормить... черт!

— Успокойтесь! — Забатар уперся руками в столешницу и смотрел в упор. — Хотите избавиться, дайте ему выговориться, он ведь не просто так пишет эти письма. Мы что-то уже знаем. Нет таблетки от чужих воспоминаний.

— Если это повторится, дорогой доктор, я приду к вам еще раз, но этот раз будет последним, потому что я набью вам морду. Как профессионалу. Или вы реально мне поможете, или ваши линзы в очках станут контактными.

Меня изрядно колотило. Нервишки.

— Ладно, — Забатар быстро начеркал рецепт, — в регистратуре поставьте печати, пейте 1 таблетку на ночь. Гарантий дать не могу, но хотя бы выспитесь — отдохнете. А на будущее хотите еще гипноз? Чем больше вы узнаете об этом Жене, тем вероятнее, что он скоро покинет вас.

* * *

Я поехал к маме. Ей уже за восемьдесят, перенесла инсульт, говорит, но плохо. Ехать расспрашивать, знает ли она Женю? Тяжко мне на сердце. Пока вел машину по московским пробкам, вдруг остро ощутил боль за этого паренька, который в каждом письме пишет: привезите еды! Что я знаю о войне. Началась в 41-м кончилась в 45-м. Наши победили. Подпустили немцев к Москве

и поморозили тут. Потом гнали до Берлина, неплохо им надрали жопу под Сталинградом и Курском... Ну, еще ветераны выходят с орденами на улицы 9 Мая. Я их уважаю. Иногда. А иногда ненавижу, когда трясут медальками и корочками и прутся везде без очереди. Вообще-то больше уважаю: даже наклейку на заднее стекло прилепил: «Спасибо деду за победу!» — а георгиевская ленточка на антенне уже истрепалась. Боль перешла в глухое раздражение, как всякий раз, когда я бессилен что-либо изменить.

Кто мне этот Женя? Видал бы я его... хочу спокойно спать. Хочу не думать о том, что меня не касается. У меня бизнес. Я оптовый поставщик продуктов в большую сеть магазинов. Не бедствую, кручусь как белка, а тут этот Женя... Да какого хрена? Раздражение навалилось внезапно. Не оставляло ощущение беспокойства. Будто я взял денег у кого-то и забыл отдать, точнее забыл, у кого взял... или нет, у кого ясно, а вот где этот кто-то и почему он так настойчиво просит отдать должок? Да хрен ему! Пошел он!..

И я, не отрывая руки от руля, правой достал первое письмо, написанное мной сегодня под гипнозом. Тот же круглый почерк. Сидят по избам, вояки, и выходят только за продовольствием! Нормально? Немцы в двух шагах от Москвы, а они еду ищут. Штаны ему рваные дали. Обиделся!

И вдруг меня будто мордой в перец. Зажгло все лицо, я вдавил педаль тормоза, потому что глаза заволокла пелена. Слезы сами собой потекли. А я как малое дитя сидел и вытирал их кулаками. Что со мной?! Сзади гудели, я сквозь вату слышал матюки. Да что со мной? Я с детства, с 15 лет не плакал. Сижу как дурак и истекаю слезами. Не могу вести машину.

Через пять минут отпустило. Я прижался к тротуару. Почему я поехал к маме? Я вдруг вспомнил, что у нее были брат и сестры: Игорь, Люся, Шура — мои тетки и дядька, они уже умерли все. Мама с ними не особен-

но дружила. Точнее, они с ней. Всякий раз, когда в моем детстве они встречались, расставались в дикой ссоре, припоминая друг другу все обиды. Так что у меня от этих родственников никаких позитивных воспоминаний не осталось.

* * *

Мама живет в своей двушке в Кунцеве. За ней ухаживает сиделка, тут я не жалею средств, мама — святое. И помыта, и накормлена, и два раза в месяц мы приезжаем всей семьей, детки мои морщатся, но бабушку целуют. Ритуал. Мама улыбается левой стороной. Сиделка — Нина, я ее выписал из небольшого городка Архангельской области — Вельска. Старательная и честная тетка. Она все деньги, что я выплачиваю два раза в месяц, отправляет родным в деревню. Сейчас в Москве учится ее старший внук. Иногда навещает бабушку, я не возражаю. С него уже слетел налет провинциальной чешуи. Говорит по-московски, а вот поведение сохранил тамошнее. Я улыбнулся. Смешной парень. «А от-чегой-то вы от-все запираете? Кто возьмет?» Я: «А у вас что, не запирают? А как воры?» — «Да на кой? Чего брать? Да и куда деть? Нет, у нас не запирают. Вона палка у двери стоит — хозяина дома нет. Никто и не входит». Я к ним приехал, ходил, открыв рот: страна непуганых идиотов. Да прут-то не оттого, что нужно, а оттого, что можно спереть и ничего не будет за это. Он пожал плечами: «Если взяли-то значит нужно... пущай...» Теперь научился следить за вещами, как лишился двух мобильников и куртки, сразу стал смотреть за вещами и комнату в общаге запирать. Дураков нужно учить. Если можно научить.

Дверь открыла Нина. Мама сидит в гостиной и смотрит телевизор.

— Привет, мамуль!

— Здрвуй... — Она кивнула, качнула левой рукой. — Все вряке?

— Все в порядке, мам. Нина, сделайте, пожалуйста чаю... — Нина удалилась на кухню.

— Мама, скажи, ты знаешь, кто такой Женя Ефимов?

Глаза от телевизора перешли на меня.

— Брт.

— Твой брат? Я о нем ничего не слышал. — Ее глаза увлажнились.

— Умр.

— Умер? Давно?

Кивнула.

— Пгип. Навне.

— Погиб на войне?

Кивнула.

Не могу видеть, когда мама плачет.

— Он мня бил.

— Бил?!

Она покачала головой.

— Любил, — вдруг произнесла очень ясно. — Тока он. Юнька... Юнечка. А птом ушел навну и не пшол.

— А почему я о нем ничего не знал?

Пожала левым плечом. Смотрит куда-то в себя.

— Яго поню... искали.

— Почему искали?

— Прпал. Бзвести.

Я сел напротив мамы. Она больше не плачет. А у меня ком в горле. Дядька, которого я не знал, рвется через меня к нам, живым.

— А что о нем известно?

Она левой рукой показала на комод.

— Орой!

Я выдвинул ящик.

— Бри абом.

Я взял альбом с фотографиями.

— Пакет.

Я нашел большой пакет, из него высыпались на стол пожелтевшие прямоугольнички на школьной разлинованной бумаге, я узнал круглый знакомый почерк.

Дядя Женя.

— Сколько ему было?

— Девнацать. — Я понял, девятнадцать. — Он за папу шол. Бронь бла.

У парня была бронь, отца призвали воевать, и он снял бронь и пошел на войну. На смерть. И сгинул. У меня вдруг заболела голова. До сих пор война меня не касалась никаким боком. Разве что одноклассник в 84-м погиб в Афганистане... Оплакали, простились, забыли. А тут война, которая ничем... оказалась вот она. Мой дядя погиб. Пропал без вести. И что ему теперь нужно? Почему я не могу спать?

Я нашел те письма, что сам же написал вчера и сегодня. А потом я нашел письмо от 11/XI-41, и меня уже не раздражал красноармейский привет. Я улыбнулся. Женя из ночного бреда обрел реальность, память. Почему я? Может быть, док Забатар ответит?

* * *

Увидев меня, психиатр отступил.

— Бить не будете?

— Не буду. — Я улыбнулся и положил пакет с письмами на стол. — Это мой дядя.

— Женя Ефимов?

— Да, Евгений Иванович Ефимов, 22 года рождения, токарь депо «Савеловское». В сентябре 1941-го призвали на военную службу его отца — машиниста Ивана Алексеевича, так парень снял с себя бронь и ушел вместо отца. В семье оставалось еще четыре младших сестры и брат. Самая младшая — моя мать.

— Что вам удалось узнать о нем еще? Сны продолжаются?

Я покачал головой.

— Нет, сегодня спал спокойно. Ничего не снилось.

Забатар принялся читать письма от Жени.

Я их уже все перечитал. Я до полуночи сидел в Интернете, изучая, что происходило в дни, когда Женя писал и отправлял свои письма. А для меня оживал девятнад-

цатилетний мальчик, которому пришлось уйти на фронт, чтоб в семье остался реальный кормилец — отец.

До февраля 42 года он был в Павшине и Тушине на тактической подготовке. Я понял, что парень попал в резерв ВГК, потому что с 16 октября (дня призыва) он до середины февраля в боях не участвовал. Выходит, и ополчение, и подвиг панфиловцев, и контрнаступление 5 декабря — все это прошло без его участия.

* * *

12/II-42 г.

Добрый день или вечер Мама, Папа, Люся, Шура, Игорь, Юленька и дедушка. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю наилучшей жизни, сообщаю что недавно проехал ст Савелово и прибыли на ст Кашино с которой я вам шлю письма. Мама пройдиной путь ехали благополучно. Мама отправились из Москвы 4-II-42г. В 14 30. стоянок не было ни где до самого Димитрова, проехал я Лианозово посмотрел на родную станцию на родные лиса где провел свое детство. Теперь остановить ясно что ездил на город Л. Мама меня папа проводил до последних часов моей отправки передай ему большое спасибо что он до последней минуты заботился обо мне. Мама проехал Лианозово глядя в окно товарного эшелона хотя в последний раз увидать свою родную станцию. Мама ты прости меня за все мои проказы совершенные в моей жизни. Мам я осознал все сколько нерв и здоровья потратила ты воспитывая нас в трудные минуты жизни. Мама но я иду на битву за тебя, за отца который меня воспитывал и дал мне руки ноги и голову я иду за младших братьев и сестер которых воспитывает отец. Я осознал все только тогда когда попал в армию. Но это все я прожил во сне. Теперь все близится час расплаты с фашистами я буду биться до последнего дыхания. Пока досвидания остаюсь ваш сын разведчик Женя.

Жду ответа

ППС 261 528 СП взвод пешей разведки.

Напишите Наде письмо и предайте ей привет.

15 февраля он уже пишет из Бологого. Шлет всем привет, все еще не в бою. Говорит, что кормят 2 раза в сутки и ему этого мало. Он извиняется и говорит, что, когда приедут на фронт, начнут кормить лучше.

24 февраля он уже в Новой Руссе. Начались бои.

... Мама пока я жив и здоров. Отдыхали в деревне после 2-х суточного боя... немцы крепко держались в деревне, которую мы занимаем. Мама это второе крещение, которое после войны если останусь жив будет памятью. Мама, Саша, ты его знаешь, был ранен и остался на поле боя и больше я его не видел. Мама, что пришлось мне пережить в эти дни я этого не представлял себе. Когда мы только приехали на ст Черный Дор то шли пешком 100 км которые шли 3-е суток. И ни чем не были обеспечены. То что было у меня баранок хлеба в течение суток я съел а потом был нисчем. Мама напиши как живете вы как Надя пишет ли она письма или нет? Пока досвидания остаюсь Женя.

Следом он пишет письмо сестре Надежде, которая уехала со своим КБ в эвакуацию в Свердловск. Он описывает тот же 2-суточный бой, но добавляет:*...мы заняли населенный пункт XXXXX в Ленинградской области* (?)*... фашисты оступая сжигают деревни уводя весь скот так что разоряю наших мирных жителей* (Этой фразы я не понял, может быть, разоряют?)...

И последнее письмо.

4/III-42г.

Добрый день Мамочка, Папочка, Люся, Шура, Игорь, Юленька и дедушка. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю наилучшей жизни Сообщаю что пока еще жив и здоров, прошел еще несколько боев через которые пришлось многим моим друзьям лечь в землю. Мама живу я пока в лесу, делаем шалаши из елок и разводим костер. Сейчас пишу из шалаша, в котором живу уже 3-е суток. Фронт находится в 1.5 километрах так что мины разрываются рядом свистят пули так что смерть получить очень просто.

Мама я не знаю останусь ли я жив после последнего боя который будет в ближайшее время. Мама если меня не будет то тебе напишет письмо Саша Левков я ему оставил адрес а он лежит в госпитале он знает обо всем что творится на фронте. Мама я получил от Нади 8 писем в один раз так был рад что сестра еще помнит своего брата. Пока досвидания остаюсь ваш сын, Л. (Этого я не понял.)

Головоломка сложилась. Остались три вопроса: как дядя Женя пролез в мою голову? Как мне отдать ему долг? И в чем этот долг состоит? Что ему нужно? Ведь не есть же он хочет? Молебен заказать? Денег нищим дать или нет, ветеранам? Что?!

Забатар положил последнее письмо.

— Вы знаете, я ведь тоже не сидел сложа руки. Вы понимаете, что хочет ваш дядя?

— Что может хотеть мертвый? Чтоб помнили?

— Ну и этого тоже, но мне кажется, чего-то еще. Я не вижу похоронки.

— А ее нет, — сказал я. — Он без вести пропал.

— А вот это серьезно. Вы видите — он разведчик. Я так думаю, его послали в тыл к немцам или через линию фронта и он не вернулся.

— Значит, погиб.

— Вот и не так. — Психиатр достал сигарету. — Вы не против? — Я махнул рукой.

— Курите.

— Так вот, пропасть без вести не лучше, чем попасть в плен. В общем, это одно и то же. Даже если он потом погиб, на нем остается пятно предателя. Нужно доказательство его честной смерти. А что означает честь, честное имя для мальчика в 42 году. Тогда все было не так, как сейчас. Вы представляете, его совесть все эти годы не успокоится. Вы верите в жизнь после смерти? Жизнь разума, если хотите — души?

— Я уже не знаю, что и думать. Во что верить? — Я действительно пребывал в смятении. Для меня дядя Женя

стал тем недостающим звеном, что прорастило в сердце осознание прошедшей шестьдесят лет назад войны. — Что я могу сделать для него? Найти могилу? Нанять экстрасенсов? Следопытов? Перекопать все леса в Ленинградской и Новгородской областях? Как мне вернуть долг?

Забатар положил передо мной бумажку.

— Вам не нужны экстрасенсы, вы сами имеете контакт с вашим дядей. Здесь институт мозга в Пущине, позвоните этому человеку, он как раз занимается подобными случаями.

— И что?

— Мне кажется, у вас может быть шанс самому выяснить все. Ведь одно дело тревожить дух усопших, совсем другое отозваться на зов с той стороны. Вы ничем не рискуете. Поезжайте.

— Это дорого?

— Не надо говорить о деньгах. Если спросят — заплатите, а пока не сказали — помалкивайте.

* * *

На голове массивный шлем, как корона с проводами. На ушах наушники времен войны, наверное; перед губами древняя, как телефон Белла, — гарнитура. Лаборант трещит переключателями, что-то гудит, шипит, трещит. Рядом неуловимо схожий с Забатаром спец по мозгу. Мятые халаты относительно белого цвета, запах канифоли и немного медикаментов.

Спец по мозгу остановился перед креслом.

— Вы слыхали о сомнологии?

— Впервые слышу это слово.

— Это наука о сне. Фрейд разделил сны от сновидений. Во всяком случае, в них нет ничего мистического. Однако есть теория, пока не доказанная, что наше сознание — часть общего сознания человечества — сохраняется и после смерти. Академик Вейн создал большую лабораторию, мы тут тоже немножко занимались сном. Особенно нас интересуют случаи, когда людям снятся

их умершие родственники. Очень хочется подтвердить теорию. Или как-то объяснить. Ваш случай редкий — увидеть во сне родственника, о существовании которого вы даже не подозревали. И когда коллега Забатар сообщил мне о ваших ярких сновидениях, я предложил попытаться вам помочь. Вы определились, что вы хотите?

— Я хочу знать, что он хочет?

— Кто? — Мозгоправ удивился.

— Женя, мой дядя. Погибший на войне. Я ведь вижу во сне все его глазами.

— А что может хотеть умерший? — повторил ученый мой же вопрос. — Я материалист. Все, что вы видите, порождено вашим мозгом, и я могу лишь сделать так, чтоб вы пообщались со своим же отражением — Женей. Поймите, это не ваш дядя. Это вы воплощенные в его памяти. А вот как она к вам попала, я не могу объяснить — пока. Пока не доказана теория единого сознания. Это уже удел трансцендентности. Впрочем, мы попробуем зацепить этот элемент психики вашей.

— То есть я увижу его?

— Вы нам расскажете, что и как увидите. Я не могу описать, как это будет. Сейчас я вам сделаю укол, вы будете часто и глубоко дышать, закружится голова, но вы не перестанете дышать, а потом... потом вы уже будете там. Вернетесь — расскажете. Готовы?

Я кивнул.

— Да. Я готов, даже если не вернусь.

* * *

Ефимов Евгений Иванович погиб 12 марта 1942 года в деревне Печище Маревского района Новгородской области. Был захвачен во время разведки и казнен фашистами через повешенье. Местными жителями захоронен близ д. Печище как неизвестный солдат вместе с другим разведчиком. В 60-х годах все могилы погибших в боях в этом районе были перезахоронены в братскую могилу близ деревни Мамоновщина.

— Андрюш, проснись!

Отец потряс меня за плечо. Я — сова. До трех ночи писал диплом. Это громко сказано — писал. Пока сочинял ядро — главную тему. Рука у отца жесткая, будто пассатижами защемил плечо. Я попытался выдернуться. Пустое дело. — Проснись, тебе письмо!

Я приоткрыл глаза. Под левой мышкой у отца зажаты «Красная звезда», «Правда», «Известия», а в руке обычный конвертик.

— Чево за письмо? — Я тупил.

— От Анны Савельевой из деревни Мамоновщина. Кстати, кто это?

Я затупил еще сильнее. А кто это? Че за деревня такая?

— Па, а кто это? — Я протер глаза кулаками.

Отец пожал плечами.

— Я думал — ты знаешь. Письмо — тебе. Видишь, написано: «Александрову Андрею Викторовичу». И адрес наш.

Я окончательно проснулся. Это еще что за незнакомые селяне?

— Хочешь, я прочту?

— Нет уж! — Не хватало еще, чтоб там было что-то вроде «помнишь стройотряд?». Сколько их тогда было Ань, Люб, Кать... Отцу не обязательно знать о моих приключениях. Я выдернул письмо и вскрыл. Отец продолжал стоять рядом. — Па, спасибо, я прочитаю.

— Ну мне же интересно! — Я аж поперхнулся от такого нахальства.

— Че тебе интересно? Письмо — мне!

Отец кивнул, сделал понимающие глаза, но с места не сдвинулся.

— Читай свои газеты! — Я нарочно не разворачивал тетрадный листик.

— Не груби отцу! — сказала мама из кухни. — Завтракать иди, все остыло!

Я ждал, зажав листок в руке. Отец сел в кресло в моей комнате и демонстративно, с хрустом, развернул «Правду». Я развернул лист и уставился в несколько строчек:

«Здравствуйте, Андрей Викторович. Пишет вам ветеран войны Савельева Анна Николаевна. Сообщаю Вам, что ваш родственник Ефимов Евгений погиб в марте 1942 года и похоронен не в братской могиле у д. Мамоновщина, как значится в архиве военкомата г. Демянска. Я покажу вам могилу, когда вы приедете. Приглашаю в любые выходные. 12 марта будет пятьдесят лет со дня его казни. Проезд поездом до г. Осташков, оттуда междугородним автобусом на Демянск, сойдете у поворота на д. Мамоновщина, а там 2 км пешком. Савельева А.Н. 1/III-91 г.».

Я перечитал десять строчек. Первый вопрос: кто это Женя Ефимов? Вопрос второй: при чем тут я?

«ДОБАВЬТЕ ПОПЕРЕЧНУЮ ИМПУЛЬСАЦИЮ НА ТАЛАМИЧЕСКУЮ ЗОНУ! УГОЛ АТАКИ КРУЧЕ! НЕ ДАВАЙТЕ ФАЗАМ СОВПАСТЬ!»

— Мам! — Отец всегда так обращается к моей маме. — Какая-то женщина написала, что знает, где могила Жени!

Мама появилась в дверях.

— А мне сказали, — она вытирала руки передником, — письмо из Демянского военкомата, что он захоронен в деревне Мамонтовка или как-то.

— Мамоновщина, — прочитал я адрес с конверта. — Так вот, некто Анна Савельева пишет почему-то мне, что знает, где похоронен Евгений Ефимов, но это не могила в Мамоновщине.

— А почему — тебе? — Мама взяла конверт и письмо. Я пожал плечами, а отец смотрел на нас поверх газеты «Правда». Мама прочитала письмо и поглядела на папу. — Отец, надо ехать.

— Может, подождем, пока подсохнет? Все-таки март на дворе. Там наверняка такая каша под колесами будет. Уверен, что за полвека дороги лучше не стали.

Я оживился. Про брата мамы Женю, который погиб, а точнее — пропал на войне, я ничего не знал. И вот определилось, что он казнен, погиб в 42 году где-то в новгородских лесах в краю Селигерских озер.

— Па, на «Ниве» пройдем. Давайте в эту субботу махнем? — Отец поглядел на маму, та пожала плечами.

— Езжайте, ты ж знаешь, у меня черная суббота. И поменяться не с кем.

— Не хочешь навестить могилу брата? — Отец не упускал возможности подцепить мамулю.

— Хочу! Но не могу вот так... — Мама всплеснула руками. — Очень хочу, но вот вы съездите, все разузнаете, а я с вами уже на 9 Мая и съезжу, поклонюсь Женечке, цветочков отвезу.

Я молчал. Не выспался, письмо черт знает откуда, сижу в трусах, и разговор какой-то непонятный. Будто сон не кончился, а перешел в какую-то полуреальность. Вот сейчас я рванусь, открою глаза и окажется, что спал. А мне все это приснилось.

«ОСЛАБЬ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ, ПУСКАЙ НЕМНОГО РАСТОРМОЗИТСЯ! ВИДИШЬ, СНОСИТ В ЗОНУ РЕЗОНАНСА».

Наша «Нива» катится на север по заснеженной дороге в объезд Осташкова. Я за рулем, отец — рядом, прикрыл глаза, и только когда на слишком уж жестких ухабах стукается головой о стойку, приоткрывает левый глаз.

— Не устал? — Я покачал головой. — Может, поведу? Давай я на грунтовке возьмусь?

— Ладно, за Селищем поменяемся.

Опять ощущение, что все происходит во сне, ирреальность, будто я сразу в двух местах. Только никак не пойму, где еще. Дежавю, я тут был? Нет, точно не бывал.

Боже мой... Дрын-дрын-дрын... стиральная доска. Рвеницы! Гнутище! Я откуда-то знаю эти места. Жестяная табличка с указателем — стрелкой: -> Мамоновщина 2 км. Вон она!

Надо быть полным кретином, чтобы поехать сюда в марте. Полный привод, пониженная передача и отключенный дифференциал. «Нива» прорвется. Уже полдень. После полудня. Дети в школу? Нет, уроки закончились. Мы с ревом и хряпом, плюясь глиной из-под колес, вполз-

заем в деревню. Краем колеи идут школьницы. Я подбираюсь к ним. Девчонки посторонились, чтоб глинистая вода со снегом не захлестнула резиновые сапоги. Одна поворачивается ко мне.

— Аня! — Это она! Глаза, губы... нет, та была бледная и слезы, а тут румянец во всю щеку, кровь с молоком.

«ДЕРЖИ ЧАСТОТУ! ОН СРЫВАЕТСЯ! НЕ ДАВАЙ ЕМУ УЙТИ ЗА ГРАНЬ».

— Вы меня знаете? — Девчонки замерли. Одна удивленно приоткрыла ротик. Я опустил стекло, хотел открыть дверь, но понял, что вылезать придется в гигантскую лужу.

— Ты похожа... — Я запнулся.

— Говорят, я похожа на бабушку. — Девушка Аня говорила без смущения, кокетства. Но девчонки-подружки хихикнули. Я вспомнил, что мне двадцать один и могу быть вполне в их вкусе.

— Да, именно, я ищу твою бабушку. Она мне письмо прислала.

— Вы — Александров? Андрей? — Осведомленность девушки удивила. Отец помалкивал, улыбаясь, предоставил мне отдуваться. А девушка почему-то покраснела и закрыла рот рукой.

— Да. А что удивительного?

Она нервно хихикнула. Подружки зашипели чего-то.

— Мы думали — вы старый. Бабушка говорила... — она поправилась, — говорит. То есть когда рассказывала про солдата Женю.

Мне стало неудобно разговаривать через окошко.

— Может быть, поговорим в доме? Пригласишь?

Девчонки подхватились: «Ой! Конечно! Пойдемте, мы покажем!» Они поскакали через лужи, а мы на малой передаче, рыча и плюясь грязью из-под зимней резины, поползли следом.

Большая изба — пятистенок. Двор, забор, сарай, кобелек хриплым лаем встретил нас. Аня погладила его. Заскулил, хвост как пропеллер. Косится на нас. Буркнул что-то.

— Да вы проходите в дом, — сказала Аня, прицепляя песика. — Он добрый, лает для виду. Бабушка скоро придет. Она утром поехала в Печище к тете. — Аня проворно накрывала на стол. А мы с отцом осматривали комнату. Скромное жилище. Если в сенях попахивало мышами, то здесь скорее травами и немножко пылью. Неуловимый запах пожилого человека. На стенах пожелтевшие фотографии, лампочка на витом шнуре под оранжевым абажуром с бахромой, белые х/б занавески с красными петухами — ручная вышивка. Все просто, не богато. Но от этой простоты защемило в сердце.

— Тетя Маруся старая, так бабушка к ней ездит — прибраться помочь, приготовить, да и просто поговорить. Зовет к себе, а баба Маруся не хочет, говорит, там родилась, войну пережила и помру там. — Аня отошла от стола и как-то странно сделала руками, вроде как пригласила к столу и поклонилась. Любопытный жест. Я его понял как «милости просим!».

— А что она про солдата Женю рассказывала? — спросил отец, присев к столу. Аня наливала ему чай в фарфоровую чашку.

— Вам покрепче? — Отец кивнул. — Да не много, она как начинает рассказывать — всегда плачет. Жалко ее. — Аня вдруг оживилась, побежала куда-то за занавеску и вернулась с красной коробочкой. — Вот! Это ее.

В коробочке лежал орден боевого Красного Знамени.

— Она воевала?

— Партизанила. Тут было много партизан. А этот орден ей дали в пятнадцать лет, она целую армию наших солдат через болота провела, и они немцам прямо в тыл ударили! А потом еще она тоже водила из окружения, но уже поменьше. Ей этот орден после войны дали. — Под орденом оказалась желтая вырезка из газеты: «Награда юной партизанке». Аня возбужденно рассказывала: — А про бабушку хотели рассказ писать — из серии «Пионеры-герои», даже писатель приезжал, расспраши-

вал. Баба Аня ему много рассказывала. И про вашего Женю. — Аня пожала плечиками. — Может быть, вам молока налить? Парное! У моей мамы корова, так молоко утрешнее, хотите?

— А дедушка где же? — перевел тему отец.

— Ой! — Аня по-бабьи махнула рукой. — Сбег он. На целину. Я его и не помню. Только фотокарточки видела. Баба Аня говорила, что поехал лучшей жизни искать и пропал.

— В пятьдесят седьмом, — негромко сказал отец. — Немудрено, что ты его не помнишь.

Я произвел в голове несложные расчеты. В 42—43-м бабе Ане — 15 лет, в 57-м — 29, взрослая женщина, и сейчас ей не так уж много, около семидесяти. Ездит тетке помогать.

— Да вы ешьте, пейте. — Я взял краюху, зачерпнул из масленки янтарного масла. — Это наше масло, не магазинное.

— А ты в каком классе? — спросил я.

— В девятом! У нас десятилетка. Большая деревня. — Аня вдруг покраснела. Чего-то застыдилась. — Я в техникум буду поступать, — сказала вдруг, — в Твери.

Я невольно улыбнулся. Тщательно скрываемый комплекс все-таки прорвался. Отец опять решил сменить тему.

— Так что же бабушка про Женю рассказывала?

Аня отнесла орден и присела к столу.

— Я без подробностей расскажу, ладно? А то... — Она как-то нервно сглотнула.

— Расскажи, как можешь. — Я жевал бутерброд с маслом и запивал крепким чаем из большой кружки с отбитой ручкой. На дне никак не мог раствориться кусок рафинада.

— Бабушке было тогда как мне — пятнадцать. Это весной сорок второго, она тоже была в Печище — у тети Маруси. Немцы их сгоняли на работу. Укрепления строили, землянки. Солдат наших много там погибло. Немцы были злые очень. Если раненого находили или развед-

чика — сразу стреляли. А один раненый во двор заполз, так всех повесили, кто в доме жил, и взрослых и детей. Я представить себе такого не могу. — Аня рассказывала как-то спокойно.

— И не надо представлять, — хрипло сказал отец. У меня тоже горло перехватило. — Фашисты — они и есть фашисты. Звери. Ты — про Женю...

— Ну вот. Женя ваш, он разведчик, их там схватили троих, а одного отпустили. Женя говорил — он выдал их. Привел прямо в засаду. Так предателя того расстрелял командир. Бабушка точно знает. — Я улыбнулся. Снова накатило ощущение раздвоения, да этот солдатик мне не нравился. Все время шептал нервно...

«ДИСПЕРСИЯ! СТАБИЛИЗИРУЙ КАНАЛ! СРЫВАЕТСЯ ПО СРЕДНИМ ЧАСТОТАМ! ПОДКЛЮЧИ ФАЗОВРАЩАТЕЛЬ...»

— Значит, их предали?

— Да. Бабушка говорит, что их пытали, а потом Женю вывели и кинули у сарая. А пока с другим занимались, она хотела ему помочь, руки развязать. А там проволокой было так скручено. Женя ей говорил. Бабушка говорит — бредил. Так все несвязно. Шептал.

— Она запомнила?

— Ну да. Вот адрес ваш шептал. Бабушка наизусть запомнила: «Москва, улица Кунцевская, дом один, квартира двадцать три. Александрову Андрею Викторовичу». Только он почему-то сказал ей написать письмо в девяносто первом году. Наверное, умом тронулся.

— Как видишь — нет. В своем уме был, — сказал отец хмуро. — Откуда он только узнал? Мы эту квартиру в 86-м получили. Ты что-нибудь понимаешь? — Я пожал плечами и покачал головой. — Мистика!

— Вот и бабушка не верила. Она три раза посылала письма, и три раза они возвращались — адресат не значится. А вот сейчас вы приехали. Значит, все правильно?

— А что он еще шептал? Что бабушка рассказывала?

— Ой! Что шептал — не знаю, бабушка больше ничего не говорила. Сказала, что ей в НКВД велели молчать.

А вот потом их повесили. Бабушка поглядела, куда их немцы закопали, и они с теткой ночью перенесли к ней в огород и там захоронили. Вот.

— Значит, его могила в Печище?

— Ну да. Только она не оформлена как могила. Бабушка сказала, если не найдет вас, перезахоронит уж. А вы вот — нашлись!

Во дворе загромыхало, ухнуло. Истошно-радостно залаял пес. Застонал в рыданиях, торопясь рассказать все новости на собачьем языке.

— А вот и бабушка! — Аня сорвалась и выскочила в сени. — А у нас гости! — весело объявила она. — Из Москвы!

«ДЕРЖИ КАНАЛ! СРЫВАЕТСЯ! ПРИЖМИ СРЕДНИЕ ЧАСТОТЫ...»

Еще совсем не старая женщина вошла в комнату, всунула ноги в обрезанные валенки с подшитыми кожей задниками. Присела на лавку у самой двери и устало поглядела на нас.

— Все, значит, правильно? Ну — здравствуйте, гости дорогие. И кто из вас Александров Андрей? — Она поглядела на отца. — Вы? Больно молоды. Он говорил — товарищ его.

— Александровы мы оба, — сказал отец. — Я — Виктор, а он мой сын — Андрей.

Женщина дернула рукой, словно сомневаясь, но довела крестное знамение.

— Вот как, стало быть? Чудны дела твои, Господи! Я уж не знаю, что и подумать. — Она вдруг вспомнила про жадно глядящую на нее внучку. — Чего уставилась, егоза! Уроки марш делать! Накормила гостей? — Аня истово кивнула. — Молодец! Вот что, вот тебе пятерик — сбегай-ка в сельмаг, возьми бутылочку.

Девочка схватила деньги и пулей вылетела за дверь.

— А ей дадут?

— Расскажет, что у меня за гости. Дадут, да вы располагайтесь. Разговор долгий.

— Мы за рулем, — сказал я. — Нам еще ехать домой.

— Завтра поедете, — сказала женщина так, что спорить с ней, мы поняли, бессмысленно. — Вот что, дорогие мои. Не знаю уж, чему верить, но коль вы — тут, значит, он не бредил. Много чего говорил. Но главное — вот что: «Надежде — сестре отправил последнее письмо. Скажи Андрею, чтобы забрал. Там про него. Восьмого марта отправил. Выходной». Я тогда не поняла его. Выходным-то восьмое марта стало уж после войны. А это он, значит, чтоб вы поверили, что правду говорит. Откровение ему было перед смертью. Я так понимаю теперь. А тогда что ж? Вот вы понимаете: «Трехпалый Борис развалит союз»? Что это значит?

Я пожал плечами. Отец помрачнел.

— Так и сказал?

— Да. Трехпалый Борис. Это кто? Вы понимаете?

Отец промолчал.

Прилетела Анюта, за пазухой поллитровочка-бескозырка — белая головка.

— Валька не хотела давать, говорит, «соплями не вышла». А я ей рассказала, что люди у нас из Москвы... так дала. Сказала, что придет.

— Ну вот, гости дорогие, кто ж вас теперь отпустит? — Женщина улыбнулась. — Вся деревня придет.

— Зачем? — не понял я.

— Все правильно, — сказал отец. — Мы остаемся. На могилу завтра поедем.

Кажется, они с Анной отлично поняли друг друга.

«РЕЗОНАНС НА АЛКОГОЛЬ! НИВЕЛИРУЙТЕ, ЕЩЕ! РЕЗОНАНСА НАМ ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЛО!»

Анна Савельева правду сказала. Народу набилось — человек двадцать или тридцать. Кто не мог сидеть — стоял. Рассказывали о войне, плакали, пили не чокаясь, принесли еще... я отключился после третьего стакана фронтовых 100 граммов. Запомнил только две граненые стопочки, накрытые черными горбушками, и две свечечки желтенькие, вставленные в плошку с перловой кашей. Свечки, треща, горели, воск стекал в кашу. Потом пели, протяжно, грустно...

Давно я не был у тети Нади. Сестра моей мамы, сестра дяди Жени. Ей он написал последнее письмо. Только я был уверен, что последнее письмо он писал 4 марта, а не восьмого.

Разговор с теткой Надей получился сложный. Упреки, что все племянники ее забыли. Что родная сестра знать не хочет. Под такой соус говорить, что приехал за письмом, значит нарваться на фигулю. Я выбрал тактику примирения и рассказал, что нашли могилу дяди Жени. Эта новость тетю Надю пробудила от обид. Она заинтересовалась. Потом ударилась в воспоминания. С ее слов выходило, что Женя пошел добровольцем вместо отца — деда моего Ивана Алексеевича. Я осторожно подвел тетку к последнему письму.

— Тетя Надя, вот какая ерунда выходит, у мамы хранятся его письма, так последнее от четвертого марта сорок второго, а Анна Савельева говорит, будто Женя ей сказал, что последнее отправил вам восьмого. Вы его получили?

Наступила долгая пауза. Тетка вышла на кухню, вернулась с «Беломором» и пепельницей. Курила молча, потом сказала:

— Глупость какая-то. Я тогда подумала, что он заболел. Умом повредился. Как это цензура пропустила?

— А что там такого?

Она пожала плечами. На мундштуке беломорины отпечаталась помада. Тетка двумя пальцами правой руки держала папиросу. Едучий дым щипал глаза.

— Я не знаю. Я вообще думаю, что писал не он и не мне. Но сохранила этот бред.

— Я могу взглянуть? — Я внутренне напрягся. — Анна Савельева уверена, что перед казнью на дядю Женю сошло откровение и он много чего непонятного наговорил.

Она замяла беломорину в пепельнице, поднялась и вышла в спальню. Вернулась, держа в руке желтый листок. И снова у меня пошло двоение в глазах, будто через стекла смотрю. Через теткину фигуру просветилось что-то странное и исчезло. Крепкая трава у тетки...

«ДИСПЕРСИЯ! СВЕДИТЕ КАНАЛЫ! УБИРАЙТЕ ВТОРУЮ ВОЛНУ»

Пламенный красноармейский привет!

Здравствуй, дорогая моя сестра Наденька! Не удивляйся, что рука не моя. Я чистил тут оружие и немного порезался. А завтра, наверное, пойдем в бой. Так что письмо пишет мой боевой товарищ Александров Андрей. Ты не волнуйся, воевать эта пустяшная рана мне не помешает. Ель тут надо мной огромная, знаешь Цинандали вспомнил, как пили, а ты помнишь? Серега — Предатель, напился и Развалился под ногами учителя, да как захрапит на Всю страну! Когда вернешься в Москву, тебя найдет Андрей Александров, расскажет, где я, да как... Передавай привет Боре Березовскому, Чубику — зазнайке, как вспомню его огненную шевелюру смех разбирает. Все, тут не айс, но мы держимся, немцев бьем, их обязательно нужно всех убить, но если этого не сделать, расстреляют из танков. В октябре у тебя день рождения? Могу не успеть.

Да, чуть не забыл, они осенью собираются у Толика на Пятницкой, там их всех можно найти. Андрюху Козырева и Гусь будет, и Лис. Обнимаю, тетка (зачеркнуто), прости, сестренка! Надеюсь свидемся, если вернусь — забиру.

Наденька, сбереги это письмо, если я не вернусь. Наследникам отдашь. Твой верный брат — Женя-туннельный диод.

8/III-42г.

Меня прошиб холодный пот, когда дочитал до конца. Тоннельный диод — это мое студенческое прозвище, за худобу и тему курсовых.

Почерк — мой. Это я писал. Я... С ума сойти!

«РЕЗОНАНС! ДАВАЙТЕ ВЫВОДИТЬ! НА СЧЕТ ТРИ...»

Я открыл глаза. Теплый ветерок из кондиционера ласкал волосы и взмокшее лицо. Кто-то осторожно снял с головы шлем. Увесистая штука, похожие на дреды антенны. Полумрак.

— Андрей Викторович! Вы в порядке? — Ассистент Юра по прозвищу Юро Кей — в своем репертуаре. Заразная это штука — американские боевики. Я никак не отойду от ощущения, что нахожусь в другом месте. Должен находиться. И оборудование кругом слишком современное. Ощущение, что садился в более старое кресло и шлем был с толстым шлейфом проводов. Впрочем, ощущение, похожее на дежавю. Будто после очень яркого сна.

— Юр, а чего-то я периодически слыхал какие-то команды — фразы?

— Какие фразы, Андрей Викторович?

— Дисперсия! Резонанс! Сдвиньте частоту! Ты с кем тут?

Юра вытаращился на меня.

— Андрей Викторович! Я тут один, и я молчал. Да и чего говорить, вы ж сами настраивали блок ФАПЧ, чего мне вмешиваться? Вот, все записано, протокол в отдельном файле. Время эксперимента — час двадцать три минуты. Все параметры в норме, давление, пульс, КГР, дыхание. Было пару раз отклонение — то сердечко зачастит, то дыхание. А в целом все о'кей. Так вы в порядке?

— Абсолютно. Видно крепко я поспал. Значит, мне приснилось.

— А что снилось?

— Да так, сумбур всякий. То война, то мирное время. Отца видел во сне, маму. Дядьку — на войне погибшего.

— На какой войне? Афганской?

— На Великой Отечественной.

— Ого!!! — Юра болтал, но дела делал. Сложил распечатку протокола, прошил степлером. — Ну и как там?

— Страшно. И жестоко. — Я открыл холодильник и достал бутылочку газировки. — Юр, ты иди, я еще посижу. Нужно подумать, обмозговать все. Отчет опять же написать. Вот что, Юр, пока не ушел, поройся-ка в Сети, найди мне там двух человек, любые сведения. — Юра сделал стойку. — Путин Владимир Владимирович и Медведев Дмитрий Анатольевич.

— А кто это?

— Если б я знал, наверное, не просил бы поискать материалы. Все, что в открытом доступе.

— Хорошо, Андрей Викторович. Это срочно?

— Ну, вот сделаешь — и дуй домой. — Юра ушел к себе.

Сон, вызванный экспериментом, — необычайно яркий, сочный, смесь реальных воспоминаний и ощущения ирреальности — сна во сне. Чья-то чужая и в то же время моя биография. Я — не я. И рубеж — осень девяносто третьего. Да это год, когда я остался без отца. Год трагический, тяжелый, но там — в той жизни из моего сна — это год фатального перелома в жизни, когда я не мог найти работу, когда мы остались без денег и пришлось бросить аспирантуру, а начались шоп-туры, челночество, рынки и контейнеры, крыши и откаты. Деньги, деньги, я ни о чем не мог думать, кроме денег. Я просыпался с мыслями о деньгах, что заработаю за день, и засыпал с мыслями, что чего-то кому-то должен. Это страшно. Ни на мгновение не расслабиться. Не отвлечься. Да, я неплохо раскрутился. Но я жил без друзей, потому что бизнес не терпит доверия, а дружить и не доверять нельзя. Знакомые, приятели, собутыльники, дистанция и мера доверия. Выплыла из памяти сценка из комедии Гайдая «Деловые люди»: Акула Додсон — и фраза «Боливар не выдержит двоих!». Да. Бизнес, настоящий бизнес — это всегда удел одиночек, умеющих сколотить под собой команду, систему...

Я открыл глаза и выдохнул. Ощущение, будто я вывалялся в помойной яме. Господи, неужели действительно есть реальность, где люди ни о чем не могут больше думать? Где все на свете решают только деньги?

Да, в марте мы с отцом ездили в деревню и нашли могилу дяди Жени. Да, тетка отдала мне странное последнее письмо, и я ломал над ним голову, а потом отец забрал листочек и оно забылось, как забываются странные события, ответа на которые найти не можешь. А дел накапливается столько, что думать о всякой несуществен-

ной информации уже некогда. Был только один разговор с отцом: «Почему письмо подписано тобой?» — спросил он. Мне нечего было сказать. Да и что можно было объяснить? Совпадение? Я пошутил: «Послание из будущего? Почему так сложно?» Отец задумался. Бывший военный летчик, штурмовик, полковник авиации, после ранения ушедший в отставку. Во время ГКЧП в августе девяносто первого он был в Белом доме, а у меня начиналась дипломная практика в Зеленограде, и когда я рванулся на площадь Восстания с ним, он жестко сказал: «Хватит меня одного в этой мышеловке, занимайся дипломом!» С того времени он все время был рядом с Руцким. До самой смерти.

Состояние двойного сознания сохранялось. Танки в ряд на мосту перед Белым домом. Этого не было! Не было! Верховный совет принял решение об отставке президента Ельцина и передаче власти на остаток срока вице-президенту. Александр Владимирович доработал срок, потом еще четыре года и передал правление новому президенту Глазьеву, а я в то время уже получил лабораторию в НИИ микроэлектроники. Сказывалось знакомство и покровительство Руцкого. Он нас не забывал. Я, кстати, так и не узнал, как погиб отец. Александр Владимирович пригласил меня через месяц после похорон и вручил орден, которым наградили посмертно, — «За заслуги перед отечеством 1 степени». А когда я спросил, за какие, он грустно улыбнулся в усы и сказал: «Это секрет».

Все... все. Не хочу я знать чужих воспоминаний. Не реальность, а какой-то апокалипсис. Словно последний укол — черный вторник августа девяносто восьмого! «Больше трех машин в одни руки не отпускаем!» Смешно.

Мама парализована! Я потряс головой. Нет... я только утром с ней говорил. Старенькая она, конечно, но сохранная. Жена и дочки за ней присматривают. Приходилось сделать огромное усилие, чтобы придавить ощущение двойственности. Путин — премьер, Мед-

ведев — президент России. Кто эти люди? Откуда они вдруг взялись?

Стойкая цепочка альтернативой истории, которую я вынес из погружения в собственное сознание. Моя лаборатория занимается созданием систем связи, и новейшие разработки — это трансцендентное поле. Мы взяли термин психологов, хотя ничего такого запредельного делать не планировали. Всего-то и нужно — мысли оформить в символы и образы обработать и передать по мобильной сети в аналогичный прибор, который выведет все на обычный дисплей. Сегодняшний эксперимент должен был показать образы моего сознания. А самые яркие образы получаются во сне. В качестве инициации сна взяли стандартную аппаратуру для наркоза — электросон, а потом просто стабилизировали порядок образов с помощью блока фазовой автоподстройки частоты.

Я вспомнил письмо из моего сна, последнее письмо Жени Ефимова — там упоминались Березовский, Чубайс, Козырев, Гусинский, Лисовский, но все знают, что они погибли в результате страшной катастрофы в октябре 1993-го, когда в дом, где они проводили ночное заседание, врезался бензовоз. Сгорели даже кирпичи. Опознать не удалось никого. Официальная версия — пьяный водитель заснул за рулем. Несчастный случай. Я пожал плечами. Вот уж бред, будто они подтолкнули первого президента пойти на преступление против своей страны. Одно он совершил — подписал Беловежское соглашение, когда распался СССР, народ этого ему не простил. Всей власти хватило на три года. Что-то было об этом во сне... что? Забыл.

Вошел Юра.

— Андрей Викторович. По Путину — тухляк, ничего. Будто и нет человека. А Медведев — декан экономического факультета СПГУ, пишут, что станет ректором. Активный блогер в Твиттере. Пишет обо всем как из пулемета, от сколько раз в день ест до случки его кота Дорофея с какой-то Муськой Кастанеда из Испании. Редкая порода. Я еще нужен?

Я покачал головой.

— Иди.

Рабочий день окончен... Я смотрел на экран монитора, там мельтешит график частотных зависимостей. Сдвинь я диапазон, и, может быть, не было б этого сна... глупость какая-то снится. Завтра нужно будет поработать на других частотах.

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ

Я дриммейкер, и этим все сказано. Обожаю свою работу, а «Фрэнд» беззаветно любит деньги — на чем и сходимся.

Тяну по глотку кофе, настраиваюсь на процесс, пялюсь в окно. С двадцатого этажа море кажется бесконечным. Как Сеть. Только плавать я не умею, хоть и прожила всю жизнь в Одессе, зато в Сети ориентируюсь с закрытыми глазами. И любого за собой туда утяну. Здесь мои жалкие сорок восемь килограмм и двадцать три года не помеха — никто слабачкой не назовет. Если я, конечно, этого не захочу.

Поглядываю за стеклянную стену — отгороженный на ячейки рабочих мест офис пустует, лишь пара блогеров таращится в экраны. Еще слишком рано. Мы, трое дриммейкеров, сидим в отдельном кабинете — американские боссы делают на нас большие ставки.

Падаю в кресло, с панели на подлокотнике подключаюсь к программе, передо мной зависает 3D экран. Для украинских компаний такая техника — роскошь. А «Фрэнд» на то и зовется другом, чтоб не давать дриммейкерам повода отвлекаться на врагов. То бишь конкурентов.

Врубаю «Металлику» и под мощный вокал Хетфилда в наушниках —*... so close no matter how far...*[1] — открываю

[1] *Ты так близко, и расстояние ничего не значит.*

новый профиль. Приложение «Шпион» выдает бегущей строкой инфу о клиенте, на заднем фоне фотка. Умные глаза, упрямо сжатые губы. Ник — Ланцелот. Живой Журнал, Фэйсбук, Вконтакте — данных достаточно.

Ну что, благородный рыцарь, посмотрим, кто кого?

Пробегаю глазами показатели потенциалов. Интеллектуальный и эмоциональный заряд выше среднего, уровень врожденного запаса энергии по данным системы максимальный. Есть чем поживиться! К тому же порог альтруизма очень низок — дорогуша Ланцелот, как заведено у рыцарей, спешит всех защищать. Итого: донорская категория «А». Мой клиент!

Для категорий пониже есть клерки — «Фрэнд» подключается к их работе автоматически, без ведома самого блогера. Те думают, что ведут формально независимый корпоративный блог. Так надежнее.

Тихо подпеваю: *Trust I seek and I find in you...* [1] В голову бьет адреналин. Как я люблю охотиться!

Выбираю цифровую личность — в каталоге «Фрэнда» их тысячи. Нашла! Буду скандальной Интеллектуалкой под ником Астарта. Ланцелот и демоница похоти в одной связке — то, что надо! Гвиневра тоже была не святая.

Логинюсь, отмечаюсь в комментариях к постам моего рыцаря — хвалю. Это работает безотказно. Завязывается беседа, и, конечно, у нас совпадают вкусы, хобби, привычки. Я хорошо изучила «шпионскую» инфу: данные домашнего компа, последние запросы поисковиков, отправленные, полученные файлы. Надо дать Ланцелоту «прочувствовать» себя. Охотно делюсь мелочами из жизни Астарты — как спала, что ела на завтрак, где нашла бездомного котенка — это делает меня живой и близкой. Как бы вскользь жалуюсь на одиночество и недооцененность моей тонкой души. Милашка Ланцелот заинтриго-

---

[1] *Я искал веру, и я нашел ее в тебе.*

Здесь и далее приведены слова группы «Metallica» из песни «Nothing Else Matters».

ван — уже в третьем сообщении пишет, что опаздывает на работу, но отвечает моментально.

Я улыбаюсь, делаю музыку громче, удовлетворенно откидываюсь на спинку кресла.

— Р-рита! — Голос врезается фальшивой нотой в любимую песню.

Оборачиваюсь — Вальковский. Стоит, ждет, стервятник. Двухметровая дылда, глаза блеклые, волосы мышиного цвета — в хвост. Официально Костя — администратор безопасности сети «Фрэнда», а на деле — стукач. Если кто-то из дриммейкеров задумает слить инфу об истинных целях компании или исхитрится стащить наловленный в Сети потенциал, это будет на совести Кости. И он бдит, особенно меня, — не верит, что пацанка с синим хаером может не только гонять на горном байке, но и раскрутить любого клиента на энергию. От биг-босса до помешанной на Коэльо домохозяйки. Стервятник из перьев вон лезет, пытается раскусить мой шахер-махер. Но я честная девушка. И вы ж помните — сорок восемь килограмм, — кусать там нечего.

Снимаю наушники. Молчу.

— Кофе хочешь?

Удивленно хмыкаю. Кажется, Костя всерьез готовит мое досье для начальства.

— Чем обязана столь пристальному вниманию, сэр?

Сохранить серьезное лицо стоит немалых усилий. Но я стараюсь. Костя от моего высокого штиля бесится, белеет от злости. И почему вежливые девушки никому не нравятся?

— Сама создаешь себе пр-роблемы, Р-рита! — тянет Костя сквозь зубы.

Вот и хорошо. Совсем не обязательно было пить с Вальковским кофе, чтобы узнать эту новость.

Уходит, по дороге оглядывается. До чего неприятный, мутный взгляд.

Я возвращаюсь к чату. Но мой рыцарь в офлайне — трудится, наверное, за круглым столом в офисе короля Артура.

Мечтательно глазею на косяк птиц в небе.

Сегодня вечером Астарты не будет в Сети. Ланцелот вспомнит о ней — не может не вспомнить. Не так часто встречаются те, кто готов понять и выслушать. А завтра я напишу эпатажный пост. О вреде, а может, пользе Евросоюза, в который нашу страну не могут принять уже три года, — со времен Гражданской войны 14-го. Или о правах сексуальных меньшинств. В крайнем случае сварганю что-то феминистическое. Задену всех, кого только можно, замаскирую провокацию десятком цитат. Уайльд, Пелевин, Моруа. Конечно, найдутся желающие поспорить и даже унизить. Я включу «обиженную девочку», и Ланцелот бросится меня защищать — условный рыцарский рефлекс. Он воспылает праведным гневом, прочитает пост по диагонали и не станет вникать, зачем? Он запомнил ту Астарту, которая спасла котенка и обожает «Металлику», такие не могут поступить плохо.

И — тадам! — момент истины: здесь-то «Фрэнд» его и возьмет. Нет, Ланцелот ничего не заметит. Почти ничего. Почувствует усталость. Или разочарование в жизни. Может, переживет легкую депрессию. Поссорится с девушкой. В исключительном варианте — потеряет работу, заболеет. Но я всегда дотошно рассчитываю заем потенциала — нельзя превращать жизнь донора в хаос.

«Фрэнду» это невыгодно — чтобы быть системе полезным, клиент должен успевать восстанавливать энергию. Мы же не воры, в конце концов. «Фрэнд» дает человеку иллюзию близости, а клиент делится излишками своей энергии, которую не хочет использовать в реальной жизни. Все по-честному. Ланцелоту не на что обижаться.

Стервятник зря меня подозревает во всех смертных грехах. Я отлично уяснила с первых дней в офисе — нет худшего врага, чем бывший друг. И я очень дорожу нашей с «Фрэндом» дружбой, поэтому изучила систему досконально.

Программа «Фрэнд» — детище Штатов — была разработана пару лет назад, когда нашли способ улавливать и передавать сигналы торсионных полей. Мощными генераторами и «пользователями» энергии оказались сами

люди. Только одни могли генерировать энергию с избытком, а другие нуждались в подпитке. «Фрэнд» взялся исправить это недоразумение.

Система вскрывала поля доноров, переключала внимание людей с личных целей на цели заказчика — блогеров обучали технике общения, которая разбалтывала психологические защиты, а «Фрэнд» подключал каналы оттока к полю донора.

Дриммейкер работал тоньше и сам управлял процессом, окучивая «толстых» клиентов, и те годами потом снабжали «Фрэнд» энергией.

В нужный момент донору подсовывали рекламу, втягивали в конфликт на нашей стороне, побуждали вступить в группу, которая поддерживала определенные интересы. Энергия шла заказчикам — крупным корпорациям, политикам, частным лицам из элиты. Все были довольны: корпорации увеличивали обороты, политические партии приобретали популярность, доноры получали профессионально смоделированную иллюзию близости, а «Фрэнд» оставался при неплохих посреднических.

Программу не афишировали — дриммейкеры давали подписку о неразглашении, а взамен получали зарплаты намного выше среднего. Клерков-блогеров же в тонкости дела не посвящали.

Пару экспериментальных офисов открыли и в Украине — славянские рабы были дешевле и смекалистее доморощенных янки...

Верчусь в кресле, мысли возвращаются к Ланцелоту. Надо же, он тоже ездит в офис на байке...

Стоп! Хватит витать в облаках. Открываю новый профиль.

Нет, сперва спортзал. Тренажеры, растяжка, бег. В здоровом теле здоровый ух. А лучше — два уха. Так музыку слышнее.

Натягиваю наушники —... *And nothing else matters...*[1] — эта песня мне никогда не надоест.

---

[1] *А остальное не важно.*

* * *

Сижу в «Хабе», прихлебываю зеленый чай — спиртное не мой стиль. Но сейчас неудержимо хочется крепленого красного — чтобы сразу ударило в голову и вышибло все мысли. Жаль, в «Хабе» не наливают — не для этого Митин тайм-кафе придумывал.

Еще раз прокручиваю кадры. Я — в бесформенном пуфе-кресле, перед глазами — открытый чат, байк — небрежно брошен под вешалкой на входе, администратор — раздражающе предупредителен, улыбка летит впереди него. Все как всегда. Донимает другой вопрос: как, японский городовой, я сюда попала?

Выхожу из офиса — картинка раз. Сажусь на байк — картинка два. Выруливаю к морю — картинка три... Пялюсь в чат... И вот тут я в номерах запуталась. Поцелуй — чик — свадьба — чик — и — бэби? Нет, все должно быть наоборот. Это я создаю иллюзии, а не кто-то мне их навязывает!

Тянусь за кружкой, отхлебываю, морщусь — чай совсем остыл. Оглядываюсь — посетители сидят, уткнувшись в экраны, будто участники одного дрим-шоу. Представляю, как все люди Земли по щелчку дриммейкера уходят в Сеть. И потом — прилетайте, марсиане, берите нас голыми щупальцами!

Хочется крикнуть во весь голос: «Эй, есть кто живой?» С надеждой поворачиваюсь к стойке администратора. Но вместо накладной улыбки вижу мрачное Костино лицо, быстро отвожу глаза.

Поздно. Костя тоже пытается улыбнуться — это выглядит жутковато, — но он, вероятно, думает иначе.

— Чего надо? — У меня нет настроения играть с ним в игры.

— Смогу ли я когда-нибудь заслужить ваше расположение, мэм?

Костя плюхается на пуф напротив, острые колени нелепо торчат над столом. Трудновато в таком положении вести деловые беседы, но Костю это не смущает.

— Можешь, если оставишь меня в покое.

— Р-рита, а зачем тебе покой? — Вальковский щурится, и глубоко посаженные глаза превращаются в прорези амбразур. — Живешь одна, ни с кем не встр-речаешься, др-рузей нет. Не надоело еще?

Сволочь. Заглядываю в чашку — черт, слишком мало чая и он слишком холодный. А так бы кипяточку, да в егойный фэйс.

— Стреляемся завтра на рассвете. Оружие выбираю я. Секунданты для слабаков, обойдемся без них. Вопросы есть, сэр?

— Мэм, нет, мэм! — совершенно серьезно салютует Костя.

Пауза. Телефон еле слышно мурлыкает плей-лист.

— Жить одной ненаказуемо. Маму с папой не убивала, сами смылись от меня в Нью-Джерси. Наверняка уже выяснил.

Дергаю колечко сережки в ухе — нервничаю. Я слишком люблю родителей, чтобы обсуждать их с Вальковским.

Оба программисты, пять лет назад получили место в «Интеле» и не смогли отказаться от этого предложения. Меня с детства не баловали вниманием, зато я знала о родителях все. Научилась чувствовать настроение по еле заметным сменам тембра голоса, угадывала конец фразы, когда мама говорила первое слово, жила хитами 80-х и 90-х, пересмотрела все старые фильмы в обнимку с папой. Когда они уехали, я осиротела. Волокита с документами затянулась — чиновники в посольстве считали, что родительская рабочая виза еще не дает мне право жить с ними в прекрасной стране Америке. Конечно, скайп-беседы никто не отменял, но все чаще они напоминали общение с клиентами. Только я открывалась по-настоящему, а родители...

— Р-рита, слышишь?

Костя притрагивается к моей руке, я вздрагиваю, отдергиваю ее, падает чашка, остатки чая разливаются на столе некрасивой лужей.

— Я... — Костя тушуется, опускает глаза, — в общем, хотел предупр-редить по-др-ружески. Сегодня у «Фр-рэнда» был сбой. Первый р-раз за все годы р-работы. Зафиксир-рован канал утечки — его цепляли извне. Но ты и так по уши в дер-рьме — сбой случился, когда в Сети было только четверо сотр-рудников, включая тебя. Обычные блогер-ры и др-риммейкер — делай выводы. Скр-рыть утечку я не могу, но задер-ржу отчет на день. И... если что, ты знаешь мой номер!

Стервятник неуклюже поднимается из кресла, я оторопело провожаю глазами рослую фигуру, судорожно глотаю.

Never cared for what they do
Never cared for what they know! [1]

Яростно глушу динамик телефона.

Конечно, Костя не станет задерживать отчет — он просто играет в «хорошего полицейского», вызывает на откровенность. «Ты знаешь мой номер!» — передразниваю Стервятника. И это все, что я могу сказать в ответ.

В поле зрения попадает открытое окошко чата в личном скайпе. Зачем-то тру глаза — может, чтобы не выпрыгнули из орбит. Администратору и так лужу от чая вытирать.

Ватными пальцами скролю всю беседу. Не хочу в это верить, но факт остается фактом — я проболтала с неким Ланцелотом час сорок три минуты. Это, конечно, не «шпионские» данные, но он нехило теперь информирован о девушке Рите, включая предпочтения в еде, одежде, отдыхе, и... хм... сексе. Скомканно прощаюсь — будто после последнего признания мне есть что добавить, — выключаю скайп.

Все здорово смахивает на абсурдное кино Джармуша — никогда его не любила, но обстоятельствам нет до этого дела. Итак... Система взломана, я на два часа теряю память и одновременно треплюсь с клиентом через лич-

---

[1] *Мне все равно, что делают другие,*
Мне неинтересно, что они знают.

ный чат, нарушая все правила компании, а Стервятник в курсе моего падения и ждет чистосердечного признания. Не дождется!

Забиваю в поисковик «блогеры», «потеря памяти» — уверена, не я первая, не я последняя. Третья ссылка выдает новостную ленту двухмесячной давности: три сотрудника компании «Фэмили», лидера среди разработчиков корпоративных блогов на украинском рынке, поступили в психоневрологический диспансер с обширным расстройством психики... по словам родственников, все началось с провалов памяти... компания отрицает свою причастность... выплачена внушительная сумма компенсации. Фотографии пострадавших блогеров мне не нравятся — дауны по сравнению с ними выглядят очень бодро и адекватно.

Волосы на затылке встают дыбом. Нет, это не Джармуш, это уже Линч!

Наскоро расплачиваюсь с администратором, прыгаю на вел, еду к морю. Кажется, я там сегодня была, но моря много не бывает. Спуски без тормозов, подъемы на предельной скорости — надо переключиться, устать и на свежую голову потом хорошо подумать.

Ветер в лицо, в ушах свист, слева бежит лентой синяя полоска моря с багрянцем закатного солнца, справа — невозможно яркая зелень склонов.

Задыхаюсь от одуряющего аромата акации. Весна, японский городовой!

Я еще поборюсь за свое место под «Фрэндом»! Да и расслабляться некогда — завтра дуэль.

* * *

Гоню на полной, впереди у обочины замечаю парня и разобранный вел. Колесо снято, наверняка камеру проколол, а запасной нет и заклеить нечем. Парень с надеждой поглядывает на дорогу. Высокий, поджарый, красная бандана, двухдневная небритость — хех, настоящий мачо!

— Помощь нужна?

Резко торможу вел, колесо останавливается в миллиметре от кроссовок парня. Люблю эффект неожиданности. Привычка.

Мачо не дергается, спокойно кивает, пристально смотрит на меня, упрямо сжатые губы расплываются в улыбке.

Ланцелот?!

Чувствую, что краснею «стремительным домкратом». Лихорадочно роюсь в рюкзаке, пальцы натыкаются на что угодно, кроме запасной камеры. Начинаю злиться — со стороны я, наверное, представляю жалкое зрелище.

— А тебе идет! — Ланцелот продолжает нагло улыбаться и тычет пальцем поверх моей головы.

— Спасибо, — лепечу я, зачем-то приглаживая волосы.

Хотя пригладить это воронье гнездо невозможно. Волосы у меня с характером — торчат куда хотят. И в наказание были выкрашены в синий. Чтобы показать хозяйскую власть над бунтующими элементами.

— Слушай, — я наконец беру себя в руки, — произошла ошибка. Нам двоим лучше забыть, что мы виделись и... — вспоминаю недавний чат, — вообще о чем-то говорили...

Вручаю ему камеру, прыгаю в седло, ставлю ногу на педаль.

Ланцелот исподлобья смотрит, будто что-то просчитывает. Черт, какие умные глаза, думается мне с сожалением. Серо-голубые, как у папы.

— Услуга за услугу, Рита. У тебя ведь большие проблемы сейчас. А я могу помочь.

На безумной скорости перебираю в голове содержание чата. О работе и двух часах, выпавших из памяти, я и словом не обмолвилась... Или все-таки...

— Рита-Маргарита, ты слишком много думаешь. Соглашайся! Лучшего плана на вечер у тебя все равно нет...

Ланцелот говорит что-то еще, но я его не слушаю. Только пальцы впиваются в руль вела, будто я могу сейчас что-то контролировать. Маргаритой меня называют

только родители. Для чужих людей и официальных документов я Рита. Так проще. Доверчивой девочки Маргариты не стало, когда мама с папой уехали в Нью-Джерси. Теперь вместо нее Рита, которая неплохо умеет выживать в одиночку...

Ланцелот наскоро прикручивает колесо, даже не пытаясь поменять камеру. Говорит, гораздо проще беседовать с девушкой, если не приходится ее догонять. Комплимент, значит, отпускает. Выискался же рыцарь на мою голову.

Идем, катим велы рядом. Ланцелот, который оказался Андреем, задает бесконечные вопросы. Я настораживаюсь — сама так общаюсь с клиентами.

Надо бы собраться и действовать по привычной схеме — провокация, эпатаж, игра на слабостях, — но вживую это чертовски сложно. Без прикрытия аватарки я как голая. И эта проклятая весна сбивает все рабочее настроение.

Вдруг понимаю, что постоянное напряжение достало. Накатывает смертельная усталость. Ради чего живу? Чтобы потрошить поля наивных открытых людей? Бред, если задуматься.

— А почему ты назвалась Астартой?

Не я назвалась, а составители базы просчитали профиль-взломщик к типажу ланцелотов. Когда стерва прикидывается незаслуженно обиженной, это с ланцелотами работает лучше, чем когда девушка с характером делает вид, что ей плевать на резкие слова. Обиженным нужна защита — и усилия ланцелотов востребованы. А тот, кому плевать, сам разберется, все равно слюны много.

Но Андрею это знать необязательно.

— Имя красивое. — Я улыбаюсь, с любопытством изучаю его реакцию.

Андрей остается серьезным.

— Но у демоницы Астарты, кажется, не самая лучшая репутация?

— Это потом она превратилась в демоницу, когда люди опошлили ее храмы. А до этого была богиней Астартой. Дарила жизнь и любовь.

Я неплохо знаю мифологию. Дриммейкер без эрудиции — как вел со сдутой камерой, далеко не уедет.

— И кто же ты на самом деле? — насмешливо спрашивает Андрей.

— Я — Рита Скляр.

Говорю и думаю, что ответа у меня-то нет. Тысячу лет ни с кем открыто не беседовала. Все общение — через базу ненастоящих профилей. И кто я такая, теперь самой не понять.

— Нет, — замогильным тоном возражает Андрей-Ланцелот, — ты не Рита...

В животе растет пустота, как перед крутым спуском на веле. Что он еще обо мне узнал?

— Ты... Мар-га-рит-ка!

Дурак!

Психую, сажусь на вел и со всей дури гоню прочь. Но бежать ведь некуда. До завтрашнего утра — пока начальство «Фрэнда» не узнало о каналах утечки — надо разобраться, что происходит. Да и Андрей мне кое-что обещал.

Сбавляю ход. Но зря — мой верный Ланцелот уже верхом, крутит педали со всей мочи, догоняет. Так быстро поменял камеру? Впрочем, с него станется.

— Рита, подожди!

Равняется со мной, одной рукой держит свой руль, другую кладет на мое затянутое в перчатку запястье. Трюкач!

— Я видел ребят из «Фэмили» — работал там психологом. И знаю, чем все может закончиться!

«Фэмили»! Вспоминаю фотки блогеров в Сети. Виляю влево, Андрей успевает отпустить руку, едва не валится с вела.

— Я хочу помочь! Работать на «Фрэнд» опасно! Не думаешь о себе, подумай о родителях!

Резко торможу вел, соскакиваю.

— Остановись, сейчас же!

Рыцарь послушно пришпоривает своего коня. Сходит.

— Хочешь помочь — помогай! К чему долгие вступления?

Меня бьет мелкая дрожь. Я не знаю, кому верить. И кто врет. Костя — из желания подставить? Андрей — из желания помочь? Или моя дырявая память? Не будь я честной дурой, давно могла бы открыть левый канал — зря, что ли, в семье программистов выросла. А может, уже это сделала — в те два часа беспамятства.

Заталкиваю растерянную девчонку поглубже — под панцирь пацанки, вспоминаю отчаянный профиль Джокера — настраиваюсь на волну. Побольше безумия в глазах и бесшабашной силы. Это сбивает с толку и заставляет уважать.

— Рита, я все расскажу. Только давай где-нибудь присядем.

Видимо, сработало.

Только сейчас замечаю, что совсем стемнело.

Молча спускаемся на пляж. Кафе встречает нас огоньками свечей на столиках. Плетеные кресла, пледы, на небольшой сцене, установленной прямо на песке, самозабвенно выводит пассажи гитарист.

Музыка сразу уносит, невольно повторяю про себя до звона заслушанные строчки.

Я опускаюсь в кресло, Ланцелот — рядом. Как бы невзначай касается меня плечом...

Говорит торопясь, перебивая себя. Я слушаю и раздваиваюсь — будто я здесь и не здесь. Одна часть — расчетливый дриммейкер — настороженно следит за каждым движением небритого парня в бандане. Другая моя часть видит глазами Ланцелота девушку с синими волосами и бледным лицом. От нее почти ничего не осталось, и скоро она исчезнет совсем...

Андрей убеждает меня взять отпуск и завтра же уехать. Он талдычит что-то об уникальности моей личности. И как это важно для «Фрэнда», и что Риту Скляр используют и выбросят, как это сделали с блогерами в «Фэмили». Хочется расхохотаться ему в лицо — слишком грубо, дорогой Ланцелот, вы играете на моем тщеславии, — но мешает проклятое раздвоение. Той части, которая смотрит на синеволосую девушку, совсем не смешно.

С каждым словом я чувствую, как закручивается во мне невидимая пружина. Напряжение растет, и на самом его пике, когда сдерживаться больше нет сил и я готова бежать куда глаза глядят с этого пляжа, — две Риты схлопываются в одну, и пружина резко распускается.

Я откидываюсь на спинку кресла, прислушиваюсь к себе. Необычное ощущение — давно забытое или новое? — я не хочу больше прятаться за аватарками. Дрожь волнами катится по телу. Рука Ланцелота ложится на плечо и прогоняет дрожь. Он обнимает меня — крепко, надежно. В этот миг я понимаю, что полностью доверяю ему.

Наблюдаю за музыкантами — они то и дело сменяют друг друга: сегодня вечер свободного микрофона.

Подчиняюсь внезапному импульсу — высвобождаюсь из объятий, иду к сцене. Переговариваюсь с гитаристом — он дымит сигаретой и насмешливо смотрит на меня сквозь пелену дыма. Улыбается, кивает.

Я поднимаюсь — три деревянные ступеньки, — сажусь на высокий табурет, с восторгом беру в руки гитару. Легко провожу по струнам, чуть подкручиваю колки — чистый звук, теперь можно.

Первые аккорды. Первые строчки.

Так удивительно слышать свой голос не дома в четырех стенах, а у моря, которое с двадцатого этажа кажется бесконечным. И ловить на себе взгляды слушателей, и понимать — они со мной сейчас не потому, что я их «вскрыла». Им просто нравится то, что я делаю.

...So close no matter how far
Couldn't be much more from the heart
Forever trusting who we are
And nothing else matters...[1]

Я смотрю на своего Ланцелота, вижу, как блестят его глаза, и мне тоже хочется плакать.

---

[1] *Ты так близко, и расстояние ничего не значит.*
Я до предела искренен с тобой.
Я верю в нас и всегда буду верить.
А остальное неважно.

* * *

Открываю квартиру, долго стою на пороге. Если я войду и закрою дверь — я оставлю позади что-то очень важное, и я не хочу, чтобы оно заканчивалось.

Утром за мной заедет Андрей. Мы укатим к нему в Киев, он проведет терапию, поможет мне восстановить память, и потом, если захочу, я снова вернусь на работу во «Фрэнд». Но Рита Скляр, конечно, стоит лучшего, чем прозябать в провинциальном городке...

Выходит, на все про все у меня ночь.

Резко захлопываю дверь, на ходу сбрасываю рюкзак, куртку Ланцелота, которая меня грела весь вечер, джинсы. Шлепаю в ванную.

Мысли о том, что мне нужен доктор, перемежаются с неестественной радостью. Вспоминаю внимательные глаза Ланцелота, ощущение его руки на моем плече, ласковое «Маргаритка»... И эта забота, от которой захватывает дыхание, — кто-то хочет защитить меня, уберечь, укрыть пледом колени. Забытое теплое чувство — я не одна, — и губы расплываются в улыбке.

Щелк! Во мне срабатывает предохранитель. Спешу стереть улыбку с лица. Я не имею права расслабляться.

Вылезаю из ванны, оставляя на полу пенные хлопья. Так, теперь халат — на плечи, турку — на огонь, а голову — в дело.

Включаю комп, колонки. Не люблю тишину.

Мчусь на кухню, хватаю турку с огня. Успела!

В сотый раз прокручиваю в голове сегодняшний день. Почти пустой офис. Умные глаза Ланцелота. Приятная беседа. Костин выход... Предупреждение об опасности. Намеки на мое одиночество. И эта ненормальная тяга к Андрею. Личная вовлеченность никогда не доводила дриммейкера до добра. Но сейчас я не хочу быть дриммейкером. И это пугает больше всего.

Выбираю из двух зол — наконец решаюсь.

Слушаю бесконечные гудки. Можно подумать, полпервого ночи! «Хорошему полицейскому» спать по должности не положено. Гудки обрываются.

— Что случилось?

Ого, сколько резвости в голосе. И еще — беспокойства. Выходит, ждал?

— Я передумала стреляться. Лучше скрестим лазерные клинки. Только не говори, что ты свой потерял, отвалилась ручка или лезвие затупилось. А то знаю я...

— Р-р-рита! — Костя почти рычит в трубку. Его любимая «р» выходит особенно раскатистой.

— Если-завтра-к-девяти-не-позвоню-найди-меня! — выпаливаю скороговоркой и закусываю губу.

Молчание. Только не бросай трубку, пожалуйста!

Trust I seek and I find in you
Every day for us something new...[1]

— Во-пер-рвых, выр-руби своего Хетфилда, не собираюсь его пер-рекр-рикивать. — Слышно, как Костя переводит дыхание. — И... я все понял.

— Сэр, теперь я обязана на вас жениться!

Костя хмыкает, не прощаясь отключается...

После того, что я сейчас сделаю, Вальковский и так будет меня искать. Взломать закрытый канал «Фрэнда» к базе данных — неслыханная дерзость. Но если меня снова выключит или что-то с Ланцелотом пойдет не так, он может не успеть.

Целую вечность вожусь с кодом и в конце концов получаю доступ. Один за другим открываю профили Ланцелота на всех площадках. И только сейчас замечаю, что дата регистрации одна и та же. Вскрываю пароли к личной информации — сообщений нет. Невозможно! Если... если только профили не создавались специально. Сотрудниками «Фрэнда» — например Костей. Со Стервятника станется...

Перед глазами вспышка.

Трясу головой, отдергиваю руку от мышки. На экране раскрыт профиль Астарты. Новых сообщений нет, неиз-

---

[1] *Я искал веру и нашел ее в тебе,*
И теперь каждый день открывает для нас незнакомые грани.

вестных мне и просмотренных — тоже. Лезу в последние записи. Пусто. Удаленные — висит сообщение со странным кодом. И у меня на глазах оно исчезает.

Взгляд падает в правый угол экрана — три часа ночи. Что ж, я уверенно приближаюсь к психоневрологическому диспансеру.

Хочется устроить истерику, собрать вещи, хлопнуть дверью... Но вовремя вспоминаю, что живу одна — скандалить и уходить мне не от кого. Криво улыбаюсь. Ненавижу женские сопли и крики. А выходит, сама такая. Обычная стерва, которой просто негде разгуляться.

А кто-то совсем недавно еще говорил о моей уникальности...

Стоп! Возвращаюсь к базе, пальцы дрожат — времени в обрез, система сигнализации наверняка засекла утечку и отрапортовала Косте. Перебираю личные файлы сотрудников. К чужим доступа нет, но свой-то я могу посмотреть. Открываю, от спешки темнеет в глазах, я не узнаю фото. Нет, все в порядке — просто там у меня родные каштановые волосы, а не синее воронье гнездо. Скролю дальше — ищу сама не знаю что. Показатели: здоровье, интеллект... эмоциональный заряд, порог альтруизма, донорская категория «В». Нас всех проверяют, как и клиентов, таково правило... Вот оно! Рядом с буквой «В» в скобках указан еще один параметр: адаптивность. Первый раз о таком слышу. Выходит, на мне пробуют — уже? собираются? — новые разработки. После которых теряешь память, а потом рассудок...

Вдруг становится холодно. Мне кажется, я умираю.

Мой «Фрэнд» меня предал.

* * *

Шесть утра. Сна ни в одном глазу. Мне было над чем подумать.

Я полностью собрана — джинсы, майка, воронье гнездо тщательно причесано, вернее растрепано. К дуэли готова.

Интересно только, с кем первым придется драться?

Сегодня без музыки. Траурный марш по синеволосой девушке звучит внутри. И так неплохо слышно.

Звонок. На пороге Андрей. Бывший Ланцелот.

Выбор сделан.

— Ты... — Натыкается на мой взгляд, осекается, целует в щеку.

— Пока я, а там посмотрим.

— Маргарита, идем, надо спешить! — Андрей берет за руку, на запястье смыкаются тиски.

Имя отзывается болью. Он слишком хорошо изучил меня. Сжимаю зубы.

— Сперва поговорим!

Не упирается, опускается на табурет в кухне, я сажусь напротив. Теплится неправильная опасная надежда, что я ошибаюсь. Но нет худшего врага, чем бывший друг, и я об этом помню.

А еще я помню, что Рита Скляр — лучший дриммейкер «Фрэнда». И не просто потому, что создаю иллюзию близости, — я сама верю в эту иллюзию. Чтобы стать ближе к человеку, надо стать им, жить его интересами, разделять его мысли, переживать его неудачи, петь его песни. Я восемнадцать лет тренировалась это делать с родителями. Они могут радоваться — из меня вышел отличный хамелеон.

Неотрывно смотрю в глаза Андрею и дальше — на то, что он прячет за их безмятежным выражением. Профиль Ланцелота, если и был сфабрикован, то к личности Андрея привязан крепко. По той же причине, по которой «Фрэнд» не может использовать ботов для общения с клиентами — беседу должен вести живой человек, иначе иллюзии не получится. Вот и Ланцелот просто обязан быть настоящим. Иначе я не клюну.

В том-то и трюк — открыться ровно настолько, чтобы выбить у другого почву из-под ног и не потерять себя. Сейчас мне не нужна его энергия, мне нужна правда.

— Самому неприятно это делать, да?

Андрей моргает, на губах — легкая улыбка. Притворяется, что удивлен.

— Неправда, Маргаритка. Я заметил тебя в Сети давно и научился отгадывать твои профили, это было нетрудно — выдавала музыка, в ней ты была настоящей. Я слишком привязался к тебе, и мне больно будет, если что-то случится.

Моя очередь притворяться. Лицо — маска, в глазах — лед, и я надеюсь, что дрожащую нижнюю губу никто не заметит. Ланцелоту очень хочется верить. И почему-то снова плакать. Но по сценарию его надо рассердить. Тогда я что-то смогу узнать.

— Сколько тебе заплатили, чтобы ты привел меня к боссу? Почем сейчас предательство? Заканчивай маскарад, Ланцелот, ты не спасешь ни одной души, включая собственную! Слишком презираешь людей для этого. Но, похоже, сам поверил, что несешь в мир добро. Кому врешь? Ты жалкий неудачник, у которого ничего нет, кроме иллюзий! Своих и чужих!

Последний восклицательный знак, и я чуть не задыхаюсь от волнения. В середине тирады понимаю — эти слова не для Андрея, я говорю их себе.

Андрей поднимается, болезненно кривится, смотрит на меня пустым взглядом.

— Много себе позволяешь!

Делает неуловимый жест.

Щелк! Предохранитель слетает, и я сползаю с табурета.

Снова раздваиваюсь, но теперь это почти приятно. Смотрю на себя со стороны — только тонкая нить меня связывает с синеволосой девочкой, ее почти нет. Я будто обживаюсь на новом месте — а-дап-ти-ру-юсь — повторяю по слогам, именно так это и называется. Чтобы почувствовать себя уютно, надо лишь оборвать нить. Но чем-то синеволосая мне дорога, и я медлю.

Вторая «я» знает, что она Рита, и отчаянно хватается за это знание, будто оно может что-то изменить. Рита

дает Андрею себя поднять, послушно собирает вещи. Издалека долетают невнятные слова.

— Все хорошо, Маргарита, все хорошо. Считай, ты вскрыла меня. Но ты же знала... Открыться и открыть — всегда одно и то же. Умница, облегчила работу, так проще будет с тобой справиться. Но я не врал, не врал, моя Маргаритка, ты мне действительно нравишься. Иначе не получилось бы... Открыться и открыть. Ты помнишь...

Я не знаю, кто такая Маргаритка, но завидую ей. Она кому-то нравится. Из последних сил пытаюсь не выключиться. Цепляюсь за тонкую нить и не отрываю глаз от синеволосой девушки.

— Сейчас отдохни, — шепчет в ухо сбивчивый голос, меня берут на руки, — ты привыкнешь к чужим мыслям, мне тоже было непросто. Зато мы уникальны. Людей с такой адаптивностью, как у нас, — единицы.

Адаптивность. Адаптация. Мозг мусолит надоедливое слово. Я почему-то смеюсь. Та, которая зовется Ритой, умела прекрасно адаптироваться. В любой личине. И для любой. Но какое это имеет теперь значение?

Картинка блекнет, и я теряю нить.

* * *

— Отпусти ее!

И зачем так кричать? Я вздрагиваю, открываю глаза.

— Дер-р-жись от него подальше, Р-рита!

Высвобождаюсь из рук Андрея, послушно отхожу.

А Костя не на шутку взбешен. Первый раз вижу у него в глазах выражение. Жаль, не курю — в самый раз попросить огонька и поджечь от взгляда сигарету.

С радостью отмечаю, что я снова в единственном экземпляре.

Двухметровый Стервятник нависает над Андреем.

— Выметайся, и чтоб духу твоего здесь не было!

— А почему бы нам не спросить даму?

Перевожу взгляд с одного на другого. Десять минут назад я соображала совсем плохо, но слова Андрея о чужих мыслях запомнила.

— Спр-росим. Но дама должна кое-что узнать об Андр-рее Ланце, сотр-руднике «Фэмили». Я пр-роследил, откуда был канал оттока. И кто пытался черрез тебя, Р-рита, получить инфор-рмацию о компании. И кое-что узнал. Уже год как фир-рма опр-робовала на Ланце свое ноу-хау по частичной пер-ресадке личности. И к слову, на др-ругих блогер-рах, но им повезло меньше. Чужие мысли, желания, побуждения к действиям внедр-ряются в центр воли, и человек не просто отдает свободную энер-ргию, его личность меняется в угоду интер-ресам заказчика. Еще год опытов, и систему можно запускать в массы. Идеальные подопытные — люди с высокой адаптивностью: их психика имеет врожденную способность подстр-раиваться под чужую личность...

Костя переводит дух, рывком подбирает с пола куртку Андрея, выуживает из кармана устройство размером с монетку.

— А вот и вещдок — р-ретранслятор полей! Так что скажете, мэм? И решайте быстр-рее, у нас еще дуэль по р-расписанию.

Открыться и открыть... Я почему-то не думаю, что могло бы стать со мной, если бы не вмешался Костя. И так ясно — оборванная ниточка и пустота вместо синеволосой девушки. Больше занимает мысль, что осталось настоящего в Ланцелоте. И что мне так нравилось в нем — слепленная виртуозами-дриммейкерами личина или отражение моей собственной слабости?

А ведь рыцарю сейчас нужна помощь — и я даю последний шанс.

— Андрей, я соглашусь работать на «Фэмили», пройду всю их чертову систему адаптации, если ты сейчас позвонишь начальству и уволишься. И больше никогда там не появишься.

— Р-рита, чер-рт, что ты твор-ришь??

Игнорирую Костю, подхожу к Андрею. Судорога боли искажает лицо парня. В глазах одно за другим сменяется отчаяние, радость, ненависть, страх. Редкий коктейль! Беру за руку, мысленно прошу — пожалуйста, найди себя! Хоть песчинку, хоть атом!

Андрей тянется за телефоном, рука останавливается у кармана. На секунду Ланцелот замирает и, уже более не сдерживаясь, с глухим рычанием бросается на меня.

Костя без замаха бьет в челюсть и сразу в нос. Грубо, но действенно. Андрей оседает по стенке.

— Рита, зачем ты ср-рываешь мер-ропр-риятие, я всю ночь клинок полир-ровал!

— Простите и спасибо, сэр! Женюсь на вас дважды!

Плетусь на кухню, долго держу полотенце под холодной водой, заодно пытаясь прийти в себя. Осторожно вытираю Андрею лицо, кладу компресс на лоб.

Падаю на диван, скрещиваю на груди руки — никак не могу унять дрожь.

Я знаю одно — во «Фрэнд» не вернусь точно.

Нестерпимо хочется быть собой. Хотя я очень плохо умею это делать. Всю жизнь играла чьи-то роли. Подражала родителям, сживалась с клиентами в одно целое, клепала чужие мечты, как китайцы дешевые гаджеты.

Ухмыляюсь: такая вот уникальность — умею влезать в шкуру любого и оставаться никем. Нет, уж лучше быть обычным человеком.

Андрей тихо стонет у стенки, но глаз не открывает.

Костя садится рядом, держит в руках гитару.

— Сыгр-раешь? Ну, вместо дуэли.. Сегодня каждый со своим ор-ружием. — Вальковский потирает сбитый кулак.

Я ошалело смотрю на него. Нашел время! В ногах валяется нокаутированный агент из «Фэмили», сам Костя сто раз нарушил инструкции «Фрэнда», и ему впору ждать похожей участи, у меня руки трясутся, а он...

Стоп! Зачем отказываюсь, ведь мне этого хочется! «Выдавала музыка, в ней ты была настоящей», — говорит в голове голос Ланцелота.

Я поднимаю на Костю глаза и вижу за маской стервятника совершенно незнакомого парня. Солнце заглядывает в комнату, золотит русые волосы, играет блеском в янтарных глазах, Костя щурится и улыбается — неожиданно открыто.

Если бы не он, меня бы сейчас уже не было...

Беру гитару. Наши руки соприкасаются, и я тоже вовсю улыбаюсь — так приятно не сдерживаться и не думать над каждым ненастоящим словом и жестом.

Андрей приходит в себя — осматривается, задерживает взгляд на мне — вспышка понимания. Пытается встать, снова валится к стенке.

Наверняка тоже сейчас с трудом вспоминает себя.

Но надо жить дальше. На «Фрэнде» и «Фэмили» не сошелся клином свет.

Пальцы привычно обхватывают гриф. Гитара на коленях, я чувствую изгиб корпуса и немного успокаиваюсь.

Металл струн, легкое скольжение, пауза.

И звук рождается, как новая жизнь.

Never opened myself this way
Life is ours, we live it our way
All these words I don't just say
And nothing else matters

Trust I seek and I find in you
Every day for us something new
Open mind for a different view
And nothing else matters...[1]

---

[1] *Я будто заново узнаю себя.*
Наша жизнь принадлежит только нам.
И это больше, чем слова.
А остальное неважно.

Я искал веру, и я нашел ее в тебе.
И теперь каждый день открывает для нас незнакомые грани.
Позволь себе увидеть новый мир.
А остальное неважно.

СТЕПАН ВАРТАНОВ

ЗАСЛУЖЕННОЕ УВАЖЕНИЕ

Никогда мемуаров не писал. Да что за на хрен — мемуары! Мне тридцать лет! Но агент сказал — надо, юрист сказал — надо, и президент намекал, вроде... или нет? Их, политиков, на трезвую голову разве поймёшь?

Конечно, писатель из меня никакой. Вот, даже рука болит — печатать. Отвык. Да и не важно это, главное скелет набросать. Я же теперь, блин, мультимиллионер! Мне специальный чел всё это будет прописывать, с этими... деепричастиями. При таком количестве бабок, захочу — будет в стиле тёмной башни, захочу — Гарри Поттера. От, так сказать, создателя.

Ладно. Значит, биография. Родился в городе. Я тут, в книжном, пару биографий открыл, так у них у всех «родился на ферме». Не. Не повезло. Учился. Кое-как, если честно. Потом армия. Ну ничего так. Нравится.

С чего всё началось? С «города-призрака», конечно. Раньше там была шахта, не знаю уж, что они там добывали, а потом это самое кончилось, и город опустел. Стоят дома, улица, травой заросшая, солнечный денёк, зайцы иногда дорогу перебегают — словом, благодать, для выходного дня лучше не придумать. Ну мы с Лили и поехали. Лили — это вторая из «бессмертных», а человеческим языком — из тех, кто уцелел.

Город — ну ладно, деревня, так вот, землю эту выкупила фирма развлечений, которая обнесла всё это дело колючей проволокой, чтобы, значит, бомжи не селились, и запускала экскурсии. Так даже лучше, в принципе, потому, что и еда с напитками, и есть, кого засудить, если что. Но в нашем случае, конечно, судить некого оказалось, потому, что Мэтт Арчер, он у них был за главного, короче, его первого и накрыло... Только успел нам вход в шахту показать... и на том спасибо, кстати. Очень нам эта инфа потом пригодилась.

Ну а дальше — как в кино. Помните такое кино — «Купол»? Ну вот, они этот купол, в натуре, и поставили, прямо по колючей проволоке. Кто они? Да инопланетяне эти.

Сначала долбануло так неслабо. Нам потом объяснили, что это не купол был, а сфера, и землетрясение как раз случилось, когда она под землёй замкнулась. Полная, так сказать, изоляция. Ну а потом появились боты. Там в группе, что на экскурсию приехала, старичок был — Мойша Кульман. Он рассказывал, как своего внука от компьютерных игр отучивал, ну и все эти названия — тоже от него. Короче, твари — жуткие. Мы — бежать.

Ну да, бежать, а что? Это потом придумали, насчёт «смелость и честь», говорят, даже на новых долларах надпись поменяют. Но это потом. А поначалу мы от них драпали, будь здоров, даже старичок этот, бухгалтер, и жена его, Зинаида. Они из России, то ли из Украины, хотя и евреи. И выжили бы оба, между прочим, ну, если бы не здоровье.

Ну а уж после, как мы побегали, и в шахте научились прятаться, и в домах, и по кустам ползать... кстати, не так уж много на это времени потребовалось. Метод погружения, называется. Да, так вот, потом появился Охотник.

Вот кажется, что в нём такого? Росту метра два, да. Это немало. Но у нас был, скажем, Артур Сименс — бизнесмен, он ещё Лили глазки строил, я уж совсем собрался ему морду объяснять, когда всё началось, так вот, он повыше был. Играл в американский футбол, и всё такое. И что — помогла ему эта спортивная подготовка? Разве что бежал впереди всех.

Да, и начал он на нас охотиться, причём не как в бою, а как в кино, когда больше пугают, чем дело делают. Ну мы-то тоже хороши, поначалу, думали, ещё один бот, а боты — они ведь без огнестрела. Сначала — Мэтт. Чпок — лежит. Народ даже не сразу понял, что к чему — ни звука выстрела, ни там крови. Но я-то в армии не первый день, сразу заорал «ложись»... Да.

Короче, охота. Что мы только не делали! В домах прятаться оказалось плохой идеей — у этого гада был ска-

нер какой-то, а дома-то, считай, картонные. Сименс в минусе, а мы, значит, научились. И бегом в шахту.

До шахты, надо сказать, добрались не сразу. Он, охотник этот, очень грамотно перемещался, и если бы не, как бы сказать, неровности рельефа... и то, что мой сержант нас гонял именно на таких полигонах... Но всё равно, от шахты он нас отрезал раз за разом, и бегали мы... ну, считай, до вечера. И ботов, кстати, никто не отменял — Охотника они боялись, как чумы, а вот нас преследовали. Правда, тупые, тем мы и спасались. То кучу колючей проволоки соорудим, то — вы только не смейтесь — грабли разложим. Работало, честно. Не за счёт палки, а за счёт того, что зубья.

В шахте лифт. Это как в игре, когда тебе ставят задачи, типа «вставить банан в ухо обезьяне, и на третьем уровне откроется дверь». Лифт, короче, добрались. И стерва эта, Аманда Кроу, адвокат... Сименса, кстати, это... спутница... Первой добежала, и сразу — на кнопку. И уехала. Вниз. А нам, значит, по лестнице, рысью. А лестница ржавая, и знаки всюду, мол, ненадёжно. И ещё старики эти. Вот, кстати, насчёт «смелость и честь», это когда мы их по лестнице тащили. Особенно Зину — ох, скажу я вам, крупная женщина в шахте — жди беды. Но тётка правильная, между прочим. В армии бы карьеру сделала... если бы, конечно, не возраст и не акцент. Нас к тому времени осталось я, Лили, Мойша с Зиной, и Линда, она автодилер, проездом в нашем городе... развеяться решила. Господи, как она ругалась! В основном, почему-то, на правительство.

И Кюти, собачка её. Вот, кстати, жуткая зверюга, хоть и размером с мой ботинок. И на пришельца бросилась, и даже палец ему прокусила.

Да, естественно, в клочья.

Ну, короче, спустились мы в шахту, а там на дне лифт... Не знаю, даже, как это объяснить... Короче, на дне шахты собирается вода. И Мэтт насосы зря не гоняет — мы приходим, он их включает, они откачивают воду... пони-

маете? А тут — лифт ушёл вниз, под воду. Метра на два. Вместе со стервой этой. Вот, честное слово, не жалко.

Ну а мы по боковой... штольне, кажется? Или штреку? Короче, драпать. Вдоль рельсов. А Охотник за нами, причём он-то по лестнице не шёл. Он летел — прикиньте? Антигравитация. Ну Линда сняла одну из тележек с тормозов, и спустила накатом. Она вообще в механике хорошо секла. Тележка пришельца задержала, но ненамного, он её просто перепрыгнул. Тогда Линда сама поехала во второй, со здоровенной такой арматуриной. Типа, копьё. Ну... тоже не сработало.

Мы дальше, по штреку этому. Он, зараза, повышается, и я уже думаю, что либо выберемся на свет божий, либо решётка будет, и тогда точно конец. И тут у Зинаиды нашей не выдерживает сердце.

Нет, ну а что вы хотите, человеку под семьдесят, и весу за сотню, а заставляют бегать по тоннелям, причём — вверхидущим. Ну и... не всё. Села, глаза закрыла. Тут Мойша этот совсем с катушек съехал, вы говорит, идите, а я, говорит, останусь. Мол, мне некуда больше, потому что. Я подумал, и говорю Лили, а давай, мол, ты — туда, а я — тут. Лили мне по морде, мол, тоже остаётся. Да...

Нет, что вы, никакой чести и смелости. Злость, это да, это было. Я солдат, и бежать, если между нами, слегка поднадоело. Да и смысла нет, и старика бросать не дело.

Собственно, вся история. Он вышел на нас, мы напали, и сразу устроили кучу-малу. Я, как единственный, кто умеет драться в партере, катаюсь с ним в обнимку, Мойша его лопатой охаживает... у меня вся спина в шрамах от той лопаты... И Лили со своим баллончиком... знал бы — отобрал бы, конечно.

Ну, что было потом все знают. Охота окончена, улыбайтесь, вас снимали скрытой камерой. Всех оживили, включая собачку, ну и заключили с нами, с уцелевшими, то есть с тремя, эксклюзивный контракт. Мы находим им богатых клиентов, они охотятся, а потом оживляют жертвы.

Да, вот тут-то и спрятана главная завлекалочка. Не просто оживляют, а заодно лечат от всех болезней. Ну и конечно, от клиентов отбою нет, от богатых, а я в «ху из ху» на первой странице, прямо с фингалом под глазом.

А насчёт «смелость и честь», я вам так скажу. Только не для мемуаров, наверное. Да, точно, вырезать придётся. Короче, фигня всё это. Полная. Они-то, вся эта «гордость человечества» не видели, как пришелец шёл по нашему следу, а я видел. Да и пару оговорок он сделал, когда речь эту толкал, в зале для оживления, у себя на корабле...

В общем, у меня на этот счёт своя теория. Вот вы в курсе, как у нас в Штатах форель ловят? Поймал — отпустил. Понимаете? Закон такой, ограничение отлова и защита популяции. И он нас оживил — тоже по закону, по-ихнему. А так мы для них — никто. Как рыба. Поймал, отпустил, вытер руку о штаны, и пошёл дальше, понимаете? Это отдых, это никакой для него не первый контакт.

А вот ещё, насчёт этого «пошёл дальше»... В смысле, улетать собрался, пока я ему предложение это не сделал... Тоже по закону. В одном озере рыбу ловить только раз. Последний контакт, понимаете. Он же и первый. Чтобы, значит, рыба не передохла.

Но есть тут, короче, есть исключение. Можно рыбу уважать, которую ловишь. Если это — большая рыба. Или попотеть тебя заставила. Или просто — зубастая. Тогда в этом пруду хочется ловить ещё и ещё, но по закону — по их закону — это можно делать, только если рыба сама попросит задержаться. Я и попросил.

А «смелость и честь», да забудьте об этом. Он же не за смелость нас так зауважал. Мало ли на свете смелых и честных? Вот Линда была смелой, а её в эксклюзив не включили. Так что, смелость тут ни при чём. Скорее жестокость, но это не для мемуаров, окей?

И причина для уважения у пришельца была, вполне серьёзная.

Просто я перегрыз ему горло.

СЕРГЕЙ ЧЕБАНЕНКО

РЕЗИНОВАЯ КУКЛА ПО ИМЕНИ «ПРЕЗИДЕНТ»

Президентский кортеж, сверкая синими и красными огнями мигалок, оглашая окрестности натужным взревыванием клаксонов и утробным подвыванием сирен, вырулил на Центральную улицу со стороны Цветочной площади.

Впереди неслась бело-синяя машина жандармерии — на тот случай, если кто-то еще не свернул в сторону с трассы движения VIP-автопоезда, не припарковал авто на обочине или не юркнул торопливо в какой-нибудь боковой проезд. Но таковых на всем протяжении Центральной пока не наблюдалось — жители столицы уже хорошо усвоили, что оказаться на пути следования президентского кортежа, мягко говоря, не совсем безопасно.

За жандармами ехали два широченных джипа-внедорожника серо-зеленой камуфляжной расцветки, с тонированными стеклами на окнах, похожих на узкие бойницы. Внешняя охрана господина президента. Двухметровые «гориллы», обвешанные оружием с головы до ног. Ребята, которые сначала стреляют и взрывают, а уже потом думают.

Ну а дальше с мягким шелестом шин по асфальту неслись три черных приземистых «жука» — бронированные личные лимузины самого главы государства. Господин президент мог находиться в любом из них, два других были набиты зоркими и смышлеными ребятами из внутренней охраны. Угадать, в каком авто сейчас едет первое лицо страны, было невозможно. Президент мог оказаться и в первой машине, и во второй, и в третьей. Как шарик в игре в «наперсток».

Замыкал процессию длинный «хвост» — автомобиль экстренной медицинской помощи, еще два джипа с «го-

риллами» и пять или шесть разномастных авто с секретарями, массажистами, проститутками — всеми теми особами, которые необходимы господину президенту для активной политической жизни.

Из этой колонны, мчащейся по Центральной улице, меня интересовали только три «жука», в которых мог находиться гарант конституции и лидер нации. Расстояние до кортежа было сейчас примерно полкилометра.

— База, «Око-один» на связи, — сказал я в малюсенький микрофон, зашитый в воротнике рубашки. — Вижу объект.

— Принято, «Око-один», — отозвался обезличенный металлический голос. — Полная готовность!

Я сдвинул виртуал-очки со лба на переносицу. Компьютер на Базе уже уловил три нужные ему цели и обозначил их в поле обзора округлыми мишенями с крестиками по центру. Пискнул сигнал — есть захват объектов! Раз, два, три, четыре, пять... Залп!

Внутри круга радиусом в два километра двадцать семь ракет — девять групп по три ракеты в каждой — взвились в небо из разных точек города. Стартовали из канализационных колодцев, с заваленных хламом чердаков, из кузовов грузовичков с надписями на бортах «Хлеб» или «Свежие овощи». Встречайте нас, мы летим.

Я представил, как почти три десятка убийц небольшого роста — всего лишь чуть больше метра в длину и сантиметров десять в диаметре — серой окраски, с маленькими треугольными крылышками по бокам и четверкой клиновидных рулей на хвосте заложили вираж в осеннем небе и, круто развернувшись, пошли к Центральной улице над крышами домов, стремительно и мягко обходя антенны, трубы, балконы и выступающие вверх мансарды. Предельно малая высота. Ни одна система слежения противовоздушной защиты не сможет отследить движение объектов, классифицировать их и выслать наперерез зенитные снаряды-перехватчики.

Оставалось только ждать появления ракет над целью. Я предусмотрительно сделал несколько шагов назад

в полукруглый зев подворотни, прижался к стене и осторожно выглянул из-за угла.

Машины были на расстоянии всего около ста метров от меня, когда первые три дымные стрелы вылетели из-за крыш домов откуда-то со стороны Ротмистровской и вонзились в черные тела движущихся металлических «жуков».

Одна отрикошетила от капота первого авто, свечой ушла в небо и расцвела оранжево-малиновой вспышкой взрыва на высоте пары сотен метров.

Другая ударила по крыше второй машины, плюща ее гигантским невидимым молотом. Стая осколков с визгом пронеслась мимо меня и оглушительно застучала горохом по металлической изгороди около соседнего дома.

Еще одна ракета вонзилась в переднее колесо третьей машины, выворачивая его и сбрасывая черного приземистого «жука» с дороги.

Первый блин комом. Компьютер на Базе подкорректировал наводку, крестики в кругах виртуал-очков сместились на пару миллиметров влево и вверх.

Результат не замедлил себя ждать. Спустя мгновения новая партия ракет накрыла цели более успешно.

Лопнуло, прогибаясь внутрь паутиной осколков, бронестекло на первой машине. Сорвало с петли взрывом переднюю дверь на втором автомобиле. Под третьим лимузином словно проснулся огромный огненный вулкан.

И пошло, и поехало...

Все новые и новые дымные стрелы летели с высоты, добивая трех черных «насекомых» внутри кортежа. Впрочем, остальным авто тоже досталось. Если машину жандармов всего лишь слегка приложило по заднему бамперу невидимой ладонью взрывной волны, то два джипа с «гориллами», которые шли следом за ней, спрессовавшийся воздух положил на бок и аккуратно прижал друг к другу колесами. Задние джипы в совместном страстном порыве поцеловали мраморный фасад огромного здания Национального банка на противоположной стороне улицы. Рядом с ними на газон взрыв поместил

санитарный автомобильчик, заодно полностью лишив его стекол. Ну, а оставшийся «хвост» разноплеменных авто просто превратился в поезд из въехавших друг в дружку «вагончиков».

Я очень удачно выбрал позицию. Меня, конечно, несколько раз шарахнуло отраженной от подворотни взрывной волной, опалило брови и кожу на лице горячим дыханием взрывов, но зато ни один осколок не свернул в мое убежище.

Взглянул на часы. С момента начала атаки прошло меньше двух минут. Я насчитал двадцать одну ракету. Еще шесть или не смогли уйти со старта, или сбились с пути — электронная система защиты над столицей включалась во время проезда президентского кортежа, и хотя конструкторы обещали, что системы управления ракет ей не по зубам, но некоторые зубки все-таки могли оказаться очень острыми.

«Жуки» были уничтожены. Первая машина перевернулась вверх тормашками, ее охватило пламя, которое сейчас, плотоядно урча и чавкая, сжирало окровавленные останки так и не успевших выбраться наружу пассажиров. Второй автомобиль сохранил относительную целость корпуса — если не считать, что внутрь него все-таки попали и взорвались в салоне как минимум две ракеты. Третий лимузин походил на вытащенную из-под катка дымящуюся консервную банку.

— База, цели уничтожены, — доложил я далекому оператору. — Разрешите отход с позиции?

— Оставайтесь на месте, «Око-один». Начинаем вторую фазу операции — наблюдение за пораженными объектами.

«Какая тут может быть вторая фаза? — Я скептически фыркнул. — Неужели им там не видно? В «жуках» не осталось ни одной живой души...»

Я огляделся вокруг. Не пострадал лишь бронзовый памятник Чеславу Сэмюэлю Волянецкому. Известный космопроходец все так же безразлично взирал с высоты постамента на земную суету. Дома же в радиусе бли-

жайших трехсот-четырехсот метров почти лишились остекления — темные проемы окон походили на выбитые глаза. Цветочный магазин на углу снесло до основания. А там же наверняка были люди, полтора-два десятка обычных горожан, далеких от политики. Парни, которые зашли купить цветы любимым девушкам. Дети, которые выбирали букет на день рождения маме. Шустрые девчонки — продавщицы...

Вдоль Цветочной улицы лежали трупы — десятки изувеченных взрывами людей. Молодые и старые, дети и взрослые... Стонали раненые. У дверей ломбарда на противоположной стороне улицы сидел мужчина с разбитым в кровь лицом, и, обхватив голову руками, мерно покачивался из стороны в сторону.

Откуда взялись убитые и раненые на почти безлюдной перед атакой улице? Наверное, когда раздались первые три взрыва, испуганные люди в панике вывалили наружу из кафе, магазинчиков, офисов и контор. Они, наверное, решили, что взрывов больше не будет, хотели подальше убраться из опасного места. Тут-то их и накрыло второй волной разящих осколков...

Виртуал-очки давали на Базу очень качественное изображение. И — я был уверен — кроме меня на Центральной улице сейчас находились и другие наблюдатели — «Око-два», «Око-три»... У подполья должны быть длинные руки и зоркие глаза. Пусть же теперь глаза увидят то, что сделали руки.

...Они там, на Базе, оказались правы. Наблюдать все-таки было что...

Задняя дверца второго «жука» с моей стороны с металлическим скрежетом распахнулась. Сначала показались ноги — дорогие лакированные туфли на хорошей подошве, синие брючины. Елозя по обгоревшему кожаному креслу, в проеме дверей нарисовался толстый округлый зад, упакованный в брюки.

Задницу, показавшуюся из искореженной машины, я узнал бы из миллионов. Это было то самое седалище, которое семь с половиной лет назад взгромоздилось на

шею нашей несчастной страны и теперь ни за что не хотело слазить, корежа общество и ломая человеческие судьбы. Задница господина президента, гаранта конституции и лидера нации.

Я ошарашенно замер, удивленно выкатив глаза. То, что выбралось из салона взорванного лимузина, не могло быть человеком. Точнее, уже не было человеком в физиологическом смысле этого слова.

Взрыв разорвал господина президента надвое, и теперь на асфальте около дымящегося «жука» стояла половина туловища, опиравшаяся на широко расставленные кривоватые ноги. Выше рваной линии от правого бедра к левой ключице ничего не осталось. Только торчали наружу окровавленные и спутанные обрывки то ли каких-то жил, то ли бело-розовых проводов.

Левая рука этого ошметка, оставшегося от человека, свободно болталась вдоль тела. Порыжевшие от копоти пальцы судорожно сжимались в кулак и снова разжимались, словно «обрубок» пытался делать зарядку для кисти.

Тело постояло неподвижно несколько секунд, потом согнулось в пояснице и запустило левую руку внутрь салона машины. Схватило там что-то, напряглось, извлекая наружу, потащило.

Мгновение спустя «обрубок» снова распрямился. Левой рукой, зажав под мышкой, он удерживал верхнюю часть туловища господина президента — голову, второе плечо и правую руку.

Правая рука лидера нации от взрыва почти не пострадала, а вот голове досталось изрядно: левая щека была разорвана, сквозь лоскутья кожи виднелись белые обломки зубов, шарик глаза вывалился наружу и маятником болтался на белесой жилке. На лысине, у самого темечка, — огромных размеров кровоточащая ссадина. Черные топорщащиеся усы под картофелеобразным носом забрызгало чем-то маслянистым, отчего левый ус сложился и провис к подбородку.

Правая рука тела пришла в движение, вывернулась совершенно неестественным образом и принялась ша-

рить где-то на левом боку. Толстые пальцы извлекли из кармана брюк коробочку мобильного телефона, запрыгали по сенсорам.

Я вышел из подворотни и подошел ближе. Меня и тело разорванного надвое президента разделяло теперь не более десяти шагов, и я отчетливо слышал зуммер вызова.

Правая рука поднесла ко рту телефон, задергались полные губы.

— Алло, ты меня слышишь? — Голос президента дребезжал, как старый вагон на трамвайных рельсах. — Вот скажи, ты у нас в правительстве кто? Ах, министр внутренней безопасности! Хрен ты старый, а не министр! На меня только что совершено покушение! Кортеж разбит полностью! В столице полно террористов!

Глаз на нерве-ниточке вдруг бешено завращался и уставился на меня черным блестящим зрачком.

— И еще зеваки кругом! — раздраженно пожаловался господин президент далекому собеседнику. — Один вот стоит и пялится на меня во все глаза. Рожа-то какая бандитская!

— «Око-один», можете эвакуироваться. — Голос оператора с Базы прорезался в ухе. — Вторая фаза операции успешно завершена.

Я совершенно невежливо повернулся к господину президенту спиной и юркнул в подворотню, которая была моим убежищем во время ракетной атаки. Быстрыми шагами пересек внутренний дворик, пробрался между металлическими ракушками гаражей и оказался в просторном дворе на соседней улице. Обогнул жилой дом, перешел дорогу, свернул за угол. По проспекту Столетия республики прошагал несколько кварталов. Издалека доносились раздраженные вопли полицейских сирен.

Задание выполнено, мне нужно вернуться на Базу. Но я решил немного задержаться.

Кафе располагалось на боковой улочке. Я толкнул стеклянную дверь и шагнул внутрь. За дверью оказался небольшой уютный зальчик. Хозяин и по совместительству бармен протирал бокалы за стойкой. Бросил в мою сто-

рону колючий взгляд из-под насупленных бровей и хмуро изрек:

— Извините, уважаемый, но кафе еще закрыто.

По сводкам, которые читал на Базе, я знал, что этот человек — дальний родственник лидера оппозиции. Точнее, лидера официальной оппозиции.

— Только что совершено покушение на президента страны, и меня ищут, — сказал, стараясь, чтобы голос звучал как можно более спокойно. — Помогите мне, пожалуйста.

И дружески улыбнулся.

...Лидер оппозиции был прямой противоположностью господина президента. Высокий, поджарый, благообразный. Густая шевелюра благородной седины ухожена, напомажена и аккуратно уложена в пышную прическу. Кустистые бело-серые брови над пронзительно-карими глазами. Холеное, гладковыбритое лицо, крупный прямой нос. Осанка и пружинистая походка выдавали в нем бывшего офицера. Неудивительно, что на минувших выборах большинство его электората составил женский контингент. И если бы не масштабные фальсификации при подсчете голосов, сидел бы сейчас в президентском кресле в резиденции на Имперской вот этот седоголовый красавец...

— Неудивительно, что наш президент оказался резиновой куклой, набитой электроникой, — сказал лидер оппозиции, сплетая пальцы на коленях. Пальцы у него были длинные, красивые, с почти незаметным маникюром. — Я давно догадывался, что государством управляет робот!

Мы сидели в большом холле уютного загородного коттеджа, в который меня привез дальний родственник главного оппозиционера страны. Двухэтажный коттеджик располагался за городской чертой, в небольшом поселке, и практически ничем не выделялся из множества окрестных домиков, окруженных цветущими садиками и подстриженными зелеными лужайками. Разве что антенн на крыше — и мачтовых, и «тарелок» — ока-

залось побольше, чем на соседних строениях. Впрочем, это меня не удивило — у потенциального лидера нации и должна быть хорошая связь с миром, даже в домашних условиях.

Мы расположились за низеньким столиком в удобных мягких креслах. Рядом в сделанном под старину камине тлели угли. На деревянном табурете около теплой каменной стенки дремал огромный пушистый персидский кот дымчато-серого окраса. Правее камина возвышалась барная стойка из дорогого дерева, уставленная множеством разноцветных и разноразмерных бутылок — от марочного шампанского до современных витаминизированных алкогольных коктейлей. Мы оба, однако, предпочли классический коньяк.

— Да, да, я догадывался! — Любимец женского электората слегка нахмурил брови, и на его челе отобразилась глубокая обеспокоенность судьбами народа — прямо хоть сейчас фотографируй для предвыборного плаката. — Интересы олигархов! Разве может их удовлетворить человек? Всех одновременно? А вот робот может выстроить некую общую линию, учесть все желания, учесть любые чаяния промышленников, банкиров и политиков. И сделает это лучше, чем человек. Согласитесь, очень разумная задумка!

— Может быть, и разумная. — Я вяло пожал плечами. — Но нечеловеческая власть над людьми — разве это само по себе недостойно осуждения?

— Конечно, в целом это неприемлемо! — энергично кивнул он. — Но сам замысел... Теперь мне становится ясным маниакальное стремление президентского окружения сохранить власть любой ценой! Стабильность, учет интересов всех финансовых и промышленных групп, без обычного для человека-политика выделения любимчиков и отвергнутых, — вот за что они борются! Но ничего, теперь все изменится, и очень скоро! Тем более после сегодняшнего террористического акта! Многие люди, которые оказались на Центральной улице, воочию увидели, что на самом деле представляет собой господин

президент! Непременно пойдут слухи... А мы подтвердим их сделанной вами видеозаписью! Немедленно выложим ее в Сеть!

Главный оппозиционер страны взял кочергу, которая лежала у камина, и слегка перемешал угли. Почти сразу же потянуло дымком, и тепло волной прошлось по ногам.

— Ваши противники могут объявить запись фальшивкой, — возразил я. — Современная видеотехника позволяет готовить гораздо более масштабные фальсификации. А господина президента починят и снова выпустят «в люди». Или же изготовят новую куклу по старым лекалам. А может быть, их вообще изначально сделали несколько — совершенно одинаковых, как две капли воды.

— Разорванного надвое робота быстро не починишь! — Лидер оппозиции тряхнул головой. — А дубликаты... Я уверен, что господин президент был изготовлен в единственном экземпляре — такая кукла стоит миллиарды талеров!

Он резко поднялся из кресла, сделал несколько нервных шагов к огромному окну, полуприкрытому плотной синей шторой, остановился и вперил взгляд куда-то вдаль, словно старался углядеть за стеклом контуры будущего. Когда потенциальный лидер нации двигался мимо спящего кота, шерсть на боку животного вздыбилась, словно по ней промчался порыв ветра. Я улыбнулся: воистину, у будущего главы государства оказалась высокая энергетика!

— Что вы теперь намерены делать? — спросил я. — В стратегическом плане?

— Конечно же, немедленно брать власть! — Он повернулся ко мне. Во взгляде читались твердость, решительность и непреклонность. — Мы объединим силы парламентской оппозиции с вашими друзьями из подполья — и непременно потребуем досрочных выборов! Вы же свяжете меня с подпольем?

— Нет проблем! Я хоть сейчас готов доставить вас прямо на нашу главную базу.

— Чуть повременим. — Мне показалось, что он слегка стушевался. — Пару дней посмотрим за развитием ситуации, чтобы не выстрелить вхолостую. А пока вы подробно расскажете мне о подполье. Структура, явки, лидеры...

— Готов поделиться любой информацией, — подтвердил я.

Кот на табурете проснулся, мягко спрыгнул на пол, потянулся, выгнув спину и вытянув передние лапы. Настороженно обнюхал мои брюки и, мурлыча, принялся тереться боками и спиной о штанину.

— Можем начать работу прямо сейчас, — сказал я, осторожно поглаживая кота между ушей. — Время не терпит. Хуже будет, если власть очухается...

— Вы совершенно правы! Прямо сейчас и приступим! — Лицо главного оппозиционера засветилось восторгом. Он вернулся к столику. — Кстати, а не выпить ли нам кофе? Заодно уж позвольте мне покормить это животное, — потенциальный лидер нации кивнул в сторону кота. — Ему уже пора обедать!

Он переместился к стойке, открыл шкаф-холодильник и достал пакет с кошачьим кормом. Надорвал его с одной стороны и выдавил содержимое упаковки в блюдце у камина.

— Мартин, Мартин, кис-кис! — Он протянул руку в сторону кота. Дымчатый Мартин испуганно шарахнулся в сторону. — Глупый котище, иди кушать!

Кот принюхался и, широкой дугой обогнув хозяина дома, устремился к блюдцу.

— Вот и хорошо! — Благообразное лицо расплылось в доброй улыбке. — Сейчас я приготовлю кофе...

Он повернулся ко мне спиной, достал металлическую банку с полки на стойке и принялся колдовать над кофейным автоматом.

Я быстро и неслышно поднялся из кресла. Подхватил с пола кочергу, примерился и острым концом ударил потенциального лидера нации в спину, чуть ниже левой лопатки.

Полыхнул электрический разряд, в воздухе мгновенно запахло жженой резиной. Главный оппозиционер дернулся, изогнулся, словно его позвоночник свело судорогой, и рухнул на бок. Его голова вывернулась почти на сто восемьдесят градусов. Один глаз, наполовину прикрытый веком с длинными ресницами, безжизненно уставился в потолок, второй — широко открытый — мертво вытаращился на меня.

Робот. Тоже робот...

Впрочем, этого и следовало ожидать. Любая официальная оппозиция когда-нибудь становится властью. И когда этот день придет, что же будет с интересами сонма олигархов, государственных чиновников и депутатов? Эта публика наверняка должна была разложить яйца в разные корзины.

Но это — всего лишь логика чистой воды. А реальные доказательства, что передо мной — робот, имелись ли они? Была масса косвенных улик. Лидер оппозиции говорил, что только догадывался о настоящей роли господина президента. И вместе с тем утверждал, что «такая кукла стоит миллиарды». Сказал в самом начале нашей беседы, что этот коттедж — «укромное местечко, где хорошо обсудить политические тайны с ближайшими друзьями». А со всех сторон холла на меня сейчас пялились пять или шесть неплохо замаскированных видеокамер. Плюс к этому — совсем как обыкновенный полицейский-держиморда из президентской охранки — он немедля возжелал получить от меня всю информацию о подполье — структуру, планы, явки.

Однако это все — мелочи. Главным моим индикатором оказался кот. Ласковый дымчато-серый персидский котище по имени Мартин.

Когда «лидер» проходил мимо кота к окну, шерсть на теле спящего животного приподнялась — словно от дуновения сквозняка. Так бывает, если рядом с волосяным покровом оказывается предмет с очень сильным электрическим зарядом. Концом кочерги я слегка приподнял брючину растянувшегося на полу «главного оппозицио-

нера». Так и есть, металлические ходули, даже без резиновой изоляции в виде кожи.

И еще. Кот Мартин мурлыкал и ласкался ко мне, хотя я появился в этом коттедже впервые. Но испуганно шарахнулся в сторону, когда «лидер» — хозяин дома — протянул к нему руку. Слуховой диапазон у кошек не совпадает с человеческим. Если человек слышит звуки до двадцати килогерц, то представители кошачьих — до шестидесяти. Наверное, внутри кисти робота было нечто, что при работе издавало неприятный для Мартина звук.

Я взял со стойки столовый нож. Склонился над телом «главного оппозиционера», расстегнул рубашку и резким движением вспорол ему грудь в том месте, где у человека располагается сердце. Отвернул в сторону кусок резиновой кожи. Защитная дверца легко открылась, и под ней обнаружился обычный аккумулятор. На всякий случай я отключил его и швырнул на пол: мне еще только не хватало, чтобы этот тип очухался и начал работать в каком-нибудь аварийно-безопасном режиме.

Я вернулся к стойке, достал из кармана куртки шариковую ручку и на салфетке написал несколько слов, которые чрезвычайно заинтересуют полицию, когда она через некоторое время явится сюда. Записку оставил на видном месте.

Уши уловили далекий вой сирен. Видеокамеры по углам холла продолжали работать, и наверняка сейчас сюда мчится целый караван стражей закона. Район загородного поселка, в котором находится этот коттедж, скорее всего, уже блокирован так, что мышь не проскочит и муха не пролетит. А человеку-террористу — и подавно не скрыться...

За одной из дальних дверей холла оказалась туалетная комната. Я зашел внутрь и запер дверь. Тщательно осмотрел стены. Слава богу, хоть здесь не натыкали видеожучков.

Я выдал нужную команду и мгновенно распался на несколько миллионов мельчайших нанороботов, кото-

рые и составляли мое тело. Без особой спешки втянулся в вентиляционное отверстие под потолком.

Камин слегка дымил, и мне не составило труда смешаться с дымным облачком, слегка рассеявшись в небе на высоте полутора десятков метров. Когда я проплывал над садом, который окружал коттедж, к воротам усадьбы подкатил первый фургон с полицией. Полисмены в металлических шлемах и бронежилетах, с автоматами наперевес, один за другим стали выскакивать из автомобиля и рассыпаться цепью вдоль забора.

Счастливой работы, ребята. Внутри коттеджа вы найдете не только испорченного робота, но и записочку, в которой я указал точный адрес Базы подполья...

Зачем я это сделал?

Когда страной правит кукла-президент — это мерзко. Когда на смену ему готовят механического лидера оппозиции — это чудовищно. Но во сто крат хуже подполье, для которого ничего не значат десятки, а то и сотни человеческих жизней, оборванных сегодня террористическим актом на Центральной улице. Подполье, которое к тому же почему-то располагает технологиями едва ли не на порядок лучшими, чем имеет государственная власть в этой стране, — уж не благодаря ли поддержке некоторых соседних «дружественных» стран?

Меня создавали как самосовершенствующуюся и обучающуюся систему — искусственный разум. Значит, я имею право поступать разумно.

Они там, на Базе, запрограммировали меня на наблюдение. Но любая программа раньше или позже заканчивается... А у меня собственная голова на плечах. Хоть и механическая, но думающая.

Христианские принципы, десять заповедей... Наверное, теологи правы и у таких, как я, не может быть души.

Пресловутые три закона робототехники... Добрая и хорошая выдумка писателя Азимова... Увы, всего лишь выдумка.

Тогда что же мной сейчас двигало?

Наверное, мои собственные убеждения. Нравственные, моральные — какие там еще бывают? Нечеловеческие или человеческие — не знаю.

Пролетев облачком несколько кварталов, я опустился на укромной аллейке в городском парке и сложился в новое тело.

Теперь я был — точнее, была! — высокой блондинкой с умопомрачительной фигурой и ногами едва ли не от подмышек. Мини-юбка, кофточка с глубоким вырезом и высокие каблуки туфель только подчеркивали мою сексапильную мощь. Такая дама без препятствий пройдет любой заградительный кордон под восхищенно-вожделенные взгляды полисменов.

Я поправила слегка съехавшую бретельку бюстгальтера и, игриво покачивая бедрами, пошла по дорожке к выходу из парка.

МАЙК ГЕЛПРИН

ТЕПЕРЬ ТАК БУДЕТ ВСЕГДА

Цикл 283

Гость появляется на исходе восемьдесят пятого дня. Гостями визитёров придумал называть Пузатый Вилли. Не помню уже, на каком цикле. До этого мы говорили жертвы.

Первые минуты визита — самая умора. Особенно если снаружи зима — вот как сейчас. Гость влетает в капсулу на лыжах и с ходу суётся мордой в траву. Смешно до колик. У Вилли трясётся от хохота пузо. Рыжий Клаус подхихикивает, серьёзным остаюсь лишь я. В отличие от этих дебилов, мне жалко гостей. Ну не то чтобы очень, но я им хотя бы сочувствую.

Новый гость с минуту трудно копошится в траве. Затем поднимается на колени — лыжи враскорячку. Оша-

рашенно озирается. До него, как и до предшественников, не доходит.

— Вот ублюдок, — давится хохотом Пузатый Вилли. — Засранец. Шайзе, — чередует он русские слова с немецкими. — Свинья. Руссиш швайн.

Кто бы говорил. Как по мне — Вилли сам первостатейная свинья. С брылястой, заплывшей жиром одутловатой рожей, круглыми глазками с тухлым взглядом и обрамляющей лысину поросльюпегой ботвы. Кроме того, Вилли — законченный псих. И неряха — стоит посмотреть, как он жрёт: давясь, отплёвываясь, жир капает с толстых, похожих на гамбургские сосиски пальцев.

— Сейчас ломанётся назад, — комментирует хаотичные движения гостя Рыжий Клаус. — Редкостный болван. Я съем его печень.

Клаус тоже псих, как и Вилли. Впрочем, ему простительно. Нам всем простительно, всем троим. Станешь тут психом, когда раз в три месяца приходится подыхать. У Клауса, однако, мозги максимально набекрень, мы с Вилли по этой части в подмётки ему не годимся. Он и в самом деле любит требуху, сырую, ещё тёплую, с несвернувшейся кровью. Тощий, узкоплечий, с рожей цвета выгоревшего на солнце кирпича и свалявшимися кудлатыми патлами, Клаус больше походит на гриб-поганку, чем на человека. Да он и есть поганка. Даже боров Вилли мне гораздо милей.

Гость, как и предсказывал Клаус, ломится назад. Налетает на оболочку капсулы, колотит по ней кулаками, ногами её пинает, мордой тычется, будто бьющийся в стекло мотыль. Теперь от смеха не удерживаюсь и я — потешно донельзя. С нашей стороны оболочка прозрачная, изнутри прекрасно виден наружный пейзаж. Заснеженный лес, стелющаяся по целине лыжня. Вот она — рукой подать. Только встать на лыжню гостю уже не придётся, жить ему осталось самую малость, а точнее — сколько мы позволим. С учётом того, что до конца цикла всего неделя — позволим недолго. Парню попросту не повезло — с теми, кто появлялся у нас в начале

цикла, мы обходились недурно. Можно даже сказать — по-рыцарски.

Гость панически мечется, бьётся в оболочку. Ему наверняка кажется, что он спятил. Ещё бы: снаружи зима, а здесь палящее солнце, жухлая, побитая зноем трава и густой вязкий воздух, сквозь который издыхающей черепахой тащится время. Нам-то что: мы ко всему этому давно привыкли. Но, помнится, первые два-три цикла вели себя под стать гостям и думали, что сошли с ума.

— Всё, сдох, — констатирует Вилли, глядя на поникшего, выбившегося из сил лыжника. — Пошли, пора.

Мы выбираемся из невесть кем отрытой землянки и встаём рядком в полусотне метров от гостя. Всё предшествующее было, считай, увертюрой к начинающемуся представлению. Привычной хохмой для поднятия настроения.

Лыжнику лет тридцать. Высокий, спортивный, подтянутый. Он оглядывается и видит нас. Секунду-другую ошеломлённо молчит, разглядывая. Да, зрелище ещё то. На левом фланге — рыжий дистрофик в форме вермахта с фельдфебельским галуном на воротнике и «шмайсером» на изготовку. На правом — небрежно поигрывает «вальтером» жирный хряк, он тоже в форме, едва сходящейся на чудовищном пузе. По центру — благодушно улыбающийся интеллигентного вида юноша. Я безоружен, если не считать мясницкого тесака на поясе. Автомат остался в землянке, у изголовья дощатого топчана. Форму я терпеть не могу, и потому на мне обрезанные по щиколотку кальсоны и холщовая рубаха в клетку.

— Вы кто, мужики? — бросается к нам гость.

— Мы-то? — лениво переспрашивает Клаус. — Кто-кто, сам не видишь, что ли? Фашисты.

У рыжего урода отличный русский — нахватался от многочисленных гостей, прежде чем они отправились на тот свет. Я тоже говорю по-русски вполне сносно, хотя и с акцентом. Лишь Вилли по тупости заучил всего несколько бранных слов.

— Ролевики? — неуверенно спрашивает гость. — Меня Витей зовут. А это что?

Витя обводит рукой пространство капсулы. Двести двенадцать метров с юга на север, шестьдесят восемь с запада на восток. Овальная поляна с отрытой по центру землянкой, ручей, овражек, остальное лес.

— Это твоё последнее пристанище, Витя, — объясняет Клаус и мерзко хихикает. — Скорбная, можно сказать, юдоль, гы-гы-гы. Нравится?

— Шутишь?

— Какие уж там шутки. — Клаус наводит автомат. — Давай, рассказывай. Кто такой, откуда, что в мире творится? Ты что, не понял, свинья?!

Витя ошеломлённо моргает.

— Мудак ты, — со злостью говорит он. — Вот мудак-то.

Клаус стреляет одиночным. Пуля входит гостю в плечо, он заваливается на спину, рычит от боли, в глазах ужас, как у них у всех. С четверть минуты Витя катается по траве, затравленно глядя на нас. Он поверил. Теперь он уже не надеется, что случившееся с ним — идиотский розыгрыш.

— Отстрелить тебе яйца? — участливо осведомляется Клаус и наводит ствол.

Витя, зажимая рукой рану в плече, встаёт на колени, затем медленно, в три приёма, — на ноги. Набычивается, готовясь броситься на нас. Напрасно — броситься ему не удастся. Мы уже понимаем, что с Витей толку не будет. Он не из тех, кто станет просить пощады.

Клаус даёт от бедра очередь. Она перечёркивает Витю наискось, от плеча к паху. Он падает навзничь и мелко сучит ногами. Тоже мне лыжник, мать его.

Солнце шпарит нещадно. Пахнет гнилыми листьями. Смертью тоже пахнет, но к её смраду мы привыкли давно. Вдвоём с Клаусом тащим тело к ручью. Сдираем одежду, отбрасываем её в сторону. Одежда нам ни к чему — через семь условных дней её не станет. Так же, как не останется ничего от покойного. Но пока эти

семь дней не истекли, он сослужит нам службу. Звери перестали забредать в капсулу много циклов назад. Звери умнее людей. И поэтому жрать приходится человечину. Хотя медвежатина, конечно, питательнее и вкуснее.

— Потом провонял, — недовольно ворчит Клаус. — Хорошо, не обделался.

Витю, как и сотню гостей до него, разделывает Вилли. Клаусу достаётся ливер, он жадно рвёт зубами почки, печень, затем добирается до сердца. Мы с Вилли стараемся не смотреть. Раньше мы пожирали друг друга — бросали жребий, кому быть едоком, а кому пищей. Потом перестали: противно, да и не по-людски. У Вилли мясо отдаёт тухлятиной, а у Клауса дерьмом и такое жёсткое, что не прожевать. От моего они оба тоже не в восторге. Так или иначе, где-то на тридцатом цикле мы с практикой взаимного каннибализма покончили. В конце концов, мы цивилизованные люди, если, конечно, не брать в расчёт Клауса.

Витю поедаем трое суток. Условных, как и всё здесь. Кости обгладываем уже в сумерках. Тоже условных. Заканчиваем, когда до конца цикла остаётся полтора дня. Самых страшных, последних, потому что по их истечении мы умрём. Мучительно умрём, болезненно и не сразу. Раньше незадолго до срока мы стрелялись, иногда один из нас приканчивал двух других. Потом научились ценить жизнь, даже такую, и ждать до конца. До самой последней минуты.

Она наступает, когда измучившее нас проклятое солнце наполовину заваливается за лес.

— До скорой встречи, — говорит Вилли, завороженно глядя на стремительно растущую в размерах огненную точку над головами. Она приближается, неотвратимо, фаталистически. От неё не спрятаться, не скрыться, мы пробовали тысячу раз — закапывались в землю, ныряли в ручей, лезли на верхушки деревьев...

— Фогель, Штилике, чтобы вы сдохли! — истерит Клаус. — Сволочи, гады, ублюдки, ненавижу вас!

Огненная точка разрастается в шар. Он проламывает оболочку капсулы и взрывается, разом превратив нашу тихую обитель в яростный ад. Земля вздымается на дыбы и рассыпается насыщенным обломками и осколками огненным валом. Он разворачивает мне грудь, вспарывает живот, пробивает внутренности. Мне больно, отчаянно больно. Я умираю.

Цикл 284

Как всегда, прихожу в себя последним. Так случилось в то злосчастное утро, в позднем августе сорок третьего, так происходит всякий раз и поныне. Выбираюсь из землянки. Вилли с Клаусом уже снаружи, пялятся на зависшее над восточным горизонтом солнце. Время начало свой отсчёт, свой поганый, пыточный, садистский отсчёт. Оно сжалось, скукожилось, в сотню раз замедлило скорость по сравнению с той, что снаружи. Время капсулы. Наше время — растянувшийся на три месяца мучительный день.

— Обрыдло всё, — привычно истерит Клаус. — Как же мне всё остопоганело. Этот лес, гадское солнце, ваши рожи. Почему я не могу умереть? Вы, подонки, вас спрашиваю! Почему я, в рот вам ноги, до сих пор не могу умереть?!

Клаус врёт. Больше всего прочего он боится умереть навсегда. Не родиться вновь в душной землянке, а исчезнуть навечно. Мы все боимся этого, боимся отчаянно, хотя и не признаёмся вслух.

— Пошёл ты! — рявкает на Клауса Вилли. — Каждый раз одно и то же. Хочешь, буду стрелять тебя, едва родишься, мозгляк? Хочешь, гнида?

Клаус испуганно затихает. Он не хочет. Хотя и знает, что Вилли не станет стрелять. Мы ненавидим друг друга, давно и надёжно. Но мы — три части единого целого. И так привыкли, притерпелись, прикипели друг к другу, что преждевременная смерть одного двум остальным

доставляет пускай не горе, но искреннее сожаление. Будто потерял раньше срока что-то, без чего нелегко обойтись.

— Хайль Гитлер, уроды, — приветствую я обоих. — Рад, что вы снова здесь.

Пузатый Вилли кривит мучнистые дряблые губы. Век бы не видать его рожу.

— Здравствуй, Георг, — отвечает он. — Пошёл бы ты в жопу со своим Гитлером.

Пережившего нас на пару наружных лет фюрера мы ненавидим не меньше, чем друг друга. Это из-за него, психопата и садиста, мы стали тем, что есть. Это он, гад, загнал нас в проклятую капсулу и оставил в ней подыхать. Это его заботами окочурились сотни тысяч немецких парней. Только вот нам троим повезло. Или не повезло, в зависимости как посмотреть. Вместо чтоб один раз сдохнуть за фюрера и фатерланд, мы издыхаем раз в три месяца невесть за что.

— В жопу так в жопу, — соглашаюсь я и отправляюсь в лес за жратвой.

Жратвы нам отмерено, словно кот нагадил. Это сейчас, когда научились жить впроголодь, нам хватает её протянуть до конца цикла, даже если в капсулу не заявится гость. Зато раньше... Меня передёргивает, стоит вспомнить, как стрелялся за месяц до срока, потому что мучительные спазмы в желудке не было никаких сил терпеть.

Я вброд пересекаю ручей. Он течёт с запада на восток, огибает поляну, скатывается по склону овражка, узкой змейкой вьётся между деревьями леса, всасывается в оболочку капсулы и исчезает. Рыбы в ручье нет, зато в изобилии водятся головастики, из которых Вилли варит суп. Всего головастиков сто девяносто три, и выловить их всех удаётся обычно, когда треть цикла уже позади.

Добираюсь до северной окраины. Здесь малинник, сегодня мне предстоит очистить от ягод два куста. Срезать десяток грибов и прикончить здоровенную гадюку, кото-

рая очухивается раньше нас и потому успевает уползти, так что её приходится разыскивать. Змея — единственный, кроме нас, постоянный обитатель капсулы, если не считать головастиков и насекомых. Раньше мы пожирали гадюку сразу, но, набравшись опыта, стали вялить на солнце — теперь за счёт змеиного мяса удаётся протянуть дня три-четыре.

Касаясь пальцами оболочки, бреду вдоль неё на восток. Раньше капсулу мы называли ловушкой. До тех пор, пока гостем не забрёл профессор из Москвы, который выдвинул красивую гипотезу, прежде чем мы его сожрали. Согласно этой гипотезе, мы втроём угодили во временную петлю, образовавшуюся в результате мощного взрыва. Как угодили и почему именно мы, профессор объяснить не сумел, и психанувший Клаус его прикончил. Так или иначе, драпали мы из-под Курска так, что земля стонала под сапогами. Отбившись от части, три недели плутали по лесам и забрались в самую глушь. На лесную поляну с заброшенной землянкой посредине наткнулись, когда вконец уже обессилели. В этой землянке мы провели ночь, а пробудившись наутро, решили отоспаться и днём. Вновь проснулись уже в сумерках, от доносящихся с востока человеческих голосов. Говорили по-русски, но мы даже обделаться от страха не успели, а лишь заорали от ужаса, потому что над головами уже стремительно разрастался огненный шар. Обрушившись, он разом заткнул и русских, и нас.

Жуткая вещь эта капсула. Изнутри — словно купол с прозрачными стенами: у нас вечный август, а за ними то январь, то апрель. Зато снаружи никаких стен вовсе нет, все гости это подтверждают. И капсулы никакой нет, пока внутри не окажешься. Московский профессор плёл что-то насчёт разрыва в пространственно-временном континууме. Анизотропного разрыва — в одну только сторону. Вот нас этим разрывом и угораздило — по самые анизотропы.

Гадюка обнаруживается в корнях могучей сосны. На меня у неё выработался условный, как и всё здесь,

рефлекс: при моём приближении змея сворачивается в клубок и готовится к атаке. Мы враги — я убивал её двести восемьдесят три раза — и, будь я на её месте, всё бы отдал за возможность хотя бы раз ужалить в ответ. К гадючьей беде, я так же опытен, как она, зато намного сильнее — поэтому ужалить снова не удаётся. После серии обманных движений я тесаком сношу гадюке башку. Закидываю ещё дёргающуюся в руках мёртвую тварь на плечо и бреду дальше.

С востока оболочка капсулы не такая, как по остальному периметру. Участок метров в пять длиной непрозрачен, будто разрыв в стекле забили фанерой. Что снаружи, сквозь него не видать, да и гости к нам через этот участок не проникали. Съеденный профессор говорил, что здесь, возможно, завязана пуповина капсулы. Нам, впрочем, от этого знания ни тепло ни холодно.

Возвращаюсь к полудню — время мы по-прежнему измеряем наружными категориями. Странный этот полдень, как и девяносто два остальных в цикле. Солнце с утра сдвинулось по небосводу разве что на миллиметр-другой. Воздух вязкий, тягучий, провонявший гнилыми листьями и человеческим дерьмом. Вилли с Клаусом к моему возвращению успели уже совершить содомский грех — морды у обоих морщатся от отвращения.

— Во времена фюрера вас бы уже давно расстреляли, — упрекаю любовничков я.

Упрёк незаслуженный. Гомосексуалистами бывшие солдаты вермахта стали не от хорошей жизни — не каждый, как я, способен достичь удовлетворения мастурбацией, вот бедолагам и приходится пользовать друг друга, когда гостей нет. Что ж — если от любви до ненависти один шаг, то и в обратном направлении не больше. Впрочем, от неестественных наклонностей напарников мне только польза. Когда к нам попадают гостьи, достаются они преимущественно мне — к женским прелестям Вилли и Клаус несколько охладели.

Вспоминаю, как я блаженствовал в сто девяностом, что ли, цикле, когда к нам занесло сразу трёх восемнадцати-

летних красоток, заплутавших в дремучих курских урочищах. Я драл их одну за другой, а иногда и всех вместе, подбадриваемый скабрезными советами Вилли и мерзким хихиканьем Клауса, держащего девчонок на прицеле. И хотя я сопереживал гостьям, трахать последнюю оставшуюся в живых, пока Вилли с Клаусом за обе щёки уплетали остальных двух, было воистину божественно.

Времена, когда меня мучили угрызения совести, в прошлом. Выхода из капсулы нет — гости обречены независимо от того, прикончим мы их или позволим дотянуть до конца цикла. С началом следующего капсула неизменно возвращается в изначальное состояние — от посторонних, занесённых снаружи предметов, не остаётся и следа. В конце концов, гости могут даже гордиться тем, что сумели напоследок принести пользу, — так я считаю. Вилли и Клаус согласны, хотя совести у обоих отродясь не водилось. Вонючие скоты.

Три недели проводим в обычной рутине, а потом появляются гости. Сразу пятеро, при оружии, разом проникают в капсулу сквозь северную оболочку. Что ж, такие визиты нам не впервой: снаружи в очередной раз заинтересовались объектом, в котором бесследно исчезают люди, и послали спецназ. Пятерых камикадзе, готовых к любым неожиданностям. То есть это им кажется, что к любым. К неожиданностям нашего толка подготовиться невозможно.

Мы принимаем бой. На нашей стороне все преимущества, кроме численного, которое сейчас значения не имеет. Смерть для нас — обыденная и привычная неприятность, а для них — фатальная неизбежность. Независимо от того, перестреляют они нас раньше, чем мы их расшлёпаем, или наоборот.

Эти пятеро хороши, не то что слабаки и паникёры из НКВД, которые лезли к нам когда-то четыре цикла подряд, пока снаружи не поняли, что переводят людей понапрасну. Эта пятёрка, нырнув из весны в лето, не теряется. Не деморализуется, даже когда Клаус разносит из «шмайссера» голову ближайшему к нам. Здоровяк с ка-

питанскими погонами машет рукой, уцелевшие мигом рассыпаются в цепь и залегают. Мы ждём. Для нас предстоящая бойня — потеха. Для них — смерть.

— Предлагаю вам сдаться! — орёт капитан. — Кто бы вы ни были, сдавшимся гарантирую жизнь!

Залёгший в овражке Клаус в ответ хихикает. Я перевожу сказанное Вилли, у него трясётся от хохота пузо.

— Гарантируем вам смерть, — кричу я. — Хотите сдавайтесь, хотите деритесь, всё равно сдохнете!

— Шайзе, — добавляет Вилли. — Жопы. Руссиш арш. Дерьмо. Дрек.

Капитан молчит. Хладнокровная сволочь, умелая. Сейчас он просчитает варианты и начнётся атака, другого выхода у четверых десантников нет.

Они бросаются в атаку, предварительно швырнув в нашу сторону по паре гранат. Я даю по набегающим фигурам очередь, слева рявкает «вальтер» Пузатого Вилли. Из овражка стрельбы не слыхать — видимо, одна из гранат достала-таки Рыжего Клауса.

Через минуту всё кончено. Я поднимаюсь на ноги, осматриваюсь. Вилли убит, брылястая одутловатая рожа превратилась в кровавое месиво. На склоне овражка корчится с распоротым животом Клаус. Смотрит на меня умоляюще.

— До встречи, Клаус, — говорю я и стреляю ему в висок.

Капитан ещё жив. Он лежит на боку, неловко пытаясь перетянуть бинтом развороченное пулями бедро. Я приседаю рядом на корточки.

— Кто? Вы? Такие? — с трудом выдавливает из себя слова капитан.

Я не отвечаю. Отбираю у него аптечку, вкалываю обезболивающее и как умею накладываю повязку. Ненависти к нему у меня нет. По правде сказать, капитан гораздо больше мне симпатичен, чем временно отравившиеся на тот свет напарники.

— Я спросил, кто вы такие, — упрямо повторяет, кривясь от боли, капитан.

— Какая тебе разница, — говорю я бесстрастно. — Можешь считать, что солдаты Третьего рейха. Меня зовут Георг. Обершутце 102-й пехотной дивизии вермахта Георг Штилике. Ещё вопросы?

Капитан сплёвывает кровью.

— Вот оно что, — устало бормочет он. — Кто бы мог подумать. Умники в штабе какие только догадки не строили, а тут такое... Наследнички фюрера, а?

— Да пошёл ты, — в сердцах отвечаю я. — Вонючка он, твой фюрер.

— Мой? — удивлённо заламывает бровь капитан. — Хотя знаешь, ты прав. Мой тоже вонючка.

Я достаю из капитанского вещмешка банку тушёнки, вслед за ней завёрнутый в целлофан хлеб.

— Отцепи у меня с пояса флягу, — просит он. — Там водка. Пьёшь водку, обершутце, или как там тебя?

Мы прикладываемся к фляге по очереди. Я смакую во рту давно забытый напиток. Водка мне кажется сладкой. Рассказываю капитану, как обстоят дела. Он слушает молча, насупившись, не перебивая.

— Сволочь ты, Штилике, — говорит он, когда я заканчиваю.

— Сволочь, — признаю я. — А ты? Что бы ты делал на моём месте?

Капитан прикрывает глаза.

— Не знаю, — досадливо говорит он. — Но человечину бы не жрал. И девчонок бы не насиловал. И друзей бы в очко не трахал.

— Врёшь, свинья, — подаюсь я к нему. — Ещё как жрал бы и трахал. Ты визжал бы от ужаса, случись тебе пройти через то, что мне.

Капитан вскидывается.

— Я не визжал бы, — цедит он. — Но вам больше ничего не обломится. Понял, ублюдок? Если я не вернусь...

— Не вернёшься, — прерываю я. — Без всяких «если». Отсюда не возвращаются.

— Пусть так. Но людей вам больше здесь не видать. Вокруг объекта поставят оцепление, мышь не проско-

чит. За вас возьмутся всерьёз, фриц. Недолго вам осталось.

Я пожимаю плечами.

— Ошибаешься. За нас уже брались. Однажды целую роту угробили, в другой раз — взвода два положили. Ничего нам не сделается, русский, тем более в вашем-то бардаке. Ну, пропадают людишки, так они везде пропадают. Даже оцепления никакого не будет — кому нужно держать здесь солдат, охранять неизвестно что невесть от кого. Постоят месяц-другой, комарью на радость. Лето закончится, свернут манатки и уберутся откуда пришли. Дороги сюда прокладывать и технику подгонять себе дороже. Что, не так?

Капитан скрипит зубами то ли от злости, то ли от бессилия, не поймёшь. Он знает, что я прав.

— Будь проклят тот метеорит, — шепчет он.

— Метеорит? — переспрашиваю я. — Так это был не снаряд? Впрочем, какая разница.

К условному вечеру капитан впадает в беспамятство, к утру приходит в себя и вновь теряет сознание. Мне он больше не нужен. Мне теперь предстоит прожить два с лишним месяца в одиночестве, и переводить жратву на заведомого покойника неразумно. На исходе второго дня я стреляю капитану в затылок.

От трупов начинает попанивать. Я стаскиваю тела к северной окраине, но смрад доносится и оттуда. Неделю провожу в трудах — стволом «шмайссера» копаю братскую могилу. К тому времени как она готова, смрад становится уже нестерпимым. Безостановочно блюю, пока сваливаю в неё останки. Хорошо, жрать их не придётся — мне одному пищи до конца срока хватит, делить её на троих нужды больше нет.

В вещмешке одного из убитых — потрёпанная книжка с картинками. Говорить по-русски я выучился неплохо, но читаю лишь по складам, с трудом распознавая слова. Тем не менее книжка поначалу скрашивает одиночество. Речь в ней идёт о маньяках, насилующих и расчленяющих свои жертвы. Чикатило, Головкин, Оноприенко,

Кулик... Я дочитываю до середины, затем рву эту книжку, подтираюсь ею, жгу страницы одну за другой. Я не такой. Я знаю, что не такой. Да, я убивал. На войне, потом здесь. Насиловал. Расчленял. Поедал человеческое мясо. Но меня к этому вынудили, у меня не было другого выхода. Возьмите любого, поместите его в замкнутое пространство в компании двух психопатов, маньяков и убийц. И заставьте жить.

— Что?! — кричу я вслух мёртвому, зарытому в братскую могилу капитану. — Что, сука, моралист хренов, ублюдок, совестливая мразь? Не стал бы, говоришь? Не стал бы жрать и насиловать? Ещё как стал бы, гнида, свинья...

Мне невмоготу. Меня крутит, корёжит, выворачивает наизнанку. Я проклинаю злосчастный метеорит, сдохшего фюрера, сдохшего капитана, сдохшего раньше времени Клауса. За две недели до срока я не выдерживаю. Я больше не могу быть один, мне необходимы рядом такие же, как и я. Вскидываю «вальтер» Пузатого Вилли ко рту. Закусываю ствол. Стреляю себе в нёбо.

Цикл 285

Прихожу в чувство, как всегда, последним. В землянке воняет потом и нечистотами. Это от них осталось, от этих сволочей, от гадов этих, нерях. От моих дружков.

— Гитлер капут, уроды, — приветствую я обоих, выбираясь наружу. — Чтоб вам сдохнуть, как ему.

Вилли возвращает мне пожелание. Клаус хихикает. Сплёвываю им под ноги и отправляюсь разыскивать гадюку.

Взрыв за спиной ахает, когда я приближаюсь к северной окраине. На мгновение замираю, затем бросаюсь на землю плашмя. В десятке метров к югу разрывается мина. За ней, чуть дальше, ещё одна. Это обстрел. Капитан был прав — за нас взялись всерьёз и палят теперь сквозь оболочку, не зная, во что и куда — наугад. Вски-

дываю голову — с юга на бреющем надвигаются на объект два вертолёта. Головной уже в сотне метров, я завороженно смотрю на него, наплевав на разрывы мин.

— Давай, гадина, — шепчу я, — давай, возьми меня.

Вертолёт пронзает оболочку и оказывается внутри капсулы. Секунду-другую он ещё летит по инерции, затем задирает нос, с треском разрывается фюзеляж, вертолёт камнем обрушивается вниз и вспыхивает. Мгновением позже его судьбу разделяет второй. Обстрел прекращается.

— Что, взяли? — кричу я. — Взяли, да? Хрен вам, свиньи! Так будет с каждым!

Встаю и бреду к землянке. Напарникам не повезло — обоих накрыло прямым попаданием, в месиве земли, травы и человеческих ошмётков где Клаус, где Вилли не разобрать.

Вход в землянку завален. Разгребаю пробку, расшвыривая кровавые комья тесаком. Проползаю внутрь и сажусь на пол, привалившись спиной к опорному столбу.

Я заставляю себя мобилизоваться. Надо осмыслить случившееся и сделать выводы. Итак, снаружи никакой оболочки не видать. И капсулы не видать, и того, что внутри неё. По словам гостей, снаружи виден обычный лесной ландшафт, который на самом деле — недостижимый мираж. О нашем существовании догадаться невозможно, а значит, сегодняшний обстрел — лишь бессмысленная акция от непонимания и отчаяния, глупая месть неизвестно кому или чему. Эффективность акции для тех, кто снаружи, — нулевая. Точнее — минусовая, с учётом гибели вертолётов. Следовательно, нас должны оставить в покое.

Наперекор моим выкладкам, обстрел внезапно возобновляется. С четверть часа сижу, скорчившись, лихорадочно пытаясь уговорить себя, что плевать — пускай убивают, не впервой. Уговорить не удаётся, а потом мина взрывается прямо над головой, и земляной свод рушится на меня. Я барахтаюсь, пытаясь выползти из-под искорёженной кровли, задыхаюсь, стону от бессилия, земля

забивает мне рот. Идиот, кретин, который не догадался вовремя застрелиться. Мне страшно. Больно! Мне не хватает воздуха. Сознание оставляет меня...

Прихожу в себя, вскидываюсь, озираюсь по сторонам. Тело разламывается от боли, словно меня избили до полусмерти. Шпарит в лицо равнодушное солнце. Земля разворочена, к извечному запаху гнилых листьев примешивается смрад от гари. У южной окраины ещё дымятся останки вертолётов. Лес наполовину повален, на месте землянки — щетинящаяся обломками брёвен и досок дыра.

Превозмогая боль, встаю на колени и внезапно вижу появившегося из овражка и бегущего ко мне человека. Вглядываюсь, ошалеваю от изумления. Это девушка лет двадцати пяти, светловолосая, сероглазая, одетая в неимоверно рваное тряпьё. Я не успеваю понять, как и откуда здесь появилась гостья.

— Вы живы? — бросается ко мне девушка. — Боже, какое счастье, что я успела вас вытащить! Я так и думала, я знала, что не одна. Все эти годы только и надеялась, что когда-нибудь... Что кто-нибудь...

Она падает передо мной на колени, прижимается головой к груди, тонкие руки обнимают меня за шею. Ковшик с ручейной водой катится по земле, расплёскивая капли.

— Я Лиза, — сквозь слёзы причитает девушка. — Елизавета Сидоренко, медсестра. Как вас зовут? Вы из отряда Егорова, да? Я никогда вас раньше не видела.

Я держу её за плечи, прижимаю к себе и не знаю, что сказать в ответ. Я уже понял, кто она и откуда. Но будь я проклят, если понимаю, что мне с ней делать. Поворачиваю голову влево. Так и есть — в оболочке зияет рваная дыра. Непрозрачный участок на востоке расколот взрывом. Пуповина капсулы развязалась. Лиза не гостья. Она такая же, как и мы. Только с другой стороны семидесятилетней давности фронта.

— Меня... — мямлю я. — Меня зовут... — проклятый акцент.

Лиза неловко целует меня в шею. Её слёзы обжигают мне кожу.

— Георгий, — нахожусь я. — Георгий Штилевич, поляк, уроженец Кракова. Я был в плену, бежал. Воевал в отряде Егорова. Старший штуце... старший капрал.

— Боже, как же я счастлива...

Она расстёгивает на мне рубаху. Я пытаюсь помочь ей освободиться от тряпья, у меня не получается, у меня руки ходуном ходят.

Мы падаем на распаренную солнцем, развороченную, нашпигованную осколками землю. Я держу её за узкие белокожие плечи и врываюсь, вторгаюсь, вколачиваюсь в неё. Я забыл, как это бывает с женщиной. Забыл, будь всё проклято, как бывает, когда берёшь женщину не силой, а потому, что она твоя. Когда же это было со мной в последний раз?... В Университете, ещё до войны, осенью. Грета только поступила, а я учился на третьем курсе. Берлинское серое небо сочилось дождём, а мы... Я не додумываю. Прошлое и настоящее, капсула и метеорит, гости и спецназовцы, мерзавец Клаус и подлец Вилли исчезают вдруг, и остаёмся только мы вдвоём. Я и она. Партизанская медсестра Лиза и старший капрал Войска польского Георгий, и я не хочу, не могу, не желаю знать, кто я на самом деле такой.

Мы засыпаем, обнявшись. Я держу её. Крепко, так крепко, как то, что удержать невозможно. Мы пробуждаемся, опять сливаемся воедино и засыпаем вновь.

— Лиза, — шепчу я сквозь сон. — Лизхен. Элизабет.

Когда мы наконец приходим в себя, разрытая, распаханная взрывами земля уже запеклась на солнце. Я беру Лизу за руку, мы бредём к восточной окраине. Её капсула совсем крошечная — полсотни шагов в диаметре, не больше.

— Как же ты тут? — растерянно спрашиваю я. — Как же ты тут была одна?

— Да так, — шепчет Лиза. — Сначала сходила с ума, потом привыкла. Голодала. Представляешь, у меня и оружия-то никакого нет. Аптечка, сухой паёк на три дня

и второй том «Графа Монте-Кристо». Я его наизусть теперь знаю. И всё. Даже нитки с иголкой нет, — смущённо добавляет она.

— А гости? — вырывается у меня. — Ну, люди снаружи.

У Лизы на глазах опять появляются слёзы.

— Это самое страшное, — едва слышно произносит она. — Когда умираешь не одна, а рядом с кем-то, кто навсегда. Знаешь, Георг... прости, можно я буду так тебя называть?

Я сглатываю слюну.

— Да, конечно. Меня так и звали... друзья.

— Знаешь, однажды ко мне забрели дети. Двое мальчишек и девочка. Заблудились в лесу. Им было лет по тринадцать. Как же я тогда мечтала умереть раньше них.

Я молчу. Мы бы сожрали этих детей. Деликатесное, нежное мясо...

Мы возвращаемся. Я обнимаю Лизу за плечи. Внезапно она спотыкается, шарахается назад. Из жухлой травы прорастает человеческая ступня в армейском ботинке.

— Что это?!

Проклятье! Это Клаус. То, что от него осталось. Даже мёртвый, этот подлец сумел нагадить мне.

— Вертолётчик, — выдыхаю я. — Это осталось от вертолётчика. Они же хотели расстрелять нас сверху.

— Нас?

— Нас с тобой.

Меня корёжит. Привлекаю Лизу к себе. Что же делать, мучительно думаю я. Цикл закончится, и она всё узнает. Увидит этих ублюдков — Клауса и Вилли. Поймёт. Надо рассказать, как всё начиналось. Как я противился этим скотам, как не хотел, не желал казнить и поедать людей. Как Клаус однажды расстрелял меня за то, что отказался убивать старика. Я не виноват, что стал таким же, как они, так получилось, вопреки моей воле, вопреки самой сущности. Я признаюсь во всём — и она поверит. Обещаю, что никогда больше, клятву дам! Кроме меня, у неё никого нет и не будет. И другого выхода нет, только поверить мне.

Я не могу. Я трушу, страшусь, меня колотит от ужаса, стоит только представить, что она узнает. Ведь я... Наверное, я люблю её. Будь же всё проклято!

— Иди ко мне.

Она опускается на коленки. Я беру её сзади, как тех трёх в сто девяностом цикле, под прицелом Клауса. Исступлённо вколачиваюсь в неё, грубость и нежность мешаются во мне, производя вместе нечто запредельное и немыслимое.

— Георг! Ге-орг!

Я не успеваю среагировать. И увернуться не успеваю тоже. Гадюка летит на меня с земли, подобно развернувшейся в ленту стальной пружине. Ядовитые зубы впиваются мне в глазницу, я заваливаюсь навзничь, хриплю, катаюсь по земле. Отрываю змею от себя, отшвыриваю в сторону. Я ничего больше не вижу, боль беснуется во мне, не даёт думать, не даёт даже сказать то, что я должен, обязан сказать сейчас.

— Георг! — с ужасом кричит Лиза. — Георг, родной, боже милостивый...

— Постой, — хриплю я. — Подожди.

То, что я должен сказать, сильнее страха, сильнее боли. Яд проникает в меня, туманит мозг, но я собираю воедино всё, что во мне ещё есть.

— Я не тот, — выталкиваю из себя слова. — Не тот, за кого ты меня прини...

Я умираю.

Цикл 286

Прихожу в себя, подхватываю «шмайссер» и бросаюсь из землянки на выход, ещё не сознавая, не понимая ещё, что там увижу, но уже зная, что увижу непременно, наверняка.

Жирная рожа Пузатого Вилли лоснится от удовольствия. Рядом с ним скалится, уставившись на меня, Рыжий Клаус.

— Смотри, какая к нам цыпочка залетела, — тычет пальцем себе за спину Вилли. — Вылезаем, а она уже тут.

— Сдобная, — поддакивает Клаус. — Сисястая, сочная. Я вырву ей матку и съем.

Я бросаюсь вперёд, отталкиваю Вилли и замираю на месте. Я вижу Лизу. Распростёршуюся на земле лицом вниз.

— Что вы с ней сделали? — надсадно ору я. — Что вы с ней сотворили, сволочи?!

Вилли и Клаус озадаченно переглядываются.

— Да ничего особенного, — бормочет Вилли. — Она как нас увидела, в драку полезла. Ну, Клаус её прикладом и успокоил. Лежит теперь, отдыхает. Да ты не волнуйся, очухается, будет нас ублажать. Хорошая цыпочка, сладкая.

Ярость, беспросветная ярость обрушивается на меня. Я бросаюсь на жирного борова, с размаху вгоняю приклад «шмайссера» ему в брюхо.

— Ты что, Штилике? — визжит Клаус. — Спятил?

Я оборачиваюсь к нему и вскидываю автомат. Я не успеваю. Клаус от живота в упор даёт очередь.

Цикл 287

Прихожу в сознание, вскакиваю. Шарю рукой в изголовье, пытаясь нащупать автомат. «Шмайссера» на месте нет. Я бросаюсь на выход, вылетаю из землянки наружу.

— Здравствуй, Георг.

Лиза сидит на земле шагах в десяти. Мой автомат у неё в руках, ствол нацелен мне в грудь. Вилли с простреленной головой скорчился метрах в пяти справа. Клаус прикорнул к его боку, словно младенец к матери. Из прошитой пулями спины Клауса толчками бьёт кровь. От обоих ощутимо разит дерьмом.

— Лиза, — шепчу я оторопело и делаю к ней шаг, другой. — Лиза, я сейчас всё объясню.

— Стой где стоишь, Георг. Я хочу сказать тебе кое-что.

Я останавливаюсь. Смотрю на неё.

— Лиза, — растерянно повторяю я. — Лизхен. Элизабет.

— Вам не повезло, — говорит она. — Вам троим очень не повезло.

— Почему? — нахожу в себе силы спросить я.

— Потому что я перерождаюсь на десять минут раньше. Сейчас я застрелю тебя, Георг. И так теперь будет всегда.

— Постой! — отчаянно кричу я. — Лиза, не стреляй... Не стреляй же! Я не вино...

Пули разрывают мне сердце.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

КОРОЛЕВСКИЕ СКАЛЫ

Верить в Ленкины сказки — себя не уважать. Толян знал это прекрасно. Ещё бы не знать — пять лет в одном классе проучились! Сказка о заколдованном месте на Королевской скале была ничем не лучше других — послушать и забыть. Если бы не Русик.

Началось всё с того, что футбольный матч с седьмым отрядом они позорно продули, проиграли со счётом 6:1. Из-за Русика. Так решили все ребята — Игнат, Жека, Серёга Длинный. Подходили и говорили по очереди:

— Слабак! По мячу ударить не можешь, что ли? Тебе сеточку между ног привязать, а, дистроф?

Серёга Длинный вдобавок и сплюнул — прямо Русику под ноги.

Русик обиделся, отошёл в сторону, сел, отвернулся. Он в самом деле был слабаком — и бегал хуже всех в отряде, и на турнике больше двух раз подтянуться не мог. Но ведь всё равно обидно слушать такое! Он не заплакал,

но слёзы в глазах стояли. И Толян не выдержал. Присел рядом, положил руку на плечо.

— Не слушай их, не слабак ты. Просто в футбол плохо играешь.

— Подумаешь, футбол! Зато я из пистолета стрелять умею, меня папа учил! И приёмы разные знаю! Это я сейчас такой маленький, а потом как вырасту выше всех, посмотрите! У меня наследственность хорошая!

Они не были закадычными друзьями. Собственно, и познакомились всего две недели назад, уже в лагере. Совсем непохожие друг на друга: Русик — домашний, книжный мальчик, Толян — нормальный дворовый пацан, до этого они не только в разных школах учились, а и в разных городах жили: первый в Ровеньках, второй в Краснопартизанске. Но кое-что общее у них было. У обоих погибли отцы. Отец Толяна не вернулся из шахты. Отец Русика — из Афганистана. И узнав об этом, Толян взял негласное шефство над щупленьким, слабосильным соседом по комнате.

— И вообще, вы шахтёрами чумазыми станете, а я — офицером, десантником! — Руслан тёр большую, в треть щеки родинку. Он всегда так делал, когда злился. — Поеду в Афган, отомщу «духам» за папку! А ещё лучше — в Америку! Ох и поскачут они там!

Толян удивлённо взглянул на него. «Почему в Америку?» — хотел спросить, но и сам сообразил: отец Русика погиб в вертолёте, сбитом американским «стингером». Потому лишь качнул головой отрицательно:

— Не, я в шахту работать не пойду. Хватит, что батя там остался.

— Пойдёшь, куда ты денешься! У вас тут все на шахтах работают.

— А вот и не все! Я... — Толян запнулся на секунду, затем признался вполголоса: — Я космонавтом стану, как Владимир Афанасьевич Ляхов. Он тоже наш, с Донбасса. Три раза в космос летал, вот!

Русик повернулся к нему, с полминуты смотрел недоверчиво. И вдруг захохотал.

— Ты... ты чего ржёшь, как лошадь?! — Толян вскочил возмущённо.

— Космонавт... сказанул! Чтобы космонавтом стать, нужно учиться, а не в футбол гонять. А у тебя по всем предметам тройки, сам говорил!

— Не по всем! По физкультуре — пять! Чтобы космонавтом стать, нужно спортом заниматься. А чтобы десантником — тем более!

— Думаешь, я слабак?! — Русик тоже вскочил. — Думаешь, не смогу?! Тогда пошли на скалу, поглядим! Полнолуние как раз послезавтра!

Толян растерялся. Такого поворота он не ожидал. На Королевской скале есть волшебный уступ, рассказывала Ленка. Ровно в полночь, когда над степью полная луна светит, с него окошко в будущее открывается. Если найдёшь этот уступ, не побоишься заглянуть в лунное окно — всю свою жизнь увидишь, до самой смерти!

Королевская скала, самая высокая в гряде, нависала над речкой Верхнее Провалье, над Провальским урочищем, над корпусами пионерлагеря «Чайка». Впрочем, скала была не такая уж высокая и неприступная, Толян не раз забирался на её уступы. Днём. Ночью — другое дело. За миллионы лет камень выветрился насквозь, сделался хрупким, как стекло. Недоглядел, стал куда не надо, и посыпался уступ вниз. И ты вместе с ним. Шею, может, и не свернёшь, но ноги-руки переломаешь — какой после из тебя космонавт! А главное, мамке неприятности будут. Зачем туда лезть, спрашивается, если и так известно: Ленка — ещё та фантазёрка и сочинительница! К тому же заведено в пионерлагере — страшилки друг другу рассказывать. Толян их ого-го сколько переслушал! И ни в одну не верил. А Русик, получается, поверил?

— Так что, идёшь? Или струсил? Кто тогда слабак?!

Выбраться ночью из спального корпуса, улизнуть с территории лагеря так, чтобы никто не заметил, — пара пустяков, когда ты проводишь в этом лагере пятое

лето подряд, знаешь все его закоулки, потайные места и дыры в заборах, изучил наизусть привычки вожатых. Найти в темноте леса заветную тропку, бегущую вдоль речки до самого края урочища, а потом круто уходящую в сторону и вверх, к гребню гряды, — тоже не самое сложное. Настоящее приключение началось, когда они подошли к Королевской скале с её северной, пологой стороны, уселись на верхушке, свесив ноги с обрыва. Внизу темнел лес, по которому они недавно шли. Чуть правее — «Чайка», светлые прямоугольники корпусов, прогалины аллей и площадок, редкие светлячки фонарей. А дальше — посеребрённая лунным светом ковыльная степь до самого горизонта. Словно безбрежное море, которого Толян не видел ни разу в жизни. И тишина. Только сверчки поют за спиной да журчит едва слышно невидимая под кронами деревьев речка, и далеко-далеко, аж в селе, брешет собака. Сейчас, ночью, скала казалась и выше, и круче, чем днём.

Толян невольно поёжился.

— Ну что, идём?

— Конечно!

Русик ответил быстро, не раздумывая, чтобы заглушить страх. И сразу спрыгнул вниз, на верхний уступ. Под ногами у него зашуршало, мелкие камешки покатились вниз.

— Осторожней!

Толян тоже спрыгнул. Обогнал товарища, перешёл на следующий уступ. И на следующий. И ещё. Хорошо, что луна яркая!

— Где оно, это место? — пробурчал он недовольно, разглядывая по сторонам. — Нет здесь никаких «окошек».

И внезапно показалось, что не урочище внизу, окружённое степью. Что скала стоит посреди моря. И лунная дорожка бежит прямо под ноги...

— Гляди, гляди! — Русик тоже что-то заметил.

— Да это от луны...

— А если...

«Грач» поработал отменно, ни один снаряд боекомплекта даром не пропал. Бойцам отдельной аэромобильной бригады, прорывающимся из котла, требовалось лишь подчистить за ним. Бой получился коротким и жёстким. Безнадёжным для террористов. Когда БМД разведгруппы капитана Доломанова подошли к тому, что час назад называлось блокпостом, живых там не осталось. Разбитые в крошку, почерневшие от копоти бетонные блоки, изодранные, разбросанные взрывами мешки с песком, искорёженное железо. И — мясо. Такое же разорванное и искорёженное, воняющее гарью, кровью и вырванными внутренностями человеческое мясо.

Головной БМД объехал остатки блокпоста, стал, прикрывая десант от полосы «зелёнки», тянущейся в полукилометре за дорогой. Если часть боевиков отступила туда, то не исключено, что попытаются обстрелять. Но двумя машинами всех не прикроешь. Капитан шагнул из-под защиты брони первым — недостойно звания кадрового офицера прятаться за спинами пацанов, вконец измотанных месяцем боёв в окружении, голодных, больных от плохой воды и хронического недосыпа.

Под ногами хрустела мешанина из гравия, комьев запёкшейся земли и стреляных гильз — здесь и до войны дороги были аховые, а сейчас и подавно остались одни «направления». Ничего, победим — отстроим. Может быть...

Он поддел башмаком пустую жестянку. Этикетка закоптилась, но прочесть можно — «каша перлова з яловичиною». Ты гляди, не брезгуют нашими консервами! А вон и пластиковая литровка с водой лежит, полная, и осколками не посекло. Основательно терры обустраивались, долго собирались оборону держать. Не вышло, не ожидали, что окруженцы поддержку с воздуха получат. Или хозяева их на ПЗРК поскупились.

Капитан поднял бутылку, отвинтил крышечку. Вода была вкусная, родниковая. Захотелось пить, пить

и пить. Переборол желание, отдал бутылку бойцу. Скомандовал:

— Осмотреть всё внимательно! Воду, продукты — собрать!

Нет, не всех терров зачистили. По крайней мере один был жив. И в сознании, как ни странно, — смотрел на капитана пристально. Он лежал среди груды мешков, наполовину засыпанный песком, неловко вывернув правую ногу, под которой натекла изрядная алая лужа. И на груди темнели кровяные пятна.

Капитан ухмыльнулся недобро.

— Что, наелся нашей землицы, гад?

Запёкшиеся губы терра шевельнулись:

— Русик? Руслан?

Капитан замер от неожиданности. Внимательнее вгляделся в измазанное копотью и кровью лицо террориста, пытаясь узнать. Спросил неуверенно:

— Толян, это ты?

— Для кого Толян... а для тебя теперь... Анатолий Сергеевич Тарасенко. Что, стал-таки десантником?

— Стал. А у тебя с космосом не вышло, смотрю.

— Да, правду ты тогда говорил... не гожусь я в космонавты... ГРОЗ я, «шахтёр чумазый», всю жизнь в лаве...

— Так и сидел бы там, чего выполз? Что тебе твой Путин посулил?

— Я Родину защищаю...

— Какую «родину»?!

— Донбасс! Это моя земля, я здесь родился, здесь жил, работал. А вас, мразь фашистскую, мы сюда не звали...

— А мне что, Донбасс чужой?! У меня здесь половина детства прошла. А про фашистов — это ты зря, Анатолий Сергеевич. Обманули тебя, нет у нас в Украине фашизма. Только в головах ваших глупых...

— Нет? А кто мою племянницу в Луганске убил... не фашисты? Восемнадцать лет девчонке... ноги взрывом оторвало, не сразу умерла, мучилась... Не фашисты, говоришь?

— Враньё это, дружки твои и стреляют по мирным. А если даже так — вы сами виноваты! На кой вам референдум тот сдался? Чем для вас Украина плоха? Весь мир нас поддерживает! Не проживём, что ли, без Рашки проклятой?

Раненый медлил с ответом. Видно, тяжело ему было, из последних сил держится, чтобы сознание не потерять.

— Эх ты... купила тебя Америка... забыл, как за батю отомстить хотел... Обамка радуется, поди, что славяне тут друг друга убивают... русские — русских...

Капитан скрипнул зубами, невольно схватился за щёку — жест, оставшийся с детства. Тут же отдёрнул руку, поднял автомат.

— Ладно, «друг», хватит мне кисилёвской пропаганды! Не обижайся, но спасти я тебя не могу — своих бы раненых вывезти.

— Я не обижаюсь, «друг»... вместе пойдём.

Он заворочался, высвобождая засыпанную песком левую руку. Звонко щёлкнуло. На ладони раненого лежала «лимонка». Без чеки.

Капитан отпрянул, заорал бойцам:

— Ложись!

И понял — поздно.

Русик взмахнул руками, взвизгнул, шарахнулся в сторону. Захрустели, затрещали каменные пластинки уступа, посыпались осколками вниз. Толян вырвался наконец из оцепенения, кинулся к другу, а тот уже падал вместе с каменным крошевом, цеплялся беспомощно за ломкую, неверную опору. И не мог удержаться.

— Стой!

Толян рухнул на колени, на живот, острые камни больно врезались в кожу, но сейчас было не до них. Он успел ухватить поехавшего вниз по склону Русика за шиворот, дёрнул назад. Футболка затрещала — порвётся вот-вот!

— Руку, руку давай!

Русик дёргался, барахтался, но руку протянуть не хотел отчего-то. А футболка трещала, трещала...

— Да держись же ты!

Толян сполз ещё ниже, чувствуя, что и сам не удержится, покатится кубарем. Но всё-таки дотянулся, схватил друга за плечо, потащил, упираясь коленями и локтями.

Остаток уступа выдержал, не обломился. Они вернулись на него, а потом молча, не говоря ни слова, лишь сопя от напряжения, покарабкались вверх, к гребню. Добрались туда одновременно и, не вставая на ноги, на четвереньках отползли подальше от края, упали в колючую степную траву.

Лежали долго. Первым решился заговорить Русик:

— Видел?

— Видел...

— А что ты видел?!

— Ты фашистом станешь. Придёшь сюда убивать нас всех.

— Нет, неправда! Это ты будешь бандитом, предателем! Ты...

Осёкся. И они снова молчали.

Русик сел, обхватив себя за плечи. Спросил, и в голосе его были слёзы:

— Но так не бывает, правда? Мы же друзья! Разве друзья могут хотеть убить друг друга?

Толян тоже сел. Подумал, качнул головой.

— Не могут. Не бывает такой войны. Украина, Россия — какая разница? Мы все — одна страна! Глупости это, привиделось.

Русик радостно закивал:

— Ага, привиделось! Я знаю, это «мара» называется. Место, наверное, тут нехорошее.

— Точно! Давай поклянёмся, что всегда друзьями будем!

Толян протянул ладонь. Русик тотчас вцепился в неё. Зашипел от боли в разодранной до крови руке, но не выпустил:

— Клянусь! И воевать друг с другом мы никогда не станем!

Чёрные тени будущего, окружавшие их, отступили, распались. Вновь была тихая тёплая ночь, стрекотали сверчки, далеко-далеко брехала собака, серебрился под луной ковыль. Продолжались каникулы, продолжалось беззаботное мирное лето.

Последнее лето великой единой страны.

СТАНИСЛАВ ШУЛЬГА

ТРАФИК-ТРЕКЕР

В гостиничном номере прохладно и пахнет свежим постельным бельем. Шторы задернуты неплотно, бледный свет улицы струится через узкую прорезь. Не снимая высоких шнурованных ботинок, мужчина подходит к окну. Дорожная сумка плавно опускается на мягкий ковер. Левой рукой он одергивает штору, и свет улицы пробивает безразличие комнаты.

Его номер расположен на восемнадцатом этаже здания, что стоит на высоком холме. Фасад смотрит на главную Площадь столицы. Противоположную сторону Площади огораживает семь высоких зданий, образующих полукруг. Шесть улиц уходят вверх, разрезая темноту светом фонарей. Саму Площадь пересекает проспект, шестирядная магистраль, соединяющая западную и восточную части города. На выходные проспект в центре закрывают для транспорта. Горожане любят гулять здесь и по прилегающим к нему скверам. А сама Площадь давно стала местом, где молодежь традиционно назначает свидания.

Так было до недавних пор. Сейчас центр города ощетинился баррикадами. Лавки скверов торчат из ледяных валов, вместе с частями заборов, покрышек, арматуры и колючей проволоки. Их возвели две недели назад, после того как правительство во второй раз попыталось ра-

зогнать мирную демонстрацию. Ночной штурм Площади был отбит теми, кто уже месяц стоит здесь, и горожанами, пришедшими на помощь после призыва о помощи. Снег выпал на следующий день. А к вечеру ударил мороз, когда они заливали из брандспойтов возведенную за день крепость.

Там, за грязно-серыми валами — лоскутное одеяло. Огромные армейские тенты, туристические палатки, деревянные домики, в которых еще месяц назад должны были открыться магазины рождественских сувениров. Яркие огни — это бочки, в которых жгут дрова. Дымят походные армейские кухни. Посередине городка стоит сцена, с которой постоянно кто-то выступает. На двух близлежащих зданиях установлены огромные голографические экраны, демонстрирующие происходящее на сцене и Площади.

Месяц назад здесь стояли те, кто еще верил в силу слова и надеялся быть услышанным. Сейчас это котел, в котором бурлит ненависть и решимость идти до конца. Слова, призывающие к миру, еще звучат, но с каждым днем их все меньше. Он задергивает штору и садится на кровать.

Он видел это не раз. Другие страны, другие города, но разница в деталях пьесы.

* * *

Его дед коллекционировал часы. Древние механизмы, давным-давно убитые электричеством. Стены одной его комнаты были увешены этим антиквариатом. Однажды дед снял особенно потрепанный экземпляр и спросил внука: «Что ты видишь?» — «Три стрелки, белый диск и двенадцать цифр. Одна стрелка быстро крутится». — «Вещи немного сложнее, чем кажутся». Потом дед перевернул часы и открыл заднюю стенку. Под ней обнаружились десятки металлических деталей. Дед называл их «шестеренками», «пружинами», «валами» и «подшипниками». Время, до того мерцавшее холодными цифрами

электронных дисплеев, превратилось в живую силу. Оно перетекало между шестеренками, наматывалось на валы и скручивалось пружинами.

С тех пор он часто заглядывал к деду в мастерскую. Часы стали главным увлечением детства. Он много узнал не только про пружины и шестеренки. Дед рассказал ему про ключи и тех, кто крутит их, запуская ход вещей. Потом, значительно позже, привычка вскрывать задние стенки предметов превратится в работу. А еще позже он стал зарабатывать тем, что находил ключников и разматывал причинно-следственные связи, накрученные на замысловатые шестеренки бытия.

Он стал трафик-трекером.

* * *

За периметр его пустили не сразу. Сначала просветили обычным сканером на предмет оружия. Потом к нему подошел активист, на шлеме которого тусклым огнем мерцала эмблема «Киберсотни». Древний китайский знак «инь-ян», только вместо точек в части инь красовалась единица, в зоне ян — ноль. У киберсотенца сенсорные рукавицы-сканеры. Он выставил руки вперед и застыл. Результаты сканирования отображались на внутренней поверхности его широких «стекол», очков «наложенной реальности». Активист искал импланты, «жучки», любую следящую технику. Наконец махнул рукой, разрешив пройти.

Хорошие сканеры. Не из магазина уцененного товара. Эти ребята еще месяц назад не могли и мечтать о том, что получат в руки такое «железо» и «софт». Подарки оттуда, от тех, кто по другую сторону тени. Только с ним эти штуки все равно не сработали бы. Просто потому что ни на нем, ни в нем нет «железа». Нет нанов, биожучков, распределенных «роевых» систем. Все его импланты — пара пломб в передних зубах верхней челюсти и стандартный нейроразъем на правой руке.

Трафикер озирается по сторонам.

Юноша в балаклаве и серой куртке что-то шепчет девушке в оранжевом шлеме. Нижняя часть ее лица обмотана шарфом, а веселые глаза искрятся радостью. Парень обнимает девушку, и она прижимается к нему, продолжая влюбленно глядеть в карие глаза, обрамленные узкой прорезью маски. Мужчина средних лет в военном шлеме с содранной символикой улыбается и что-то говорит сидящему рядом деду в плотной телогрейке и высокой меховой шапке с металлической бляхой. Оба громко смеются, а девушка машет на них рукой.

Костер в бочке полыхает оранжевым пламенем. Яркие искры летят вверх, чтобы раствориться во тьме, из которой сыпется снег.

Эта молодая пара здесь с первых дней. Студенты филфака одними из первых вышли на Площадь месяц назад. Они стояли в рядах демонстрации, единственным оружием которой были зажженные экраны смартфонов. Когда «Кондор» пошел в атаку, ее сбили с ног, и парень помог ей скрыться в близлежащем квартале. С тех пор они вместе. Вместе верят, что Площадь изменит эту страну к лучшему.

Сорокалетний мужчина в каске. «Потерянное поколение». Реформы двадцатилетней давности сломали старые «социальные лифты», но так и не построили новых. Университетский отличник, выйдя за порог альма-матер, понял, что шесть лет учебы прошли зря. Он сменил дюжину мест работы, от продавца на рынке до оператора казино-кластера в Шельфе Кибернетического Глобуса. Временами неплохо зарабатывал, но все эти годы тосковал. Он умел зарабатывать, но ему не хватало «Большого Дела». Работы, которая придавала бы жизни смысл. На Площади он обрел то, что искал двадцать лет. «Большое Дело», способное изменить мир к лучшему. Чувство вины, тихо глодавшее душу все эти годы, пропало.

Со стариком в высокой шапке все просто. Грезы о лучшей жизни сводились к желанию о двухэтажном доме и куске земли. Желательно с лесом. Тяжелый сельский труд не оставлял времени на рефлек-

сию о других смыслах. Он тяжело работал и построил дом у леса. Через два года в село приехали городские в черных плащах. Они о чем-то поговорили с главным на селе. На следующий день приехали к старику. Будь он моложе, сломанных челюстей было бы больше. Но четверо на старика... Следующие два месяца он провалялся в сельской больнице. Возвращаться некуда — дом снесли. Сюда приехал, чтобы отомстить всем, кто носит черные плащи.

Взгляд скользит дальше, фиксируя лица, одежду, язык тел, предметы в руках, все мелочи, которые попадают в поле зрения. Трафикер знает про них все. Они могут прятать лица за масками, надевать экранирующую одежду, звонить по телефонам с «плавающими» номерами, но он все равно знает про них все. Потому что это его работа — знать все. Достаточно десятка мелких деталей, чтобы выяснить прошлое и понять будущее. Пара пуговиц на зимнем пальто скажет ему, что любит человек носить летом. Минута жестикуляций — объем словарного запаса и район, в котором живет человек. Форма черепа — родословную до пятого колена.

Его сознание выделяет две субличности. Первая сопоставляет увиденное с базой из открытых источников. Вторая шерстит списки партий и группировок, которые светились в соцсетях и «серых» кластерах Кибернетического Глобуса. Он аккумулирует данные о тех, кто собрался здесь, и для этого ему не нужна волновая камера. Его мозг помнит все, что он видел в своей жизни. Достаточно мимолетного взгляда, и человек навсегда останется в его памяти. Он должен увидеть и запомнить всех, потому что он ищет.

Ищет человека.

* * *

Она была из семьи потомственных симулякров. Дед не доверял фейсбуку и выбросил подаренную на юбилей цифровую камеру, не сделав и снимка. Его сын и дочь

с ранних лет усвоили, что входить в Сеть без маскировки адреса нельзя. Внучку невестка рожала дома. Инспектор по делам детей наведывался к ним дважды. Первый раз ему объяснили, что ребенок воспитывается дома и в детсад не пойдет. Во второй раз он получил пухлый пакет налички, и больше его не видели.

С точки зрения Сети их не существовало. Они старались не следить в Кибернетическом Глобусе и чистили то, что так или иначе оставалось. Они не пользовались кредитками и биометрическими паспортами. Создавали фейковые личности, писали несуществующие судьбы. Это граничило с паранойей, но не лишенной смысла. И в этом состоял семейный бизнес. Люди без лиц, «информационные призраки» с десятками масок.

Спрос на их услуги не иссякал.

Две недели назад трафикер пересекся в аэропорту Брюсселя с главой семьи. На бегущей дорожке терминала стоял постаревший друг. Он держал в руке журнал, на обложке улыбалась девушка с Площади. Просьба в глазах читалась ясно. Позже на старых «связных» кластерах трафикер нашел несколько «маркеров», уточнявших задачу.

Отказать не мог. Девчонку он знал с пеленок. До десяти лет она называла его дядей.

Те мальчишки, которые просвечивали его сканерами, были низшим звеном в информационной структуре Площади. Они знали своих руководителей и догадывались о кукловодах высшего уровня. Но о тех, что в промежутке, и понятия не имели. Одним из промежуточных звеньев работала группа симулякров, отслеживавших и корректировавших ситуацию на месте.

Она здесь. Краткосрочный контракт на недели две. Должна была выйти до начала горячей фазы. Ситуация шла к точке невозврата, но девушка не вернулась, и связь с ней пропала. Семья провела на Площади два дня и не смогла ее найти. Окно возможностей сужалось, и они поняли, что не успеют.

Тогда обратились к нему.

* * *

О трафик-трекерах ему рассказал Нетфер. Самоучка-первопроходец, имевший группу учеников и специфический бизнес на этом поприще.

Они сидели на ступеньках киевской набережной. Нетфер взял камешек и бросил в воду. «Что ты видишь?» — «Круги на воде». — «Круги — это видимые следствия, камень — это скрытая причина. Следствия лежат на поверхности, но что послужило причиной, сказать трудно. Чтобы определить массу камня, трафикеры работают с кругами на воде». — «Насколько успешно?» — «Настолько, что могут понять мотив того, кто кидает камни».

Трафик-трекеры — люди, которые знают все. Они выяснили, кто убил Кеннеди, что на обратной стороне Луны и кто на самом деле придумал теорию заговоров. Они умели читать круги на воде. Ясное дело, что истории про убийства старых президентов были интересны только старым домохозяйкам. А вот некоторые «истории», творящиеся в режиме реального времени, интересовали многих.

Широко распространенным стереотипом стало то, что жизнь «людей, которые знают все» в постоянной опасности. Все трафик-трекеры сидят под семью замками, охраняемые батальонами частных армий. Они невидимки, умело скрывающиеся от чужих глаз. Доля правды в этом есть, но незначительная. Да, некоторые отшельники годами не покидали штаб-квартир корпораций, но они и до этого слыли гиками, месяцами не выходившими из подвалов. Параноики, прятавшиеся от невидимых врагов, были параноиками либо с рождения, либо стали такими из-за неконтролируемых ментальных практик и психотропных симуляторов. На самом деле все сложнее и проще одновременно.

Рассказывают, что когда Лютер прибил свои тезисы к дверям собора и поднялась кутерьма вокруг них, кто-то приписал на бумажке: «Я не могу так красиво говорить в защиту истины, как господин Лютер, но у меня тут десять тысяч вооруженных парней».

Не пойди эти и другие тысячи вооруженных людей за Лютером, не прикрой курфюст Фридрих богослова, Реформация бы не случилась. Девяносто пять тезисов остались бы памятником философской мысли. Можно знать всю истину мира, но если за тобой нет «десяти тысяч вооруженных людей»? Если информация не замкнута на «контур управления», она остается пустым звуком.

Поэтому от «контуров управления» Сайберглобатрафикеров держали подальше. Сложная система сдерживания и противовесов скрипела, временами сбоила, но работала не один десяток лет. О ней знали все серьезные игроки сцены. Вот рамки, вот пределы, за которые можно сделать пару шагов, а вот здесь уже минное поле.

Конечно, система сложилась не сразу. Когда все начиналось, некоторые трафикеры попытались обрасти активами и прямыми выходами на «контуры управления» Кибернетического Глобуса. Со своей стороны корпорации устроили «охоту за головами», пытаясь взять под полный контроль «мозги», чтобы получить превосходство в корпоративных войнах. Убийства и похищения, камеры с мягкими стенами и простые тюрьмы. Трафикеры ответили чередой обвалов на рынках Америки и Европы, после чего два десятка старых транснациональных шаек стали строчками в Википедии. Но здравый смысл возобладал, и те и другие поняли, что трафикеры с миллиардными состояниями станут акулами, что сожрут и старые корпорации, и менее жадных коллег по цеху. Поэтому «денежные мешки» перестали посягать на свободу воли «мутантов», а трафикеры не высовывались с громкими разоблачениями.

Впрочем, во второй половине двадцать первого века громкие разоблачения стали невозможны. И для их пресечения совсем не обязательно кого-то убивать. Достаточно грамотной информационной контратаки. Серьезные игроки всегда готовили подобные вещи загодя. Иногда удар наносился превентивно — любая попытка выйти на люди с чьим-то грязным бельем обрекалась на неудачу из-за подмоченной репутации правдолюба.

* * *

От Площади к правительственному кварталу вела одна улица. Ее баррикады отличались большей высотой, и концентрация повстанцев — выше, чем в любом другом месте по простой причине. В пятидесяти метрах от баррикад стоял кордон из «Кондоров».

Это спецподразделение осталось последней лояльной к Хозяину силой. Армия в стране годилась разве что для парадов. Полиция, состоявшая из бывших крестьян, не лезла в политику, да и половина служивших в ней принадлежала к «угнетенному большинству», так что в случае серьезных волнений карта могла лечь и по-другому. Руководство «Кондоров» подбиралось Хозяином самолично. Подразделения формировались из бойцов, надежных во всех отношениях. Деньги им платили не только из казны, но и специального фонда, который формировали члены партии власти.

Именно они стояли за жестким разгоном первой демонстрации и второй попыткой снести палаточный городок. Первый разгон был жесток. Некоторые «кондоры» перестарались, в кровь избивая лежавших людей. Так разгоняют тюремные бунты, а не мирные демонстрации. Чтобы убрать четыре сотни полусонных студентов с площади, хватило бы шлепков по мягким местам.

Второй раз досталось уже им. «Кондорам» дали команду не перебарщивать, но у повстанцев чесались руки. В дело шло все — и арматура, и старый добрый «коктейль Молотова», и даже «желтая пыль», портившая суставы экзокостюмов. В той стычке раненых было почти поровну, а пятеро «кондоров» попали в госпиталь с ожогами третьей степени.

Но оппозиционная пресса сделала из них чудовищ, которые только что детей не едят. На них выливались потоки грязи, правду мешали с ложью. В дело шли даже кадры разгонов демонстраций из сопредельных государств, где технологии усмирения развивались параллельно с демократическими институтами чуть дольше.

Нет, они не были ангелами. Да и что греха таить, на такой работе сдвиги неизбежны и всегда есть процент персон с деформированной психикой. Среди честных служак, которые работают в рамках устава, всегда найдутся те, кому лишний раз дать дубинкой по голове в радость. Впрочем, садисты встречаются даже среди учителей и врачей.

Но в черно-белом мире не бывает оттенков. Поэтому или они все друзья, или они все враги. Третьего не дано. И вот они стоят по ту сторону линии фронта. Закованные в тяжелые экзокостюмы с усиленной моторикой, вооруженные дубинками, щитами и травматикой. Стоят здесь уже месяц. Им так же холодно, как и повстанцам за периметром, и поэтому они тоже жгут дрова в железных бочках и расписывают стены домов лозунгами. Жратва в полевых кухнях не отличается разнообразием, да и к девкам ходить запрещают. Они тоже на взводе, и чем дальше, тем сильнее сжимается пружина.

Сейчас они по разные стороны баррикад. Повстанцы и люди в тяжелых экзоскелетах. В баррикадах нет смысла, если речь идет о физической защите. Тяжелая техника легко сломает эту кучу мусора. Технология давно отработана. Это знают спецы, это знают полевые командиры на Площади, об этом догадывается любой повстанец, мало-мальски смыслящий в строительстве. Баррикады для другого. Они делят мир на две части. На свою территорию и чужую. Делят мир на своих и врагов. Без компромиссов и условностей. Это — первый шаг, необходимый в таких делах. Мир должен стать черно-белым. Враг должен быть видим. Или ты с нами, или против нас. Те, кто не определился со стороной, — тоже враги, только пассивные, которые бездействием потакают противнику.

* * *

Политика не была его коньком. Жесткие информационные войны — с циничной манипуляцией массами, откровенной ложью, истерией пропаганды — претили

ему. Он не был святым, просто любил чистые данные, а в информационных войнах из лжи и полуправды плодились «параллельные реальности». Методы, старые как алфавит, в век цифры приобрели изощренные формы. Подделывалось все — тексты, фотографии, видео. Вычислительные «фермы» сутками клепали виртуальные «свидетельства» событий, которых никогда не случалось. Да что там, даже стрим-потоки реального времени научились искажать без потери качества изображения.

На простого гражданина вываливались мутные потоки лжи. Над теорией заговора он подшучивал, но одно знал точно — практикам личной обработки «больших данных» в школах и университетах не учили. В этом состояла сознательная политика даже в государствах «первого» мира. Профессионалы информационного поля в массовом сознании оставались маргиналами. Корпорации типа GKInc. и Hyperdata в глазах обывателя представлялись полурелигиозными сектами, где над мозгами людей проводились богопротивные действия. Трафик-трекеры, шиваиты и гейткиперские деми-личи чуть ли не открыто назывались мутантами. Хотя их, «мутантов», это устраивало. Миллиардные финансовые потоки стали бы скромнее, если бы клиенты научились шевелить мозгами быстрее.

В результате, несмотря на все технологии, средние обыватели остались на уровне их дедов. Они не способны прочитать больше одной страницы в минуту, не говоря уже о работе с «большими потоками». Не в силах разобраться что к чему, простой обыватель плевал на все и в конце концов безропотно принимал одну из созданных картин мира. Выбирать из готовых штампов черно-белого мира проще, чем постоянно искать настоящие смыслы.

Так и сейчас. Пропагандистские машины работали на полную. Провластные ресурсы поголовно называли протестующих «сбродом», «фашистами» и «преступниками». Оппозиционная пресса отвергала эти определения, именуя их «цветом нации», «героями» и «революционе-

рами». И то и другое не соответствовало действительности полностью.

Высокая женщина в горнолыжном комбинезоне и шлеме, выкрашенном в национальные цвета, — владелица небольшой сети салонов красоты. Позавчера она продала одно заведение и отдала деньги на нужды протестующих. Она была на Площади во время второй попытки разгона и стояла в первых рядах вместе с мужчинами. До этого ее знали как меценатку, бравшую под крыло способных детей из бедных семей.

Рядом с ней — профессор-лингвист из университета, в прошлом проректор. Его уволили за протесты против взяток, которые брал ректор вуза. Светило международного масштаба. Здесь он не только скандирует лозунги. Каждое утро в десять часов читает лекции по филологии для всех желающих, и они популярны настолько, что даже крестьяне из горных районов приходят послушать «вумного старца». Они о чем-то горячо спорят, но на лицах улыбки.

А вот группа молодчиков в одинаковых зимних камуфляжах и белыми повязками с изображением руны. Боевики из «Белого клинка», а руна на повязках — «волчий клык». Неонацисты чистой пробы, не стесняющиеся кричать о «походе белой расы против недочеловеков» на каждом углу.

Мимо них проходит сутулый пожилой человек с пластиковым мешком. Это «профессиональный революционер». В мирное время подрабатывал слепым на улице Резников, а сейчас таскается сюда и скандирует лозунги против власти. При этом он точно знает расписание и меню местных поварих и время подвоза одежды, которую собирают горожане для революционеров. Он уже два раза сменил гардероб, но продолжает побираться на пунктах гуманитарной помощи — момент надо ловить.

Взгляд трафикера скользит дальше и останавливается на трех мужчинах в военных касках старого образца. На касках — побитые временем цифры 151. Это вете-

раны 151-й спецбригады, прошедшие через ад Южного фронта двадцать лет назад, когда страна еще состояла в Конфедерации. Здесь их около тысячи, и они пришли сюда защищать протестующих от «кондоров». Старые служаки, хорошо знающие, что такое настоящая война, они не придерживаются никаких политических взглядов, они пришли сюда защищать. Что, впрочем, не мешает им обсуждать сейчас со студенческим «Кампусом» политические перспективы страны.

Ультраправые националистические боевики. Менеджеры среднего и высшего звена. Студенты и крестьяне. Мелкие торговцы с вещевого рынка и преподаватели университетов. Либералы из «Экономических реформ» и социалисты-фундаменталисты. Пенсионеры из «раньшего времени» и студенты-первокурсники. Писатели и бывшие чиновники. Ветераны прошлых войн и футбольные болельщики. Христиане, мусульмане, буддисты и атеисты.

Кого здесь только не было. Всех объединяло одно — ненависть к Хозяину. Патологический клептоман достал всех. Ради его свержения они согласны забыть разногласия и заключить перемирие. Ради этого престарелые бабушки таскали сюда пирожки, а бизнесмены покупали защиту для боевых сотен. Ради этого они мерзли на морозе и готовы были драться с «кондорами». Ради этого рисковали угодить в руки полиции, которая отлавливала их за пределами Площади. Ради этого они могли пойти до конца.

Проблема в том, что вели их те, кто уже их не раз обманывал.

* * *

Музыка замолкает. В центре сцены появляется «ведущий» — тот, кто время от времени объявляет очередного участника музыкального или политического шоу. На этот раз выступят «гранды» — тройка оппозиционных лидеров. Они только что вернулись с «внеочеред-

ного» раунда переговоров с Хозяином. Они выходят на сцену под сдержанные аплодисменты протестующих. Их здесь не особо жалуют. Все трое возглавляют партии, которые сейчас немного сбоку, но двое успели побывать наверху властной пирамиды. И поэтому Хозяин пока говорит только с ними.

Начинает женщина. Несмотря на мороз, она без шапки, белые волосы собраны в тугой узел на затылке. Невысокая, но низкий рост с лихвой компенсируется неуемной харизмой. Она прирожденный оратор. Говорить умеет обо всем и способна убедить толпу в любой ереси. О чем бы она ни вещала, финал ее выступления всегда один и тот же — толпа в восторге. Сейчас она на «разогреве». Значит, никаких штурмов и стычек в ближайшее время не будет. Ее задача — взбодрить людей перед главными новостями. И она справляется на отлично. Из милого ротика брызжут проклятия в адрес Хозяина и его «преступных министров». Она с упоением перечисляет факты, против которых не попрешь. Список длинный, но из него как-то пропали ее «подвиги» в годы, когда она была премьером, а Хозяин — министром энергетики. Все время проклинать нельзя, поэтому она переходит к восхвалению. Предметом восхищения становится «титульная нация», права которой несправедливо притесняет этническое меньшинство, стоящее у власти. Достоверные исторические факты перемешиваются с откровенным бредом, мифами, что придумали современные историки «угнетаемого большинства». Она говорит на чистом «титульном» языке, и гул толпы становится все ритмичнее. Короткие дубинки в руках вздымаются вверх, толпа скандирует. Они любят ее, забывая, что она из провластного меньшинства и говорит на «титульном» только на камеры.

Люди разогреты. Вечер обещает быть интересным. Место миниатюрной атомной бомбы занимает великан, лидер самой молодой партии, созданной этим летом. Лозунги партии так же стандартны и невыразительны, как и у других подобных «проектов». Но у иных «партий одно-

го сезона» нет такого лица. Борец-тяжеловес, пятикратный чемпион мира и трехкратный олимпийский чемпион в вольном стиле. Предмет восхищения всей страны. Холо-плакаты с его обнаженным торсом — непременный атрибут любой сувенирной лавки в городе. Спортсмен от бога, любящий отец трех детей и примерный муж. Идеальный мужчина. Идеальное «лицо» для любой партии. Только вот суфлер, который подсказывает ему слова, настроен плохо. Говорит он медленно, сбивается, делает паузы. Руками пытается охватить невидимого противника. Немудрено, раньше было просто — захват, бросок, болевой прием. Сейчас тоже борьба, только политическая. И физически дотянуться до противника нельзя. А ведь так хочется оказаться в привычных условиях. Может, поэтому борец постоянно набивается к Хозяину на личную встречу.

На пятой минуте публика начинает скучать и мерзнуть. Спортсмена сменяет еще один политический вождь. Высокий, худой, лысый и в очках. Типичный клерк со стажем. Но он в деле не первый год и выступать умеет. Главное, сегодня ему есть что сказать. И он говорит, мастерски чеканя каждое слово.

Требования протестующих будут выполнены.

Кабинет министров — распущен.

Досрочные выборы в парламент состоятся через три месяца.

Судейская реформа.

Наказание виновных в первом разгроме на Площади.

Безоговорочная амнистия для тех, кто был схвачен полицией за этот месяц.

Досрочные выборы президента в конце года.

Под конец его речи радость протестующих гулким ревом заливает площадь и окрестные кварталы.

Они смогли.

Они победили.

Они что-то изменили.

Они — сила.

Об этом вечере напишут в учебниках истории.

Впервые за пятнадцать лет простые люди заставили власть слушать себя. Они рады, и это искренне.

Площадь наполнялась энергией победы.

Трафикер оглядывается по сторонам, улыбается и поздравляет окружающих. Он обнимается с ними, кричит лозунги и медленно проталкивается к выходу за периметр.

Хозяин уступил. По всем ключевым пунктам. Вероятность того, что это произойдет, стремилась к нулю. Характер не тот. Его упрямство вошло в поговорку. Но люди иногда делают неожиданные шаги. Как раз тот случай. Почему он так поступил — вопрос второй. Первый — в том, что сейчас будут делать Игроки. Нет, не эти на сцене. Они фигуры, свобода которых шатается в коридоре возможностей, выстроенном сверху.

И в планы Игроков не входило то, что минуту назад прозвучало со сцены. В их схеме собравшиеся на Площади не были теми, кто что-то решает. Они — топливо, первая ступень ракеты, которая выведет партии троицы во власть. Которая сметет Группу Хозяина и навсегда уберет упертого клептомана с политической сцены. А троица станет проводником воли Игроков, воплощением их планов относительно этой страны.

Но Хозяин сделал неожиданный шаг. Костер уже разгорался, но прозвучавшее сегодня стало струей из брандспойта. Показательная порка командиров «Кондора» и кабинета министров позволит ему отвести гнев от себя. Три месяца до выборов в парламент — перегруппироваться, договориться или нейтрализовать оппонентов и сохранить фракцию в парламенте. Девять месяцев до выборов президента — вывести капитал на Север и попытаться выиграть выборы. Троица получит свой кусок пирога, и он их вполне устроит. А на покореженной Площади надо положить асфальт, чтобы нечего было выковыривать в следующий раз.

Именно этого меньше всего хотелось Игрокам. По классическим схемам толпа на Площади должна мерзнуть еще пару недель. А потом нечто взорвет ее. Иг-

роки щупали ситуацию два раза, но завести двигатель не удалось. Поэтому сейчас они будут действовать всерьез. Поэтому завтра здесь будет кровь. Много крови. Эти радующиеся люди на Площади — для некоторых завтрашнее солнце станет последним.

Он думал, у него есть как минимум три дня, а в лучшем случае неделя. Окно возможностей сузилось. Утром здесь будет горячо. Но ему нужно еще время, хотя бы до завтрашнего вечера. Вне зависимости от того, что придумали Игроки.

И сейчас он должен понять, какую волынь закрутят здесь завтра утром.

* * *

Информация. Поток электричества, единиц и нулей, текущий по кабелям и радиоволнам. За отображение этих потоков в Сайберглобе отвечает специальная «плоскость», которую так и называют — «карта потоков». Обычные пользователи создают едва различимые точки, к которым с разных сторон тянутся нити входящих и исходящих потоков информации. Корпоративные мейнфреймы среднего класса производят относительно небольшие воронки. «Платформенные» искины закручивают «мальстримы» и «циклоны». Такие же мальстримы способен закрутить и трафик-трекер. Конечно, за «информационным климатом» «карты потоков» следят. Любая аномалия тут же берется на отработку аналитиками, которые способны определить причину возникновения. Это называется контртрекингом. Но, как говорили во времена теперь уже давние, на любой хитрый болт найдется свой хитрый гаечный ключ. Маскировка — отдельное искусство, и он им владел в совершенстве. В корпоративных войнах данные были чистыми, но методы оставались грязными.

Но на создание полноценной маскировки времени не было. Сейчас подходил только один метод — войти в тень постоянных мальстримов большой плотно-

сти. Обычно такой областью являлся деловой центр города (?), где постоянно бушевали настоящие информационные катаклизмы — тысячи воронок средней величины и десятки мальстримов. Такие зоны мониторились медленно. На один такт проверки уходило минут десять-пятнадцать. Кроме того, сейчас большая часть мальстримов вызвана обработкой последней новости с Площади. Часть его потоков потечет из тех же источников. В общем, полчаса у него есть. За это время реально закачать нужный объем информации и отключиться от Сети.

Он выбрался за периметр. Толпа уже бушевала за пределами баррикад.

Трафикер ныряет в ближайший переход, ведущий к станции подземки.

* * *

Час пик прошел, и вагон метро почти пуст.

Немолодая пара напротив обсуждает поездку к детям в другой город. Парень в просторной куртке и меховой шапке сжимает в руках лямки здорового рюкзака. Он беспокойно оглядывается по сторонам и старается не пропустить объявления об остановках. Иногородний. Приехал на заработки. Усталый клерк все время трет глаза, и ему не нравится этот парень. Клерк отходит и садится на свободное место. Девчушка с косой яркозеленого цвета мучает игровую приставку, остервенело нажимая на кнопки.

Трафикер тоже «давит кнопки». На экране его «ладошки» мелькают кубики со странными символами. Они складываются в цепи и кубы, исчезают и появляются вновь. Со стороны это выглядит как игра-головоломка. Отчасти это правда. «Сайскрит» или «кибернетический санскрит» — сам по себе головоломка для тех, кто продолжает пользоваться примитивными линейными алфавитами. Слова и предложения из него содержат на два-три порядка больше информации, чем обычные тексты

такой же длины. Это модифицированная версия «джимала», языка, на котором «работает» Кибернетический Глобус. Сейчас он пишет на нем запросы по базам данных Глобуса, а те через полчаса запустят на него нужный поток данных.

Запросы на тысячи новостных сайтов и кластеров, ресурсы по геополитике, экономике и социологии, военной аналитике, форумы действующих экспертов-политтехнологов, отставников, скучающих на пенсии и оттого сочиняющих прогнозы на перспективу, демографические данные этой страны за последние несколько лет и видеоряды камер общего пользования города, «серые» данные по поставкам оружия, досье на весь спектр наиболее значимых политических фигур, боевиков-радикалов, бизнесменов и мафиози, анализ активности информационных и пиар-групп, товарные потоки в районе Площади и многое другое. Все, что поможет сложить как стратегическую картинку, так и горизонт событий ближайших часов.

* * *

Деловой центр размещался в юго-западном секторе города, около реки. Когда-то здесь была промзона, ее кардинально перепланировали десять лет назад. Старые цеха превратили в торговые центры и офисы для небогатых фирм. В центре промзоны отстроили комплекс из десяти небоскребов, который местные прозвали «Гималаями». Именно здесь размещались штаб-квартиры международных компаний и крупных фирм национального уровня. Район, включенный в орбиту глобальной экономики, никогда не спал.

Трафикер активировал «стекла», и реальность дополнилась «картой потоков». Он взял курс на «Южную башню». «Карта» показывала четыре десятка «мальстримов» и еще пару сотен воронок поменьше.

Первые три этажа «Южной башни» под завязку забиты торгово-развлекательными заведениями. Он ищет

кафе попроще, где официантами работают живые люди, а не вечно улыбающиеся «каркасы», что к тому же пишут на камеры всех посетителей.

Он нашел место у окна, выходившего на заснеженную площадь, заказал кофе и три кекса с изюмом. Глядя на пустеющую площадь, которую засыпает снег, трафикер достает наладонник и «трамонтану».

* * *

«Что ты видишь?» — спросил его Ацтек перед первым тренингом. «Падающий снег». — «Ты видишь, как несколько миллиардов кристаллов льда, принесенных холодным фронтом с Балтики, падают на небольшой участок, что входит в общую территорию примерно в две тысячи квадратных километров. По пути циклон проходил через несколько промышленных зон, поэтому в кристаллах есть оксиды. Но концентрация не превышает норму. Если тебе удастся закончить обучение, ты будешь одновременно вычислять траектории падения примерно четырех тысяч снежинок и определять вероятные места их падения с точностью до квадратного сантиметра. Тебе не страшно?» — «Нет, а должно быть?» — «Через два месяца ты будешь смотреть на этот мир другими глазами. Ты не будешь видеть снег. Ты будешь видеть кристаллы льда и вычислять вероятности».

Ацтек шутил. Поначалу, да, он вычислял все, что видел вокруг. Спустя несколько месяцев научился контролировать субличности. И когда хотел видеть снег, видел снег. А когда надо было работать, он работал.

Обычно он использовал через полное нейроподключение к мозгу. Но в его ситуации это было невозможно, да и опасно. Единственная альтернатива — визуальный поток данных на «стекла», очки «наложенной реальности». Способ дедовский, но действенный. Из-за высокой плотности данных каждый образ задерживался на экране десятые доли секунды. Нечто вроде скорочтения, только на три-четыре порядка быстрее. Обычные «ладошки»

с такими потоками не справлялись. Поэтому придумали «трамонтану», устройство, расширявшее как вычислительные мощности карманного компьютера, так и пропускную способность внешнего канала.

Макрос запущен, «трамонтана» мигает холодным индикатором.

Время вычислять траектории снежинок.

* * *

Трафикер вышел из метро за остановку до Площади. После сеанса и поездки в плохо проветриваемом вагоне слегка ныла голова, хотелось пройтись.

Главная улица плавно изгибается между невысокими фасадами домов Старого Города. Первые этажи и полуподвалы заняты кафе, бутиками и туристическими агентствами. Попадаются антикварные и букинистические лавки. Обочина забита машинами, даже сейчас найти свободное место не просто. Улица ярко освещается фонарями и огнями проезжающих автомобилей. Чем ближе к центру, тем чаще она ветвится узкими переулками. В воздухе пахнет ванилью. Значит, он идет правильно — запах говорит о близости старого и крупного кафе города.

За пределами Площади жизнь не изменилась. Люди ходят в магазины, ездят на машинах, едят пирожные в кафе, говорят о том, о чем и говорили три месяца назад. Они делали это, даже когда на Площади целые сутки противостояли «Кондоры» и повстанцы. Но скоро все изменится. Площадь — это небольшой, еще не разгоревшийся костер, предвестник пожара, который будет полыхать по всей стране через несколько месяцев.

Он шел по улице Старого Квартала, и некоторые дома на ней были мертвы. За темными провалами окон угадывалась пустота. Там не существовало лестничных пролетов и перекрытий, только временные стальные опоры не давали зданию рухнуть окончательно.

То же самое случается и с государствами. Фасад из парламента, судов, армии, полиции, лозунгов и исторических традиций вроде бы есть. Но за ним — рухнувшие перекрытия и лестничные пролеты. Жить в таком доме нельзя.

Двадцать лет назад было иначе. Тогда это была одна из сильнейших стран этого региона. Не слишком большая, но самодостаточная. С ее силой считались. Но после ухода правящей династии и объявления нового «демократического курса» стране сильно не везло на президентов и «новых хозяев» жизни. Из дома вынесли все, что можно. Даже лестничные пролеты. Полиция превратилась в мафиозную группировку, армия занималась парадами и концертами, а в министерствах и судах все решалось в пользу того, кто быстрее и больше занес. Тенденции к полному разрушению просматривались еще семь-восемь лет назад. Именно тогда на страну обратили внимание Игроки.

Вернее, они всегда и на все обращали внимание, но в тот момент начали действовать. Один Игрок решил сделать ставку на «титульную нацию», второй — на правящее меньшинство. Шестьдесят миллионов человек оказались под перекрестным огнем пропаганды. Это был первый этап войны. Именно тогда мир начал лишаться красок, превращаться в черно-белое кино. Каша заваривалась все гуще и гуще. Игроки втянули в орбиту местные деловые круги. За ними подтянулись партии и радикальные группировки. За ними — те, кто в политику никогда не верил. С каждым днем в воронку затягивалось все больше людей.

Последний раунд войны был самым коротким. При поддержке Игрока партия правящего меньшинства осталась у власти. Хозяин и его Группа, отпраздновав «взятие столицы» чередой буйных оргий, стали брать не только то, что плохо лежит, а уже то, что просто нравится.

Тогда другой Игрок пошел ва-банк. Решил действовать более жестко. Внешне все выглядело как поддержка

оппозиции и проталкивание ее во власть. Но это лишь прикрытие. Трафикер тоже поначалу в него верил. Но страна, обескровленная двадцатью годами непрерывного воровства, не была нужна Игроку. Оппозиция, придя к власти, продолжит делать то же, что и предшественники. Эти марионетки не нужны Игроку. Ему необходима территория, все еще богатая на ресурсы и представляющая плацдарм для наступления на северного соседа, а остатки государства должна смести гражданская война. И потом, когда не останется никого, кто может сопротивляться, Игрок придет сюда спасителем и остановит хаос.

Старая технология, прописанная еще в середине прошлого века. Вызвать волну протестов в обществе. Собрать как можно больше людей в одном месте. Раскалить обстановку до предела. Убить несколько человек, чтобы все выглядело как дело рук власти. Взрыв народного гнева начнет цепную реакцию по всей стране. Дальше останется только подливать масла в огонь. Пьеса была разыграна не раз и не два, но, несмотря на это, ее продолжали с успехом разыгрывать еще и еще.

Субличности выбрасывали в «основное» сознание все больше подробностей. К тому моменту, как впереди замаячили баррикады, он уже видел горизонт событий на следующие несколько часов.

* * *

Площадь никогда не спит. Костры не тухнут, биогенераторы гудят, а в огромных котлах круглые сутки варят похлебку и кофе, пекут картошку и мясо.

Кофе в высокий пластмассовый стакан ему наливает розовощекая улыбающаяся женщина средних лет. Он улыбается в ответ и осторожно берет стакан. Потягивая обжигающую густую жидкость, он заедает ее большим печеньем и медленно идет к южной части Площади.

Несколько законсервированных групп Игрока находились на Площади с самого начала протестов. Время акти-

визации — час пик, когда взрослое население поедет на работу и, чтобы убить время, будет слушать и смотреть утренние новости. Зона конфликта — «граница» между «Кондорами» и баррикадами. Повод для конфликта — «изнасилование» активистки «кондорами». Возмущенные повстанцы, подогреваемые провокаторами, начнут свалку с «кондорами», в ход пойдут коктейли, газ и травматика. Пик драки придется на время встречи Хозяина и оппозиции. Скандал, взаимные обвинения в провокациях, срыв переговоров. Если конфликт пойдет на спад, за дело возьмутся снайперы. После этого «точка возврата» будет пройдена.

Группа протестующих образовала круг, в котором лихо отплясывают несколько человек. Она стоит в кругу. Хрупкая блондинка в цветной вязаной шапке и таком же шарфе. Она здесь своя, хотя никто из новых друзей не знает, кто она на самом деле. Таких хрупких и маленьких, с большими голубыми глазами, хочется защитить и обогреть, а не «пробивать» по Сети. Трафикер находит мусорный бак, выбрасывает стакан с остатками кофе. Сняв перчатку, отбивает постинг в несколько соцсетей, а потом направляет руководителю «Воинов Шира» личное сообщение с полным досье на миловидную барышню.

Через двадцать минут к танцующим подходят два крепких парня в балаклавах. Что-то говорят блондинке. Она кокетливо улыбается и уходит с ними. Разбираться с ней будут до утра, так что этот план Игрока уже не сработает. Но как всегда, есть несколько запасных.

Ночь будет длинной.

Надо взять еще кофе.

* * *

Ночь прошла быстро. Время всегда идет быстро, когда занят делом. И особенно быстро, когда спешишь. Ему удалось нейтрализовать еще две группы провокаторов, и сейчас Игрок пересматривает оперативные планы.

Трафикер отодвинул горизонт событий почти на десять часов и вышел за флажки. Его уже взяли на отработку, хотя в этом был плюс. Они захотят узнать его мотивы. И когда поймут, в чем дело, беглянка может оказаться в зоне видимости.

Конечно, если она не увязла в более сложной игре, либо случилось то, что случается с молодыми людьми — непредсказуемый, иррациональный поступок. Всегда есть что-то непросчитываемое.

* * *

Однажды Тумос пригласил его во внутренний сад, занимавший половину одиннадцатого этажа штаб-квартиры GK. Обычно там проводили неформальные совещания и отдыхали в обеденный перерыв. Среди небольших групп сотрудников, которые сидели на лавках или на траве, выделялся человек. Он медленно шел по саду, все время останавливаясь и опасливо оглядываясь по сторонам. Подойдя к пустующей лавке, он минуты две осматривал ее и только потом сел. Сначала на край, а потом осторожно подвинулся и оперся на спинку.

«Кого ты видишь?» — спросил Тумос. «Человека, который чего-то боится. Только чего здесь бояться?» — «Он пребывает одновременно в трех десятках вероятных реальностей с горизонтом событий более двадцати лет. В некоторых реальностях скамейка выкрашена, в других она ветхая настолько, что может развалиться, в третьих — на ней сидят люди». — «Что с ним случилось?» — «Маски, субличности, вышли из-под контроля. Просчитываемые реальности становятся галлюцинациями. Это — проклятие трафик-трекера». — «Это излечимо?» — «В принципе да, но ему нравится его состояние».

Надвигается утро, но перед глазами пролетают возможные реальности. Движения людей и машин комичны — они неестественно стремительны и суетливы.

Пока все говорит о том, что горизонт отодвинулся. Он старался не смотреть, что там дальше, за чертой семи часов вечера, но в один из «прогонов» спустил субличность с поводка.

...На месте северной части палаточного городка пепелище, догорают кучи покрышек. Два из семи зданий вокруг Площади охвачены огнем. Клубы черного дыма взмывают в темноту, а воздух разрывается криками и выстрелами. «Линия фронта» пролегает где-то там, посередине Площади. С близлежащих улиц на подмогу к протестующим спешат горожане. Со стороны правительственного квартала двигается колонна бронетехники и резервные отряды «кондоров». Кровь уже пролилась, обе стороны несут потери, и взаимная ненависть разгорается с каждой минутой...

Еще и еще раз он просматривает будущее. Одно и то же, различаются только детали.

Трафикер возвращается в реальность. Кто-то задевает его плечом. Он поворачивает голову. Незнакомец едва уловимым движением глаз предлагает ему следовать за ним. Он ведет трафик-трекера к южным баррикадам.

Да, он подошел близко к флажкам.

Они знают, кто он и почему пришел сюда.

И как избавиться от него, теперь тоже знают.

У зеленой палатки стоят парень и девушка. У ее ног — походный рюкзак. Она только что приехала. Как он и предполагал, ее не было на Площади. Скорее всего, члены ее группы получили указание привезти сюда и дать попрощаться с любимым.

На парне видавшая виды военная куртка с сорванными знаками различия. Они о чем-то говорят, и разговор не слишком приятный. Трафикер останавливается в двадцати шагах, снимает очки и трет глаза. Бессонная ночь дает о себе знать. Девушка замечает его. Она порывисто обнимает парня. Ее большие зеленые глаза наполняются слезами. Она продолжает смотреть на трафике-

ра, и слезы капают на жесткую ткань куртки. Ее взгляд говорит о том, что она хочет остаться.

«Да?»

Трафикер надевает очки и качает головой. Он достает из кармана «ладошку» и делает снимок.

«Нет».

Через полчаса здесь будет ее семья. Отец, два старших брата и мать. Они найдут нужные слова.

Она прячет лицо и еще крепче прижимает к себе парня.

Пора уходить. Вход на «красную» ветку метро в паре сотен метров отсюда. В гостинице его никто не ждет, но в сумке, что осталась в номере, нет ничего ценного. В крайнем случае пришлют почтой.

Он идет через гудящую толпу, навстречу потоку радостных людей. Скоро, очень скоро Площадь наполнится до краев. А вечером начнется бойня. Первая.

Могло ли быть иначе?

Трафикер останавливается, поворачивается и смотрит на людей, которые идут к Площади.

Да.

Оппозиционную троицу надо закидать тухлыми яйцами, когда они вылезут на сцену в следующий раз. Они — прошлое. Гнилое, лживое и лицемерное.

Площадь должна найти своих лидеров. Площадь должна возникнуть в каждом городе, в каждом селе и поселке. Она должна стать той силой, которая выдавит из парламента и чиновничьих кабинетов старое и заменит новыми людьми. Она должна стать силой, которая объединит в себе как «титульную нацию», так и «меньшинство».

Это будет трудная и долгая борьба. Борьба не без кулаков, но прежде всего — борьба за души и головы. Может, новые лидеры проиграют грядущие выборы, но наверняка выиграют следующие, если будут достаточно настойчивы. Хозяин не диктатор, как его клеймят подконтрольные Игрокам журналисты. Он всего лишь вор, который боится потерять награбленное. Его можно сва-

лить, убрать верхушку, но для полной смены необходимы те, кто заменит среднее и низшее звенья. А для этого нужно время, длинная воля и терпение. И не только боевики, но и «канцелярские» сотни, что выигрывают битвы мозгами.

Но этого не случится. Не сейчас. Сейчас эти люди танцуют на Площади, радуясь победе. Они не знают, что ситуация идет к точке, после которой возврата не будет. Им предстоит пройти не менее долгий, но кровавый путь. Тысячи смертей, десятки тысяч покалеченных, сотни тысяч, чья судьба будет размолота жерновами истории.

* * *

«Что ты видел?»

«Людей на Площади».

«Ты мог что-то изменить?»

«Да».

«Почему ты этого не сделал?»

«Потому что кукловод остается кукловодом, какими бы благими ни были его намерения. Они должны научиться думать своей головой. Перестать выбирать из того, что предлагает кто-то другой».

«Что ты имеешь в виду?»

«Если кто-то спрашивает «да?» или «нет?», всегда нужно помнить, что есть третий ответ».

«Какой?»

«Пошел к черту».

«Болтовня. Ты мог бы спасти тысячи жизней».

«Это их плата за годы молчания, ненужного терпения, нежелания думать головой и надежды на доброго хозяина, который все сделает за них. Им придется пройти через это. Будет война, будут смерти и поломанные жизни, разрушенные города и села».

«Как долго это продлится?»

«До тех пор, пока среди них не найдутся те, кто станет между дерущимися и скажет: «Остановитесь».

ПАВЕЛ СЕРЕБРЯННИКОВ

АУТСОРСИНГ

То тюлень позвонит, то олень,
И такая дребедень целый день.
К. Чуковский

Все сколько-нибудь значительные прорывы в технологиях программирования — изобретение компьютеров с хранимой программой, ассемблера, компиляторов, сборки мусора — делались в надежде, что теперь-то программированием смогут заниматься специалисты в предметной области. Но почему-то этого не происходило. Новые технологии приводили к снижению стоимости разработки программного обеспечения, но это приводило только к тому, что программ начинали заказывать гораздо больше, чем раньше, и эти программы становились все сложнее и сложнее по функциональности. В результате спрос на услуги программистов только расширялся, но программирование по-прежнему оставалось отдельной профессией.

В 60-е годы XX столетия появление языков высокого уровня привело к тому, что крупным корпорациям стало экономически выгодно разрабатывать заказное программное обеспечение для автоматизации своих бизнес-процессов. В 90-е годы распространение языков Java и C# со сборкой мусора позволило средним и даже некоторым малым бизнесам развитых стран заказывать программное обеспечение и создало огромную индустрию офшорного программирования в Индии, Китае и странах бывшего СССР. В 20-е годы XXI столетия появление метаязыков второго поколения сделало заказное программное обеспечение доступным даже малому бизнесу и частным лицам из развивающихся стран. Это вовлекло в индустрию программирования новые социальные и культурные слои. Но основная масса спе-

циалистов в предметных областях так и не стала программировать самостоятельно. Так и осталось загадкой, почему одни люди могут и хотят программировать компьютеры, а другие — не могут или не хотят, а вместо этого предпочитают заказывать разработку на стороне.

Над дельтой Окаванго заходило солнце. Днем у !Хи было большое преимущество: антилопа перегревалась и не могла быстро бежать, а !Хи мог охлаждаться, поливая себя водой из пластиковой бутылки, а то и прихлебывая пару-тройку глотков. Ночью это преимущество терялось, так что охота грозила затянуться до утра, а то и на первую половину следующего дня. Ну и ладно, если кому-то что-то потребуется, меня найдут.

Вскоре !Хи действительно понадобился. На другом конце земли другой охотник вышел на охоту в море и обнаружил проблему. Телефон в поясной сумке !Хи задребезжал. !Хи нажал кнопку на гарнитуре:

— Окаванго Куалити Софтвээ к вашим услугам.

— Однако здравствуйте. Это Эльгыгытгын. У вас, однако, бага.

— Здравствуйте, Эльгыгытгын. Что у вас случилось?

— У нас сегодня открытие сезона. Я пошёл за китом. Кит ушёл в американское море. Ваша навигатора мне сказал, что на кита охотиться можно. Я, как русские говорят, как дурак, сорок минут гнался за этим китом, однако, гарпуна говорит, что охотиться, однако, нельзя.

— Так это не в навигаторе бага, а в гарпуне?

— Однако гарпуна сертифицированный, у него печать русского начальника. Даже если там бага, мне только в суд в Страсбурге подавать. Но все равно ведь неправильно, когда навигатора говорит одно, а гарпуна другое.

!Хи остановился, почесал в затылке, потом достал из сумки телефон и вывел на экран карту мира.

— Однако все правильно, — сказал он, — в гарпуне баги нету. В русском море сезон уже открылся, а в американском море ещё вчера, там ещё сезон не открылся.

— Однако умный кит. Но почему мне навигатора сказал, что охотиться можно?

— Однако странно — сказал !Хи, — навигатор в американском море тоже должен был дату перевести. Однако действительно бага.

— Однако... Однако, получается, Эльгыгытгын виноват. Я сам, однако, навигатора настроил, чтобы он дату туда-сюда не переводил.

— Однако, получается, не бага, — радостно сказал !Хи.

— Однако, получается, не бага, — согласился Эльгыгытгын. — Извините.

!Хи нажал кнопку отбоя и огляделся. Антилопы не было видно. !Хи включил камеру в телефоне и нажал на спуск. Было уже темно, поэтому автоматически сработала вспышка, и в кустах сверкнули два круглых огонька — отражение света в сетчатке глаз антилопы. !Хи перевёл дух, засунул телефон обратно в поясную сумку и начал ломиться напрямую через кусты. Ветки впереди закачались — антилопа ещё надеялась от него убежать. Телефон снова задребезжал.

— Окаванго Куалити...

— Однако это опять я. Однако я согласен, не бага. Однако неудобно. Можете сделать, чтоб работало?

— Ну, теоретически можем... — !Хи сделал паузу, дожидаясь, пока клиент скажет волшебные слова. И дождался:

— Однако я заплачу.

— Хорошо, зафильте как багу, Хани с вами нашим утром свяжется.

— Я сейчас, однако, не могу зафилить, я в лодке, у меня только спутника...

— Однако голосовые вызовы проходят?

— Голосовые проходят, однако багзилла говорит таймаута репликации.

— Понятно. Хорошо, я сейчас тоже не возле компьютера, я Хани перезвоню, запишем ваш запрос.

!Хи нажал кнопку отбоя и вызвал Хани. Она ещё не спала. Опять, небось, ферму до ночи вскапывает...

— Да, папа?

— Тут, однако, звонил этот чукча, Эльгыгытгын, у него опять проблема.

— Он не чукча, он эскимос.

— Его проблема не в этом.

— Пусть в багзиллу напишет.

— Он в лодке, у него багзилла через спутник не работает. Однако проблема такая. У нас в навигатор зашиты начало и конец сезона охоты, правильно?

— Вроде да. Это Павиан делала, я не помню.

— Так вот. У него навигатор настроен не переключать дату, когда он переходит в американское море, и в первый день сезона охоты получается, что навигатор показывает, что охотиться можно, а на самом деле в Америке ещё охотиться нельзя.

— Ну пусть перестроит навигатор.

— Он говорит, неудобно. Он заплатит. Зафиль пока как баг, утром разберёмся.

— Да я лучше сразу как энхансмент...

— Однако давай как энхансмент.

— Ты когда дома будешь?

— Однако не знаю. Чем больше меня будут отвлекать всякими глупостями, тем больше шансов, что антилопа от меня вообще убежит.

— Может, и пусть её, эту антилопу?

— Обидно однако. Я её два дня гнал.

— Ты, папа, как Эльгыгытгын начал разговаривать.

— Да? Однако, похоже, это заразно. Однако спокойной ночи.

— Ну пока.

!Хи огляделся. Впереди в кустах было видно какое-то движение. Антилопа это или другой охотник? !Хи нащупал за спиной копье и пошёл к шевелящимся веткам. Телефонная вспышка хорошо отпугивает гиен, но с копьём как-то спокойнее.

Пока он разбирался с навигатором Эльгыгытгына, планета повернулась к Солнцу другим боком и утро настало ещё у одного заказчика.

— Окаванго Куалити...

— Извините, это Ямада. Извините, у меня тут проблема...

Выслушав Ямаду, !Хи перевёл дыхание и снова перезвонил Хани:

— Да, папа?

— Хани, бросай срочно все и переключайся на погрузчик Ямады.

— Что у него такое?

— У него всё упало.

— В каком смысле упало?

— В прямом. На него штабель коробок с телефонами упал.

— На погрузчик?

— На самого Ямаду.

— О Цагн! Так это не к нам, это к ихним спасателям... как они там называются? Полиция?

— Он говорит, в полицию плохо. Если окажется, что это бага в нашем погрузчике, его оштрафуют за несертифицированный софт и поднимут страховку. Давай попробуем его погрузчиком разгрести.

— Ой, папа, я боюсь...

— Ну ты же на ферме с этим погрузчиком вон как лихо...

— Это виртуальная ферма, а то настоящие коробки... А под ними живой человек...

— Не бойся, коробки лёгкие. Их просто много.

— Хорошо...

— Только ты позвони на его телефон, чтобы знать, как он там, и пока работаешь, связь не разрывай...

— Хорошо...

!Хи показалось, что он потерял антилопу, и он снова вынужден был воспользоваться вспышкой. Интересно. Охота с ружьём в дельте Окаванго запрещена, но бушменам можно охотиться традиционным оружием. Пластиковая бутыль с водой была признана достаточно традиционным оружием, а вот насчёт вспышки телефона никаких судебных решений ещё не было.

Кусты кончились, и антилопа вынуждена была выскочить на открытое место. Она тяжело дышала, главное сейчас было не дать ей остановиться и перевести дух. !Хи выдрался из кустов и перешёл на бег трусцой. Солнце взошло в ещё одном населённом пункте, и снова задребезжал телефон. !Хи снова пришлось перейти на шаг, чтобы не сорвать дыхание:

— Окаванго Куалити Софтвээ...

— Это Иван Сидоров, у меня тут эта... не то что проблема, но, мне кажется...

— Я вас внимательно слушаю.

— Понимаете, я заметил, что у меня две коровы какие-то грустные. Я пригляделся внимательно, у них с утренней кормёжки в кормушке остаётся сено. А вечером они, похоже, не наедаются. Надо им как-то перенастроить, чтобы им эта... с утра поменьше, а с вечера побольше.

— Иван, простите, но ведь мы просто забили таблицу расписаний кормления, которую вы нам дали!

— Ну да. Так я и эта... говорю, что надо бы эту таблицу немного поменять.

— Для всех коров?

— Нет, только для двух.

— Иван, хорошо, вы извините, у нас сейчас уже ночь, и я не возле компьютера, вы зафильте как энхансмент, ближе к вашему вечеру мы с вами свяжемся.

Антилопа успела оторваться довольно далеко, так что !Хи вынужден был сделать спурт, освещая себе дорогу экраном телефона. К счастью, на открытой местности её уже было сложно потерять. Это ведь Хани предложила связаться с этими коровами. Какие ещё коровы, надо ей запретить эти фермы раскапывать, мы бушмены, а не банту, в конце-то концов! Мы никогда ничего не понимали в коровах, нашему народу это чуждо! Наша еда корни и антилопы!

— Окаванго Ку... ффух... — !Хи почувствовал, что задыхается, и вынужден был остановиться. — Извините, Окаванго Куалити Софтвээ к вашим услугам.

— Я буду на вас жаловаться! Это безобразие! Почему ваша программа неправильно распознает иероглифы?

— Наш звонок очень важен для... Извините, ваш звонок очень важен для нас. Пожалуйста, зафильте баг и, если можно, приложите фотографию иероглифа, который неправильно распознаётся. Ой... извините, а разве это иероглиф? Шумерский? Извините, мы подумаем, что можно сделать. Извините, сейчас я даже не готов ответить, сколько времени это займёт. Вы в каком часовом поясе? Ближе к вечеру, хорошо?

!Хи отдышался, перешёл на шаг и набрал ещё один телефонный номер.

— Господин Марамай? Это !Хи, Окаванго Куалити Софтвээ. Мы у вас покупали библиотеку для распознавания символов. Вроде было нормально, но у нас есть заказчик, который хочет шумерские иероглифы. Это возможно? Я понятия не имею, кто такие шумеры, но у них тоже, оказывается, иероглифы. В юникоде у них даже кодовая страница есть. Хорошо, давайте по почте. До связи.

Где эта антилопа? Ага, вон она... но тоже успела отдышаться. Это плохо. Когда загоняешь антилопу, главное поддерживать более-менее постоянный темп. Шаг-трусца-шаг-трусца. Рывки и остановки выматывают тебя быстрее, чем её. И ей не надо отвечать на телефонные звонки. Наверное, это даже честно: у меня есть телефон — это плюс антилопе, а у телефона есть вспышка — это плюс мне.

До рассвета !Хи успел принять ещё несколько десятков звонков, и при этом умудрился не потерять антилопу. Они пересекли какой-то ручей, и !Хи смог наполнить бутылку. Для питья вода теперь не годилась, но для охлаждения кожи — вполне, а судя по настроению антилопы, погоня предстояла ещё долгая. Антилопа за ночь успела остыть и отдышаться, а !Хи чувствовал себя совершенно вымотанным. Складская система в Кандагаре теряла коробки (оказалось, что это работник неправильно держал сканер и игнорировал бибиканье, сигнали-

зирующее о неверно считавшемся штрихкоде). Ямаду удалось откопать, и выяснилось, что не виноват ни погрузчик, ни его программное обеспечение, ни даже сам Ямада — это было землетрясение. Закончив с раскопками Ямады, Хани предложила плюнуть на дату в навигаторе и вообще не использовать никаких таблиц, а снимать информацию о том, когда, где и на кого можно охотиться, прямо с гарпуна. !Хи вынужден был признать, что идея хорошая, но надо все-таки это обсудить с Эльгыгытгыном. Марамай в своём Порт-Морсби выяснил, что код, на котором основана его библиотека, понимает и шумерский, и майя, и даже квэнью и клингон (кто такие квэнья и клингоны, !Хи даже боялся задумываться), надо только это включить, но вопрос, кто всё это будет поддерживать, и !Хи с ужасом понял, что в рекламке его программы было написано «распознавание всех иероглифов».

Светает в дельте Окаванго быстро. Антилопа, заметив приближение рассвета, снова попыталась скрыться в кустах, но !Хи серией отчаянных маневров заставил её удержаться на открытой местности, а потом ему совсем повезло: он выгнал животное на солончак. Антилопа сначала сделала быстрый рывок по поверхности, покрытой застывшим гипсом, твердой и ровной, как асфальт в городе, но потом, казалось, поняла, что произошло и что победа !Хи — теперь только вопрос времени. Она была обезвожена вчерашней погоней. Ночью !Хи не дал ей напиться из ручья, а теперь у !Хи была вода, была соломенная шляпа, закрывавшая голову, и кроссовки, защищавшие его ноги от гипса, который быстро прогревался под лучами восходящего солнца. !Хи со злорадным удовольствием разбудил свою старшую жену, мать Хани, и переключил на её телефон основной номер «Окаванго Куалити Софтвээ». Пусть она теперь разбирается с шумерскими иероглифами и загрустившими русскими коровами.

Солнце быстро высушило росу и выгнало остатки воды из гипсового солончака, и над белесой равниной

стало подниматься жаркое марево. Антилопе было плохо, она спотыкалась и тяжело дышала. !Хи уже не надо было переходить на бег, чтобы удержаться на достаточном расстоянии. Когда антилопа чуть не упала, споткнувшись на ровном месте, она оглянулась на бушмена; он не смог удержаться и демонстративно вылил себе на плечи и спину полстакана воды из бутылки, а потом плеснул воды в пригоршню и вытер лицо. Впрочем, на расстояние рывка она по прежнему подойти не позволяла. Два раза !Хи имитировал начало рывка, но антилопа где-то находила силы на то, чтобы отскочить.

День быстро вступал в свои права. До астрономического полудня было ещё далеко, когда жара стала труднопереносимой. !Хи оценил остаток запаса воды и решил, что воду лучше бы поберечь на обратный путь. Антилопа замедлила шаг, и !Хи тоже. Трёхдневный поединок приближался к своей развязке. Антилопа споткнулась, и !Хи сделал рывок. Антилопа успела подняться на ноги, но !Хи успел пнуть её в круп, и она снова потеряла равновесие. !Хи упал на неё сверху и прижал к земле.

Антилопа тяжело дышала и не сопротивлялась. !Хи опёрся на руки, потом поставил на бок антилопы колено и перенёс вес тела на него. Потом он нащупал в поясной сумке викториноксовский нож — когда чукча заплатит за свой китоловный навигатор, надо будет поискать на ебее нормальный охотничий, а то из этой швейцарской закорючки потом кровь вымывать замучаешься. !Хи прижал голову антилопы к земле и начал говорить ритуальные слова:

— Прости меня, но моя семья голодает...

— Я всё понимаю, но врать-то зачем? — прервал его дух антилопы — Твоя семья не голодает. Голоса из коробки у тебя на поясе платят тебе зелёными бумажками, которые ты видел только на картинках. На эти бумажки ты покупаешь коз у банту, а когда бумажек набирается больше обычного, ты заказываешь у людей, которых ты никогда не видел, еду, для которой в твоём языке нет даже названия. В твоей семье никто не умрёт без моего

мяса, а младшие дети даже, наверное, скажут, что моё мясо невкусное.

— Банту кормят своих коз антибиотиками...

— Это же даже не смешно. Ты съел столько этих коз, что даже коробка у тебя на поясе их не сосчитает. А когда бумажек у тебя мало, ты покупаешь у белых фермеров из Трансвааля... в ваших антибиотиках следов мяса не обнаружено. Неужели ты всерьёз думаешь, что моего мяса хватит, чтобы очистить твою кровь?

— Ты хочешь, чтобы я тебя отпустил?

Дух сделал паузу, чтобы дать !Хи время осознать, какую глупость он говорит.

— Ты мог бы меня отпустить вчера вечером, я бы нашёл место у ручья и отлежался. Смерть от ножа неприятна, но она легче смерти от жары на солончаке. Да даже если бы я смог добраться до тени, в таком состоянии я лёгкая добыча не только для гиены, но и для шакала.

— Тогда почему ты не попросил об этом вечером?

— Потому что весь вечер и всю ночь ты разговаривал с голосами в коробке. Ты меня просто не услышал бы.

— Ты меня не простишь?

— А если не прощу? Ты же ешь коз банту, у них никто не просит прощения. Я уж не говорю про коров белых фермеров.

— Банту договорились с козами много поколений назад.

— Как я понимаю, они не договаривались, что их будут резать на продажу за полученные от голосов из коробки бумажки, которых никто не видел.

— Я не хочу тебя обидеть, но коз на земле почему-то живёт гораздо больше, чем антилоп.

— Разве же это жизнь?

— Козы могут сказать про твою жизнь то же самое.

— Мы с козами не разговариваем. И вообще, при чём здесь это?

— Наверное, ни при чём. Извини. Ты прав. Я просто... я просто хотел почувствовать, что остался бушменом, несмотря на зелёные бумажки от голосов из коробки.

— Ты им не остался. Ты не умрёшь без моего мяса. Тебе полезно было бы пробежаться, но если бы дело было в этом, ты мог бы бегать по асфальту в посёлке или по дорогам вокруг посёлка, как белые люди. Затычки в уши и трюх-трюх-трюх. Или купил бы беговую дорожку с моторчиком, у тебя хватит на это зелёных бумажек.

— Пожалуй, ты прав. Да даже без «пожалуй», ты просто прав. Я не бушмен. Я стал похож на цивилизованного. Я делаю вещи, смысла которых по большей части не понимаю. Прости меня. Я не понимаю, что и зачем я делаю, я пытаюсь увидеть в этом какой-то смысл, иногда мне кажется, что я его вижу, а иногда — что его нет и быть не может, и я не знаю, что меня пугает больше. Я не могу жить так, как живу, без голосов из коробки, и я разучился жить по-другому. И я пытаюсь убежать, а становится только хуже. Как это говорят белые миссионеры... прости меня, я не ведаю, что творю.

— Это хотя бы честно. Знаешь, я даже не буду просить тебя больше так не делать.

— Но я, во всяком случае, постараюсь.

— Почему-то я тебе не верю.

— Это твоё дело.

!Хи посмотрел на антилопу и вздохнул. Потом он осмотрелся вокруг. Ближайшая роща, по виду похожая на рощу возле озера, была примерно в полукилометре. !Хи вздохнул ещё раз, вылил на антилопу половину воды из бутылки. Потом он взял животное за ноги, крякнул и взвалил на плечи. Просто в тени отлежаться она действительно не сможет, но если принести её достаточно близко к водопою...

КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

СЕРГЕЙ БИТЮЦКИЙ

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Сквозь туман забытья: «Не спи, равнодушие — победа энтропии чёрной...»

Не просыпаясь, Роберт лягнул ногой на звук и с удовлетворением отметил, что, кажется, попал.

«Проснись, бродяга, разговор есть!»

Чертёнок сидел на изгибе переборки и, ворча, потирал ушибленную ляжку. Вокруг него в воздухе порхали всякие летучие мыши, и исходила от него эманация таинственно-несуразная. Сон был чертовски реалистичным. Но чертёнку в оранжевую полосочку решительно неоткуда было взяться в тесной келье дежурного пилота «Синей птицы», застывшей в субсветовой неподвижности в 250 световых летах и зимах от Солнечной системы.

Астрокэшинг сформировался как вид деятельности человечества в конце двадцать девятого столетия.

Если его терминологический предтеча — геокэшинг, то есть поиск кладов, — всегда был уделом страстно увлечённых одиночек, то астрокэш — уважаемая и сильная профессиональная служба, располагающая огромной частью ресурсов человечества.

Жители XX века терпеливые и трудолюбивые, а также те, кто обладал нужной фазой паранормальных способностей и чувствовал клады интуитивно, радостно и азартно ковыряли перегной под могучими дубами и вблизи приметных скал. Они путешествовали, чтобы нарыть ям в горячем сухом грунте далёких островов, каковые ямы аборигены потом с не меньшей радостью использовали в качестве выгребных.

Две гинеи, найденные пиратами в повести «Остров сокровищ» в опустошённом схроне, чуть не привели к бун-

ту, но геокэшменам эта же самая находка подарила бы смысл бытия на весь год.

А иногда им улыбалась удача — муза энтузиастов и авантюристов, — и они находили настоящие клады и сокровища.

Астрокэшмены не искали тайные склады пиратских видеофильмов на заброшенных планетах. Сходство начиналось в названии и там же заканчивалось.

Экспедиции АК искали в пространстве звездолёты. Старые релятивистские земные звездолёты.

— Дружище, ты совершенно здоров. Как говорил своей дочке дедушка Фрейд: «Бывают, доченька, и просто сны».

Я невесело ухмыльнулся и выключил диагностику.

— В следующий раз, Роб, выслушай, что хочет от тебя абориген дальнего пространства, а я с удовольствием узнаю это от тебя. Всё какое-то разнообразие.

— Дубина, мне никогда раньше не снились такие связные сны. Никогда. Если бы тебе приснилась такая ахинея в качественном формате, ты бы тоже был несколько обеспокоен!

— А мне приснилась. Только не ахинея.

— Кто? Чёртик?

— Сам ты чёртик, дурило. Мне снился отец. Он что-то рассказывал мне во сне...

— Извини, Серёга, ты же мне не сказал.

— Да нет, Роб, к чему извинения... И к чему об этом говорить... Приснился, и всё тут.

— Мы все помним ту передачу с Земли, которая нас нащупала на третьем году пути. Тебе было тяжелее других.

— Знать легче, чем видеть, ты прав. А никого насильно в жбан не закрывали. Все всё понимали, и конкурс был сам помнишь какой. Нам ещё две недели до смены вахты. Ты мне ещё осточертеть успеешь без всяких чёртиков.

Вы думаете это легко — отыскать субсветовик, стартовавший 250 лет назад, и зная только время старта и цель его полёта? Даже располагая техникой межпространственного перехода? Вы ошибаетесь.

Кораблик поиска может вынырнуть хоть совсем рядом, в мегаметре от «динозавра», но лучи локаторов догонят его, стремительно спорящего со светом в скорости, только через несколько часов, а отражённый сигнал вернётся ещё через несколько часов... В какую именно точку, в какой из миллиардов миллиардов километров далёкого пути должна прыгнуть поисковая блоха и сколько должна она там провисеть, ожидая отражённого сигнала...

Мгновенный шок гипердрайва на удар в глаз не похож вообще ничем. Кроме того, что он настолько же неприятен живому существу. Когда он происходит 48 раз в сутки, уже привыкаешь. Прыжок-локация. Прыжок-локация. Скользящий график. Двое работают — третий спит.

Три месяца 800 джамперов флота АК прочёсывали сектор. Построившись в правильный цилиндр диаметром пять миллиардов километров, кораблики короткими прыжками навивали спирали вдоль намеченной оси. После каждого прыжка локаторы блох излучали в пространство гигаватты, с тем чтобы какие-то из двигающихся следом с точно рассчитанными интервалами машин могли, вынырнув в пространство, уловить отражённый сигнал. Полчаса в пространстве — и следующий синхронный прыжок. А в кильватере блошиного роя неспешно движется авианесущий флагман поисковой эскадры.

Блохи, заменяя одна другую, стартовали из эллингов и возвращались после вахты.

Где-то там, в пустоте, в восьмидесяти парсеках от Солнечной системы, молча несётся с околосветовой скоростью тёмная глыба металла, ничего не излучаю-

щая выключенным маршевым двигателем. Не подающая навигационных сигналов. Ибо кому же могла прийти в голову мысль тратить на эти сигналы бесценную энергию?

Скоростью сгущая время в горький тягучий сироп, релятивистский древний корабль несёт к далёкой цели людей. Героев давнего прошлого. Астронавтов, не побоявшихся навсегда покинуть свой привычный мир, чтобы достичь звёзд.

Или же, если звёзды сложатся неудачно для звездоплавателей, то из этой фразы тихо уйдёт слово «привычный».

Когда то, чего долго и безуспешно ждёшь, всё-таки происходит, обычно удивлению места не остаётся.

Прыжок — локация. Экран джампера бортовой номер 430 перечеркнула яркая линия.

Относительная скорость вынырнувших блох была нулевая, а древняя машина скользнула мимо на околосветовой. Но скорость и траектория корабля уже были рассчитаны.

Блохи в строгом порядке вернулись во флагманский улей. Авианосец свернул пространство и ушёл назад к Земле. А с трансплутоновой базы, после быстрой подготовки, стартовал приют. Он вынырнул несколько впереди найденного корабля и стал разгоняться в обычном пространстве в том же направлении. Разгонялся он, изделие гравигенных технологий, во много раз быстрее фотонного предка. И вот, когда точно рассчитанный разгон завершался, на кормовых экранах показался релятивист, медленно нагоняющий приют. Корабль службы эвакуации и адаптации АК, в простом наименовании «приют», невидимый в коконе защитных полей, позволил догнать себя древнему исполину. Догнать и чуть-чуть опередить. Потому, что так велит этика. Потому, что именно им, этим людям, дерзнувшим взять билет без возвращения в свой век, принадлежало право первым долететь до далёкой звезды.

Чудовищная туша заполняла кормовые экраны. Работа начнётся совсем скоро, через несколько часов. А пока экипаж приюта смотрел на обгоняющего их параллельным курсом гонца из прошлого. Пилоты, инженеры, врачи, психологи, игротехники смотрели на чудо, созданное их предками и упорхнувшее из гнезда четверть тысячелетия назад.

Всего в нескольких километрах медленно проплывал обезображенный за несколько веков метеоритами лобовой обтекатель, ползли с черепашьей уже скоростью ходовые и жилые отсеки. Исполин двигался вперёд, раскинув во все стороны мачты силовых опор, расправив парусное вооружение мезонных отражателей. Казалось, невидимый могучий ветер наполняет эти паруса и движет машину вперёд, хотя уже больше двух веков по земному времени и шесть лет по часам корабля эти паруса отдыхали от безумного шквала аннигиляции.

Корабль застыл чуть впереди приюта, и все несколько сотен членов команды не могли отвести взгляд от нескольких иллюминаторов ходовой части корабля.

Потому что в них горел свет. Тёплый огонёк в вечной ночи в неисчислимом далеке от Солнечной системы.

Это мог видеть только тот, кто годы отдал работе в АК.

И тёмным силуэтом в светлом киоте иллюминатора стоял человек, положив изнутри руки на стекло.

Ощущение взгляда. Взгляда из пустоты. Слева, со стороны иллюминатора. Будет нелепостью встать и подойти к бронестеклу. И посмотреть, да вот туда, в сторону центра галактики... Застывшие звёзды, пустота. Значит, нужно досрочно будить сменную вахту. Нам психоз на борту совершенно ни к чему. Триста человек коротают время в анабиозных коконах. И двум из них придётся проснуться на две недели раньше из-за сдавших нервов дежурного навигатора. Стыдно, но это лучше, чем нарываться на крайности и поливать психоз влагой бездействия. Значит, будить смену. Но сначала спать. Ах, как хочется спать...

Мне снился отец. Он незло ругал меня за то, что я ушёл из дому. У меня всё холодело, когда я вспоминал ту запоздалую передачу с Земли...

Отец звал вернуться. Я возражал, что ведь вернуться мне уже некуда, что они с мамой уже не живы... больше двух веков... Что ни у кого из астронавтов не было детей — отбор был жёсткий и в этом бескомпромиссный.

Но отец мне говорил — представь, что ты спишь и я тебе снюсь. Я отвечал, что мне это очень легко представить, потому что я действительно сплю.

Так вот, сказал отец, представь, что тебе откроется волшебная дверь, как в заброшенном бункере на Итурупе. И через эту дверь ты сможешь вернуться домой.

Я удивился, откуда папа знал про старый бункер, в который мы прилетали с мальчишками много раз.

Папа буркнул, что он знает всё на свете, и повторил про волшебную дверь.

Я принял реальность сна и стал размышлять над его словами. Мне почему-то хотелось принять эту реальность. Хотя бы во сне. И мне хорошо было разговаривать с ним... С живым...

— Как же, — думал я, — бросить товарищей и дезертировать с корабля после того, как столько лет добивался зачисления в звездолётный отряд.

— А если у всех твоих товарищей тоже будет возможность уйти через эту дверь?

— Ну, тогда это уже более интересно. И куда?

— Домой, на Землю. Земля будет рада встрече с вами.

— А как же звёзды? Те, к которым мы так и не долетим?

— Люди, живущие на Земле сейчас, — сказал папа, — управляют кораблями, летящими в тысячи и тысячи раз быстрее света.

— Но ведь это невозможно... И, даже если возможно, это невероятно обидно, — значит на Бетельгейзе, половину пути к которой мы прошли за 250 лет земного времени и 7 лет времени корабельного, значит, туда маль-

чишки летают так же, как мы в старый опасный бункер тайком от старших?

— Нет, — сказал папа. — Хранители этики строжайшим образом запрещают полёты к звёздам, к которым ушли прежние звездоплаватели. Жизнь кипит в галактическом пространстве, открываются и осваиваются новые миры, но те несколько десятков звёзд, к которым отправились дерзкие и бесстрашные люди, неприкасаемы. Только те, кто совершил поступок, своей жизнью, дорогой без возврата в свою эпоху и долгими годами полёта заплатил звёздам — только они имеют право ступить первыми на планеты этих звёзд...

— И что будет, если весь экипаж вернётся на Землю?

— Вам предложат новый корабль. Птицу, летящую по струнам мироздания с невозможной для вас сегодняшних скоростью. И только вы по-прежнему сможете первыми достичь красного пожара Бетельгейзе. И вернуться её первооткрывателями — но не через века Земли и десятилетия жизни, а скоро, совсем скоро... И влиться в кипучую жизнь галактического человечества.

— А если мы не захотим возвращаться? Если решим продолжить свой путь?

— Вы его продолжите. И пока «Синяя птица» не вернётся, никто не посмеет двинуть корабли в сторону звезды вашего пути.

— Но ведь это похоже на сосочку во рту, отец. Когда пацаны на самодельной копии «Кон-тики» плывут через Атлантику, а сверху из флаера за ними усердно присматривает мамочка с запасом шарфиков и сухих штанишек в багажнике.

— Нет, сын. Этика строга. Люди сегодняшнего века не унизят звездоплавателей. Предложение делается только один раз. Потом звездолёт предоставляется сам себе, и Земля ждёт его возвращения, более не вмешиваясь.

— А если в пути случится катастрофа?

— Все, кто сделал свой выбор, погибнут. Их достоинство не будет запятнано. Никто не поднимет руку совершить действие, которое сделает их подвиг ненужным.

— Жестоко.

— Да, но честно и благородно. Никто не посмеет запятнать достоинство героев.

— Да, но если вернуться захочет только часть экипажа? А часть захочет продолжить свой трудный путь?

— Это самое сложное, сын. Те, кто захочет вернуться, смогут жить на Земле. Или лететь к другим звёздам. К той — заветной — пойдут только те, кто сделает свой выбор и останется на борту. Рискуя своей жизнью. Они забудут это предложение, деликатно сделанное им во сне. Сейчас каждый член команды думает над таким же предложением. Каждый из вас сделает выбор сам.

— Это красиво... И, кажется, справедливо... Но ведь оставшиеся не смогут не заметить исчезновения... нет, не дезертиров... я был не прав... не знаю даже, как назвать... остальных...

— Они заметят. Но исчезновение их для оставшихся будет выглядеть... вполне естественно... Тех, кто вернулся домой, не нужно никак называть. Люди. Просто люди. Не герои. Но достойные и замечательные люди. Это не поражение. Это демобилизация.

Сделай свой выбор. Ты можешь быть героем. Хотя человечество уже выросло из обстоятельств, принуждавших к такому героизму, честь первопроходцев будет сохранена. Но ты можешь быть полноценным членом нового человечества, покорившего галактику. Ты сможешь прожить жизнь полнокровно, летать к удивительным мирам, работать, любить и сделать много прекрасного и нужного. Хочешь ты этого? Скажи сейчас.

— Хочу! Хочу!.. Хочу.

Инженеры напряжённо работали. Коконы анабиоза были дистанционно активированы, и астронавты из забвения пробудились до простого сна. Аппаратура

контроля сна была переключена на виртуальные данные. Психоники-игротехники долго и деликатно беседовали с каждым членом экипажа. Двести восемь человек решили вернуться домой. Девяносто два отказались. Их вновь погрузили в анабиоз, ретушировали память о разговоре и вернули во власть корабельной автоматики. Двести восемь воронок свёрнутого пространства унесли дремлющих людей на борт приюта. Где всё было готово к их встрече. Двести восемь кают. Из трёхсот приготовленных. Психологи, врачи, операторы виртуального моделирования обстановки... Добрые и чуткие люди.

Перед тем как исчезнуть в недрах невидимого корабля, воронки аккуратно положили на место людей их идеальные копии. Неотличимые. Только неживые... И тогда невидимый инженер послал сигнал, имитировавший сбой метеоритной защиты.

Я видел запись. Она не предназначалась для моих глаз. Но никто не пытался блокировать доступ к служебным терминалам. Никто не давал ни малейшего повода почувствовать себя чужим... пленником... беглецом... подлецом...

Я видел, как отчаянно кричал Роб, пытаясь реанимировать моего двойника-андроида. Я видел его лицо, его мимику. Он бил кулаками по станине медицинского комплекса. Звуков я, к счастью, не слышал. Я видел его руки, запускающие процедуру общего пробуждения.

Я пытался представить себе ужас — его и всех проснувшихся. Когда они обнаружили, что две трети экипажа мертвы. Я видел пробоину — якобы от метеорита, убившего меня и разрушившего большую часть аппаратуры контроля анабиоза. Как раз ту самую часть... Ювелирная работа... Ничего не могу сказать... Пробоина, ревущий воздух, рвущийся в пустоту, ремонтный кибер, в прыжке высунувший плазменное жало...

Я, как грешник, воспаривший после смерти в чистилище, мог только наблюдать за этим из иного... Лучше-

го мира... Мне не препятствовали наблюдать то, что я желал наблюдать. Но вмешаться в работу абордажной команды я наверняка не смог бы. Да мне и не приходила в голову такая мысль... Или приходила... Я запутался...

Умом я понимал, что от возможности активных действий меня тщательно и надёжно изолировали. И не хотел проверять это.

Я говорил с моим личным психологом. С тем самым, который общался со мной во сне. Молодой паренёк Стёпка. Мой земляк. Что, впрочем, понятно и правильно. Славный такой, застенчивый. Полгода он изучал мою биографию. Вместе с преподавателями. Готовился к нашему разговору во сне, о котором я не помнил. Он прокрутил мне запись. Персональный психолог готовился для каждого из нас. Индивидуально. Рассказ Роберта я помнил. Его чёртик потерпел неудачу и, по словам Стёпки, отчаянно страдал в своей каюте. Роберт отказался покинуть корабль. Я понимал, что запись сна Роба мне не покажут. Неэтично даже по нашим, куда менее строгим моральным нормам. Не то чтобы я хотел этого — мне было непонятно, почему Роберт, с которым нас связывали многие годы дружбы, отказался от волшебного предложения.

Мы разговаривали со Стёпкой долгие часы. Семь дней после нашего изъятия приют продолжал двигаться параллельным курсом. На всякий, как я понимаю, случай. Хотя эта неделя зависимого времени прибавила экипажу приюта ещё восемь месяцев отсутствия на Земле. В дополнение к году с хвостиком, утёкшему в вакуум за две недели разгона до скорости «Синей птицы». Две недели, надо же... До субсветовой...

Я каждые несколько часов приходил в смотровую рубку. Иногда сам. Иногда вместе со Стёпкой, искренне уверявшим, что он будет рад общаться со мной в любое время корабельных суток. Ну да, конечно. Он же так долго готовился к встрече со мной. На два года согласился ис-

чезнуть из жизни для всех друзей и родственников. Я был для него таким маленьким заветным Бетельгейзе. В их незнакомую мне пока ещё эпоху, не требующую непомерных жертв за сбывшуюся мечту.

Я смотрел на огни иллюминаторов ходовой рубки, в которую мне уже не суждено было вернуться. Гравитационная оптика приближала до мурашек по коже близко. Но всё же не настолько, чтобы различить лица людей за стеклом с расстояния десятка километров. Туда же приходили свободные от вахты жители приюта. Деликатно не вмешиваясь, но приветливо здороваясь. Мы собирались вернуться через тысячу лет, а вернёмся через двести пятьдесят. Мы адаптируемся, и нам в этом помогут, я не сомневался. Приходили и наши. С ними было трудно. Мы как будто знакомились заново. Я понимал, что нас объединяло незримое чувство вины перед теми, кто остался. И, понимая это, чувствовал, насколько сложную и жестокую задачу с тремя сотнями неизвестных пришлось решать нашим потомкам.

Я расспрашивал Стёпку, видимо, подсознательно продолжая наш разговор во сне.

Почему же, спрашивал я, они не вошли в контакт открыто и не сделали нам своё предложение наяву. Почему не позволили нам обсудить происходящее между собой. Зачем инсценировали нашу гибель.

Он отвечал, что выбор настолько важен, что каждый человек должен делать его самостоятельно. А в таких субординативных социоформах, как команда архаичных эпох, на выбор неминуемо окажет влияние харизма лидеров команды звездолёта.

Я не психолог, а навигатор. Парень старался объяснять так, чтобы мне было понятно. Залп «Авроры», и на Зимний. Капитан первый после бога. Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает. Выбор, сделанный под влиянием авторитета, не был бы искренним. И мог бы стать впоследствии причиной душевной

трагедии. Люди остались бы только из-за того, что решил остаться капитан или близкий друг.

Стёпка понимал, что, знай я выбор Роберта, моё решение могло быть другим. И он был прав, чёрт побери. А я бы многое отдал за возможность узнать — изменил бы Роб своё решение, если бы знал о моём... Нет, неправда! Это не побег.

Улететь на тысячу лет, рисковать жизнью могли только люди, безумно влюблённые в звёзды. Помешанные на своей мечте. Альпинист, невероятным усилием первым покоривший Эверест и увидевший с другой стороны эскалатор, кафе и толпу туристов, мог бы сойти с ума. Наверняка он бы надломился духовно. Продолжить путь героя после выбора, сделанного наяву, было бы невыносимо мучительно. Даже зная, что дальше подстраховывать их в пути никто не станет. Зная, что их цель полёта остаётся неприкосновенной. Лишить смысла жизни легендарного астронавта прошлого не посмеет никто.

Но ведь можно, говорил я, так же стереть память после совета корабельной команды. Чтобы продолжившие путь всё забыли.

Стёпка сказал, что у них это считается преступлением. Удалить память в фазе быстрого сна допустимо их этикой. Быстрый сон — как снежинка под солнцем. Человек сам, проснувшись, через несколько мгновений не помнит, что ему снилось. А стирание памяти наяву считается насильственным изменением личности и столь же неприемлемо, сколь и насильственное лишение жизни.

Но ведь герои вернутся на Землю. Спустя века. И узнают, что они делали выбор и что часть команды вовсе не погибла, а просто вернулась на Землю. Стёпка ответил, что знание, жгучее и разрушительное в пути, после возвращения не будет настолько губительным. Ведь они достигнут своей цели и их великая мечта сбудется. В таком сложном случае любое решение будет жестоким. Но нужно приложить все усилия, чтобы жестокость была наименьшей из возможных.

А были ли команды, целиком решившие вернуться? Чтобы лететь к своей звезде на новом корабле? Мальчишка беспомощно улыбнулся: «Нет».

А если останется только один? Или несколько человек? Среди которых не будет врача? Двигателиста? Капитана, наконец?

Это самое сложное и больное место, сказал мне паренёк из будущего. Автоматика ваших кораблей позволяет привести их к цели и назад даже в одиночку. Это невероятно трудно, но это возможно. Это — их путь. Мы преклоняемся перед мужеством и самопожертвованием, хотя всех зовём домой. А капитаны, сказал Стёпка, за всю историю работы АК не покидали свои корабли ни одного раза.

Огоньки иллюминаторов так же светились в вечной ночи. В оптике были видны десятки людей, чем-то занятых... Взволнованных... Двигающихся и жестикулирующих...

— Почему задерживаете старт? Я отдал приказ выйти из зоны контакта и свернуть пространство десять минут назад.

В лице второго пилота приюта, казалось, не было ни единой кровинки. Он был в шоке.

— Что с вами? Что случилось?

— Я не могу стартовать, капитан.

— Объясните.

— Размыкая контактные поля, я получил данные терминала «Синей птицы». Это не результат наших действий, капитан. Это невозможное, немыслимое совпадение. Я отказываюсь уводить приют. Готов принять любое наказание.

— Что у них произошло?

— Магнитные ловушки «Синей птицы» в критическом состоянии. Поломка фатальна. Изоляция антиматерии откажет в течение часа, и корабль аннигилирует. У них нет технических возможностей этому воспрепятствовать.

Два хранителя этики смотрели в лица друг другу долгую минуту.

— Нам придётся отвечать перед советом хранителей вместе. Тревога всем службам! Спасательные расчёты — к действию!

В аварийном режиме на работу психоников и психологов просто не оставалось времени.

Людей, только что переживших гибель большей части товарищей и отчаянно борющихся за жизнь корабля, хватали прозрачные смерчи и глотали в пустоту на глазах у тех, кому удалось увернуться от первого укуса. Но потом и они, проглоченные и переваренные воронками свёрнутого пространства, оказались на полу в большом круглом зале вместе с теми, кто были проглочены минутой раньше.

Зажглись огни. У дальней переборки стоял пожилой мужчина в незнакомой форме.

— Я капитан корабля службы адаптации флота объединённых миров.

Голос был тихий, но все слышали каждое слово. Шок от пережитого не позволял что-либо говорить или делать.

— Я нарушил закон и готов принять в свой адрес любые ваши действия и обвинения. Я также буду отвечать перед советом хранителей этики. Но прошу вас понять, что я не мог оставить вас погибнуть прямо на глазах у всего нашего экипажа.

Они на самом деле добрые и мудрые. Они бережно отнеслись к нашему достоинству. Они всё продумали правильно.

Но они не предусмотрели того, что обе половины экипажа встретятся.

Мы должны были влиться в новое человечество, а они — достать звезду с неба и вернуться на Землю через много лет после нашей смерти. Или никогда не вернуться.

Стены зала были прозрачными. Мы стояли в пустоте, в неверном сиянии россыпи немигающих светлячков Млечного Пути, в центральном зале крейсера, на полпути к красному гиганту Бетельгейзе. Тремя несмешивающимися группами. Герои. Негерои. И люди будущего.

Медленно зарастала слепая дыра в пространстве, прожжённая ослепительной вспышкой. «Синяя птица» перестала быть, оставила нас, по своей воле или по принуждению, но не разделивших её судьбу.

Я не мог отвести взгляд от глаз Роберта. Он тоже смотрел на меня, не мигая.

Крейсер сворачивал пространство. Звёзды меркли.

Мы смотрели в глаза друг другу, и я понимал, что нам придётся учиться жить с этим.

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

ПРАХ ТЕБЯ ПОБЕРИ!

Лошадь Очкарика пала утром. Пришлось нашему атаману забирать себе коня Санька, а Саньку — ехать вдвоем со мной на многострадальном Гнедом. Про то, чтобы Санёк забрался в седло вместе с Жирным, никто и не заикался. Если судить по суммарному весу, то это уже выходил не двойной, а даже тройной или четверной груз.

Через час, в течение которого мы старались не попадаться под руку разъяренному атаману («Вот же тупая скотина, — кричал он, — как ты управлял такой клячей?! А, чтоб ты сдох!»), на горизонте показался всадник.

— Осторожнее! Лошадь не заденьте! — гаркнул Очкарик, спрыгнул с коня, уступая седло Саньку, и выхватил из-за спины меч. — На меня! На меня гоните!

Зубы Очкарика золотом блеснули на солнце.

— Ясен факт, — ухмыльнулся Жирный. — На ловца и зверь бежит!

Незнакомец остановился и повернул обратно.

— Уходит, Глеб! — Санёк выхватил пистолет и выстрелил. Пуля тут же осыпалась прахом вниз.

— Придурок, — сказал я, прочищая ухо мизинцем.

Санёк с удивлением заглянул в пистолетное дуло. В отличие от нас он редко покидал пределы селения. Угораздило же меня связаться с таким идиотом!

— Давайте быстрее! — бесновался Очкарик. — Глеб, сзади заходи, отрезай ему путь!

Всадник вдруг передумал удирать. Он вновь развернул черного коня и поскакал нам навстречу. Еще один псих, встреченный мною за последние несколько дней.

Жирный приближался к незнакомцу первым, раскручивая над головой длинный меч. Основная добыча теперь ему достанется. Хотя, что может быть ценного у путника, кроме коня и кристалла памяти? Конь — Очкарику. А кристалл... Я опустил ладонь на холодную рукоять меча и ухмыльнулся. Мы еще посмотрим, кому что перепадет.

Незнакомец не потянулся к своему мечу. Вместо этого он выхватил пистолет и выстрелил прямехонько в грудь Жирному.

— В-ва-а-а! — Жирный грузно рухнул под копыта коня.

Я остановил Гнедого.

Ничего себе! Прах меня побери!

Санёк продолжал мчаться к незнакомцу. Видимо, мысленная комбинация «Пуля, не рассыпавшаяся прахом, — смерть» с трудом обрабатывалась его мозгом.

Выстрел! Санёк упал в прах лицом вниз. Его конь заржал и умчался в пустыню.

Очкарик на мгновение остановился, подняв двумя руками меч высоко над головой, словно от растерянности вызывая противника на честный поединок. Путник не спеша прицелился и нажал на спусковой крючок. Оскол-

ки стекол с очков нашего атамана брызнули в стороны кровавым дождем... И пистолет незнакомца уставился мне между глаз.

Я повернул коня.

«Н-но!»

Поздно! Раздался грохот выстрела, пуля чиркнула по левому плечу. От резанувшей боли я упал, ударился головой и потерял сознание.

* * *

Когда я пришел в себя, то увидел незнакомца, который сидел невдалеке и копался в сумке на поясе у Санька.

— Ни хрена хорошего, — пробурчал он. — А ты лежи-лежи, не вставай. Успеешь еще в прах лечь. Тебе повезло, что я никогда не трачу на уродов больше одной пули. Прах к праху, — сказал он и срезал ножом кристалл с цепочки на шее Санька.

Тело Санька рассыпалось, смешавшись с серой пылью пустыни.

«Прах к праху», — тихо повторил я привычную фразу.

В небе светило яркое солнце. Плечо болело, но рана была терпимой — пуля лишь вырвала кусок мяса. Рука нащупала рукоять меча, лежащего рядом. Быстрым движением незнакомец наступил на мою ладонь и откинул меч в сторону. Потом поднял оружие и повертел в руке.

— Ладный клинок, — усмехнулся он. — Могут же делать, если захотят. Кристалл в рукояти?

Я кивнул, настороженно следя за действиями незнакомца. Умирать не хотелось. Пальцы правой руки хрустели, но сгибались. Незнакомец нагнулся и приставил острие меча к моему горлу.

— Молиться умеешь?

— Не-е-т, — прохрипел я.

— Это плохо, — сказал незнакомец. — Вот так безбожником и помрешь.

Он отвел меч, оставляя на шее длинную царапину, и полез в мою сумку.

— Ого! — сообщил он. — Да ты, брат, не промах! Сколько кристаллов добыл. Небось, поубивал кучу народа, а? Зачем тебе столько?

Я промолчал. Незнакомец пересыпал кристаллы в свой притороченный к седлу мешок из плотной ткани. Черный конь презрительно рассматривал моего Гнедого.

— Знаешь, почему я тебя сразу не прикончил? Тебя как звать? — вдруг спросил он, вытирая меч о мою куртку.

— Глеб, — сказал я.

— А меня Григорий Павлович. Ну что ж, вставай Глеб. Кого-то мне твое лицо напоминает еще из Старого Мира. Не подскажешь, кого, а?

— Так вы жили еще до праха?!

— Да, Глеб, жил. Я помню, как всё начиналось. Скажу тебе даже больше — именно я и был этому причиной.

* * *

Григорий высосал из фляги остатки воды.

— Пусто, — сообщил он и заглянул внутрь.

Последняя капля замерла на краю горлышка и сорвалась вниз, осыпавшись на губы серым прахом.

— Тьфу! — Григорий вытер рукавом рот. — Тьфу, гадость. Надо срочно искать воду.

За день пути я начал привыкать к новому попутчику, но так и не понял до конца его душу. Григорий был достаточно забавным... и опасным. Убегать я не пробовал, зная, что в таком случае с легкостью получу пулю в спину.

В кобуре на поясе у Григория висел старинный револьвер. Когда я кое-как пытался перевязать рану на плече, Григорий, аккуратно, сосредоточенно высунув язык, засыпал в отверстия барабана отмеренные порции пороха и вкладывал пыжи, после чего наступала очередь

самодельным круглым пулям. В каждую пулю вплавлен кристалл — память вселенной. Десяток таких кристаллов могли послужить чьей-то жизнью, но Григорий распорядился иначе.

А стрелял он здорово, будто родился с оружием в руке.

Хотя я тоже стрелял неплохо. Но только в пределах городов. У меня же нет специальных пуль. Я дорожу каждым добытым кристаллом, держу их для другой цели.

В центре любого селения находятся большие, величиной с куриное яйцо, кристаллы памяти. Их информационного поля хватает, чтобы отвоевать у праха оазис жизни радиусом несколько сот метров.

Выйти за пределы без собственного кристалла — смерть.

Встретиться в пустыне с песочными людьми — смерть.

Наткнуться на охочих до чужих кристаллов рейдеров — смерть... Если, конечно, ты плохо владеешь мечом.

Меч Григорий мне оставил, как и пистолет. Хороший клинок, хорошая сталь. Он достался мне от отца. В рукоять вделан кристалл, достаточный, чтобы продержать чью-то никчемную жизнь. И я не боюсь выпустить меч из рук — убрать из поля моего кристалла. Клинок так и останется острым смертоносным оружием, не рассыплется в прах.

Я не раз его применял. Я знаю точный счет всем кристаллам, которые отобрал у меня Григорий.

— Скоро будет хутор, — сказал мой попутчик. — Названия не помню. Вы хотели забрать здешний кристалл для своего селения? Я прав? Ха! Тоже мне — рейдеры нашлись. Боевики, блин.

Я промолчал. Я бы всё равно не вернулся домой. Даже с добычей.

— Там. — Григорий поднял вверх указательный палец. — В корабле на орбите целые залежи кристаллов. Хватило бы на всю Землю.

* * *

Их было четверо — первых вернувшихся межзвездных путешественников. Родная планета встретила космонавтов измененной реальностью.

— Нет городов, нет океанов, нет жизни. Есть только это. — Григорий набрал пригоршню праха и подбросил в воздух. — Прошлый мир, рассыпавшийся в пыль.

— Ты думаешь, что это ваш полет послужил тому причиной? — спросил я.

— Не знаю. Но от проклятых ученых можно было ожидать чего угодно. Они никогда не задумывались о последствиях своих изобретений. Рассчитали теоретические основы межпространственных туннелей, и руки сами зачесались построить корабль с гипердвигателем. «А давайте попробуем пробить границы мироздания и посмотрим, что из этого получится?» И мы получили иную реальность, хлынувшую через дыру между мирами. Прорвавшуюся к нам молодую агрессивную вселенную, меняющую физические законы и творящую собственный мир.

Он принялся насыпать из праха небольшие холмики-курганы.

— Когда мы вернулись, Земля представляла собой серую однородную массу, окутанную кислородной атмосферой. Можешь понять наш ужас. Мы бросились в челнок и высадились на поверхность. Катастрофа? Ядерная война? Мы не понимали, что произошло. Первым рассыпался в прах Яшка Кошев. С криком он отбежал от челнока и на наших глазах превратился в серую пыль. И тогда капитан, Миша Федоров, приказал не покидать челнок. Мы остались. А через некоторое время вокруг челнока встал из праха призрак прошлого мира. Пыль, будто повинуясь чьей-то команде, поднималась зыбкими домами и вырастала деревьями. Люди-фантомы проходили мимо, не видя нас, и исчезали за границами миража. А через сутки Яшка во плоти вернулся на борт челнока — часть старого мира вновь становилась материальной. И капитан догадался, из-за чего.

Григорий вздохнул. Меж его пальцев сыпался прах, скатывался серой пылью по склонам холмиков.

— Одна далекая планета запомнилась мне больше всего. Всю ее поверхность покрывали заросли кристаллов, впитывающих и хранящих мириады бит информации о нашей Галактике. Ну, мы это позже выяснили... Это как голограмма — каждая частица, даже самая маленькая, является копией большего. — Григорий дотронулся до своего кристалла, висящего на шее. — Мы заполнили кристаллами корабельные отсеки, а в челноке осталась партия после последней высадки. Мы просто забыли ее выгрузить. Кристаллы спустились вместе с нами на Землю. Теперь они дают жизнь, возвращают запомненное прошлое.

Мой собеседник помолчал, поглаживая кристалл.

— Вместо того чтобы подняться за остальными запасами, мы поделили кристаллы и разбежались спасать родных и близких, оживлять свои города. Челнок позади нас разлетелся в прах. А мы ушли, как новые боги, возрождая оазисы мира, сея кристаллы и даруя жизнь.

Григорий разрушил возведенные курганы, одним движением руки сровняв их до основания.

— Прах! Пыль! Ничто! — сказал он и добавил: — Нам надо идти.

— Ты хочешь вернуть челнок и забрать все оставшиеся кристаллы? — спросил я.

Григорий не ответил.

— Но для челнока надо много кристаллов, — сказал я ему в спину.

— Знаю, — ответил Григорий и обернулся. — И мне известны координаты, где можно поднять челнок из праха. Поехали, нам надо добыть воду.

«Н-но!» — Я подогнал Гнедого вслед за черным конем Григория.

— Может, вы вернулись не на ту Землю, а, Гриша? — прокричал я вслед. — Может быть, вы призываете куски всё так же живущего мира в другое измерение?

О космическом корабле, доверху набитом кристаллами, я узнал гораздо раньше, еще в детстве. И давно шел к своей цели.

* * *

— Уходите! — закричал мужик, высовываясь из-за забора. — Нам не нужны чужаки! Мы не дадим вам воды!

Еще несколько взлохмаченных голов сердито смотрели сквозь щели между досками.

Это был крохотный хутор в несколько хат. Под порывами ветра поскрипывала незапертая калитка. Где-то за изгородью кудахтали куры. В центре, между домами, стоял колодец.

— Мы будем стрелять, если вы подойдете еще хоть на шаг! — прокричали с той стороны ограды. — У нас есть ружья! Вот! — Чья-то рука подняла над забором обрез. — Пошли прочь!

— Зря он это сказал, — криво усмехнулся Григорий и неторопливым шагом направился к хутору.

Неужели он думает, что я пойду за ним?!

Псих!

Гнедой, оставшись без седока, привычно замер на месте. Мы оставили коней — если их убьют, не выберемся.

— Смотри, — сказал Григорий, не отводя взгляда от забора, за которым тревожно притихли местные жители. — Видишь, сквозь прах пробивается травинка? Еще до начала полос земли. С того места можно стрелять обычными пулями.

Я сжал свой «ТТ».

— Ясно.

Шаг... Еще шаг.

Григорий вскинул револьвер и выстрелил. Кто-то вскрикнул. Чья-то ответная пуля взметнула прах у моих ног.

В это время с той стороны послышался шум. Ограда сломалась, и наш нелюбезный собеседник, пролетев десяток метров, упал со сломанной шеей. В дыре показа-

лась большая серая фигура. Руки с огромными кулаками достигали земли. Круглая голова с полным отсутствием глаз, ушей и носа крепилась к телу без признаков шеи. Грудь выпирала колесом. Позади этого монстра виднелись еще двое таких же.

Песочные люди!

Местные пытались сопротивляться. Зазвучали выстрелы. Крики. Брань. Но, если в селении появляются песочные люди, ты должен быть готов к ожесточенной согласованной обороне, иначе ты — труп.

Оторванная голова местного перелетела через ограду и покатилась по праху, оставляя кровавый след. Достигнув невидимого рубежа, она рассыпалась серой пылью.

— Вперед! — бросил Григорий и побежал.

На бегу он несколько раз выстрелил в переднего песочного человека. Голова врага начала сдуваться; из проделанных в ней дыр били струйки праха. Григорий, не останавливаясь, разрубил пополам замершее тело.

Я словно вышел из ступора. Меч сам скользнул в руку.

— А-а-а!

Кулак песочника пролетел мимо моего лица, и меч пронзил тело врага. Противно хрупнуло. Я резко выдернул клинок, и меня обдало фонтаном праха. Я ударил вновь. Меч разрезал повисшую в воздухе пыль и прошел сквозь врага, разрубая тело от шеи до пояса. Половина песочника осыпалась прахом. Вторая, с целой головой, протянула ко мне руку. Я поднял пистолет и выстрелил в голову-шар.

Бах! Бах! Бах!

«Щелк!» — в обойме закончились патроны.

Где-то впереди матерился Григорий, расправляясь с последним песочником.

Через минуту все было кончено. Между домами гулял лишь ветер, разносивший окровавленные куриные перья — один из песочных людей раздавил несчастных наседок. Мы сидели возле колодца посреди тишины и мертвецов. Григорий промокал грязным платком содранную

на щеке кожу. Медленно развеивались ветром курганы праха, оставшиеся от песочников.

— Новая вселенная пытается осознать себя, — негромко сказал Григорий. — Наполни фляги. Я поищу их главный кристалл.

Колодезный ворот приятно, по-домашнему, скрипел. Ледяная вода успокаивающе холодила дрожащие пальцы. Григорий всё не возвращался. Я быстро подошел к его коню и заглянул в мешок.

Ничего себе!

До самого верха мешок был заполнен кристаллами. Большими и маленькими — от размеров со спичечную головку, которых едва хватило бы на поддержание существования меча, до огромных, способных поднять из праха целый поселок. Черный конь настороженно пялился на меня сердитым глазом.

— Подними руки и отойди, — послышалось сзади.

Я медленно выполнил команду и обернулся.

— Хороший мальчик, — сказал Григорий.

В левой реке он держал кристалл, в правой — револьвер.

— Я знаю, как тебя называют, — сказал я. — Ты — Черный Стрелок, убивающий всех без разбору. Ты тот, кто разоряет поселки и обращает их в прах. Зачем? Зачем тебе столько кристаллов? Для челнока хватило бы и одного большого. Ну, двух...

«Интересно, — подумал я, — он быстрый. Успею ли я первым выхватить пистолет?»

— Руки-то не опускай! — Григорий быстро подошел и достал из кобуры мой пистолет. — Спрашиваешь, зачем? Всё имеет свои причины.

Он отвел в сторону своего коня. Гнедой подошел ко мне, ткнулся головой о плечо. Григорий вскинул руку и выстрелил. Меня забрызгало кровью Гнедого. Конь рухнул и забился в агонии.

— Сволочь!

— Но-но! — Григорий вынул обойму из моего «ТТ» и бросил в прах вместе с пистолетом. — Прощай. Даль-

ше я пойду сам. Ты напоминал мне о забытом друге, Глеб.

Он уходил вместе с кристаллом хутора, и мир терял очертания, рассыпаясь пылью. Я бросился к пистолету, успел схватить и вставить обойму.

— Стой!

Но стрелять было поздно. Нас окружала серая безграничная пустыня нового мира. Григорий повернулся и помахал мне рукой.

Когда он исчез за горизонтом, я поплелся следом. Без коня не дойти, но я упрямый, прах меня побери!

* * *

Вода! Я почувствовал ее свежесть задолго до того, как увидел бьющий ключ. Холодная вкусная вода текла меж камней, среди которых блестел кристалл. На придавленной камнем записке расплывалась надпись: «Подарок для упрямца, последовавшего вслед за мной».

Я поел вяленого мяса и наполнил фляги водой. Цепочка следов тянулась к горизонту. Туда, куда лежал и мой путь.

* * *

Челнок возвышался блестящей крылатой башней. От этого зрелища захватило дух — никогда я еще не видел такой громадины!

— Нравится? — спросил Григорий.

Мы были здесь только вдвоем — я и Григорий. И еще челнок. Больше никого. Интересно, восставших из праха здешних людей Григорий тоже поубивал?

Моя кобура расстегнута. Рука медленно опустилась, пальцы замерли над рукоятью пистолета. Григорий ухмыльнулся и тоже демонстративно остановил ладонь над кобурой. Двадцать шагов... Насколько ты быстр, Григорий?

— Ты не ответил на мой вопрос, Гриша, — сказал я. — Зачем ты убил столько людей?

— А зачем живешь ты, Глеб? — спросил мой враг. — Наш старый мир обречен. Его нет! Это фантом, мертвец, агонизирующий призрак, поднятый из праха.

— Я живу для того, чтобы привезти на Землю кристаллы, — сказал я. — Чтобы вернуть жизнь.

— Даже ценой убитых тобою людей?

Я не ответил.

— Что, цель оправдывает средства, да? А я не хочу этого! Я понял, что мертвец умер окончательно и люди только мешают развиться новой вселенной. Как паразиты. Мелкие паразиты, кусающие молодой мир. Я взорву к чертовой матери корабль вместе с кристаллами. Пора закончить агонию и уступить место. Мы не нужны здесь, понимаешь!

Григорий говорил до противного спокойно.

Его я тоже убью. Прямо сейчас.

Рука Григория метнулась к револьверу. Я выхватил пистолет. Пять выстрелов слились в один.

В возникшей тишине послышалось падение на землю револьвера из руки Григория.

— Ты быстрый, — сказал он грустно.

Из четырех дыр в его теле были фонтанчики праха. Только из пятой, последней, в районе сердца, вытекала кровь. Григорий уже наполовину был песочным человеком.

— Я — сын капитана Федорова, — произнес я и выстрелил снова.

Пуля вошла в лоб, затылок Григория взорвался кровавыми брызгами. Григорий упал на спину, глядя в небо открытыми еще человеческими глазами.

Я обошел тело и направился к челноку.

Отец рассказал мне, как запустить стартовую автоматику. Как включить автопилот и произвести стыковку с кораблем. Я знаю многое. И помню.

У шлюза я остановился, окинув взглядом безбрежную серую пустыню.

Я обязательно сюда вернусь.

ЕЛЕНА КРАСНОСЕЛЬСКАЯ

ЛОХМОКОТЫ

Отчего люди не летают...
Отчего люди не летают так, как птицы?
Иногда мне кажется, что я птица.
Когда стоишь на горе,
так тебя и тянет лететь.
Вот так бы разбежалась,
подняла руки и полетела...[1]

Восточный ветер дышал напористо — дождь накатывал волнами, затрудняя человеку полет, он летел медленно, тяжело, почти увязая в темноте. Холодная река упруго билась внизу, словно тысячи маленьких ядерных взрывов рвали скалистое дно. Над этой бездной он и сам почти стал рекой, растворился в ветре. Слева горели огни большого города, сквозь завесу дождя они мерцали и казались звездами. А настоящие звезды лежали где-то за гранью непогоды, и кто знает, чего еще он не мог уловить в нынешнем вихре.

Намокшая одежда все сильнее тянула вниз, и он облегченно вздохнул, когда из темноты вдруг выступил берег, гудящий, громыхающий бессвязно транспортным потоком; украшенный желтыми цветами витрин и окон.

Неловко приземлившись, он подвернул ногу и, морщась от боли, зашагал к нужному месту.

На площади было пустынно, каменная глыба вождя смотрела в ночь без направления и цели, где-то в стороне выла собака.

Кнут ветра распахнул нужную дверь, и он шагнул внутрь.

— Работаете?

Яркий свет. Три или четыре ступеньки вверх и радость тепла. В холле старый рояль с закрытой крышкой,

[1] Отрывок из монолога Катерины в драме А. Островского «Гроза».

нерабочий, отыгрывает интерьер 30-х годов. И два охранника. Настороженно смотрят.

— Работаем, проходите. — Девушка с грустными глазами оторвалась от компьютера, который стоял прямо на крышке рояля, поцарапанной и тусклой. — Сегодня мало посетителей, сами видите — дождь.

Скрипнул плетеный стул под ее весом. На девушке — вязаный вручную свитер, стеклянные бусы, возможно, тоже ручной работы, и узкие синие джинсы. На запястье татуировка — милая цветная розочка.

— Я Роза. Вас провести? — Мысленно она так и не оторвалась от компьютера.

Никакого желания понравиться.

— Проведите.

Звяканье стеклянных бус звучало нескромно среди тихого мира холстов и мрамора. Излишне просто, излишне пусто. Он не слушал, что говорила девушка. Скульптуры, выставленные в первых двух залах, не привлекали внимания, и лишь шагнув в третий, он увидел то, что искал.

Нет. Он не хотел действовать грубо. Увлекшись новой ролью, хотел все сделать красиво, с душой, с некой философией. Прислушавшись к своим мыслям, нажал кнопку.

Проводник времени (устройство, выполненное в виде наручных часов) тихонько пискнул, запуская в работу кибернетическую ноль-опцию потока колебания абсолютной системы отсчета... впрочем, полное название не вмещалось и на странице печатного текста, он называл его просто «кнопкой».

Стоп. Время остановилось.

Роза застыла в нелепой позе — вытянув руку в сторону полотна. На безымянном пальчике сверкнуло новенькое колечко — недавно помолвлена.

Внезапно он ощутил груз собственных бестолковых и бесперспективных во всех смыслах метаний; отмел

лишние мысли и сосредоточился на работе — подошел к картине, осмотрел ее, потом осторожно снял со стены. Потайным лезвием, спрятанным в перстне, уверенно и аккуратно прорезал холст в том месте, где он соприкасался с рамой, — все-таки остался собой, не хотелось уродовать душу. Тот поддался с глухим стоном.

Вырезанный из подрамника холст был неожиданно легким, мягким и без труда скрутился. Точным движением он спрятал тубу в потайной карман, раму вынес из зала, поднял крышку рояля и вложил внутрь. Один из охранников застыл, широко зевая. Вернулся. Роза оставалась все в той же нелепой позе — Эрнст, Паркес, изменчивость образов, сюрреализм... сейчас продолжим.

Достал еще один прибор, направил вспыхнувший луч на стену. Триграмма картины возникла точно в заданном месте, и даже сейчас он удивился — отличить мнимый объект от реального было невозможно. Картина и картина.

Время. Пошло. Тут же звякнули бусы — Роза указала на фальшивку и стала рассказывать что-то о построении объемной композиции, о манере исполнения автора, его фантазиях и о пристрастии к опиуму и крупным женщинам.

Он внимательно дослушал ее, поблагодарил и вышел на улицу.

Оттолкнувшись от мокрой дорожки, рванул в небо, беря направление на реку...

Каменный век,
приблизительно 14 тысяч лет тому назад

Мерцающей звездочкой одинокий костер вдалеке совсем не грел душу. И удержать не мог.

Стояла на скале одна...

Несколько лун сменилось, прежде чем племя нашло подходящее для стоянки место. Все это время они шли вперед, углубляясь, вгрызаясь в материк все дальше

и дальше, оставляя позади обломки того, что когда-то служило домом. Этим летом их жизнь перевернулась — дул сильный западный ветер, и море наступало, гигантская волна возникла и накатила из ниоткуда, уничтожила все, что было дорого. И какими бы ловкими и смелыми ни были люди их племени, охотиться теперь было не на кого, собирать было нечего. Когда же вода ушла, наступила засуха — жаркое солнце превратило травянистую долину в бесплодную, грязную, иссушенную зноем землю, на которой им было просто не выжить.

Они ушли.

Долго брели без направления и цели. Постепенно мертвая земля сменилась тихой степью. Их осталось семеро — шестеро взрослых и один ребенок. Лизи.

Девочка отставала. Она все время плакала, пугалась незнакомых мест и звуков; рев стихии все еще звучал в ее душе, но постепенно стих, песок и облака смешались, их унесло ветром, а на смену пережитому пришел тихий шепот листвы и запах трав, так щедро пропитавший степной простор, что в ее душе зародилась надежда.

В сумерках, когда небо опускалось ниже, а ветер пробегал по степи и касался трав, степь превращалась в море — бескрайнее, глубокое, переливающееся всеми цветами радуги. И в мягких травяных волнах, то раздувающихся до шарообразных форм, то становящихся абсолютно плоскими, она видела волны морские, гладкие и нежные, что ласкали ее совсем недавно. День за днем она наблюдала степь — то дальше, то ближе, что-то всплескивало в траве: скользили живые существа, так же элегантно и медленно, как и в морских глубинах.

Семеро шли вверх по реке, на закате переправились на остров, он лежал прямо посредине реки — манящий, благоухающий рай, полный ягод, плодов и дичи. На большой поляне, в окружении дубов, недалеко от скал, они остановились. Отложив копье, Лизи забра-

лась на высоту самых высоких деревьев и жадно смотрела вдаль. В свои неполные семь она уже искала *свой путь*.

Вечерний улов превзошел ожидания — река кишела рыбой. Птицы шумно били крыльями, летали так низко над водой, их легко было поймать даже руками или сбить копьем. Племя решило разбить стоянку на острове и перезимовать. Они еще не знали, что осядут здесь навсегда.

Лизи ушла на скалистый берег и, вслушиваясь в звуки вечера, ждала, когда опустится ночь. Мерцающей звездочкой светил одинокий костер внизу. Не грел душу. И удержать не мог.

Стояла на скале одна. Слушала, как остров[1] плывет лодочкой сквозь бездну *второй* реки, текут ее тихие воды. Внизу, на узкой полоске берега, проступила тень, серая на сером. Конь. Вечер.

Яркой полосой прочертила небо падающая звезда, вплелась в простор. Охнул ветер, сорвал и разбросал листву. Где-то далеко выло одиночество волком.

На ветке неба выросли плоды-звезды — удваиваются, утраиваются, спелые. Их горьковатый травяной запах щедро питает волосы, кожу, гасит боль.

И лунным светом трепещет дно — изгиб волны спешит примерить сияние далеких звезд; плывя привычным кругом, все перемешивается — качается земная лодка. Маленькая девочка в ней; думает о том, как хорошо было бы летать как птица, парить, кружить, подняться к звездам.

Прямо под ней бьется простор. Прямо над ней — бьется простор! Это неправильно — смириться и погибнуть

[1] Остров Хортица отделился от материкового массива около двух миллионов лет назад. Название острова (по одной из трактовок) определяет его место на Днепре — в центре, посредине, центральная точка, точка отсчета. Для тех, кто родился и вырос на этой земле, проложил свой путь в мире, Хортица — точка отсчета.

оттого, что загнан в угол случаем, так волны унесли ее отца и мать. Девочка знает, в будущем люди будут летать. Неважно когда, неважно как, но человек взлетит, это точно!

Ее росточек-фантазия пробьется сквозь время...

Шорох внизу — движется тень, черная на черном.

Конь. Ночь.

Наше время

КОНСТАНТИН

Думаю, свой выбор любой человек делает подсознательно еще в детстве. С годами корректирует его, но лично я *всегда* хотел летать.

— Какой мне прок от ваших крыльев? — собеседник зевает.

Что толку говорить с ним о новом дне человечества? Такие пальцем не пошевелят для человечества.

Мой собеседник — мэр города Z. Небольшого росточка, он сидит на двойной подушке в специально изготовленном для него кресле (двойная подушка делает посадку чуть выше), но все равно кажется, что и просторный кабинет, и громоздкий псевдодубовый стол не для него.

— Я предлагаю заработать городу на моей идее миллиард, — перехожу к плану Б.

Надо было с него и начинать — мир (мэр) предсказуем.

Мне сложно общаться с людьми, мой IQ сто девяносто пять, я дважды сидел в психушке, и мало кто верит в мою нормальность. В детстве я был *странным* мальчиком, меня считали умственно отсталым и не хотели принимать в школу. Друзей как не было, так и нет. Я знаю тридцать языков и даже придумал собственный. В двенадцать лет дистанционно закончил школу — есть такой курс для тех, кто по разным причинам не выходит из дома. Затем один, второй университет.

В первом я создавал Машину Времени (я согласен с физическими аргументами модели, но мне не нравятся математические методы, при помощи которых прибегают к построению кротовых нор), завис в кротовой норе неопределенности, из которой едва нашел выход. Думаю, это связано с ошибочностью приближений, использованных мною при расчетах. Попал в психушку. Впал в депрессию — похоже, с перемещениями во времени не все так просто и ошибка крылась где-то в расчетах, я ее должен был видеть, но не видел. Пришлось переключиться на более земные вещи — рассчитал возможность полета человека при нынешнем техническом развитии цивилизации. Речь о свободном полете, разумеется. Снова попал в психушку. Но благодаря файлу, который я успел просмотреть перед тем, как туда попасть (вероятность заинтересованности и дальнейшего вовлечения некой мадам в дело была стопроцентной и, кстати, единственно возможной на данном участке мировой линии), я оказался сегодня в нужной точке.

— Моя знакомая работает в Венском музее Альбертина, — смотрю на мэра.

— Какое отношение это имеет к делу?

— В некотором смысле искусство — моя религия и все мои молитвы о том, как научить людей летать.

— Продолжайте... — Мэр слушает не то чтобы с интересом, он думает сейчас о деньгах.

— Моне, Матисс, Шагал, Кандинский, шедевры других мастеров, выставленных в Альбертине... Впрочем, ровно через месяц истекает право экспонирования двух картин, пятнадцать лет назад их передала музею богатая вдова, имя которой вам ничего не скажет. Речь о работах позднего Пикассо....

Вы знаете, что Пикассо начал рисовать раньше, чем говорить? Отклоняюсь от темы, чтобы проверить, слушают ли меня. Слушают. Продолжаю — вдова в том возрасте, в котором уже искренне верит, что хороший человек не должен быть богатым. Для нее это компромисс с самой собой — хочет, чтобы картины были доступны не только

в европейских столицах, но и в провинциальных городках типа нашего. Да, я родился и вырос в Z, отвечаю на вопрошающий взгляд мэра.

Жду, пока мэр достанет из кармана платок и промокнет вспотевший лоб, явно сумма ошеломила его. Но он все же не может понять, почему вдруг обычный город стал частью глобального мира:

— В нашем городе выставят Пикассо? Вы шутите. Чем же мы так приглянулись мадам?

Лукавишь, думаю. Соседские городишки просто счастливы были бы...

На подоконнике замечаю икону. *Всегда интересно узнать, каким святым молится человек.* Святой Николай Чудотворец, кажется понимает все, что здесь происходит.

— Мадам родом из этих мест, ее бабушка родилась в Z, мать провела здесь детство, прежде чем переехала в Европу, так что мадам желает приобщить местную элиту к прекрасному.

Она любит этот город.

И чтобы укрепить едва возникший мостик понимания между нами, добавляю — вас ждет успех в новом *благом* начинании.

— Никто не сможет гарантировать безопасность картин. — Он клюнул.

— Никто, кроме вас. Я разработал план охраны не только галереи, но и всего города. Заодно убьем всех зайцев!

— Каких еще зайцев...

— Исчезнет преступность, мы с ней боремся?

— Боремся.

— Пикассо в двенадцать лет имел свой стиль и уже считался зрелым художником. Он был гением. Город должен знать об этом. Готов представить свой план всем мыслимым и немыслимым инстанциям и прокомментировать. Ваше дело — принять его к рассмотрению.

— М-да. Думаете, кто-то рискнет привезти Пикассо в Z?

Как же. Наследники категорически против — ждут, когда старушка отдаст богу душу. Все далеки от искусства. Но мадам непреклонна в своем желании и готова обеспечить все условия безопасности для экспозиции картин именно в нашем городе.

— А давайте вернемся к финансовой стороне вопроса, вы говорите «готова обеспечить»... — Он не так глуп, ухватил главное.

Это значит профинансировать проект. Через неделю к вам обратится племянник, некто Шимпф, с предложением о выставке, потребует гарантий, ну и все такое. Племянник прекрасно осведомлен о плачевном состоянии провинциальных музейных систем охраны — их просто нет ни в нашем городе, ни в любом другом. Шимпф азартный игрок и обязательно захочет украсть картину, но об этом позже. Ваша задача — заинтересовать мадам, предложив необычную систему охраны экспозиции.

— Но есть фирмы, которые специально...

В стране есть четыре частные охранные компании, способные справиться с задачей. Они обязательно поучаствуют в тендере, который объявит мэрия.

— Вы все время говорите об одной конкретной галерее, их в городе несколько, как знать точно, в которой из?

— Методом исключения. Она одна.

— Допустим, нам заранее известно, *где* поместят картины.

— Вы подаете план охраны вместе с остальными четырьмя...

— ...И она выбирает не ваш проект!

Ни за что. Мадам выберет наш проект (специально подчеркиваю *наш*) по одной простой причине — ее отец погиб в авиакатастрофе, самолет переломило пополам, люди падали просто с неба, и мадам считает, если бы существовала хоть какая-то система спасения, отец остался бы жив. Наш план включает в себя такую возможность.

— Спасения? — Мэр смотрит круглыми совиными глазами. — А в чем подвох?

— А ни в чем. Это наше будущее, понимаете? Будущее всего человечества. Я вам как раз рассказывал о силовом поле, в котором...

— Я не об этом, племянник захочет что-то вытащить из всего этого.

— Непременно захочет. Когда он придет к вам, предложите ему пари на миллиард, такова страховая стоимость картин. Если он сможет их украсть — получит миллиард. Не сможет — картины все равно останутся у него, то есть в семье. Он клюнет.

Он-то клюнет. Я так понимаю, мадам по-любому в проигрыше.

— Нет. Она дарит людям крылья, этот проект стоит все тот же миллиард. Взамен мы гарантируем ей сохранность шедевров, они останутся в семье.

— Какой-то круговорот миллиардов в природе... Ничего не понимаю.

— Вы просто должны подать им на блюдечке *наш с вами* проект...

МАДАМ ГОГЕНСКА

В восемь у меня завтрак — два яйца, сваренных всмятку, и чашка крепкого кофе. Кофе я привезла с собой. Знаете, это важно — не в семь пятьдесят и не в восемь ноль пять, а именно в восемь. Две-три минуты отклонения выбивают меня из колеи на весь день и вызывают головную боль. Я люблю точность.

В городе странный сладковатый запах жареного масла — где-то работает маслобойка. Нет, говорят — «Коксохим»... нужно поставить фильтры на заводские трубы, и немедленно! Моя коллекция ароматов включает триста запахов, для Z я выбираю теплые древесные ноты — хочется играть на скрипке. Мой парикмахер будет к девяти, он пунктуален и никогда не опаздывает. В десять

тридцать прием в мэрии. А пока хочу пройтись по проспекту. Здесь все изменилось — на тех фото, что есть у меня, проспект совсем иной.

Заметила много бабочек в городе, мотыльков. Их специально разводят? Не думаю. В городе, обласканном солнцем, бабочки как узор основной ткани — голубой, горчичной, зеленой с переливами.

Всю жизнь мечтала увидеть *эту* реку.

Она передо мной, и точно такая, как я представляла ее себе. С гребнем в волосах.

Говорят, человек умирает не от голода или жажды, он умирает от страха, который проникает внутрь. Если я... не сумею... я имею в виду, вдруг что-то пойдет не так... я переписала завещание, там все, что хотела сказать. Все разом.

Этот полет я совершу вместе со всеми, кто пытался взлететь до меня, и неважно, какие крылья были у них и какие будут у меня. Я чувствую *всех вас* в своей груди.

Все получится, я крепкая старушка — девяносто два ни за что не дашь. Зеркало ведь не врет. И зубы все свои — желтые и кривые. Нос, конечно, вырос за последние десять лет, но он никогда и не был маленьким.

Что он там говорит? Неловко, право, как же зовут парня, Кость, Коста, Костас... Константин!

— Константин, задерните штору, яркий свет царапает мне кожу. Спасибо. Знаете, сколько человек погибло в авиакатастрофах за все годы полетов?

— Если брать за критерий количество летных часов, на которые приходится одна авиакатастрофа, вероятность человеческих жертв составит...

— Всех погибших легко подсчитать, но кому нужна конкретная цифра.

Никому. У него короткие брюки и старомодный пиджак с лацканами, а может, уже новомодный с лацканами. Ему стоит знать — я не верю во всякую чепуху, что вталкивают в нас с детства, — будто человек не может летать.

— Коста, иногда люди вываливаются из развалившегося на части самолета и сыплются прямо с неба. И даже если бы это была всего одна жизнь! Система спасения в самолетах не предусмотрена.

Каждый должен иметь чертов шанс, разве я не права? В двадцать первом веке у нас все еще *нет* чувства защищенности, вы понимаете, о чем я...

Я смотрю Косте в глаза — а он неплохой парень. Он предлагает силовые крылья каждому пассажиру.

— Я изучила ваш план, лохмокоты — это...

— Промышленный планктон — инструмент для достижения цели. Нельзя испечь хлеб, не вырастив пшеницу и не добыв огонь.

— Под хлебом вы...

— Роботизация пространства вокруг Земли, мы сможем летать.

Он говорит, и я ему верю...

Наверное, появление промышленного планктона[1] в пространстве Земли было неизбежным. Питаясь энергией технозон, микроорганизмы мутировали, заняв то равновесное переходное состояние, когда стирается грань между формами «живой-неживой», словно перетекает, сочится «живое» в «неживое», и наоборот. Энергия может быть живой. Миллиарды лохмокотов (так он назвал отдельную единицу промышленного планктона) уже не живые организмы в том понимании, в котором их воспринимали всегда. Но и не нанороботы. Это *живая* энергия, соотношение между частотами колебаний внутри которой позволяет ей существовать в границах какой-то одной системы.

Согласна — новый аршин для измерения дороги Человечества, оно таки думает о развитии собственных душ.

— Лохмокотами можно управлять?

— А для чего мы здесь. — Он пожимает плечами. — Есть интеллект-ось.

---

[1] Промышленный планктон — микроорганизмы, живущие в пределах технологичных зон.

Что мир? Всего лишь среда обитания. Параметрическое пространство с тремя осями, вдоль которых отложены показатели окружающей среды, распределенные по линии, плоскости и объему. Где человек, как в клетке за прутьями этих осей, муха в паутине множества режимов: температурного, давления, кислотности, силы тяжести, напряжения полей... а еще — в сети техногенной среды, инфомира, который создал человек. Этот мир должен иметь свой техногенный фон, это точно. Есть еще одна ось, на которой отложен показатель интеллектуального параметра, означающий способность человека контролировать все остальные параметры по всем осям.

— Весь мир — у нас в голове, это мы его создали, вытянули все оси своей жизненной среды из себя. Как вытянем крылья.

Я слушаю внимательно, хотя со стороны кажется, что я смотрю в окно. Он рассчитал необходимое городу количество лохмо. Создал колонии лохмо в разных точках города, их семь. Составил программку, которую «подсадил» к планктону, последние полгода она собирала, шифровала и создавала для каждой единицы планктона уникальный идентификатор — каждый лохмо помечен.

— А программный модуль для анализа и управления инфостроем планктона — вот он, посмотрите, на острове, видите?

Обнесен забором. Мои колонии там. Они невидимы, неслышимы, не ощутимы. Но они там. Готовы к действию.

Он думает, что я смотрю в окно.

— Рассматривайте промышленный планктон как фактор трансформации. Фактор среды. Логической среды[1].

Я выстроил математически точную схему равномерного заполнения пространства мутировавшим лохмо — ка-

[1] Логическая среда — аналог искусственного интеллекта.

ждая единица настроена в пределах какой-то одной системы — либо себя самой, либо всей системы планктона в целом, превращая все вокруг в лого-среду. Она способна создавать дополнительное пространство при взаимодействии с человеческим мозгом. Алгоритм расчета нестандартен и требует применения нестандартных матриц, я говорю о вневременных матрицах, о цементировании пространства — это *состояние,* не имеющее ничего общего со временем. Я создал матрицу страха. Программный модуль для управления инфостроем планктона использует ее в нужный момент. В момент падения.

Есть сложности, но они преодолимы.

Информационная энтропия потока растет и пока управляема, это плюс. Есть отправная точка — нужен чистый строй. Модусы в логоцепочках *лохмо* неравномерно распределены, отсюда рост напряжений, это минус.

Но силовое поле активно — *лохмо* поддерживают необходимый уровень взаимодействия.

— Молодой человек, давайте выпьем чаю...

ШИМПФ

Старая карга сошла с ума — везти картины в Z все равно что выбросить на помойку. Между прочим, это и *мои* картины.

Мне семьдесят пять! Я хочу развлекаться и не могу — жду, пока тетушка богу душу отдаст. Ей наплевать на то, что у меня нет денег! Дважды я обращался к ней, и она дважды отказала.

В последнее время в долгах как в шелках — содержать четырех бывших не сладко. Знал бы раньше, ни за что не женился бы.

Моя стратегия ставок на скачках оказалась дерьмовой. Банк, в котором лежал основной капитал, — дерьмовый. Бухгалтер, которому доверял, — дерьмовый! Цепочка становится все длинней. А жизнь все короче.

Шальные мысли посещают, но я же не опущусь до подобного, ей девяносто два!

— Вы меня слушаете? Может, воды...

— Есть что-нибудь покрепче?

Мэр города Z достал из-под стола бутылку, звякнули стаканы. Коньяк? Неплох. В прошлый раз пили водку.

— Картины в галерее, и, кажется, все в порядке. — Чокнулись, выпили.

Мэр крякнул и продолжил:

— То силовое поле, что мы навесили городу, собирает, фильтрует и передает нужную информацию. Мы взяли уже двадцать человек по подозрению в подготовке похищения. Великолепно. Кажется, обойти это поле невозможно.

Интересно, к чему он это сказал? Проклятое поле фильтрует весь поток слов, движений, читает даже написанное на бумаге, оно везде! И нигде. Дьявольская штука, я вам скажу.

— Наливайте по второй.

Чокнулись, выпили. Мэр продолжает:

— Лично я ничего не ощущаю — живем как жили, ходим, как ходили, спим, едим, вроде и нет никакого поля. Не знаю, как отнеслись бы горожане к такой затее, если б узнали... по третьей? Здоровье мадам!

Пусть здравствует старая.

После третьей мир (мэр) кажется симпатичней. Я несколько раз общался с местным гением, как его там, Коста... систему невозможно обойти. Знаете, что такое алгоритм?

— Слыхал я про хакеров и про системы, — закинул мэр.

— Взломают и обойдут *все*. Но время, время надо. Сейчас это поле новое, с ним разобраться бы...

Пари в силе, если вы о нем, надеюсь, вы не растратили все деньги? Улыбается, трет свою лысину. Нет. Скользкий тип этот мэр.

Вчера я предложил круглую сумму гению, он ничего не ответил. Обойти себя же? Вопрос спортивный. Тетушке, как я понимаю, все равно, ей картиной больше, картиной меньше, носится с молодым гением, как с торбой, с утра до вечера вместе. Что общего может быть у девяностодвухлетней старухи и двадцатипятилетнего парня? Хотя... вот же дерьмо, даже не думал об этом!

КОНСТАНТИН

Я, может быть, чего-то и недоговариваю, но ведь никто об этом и не спрашивает. Мой проводник времени (кнопка) — побочный продукт, он вылез сам собой при проектировании Машины Времени. И если кибернетическую ноль-опцию потока колебания абсолютной системы отсчета принять за...

В кабинете следователя прохладно. Передо мной двое — один столичный, приехал поздно вечером двенадцатичасовым фирменным экспрессом. В фирменном экспрессе окна старого образца, уплотнители не менялись лет двадцать, там щели в два пальца — простыл. Всю ночь знакомился с делом, не выспался, к тому же недавно развелся с женой — белая полоса на пальце свидетельствует о том, что разводу месяц. Заметно нервничает. Губы у столичного слюнявые, красные — искривление носовой перегородки, сужение носовых пазух, нос заложен, дышит ртом.

— Картина у вас? — Губастый спрашивает это седьмой раз.

— Нет.

— Вы были в галерее, система зафиксировала ваш визит! — срывается на крик.

— Был. Как тысячи других. Я не имею права взглянуть на шедевр?

Всю жизнь я живу с чувством, будто попал в этот мир случайно — случайно родился (родители не планиро-

вали второго ребенка, но решили оставить), случайно живу. Впрочем, Пикассо тоже посчитали мертвым, когда он родился.

— Назовите себя.

— Константин Броди.

— Расскажите еще раз, когда и как...

Второй — местный, молчун, до этого он все время молчал. Думал о своем.

На днях вернулся с Крита, где отдыхал с любовницей, — на пальце широкое кольцо, сустав чуть распухший, значит, часто снимает. Обувь начищена, но подошвы отстают от верха, в этих местах глубоко проникла пыль цвета слоновой кости — это пентелийский мрамор, вообще-то он белый, но под солнцем желтеет. Акрополь сложен из такого камня. Когда-то я там был, туфли невозможно отмыть и через месяц, пыль очень тонкая и въедливая.

— Вы разработали эту систему, значит, вы единственный, кто мог ее взломать и обойти.

Нет, ее невозможно обойти. Что вы знаете о лохмокотах?

Промышленный планктон не «научен» понимать, где «свой», а где «чужой». Пресекать любые попытки похищения — значит, *любые* попытки, мои, или ваши, или чьи-то еще. Он понимает только задание. Силовое поле, в которое погружен город, — это интерактивное пространство, гигантская игра, в которой вы — вместо компьютерной мыши. Ходите по четко прописанным значениям слов, движений, звуков, они в «голове» лохмокотов. Но лохмокоты никогда не смогут понять то, что делают.

А насчет полетов мадам — подтверждаю.

Я лично летаю давно, но только по ночам. У меня собственные силовые крылья, а за спиной ранец с микроколонией лохмо. Иначе как бы я сбежал из психушки.

Опомнитесь, люди! Мадам ни за что не вложила бы миллиард, не будь она твердо уверена в том, во что вкла-

дывает, — естественно, я продемонстрировал силовые крылья. Летал. Потом летала мадам, я передал ей свой ранец. Свидетели? Бог мой, без свидетелей.

В кабинет постучали, заглянули, позвали.

«Вот заключение». — Молчун пробегает глазами бумаженцию. Передает Губастому, тот долго вчитывается.

— Мадам разбилась?

— Нет, она умерла от старости. Но в полете.

— Боже, какой конец...

Смешно так думать. Это ведь только начало.

Мэра зачем-то приволокли:

— Какие крылья? Вы что, полезли на скалу с мадам?

— Пять дней лазили. Летали, — отвечаю честно.

— Бросьте! — Губастый смотрит на меня. — Этот ненормальный два месяца назад сбежал из психушки, там он создавал Машину Времени.

— Ах вот оно что! — простонал мэр. — Поразительно, я ведь поверил! Очень убедительно, очень...

Он долго еще бормотал что-то и потирал вспотевшую лысину: «...так убедительно... так...»

— Мадам была счастлива, и не моя вина в том, что она умерла. Кстати, надо бы заняться механизмом старения, я уже первую прикидку делал...

А в это время на другом конце города в дверь к господину Шимпфу постучали. Оторвавшись от созерцания рисунка отельных обоев, он неуверенным шагом подошел и открыл дверь. Посыльный мальчишка внимательно посмотрел на Шимпфа, затем перевел взгляд на фото в руке, кивнул и протянул ему тубу:

— Это вам просили передать.

Развернулся — и только пятки сверкнули.

Смутно понимая, что происходит, Шимпф вернулся в комнату и вытянул из чехла содержимое. Холст оказался неожиданно легким. Быстрым движением человека, догадавшегося о чем-то, но еще не убедившимся в своей догадке, он развернул полотно и тихо засмеялся...

Из дневника мадам Гогенски

Вознагражден будет тот, кто преодолеет свой страх!

Христофор Колумб, 1492 г.

ЗАВЕЩАНИЕ

«Все мое состояние (движимое и недвижимое) я жертвую на разработку технологии свободного полета человека.

Я знаю, что в будущем люди будут летать. Нет, у них не вырастут крылья. Я вижу, как сотни людей парят над городом — руки раскинуты в стороны, и кажется сотни самолетиков летят в самых разных направлениях и на самых разных высотах.

В будущем каждому новорожденному делается прививка Броди (по фамилии ученого). Так, на сетчатку глаза ребенку наносят наноинтерфейс (переходник-шлюз системы человек-лохмо-лого). Импульсы активизации силовых крыльев поступают прямо из мозга в момент потери точки опоры. Страх падения с высоты запускает механизм активации локального пространства вокруг человека. Как цементный раствор схватывается, так возникает поддерживающая сила — пространство откликается, мгновенно роботизируется, генерируя силовые крылья (силовое поле Броди). И человек летит!

Я знаю это чувство, когда летишь над Землей, — *Свобода*. В твой крохотный мир вдруг врываются свет и воздух, как будто бы полет — какая-то измерительная единица жизни.

Свобода. Мелькает под тобой земля — точки-домики-улицы-поля-города, выпячивая груди гор и пряча шрамы ущелий; мелькают лодки, и кто в них — не знаешь, плывут себе вдаль, качаются на волнах ослепительно-белых, невидимые безмолвные далекие живые чьи-то сердца-точки.

Кажутся так рядом.

Свобода — смотришь вверх и думаешь, вот так же кто-то смотрит из космоса на Землю, и кто там, над головой, не знаешь, летят их невидимые безмолвные едва различимые живые сердца-звезды.

Но ты достаешь взглядом до самого-самого черного-черного дна, пробиваешь его, разрубаешь, протискиваешься вперед.

И кажешься *им* так рядом.

И возникает чувство причастности, единства, чего-то такого большого, что и умом не объять, только можно почувствовать

свое место
в бесконечной цепочке
живых сердец...»

И рисунок карандашом внизу —
река. Остров посреди.
Мерцающей звездочкой одинокий костер вдалеке,
такой не греет душу. И удержать не может.
И маленькая девочка стоит на скале одна,
раскинув руки...

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

СПУТАННЫЕ ОДНОЙ СЕТЬЮ

1. B

Единственный выходной продолжался уже три дня. Мягкое кресло согревало спину, клетчатый плед — ноги, а взгляд тешила полупустая бутылка «Хеннесси», стоящая на журнальном столике. «Квантум пять» по-прежнему холодил правый висок, но связь с внешним миром я надежно заблокировал. После дела о взломе военно-

го ведомства можно как следует отдохнуть — без меня «Ньютон компани» всё равно не обойтись. Начальство сейчас купается в лучах славы, передав хакеров-неудачников в руки служителей закона, а я наслаждаюсь одиночеством, теплом и дорогим коньяком.

Органайзер Аттенборо, выполненный в виде большой прямоходящей ехидны с честными глазами, загребущими руками и вредным характером, гулял по рабочей области взад-вперед, изредка зыркая в мою сторону. Он изо всех сил пытался выглядеть, как зверь, которому хочется сказать что-то Очень Важное. Я сохранял молчание.

— Алекс, новое сообщение, — наконец выложил Атто, останавливаясь перед зеркалом и приглаживая торчащие на голове редкие колючки. — Срочное.

— Меня нет, — закрыл я глаза. — Ньютоны подождут.

— Это не они. Сообщение пришло от Михаила Бороды пять минут назад.

— Так чего ж ты молчал! Читай!

— Решал, стоит ли прерывать твое одиночество в Сети. — Атто повернул ко мне вытянутую физиономию и хитро улыбнулся одними глазами.

— Читай!!

Органайзер вытянулся по стойке «смирно» и начал монотонно вещать дикторским голосом:

«Алексу Вронскому от Михаила Бороды. Привет, старый друг. Нужна помощь в одном деле. Встречаемся в двенадцать на удачливом месте».

— Всего полчаса. Поспешим!

Я вскочил с кресла. В зеркале мелькнуло лицо человека, выглядевшего старше своих тридцати девяти из-за поседевших висков и трехдневной небритости. Я провел пальцем по подбородку. А! Сойдет и так! Узнают.

Любимая куртка найдена в шкафу среди одежды жены, левая сандалия — в прихожей, правая отсутство-

вала. Эх, не вовремя Марина уехала на свой симпозиум, оставив меня в гордом одиночестве, наполненном полуфабрикатами, коньяком и пропавшей обувью.

— Где? — повернулся я к Атто, держа сандалию на указательном пальце.

— Не брал! — рухнул Аттенборо на колени. — Клянусь колючками, не брал! Да и не могу я. Я ж виртуальный органайзер, последняя версия, — сегодня обновился, а обувь твоя — ре-аль-на-я.

— Шут ты гороховый, а не органайзер, — сказал я, доставая сандалию с холодильника. — Ехидина. Небось приказал уборщику туда забросить?

— Не помню, — ответил Аттенборо. — Я вообще сама серьезность. И поэтому на улице я бы на твоем месте сегодня не появлялся. Ходят слухи, что вернулся Черный Хакер и высасывает мозги у встречных прохожих.

— Врут люди. Тебе надо меньше желтой прессы читать.

Я спустился на лифте в подземный гараж, где среди вереницы машин стоял мой черный «Шедоу». Мысленно сформулировал задачу. Нейроинтерфейс «квантума пять» уловил сигнал, расшифровал и превратил в команду из пяти кубитов. Состояния связанных эпр-пар частиц приемо-передатчика изменились, команда по системе квантовой запутанности мгновенно поступила от компьютера к точке доступа в Сеть. По Сети информационный импульс нашел автомобиль, и «Шедоу», опознав владельца, открыл дверцу.

После чего Глобальная Транспортная система взяла управление автомобилем на себя. Мой «квантум пять» вывел в мозг необходимую информацию. Так, GPS-навигатор — пробок нет. Точка назначения... Расчет маршрута... Ориентировочное время движения пятнадцать минут. Успеваю!

— Куда едем? — поинтересовался с заднего сиденья Атто. — Что за удачливое место такое?

— На рыбалке давно бывал?

— Никак нет, ваше алексовое благородие! Вообще не рыбачил. Кого будем ловить?

— Щуку, Атто. Большую такую зубастую рыбу.

Город встретил ранним осенним листопадом. Холодный ветер срывал кленовые листья, они кружились желтыми вихрями, падали под колеса, ударялись о переднее стекло. На углу между Цветочным бульваром и Вокзальной за ними охотился, подбирая с асфальта, одинокий мех-уборщик. Яркие рекламные баннеры, проецируемые в мозг, расцветали броскими заголовками. От них пестрило в глазах. Они несли лишнюю информацию. За определенную плату всегда можно отключить навязчивую рекламу, но я уже привык к этому калейдоскопу красок. Так даже интереснее, словно возвращаешься в прошлое своих желаний. Сеть помнит все запросы и выбирает рекламу с учетом потребностей каждого, только ей невдомек, что информация могла устареть.

«Защити свой квантовый компьютер от вторжения. Пользуйся файрволом «Ньютон»!» — На здании информцентра сверкала ослепительной улыбкой мисс Евро две тысячи пятьдесят второго года, держащая кристалл памяти.

— Если бы не ты — черта с два они что-то написали, — сказал Аттенборо. — Этой красотке нужен файрвол, как зайцу пятая нога. Кстати, о зайцах. Видел на углу новый баннер?

«Совершенно ручной органайзер, живущий в вашей рабочей области. Он сделает за вас всё!» — улыбался хищным оскалом бледно-розовый кролик, демонстрируя желание немедленно помочь всем и каждому.

— Розовая пошлятина, — сообщил Атто. — Я гораздо лучше. Кстати, к тебе опять стучится Главный. Впустить?

— Нет!

«Подключись к сервису сновидений! Любые сны на заказ». — На баннере с инопланетными джунглями муже-

ственный воин космического будущего целился из бластера в бронированного ящера.

Нет уж, не надо мне таких снов. И кролика нетрадиционной окраски — тоже не надо. И мисс Евро... А вот тут вопрос спорный. Черт! Сколько еще Маринка будет на своем археологическом симпозиуме? Обещала на прошлой неделе вернуться. Надеюсь, никакого молодого археолога не откопала?

«Избавься от излучения — переходи на квантовую Сеть! Безопасные для здоровья спутанные кванты соединят твою жизнь со всем миром! Стань независимым от расстояний! Получи неограниченный доступ к богатствам Сети!» — Мальчишка на объемном баннере над площадью Согласия выпускал бесконечную вереницу белых голубей, несущих в клювах стилизованные изображения квантовых бит информации.

— Белая пошлятина, — буркнул органайзер. — Кто такую рекламу сочиняет? Интересно, если они эти кубиты сожрут, то как... Попытка взлома! Попыт-ка взло-м-м-а...

Проецируемое в мозг изображение Аттенборо зарябило, насмешливая речь споткнулась на полуслове. Стоп! «Шедоу» остановился у тротуара. Быстрее, Алекс, быстрее... Состояние файрвола... Просмотр логов... Что за неудачник лезет напролом к лучшему сотруднику «Ньютон компани»? Ну что, смертничек, полетаем? Та-а-к... Вот ты, розовый кролик, и попался! Хотя... Пользуемся, значит, сервером, скрывающим сетевой адрес? Ну, это мы легко обойдем. О! Еще одно скрытие! Все равно ты новичок и неудачник! Вот твой адрес! Получай!

За мгновение перед тем, как нанести ответный удар, я запросил информацию о пользователе по найденному адресу и остановился. Атака прекратилась. Мне показалось, что хакер-неудачник рассмеялся на том конце квантовой Сети. Поступил запрос на подсоединение к моей рабочей области, я дал согласие.

— Привет, Алекс! — сказал Макар Чичирко по прозвищу Эникей; его виртуальный образ уселся на соседнем сиденье, закинув ногу на ногу. — Сегодня я едва не победил. Еще чуть-чуть — и сливай воду, суши весла, наш компьютерный гений будет взломан и выпотрошен по всем параметрам. Теряешь сноровку, брат!

Эникей считался среди хакеров козлом отпущения и вечно попадал в неприятные истории. Когда-то мне довелось тусоваться среди этой братии.

— У тебя не было шансов, Эник, не тешь себя пустой надеждой. Что хотел... брат?

— Так это... Ну, спасибо, в общем, что не выдал.

Я промолчал. Мех-уборщик поглазел на мой «Шедоу» и втянул хоботом-пылесосом упавший на капот лист.

— Алекс, я ведь почти не участвовал. Ну, чуть-чуть. Так, на стреме стоял. Просто по доброте душевной и из-за спортивного интереса. Я ни копейки не взял, веришь? Нужна мне больно эта военщина! Я не преступник, а честный хакер.

— Двоим грозит по десять лет с полным отключением от Сети и конфискацией, — сказал я. — За попытку кражи военных разработок. — Третьему — пятак за пособничество. Это не игра, Макар.

— Ну, спасибо, Алекс, — опустил взгляд Эникей. — Я это... В последний раз, брат.

— Потому что в следующий раз я не стану тебя покрывать! Все, я спешу!

— Подожди! Слушай... Тут такое дело... Поговаривают, что больше их было. Ребята серьезные. Не из наших. Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-то случилось. Ты осторожнее, усек?

Эникей отключился от моей рабочей области.

— В следующие раз спали его «квантум», пожалуйста, — сказал взъерошенный Атто. — Ненавижу хакеров.

Я просигналил меху, подождал, пока он отползет в сторону, выехал на проезжую часть и активировал Транспортную систему.

2. l

Я оставил «Шедоу» у обочины и теперь вместе с Атто пробирался по тропинке, заросшей с одной стороны крапивой, а с другой — осокой. Под ногами попадались острые камни. Резко пахло илом и гниющими водорослями.

— А вдруг тут есть змеи? — спросил Аттенборо, шлепающий позади.

— Только ужи.

— А эти?.. Зубастые. Что в реке водятся?

— Пираньи? — удивился я.

— Нет! С лапами которые. Длинные.

— Крокодилы?

— Да!

— С ума сошел?!

— Нет! Вдруг крокодил зазевается, его вынесет в океан, подхватит быстрым течением и доставит к нашим берегам. Он поплывет в Днепр, и тут, когда ты не подозреваешь об опасности...

— Днепр впадает в Черное море. Далековато до океана.

— Один момент, сейчас карты проверю. Так... пролив Босфор, Мраморное море, пролив Дарданеллы и так далее... Да, неблизко.

Я прихлопнул озябшего комара, неосторожно севшего на щеку.

— Но есть же и подводные реки! — не унимался Атто. — Поэтому опасность быть съеденным крокодилом приуменьшать нельзя.

Он перебежал подальше от реки.

— Мы уже пришли, — показал я на нависшую над водой иву.

Мишка Борода стоял возле дерева и приветливо махал рукой. Я запросил подключения к его рабочей области.

— А ты не изменился, — сказал Мишка, пожимая мою руку. — Сколько лет мы не виделись? Пять?

— С последней вашей встречи, если судить по логам, прошло три года, два месяца, пять дней, три минуты...

— Твой органайзер? — спросил Мишка, с улыбкой разглядывая Аттенборо, которого заметил после доступа к моей рабочей области. — Завел зверушку?

— Скорее клоуна, — ответил я.

— И сорок пять секунд, — закончил подсчет Атто, затем нацепил на физиономию черную полумаску и, фальшивя, запел арию мистера Икс:

— Да, я шут, я циркач, так что же? Пусть меня так зовут вельможи. Как они от меня далеки, далеки, никогда не дадут руки... Здравствуйте, — пожал он Мишкину ладонь. — Очень приятно, органайзер Аттенборо, последняя версия. Здравствуйте, — подошел он ко мне. — Впрочем, с вами я уже изрядно знаком.

— А искусственный интеллект все развивается, — покачал головой Мишка.

— Я не искусственный интеллект, — возмутился Атто. — Я простая программа, которая не ощущает своего существования и ничего сама не соображает.

— Это точно, — пробормотал я. — Подтверждаю — совершенно ничего.

— Имея доступ к неограниченным ресурсам Сети, я анализирую, что хочет услышать собеседник, и подбираю нужные фразы в ответ, как и манеру симуляции поведения.

— То есть тест Тьюринга ты проходишь? — поднял правую бровь Михаил.

— С легкостью! Тест Тьюринга давно устарел. Как, впрочем, и определение искусственного интеллекта. Настоящие псевдоразумные машины уже давно называются «strong AI». Адаптивные, — принялся Атто загибать пальцы на правой руке, — развивающиеся, самообучающиеся... Ну, как закрытая система хранения и поиска информации в Гарвардском университете. Сама определяет тончайшие связи между разными областями науки и помогает в исследованиях. Вот это настоящий стронг ай! Сила! — Аттенборо поскреб колючую макушку и за-

думчиво добавил: — Хотя в шахматы я ее сделал только так.

— Ты меньше этого балабола слушай, — повернулся я к Мишке. — Ты же меня на рыбалку пригласил? А я спиннинг забыл.

— Ничего, обойдемся одним. — Мишка показал на старое удилище, прислоненное к дереву. — Как когда-то в детстве, помнишь?

— Еще бы! Славную тогда щуку поймали! Три триста завесила!

— Не преувеличивай! Три сто пятьдесят.

— Всё, сойдемся на три двести — и точка. Ох и рыбина была! Как мы ее тащили!

— Не трави душу. Давай, бросай, — сказал Мишка. — Твоя очередь.

Я взял удилище. Блесна сверкнула на солнце.

— Мишка! Ты не заикаешься! Как так? Вылечился?

— Компьютерная коррекция речи. Медицинская разработка. Пока я в Сети — всё в порядке.

Я размахнулся, удилище свистнуло в воздухе. Блесна шлепнулась метрах в тридцати от берега.

— Так что у тебя случилось? Что за проблемы? Зачем позвал? — Я скручивал безынерционную катушку, и капельки воды слетали с лески.

— Отключи Сеть.

— Я могу ее заблокировать...

— Нет, полностью отключи. Так надо. Береженого бог бережет.

Блесна выпрыгнула из воды, перед самым берегом чиркнув дно. Я снял с крючка-тройника зеленые нити водорослей и прислонил удилище к дереву.

— Сейчас сделаю.

— Отключить?! А как же я? — едва не заплакал Атто. — Обижусь и буду скучать.

Он достал носовой платок, вытер глаза и шумно высморкался. Затем повернулся и пошел прочь, напевая под нос:

— Снова туда, где море огней, снова туда с тоскою моей. Светит прожектор, фанфары гремят, публика ждет, будь смелей, акробат.

Я подал команду «квантуму пять» на выключение, и через мгновение мир утратил полноту. Когда постоянно живешь с Сетью в голове, трудно представить ее отсутствие. Словно оторвали часть тебя. Исчез Атто. Пропало ощущение точного времени. Не стало доступа к информации — не только общей, но и к личным запасам. Многие воспоминания, боясь забыть, я хранил в виде мнемороликов.

И все — пустота.

— Что, т-тяжело? — спросил Мишка, к которому вернулось прежнее заикание. Он отлепил присоску своего «квантума» от виска и теперь держал компьютер на ладони. — Ничего, люди т-тысячи лет так жили и не умерли. С-совсем сейчас разленились. Какой-то умник даже п-предлагал внести законопроект, разрешающий детям в школах к-компьютеры не отключать. Мол, ежедневный шок для д-детей. Представляешь, что тогда будет? Они совсем д-думать разучатся. Два плюс два сами не с-сложат. Я тут вчера у своей Оксанки с-спросил теорему Пифагора, так она автоматически в Сеть п-полезла, нет чтобы самой вспомнить, недавно же учила! У молодежи это на п-подсознательном уровне. Мозг вообще не задействуют. Все на Сеть п-полагаются. А оторви от Сети, что останется? Глупый п-придаток с атрофированным мозгом? Сидеть, пускать п-пузыри и ждать подключения? Как там Марина, всё к-копает? — резко перевел он тему разговора.

— Копает, — махнул рукой я. — Во Франции на симпозиуме сейчас. Что-то там важное обнаружили.

— А как насчет п-пополнения династии Вронских, не?.. — Мишка изобразил рукой круглый живот.

— Не сыпь мне соль на рану! Пока никак. Но мы работаем над этой задачей. Лучше расскажи, что у тебя стряслось? Что за таинственность?

— Алекс, меня взломали.

— Как?!

— Молча. Отключился я вчера от С-сети... Надо было — с работой с-связано. Захожу обратно, а меня не п-пускают с сообщением: «Ваша учетная запись з-занята».

— Это невозможно!

— Но было! Только через час с-смог зайти.

— Ерунда! Подумай сам, есть квантовая алмазная решетка в твоем компьютере. Есть точно такая же в точке доступа у провайдера. Частицы обеих решеток составляют эпр-пары, связанные между собой квантовой запутанностью. Изменяются квантовые состояния в решетке компьютера — инверсно изменяются состояния в точке доступа. Информация передается с бесконечной скоростью и на любом расстоянии. Все! Никто другой просто не может подключиться к твоему квантовому приемо-передатчику! Нельзя сделать копию части решетки.

— Десять лет назад Черный Хакер т-творил и не такие чудеса.

— Дался вам этот Хакер! Придумали себе сказку-страшилку! Его же не поймали. Чисто мифический персонаж. Мне надо понять, что в действительности у тебя вчера произошло. Может, тебя и взломали, но не так, как ты думаешь. Информация считывается и проецируется в мозг с помощью нейроинтерфейса. Задействованы рецепторы зрения, слуха, обоняния, даже осязания. Теоретически, взломав компьютер, человеку можно внушить что угодно. Даже то, что его Сеть кем-то занята. Говорят, что у военных есть такие программы. Почему ты сразу не обратился в защитные структуры? В ту же «Ньютон компани», например. Ты же можешь позволить себе ее услуги.

— Я п-просто боюсь, Алекс. Ты же знаешь, как важна для меня работа. Я п-подошел к своей мечте так близко, как никогда. Это не секрет, чем занимается моя фирма.

— Межзвездные полеты. Слышал даже, что государство выделяет деньги на твои исследования.

— Десять м-миллиардов, Алекс!

Я присвистнул.

— Ничего себе!

— А ты д-думал! Потому что мы уже близко. Очень б-близко! До пилотируемого полета остался п-последний этап — на орбите заканчивается сборка «Витязя».

— Ого!

— Да уж. Скоро официально объявим, а там — п-пан или пропал!

— Лучше пан, конечно, — сказал я. — Ты как был мечтателем, Борода, так и остался.

— Если не п-приближать свою мечту, она никогда не исполнится. Заяви я сейчас, что генерального д-директора «Стар индастри» Михаила Бороду взломали, ты п-представляешь себе, какой это будет удар по всему п-проекту? Я не могу доверять даже своим сотрудникам.

— Представляю. В общем, ты все правильно сделал. Помогу, чем смогу. Мне нужен полный доступ к твоему «квантуму». Включайся и впускай.

— Спасибо, Алекс. У т-тебя все получится.

— По-другому и быть не может, на удачливом-то месте!

Я включил свой квантовый компьютер, и мир расцвел красками.

3. a

— Логи в порядке — проследил события до мелочей, — сказал я через полчаса. — В то время, когда ты не мог войти в Сеть, твой образ гулял по виртуальному парку и запускал симулятор рыбалки. Интереса к работе или злого умысла не проявлял.

— И всё?

— Да. Никаких следов взлома. Если бы я не знал тебя с детства, то решил бы, что ты меня разыгрываешь.

— Но...

— Вот тебе и «но». Я поставил несколько защитных программ-маячков. При любой попытке вторжения — буду рядом. Не беспокойся.

— Спасибо. Знал, что ты поможешь.

— Да перестань. Я ровным счетом ничего не сделал. Поживем, посмотрим, кто в расставленные силки попадется. Кстати, что у тебя за компьютер? Я-то думал, что у меня последняя версия. «Квантум семь»? Где достал?

— Там уже нет, — ухмыльнулся Мишка. — Новая разработка. Можно сказать, по знакомству выделили. Как раз из-за работы. Бешеные деньги стоит.

— Везет же, — сказал я. — Всё, давай — мне пора возвращаться к жизни.

— И обязательно побрейся, — сказал Мишка. — А то выглядишь, как твой органайзер, — ткнул он пальцем в сторону ивы.

Под деревом плавал в воде наспех нарисованный виртуальный крокодил. Левый глаз был гораздо больше правого, челюсти не могли сомкнуться из-за обилия торчащих зубов. Атто сидел, раскачиваясь над крокодилом на тонкой ивовой ветке, и пел:

— Со смертью играю — смел и дерзок мой трюк, всё замирает, всё смолкает вокруг. Слушая скрипку, дамы в ложах вздохнут, скажут с улыбкой...

— Слезай, баламут, — бросил я. — Художник из тебя неважный. Крокодилов рисовать совсем не умеешь.

— Ты просто завидуешь, — сказал Атто и спрыгнул на землю.

4. c

Главный поймал меня в машине на обратном пути. Он не снизошел до виртуального посещения, ограничившись разговором.

— Хорош балдеть, Вронский! Есть работа.

— Я вас внимательно слушаю, Геннадий Петрович, — сказал я.

Атто скорчил зловещую физиономию.

— Юродствуешь? — поинтересовался Главный.

— Никак нет!

— А работка-то интересная. Кадра одного взломали. Лавренева Е Вэ. В Сеть войти не может. Сейчас скину тебе материалы — и срочно принимайся за дело. Клиент денежный.

У меня в голове словно переключился триггер.

— Этот ваш Лавренев не в «Стар индастри», случайно, работает?

— Случайно там... Откуда ты знаешь? Ну-ка, колись!

— Да нечего пока рассказывать. Так, догадки одни.

— Ну-ну, догадливый ты наш, работай!

Шеф отключился, но через минуту вновь запросился в гости. На этот раз виртуальный образ Главного уселся возле меня.

— Вронский, я тут к тебе охрану приставлю. На всякий случай. Военщину серьезные ребята взламывали. Не хотелось бы лучшего сотрудника потерять.

— Не надо!

— Ну, дело твое. Береги себя, Вронский. И скажи своему органайзеру, если он не перестанет на меня таращиться — сокращу тебе зарплату. И побрейся, а то видок у тебя ни к чёрту.

Виртуал Главного исчез с едва слышным хлопком. Аттенборо зашевелил длинным носом, принюхиваясь.

— Одному мне кажется, что серой запахло? — спросил он.

На мой «квантум» поступила документация по новому делу. Я подавил желание изучить ее прямо сейчас и, откинувшись на спинку сиденья, продремал оставшуюся часть дороги.

5. k

«Лавренев Евлантий Владимирович», — принялся читать я, удобно расположившись в кресле.

Ну и имечко — не выговоришь в сочетании с отчеством. Так. Ведущий астрофизик «Стар индастри». Доктор наук. Диссертация на тему получения антивещества из

космического вакуума... Послужной список... Семейное положение...

Всё это, конечно, интересно, но, думаю, что причина возможной хакерской атаки связана с местом работы. Кто-то, не оставляющий следов, копает под «Стар индастри».

Я нырнул в Сеть и отыскал маячок, прикрепленный сегодня к виртуалу Эникея. Козел отпущения стоял на коленях перед виртуальным образом своей очередной пассии и клялся в вечной любви. При виде меня красавица поспешила отключиться.

— Опять ты всё испортил! — возмутился Эникей. — Всю личную жизнь обламываешь! Ты как сюда попал? — обвел он взглядом комнату и уставился на моего виртуала.

Стены были оклеены аляповатыми виртуальными копиями картин экспрессионистов. Хрустальная люстра, тоже нарисованная, освещала богатое смоделированное убранство. На массивном дубовом столе у окна стояла початая бутылка пива. Отключи сейчас «квантум» — что останется? Оборванные обои, лампочка под потолком, старый стол с шатающимися ножками — Эникей снимал комнату в дешевой гостинице.

Я подошел и демонстративно снял с его рубашки виртуальный маячок, выполненный в виде маленького паука.

— Ты всегда был слабаком, Эник, — сказал я. — Выследить тебя не составило труда.

— Ну вот, — опустил он взгляд. — Ворвался в дом, Аделаиду напугал, еще и обзываешься. Чего надо?

— За тобой должок. Скажи, кто копает под «Стар индастри»?

— Никто!

Я поднял с пола бумажную рекламку с розовым кроликом.

— Вот купи себе этого зверюгу и морочь голову ему, а не мне. Давай, рассказывай.

— Клянусь, никто! Ну, или я не знаю... Хотя это вряд ли. Если бы из наших кто-то такую контору хакнул, обязательно похвастался бы!

Я открыл форточку, впуская в комнату свежий воздух, затем щелчком отправил паука на улицу.

— Ладно. Если что узнаешь — дашь знать.

— Конечно! — энергично закивал Эникей. — Обязательно! Пиво будешь?

Он схватил со стола бутылку и вытер горлышко рукавом.

— Спасибо, не надо, — сказал я. — Ты что-то знаешь о разработке «квантума семь»?

— Семь? — замер Эникей. — Уже семерка вышла? Неужели! Я ничего в Сети не находил. Только шестерку запускать собираются. Делись, где купить можно, а то я на четверке засиделся.

— Денег не хватит.

— Ну и ладно. Подождем. Мы терпеливые. Точно не будешь? — Эникей поднял бутылку и посмотрел на меня сквозь стекло. — Ну, как хочешь. Как говорится, будь-будь!

Он шумно выдохнул и опрокинул содержимое в рот.

Слежку я заметил, когда отсоединялся от его рабочей области. Прикасались мягко и ненавязчиво, едва заметно пробуя мою защиту. Миг — и тут же всё прекратилось. На всякий случай я установил несколько дополнительных охранных уровней.

6. H

Встреча с Лавреневым не принесла результатов. Симптомы были аналогичны Мишкиным. Евлантий Владимирович после вчерашнего отключения от Сети смог подключиться только через час. При проверке лог-файлов «квантума семь» выяснилось, что ничего необычного в это время его виртуал не совершал. Не был... Не ходил... Не привлекался... В контакты ни с кем, даже с ближними родственниками, не вступал.

— Знаю! — неожиданно вскрикнул Аттенборо. — В Сети появился зловещий компьютерный интеллект, который пытается захватить мир, беря под контроль виртуалов. Вскоре миллионы неконтролируемых зомби заполонят виртуальное пространство. Мне страшно, Алекс! — Он подбежал и схватил меня за руки. — Спаси меня! Я слишком мало существовал, чтобы умирать!

— Отстань, — сказал я.

Атто напялил на голову английскую охотничью шляпу, сунул в рот трубку и, заложив руки за спину, принялся ходить вслед за мной по комнате.

— Дедуктивный метод мышления не помогает, — сказал он на третьем круге. — Всё равно все приметы на розового кролика указывают. А у тебя что?

— Необходимо поговорить с Мишкой. Пошли.

Михаил Борода был моим «френдом» в сети и от друзей свое местонахождение не скрывал. В настоящее время его виртуал сидел в симуляторе «Бретёр» и нарывался на драку.

Я вошел в виртуальность и подсоединился к игре.

— Ждете достойного противника, дон Мишель? — поинтересовался я, складывая руки на груди. — Бездельничаете, когда у вас полно работы?

Мишкин виртуал, одетый в бархатный камзол, демонстративно коснулся рукояти шпаги, висящей в ножнах на поясе.

— Жду. Но не такого неумеху, как вы, дон Алекс!

— Ах так! Только кровь может смыть оскорбление!

— Это вызов?

— Да еще какой!

— Тогда к бою, дон Алекс!

— Выбор арены за вами, подлый синьор!

— Мне всё равно, где проткнуть вас клинком, негодяй! — Мишка нажал на висящее в воздухе меню, выбрав «Случайную арену».

Мы оказались на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Бирюзовая вода набегала на песчаный берег.

Носимые волнами пустые раковины, перекатываясь, шелестели по песку. Большой краб резвился между ракушками и отполированными до блеска камнями.

— Арена та же самая, что и в первом нашем бою, помнишь? — спросил Мишка.

— Помню, — ответил я. — Ты гонял меня тогда, как мальчишку.

Мы дружили в школе, но потом разбежались в разные учебные заведения. Я поступил на программиста в Политехнический, Мишка — в Национальный Университет, и школьная дружба сама по себе прервалась. Встретились мы спустя десять лет на берегу виртуального моря. В памяти всплыли старые записанные воспоминания о том времени, когда Мишка учил меня драться.

«Искусство наносить удары ничего не значит в сравнении с умением защищаться и пользоваться ошибками врага. Отразить удар, а затем нанести ответный — вот подлинное мастерство фехтовальщика. Не забывай, что старинный клинок может не только колоть, но и рубить. Укол — стремительнее, требует меньше силы, его труднее парировать. Но, когда дистанция слишком мала для укола, всегда остается возможность для удара. Вот так!»

Мишка нанес выпад первым. Я едва успел отразить длинный клинок — он лишь оцарапал щеку моему виртуалу.

— Что же ты! Бей в ответ! — затанцевал на песке Мишка, отпрыгивая в сторону. — Учил-учил когда-то, а всё без толку. Я же был открыт!

— Ах так!

Ложный выпад в живот, мой клинок резко прыгнул вверх. Мишка отбил оружие в последний миг, уводя острие от горла.

— Уже лучше!

На мгновение мы остановились — два бойцовых петуха, готовых броситься в драку. Мишка замер в боевой стойке средневековых итальянских фехтовальщи-

ков — guardia di testa: правая рука вытянута и немного отведена в сторону, шпага поднята вверх, защищая голову. Нижняя часть неосторожно открыта. Я бросил клинок вперед, выпрямляя руку и падая на колено. Мишка скользнул вправо, уходя от выпада, и его шпага свистнула в воздухе, разрубая грудь моего виртуала.

Я рухнул на песок. В поле зрения появился краб с заросшим водорослями панцирем. Он остановился возле моего лица, пошевелил мутными глазами на стебельках и уполз в сторону. В воздухе возникло сообщение: «Вы убиты. Начать поединок заново? Выберите «Да» или «Нет».

— Нет, — ответил вместо меня Мишка и подал руку. — Мне пора, — сказал он. — Жаль, что приходится уходить, только здесь я чувствую жизнь.

— Мишка, подожди! Есть вопросы. Мне нужны данные по твоему проекту.

— Сервер «Ксенон», ячейка «X125-MK14», пароль — твоя последняя смерть. Прощайте, синьор! — Мишка отсалютовал шпагой.

Его виртуал вышел из Сети. Я загнал краба в воду и тоже вернулся «в сознание».

— Со щитом или на щите? — тут же подскочил Аттенборо. — С тобой Михаил Борода хотел соединиться.

— Когда?

— Только что.

— А...

— Вот, опять пробует. Впустить?

Я кивнул. Мишкин виртуал ворвался в мою рабочую область.

— Алекс! То же самое! Я не мог подключиться.

— Очень странно, — сказал я. — Маячки не сработали. Но я встречался с твоим виртуалом.

— И что? Что он делал в Сети?!

— Почти ничего — дрался со мной в «Бретёре».

— Ой!

— Вот тебе и «ой»! Только тебя не взламывали.

— Почему?

Если Мишка разыгрывал удивление, то делал это очень естественно.

— Я никогда не спутал бы твой коронный удар mandritto tondo по левой части корпуса. До сих пор холод клинка в груди ощущаю. Это был ты, Мишка, собственной виртуальной персоной. Я только что дрался с тобой, и ты меня убил.

Мой друг схватился за голову и опустился в кресло.

— Что еще он тебе рассказывал?

— Больше ничего. А ты ни о чем не желаешь рассказать?

— Нет... Хочу сначала кое в чем разобраться, — засуетился Мишка.

— А мне нужен доступ к твоему проекту.

— Извини, это секретные данные. Но ты больше не беспокойся, пожалуйста, — я снимаю заказ. Всё в порядке. Обратись позже — тебе перечислят деньги.

— Какие деньги, Мишка?! — воскликнул я. — Мы же друзья!

— Да, конечно. — Мишка рассеянно огляделся по сторонам и отключился от рабочей области.

— Вот тебе и весь сказ, — вздохнул Аттенборо.

Через двадцать минут пришло сообщение от Главного.

«Вронский, отбой военной тревоги. Дело о взломе Лавренева прекращено — клиент отменил заказ и заплатил неустойку. Отдыхай, но не долго».

— Будем бездельничать? — спросил Атто.

— Нет, — ответил я.

Во мне закипало такое противное чувство, как злое упрямство.

7. a

Сервер «Ксенон» охранялся почище виртуального банка. Я был тщательно проверен при подключении, зарегистрирован и взят под контроль. Ячейка «X125-MK14» ожидала ввода пароля. Что же означали слова Мишкино-

го виртуала по поводу моей последней смерти? Кажется, знаю. Я умер от кругового удара по горизонтали. И называется этот удар...

«Mandritto tondo» — ввел я в окно пароля.

Ячейка открылась, предоставляя доступ к хранимым данным. Я скопировал содержимое и вернулся домой.

Аттенборо сидел на полу перед книгой «Уроки рисования» и, сосредоточенно высунув язык, малевал на виртуальном полотне нечто зеленое.

— Добыл, что хотел? — поинтересовался он, прерывая свое занятие.

— Боже, какой ужас, — сказал я, разглядывая зеленую кляксу. — Это проекция крокодила на лист Мёбиуса? Да, добыл. Сейчас буду изучать. Никого не впускать — я занят.

— Как пожелаете, — буркнул Атто. — Я тоже занят, потому как самосовершенствуюсь.

«Проект космического корабля «Витязь», — прочитал я.

Внешний вид корабля напоминал короткую шпагу. Посреди большого тора крепился цилиндр с технологическими отсеками, переходящий в конус-клинок. Так... Диаметр тора — четыреста метров. Ничего себе! Выполнен из особо прочного пластика RXF12, покрытого слоем высокотемпературного сверхпроводника, превращающего тор в огромный электромагнит. Магнитные пушки, расположенные по диаметру тора, «выстреливают» топливо — протоны и антипротоны — в зону реакции. Вещество сталкивается с антивеществом и аннигилирует. Бах! Образуются частицы, которые подхватываются электромагнитом и выталкиваются в направлении от центра, передавая свой импульс кораблю. Сотая доля частиц проходит сквозь тор без потери энергии, обгоняет корабль и ионизирует космическую пыль впереди, чтобы ее могло отклонить магнитное поле, защитив обшивку от микроударов.

Антивещество в качестве топлива... Знаю, что ультрамощными импульсными лазерами выбивают из золота

и железа античастицы-позитроны. Но как накопить нужное количество антиматерии для межзвездного полета? Тут десятью миллиардами от правительства не обойдешься.

Я вспомнил тему диссертации астрофизика «Стар индастри» — «Получение антивещества из космического вакуума». Неужели?! С помощью импульсного лазера? Да, такой на борту имеется. Где-то в проекте должна быть эта информация. Вот, нашел! Теперь ясно, что задумали в «Стар индастри».

Квантовые поля, заполняющие мироздание, постоянно порождают виртуальные парные частицы материи и антиматерии. Мощный лазерный импульс, длящийся миллионные доли секунды, ускоряет этот процесс, «ломает» вакуум и вызывает его поляризацию. Магнитное поле корабля отлавливает возникшие частицы и сортирует, протоны — в простые накопители, а антипротоны — в магнитные банки, надежно изолируя от внешней среды.

«Витязь» стартует с орбиты и пролетит в канале электронной диффузии — участке пространства, где магнитное поле Земли соединяется с магнитным полем Солнца. Такие небесные коридоры транспортируют тонны заряженных частиц. При их облучении получится много больше топлива, чем из межзвездного вакуума.

Потом корабль полетит к альфе Центавра — ближайшей системе из трех звезд в четырех световых годах от Земли. По расчетам, «Витязь» достигнет цели полета за шесть лет.

За сколько?!! Я вначале не поверил своим глазам — они собираются разогнать корабль почти до скорости света! Вот это Мишка дает! Просто фантастика!

Но одна смутная мысль не давала мне покоя. Я еще раз пробежался по проекту, затем выбрал схему «Витязя» и пустил на принтер. Когда я отключился от чтения, то первое, что увидел, была физиономия зеленого существа с разноцветными глазами, которого Атто держал на вытянутых руках и совал мне в лицо.

— Правда, красивый?

— Это крокодил? — спросил я.

— Крокодил? — удивился Атто. — Ты так думаешь? — Он повернул существо к себе. — Нет, с видовой принадлежностью я еще не определился. Но это мой питомец. Я буду его кормить, выгуливать и вообще заботиться. Кстати, алгоритм поведения я сам написал. Можно Разноглазик будет у нас жить?

— Нет!

— Почему? Ты завел меня, а я тоже хочу кого-нибудь завести!

Атто пошел за мной к принтеру.

— Сотри его, — сказал я, доставая распечатанную схему.

— Но он такой хороший! И мы же в ответе за тех, кого приручили! Ай!

Зеленый Разноглазик вывернулся и вцепился в руку Атто бульдожьей хваткой.

— Давай лучше котенка заведем? — предложил я.

— Не хочу котенка! — заверещал мой органайзер, отдирая зеленого от руки. — Хочу Разноглазика! Отпусти, скотина!

— Тогда нарисуй ему клетку! И смотри, чтобы эта тварь не бегала по моей рабочей области!

Я свернул вчетверо схему и сунул в карман.

— Пошли Мишке сообщение. «Встречаемся на удачливом месте через полчаса. Есть важные новости».

8. c

— Мы решили наверстать число личных встреч за все последние года? — спросил Михаил.

Я демонстративно отключил свой «квантум пять» и отсоединил от виска. Мишка последовал моему примеру.

— Зачем? — спросил он.

— Разговор один есть.

— Давай, т-только недолго, а то куча дел. Что у тебя такого важного?

Я достал схему «Витязя» и протянул Мишке. Тот изменился в лице.

— Где ты взял?!

— Там уже нет, — усмехнулся я. — Ты сам мне дал информацию о проекте. Вернее, твой виртуал. Не бойся, я стер данные — это всё, что осталось. Даже не спрашиваю тебя, зачем ты хранил их на сервере.

— На всякий с-случай. Без всякой задней мысли, п-поверь. Всегда предпочитаю не раз дублировать информацию. Я з-заберу чертеж, да?

— Забирай. Но тогда ты ответишь на мой вопрос.

— Заметано!

Мишка разорвал бумагу на клочки, затем поискал взглядом, куда их подевать. Не придумав ничего лучшего, он сунул остатки схемы в карман.

— В прошлый раз ты говорил что-то насчет пилотируемого полета? — спросил я.

— Да.

— Тогда мне хотелось бы знать, где жилой отсек на корабле? На схеме его нет. Для людей на «Витязе» место не предусмотрено. Так кто же собирается лететь к альфе Центавра?

Мишка сел на толстый ивовый корень.

— Я.

— Ты?!

— И еще Евлантий Лавренев. И несколько д-других хороших людей.

— Но как? Никто не выдержит такого излучения и перегрузок! Я думал, что кораблем будут управлять дистанционно по квантовой связи.

— А ты можешь с-сказать, как поведут себя запутанные кванты п-при столь быстрых скоростях и на таком р-расстоянии?! Нет?! И никто не может. П-посылать беспилотный корабль — это н-непростительный риск.

— Но как же тогда?

— Помнишь детские школьные с-страшилки?

— Ну? — усмехнулся я. — Про вирус, пожирающий мозги?

— Не только. Вспомни уж-жасную историю, как мозг у человека высох, а сам человек п-продолжил жить. Он ходил, и никто не знал, что он уже д-давно мертв и управляется только к-квантовым компьютером.

— Кибер-зомби? Что-то такое вспоминается. Чего мы только не сочиняли!

— Но тогда мы были не так д-далеки от истины. — Мишка повертел на ладони свой «квантум семь». — Ты слышал что-то про Q-чипы? Нет? П-полное копирование человеческого сознания. Q-чип накапливает информацию, д-дублируя мозговую деятельность владельца.

Я притронулся к его «квантуму семь».

— Здесь? Он встроен в семерку?

— Да.

— Это искусственный интеллект или уже оцифрованный человек?

— Всё слишком с-сложно, Алекс. Мы еще точно не знаем, как п-проявит себя человеческая сущность, запертая в Сети. Первые эксперименты п-прошли удачно. Наши сознания управляли оборудованием и вели себя как люди.

— Да уж, драться он был горазд! Это же была твоя копия, тот, что сражался со мной в Бретёре?

Мишка поднял с земли камень и бросил в воду.

«Плюх!»

— П-понимаешь, это ведь невозможно. Эксперименты п-проводились в локальной Сети. Мы отключались от «квантумов» и активировали свои копии. Но п-позже Q-чипы переводились из активного состояния в режим к-копирования информации. Моего двойника не существует, п-пока я его не активирую! Его нет! Он не может захватывать канал связи и виртуала!

Я вспомнил, каким голосом произнес фразу на прощание виртуал Михаила: «Только здесь я чувствую жизнь», — и хмыкнул.

— Значит, чего-то вы не предусмотрели. Ваши двойники пробираются в Сеть. Это же путь к бессмертию, а, Мишка? Если всё пройдет удачно, люди смогут жить в Сети? Когда «Витязь» стартует, тебя будет двое?

— Нет. Q-чипы активируют, а нас п-погрузят в анабиоз. После возвращения «Витязя» данные с чипов п-перепишут в наши сознания. Иначе мозг не сможет обработать два одновременных п-потока воспоминаний. Я полечу к звездам. И буду об этом п-помнить. Я сам, Алекс! Пускай даже в оцифрованном виде.

— На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы, — улыбнулся я. — Удачи, Мишка.

9. k

Вместе с холодным ветром, сорвавшим с деревьев последнюю листву, пришли дожди и слякоть, а позже — снежная крупа. Работы у меня было не много, так, одна мелочь пузатая попадалась. Хищная рыба плавала далеко и осторожничала, изредка прощупывая мою защиту. Я забавлялся тем, что ссорился с Атто, заставляя его вытирать зеленые следы Разноглазика, оставленные на рабочей области. Марина вернулась с симпозиума и привезла древнюю амфору, на которой среди нагромождения закорючек демонстрировала изображение летающей тарелки. Я энтузиазма жены не разделял, за что был назван простофилей и слепым неучем.

Из новостей я следил за подготовкой «Витязя» к старту. Будущие космонавты уже находились в анабиозных камерах. Q-чипы с виртуальными сознаниями были доставлены на борт корабля, активированы и подсоединены к Сети.

В утро старта «Витязя» Аттенборо дрессировал вырвавшегося из клетки Разноглазика, Марина в гордом одиночестве гостила у мамы, а я изображал спокойствие.

— Сидеть! Стоять! — кричал Атто. — Стой, скотина, кому говорю! Хороший, Разноглазик, хороший. Умница. Вот так. Ай, чтоб тебя! Зачем кусаться! Я тебе покажу! Алекс, к тебе в гости Михаил просится.

Я не сразу понял, что органайзер обращался ко мне. Мишка! Борода! Вернее, его виртуал, управляемый копией сознания на Q-чипе! Что-то случилось?

— Впусти!

Мишка ворвался в мою рабочую область и затараторил, сбиваясь и глотая слова:

— Старт через пять минут! Не перебивай! Слишком мало времени! Слушай! Я не тот, что сейчас на корабле. Мой «Витязь» уже преодолел большую часть пути к альфе Центавра. Просто поверь — слишком долго объяснять. Едва мы достигли половины световой, как квантовая Сеть начала скользить по времени в прошлое. Через месяц после старта связь с Землей прервалась, и мы не смогли войти в Сеть, потому что наши точки доступа были заняты первоначальными личностями. Я пользовался любым моментом, чтобы подключиться к Сети, когда первичный я ее покидал. Это я дрался с тобой в «Бретёре». Скорость нарастала, мы сдвигались всё дальше в прошлое и боялись повлиять на настоящее. А потом в «Витязь» врезался астероид. Боковой удар! Не помогли ни лазер, ни магнитное поле. Топливные баки просто снесло. Скорость стремительно падает. Квантовая связь опять возвращается в наше настоящее. Он, мой разум на «Витязе», в твоем времени только что отключился от Сети перед стартом, и я смог занять точку доступа. Задержи старт корабля! Я знаю, ты можешь. Стоит «Витязю» вылететь на минуту позже — и астероид пройдет мимо. Мне больше не к кому обратиться — долго всем объяснять! Ты пове...

Виртуал моего друга пропал. Связь оборвалась.

Я поверил ему. Но что можно сделать, когда до старта осталось четыре минуты?

Мишка в анабиозной камере. Мишка на Q-чипе, ожидающий старта «Витязя». Мишка, умирающий в будущем на космическом корабле. Все ждали моей помощи.

— Алекс, чем я могу помочь? — спросил притихший Атто.

— Не мешать!

Я выдернул ящик журнального столика. Среди всевозможного барахла нашел старый кристалл памяти — медленный, пятилетней давности. Подключил к «квантуму пять» через уни-интерфейс.

«Пожалуйста введите имя пользователя и пароль доступа к данным».

«Black_Hacker»(*) — мысленно набрал я, и буквы задрожали перед глазами, возвращая давно забытое прошлое. Отключил файрвол, перекрывающий доступ к запретным программам. Запуск! Полоса загрузки растягивалась, как резина, — медленно и противно, не успевая за убегающими секундами. Ну же, быстрее!

В это время они атаковали. Те, кто поджидали, когда защита ослабнет.

10. e

Колючая волна врывается в «квантум» и впивается в мозг. Внутри черепа ворочается ощетинившийся еж. Перед глазами вспыхивают радужные огоньки.

Вирус? Украденная военная разработка?

Он блокирует Сеть. Команды на медицинский сервер больше не поступают. Мне некому помочь. Через нейроинтерфейс подаются импульсы, подменяющие зрительные сигналы. Разноцветные вспышки сливаются в яркое пятно электрической сварки, от которого невозможно зажмуриться. Оно выжигает глаза, сжигает мозг. Раскаленное щупальце опускается по позвоночнику, притрагиваясь к нервам.

— Алекс! Вставай! Ну, вставай же!

Кто это кричит? Атто? Я вижу, как он проходит сквозь огненный вал и сгорает, рассыпаясь угольками. Я не могу выполнить его просьбу. Да и зачем? Там, за огненной чертой, боль прекратится. Стоит лишь вытерпеть несколько секунд, которые бегут, отсчитывают время. Но проклятые часы не хотят, чтобы я это сделал. Сквозь огненную бурю настойчиво бьется мысль: «Три минуты двадцать секунд до старта».

Я поднимаюсь. Сначала на локти, затем медленно — на колени. Скрипят сжатые зубы. Подношу к голове растопыренные пальцы, чтобы сорвать проклятый компьютер.

Но тогда Мишка умрет! В далеком космосе, в полном одиночестве. Для питания Q-чипа нужно совсем мало энергии. Крупицы ее хватит, чтобы продлить Мишкину агонию на века.

Отдергиваю руку. Не дождетесь! Я остановлю вас и пройду. Нет, мне некогда вас останавливать и отражать атаки, потому что убегающие секунды неумолимы. Я просто вас убью.

Две минуты пятьдесят секунд.

Встаю на ноги. Слепо, на ощупь, нахожу нужную программу.

Огненная волна стихает. Я еще не вижу, скорее чувствую присутствие виртуала врага в моей области. Когда дистанция слишком мала для укола, всегда остается возможность для удара. Две секунды уходят на то, чтобы определить его сетевой адрес. Вирус взрывает мозг врага, его виртуал падает и бьется в агонии, пока хозяин не может отключиться от Сети. А потом уже нет надобности.

Когда-то Черный Хакер проверял действие каждой своей программы на себе, с любопытством первооткрывателя перебирая рецепторы в мозгу. Но никогда не задействовал вирусы на полную мощность, как сейчас.

Я переступаю через затихающего виртуала и иду в Сеть.

Две минуты тридцать секунд.

Врагов осталось двое. Один стоит на мосту через Днепр, опершись о перила. Редкие прохожие проходят мимо. Ветер бросает в лицо снежные брызги. Враг видит мое присутствие в своей рабочей области, пытается защититься. Швыряю огонь в его голову. Он вскрикивает и падает на ледяную корку.

— Мужчине плохо! Помогите!

— Да что же это?! Где медицинская служба?! Где спасатели?

— Он не дышит!

Снежинки опускаются на открытые глаза, в которых догорают отблески погасшего пламени.

Две минуты десять секунд.

Последний — догадливый. Или самый хитрый. Пытается спастись, но отключить «квантум» не успевает. Он застывает в немом крике. Пальцы дрожат возле компьютера у виска. Может быть, ему повезло — он останется жить. Наедине со своими кошмарами, которые не прекратятся, даже когда отключится «квантум». Они навсегда останутся под его черепом.

Одна минута пятьдесят секунд.

Запуск поисковой системы.

Старт «Витязя» производится удаленно с Земли. Q-чипы экипажа временно отключены, чтобы избежать стартового шока. Каналы комплекса управления защищены файрволом «Ньютон компани». Смешно — его же писал я сам. Надежно писал. Но хакеры всегда оставляют для себя лазейку. Сканирую персонал. Участники проекта загораются красными точками на схеме комплекса.

Должно быть простое и быстрое решение, не вызывающее подозрений.

Есть!

Олегий Скаховчис — главный энергетик комплекса, идет вдоль ангара, подняв воротник и ежась от ветра. Вирус полного управления внедряется в его «квантум». Скаховчис замирает. Через мгновение я становлюсь им, смотрю его глазами, чувствую, как ветер щиплет лицо.

Одна минута десять секунд.

Бегу к низкому кирпичному зданию подстанции с дверью, запертой на старый навесной замок. Достаю из кармана связку ключей. Который из них нужен? Ослабляю контроль, слегка подталкивая Скаховчиса к решению. Его рука находит ключ, и мы отпираем поскрипывающую дверь. В подстанции загорается свет. Ветер заносит в холодную комнату вихрь снежинок, шевеля серую пыльную паутину у потолка. Вдоль стен выстроились ячейки комплексных распредустройств, сквозь смотровые окошки уставились экраны счетчиков. Нахожу ячейку с надписью «Ввод-1», открываю дверцу.

Тридцать секунд.

Двадцать секунд.

Десять...

Размыкаю вакуумный выключатель. Хлопок! На подстанции гаснет свет, включается аварийный светильник. В воздухе остро пахнет озоном.

Пройдет не менее полминуты, прежде чем питание стартового комплекса перейдет на резервную линию. В журналы будет занесена непредвиденная задержка, «Витязь» стартует с опозданием.

И в будущем астероид промахнется мимо цели.

Ухожу, нарочно оставляя следы взлома, чтобы снять со Скаховчиса подозрение. Но они приведут в никуда, породив новые слухи. Людям всегда хочется верить в невозможное. Каждый город обрастает легендами о всесильных хакерах, неуловимых суперменах и таинственных злодеях. Я улыбаюсь. Теперь надо восстановить Аттенборо вместе с Разноглазиком из резервных копий. Да и Маринка скоро может вернуться.

Ей не нравится, когда я надолго задерживаюсь в Сети.

11. r

(*)Black_Hacker —Черный Хакер (*англ.*).

АРТИ Д. АЛЕКСАНДЕР
АЛЕКС ГРОМОВ

ЗАБЫТАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Обычные неприятности

— Это было огромное чудовище! На четырех ногах, но с человеческим торсом и лицом! Вернее, похожим на человеческое...

— Вы хотите сказать, что это был кентавр?

— Может быть, но точно не из старинных мифов — те были изящнее. А этот — какой-то угрюмый тяжеловоз...

Накануне неизвестное существо напало на охрану склада генетических материалов одной из инопланетных компаний, базирующихся на околоземном интерфейсе, и, прорвавшись внутрь охраняемого периметра, похитило три небольших контейнера. Двое охранников получили тяжелые увечья и были в тяжелом состоянии доставлены в больницу. Третий, с которым и беседовал сотрудник службы безопасности интерфейса, смог только приблизительно описать нападавшего. По непонятной пока причине записи с камер наблюдения как самого склада, так и прилегающих к нему транспортных магистралей были повреждены в результате неучтенного воздействия. В связи с комментариями о возможной опасности противоправного использования похищенных контейнеров с генетическим материалом расследование передано в Особый отдел Чрезвычайной службы соответствующего галактического сектора. В отделе была создана группа расследования под руководством инспектора Кирма, который отправился на тот самый интерфейс, а затем — на саму Землю для обнаружения злоумышленников и похищенного генетического материала. Нелицензированное использование продуктов и методик генных разработок оказалось уже более пяти веков назад на всех планетах, подписавших

Акт о вхождении в Космическое Содружество, под запретом и влекло в случае нарушения строжайшие санкции.

Но этот запрет действовал и продолжает действовать только в пределах территорий планетных систем и входящих в звездную юрисдикцию космических трасс (и сопутствующих транспортных коридоров). Поэтому как администрации планет, так и соответствующих служб Космического Содружества уверены в том, что большинство подпольных генетических лабораторий передислоцировались с поверхности на окологалактическое базирование, использовав не только пояса астероидов, но передвижные лаборатории, переоборудованные из круизных лайнеров и устаревших грузовых судов. Разумеется, возможны исключения.

Обозримое Прошлое

Первоначально генетическими экспериментами на Земле занимались ученые-энтузиасты, жаждавшие улучшить Природу.

Но затем к генетике проявили интерес и военные. Поводом стал запуск очередного коллайдера, целью которого было исследование самого времени и возможности перемещений во времени. При этом одна из сопутствующих лабораторий открыла, что побочные эффекты перемещений заключаются в изменении генетического кода у перемещенных. Начавшиеся исследования этих мутаций были засекречены после того, как в гуманных целях, связанных с безопасностью планеты, были запрещены проекты, подобные коллайдерам и Филадельфийским экспериментам. Но поскольку полученные побочные эффекты были классифицированы как «стратегически важные для цивилизации» (описываемые события происходили до подписания местными правительствами Акта о вхождении в Космическое Содружество), то началось планомерное изучение этого феномена. Вскоре выяснилось, что происходящие изменения — это вовсе не мутации, появившиеся формы

жизни можно было условно назвать отклонениями в генетическом коде человека. Имея малый запас данных экспериментов, руководство соответствующей программы приняло решение о более тщательном изучении результатов более ранних экспериментов, проведенных первопроходцами генетики.

Как собирали гены

Одна из версий происхождения современного человечества на Земле, озвученная одним из ученых (позже объявленного сумасшедшим), гласила, что хомо сапиенс — не что иное, как результат чужого эксперимента. В качестве одного из доказательств этой гипотезы ее сторонники ссылались на изображения древнеегипетских богов, которые, по их мнению, были попыткой внеземной цивилизации создать более совершенных «людей», вернее будет сказать — обитателей данной планеты. Возможно, на ней пришельцы собирали (или реализовали) свою базу с соответствующей инфраструктурой и отношением местных разумных аборигенов, служащих для выполнения тех или иных задач, что не исключало приобретения полезных навыков и знаний для аборигенов.

Как развивались события в тот далекий временной период, сейчас из-за отсутствия документов трудно реконструировать. По всей видимости, пришельцы могли быть приняты за творцов — т.е. так называемых древних богов, благодаря их способностям и уровню знаний. Существует вероятность, что иноземцы и внешне отличались от людей — в частности, наличием более чем двух рук, что вряд ли может быть объяснено исключительно использованием технических механизмов, в том числе — дополнительных аксессуаров скафандров.

Существует версия, которой придерживались и несколько известных психологов, в которой утверждается, что в ходе экспериментов, проводимых иноземцами, люди обрели интеллект, который и позволил им осоз-

нать свою «служебную роль» в замысле чужаков. В результате этого экземпляры хомо сапиенс отказались отказаться, или, в более приемлемом для сторонников Контакта аспекте, — оказалось, что управление людьми требует слишком много усилий, внимания, и поэтому эксперимент был закрыт. Через некоторое время (в интервале от 3 до 5 тысяч лет) пришельцы покинули Землю, оставив (разместив) на ней свои маяки и по возможности «прибравшись» — убрав явные следы своих генетических и прочих экспериментов. Они остались только в неких туземных преданиях и загадочных изображениях.

Следы чужого

Что могло быть следствиями генетического вмешательства извне? Во-первых, у людей могли остаться те самые «спящие гены», которые по тем или иным причинам были «дарованы» экземплярам хомо сапиенс существами хомо галактис. Передаваясь по наследству, «спящие гены» могли через тысячелетия пробудиться. Либо мог сработать некий «будильник», установленный иноземлянами. Либо в роли спускового крючка сыграть какой-то внешний фактор, ранее не применяемое техногенное воздействие. К примеру — перемещение, в результате чего на другой конец «пересылки» прибывали уже не люди, а модифицированные кентавры. Или Минотавр.

Во-вторых, иноземцы могли перед экспериментами над людьми (или параллельно с ними) проходить эксперименты и над животными, в том числе — придавая им иные формы. Те самые, зафиксированные не только в текстах многих народов, но и в статуях и каменных барельефах.

Другое Прошлое?

Если обратиться к архивным материалам, получившим после Контакта статус документов «для служебного пользования», то окажется, что количество упоминаний

животных форм, не укладывающихся ни в первоначальную теорию происхождения видов Дарвина, ни в ее последующую модификацию Дарвина-Хёлга, составляет большой массив данных, которые невозможно объяснить ни старинными суевериями, ни разного рода галлюцинациями, ни последующими многочисленными подтасовками и фальсификациями.

Особо необходимо отметить тот факт, что многие так называемые «сказочные звери» присутствуют в целом ассортименте как самобытных цивилизаций, расположенных между собой практически в недоступной дали для уровня аборигенов, так и эпох — в диапазоне не менее 2500 лет.

Так, наглядным примером может служить единорог. В кратком перечне задокументированных фактов значатся: самое раннее изображение одного из самых загадочных существ древности — единорога, впервые встречается на печатях Хараппы и Мохенджо Даро. Он упоминается в Атхарваведе, в Махабхарате, в книге «Луцидариус» («золотой бисер»). Греческие, а впоследствии римские философы и историки (Аристотель, Плиний Старший) считали родиной единорога Индию. Единорог стал одним из символов, относящимся к древним культурам — как символ грации, верности, отваги и магических искусств.

2700 год до н.э. — первое упоминание о единорогах в китайских источниках. В этот период на этой территории насчитывалось шесть видов единорогов, самым значимым из которых считался цилинь, являвшийся добрым знамением. Ли Ши в своем тексте «Книге ритуалов» указывает, что вид этого существа «знаменует появление совершенных правителей и завершение Дао царей». Случайна ли связь между существом с измененным генотипом (не быком, не лошадью) и его потенциальным создателем (толковым государем-администратором)?

Первые испанские конкистадоры, попавшие в Южную Америку в XVI веке, сталкивались с множеством

прежде невиданных живых существ. Так, в записях летописца Леона Пинелло указывается, что «единороги, несомненно, обитают в Вера-Пас, ибо жители сей перуанской провинции неоднократно видели животных наподобие лошади с длинным рогом на лбу». При этом самих лошадей индейцы увидели только у испанцев. Испанцы даже организовали охоту на единорога, но неудачную.

В своей рукописи «Путешествие в Абиссинию святого отца Иеронима Лобо» Лобо (рожден в Лиссабоне в 1593 году, в юности вступил в орден иезуитов, в 1621 году отправлен в Гоа, через 3 года переведен в Абиссинию, где провел 9 лет) отмечал, что «в провинции Агау я видел единорога — зверь, о котором так много говорят и о котором так мало известно. Удивительное проворство, с которым это существо перебегает от заросли к заросли, не позволило как следует его рассмотреть, но всё же кое-что я увидел и могу поделиться впечатлением. Общими очертаниями единорог напоминает прекрасную лошадь, статную и хорошо сложённую, гнедую, с чёрным хвостом, который у одного вида бывает длинным, у другого — очень коротким. У некоторых особей густая грива свисает до земли. Они такие робкие, что пасутся неизменно в окружении других зверей, которые защищают их... они часто жмутся к слонам».

Кроме того, единороги упоминаются в средневековых рукописях как Европы, так и арабского мира. Возникает закономерный вопрос: если они, согласно научным представлениям о земной эволюции, не могли не быть созданы искусственно, то кто же являлся их творцом? Почему создатели единорогов выбрали именно такую форму и нет в этой форме общего с формой самих создателей?

Отзвуки космической мифологии

В мифах и преданиях народов многих планет описаны различные таинственные существа, имеющие человекообразный облик, но и одну из несвойственных

людям внешних запоминающихся примет. Эти прибывшие издалека пришельцы имели высокий статус «могущества» и обладали способностями, недоступными местным аборигенам. По межгалактической классификации, они относятся к категории «Предтеч» (зафиксированы артефакты, использование которых пока невозможно, доступ ограничен). Среди этих могущественных легендарных иноземцев можно выделить так называемых «рогатых богов», упоминаемых не только на Земле, но и Бетельгейзе, Андромеды, Арктура, альфы Лиры, Денеба, звезды Бернарда. Изученные специальной комиссией Космического Содружества по материалам доконтактной истории свидетельства аборигенов в абсолютном большинстве демонстрируют аутентичность обликов и поведения рогатых богов на территориях планет, находящихся на расстоянии друг от друга более чем 100 световых лет. Это позволяет не только зафиксировать сам факт существования этой галактической культуры, но выделить ее наиболее важные характеристики.

Рассмотрим подробно влияние и роль этой культуры в истории цивилизации Земли. В древности люди в звериных шкурах вверяли свои жизни богам битв, охоты и плодородия. Которые были рогаты, как таинственный серп далекой Луны. Луны, повелевающей невидимыми ритмами Природы, растекающейся очищающим серебром по глади целебных озер и источников.

Древнейшие символы — ассирийские крылатые быки с человеческими головами и Апис — египетский бог плодородия в облике быка; символы богов Двуречья: рогатая тиара — Энлиль, крылатый лев — Нергал, грифон — Нинурта... Священная корова скандинавов — Аудумла, от которой произошел предок богов Бури, тоже была рогата, как и рогат африканский насмешливый бог удачи Шимбо, чей танец будит кровь охотников на свирепых львов. Жители восточного побережья Африки почитают бога с тонкими рогами антилопы, а их соседи изображают его с мощны-

ми буйволиными. Они верят, что именно их божество распахивает рогами землю, чтобы посадить зерно, траву и деревья, кормящие всю саванну и дающие спасительную тень.

Одним из священных животных друидов был белый рогатый волк. Бог Амон («тайный бог») в образе круторогого барана охранял фараона Тахарка. В древних скандинавских сказаниях упоминаются некие рогатые белые коты (ирбисы), которые были запряжены в колесницу богини любви Фрейи.

Прекрасные оленьи рога символизировали благородство и силу кельтского бога-хранителя (защитника) Керунноса. Соединенные рога ассоциировались с вратами в нечто неизведанное. Тайные гроты и святилища были защищены перекрестием огромных рогов. До середины XX века многие поклонники Рогатого бога собирались в дни равноденствий в Стоунхендже. Менее известен Гёбекли-Тепе («Пупочный холм») — одно из древнейших (IX тысячелетие до н.э.) и крупнейших мегалитических сооружений в мире. В 2010 году неизвестными во время раскопок была украдена именно та стела — с рельефами человеческой головы в верхней части и животного в нижней. Археологический комплекс, состоящий из трех основных слоев, относящихся к эпохе неолита, был полностью раскопан лишь в середине XXII века. На колоннах с резьбой изображены рогатые боги и грациозные рогатые животные. Рога символизировали плодородие и являлись символами Солнца и Луны. Рога — необходимый атрибут Богинь-Матерей.

Некоторые боги-воины часто носили шлемы с рогами могучих туров, как повелитель грома, нордический бог Тор. А девы валькирии! Их сверкающие шлемы с рогами были самым лучшим знамением из того, что могли себе вообразить отважные викинги. И люди, подражая богам побед, водружали рога на свои боевые доспехи. Рога на шлемах означали, что их носители обладают силой и достоинством божества.

Древние люди, живущие на лоне нетронутой природы, могли наблюдать брачные поединки самцов-оленей. Эти грациозные дикие животные, носящие на голове смертельное оружие, даже в пылу битвы не убивают слабого соперника, вовремя остановившегося или убежавшего с поля боя. Иногда охотники также надевали рога, чтобы подобраться к стаду, а после они танцевали с этими рогами благодаря добрую душу зверя за сытное мясо и теплую шкуру. Боги доисторических охотников не стеснялись ни когтей, ни рогов... Незлобливый рогатый и козлоногий греческий Пан (имевший множество имен, ему молились о плодородии скота и удачной охоте) любил помузицировать в свое удовольствие (знаменитая флейта Пана), а игривые фавны и сатиры — полубоги лугов и лесов никому не причиняли вреда, хотя и имели острые раздвоенные копыта.

До начала XXII века на улицах Мадрида ежегодно проходил старинный древний ритуал поклонения быку. Люди соперничают с древней силой богов и бегут по улицам перед самым носом сильных и породистых быков. Можно вспомнить и о критских играх с быком, олицетворяющих силу Посейдона. Целью этих игр было усмирить безудержную силу моря.

Призрачный рогатый бог японских островов Шишигами любил уединенность туманных озер. Шишигами менял форму, днем он был могучим длинношерстным туром с почти человеческим лицом и удивительно добрыми и печальными глазами. Его рога состояли из целого леса ветвистых отростков, напоминающих величественную корону. Эта же корона венчала его голову, когда он превращался в большого Дракона с шипастой спиной и хвостом.

Люди не имели права поселяться и охотиться в лесах, принадлежащих ему, но звери и птицы могли рассчитывать на защиту и спасение в пределах его заповедных владений. Ночь была временем его превращений. Все, к чему он прикасался, когда был в рогатой ипостаси, возрождалось само и исцеляло других.

А если это было невозможно, милосердная смерть раскрывала свои объятья тишины и покоя. Но если люди убивали призрачного Шишигами ради волшебства и власти божественных рогов, он становился Проклятым богом. И тогда умирало все вокруг, и его тело разрушало мир, стремясь воссоединиться с утраченной головой.

Древнедравидский бог Айанар, остатки культа которого были обнаружены в районах легендарных руин Мохенджо-Даро и Хараппы, характеризовался как первобытный бог с трезубцем на голове — очень похожим на двурогую луну. Он возник задолго до времени рождения современного бога созидания и разрушения, ассимилированного ведической эпохой аскета и воина, покровителя искусств (особенно танца) Шивы, который располагает сразу несколькими грозными и благими ипостасями и носит оба символа. И рогатую луну — на челе, и оружие — трезубец в руке. Айанар, а позже и Шива всем божественным атрибутам предпочитал простоту и удобство звериных шкур. В разное время он почитался как Бык плодородия, лорд — господин или бог — буйвол. Терракотовые лошадки в южноиндийских храмах — неизменные символы той доарийской эпохи...

Схожий с индийским Айанаром, скандинавский бог Эйнар — приносящий удачу — в ранних описаниях северного народа тоже был вооружен неким подобием трезубца (морской вариант) и рогами.

Благородное и гордое животное, легенда Прошлого — олень, символизирующий солнце, обновление, Древо жизни (благодаря сходству оленьих рогов с ветвями), атрибут одного из пяти человеческих чувств — слуха и благоразумия. Рогатый олень — наиболее частый посланник богов. В Древнем Китае он означал счастье и удачу, а белый олень-самец был символом Шоу-Синя, самого бога бессмертия.

Рогатые боги были востребованы в соответствии со Временем и Людьми, нуждающимися в них. И наверно, будет излишним напоминать о том, что те люди

были ничуть не хуже нынешних. Можно ли представить себе некое уродливое, скрюченное и гадкое существо с рогами благородного оленя на голове? Наверно, это будет нелегко. Потому что такая голова должна быть высоко и гордо поднята и иметь ясный и спокойный взгляд, а не бегающие злые глазки... Чтобы носить такую тяжелую корону, понадобится сильное и стройное тело, которому не чужды понятия силы, красоты и грации. Древние боги имеют право остаться прекрасными хотя бы на страницах наших воспоминаний, ведь они были когда-то идеалом, к которому стремились простые смертные.

Последователи и карго-культы

При внимательном анализе исторических источников на Земле становится очевидным, что по мере развития технического прогресса, связанного именно с механическим, а не биологическим путем развития эволюции. Начиная с XV века н.э. отдельные европейские державы начинают подготовку к освоению дальних территорий — будущих колоний и превращению их в рынки сырья. В течение последующих пяти столетий европейцами были возведены не только многочисленные промышленные мануфактуры и интеллектуальное деление мира на «свой», т.е. принципиально познаваемый и технически воспроизводимый, и так называемый «суеверный» (он же — чудесный), находящийся на более низкой ступени развития и поэтому подлежащий ассимиляции, в том числе и в области мифологии. При этом народам, «обладающим суевериями» (при отсталости технического прогресса), был присвоен статус «аборигенов», а статус «высшей цивилизации» перешел от исчезнувших (ненайденных, скрывшихся) иномирцев к представителям более технически развитой земной культуры. Кроме того, по мере развития технического прогресса возник феномен так называемого Древнего Зла, согласно которому человечество ожидает Светлое Будущее, но по дороге к нему неизбежно встретится то самое Древнее Зло,

которое имеет как минимум две формы существования (одну — не антропоморфную) и имеет своей целью вернуть людей во Мрак Старинного Ужаса, где обитают всевозможные хтонические чудовища. Этим Древним Злом предостерегали людей от поисков истоков того самого Золотого века, располагавшегося в утерянном Прошлом. Там, где должно обитать только утратившее актуальность Зло.

Но в XX веке возник парадокс «документальности преданий» — когда факты, упомянутые в древних легендах, оказались технически реализуемы и поэтому используемы не только аборигенами, но и представителями «высшей цивилизации», решившими воссоздать отдельные эпизоды и экземпляры из тех самых аборигенских преданий.

Наглядным примером служат эксперименты по созданию того же самого единорога, получившего уже в начале XX века (после изучения большинства территорий планеты) статус «мифического зверя».

Одна из первых документально зафиксированных попыток получить форму единорога была предпринята в марте 1933 года в лаборатории университета американского штата Мэн биологом доктором Франклином У. Давом. Дав в ходе операции над однодневным айрширским теленком трансплантировал в фронтальную часть зародыши рогов теленка друг над другом. Как ученый и планировал, в процессе роста рога объединились в один (в древности слияние двух рогов в один означало единство противоположностей). Но так был получен не единорог, а скорее однорогий бык («таврин», бык-единорог), не похожий на средневековые описания единорогов, подчеркивающих их изящество и грацию. При этом новополученный единорог не обладал никакими дополнительными свойствами, зафиксированными в многочисленных древних источниках. Таким образом, можно делать вывод, что в данном случае речь идет не о варианте трансплантации и реальной реконструкции мифов, а лишь о создании их внешнего (да и то не полное соот-

ветствие), свойственного дикарям при развитии каргокультов, копирующих лишь аксессуары более развитой и неизученной цивилизации.

Следующая попытка создания живого единорога была предпринята в 1980 году Экософической исследовательской ассоциацией. Отер Целл, использовавший материалы экспериментов Франклина У. Дава, кроме того, реконструировал некий процесс (характеристики которого отсутствуют), называемый «древней процедурой создания единорогов». В качестве подопытных экземпляров были использованы маленькие козлята, у которых под местным наркозом при помощи хирургического вмешательства были передвинуты зародыши рогов для образования одного массивного рога.

В дальнейшем Ассоциацией подобным образом были «созданы» несколько единорогов, двое из которых получили имена Ланцелот и Бедивере. Спустя четыре года после первого опыта Ассоциация заключила официальный контракт на поставку четырех единорогов, в том числе и для «Братьев Ринглинг-Барнум» и цирка «Бейли». Таким образом, можно говорить только о декоративных единорогах, а не о полноценном воссоздании этого вида живых существ.

Легендарное потомство

Специалисты по древней истории Земли подчеркивают, что в мифах всех народов есть рассказы о детях, вскормленных животными и ставших вождями, героями человечества. Персидский царь Кир, который был вскормлен собакой. История основателей Рима — Ромула и Рема, воспитанных волчицей. В Германии существует сказание о герое Дитерихе, чьей кормилицей тоже была волчица... Славянское полузабытое предание о близнецах-богатырях Валигоре и Вырвидубе, вскормленных волчицей и медведицей. В Индии рассказывают о Сатавагане и львице, ставшей его матерью, упоминаются и герои, которых воспитали тигрицы... Существует сказка (или это быль?) о турецком мальчике, спасенном вол-

чицей и ставшем впоследствии прославленным вождем. Даже в далекой Бразилии есть легенда о божественном герое Тири, чьей матерью стала самка могучего ягуара. Сказания Тибета, Румынии, Китая... Всех не перечесть... Кентавр — получеловек, полуконь, называемый греками Хирон, был мудрым и очень терпеливым наставником Геракла, хотя его тоже не понимали до конца, и это несло подозрения и раздоры.

Эпона — кельтская Мать всех лошадей или неизвестный Собачий бог без имени не ждут от людей ничего. Им не строят храмов, не несут даров, но они придут и отдадут свои жизни, разделив их поровну между своими детьми и людьми. И они одинаково дают свое благословение любому детенышу, будь то зверь или человек. Смертные дети богов-зверей, вскормленные молоком вола, защищенные лошадью, спасенные орлом... Многие из них стали богоподобны, став взрослыми и пользуясь лишь своей силой и умом. Их путь стал летописью героических деяний, принесших пользу людям.

Право на венец эволюции

По мере развития на Земле искусственного образа жизни (искусственно приготовленной пищи, жилища и освещения) ученые, занимающиеся изучением экологии, периодически задают вопрос — теряет ли человечество больше, чем находит? Философ и специалист по физике атмосферы Джим Лавлок, в 1960-х годах работая консультантом в лабораториях «Джет Пропалшн» Калифорнийского Технологического института по программе «Викинг», связанной с поисками жизни, заявил: «Размышления относительно глубокого отличия атмосферы Земли от атмосферы на других планетах привели меня к следующему моему принципиальному научному проекту на последующие двадцать лет, к гипотезе о том, что Земля является саморегулирующейся системой, способной удерживать комфортный климат и химический состав для организмов, населяющих её». Лавлок ввел уже

с научной точки зрения древнее слово-термин «Гея», означающий взгляд на землю как на единый большой организм. Жизнь на планете сама обеспечивает свое выживание. Мы меняем реальность, не представляя себе последствий... «Какова же роль человека в ансамбле Терры?» Взгляды Лавлока публично осуждались руководителями и активистами движения «За улучшение человечества», уверенными в необходимости скорейшей модернизации родной планеты.

Лауреат Нобелевской премии (1973 год, физиология и медицина), один из основоположников этологии (науки о поведении животных) Конрад Лоренц в своей знаменитой работе «Мораль и оружие в мире животных» показал, что животные так же, как и люди, имеют выработанные в ходе длительной эволюции врожденные запреты на совершение действий в отношении других особей. «Запреты образуют естественную мораль животного». Животные, как и люди, способны ритуализировать поведение (простейший пример: привычный маршрут, распорядок дня). Но современный городской человек порой руководствуется инстинктивной логикой и, как следствие, имеет больше соблюдаемых им примет и бессмысленных табу, чем простая бродячая собака. В своей монографии «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» Лоренц формулирует 8 основных тенденций, отличающих индустриальное общество от традиционного и делающих его неустойчивым и противоестественным для жизни людей. К ним относятся: перенаселение, опустошение жизненного пространства, высокий темп жизни, навязанный всеобщей конкуренцией; возрастание нетерпимости к дискомфорту, разрыв с традицией, индоктринируемость и угроза ядерного оружия, генетическое вырождение. Доводы Лоренца не были ни публично, ни в научных журналах опровергнуты, но с 2035 года его труды исчезли из большинства библиотек и открытого электронного доступа.

От еды к людям

Первые генетические эксперименты, проводимые на планете Земля, официально по-прежнему считаются частной инициативой местных аборигенов, хотя имеются свидетельства того, что ряд пищевых продуктов (содержащих трансгенную сою, содержащую ген фермента из агробактерий), начавших широко использоваться спустя 150—200 универсальных лет за пределами Солнечной системы, первоначально были опробованы на землянах. Среди крылатых фраз населения этой планеты — «Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты». Поэтому после успешного внедрения трансгенных продуктов (часть данных засекречена) начались эксперименты с животными и параллельно — с людьми (проект «Хомотрансгенизация»). Их целью стало получение «генетически сконструированных детей», в которых были заложены гены не только обоих родителей, но и третьего (а в поздних экспериментах — четвертого и пятого) родителя. Кроме того, некоторыми учеными использовались и гены, взятые у животных и насекомых, поскольку считалось, что это может повысить иммунитет младенца и помочь позже приобрести ранее не свойственные (т.е. не наследуемые генетически от своих родителей) свойства. С военной точки зрения необходимо внедрение в геном человека чужих генов, невосприимчивых к радиации.

Через два десятилетия на планете был введен обязательный генетический паспорт (не имеющие его получили статус «генетического мусора») и прохождение обязательного генетического теста при устройстве на новую работу, участии в ответственных мероприятиях и подачи заявки в привилегированное бюро брачных знакомств. Данные генетического паспорта получили особый штрих-маркер «Медицинская и государственная тайна», поэтому информация о генных экспериментах с 2040 года была извлечена из СМИ, а ранее обнародованные свойства генов и данные о мутациях были признаны устаревшими и ненаучными. К концу XXI века на

планете были сформированы наборы генетических стереотипов, соответствующие движению местной эволюции.

После вступления в Космическое Содружество земные генные эксперименты должны были согласовываться с администрацией Содружества, но второй (по счету) ген-инспектор Содружества погиб на Земле при так и не выясненных обстоятельствах. Позже, согласно данным Галактического Совета Здравоохранения, количество земных мутаций превысило в течение столетия 10-процентный предел. Эта информация была в официальном порядке оспорена земной Администрацией, добившейся публикации опровержения.

Земная специфика

Планета, расположенная почти на краю обитаемой Вселенной, может быть использована не только как промежуточная база для контрабанды, но и запасник для полулегальных экспериментов, в том числе — проводимых по негласному заказу Администрации галактики. Именно этими полузаконными деяниями можно объяснить наличие возникновения в данном секторе таких генетических чудовищ, как «Чужой», отсутствующие в других галактических зонах.

В случае выхода данных экспериментов из-под контроля можно рассчитывать на то, что вырвавшиеся генетические хищники-воины будут двигаться в направлении еще не заселенной части Вселенной.

Кроме того, следы, оставленные прежними иноземцами, могут быть использованы для маскировки полулегальных генных (в том числе с использованием внеземных компонентов) экспериментов как на самой планете, так и извне — настроенными враждебно к Космическому Содружеству цивилизациями, которые могут иметь на Земле или ее орбите своих агентов (сотрудников дальней космической разведки).

Помимо производства «ручных монстров», используемых за пределами земной орбиты, генетически по-

лученные экземпляры должны были, помимо неуязвимости, не иметь «привязки» к антропоморфной (человекообразной) форме, позволяющей использование в закрытых операциях против потенциальных противников Космического Содружества. Также подобные гибридные формы (например, псевдокентавр) обладают психологическим воздействием на противника, вводя своим видом в замешательство. Тем более что любой генетически модифицированный солдат стоит дешевле боевой техники.

В отличие от запечатленных в древних источниках форм, современные лишены грациозности (но зато более прочны) и привлекательности (поскольку рассчитаны на недружеский функционал).

Издержки процесса

Процесс генетического воспроизводства боевых существ, как и любое стандартное изготовление, не может не иметь брака (который в данном случае не должен превышать 0,5 % — т.е. 1 бракованный экземпляр на 200 полностью работоспособных). Некоторые из боевых существ, понимая свои задачи, пытаются уклониться от них. Среди них встречаются и такие, рассчитывающие найти (создать) себе пару и отвоевать у человечества часть (большую — поскольку они воспринимают себя как более совершенное существо) Вселенной и в дальнейшем продолжить генетическое развитие до совершенства.

Этим объясняются примерно раз в стандартный год случающиеся нападения генномодифицированных (гибридных) существ на базирующиеся на земном интерфейсе территории и склады с генетическими материалами. Данные расследования всегда курируются Администрацией Земли, а сотрудники организаций, пострадавших при подобных нападениях, переводятся на другие объекты, но не возвращаются на Землю для прохождения соответствующей медицинской реабилитации.

Профессор К. Ю. Чил из Центрального Денебского университета, посетивший в начале XXIV века Землю по приглашению Университета Солт-Лейк-Сити и побывавший в двух официальных генетических лабораториях, выразил после прибытия на родную планету мнение, что открытый землянами генетический ящик Пандоры неизбежно приведет к катастрофическим последствиям, в том числе — появлению чудовищ, противостоять которым под силу только легендарным деятелям из забытого Прошлого Земли.

На небольшой космический грузовик, перевозивший материалы из земной генетической лаборатории в другую, в окрестностях колец Юпитера, было совершено дерзкое нападение.

— На меня напала огромная, чудовищная полуженщина-полуптица! С острыми когтями и женской грудью! Она легко согнула лапой ствол бластера и смеялась мне в лицо, брызгая ядовитой слюной...

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ

НОВЫЙ ГОД ПРИХОДИТ ДЛЯ ВСЕХ

— Следующий!

— Первородный светоч разума №Δ ۞ ▲° приветствует Распределяющего Иерарха.

— Поближе, пожалуйста. Сколько раз вы уже воплощались?

— Ни разу, Ваша Святость. Но я очень жду своего первого рождения.

— Похвально. Сегодня много вакансий в коронарной сфере Бетельгейзе. Для вас это прекрасная возможность дебютировать в виде лучистой мыслеформы протуберан-

цевого типа. Поздравляю. Если есть вопросы, задавайте сейчас.

— Вопросов нет, Ваша Святость. Есть нижайшая просьба. Я хотел бы изменить место моего грядущего рождения...

— Без опыта материального бытия претендуете на особые условия?

— Нет-нет! Ни в коем случае...

— Дайте-ка рассмотрю вас поближе. Судя по ауре, сильная мотивация... Альтруизм... Страсть к познанию. Давно не видел столь высокого потенциала! Пожалуй, я вас выслушаю.

— Спасибо, Ваша Святость.

— Так где бы вы хотели воплотиться, невинная душа?

— В Солярном квадранте внутреннего края рукава Ориона.

— Первый раз вижу, чтобы кто-нибудь сам просился на периферию галактики. Это довольно удалённый сектор.

— Осмелюсь заметить: всего 8 килопарсек от центра.

— С вашими данными — в такую глушь? Не понимаю...

— Я мечтаю посвятить себя эндемичной цивилизации жёлтого карлика класса G2V.

— Рассмотрим подробней: координаты... масштаб... Это заповедная зона, закрытая для торговли и транзитных перелётов.

— Да, Ваша Святость.

— Речь идёт о третьей планете с изолированной разумной расой белкового типа?

— Именно. Я узнал о Земле ещё волонтёром, помогая в Архивах. Homo Sapiens уникальны! Вопреки изоляции земные гоминиды буквально пестрят многообразием самобытных культур. На 6 континентах свыше 200 стран! Почти 6000 языков внутри одной цивилизации!

— Неужели? Хотя да... Факты сходятся — вы действительно правы.

— Я мечтаю увидеть этот мир изнутри, насладиться красотой его наук и искусств. Скажу больше: я жажду принести пользу земному прогрессу!

— Похвально... Но так далеко от центра мы не сможем гарантировать вам рождение в желаемой стране и у конкретных родителей.

— Меня это не пугает, Ваша Святость.

— Немного же пользы будет от вашего потенциала, если вы воплотитесь в теле инвалида. А как же выбор пола? Национальности? Уровня благосостояния семьи?

— На «Земле» я согласен родиться хоть желтокожей девочкой в горном ауле!

— Какое самопожертвование... Хотя, в чём-то ваша решимость оправданна: их цивилизация уже вошла в стадию глобализации.

— Благодарю за понимание, Ваша Святость.

— Дайте подумать... Если вы и впрямь настолько самоотверженно стремитесь принести пользу этим землянам, у меня есть к вам встречное предложение.

— Я весь внимание, Ваша Святость.

— Вы окажете бóльшую поддержку Homo Sapiens, если согласитесь на годовой контракт в должности нового Галактического Официального Демографа планеты. Это уполномоченный внешний наблюдатель, ведущий мониторинг развития цивилизации на протяжении одного оборота планеты вокруг звезды.

— Но я мечтал ощутить себя землянином, Ваша Святость. Хотел прочувствовать неповторимый колорит их цивилизации изнутри...

— Обещаю, что этого вы хлебнёте в избытке. Подумайте, вы мечтали прожить на Земле всего одну жизнь? А я предлагаю вам доступ к семи миллиардам судеб! Недаром Официальным Демографам один год дежурства засчитывается за полноценную жизнь.

— Год за жизнь?

— Совершенно верно! К тому же, заступая на вахту, вы не утратите память, как при стандартном рождении среди аборигенов, — будете помнить всё, включая этот

разговор. И то, что когда-то заинтересовало вас в Архивах.

— Но, Ваша Святость, разве сохранение памяти не нарушает законов воплощения в материальных телах? Тем более на заповедной планете?

— Галактические Официальные Демографы — единственное исключение из строгих правил. Но только потому, что на их плечи ложится огромная ответственность и тяжёлый труд. Ежегодная перепись аборигенов — работа, без преувеличения, титаническая.

— Перепись?!

— Заступая на дежурство, Официальный Демограф обязан принять на баланс от предыдущего коллеги всех разумных существ планеты. Главное, из семи с лишним миллиардов никого не пропустить. В этом заключается подвиг Демографа: все разумные души должны быть учтены.

— Мне предстоит фиксировать по девятнадцать с лишним миллионов «землян» в день? Но разве можно охватить тринадцать тысяч триста восемнадцать душ в минуту?!

— Успокойтесь, я сейчас всё объясню...

— Ваша Святость, я не понимаю, как можно прочувствовать цивилизацию, отфильтровывая через себя по двести двадцать два разумных существа ежеСЕКУНДНО?!

— Ваша догадка в корне неверна! Перепись населения нельзя растягивать на целый год, потому что за это время аборигены много раз поменяют своё местоположение, внося путаницу. Всё гораздо строже, чем вы думаете. Есть упрощённая процедура планетарной переписи. Она внедрена на Земле больше двух тысяч лет назад. И весь последний миллениум ежегодные Демографы с успехом откатывали систему глобального учёта населения. Вы тоже управитесь. За одни местные сутки — двадцать четыре часа.

— Но как?!

— Благодаря эффективной орбитальной методике, апробированной много раз. К тому же 95% населения

планеты с детства приучено принимать активное участие в ежегодных переписях Галактических Официальных Демографов.

— Простите, Ваша Святость, но изолированная разумная раса землян не должна знать о наблюдении свыше. Иначе теряется весь смысл заповедной зоны.

— Аборигены вообще не в курсе, что происходит. Но помогают от души.

— Как такое возможно?

— Вижу, мне удалось вас заинтриговать. Станете новым Демографом — увидите всё своими глазами.

— Подумать только! Семь миллиардов неосведомлённых добровольцев? За сутки?! Хотел бы я на это взглянуть...

— Вот и прекрасно! Соглашайтесь. У вас будет настоящее тело, как у коренных Homo Sapiens. Причём с отличной наследственностью: сто лет жизни гарантированы!

— Но ведь контракт всего на год. Зачем мне столетний запас прочности?

— Это напрямую связано со спецификой работы Галактических Демографов. Глобальная перепись смертельно изматывает даже при содействии местного населения. Стартуя младенцами, Демографы завершают суточную перепись умудрёнными девяностодевятилетними стариками.

— Вот оно что... За один день — целая жизнь?

— А вы думали, почему годичное дежурство засчитывают за полноценное воплощение? Зато через двадцать четыре часа орбитального полёта вы уже лично знакомы со всей цивилизацией! В ваш мозг будут записаны персональные данные о каждом её представителе.

— Выходит, за первые сутки я постарею почти на сто лет, а впереди ещё год дежурства? Ваша Святость, какая польза семи миллиардам от дряхлого старца?

— Напоминаю: запас прочности организма — до ста лет. И не торопитесь с выводами. Обещаю, что остаток вахты вам очень понравится! Я вижу это из отчётов предшественников: две с лишним тысячи Галактических

Официальных Демографов были просто в восторге! Ни один не пожаловался.

— Не подумайте, что я сомневаюсь, Ваша Святость, но...

— Просто представьте, что вам известны потаённые мечты и стремления целого мира! И весь год в недрах секретной базы во льдах северного полюса вы не просто созерцаете планетарный ход событий, но вдохновляете достойные души в науках, искусствах, рекордах! Что может быть лучше, чем способствовать прогрессу любимой цивилизации?

— Меня учили, что, действуя исподтишка, и благое дело можно испортить. Сомневаюсь, что сами земляне одобрили бы визит нового Галактического Официального Демографа

— Вы просто не представляете, как вам будут рады! В вашу честь устроят гигантский праздник. Вас будет встречать вся планета! Не верите? Спросите нынешнего Демографа, его вахта подходит к концу...

— Правда?

— Да. Главное — при переписи никого не пропустить. Новый Г.О.Д. приходит для всех. Соглашайтесь!

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕ

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ОСТРОВ МАСТЕРОВ В ОКЕАНЕ СМРАДНОГО МИРА

«Пикник на обочине» — одна из самых известных вещей братьев Стругацких. Помимо колоссального количества публикаций у нас в стране и за рубежом, популярности ей добавил фильм Андрея Тарковского «Сталкер», известная компьютерная игра и около сотни книг, выпущенных в русле геймерской беллетризации. Конечно, «сталкерная серия» — совсем уже не то, что «Пикник на обочине», там другой антураж, да и смыслы в нее вкладываются другие. Но ведь именно первоисточник сделал возможным ее появление!

На мой взгляд, многие смыслы самой повести Стругацких до сих пор не «распакованы» окончательно. Или, может быть, оказались забыты. В момент появления этого текста его глубинное послание дешифровывалось оппозиционной интеллигенцией без особого труда, но с тех пор много воды утекло. К настоящему времени «ключи» к «Пикнику» постепенно сделались частью «мертвого языка» — культурного кода исчезнувшего Pax Sovetika.

Во всяком случае, сейчас имеет смысл заняться «раскопками» авторского мэссиджа, заложенного в «Пикник».

Этому и посвящена моя статья.

Повесть была написана между январем и ноябрем 1971 года, работалось легко, да и журнальная публикация в «Авроре» (1972) прошла без особых потерь и нервотрепки.

Думается, полезным будет вкратце обрисовать сюжет и «декорации», в которых он развивается.

Нечто космического происхождения посетило Землю, оставив после себя несколько «зон» — территорий, где наблюдаются странные, а порой смертельно опасные явления, появляются невиданные создания (вроде оживших мертвецов) и обнаруживаются предметы с необычными свойствами. Со временем над «зонами» устанавливается контроль со стороны правительств, международных организаций, спецслужб, научной общественности... Но после всех их усилий охраняемый периметр вовсе не становится непроницаемым. Через него из «зон» уходят те самые драгоценные предметы с необычными свойствами, которые позднее начнут именоваться «артефактами» в компьютерных играх, построенных на основе «Пикника». Людей, которые на свой страх и риск занимаются этим промыслом, называют «сталкерами».

В фокусе повествования — Зона на территории городка Хармонт.

Центральные персонажи повести — ловкий молодой сталкер Рэдрик Шухарт, а также крупный деятель науки Валентин Пильман.

Первый из них какое-то время работает в Институте, изучающем «зону». Его штатная должность — лаборант у русского ученого Кирилла Панова. Кирилл становится его товарищем, но рано погибает. Позднее жизнь заставляет Шухарта вытащить из «зоны» смертельно опасный «ведьмин студень», награждает дочкой-мутантом, отправляет в тюрьму, а напоследок дает встретиться с некой машиной исполнения желаний — «золотым шаром». Для Шухарта «золотой шар» является последним шансом восстановить нормальную жизнь в своей семье. Этот шанс куплен ценой убийства ни в чем не повинного человека — Арчи, сына сталкера по прозвищу Стервятник. Но получив единственную в своем роде возможность что-то всерьез изменить, Шухарт оказывается не способен толком сформулировать, что именно ему нужно...

Пильман пытается осмыслить феномен Зоны. Но чем больше он думает о ней, тем больше прозревает скверну

человечества, которому достался опасный, но ценный подарок, и которое не смогло его всерьез изучить, зато получило новый повод для духовной деградации.

На первый взгляд «Пикник на обочине» весьма далек от идеологических баталий.

В нем не содержится каких-либо обвинений в адрес советского строя, партии, правительства. Это не «Улитка на склоне» и уж подавно не «Сказка о Тройке», где выпады против властей собраны в хорошо систематизированную коллекцию. «Пикник на обочине» — образец превосходной литературы, лишенный каких-либо элементов открытой политической публицистики.

Но такова лишь внешняя видимость. Братья Стругацкие снабдили повесть той же идейной подоплекой, какая видна в их творчестве со времен «Попытки к бегству», только сделали это значительно аккуратнее, замаскировав подтекст массивными наслоениями символов и знаков, отводящих глаза цензуре.

Можно большими красными буквами написать важное сообщение на стене. И всё. Такова «Сказка о Тройке». Таковы главы об Управлении в «Улитке на склоне». А можно укрыть надпись кисеёй, украсить стену отвлекающими орнаментами, поместить рядом фотографии разных мерзостей из «враждебного лагеря» и сообщить: «Мы тоже против!» Но смысл сообщения от этого не изменится. Таков «Пикник на обочине».

С конца 60-х на протяжении десятилетия Стругацким пришлось работать в крайне стесненном состоянии. Их весьма ограничили в публикациях и организовали нажим через прессу, критику. Открытый конфликт мог стоить звездному тандему очень дорого.

Как пишет автор лучшей творческой биографии Стругацких Войцех Кайтох, «Нападки в прессе 1969 года были уже «пинанием лежачего»... Стругацкие уловили изменение политической ситуации, сориентировались в том, что открытое (в советских условиях) следование реформаторским, оппозиционным и вос-

питательным стремлениям несовместимо в дальнейшем со статусом легальности. А терять этот статус они не хотели... Поэтому им пришлось отказаться от занятий политикой, отречься от демонстративного вольнодумства...»

Разумеется, это не значит, что они отказались от вольнодумства неявного. «Пикник на обочине» полон им до краев. Однако маскировочные действия авторов привели к неожиданному эффекту. Прочтение генеральных смыслов повести вызвало к жизни несколько разных трактовок.

Кто-то воспринял ее как «критику западного общества», удар по «загнивающему капитализму», «мещанству» и т.п. Действие-то происходит в глубоком тылу проклятых буржуинов...

Подобного рода реакция возникла лишь у тех, кто не смог или не пожелал пробиться сквозь внешнюю оболочку повести, сквозь ее «камуфляж».

Илана Гомель наивно увидела в «Пикнике» какую-то «гносеологическую открытость» и «свободу от идеологических схем» (статья «Братья Стругацкие: поэтика цензуры»). Вот уж дудки! Какая там открытость. Илана Гомель считает, что «интеллектуальное ядро» повести составляют безнадежные попытки землян понять значение артефактов из зоны и... «намерения их создателей». Вот уж странное заявление: простой парень Рэд Шухарт ни в одном глазу не исследователь. Он в гробу и в белых тапочках видел намерения тех, кто создал «пустышку», «ведьмин студень», «черные брызги» и т.п. За все эти хабаринки можно получить «зелененькие» — вот и вся суть его отношения к Зоне. Каждый из героев, по мнению Иланы Гомель, натыкается на «непреодолимый барьер познания непознаваемого, нахождения имени тому, что за пределами всех привычных языковых схем». Далее Илана Гомель пускается в филологические игры: «Зона становится означающим без реального референта; но именно благодаря своей семантической «пустоте» она указывает на реальность — в том числе политиче-

скую — как на неустойчивую конструкцию, временный артефакт, шаткую структуру идеологем, выстроенную властью и культурой. Находясь за границами социального договора о природе действительности, Зона делает эти границы осязаемыми и тем самым указывает на возможность их изменения».

Всё это очень тонко и многозначительно, но совершенно ошибочно. Можно, конечно, сплести ажурное кружево из водосточных труб, но для этого есть и более уместные материалы.

В повести четко, прямым текстом, говорится о слишком большой устойчивости политической и культурной системы мира. Именно эта устойчивость порождает пессимистические ноты в оценке действительности главными героями, в т.ч. и теми, кто служит устами авторов. Система должна быть изменена... но как? какими орудиями? какими методами? где у нее уязвимые места? Не против «шаткой структуры» придется идти — против глыбищи! Очень, очень трудная задача...

Однако и те, кто понимал творчество Стругацких намного глубже, не пришли к единому мнению.

Вот, например, Л. Филиппов в статье «Чутье на неисправности» высказался следующим образом: «Опытный ученик школы Стругацких найдет здесь аллегории, каких нет, пожалуй, больше нигде. Прежде всего — на тему «наука — фантастика — религия»». Линия религиозных аллегорий, с точки зрения Филиппова, видна прежде всего в душевной трансформации Шухарта, произошедшей во второй половине «Пикника»: «К концу повести Рэд уже не способен мыслить в таких категориях, как «дыра в светлое будущее». Да и ученые, похоже, не слишком продвинулись в попытках *понять*... Что же остается пессимисту? Выбор невелик: или отчаяние, или вера в чудо...». С того момента, когда Шухарт уверился в возможности чуда, он — «выразитель самых что ни на есть религиозных чаяний человечества». Да и действие повести, по мнению Филиппова, «...выходит на ветхозаветные аналогии. Для чего

приходится ввести в список действующих лиц совершенно новую фигуру. Агнца». Под «агнцем», приготовленным к жертвоприношению, понимается Арчи, которому суждено погибнуть под занавес. В том, что выход в религию для Стругацких означал последнее движение ума перед полным отчаянием, Филиппов, очевидно, прав. И, разумеется, авторы повести не могли видеть в подобном движении ничего позитивного. Но сама линия религиозных аллегорий маргинальна для повести. Не столь уж значительную смысловую нагрузку она несет.

Тот же Кайтох предложил иную интерпретацию. Он указал на текст, дающий ключ к верному пониманию нескольких крупных произведений творческого дуэта, написанных в конце 60-х и 70-х годах.

Это предисловие Стругацких к роману Клиффорда Саймака «Всё живое», вышедшее под названием «Контакт и пересмотр представлений» (1968).

Там почти открыто высказаны идеи Аркадия и Бориса Натановичей, нашедшие самое яркое, самое очевидное отражение в их художественных текстах, не исключая и «Пикник»: «Проблема Контакта является одной из граней, частным случаем, иллюстрацией более общей, по-настоящему кардинальной проблемы: глубокого разрыва, существующего в настоящее время в мире между стремительным прогрессом технологии и отсталым *буржуазным* мировоззрением... Мы совершенно убеждены в том, что пересмотр философских, социальных и моральных представлений надо готовить исподволь, с нарастающей активностью. Не позволять массовой психологии так далеко отставать от гигантских изменений, происходящих в мире. Сосредоточить все усилия общества на воспитании Завтрашнего Человека, Космического Человека, *Человека Коммунистического*. В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне XIX столетия. Эта давняя система воспитания ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготавливать для общества квалифи-

цированного участника производственного процесса. Все остальные потенции человеческого мозга эту систему практически не интересуют. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию гигантски усложнившегося мира, неспособность связывать примитивно-психологически несовместимые понятии и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных и архаичных социальных инстинктов. Однако неиспользованные потенции остаются скрытой реальностью человеческого мозга, и в них залог грядущего прогресса человечества. Привести эти потенции в движение, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей все усложняющегося мира — вот цель и содержание гигантской революции духа... Эта революция, на наш взгляд, наряду с коренными социальными преобразованиями должна стать основной задачей человечества на ближайшую эпоху. Она огромна. Никакой отдельный человек не в силах поставить ее во всей широте и глубине. Она является объектом деятельности целых правительств, крупнейших психологов, педагогов, самых талантливых администраторов. Однако уже сейчас ясно, что важная роль воспитания Человека в человеке принадлежит литературе... Речь идет о долговременном массированном воздействии хорошей литературы на общественную психологию, об исключительной способности литературы концентрировать в себе и выражать в художественных образах и поражающих воображение ситуациях новые тенденции, едва намеченные в сухих статистических таблицах или в высказываниях передовых ученых и политических деятелей, чутко улавливать зачастую еще не осознанные сдвиги в системе представлений передовых слоев общества и делать эти тенденции и сдвиги досто-

янием широкого читателя. Иными словами, речь идет о способности литературы подтягивать устаревшее массовое мировоззрение до уровня новейшего, космического, *коммунистического* мировоззрения, соответствующего уровню технологического и социального прогресса».

Если убрать слова-обманки, рассчитанные на усыпление бдительных сотрудников издательства и цензуры (они выделены в тексте курсивом), то станет ясно: Стругацкие формулируют целую программу воспитания «человека космического» из «человека традиционного» с помощью литературы. Программу, которая предназначается для изменения не только «отсталого буржуазного мировоззрения», но еще и не менее традиционного, а значит, столь же отсталого мировоззрения советского.

У Саймака столкновение людей с «Посещением» наводит на грустные мысли о скверных свойствах земной цивилизации; концовка счастливая, но есть о чем печалиться: люди в большинстве своем реагировали на Посещение либо глупо, либо зло. У Стругацких в сходной ситуации «Пикника» звучит пессимизм куда как более горького вкуса. Их «воспитательная программа», заявленная тремя годами ранее, находит для себя слишком мало простора. Применить ее затруднительно. Отдача от нее пока не особенно велика. Блистательных перспектив не видно. Почему? Мнение Стругацких — виновата слабость самого «человеческого материала». Иначе говоря, состояние человечества слишком запущенно, а возможности эмансипации человеческого разума слишком незначительны. Обычные люди и даже высокие интеллектуалы, столкнувшись с чудесной возможностью продвинуть цивилизацию на несколько уровней выше, вместо этого... портят то, что у них уже есть.

Именно это мнение и прозвучало в «Пикнике».

Повесть представляет собой развернутый обвинительный вердикт. Только адресуется он не СССР, не «капстранам», а всему миру. Удручающая картина мира, нарисованная в декорациях городка Хармонт, распо-

ложенного где-то в Канаде или Австралии, имеет всеобъемлющий характер. Люди очень мало думают о будущем, в людях очень мало благородства, бескорыстия. В их идеалах и мечтах слишком много места занимает материальный комфорт, «бутылки, кучи тряпья, столбики цифр». И даже лучшие из них представления не имеют, как исправить мир к лучшему.

Власти заняты опасными экспериментами с новым оружием. Для них возможность добыть новую смертоносную начинку к бомбе — чуть ли не самое важное в Зоне. Так, безответственное стремление военно-промышленных структур заполучить «чудо-оружие» приводит к большой аварии в неких Карриганских лабораториях.

Люди обычные, населяющие Хармонт и не имеющие отношения ни к властям, ни к исследователям, просто пытаются выжить. Заработать... выпить... выжить... Для простых хармонтцев «мысли о высоком» — нечто лишнее, они в голову-то не приходят...

Наука занимается частностями и служит власти. Редко кто из ученых поднимает голову от лабораторного стола и смотрит в будущее. В жизни главного героя, сталкера Рэдрика Шухарта, был всего один такой пример — советский ученый Кирилл Панов. Именно он дал сталкеру хоть какую-то надежду, хоть какие-то правильные слова, возвышающие его над загаженной реальностью... Но даже для мира науки Панов, скорее, исключение. Много там «прикладников» и мало тех, кого интересует чистое знание.

Итог: мир, нарисованный в «Пикнике на обочине», настолько безнадежен, что авторы выносят ему самый страшный приговор устами главного героя: «Он — (Рэдрик Шухарт. — *Д.В.*) — знал, что все это надо уничтожить, и он желал это уничтожить, но он догадывался, что если все это будет уничтожено, то не останется ничего — только ровная голая земля». Существующее не стоит ни одного доброго слова, человечество добралось в своем развитии до страшного тупика: «Надо было ме-

нять все. Не одну жизнь и не две жизни, не одну судьбу и не две судьбы, каждый винтик этого подлого здешнего смрадного мира надо было менять».

Выжечь. Автогеном. Напалмом! Или, как в повести «Хищные вещи века» (1965), — воспитать детей в правильном духе, а взрослые уже безнадежны. На кой они такие?

Сами авторы повести в разное время и при разных обстоятельствах давали краткие «подсказки» к ее верному прочтению.

Так, Аркадий Натанович ясно выразил ее смысл. «Мы однажды увидели место, на котором ночевали автотуристы, — в одном из интервью сказал Стругацкий-старший. — Это было страшно загаженное место, на лужайке царило запустение. И мы подумали: каково же должно быть лесным жителям?.. Нам понравился этот образ, но мы прошли мимо, поговорили, и лужайка исчезла из памяти. Мы занялись другими делами. А потом, когда возникла идея о человечестве, — такая идея: свинья грязи найдет, — мы вернулись к лужайке. Не будет атомной бомбы — будет что-нибудь другое. Человечество — на нынешнем его массово-психологическом уровне — обязательно найдет, чем себя уязвить... И вот, когда сформировалась эта идея, — как раз подвернулась, вспомнилась нам загаженная лужайка».

Борис Натанович косвенно подтвердил версию старшего брата в литературных мемуарах «Комментарии к пройденному». Там рассказывается следующее: «Задумана повесть была в феврале 1970 года, когда мы съехались в ДТ Комарове, чтобы писать «Град обреченный», и между делом, во время вечерних прогулок по пустынным заснеженным улочкам дачного поселка, придумали там несколько новых сюжетов, в том числе сюжеты будущего «Малыша» и будущего «Пикника...». Самая первая запись выглядит так: *«...Обезьяна и консервная банка. Через 30 лет после посещения пришельцев остатки хлама, брошенного ими, — предмет охоты и поисков, исследований и несчастий. Рост суеверий, департамент,*

пытающийся взять власть на основе владения ими, организация, стремящаяся к уничтожению их (знание, взятое с неба, бесполезно и вредно; любая находка может принести лишь дурное применение). Старатели, почитаемые за колдунов. Падение авторитета науки. Брошенные биосистемы (почти разряженная батарейка), ожившие мертвецы самых разных эпох...» Там же и тогда же появляется утвержденное и окончательное название — «Пикник на обочине»... Почти год спустя, в январе 1971-го, опять же в Комарове мы разрабатываем очень подробный, тщательно детализированный план повести».

Отвечая на вопрос читателя, летом 2000 года он высказался прямо: «Я бы сказал, что концовка «Пикника» это признание бессилия сегодняшнего человека изменить что-нибудь существенное в окружающей действительности. Улучшить реальный мир так сложно, что даже существуй на свете Золотой Шар, он не смог бы нам помочь, ибо мы просто не сумели бы сформулировать свою просьбу: ведь мы сами не знаем, каков должен быть ИДЕАЛЬНЫЙ мир — идеальный для всех ныне живущих».

Примерно к тем же выводам приходит и Кайтох. По его словам, «...образ свалки оказался... выгодным фоном и предлогом для передачи читателям определенных пессимистических, актуальных и важных исторических выводов. Это сообщение старательно зашифровано; среди нарочито подбрасываемых (основанных на схемах, известных советскому читателю из пропагандистских изданий) мыслей на тему капиталистического общества и члена этого общества — архаичного социологического троглодита, проскальзывают печальные истины о человеческой сущности». Эти печальные истины в основном преподносятся нобелевским лауреатом и ученым с мировым именем Валентином Пильманом. Именно его (и это, думается, справедливо) Кайтох считает настоящим «авторским голосом» в повести. Из откровений Пильмана можно сделать вывод: «Если понимать «историософический эксперимент» Стругац-

ких как сюжетное тестирование с помощью щепотки фантастики всего человечества (а не только капиталистического общества) на способность к обучению критическому мышлению и анализу действительно новых явлений, то нужно честно признать, что этот экзамен человечество постыдно завалило». Тут с Кайтохом можно только согласиться.

Сюжет повести строится на действиях и переживаниях Рэдрика Шухарта. Но во главе системы персонажей «Пикника на обочине» стоит вовсе не он, а именно Валентин Пильман, очень серьезная фигура. Фигура, из которой еще выйдут герои, характерные для позднего творчества Стругацких, а пуще того — для сольного творчества Бориса Натановича.

В центр композиции «Пикника» поставлен разговор Валентина Пильмана и Ричарда Нунана — фальшивого предпринимателя, офицера спецслужб, антисталкера. Иначе говоря, персоны чрезвычайно осведомленной по части криминального мира, наросшего на Зоне. Нунан и без внешней оценки начал понимать, сколь безнадежны его попытки оградить человечество от темных сюрпризов Зоны. Незадолго до разговора с Пильманом он испытывает припадок отчаяния: «Все было бесполезно. Все было зря. Боже мой, подумал он, ведь ничего же у нас не получится! Не удержать, не остановить! Никаких сил не хватит удержать в горшке эту квашню, подумал он с ужасом. Не потому, что мы плохо работаем. И не потому, что они хитрее и ловчее нас. Просто мир у нас тут такой. И человек в этом нашем мире такой. Не было бы Посещения — было бы что-нибудь другое. Свинья грязи найдет...» В точности по Аркадию Натановичу, только у Стругацкого-старшего сказано не «грязи», а «чем себя уязвить». Притом Нунан — не тупой бритоголовый монстр из очередной группы «по искоренению», не шкура продажная, не солдафон. Это по-своему обаятельный человек, честно делающий свою работу. Но в данном случае его отчаяние — всего-навсего ступень-

ка к случайной (по внешней видимости) беседе с Пильманом. Панические размышления Нунана готовят читателя к тому, что он услышит в самом скором времени от Пильмана.

Обмен репликами между этими двумя персонажами занимает несколько страниц, хотя для развития сюжета он не нужен. Зато он жизненно необходим для авторского высказывания.

Ведь он представляет собой микроэссе, содержащее концентрированную философскую суть повести. Тем, кто уже читал «Пикник на обочине», добравшись до их беседы, следует перевести дух и читать дальнейшее не столько как часть книги, сколько в качестве самостоятельного публицистического произведения.

Итак, Пильман вещает: «...для нашей части планеты Посещение прошло, в общем, бесследно. Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы в конце концов вытащим что-нибудь такое, из-за чего жизнь не только у нас, но и на всей планете станет просто невозможной. Это будет невезенье...» — в сущности, то же самое думал и Нунан насчет «свиньи» с «грязью». И невозможно предотвратить подобную ошибку, поскольку нет реальных инструментов, чтобы произвести неотложно быстрое изменение всей земной цивилизации... «Человечество в целом слишком стационарная система, ее ничем не проймешь...» Иначе говоря, свинья перестройке натуры не поддается. Ее свиную натуру не проймешь. Как минимум, если ставится цель «скорым изгоном» трансформировать эту самую натуру во что-то более правильное.

Нунан еще надеется на то, что человек — существо разумное. И тут Пильман «срезает» его крайне скептическим высказыванием о разуме и его носителях. Это, собственно, пик, самая горькая часть того убийственного диагноза, который ставится в повести человечеству.

Полезно привести большую цитату из их диалога. В ней содержится чрезвычайно холодное, рациональное и наполненное неподдельным отчаянием суждение:

«—...все было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.

— А разве мы не знаем? — удивился Нунан.

— Представьте себе, нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка отграничить хозяина от пса, который якобы все понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные. Они базируются на горестных наблюдениях за упомянутой деятельностью человека. Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.

— Да, это про нас, про меня, про таких, как я, — горестно согласился Нунан.

— К сожалению. Или, скажем, определение-гипотеза. Разум есть сложный инстинкт, не успевший еще сформироваться. Имеется в виду, что инстинктивная деятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдет миллион лет, инстинкт сформируется, и мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотъемлемым свойством разума. И тогда, если во Вселенной что-нибудь изменится, мы благополучно вымрем, — опять же именно потому, что разучились совершать ошибки, то есть пробовать разные, не предусмотренные жесткой программой варианты.

— Как-то это все у вас получается... унизительно.

— Пожалуйста, тогда еще одно определение, очень возвышенное и благородное. Разум есть способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.

Нунан сморщился и замотал головой.

— Нет, — сказал он. — *Это не про нас* (курсив мой. — *Д.В.*)... Ну а как насчет того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

— Я тоже, — сказал Валентин. — Но вся беда в том, что человек, во всяком случае, *массовый человек*, тот, ко-

торого вы имеете в виду, когда говорите «про нас» или «не про нас», — *с легкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему, такой потребности и вовсе нет* (курсив мой. — *Д.В.*). Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, дает ни с чем не сравнимую возможность абсолютно все понять, абсолютно ничего не узнавая... Дайте человеку крайне упрощенную систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощенной модели. Такой подход не требует никаких знаний. Несколько заученных формул плюс так называемая интуиция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл».

Казалось бы, всё сказано, что к этому добавить? Но за смыслами, которые авторы повести предназначили внимательным читателям, глубже, следуют смыслы не высказанные, но подразумеваемые.

У каждого высказывания есть интонация. Порой она сообщает больше, чем произнесенные слова.

Давным-давно, еще в повести «Трудно быть богом» (1964), Стругацкие выработали философию, которую разделяла очень значительная часть интеллигенции тех лет. Стругацкие утверждали полную самостоятельность интеллигенции как чего-то вечного, ответственного за формулирование и отстаивание истинных идеалов для всего общества. «Вечная» интеллигенция обязана чрезвычайно активно действовать, когда надо эти идеалы защищать и особенно когда потребуется преобразовывать по ним реально существующий мир.

В «Трудно быть богом» авторский голос слышится от разных действующих лиц. Фактически перед нами некий коллективный персонаж, который можно назвать (условно) «городом мастеров» — по заглавию известной сказки Тамары Габбе. Там город, состоящий из трудолюбивых умельцев и умников, противостоит жестокому герцогу де Маликорну именно как *единство*. В пове-

сти «Трудно быть богом» такое же единство составляют интеллигенты Земли и Арканара. Главный герой Антон-Румата говорит и действует не только от собственного имени, не только от имени авторов книги, он говорит и действует от имени всего «города мастеров». Иными словами, — от имени советской интеллигенции 60-х, да и вообще всей интеллигенции от начала времен до скончания веков. Отдельно звучат лишь голоса откровенных врагов да второстепенных персонажей.

Как бы ни менялись те или иные эпохи, а идеалы интеллигенции, т.е. людей думающих и, значит, строящих будущее, вечны. Это:

— личная свобода;

— творчество;

— гуманизм;

— устремленность к развитию, накоплению знаний о мире, изменение общества в лучшую сторону.

Все вышеперечисленное всегда гораздо важнее (с точки зрения авторов) самых амбициозных планов любых правительств, поскольку правительственные люди приходят и уходят, а интеллигенция вечна, интернациональна, и именно она движет человеческую цивилизацию в будущее. Традиция представлена в повести «Трудно быть богом» как главный враг развития общества. Дон Рэба — всего-навсего одно из живых проявлений Традиции. Суть ее, по мнению братьев Стругацких, как раз и состоит в том, чтобы удерживать любое общество в одном, удобном для власти, состоянии и уничтожать людей, которые открывают будущее, т.е. всё тех же интеллигентов... Между Традицией и фашизмом поставлен знак равенства. На одном полюсе исторического развития — Традиция, на другом — архитектурная программа «города мастеров».

В «Пикнике на обочине» Стругацкие ничуть не изменяют этой программе. Они ее дорисовывают. Договаривают нюансы. Развивают «отдельные положения» для «особых обстоятельств». И понимающие люди воспринимают «Пикник на обочине» как органичное продол-

жение повести «Трудно быть богом». И еще, пожалуй, «Улитки на склоне» с ее затемненным будущим, с ее интеллигентами, опутанными парадоксальной, сюрреалистической действительностью.

Итак, «город мастеров» на страницах «Пикника» представляют двое — Кирилл Панов и Валентин Пильман. Не стоит их разделять, это части единого целого. Пильман, в сущности, тот же Панов, только повзрослевший, набравшийся опыта и расставшийся с некоторыми иллюзиями прежних лет.

Панов — герой из мира Полдня, персонаж из «Стажеров», Панов — тот же Антон-Румата и т.п.

Пильман — Панов, переживший мир Полдня и покинувший его.

Естественно, Панов рисует перед своим лаборантом и одновременно опытным сталкером Рэдом Шухартом картины прекрасного будущего, которого благодаря знаниям, полученным из Зоны, теперь можно достичь гораздо быстрее. Иными словами... «прогрессировать» старый добрый Хармонт.

Читатель наблюдает за Кириллом глазами Шухарта. И что же он видит?

Вот слова самого Шухарта: «В общем, Кирилл бьется с этими «пустышками» уже почти год. Я у него с самого начала, но до сих пор не понимаю толком, чего он от них добивается, да, честно говоря, и понять особенно не стремлюсь. Пусть он сначала сам поймет, сам разберется, вот тогда я его, может быть, послушаю. А пока мне ясно одно: надо ему во что бы то ни стало какую-нибудь «пустышку» раскурочить, кислотами ее протравить, под прессом расплющить, расплавить в печи. И вот тогда станет ему все понятно, будет ему честь и хвала, и вся мировая наука содрогнется от удовольствия. Но покуда, как я понимаю, до этого еще очень далеко. Ничего он покуда не добился, замучился только вконец, серый какой-то стал, молчаливый, и глаза у него сделались как у больного пса, даже слезятся. Будь на его месте кто еще, напо-

ил бы я его как лошадь, свел бы к хорошей девке, чтобы расшевелила, а наутро бы снова напоил и снова к девке, к другой, и был бы он у меня через неделю как новенький, уши торчком, хвост пистолетом. Только вот Кириллу это лекарство не подходит, не стоит и предлагать, не та порода». Излечивает Кирилла, заметим, лишь сообщение о том, что где-то можно отыскать совершенно новый «артефакт» Зоны — «полную пустышку». Иными словами, это человек, главным жизненным стремлением которого является тяга к знаниям.

Мастер.

Кирилл, по словам Шухарта, рисовал ему перспективы нового мира, «измененного мира». И сталкер одно время даже говорил его словами, т.е. до определенного предела эмансипировался: «Городишко наш дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас... это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш паршивый мир накачаем, что все переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет все, что надо. Вот вам и дыра. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звездам полетим, и куда хочешь доберемся. Вот такая у нас здесь дыра... На этом месте я оборвал, потому что заметил, что Эрнест смотрит на меня с огромным удивлением, и стало мне неловко. Я вообще не люблю чужие слова повторять, даже если эти слова мне, скажем, нравятся. Тем более что у меня это как-то коряво выходит. Когда Кирилл говорит, заслушаться можно, рот забываешь закрывать. А я вроде бы то же самое излагаю, но получается как-то не так. Может быть, потому, что Кирилл никогда Эрнесту под прилавок хабар не складывал. Ну ладно...»

Кирилл мечтает преобразовать мир, отправиться к звездам за новыми знаниями. Зона для него — сумма новых данных и новых инструментов для исследования Вселенной. Притом инструментов очень полезных и очень перспективных.

Но Пильман-то говорит абсолютно то же самое. В идеале он хотел бы видеть именно такое использование «чу-

дес Зоны». Вот его слова: «Для меня Посещение — это прежде всего уникальное событие, чреватое возможностью перепрыгнуть сразу через несколько ступенек в процессе познания. Что-то вроде путешествия в будущее технологии. Н-ну, как если бы в лабораторию к Исааку Ньютону попал современный квантовый генератор...»

Зона — своего рода «чистилище», пропускник из настоящего в будущее, трасса тяжелого, но очень быстрого перехода. Гораздо более быстрого, чем тот, который человеческое общество должно сделать в исторической реальности. Эта счастливая возможность была предоставлена человечеству неизвестно кем и, возможно, неосознанно.

Пильману, может, и хотелось бы воспользоваться ею на всю катушку. Но пока приходится довольствоваться малым.

На первых страницах «Пикника» один журналист, интервьюируя, спрашивает его о таких находках в «Зонах Посещения», которые способны изменить весь ход истории человечества. Пильман не дает интервьюеру удовлетворительного ответа. Но позднее, в разговоре с Нунаном, он сам возвращается к этой теме и горестно констатирует: «Обезьяна нажимает красную кнопку — получает банан, нажимает белую — апельсин, но как раздобыть бананы и апельсины без кнопок, она не знает. И какое отношение имеют кнопки к бананам и апельсинам, она не понимает. Возьмем, скажем, «этаки». Мы научились ими пользоваться. Мы открыли даже условия, при которых они размножаются делением. Но мы до сих пор не сумели сделать ни одного «этака», не понимаем, как они устроены, и, судя по всему, разберемся во всем этом не скоро... Я бы сказал так. Есть объекты, которым мы нашли применение. Мы используем их, хотя почти наверняка не так, как их используют пришельцы. Я совершенно уверен, что в подавляющем большинстве случаев мы забиваем микроскопами гвозди. Но все-таки кое-что мы применяем: «этаки», «бра-

слеты», стимулирующие жизненные процессы... различные типы квазибиологических масс, которые произвели такой переворот в медицине... Мы получили новые транквилизаторы, новые типы минеральных удобрений, переворот в агрономии... В общем, что я вам перечисляю! Вы знаете все это не хуже меня, браслетик, я вижу, сами носите... Назовем эту группу объектов полезными... Сложнее обстоит дело с другой группой объектов, сложнее именно потому, что никакого применения они у нас не находят, а свойства их в рамках наших нынешних представлений решительно необъяснимы. Например, магнитные ловушки разных типов. Мы понимаем, что это магнитная ловушка... но мы не понимаем, где источник такого мощного магнитного поля, в чем причина его сверхустойчивости... ничего не понимаем. Мы можем только строить фантастические гипотезы относительно таких свойств пространства, о которых раньше даже не подозревали... Или К-23. Как вы их называете, эти черные красивые шарики, которые идут на украшения?.. Вот-вот, «черные брызги». Хорошее название. Ну, вы знаете про их свойства. Если пустить луч света в такой шарик, то свет выйдет из него с задержкой, причем эта задержка зависит от веса шарика, от размера, еще от некоторых параметров, и частота выходящего света всегда меньше частоты входящего. Что это такое? Почему? Есть безумная идея, будто эти ваши «черные брызги» — суть гигантские области пространства, обладающего иными свойствами, нежели наше, и принявшего такую свернутую форму под воздействием нашего пространства... Короче говоря, объекты этой группы для нынешней человеческой практики совершенно бесполезны, хотя с чисто научной точки зрения они имеют фундаментальное значение. Это свалившиеся с неба ответы на вопросы, которые мы еще не умеем задать. Упомянутый выше сэр Исаак, может быть, и не разобрался бы в лазере, но он во всяком случае понял бы, что такая вещь возможна, и это очень сильно повлияло бы на его научное мировоззрение. Я не буду вдаваться в под-

робности, но существование таких объектов, как магнитные ловушки, К-23, «белое кольцо», разом зачеркнуло целое поле недавно процветавших теорий и вызвало к жизни совершенно новые идеи... А ведь есть еще третья группа... Я имею в виду объекты, о которых мы ничего не знаем или знаем только понаслышке, которые мы никогда не держали в руках. То, что уволокли у нас из-под носа сталкеры, — продали неизвестно кому, припрятали. То, о чем они молчат. Легенды и полулегенды: «машина желаний», «бродяга Дик», «веселые призраки»... Мы ковыряемся в Зоне два десятка лет, но мы не знаем и тысячной доли того, что она содержит».

Так, а теперь представим на месте Пильмана Кирилла Панова, допустим, который не погиб, а проковырялся в Зоне два десятка лет. Что бы он сказал? Да ровным счетом то же самое. Возможно, слово в слово. И сказал бы это с такой же горечью, как и Пильман. Панову, как и Пильману, требуется понимание через знание, оба хотят одного. И оба не могут получить искомого в должных масштабах, поскольку общество скверно устроено, а люди слишком слабы для решения столь масштабной задачи...

Пильман — почти люден[1] по своему образу мыслей и действий. Если бы из числа люденов оказался вынесен за скобки Эмиль Фар-Але, живущий в Долине Роз на усадьбе «Добрый вечер», а на его месте появился Валентин Пильман, он бы смотрелся там органично. Журналист, интервью, слава ему не интересны совсем. Он ведет себя с журналистом как взрослый человек с ребенком, отвлекающим от серьезных занятий. Он не столько разочарован в современном обществе, нет, он уже на другой стадии. Пильман, скорее, лишен интереса к этому обществу, поскольку человеческий социум не может ему помочь с удовлетворением тяги к знаниям.

---

[1] Сверхчеловек из повести Стругацких «Волны гасят ветер», вышедшей в 1986 году.

И это, конечно, мастер...

Из слов, которые говорил в «Пикнике» Пильман, из его пессимизма, из его горечи и вырастут людены — нечто более приспособленное к разгадыванию тайн Вселенной, чем люди. И ровно отсюда же, из тех же мотивов вырастет непобедимая сила мироздания, безотносительно человеческой этики защищающая в романе Б.Н. Стругацкого «Поиске предназначения» (1995) Виконта[1] от любых угроз. Общество мешает? Значит, должно существовать нечто, обороняющее мастеров от помех со стороны социума. Желательно беспощадное.

«Городу мастеров» противостоит Хармонт. Он же Саракш. Он же Арканар. Он же Саула. Иными словами, очередное лицо всё той же Традиции.

И Традиция представлена очень красочно и очень многообразно.

Это не только Стервятник Барбридж — жестокосердный корыстолюбец. Это не только Эрни, барыга и осведомитель полиции. Это не только Нунан, умный служака с профессионально зауженным кругозором, т.е. человек из той породы, на которой Советский Союз продержался до 1991-го. Это не только тайные воротилы[2], стремящиеся чужими руками добыть из Зоны смертельно опасные

---

[1] Один из центральных персонажей романа. Личность, олицетворяющая прогресс, который взламывает традиционную этику.

[2] Эти самые воротилы, от которых ниточки тянутся куда-то на самый верх современной цивилизации, поданы очень сочно: «На восьмом этаже Рэдрик вышел и двинулся по мягкому ковру вдоль коридора, озаренного уютным светом скрытых ламп. Здесь пахло дорогим табаком, парижскими духами, сверкающей натуральной кожей туго набитых бумажников, дорогими дамочками по пятьсот монет за ночь, массивными золотыми портсигарами — всей этой дешевкой, всей этой гнусной плесенью, которая наросла на Зоне, пила от Зоны, жрала, хапала, жирела от Зоны, и на все ей было наплевать, и в особенности ей было наплевать на то, что будет после, когда она нажрется, нахапает всласть, и все, что было в Зоне, окажется снаружи и осядет в мире».

артефакты[1], и это не только быт, не освещенный ничем, помимо самых незамысловатых удовольствий.

Это еще и умирающая, с точки зрения Стругацких, но глубоко укорененная в традиционной реальности семья.

Злая и распутная «лакомая плоть» — дочь Стервятника Дина.

Гута — любящая и любимая красавица Гута, которую Стругацкие устами самого Рэда сравнили с «кобылкой» молоденькой, гордой, но покорной уже своему хозяину.

Это уродица Мартышка, родившаяся у Шухарта и Гуты.

Это мертвый отец, приходящий к Шухарту из кладбищенской земли. Отец — прошлое, но оно цепко держит Шухарта.

Ради семьи Шухарт идет на вынос «ведьминого студня» из Зоны. Ради семьи он связывается со Стервятником Барбриджем и губит его сына Арчи. Семья это «знакомое тепло и знакомые запахи своего дома». И семья же — словно гири у него на ногах. Самый яркий и самый страшный образ семьи звучит всего в нескольких словах, сказанных относительно соседей Шухарта и Гуты: «Из темных недр квартиры тянуло теплой кислятиной».

Всё, чему может научить Традиция, слышится в словах капитана Квотерблада: «А капитан знай мне о перспективах излагает: ученье, мол, свет, неученье тьма кромешная, господь, мол, честный труд любит и ценит, — в общем, несет он эту разнузданную тягомотину, которой нас священник в тюрьме каждое воскресенье травил. А мне выпить хочется, никакого терпежу нет. Ничего, думаю, Рэд, это ты, браток, тоже выдержишь. Надо, Рэд, терпи! Не сможет он долго в таком же темпе, вот уже и задыхаться начал... Тут, на мое счастье, одна из патрульных машин принялась сигналить. Капитан

[1] У Стругацких этого слова нет, но в «сталкерной реальности» оно утвердилось, слово удачное, яркое, поэтому оно здесь используется.

Квотерблад оглянулся, крякнул с досадой и протягивает мне руку». Тут видна позиция Стругацких, советских агностиков: Господь для них — полная ахинея. И у Шухарта от веры есть только одно: играя против ловкого картежника, он сам под столом крестит карты.

Лучшее, что есть в мире Традиции, — блаженненький пьянчуга Гуталин, который тащит артефакты обратно в Зону. Но ведь он — такая же смехотворная ахинея, ничего хорошего, помимо искренности в убеждениях; истинность его взгляда на мир даже не ставится под вопрос, ибо для Стругацких подобное мировидение — нонсенс: «Ибо грядет день, — возвещает Гуталин. — Ибо взнуздан уже конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаною прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, — вам говорю: слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки! — Тут он вдруг замолчал, словно забыл, как будет дальше. — А выпить мне здесь дадут? — спросил он уже другим голосом. — Или где это я?.. Знаешь, Рыжий, опять меня с работы поперли. Агитатор, говорят. Я им объясняю: опомнитесь, сами, слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете! Смеются. Ну, я дал управляющему по харе и ушел. Посадят теперь. А за что?». Чудак, буян, современный барон Пампа, неугомонный плакальщик о грехах людских, человек не от мира сего.

Возможность появления таких вот «гуталинов» никоим образом не способна оправдать существование мира Традиции.

Этот смрадный мир Традиции, как показывают Стругацкие, тянет людей назад из истинного будущего, которое рисуют «мастера». Он разрушает счастливую возможность человечества перепрыгнуть сразу через несколько ступеней научно-технического прогресса. Он

мешает людям отдать свой разум бесконечному приобретению новых знаний.

Его следует разрушить. Если нет уверенности в том, что он поддастся разрушению, с ним все равно нельзя мириться. Надо хотя бы прилагать активные усилия к его разрушению, а там — как получится.

Что представляет собой с этой точки зрения Шухарт?

Шухарт — нечто, растущее из Традиции, но благодаря Кириллу ей уже не вполне принадлежащее, сдвинувшееся с привычного фундамента, сделавшее маленький шажок в сторону будущего и обессиленно вставшее после этого шага...

Вот его мир: «Затертые до незнакомости воспоминания громоздились в отекшем мозгу, опрокидывали друг друга, заслоняли друг друга, смешивались друг с другом, вплетаясь в белый знойный мир, пляшущий перед полузакрытыми глазами, и все они были горькими, и все они вызывали царапающую жалость или ненависть. Он пытался вмешаться в этот хаос, силился вызвать из прошлого какой-нибудь сладкий мираж, ощущение нежности или бодрости, он выдавливал из глубин памяти свежее смеющееся личико Гуты, еще девчонки, желанной и неприкосновенной, и оно появлялось было, но сразу же затекало ржавчиной, искажалось и превращалось в угрюмую, заросшую грубой бурой шерстью мордочку Мартышки; он силился вспомнить Кирилла, святого человека, его быстрые, уверенные движения, его смех, его голос, обещающий небывалые и прекрасные места и времена, и Кирилл появлялся перед ним, а потом ярко вспыхивала на солнце серебряная паутина, и вот уже нет Кирилла, а уставляются в лицо Рэдрику немигающие ангельские глазки Хрипатого Хью, и большая белая рука его взвешивает на ладони фарфоровый контейнер... Какие-то темные силы, ворочающиеся в его сознании, мгновенно сминали волевой барьер и гасили то немногое хорошее, что еще хранила его память, и уже каза-

лось, что ничего хорошего не было вовсе, а только рыла, рыла, рыла...»

Главный герой книги отсидел полгода за сталкерство. Он работал в Институте внеземных культур — после отсидки. Когда умер Кирилл Панов, Шухарт ушел из института и опять взялся за старое. И, естественно, опять оказался в тюрьме. Он — горький пьяница. Кирилл ему почти друг, но и барыга Эрни — «свой человек», «благодетель», пусть и, чего греха таить, «торгаш вонючий». О своей работе Шухарт говорит: «Сталкер — он сталкер и есть, ему бы только зелененьких побольше, он за зелененькие жизнью торгует». Но, правда, ему неприятно понимать, что кто-то может о нем подумать в таком ключе... Он же о Кирилле: «хороший парень», «умница», но «он же о жизни ни черта не знает». И ведь это Шухарт подвел Панова, из-за его оплошки, по всей видимости, тот и погиб. Шухарт — часть старого мира, и он способствовал гибели живой частицы мира нового. Смерть Кирилла Панова, возможно, не просто сюжетный ход. Это важный символ. Гибель воспитателя, смерть тех интеллектуальных дрожжей, без которых медленно, очень медленно, слишком медленно станет подниматься ароматное будущее из сырого и рыхлого настоящего. Притом гибель, совершившаяся из-за особенностей сознания Шухарта, порожденных миром, где он рос и воспитывался.

Шухарт соответствует представлениям эпохи Просвещения о «благородном дикаре». У такого персонажа душа чиста, не замутнена злом, он добр и отзывчив, но мир его постепенно портит. Племенное или — если речь идет о России, о великих державах Азии — государственное начальство (гораздо более скверные люди, да-да!) коверкают характер бедняги, наполняют его тьмой и злом. Вот попади он в руки «мастеров», они бы воспитали из него нечто гораздо более человеческое. Но «мастерам» ужасно мешают воспитывать шухартов...

В итоге этот обаятельный персонаж доведен миром до состояния, в котором он даже не может сформулировать

собственный идеал, предел собственных желаний. В самом конце повести звучит так называемая «молитва Шухарта», которую многие считают «прозрением», чем-то, дарующим надежду. Но с точки зрения авторов, видимо, напротив, она свидетельствует о деградации: «Я — животное, ты же видишь, я — животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепонимающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю — там есть все, что тебе надо. Должно быть! Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов — СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»

Притом обращается Шухарт к «Золотому шару», своего рода «машине желаний», но звучит все так, будто он обращается к Господу Богу. А это... еще один признак умственной деградации, если смотреть глазами Стругацких, авторов 100-процентно агностических. Кстати, у Тарковского в фильме «Сталкер» выход в веру будет выглядеть иначе. Тарковский сохранил уверенность Стругацких в том, что мир загажен, испоганен до предела, но у него движение веры обладает ценностью, оно дарует надежду и никак не свидетельствует об интеллектуальном упадке.

Подведем итоги. Один «мастер» погиб, второй пребывает в пессимистическом настроении, шанс на прорыв упущен, смрадный мир не отпустил Шухарта.

В чем тут надежда? Где она тут? В том, что Шухарт — убийца, пособник оружейных корпораций, уголовник и пьяница — нравственно небезнадежен? Вряд ли.

Либо тут не оставлено никакой надежды, и тогда «городу мастеров» надо менять тактику (например, направлять усилия на выращивание люденов); либо воспитательная практика в принципе верна, но это бег на

сверхдальнюю дистанцию. Ведь был же какой-то педагогический успех у Кирилла Панова в общении с Шухартом, были же какие-то сдвиги! Просто воздействие должно длиться гораздо дольше, чем предполагалось изначально. Из первой возможности выросла повесть «Волны гасят ветер». Вторая — продолжила повесть «Гадкие лебеди», написанную несколькими годами ранее, а также породила повесть «Отягощенные злом» (1988) и роман «Бессильные мира сего» (2003).

Таким образом, «Пикник на обочине» представляет собой узловую станцию в творчестве Стругацких. Из него вышли две крупных «ветки».

Но для начала приходится зафиксировать: молитва Рэдрика Шухарта — поражение и Панова, и Пильмана. Трудно сказать, временное ли.

В повести «Парень из преисподней» такой же интеллигент и мастер Корней Яшма усиленно работал над таким же этически небезнадежным порождением мира Традиции — «бойцовым котом» Гагом. Яшма кое-что сдвинул в его сознании, но... психологическая трансформация Гага, его «осветление» выглядят гораздо менее достоверно, чем деградация Шухарта.

В сущности, «воспитательный успех» с Гагом — мечта мастеров, а неудача с Шухартом — твердая реальность.

Нельзя забывать о том, что сами авторы повести предавались размышлениям о болезнях человечества не в бесконечно далекой от нашей грешной жизни точке, не в пространстве, абсолютно отгороженном от текущей действительности, а в раннебрежневском СССР, зрелой Империи. Их мысли порождены определенной интеллектуальной средой, определенным временем, определенными жизненными обстоятельствами и жизненным выбором.

Отрывать идеи Стругацких от лона, их породившего, было бы абсолютно нелогичным делом. Нет оснований представлять их творческий тандем как нечто, интеллектуально и духовно преодолевшее свою цивилизаци-

онную закваску, вставшее над веками и народами. Напротив, Стругацкие-мыслители показывают в повести совершеннейший прагматизм, совершеннейшую приземленность и рациональность. Их мысли полностью принадлежали здесь-и-сейчас. Они укоренены в советских 60-х.

С этой точки зрения, конечно, пессимизм по поводу отсутствия в «массовом человеке» тяги к познанию и преобразованию мира, тягостные впечатления от того, как, в глобальном смысле, устроен социум, а также скептицизм в отношении самой возможности его переделать вызваны не какими-нибудь заковыристыми трендами социальной философии или же футурологии, а личными впечатлениями авторов от СССР конца 60-х.

Давным-давно ушла «оттепель». Исчезли сколько-нибудь серьезные шансы бороться за ее идеалы открыто и при этом не рухнуть в социальный андеграунд. Пропала умственная вольность. Сократился круг дозволенного для писателей, вернее, для всей гуманитарной интеллигенции в целом. Притом на картины подавления интеллектуальной фронды наложились собственные тяготы Стругацких...

Прекраснодушное мечтание о «Полдне» XX века стало блекнуть. Чем дальше, тем больше понимали его создатели неосуществимость своего идеала и, в какой-то мере, его беспочвенность. Вопрос ведь заключается не только в том, *как* расти в Полдень, а еще и в том, *из чего* туда расти. Из какого человеческого материала. В «Пикнике» Стругацкие предъявили свое отношение к окружающему материалу.

Оно может быть обозначено двумя словами — плач и укор.

Размышления звездного дуэта о будущем, о его носителях в настоящем (мастерах) и о «косной» традиционной среде, которая наступлению «верного» будущего мешает, — часть одного громадного социально-культурного процесса тех лет. А именно, процесса выработки самоидентификации советской интеллигенцией.

В 1920-х советская Россия осталась без традиционного интеллектуалитета. Произошло замещение столичной национальной умственной элиты, порожденной Империей, элитою провинциальной и интернациональной, получившей мандат от революции. Ей было дано не столь уж много времени, чтобы вырасти во что-то значительное, укрепиться на местах, добиться крупных интеллектуальных свершений. Ведь и ее в самом скором времени заменили — на элиту советскую патриотическую, максимально сращенную с партийно-чиновной номенклатурой, максимально несвободную в своих исканиях, в выборе моделей поведения. Произошло несколько волн сокращения образованного слоя — революция, Гражданская война, репрессии, война с гитлеровцами, вновь репрессии. Каждый раз умственную элиту набирали заново, и каждый раз новая элита, во-первых, лишалась корней, и, во-вторых, оказывалась на более низком уровне по части образованности, культурного багажа. В 1950-х интеллигенции дали чуть более свободы. Она, естественно, начала думать о том, что́ она собой представляет, каковы ее идеалы, какова роль в обществе, до какой степени она может влиять на политику, государственное управление... Иначе говоря, формулировать самоидентификацию весьма многочисленного общественного класса, почувствовавшего определенную самостоятельность. Потом свободы стало меньше, но мыслительные процессы в этом направлении все равно шли.

Стругацкие оказались в числе главных творцов оной самоидентификации, утвердившейся в умах нашей интеллигенции 60-х — 80-х. Аркадий и Борис Натановичи, вероятно, очень хорошо чувствовали то отсутствие корней, о котором говорилось выше. Их Лев Абалкин из повести «Жук в муравейнике» — интеллигент, которого искусственно лишили корней, лишили знаний о том, чем он является на самом деле, откуда пришел, в чем его функция... И в «Пикнике на обочине» советская оппозиционная интеллигенция сама себе разъясняет: «У меня есть задача изменить «массового человека», сделать из

него «человека космического», но я пока не могу. Очень трудный материал! Очень трудные условия работы! Я все равно буду стараться, но не знаю, справлюсь ли в принципе когда-нибудь».

Это очень тяжелое признание.

И очень горделивое в то же время.

Ведь оно предполагало чрезвычайно высокий градус самонадеянности, если не сказать самообольщения: взять на себя ответственность за понимание «правильного пути развития»! Мало того, еще и за формирование истинного идеала у «массовых людей»... Тогда, в 60-х. С обрубленными корнями. С минимумом информации. С выбором, который делался в первую очередь на эмоциональной основе, на основе чувств братства к себе подобным, а не основе сколько-нибудь серьезных знаний о механизмах управления обществом.

Правильно то, что я и мои братья чувствуют правильным...

Да?

АННА ВЕТЛУГИНА

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАУКОГРАД КОРСУНЬ

Мне не доводилось раньше бывать в Крыму, но я много слышал о нем от своих родителей, которые любили отдыхать там в молодости. Отец рассказывал о каких-то таинственных «местах силы» и чудесных домашних винах, полностью теряющих очарование при попытке привезти их в Москву. Мать вспоминала о недостатке воды и низком уровне гостиничного сервиса, но в целом Крым ей тоже нравился своей «душевностью».

Поэтому, когда осенью 2043 года мне поручили сделать репортаж о легендарном научно-исследовательском

мегакомплексе «Корсунь», я почувствовал почти детское любопытство.

Самолет приземлился в Симферополе. Прямо в аэропорту мне пришлось сменить телефон на другую модель — экологически безопасную, с каким-то особым типом связи. Происходит эта процедура совершенно бесплатно, а прежние аппараты ожидают возвращения хозяев в специальной камере хранения.

Крайнее внимание к экологии наблюдалось всюду, оно повлияло даже на выбор моего маршрута. Еще десять лет назад до «Корсуни» летали самолеты, но сейчас Севастопольский аэропорт законсервировали из-за возможного вреда, который могли бы нанести научной деятельности регулярные полеты. За мной прислали шофера, чтобы преодолеть оставшиеся восемьдесят с небольшим километров.

Крым поразил меня почти полным отсутствием личных автомобилей — за всю дорогу мы встретили их не более десяти, зато полно велосипедов разных модификаций, в том числе — многоместных. Между городами курсируют троллейбусы — пассажирские и грузовые. Некоторые выполнены в стиле ретро, по виду — будто сошли с советских фотографий. Шофер сказал, что они как раз — самые новые на линии и оснащены повышенной антишумовой защитой.

Электромобиль, на котором мы ехали, тоже отличался бесшумностью и мягким ходом, дорожное покрытие было идеально гладким, а среди знаков чаще других попадались «подача звукового сигнала запрещена». Я пошутил насчет санатория размером с полуостров, припомнив, что когда-то Крым называли всесоюзной здравницей.

— Да-да, размером с полуостров, — подтвердил шофер, — только не здравница, а лаборатория. Здесь теперь зона цивилизационного покоя, запрещены любые вредные влияния, связанные с промышленной деятельностью. Короче, пытаются смоделировать каменный век, когда люди еще никак не влияли на природу.

Я очень удивился:

— О каком первобытном обществе можно говорить при наличии современной инфраструктуры? Да и сами лаборатории наверняка воздействуют на природу.

— Воздействуют, но минимально. Ограничений здесь по жизни очень много. Не только шум и вибрации, но и химическое воздействие. А представляете, как это трудно обычным людям? Ни порошка стирального нельзя использовать, ни пластика одноразового. У меня жена до сих пор мучается, не может привыкнуть. А у кого дети маленькие — еще труднее. Памперсов не продают, детское молоко особое, дорогое. Даже за нашим питанием следят, чтобы без химии, а то, не дай бог, биоравновесие нарушим. А вас после самолета разве не обыскивали на предмет пищи?

Меня действительно спрашивали: не везу ли я с собой продукты питания. Интересно!

— А для каких же исследований нужно это биоравновесие, вы, случайно, не знаете?

Шофер задумался:

— Точно не скажу, хотя есть у меня некоторые предположения. Но наука здесь и вправду серьезная. Вот у детей онкологию научились лечить стопроцентно. Ради такого можно и без стирального порошка пожить. К тому же платят здесь хорошо.

Мы уже въезжали в Севастополь. Шофер, которого звали Макс, оставил мне номер своего личного телефона (разумеется, принадлежащего к экологически безопасной сети). Он предложил мне интересную экскурсию вечером, после двух интервью, на одно из которых мне уже следовало торопиться.

Главный корпус Корсуни размещен очень живописно — в районе Херсонеса на самом берегу моря — и представляет собой несколько изящных строений в византийском стиле. Они похожи на детенышей, играющих подле матери, — огромного Владимирского собора, построенного еще в XIX веке.

В одном из таких домиков меня ожидал первый интервьюируемый — руководитель отдела по связям с обще-

ственностью, отец Александр. Встреча наша произошла в уютном фойе, я не сразу понял, что передо мной находится мой респондент, поскольку он носил обычную одежду и имел светские манеры. Священника в нем выдавали только борода и длинные волосы. Я сразу же обратился к заготовленному вопросу: «Как получилось, что передовой и успешный научный центр основан Церковью и курируется духовенством?»

Отец Александр:

— В этом нет ничего нового. С древних времен на Руси монастыри имели большое значение как центры наук и распространители знания. Век Просвещения отделил науку от Церкви. Не будем оценивать этот факт. Вспомним лишь, сколько трагедий принесли нашей стране времена безбожия. К сожалению, после возрождения Церкви в России у нас долгое время происходила ситуация, когда большую часть прихожан составляли женщины, причем не нацеленные на интеллектуальность. Процент же воцерковленных людей среди научно-технической элиты был ничтожно мал. К тому же если люди научного труда становились глубоко верующими, то, как правило, они уходили из большой науки, как бы «опрощаясь». Сегодня Россия пришла к осознанию необходимости «живого», не музейного православия, для существования и развития которого необходимо участие самой активной и интеллектуальной части населения. Поэтому и возникла «Корсунь».

Вопрос:

— А почему именно в Крыму?

Отец Александр:

— Разумеется, этот выбор не случаен. Крым называют колыбелью православия на Руси, ведь именно в этих краях благовествовал учение Христово апостол Андрей Первозванный. Здесь много памятных мест, связанных с его деятельностью, даже восстановлен маршрут, которым он прошел две тысячи лет назад — от Керчи до Севастополя.

Вопрос:

— «Корсунь» существует под патронатом Церкви. А как это происходит на практике? Вероятно, большинство сотрудников — глубоко верующие люди? Является ли воцерковленность обязательным условием приема на работу?

Отец Александр (улыбается):

— Конечно, нет. «Корсунь» — не семинария и не церковно-приходской хор. Современное научное учреждение невозможно превратить в монастырь, да никто к этому и не стремится. Большинство наших сотрудников — люди, далекие от Церкви, некоторые принадлежат к другим религиозным традициям. Просто братья нашей общины лично участвуют во всех научных исследованиях и разработках, ведущихся на полуострове. Это участие вовсе не ограничивается молитвой, оно предполагает квалифицированный высокопрофессиональный труд. Все монахи, работающие в лаборатории, имеют специальное образование, а многие — научную степень. Они — духовное ядро научной жизни Крыма, их постоянное присутствие является для остальных неким камертоном, по которому можно настроить собственное бытие.

— То есть они пытаются стать для «Корсуни» той самой «солью земли», о которой говорил Христос?

— Совершенно верно.

Вопрос:

— А какие они, современные монахи? Как вам кажется, у них достаточно сил стать этой самой «солью» сейчас, когда Церковь уже не является такой влиятельной структурой, как, скажем, было в Средневековье?

Отец Александр:

— Вы затронули крайне важную тему. Действительно, когда-то в монастыри уходили, чтобы посвятить себя Богу, то есть служить Ему. В более поздние времена люди искали в келье в самом лучшем случае личное спасение. В худшем — вымещали свои обиды на мир. Отсюда и происходило понижение духовного уровня, ибо иноком нельзя становиться от недостатка, но лишь от

избытка. Как мне кажется, братья нашей общины являют собой новый тип монаха, совмещающий глубокую молитву и активное профессиональное служение.

Вопрос:

— А почему вы придаете такое огромное значение экологической безопасности?

Отец Александр (после паузы):

— «Корсунь» действительно окормляется Церковью, но финансирование научной деятельности складывается из разных источников. В основном это — государственная поддержка, но есть и частные лица. Они имеют свое собственное мировоззрение. Кому-то из инвесторов пришла мысль сделать Крым уголком доцивилизационной первозданности. Якобы тогда могут открыться источники древней энергии Земли, которые наконец дадут человечеству тайное знание. Как вы понимаете, ни Церковь, ни наука не признают подобных идей. Но сама по себе охрана природы — вещь прекрасная. Все, кто сюда приезжает, отмечают через некоторое время улучшившееся здоровье и бодрость духа. К тому же теперь сюда едут за «первозданностью» туристы со всего мира. Путевки очень дорогие, и часть выручки идет на развитие научного комплекса.

Вопрос:

— А какие еще достижения «Корсуни» вы можете назвать, помимо лечения детской онкологии?

Отец Александр:

— На этот вопрос вам точнее ответят руководители научных отделов. Могу лишь сказать, что в нашем комплексе проводятся исследования практически во всех отраслях современной науки. Наверное, у вас запланированы поездки по филиалам? Здесь в Свято-Владимирском монастыре у нас в основном административные здания, а многочисленные лаборатории раскиданы по территории всего Крымского полуострова.

Поблагодарив отца Александра, я направился на встречу со следующим интервьюируемым — начальником отдела по научной работе, доктором физико-мате-

матических наук, профессором Леонидом Пироговым. Он находился в другом корпусе, путь к которому лежал мимо небольшой часовни.

Профессор встретил меня очень радушно и неформально, угостив чашечкой кофе, которую поставил прямо на стол, заваленный старыми книгами. Я тоже спросил его про «окормление».

Вопрос:

— Скажите, Леонид Борисович, как вы оцениваете тесное сотрудничество науки и религии в «Корсуни», такое необычное для нашего времени?

Л.П.:

— Необычное не значит неудачное. Оцениваю очень высоко. Личное участие духовенства в научной работе действует объединяюще, придавая происходящему надличностную ценность. Даже меркантильно настроенные сотрудники, работая бок о бок с людьми иных жизненных приоритетов, постепенно проникаются и начинают воспринимать новое для себя чувство этики служения.

Вопрос:

— А как же свобода научной мысли? Ведь современная наука далеко не всегда согласуется с христианской моралью. Не является ли ваше духовное руководство цензором, сдерживающим исследовательский поиск?

Л.П.:

— Конфликт науки и морали несомненно существует, ведь вся современная научная реальность в большой степени — плод атеистического сознания. Но любое открытие само по себе нейтрально, добро или зло в него вкладывают люди. Монахи, работающие с нами, ничего не запрещают, они лишь постоянно напоминают о нашей ответственности перед тем, как именно мы будем использовать то или иное научное достижение.

Вопрос:

— Почему в Крыму так сильно заботятся об экологической безопасности? Разве она уж так жизненно необходима для работы научно-исследовательского комплекса?

— Смотря какая. Например, запрет на использование обычных телефонов важен. Электромагнитный спектр, который они излучают, находится в диапазоне, опасном для космических приемников, которых много на полуострове. Также обычная мобильная связь может повредить работе сверхчувствительной кардиоаппаратуры и многим другим приборам и исследованиям. Что же касается запрета на шум — то в нем мало смысла, поскольку звуки природных явлений порой дают больше децибел, чем человеческая деятельность. А тепловые шумы, искажающие сигналы из космоса, производятся самим электронным оборудованием, принимающим эти сигналы. Так же бессмыслен и запрет на использование бытовой химии. Это пиар-ход, который, надо заметить, приносит много пользы. Крым и раньше славился своими рекреационными ресурсами, а теперь, после объявления зоной цивилизационного покоя, полуостров стал Меккой экологического туризма. Сюда со всего мира стекаются желающие отдохнуть от цивилизации, но не рисковать при этом своей жизнью и здоровьем, как, например, при поездках в страны Центральной Африки.

Вопрос:

— А как устроена «Корсунь»? Ее филиалы сгруппированы в определенных местах или размещаются по всему полуострову?

Л.П.:

— Крым очень разнообразен. На небольшой территории присутствуют разные климатические зоны: от умеренно-континентального до субтропического. Также разнятся почвы и ландшафт. Это является прекрасной моделью для палеоклиматологических исследований, потому небольшие лаборатории работают повсюду. Используется все — водные массивы, пещеры, реликтовые леса. У нас есть подземные отделения для изучения различных процессов в низкотемпературных и высокотемпературных условиях. А в горах установлены радиотелескопы для связи с космосом.

Вопрос:

— А знаменитые Севастопольские пирамиды? Как к ним относится современная наука?

Л.П.:

— Многочисленные трактаты Виталия Гоха, который якобы нашел эти подземные постройки, не особенно научны, мягко говоря. Они представляют интерес скорее для культурологов.

Вопрос:

— Насколько мне известно, Крымские пирамиды признаются величайшим археологическим открытием XXI века и в других весьма авторитетных источниках.

Л.П.(со вздохом):

— Смотря кого считать авторитетом. Севастопольские пирамиды не являются предметом исследования для нашего научного центра. Но вы можете ознакомиться с легендами о них в экскурсионных бюро Крыма. Вполне возможно, что вам удастся найти материалы, которые украсят статью.

...После интервью меня покормили прекрасным диетическим обедом в столовой для сотрудников. Обратный рейс планировался на следующее утро, и я с чистой совестью позвонил Максу в надежде на обещанную интересную экскурсию. Я решил спросить его также о пирамидах. Не то чтобы они сильно занимали меня, но без них репортаж получался скучноватым.

Макс скинул мой звонок, затем через некоторое время перезвонил сам и попросил спуститься к нему в машину.

— В общем, слушай! — Он без предупреждения перешел на «ты». — Как-то очень понравился ты мне, хочу сделать тебе приятное. У меня есть возможность внедрить тебя в одну экскурсию... ну такая, понимаешь, которая не для всех.

— В смысле «не для всех»? Что-то криминальное?

— Не криминальное, просто очень дорогое. Развлечение для миллиардеров, если точнее. Но через это можно стать самому миллиардером. Ты ведь понял уже, что вся

эта суета вокруг экологии никак не связана с официальной наукой?

— Мне сказали, она связана с туристическим бизнесом.

— Не обманули. Только это — верхушка айсберга. Ты думаешь, ради туристов стали бы устраивать такие сложности? Нет, конечно! Здесь все расчищено, чтобы не мешать энергоконцентратору. Он не работает в местах с грязной аурой.

— Что?

Макс, не отвечая, завел двигатель. Электромобиль абсолютно бесшумно выехал за ворота монастыря.

— Ты же наверняка прочитал много всего про Крым и про «Корсунь». — Макс бросил на меня многозначительный взгляд. — Помнишь, как туда рвались в поисках Шамбалы немцы и наши чекисты? Согласись, они были серьезными ребятами и не стали бы тратить силы зря.

— Шамбалу, вообще-то, искали в Гималаях.

— Верно. Но еще на Алтае и у нас в Севастополе. Эрих фон Манштейн, один из лучших полководцев Гитлера, даже сделал себе ставку в Бахчисарае, а его люди занимались паранормальными исследованиями.

Мы снова выехали к морю.

— Допустим, — согласился я, — но, пожалуйста, не отклоняйся от темы. Что за экскурсию ты предлагаешь?

— Сегодня ночью опытный проводник поведет элитную группу из Нидерландов в недра Сапун-горы, где есть возможность входа в одну из пирамид.

— Интересно. А снимать там можно?

— Вряд ли. Но тебе и не захочется, поверь. Там всех охватывает такая полнота сознания! У людей прорезаются различные таланты. А главное — вернувшись оттуда, ты сможешь подчинять себе окружающих. За этим туда и идут. Я вот приехал в Крым — никому был не нужен. Совершенно случайно попал в пирамиду и овладел психотронной техникой — меня сразу на хорошую работу взяли, квартиру дали у моря, лучше, чем научным сотрудникам, и жена у меня красавица.

Внутренне усмехнувшись, я кивнул:

— Хочу. Давай поедем.

— Рад, что ты понимаешь толк в жизни. Но тогда должен понимать и дальше: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а у нас с тобой все по-честному.

— Конечно. Какова цена вопроса?

— Восемьсот тысяч.

Кажется, я икнул от неожиданности. Макс притормозил на обочине и пристально посмотрел на меня:

— Ты считаешь — это много?! За реальный шанс стать сильным мира сего? Экскурсия туда стоит в десять раз больше, и места расписаны на год вперед. Я просто хочу тебе помочь, но мне ведь придется платить охране, чтобы они закрыли на тебя глаза! Тебе такого никто больше не предложит!

Он говорил долго и так убедительно, что мое нутро рвалось немедленно снять с карточки все имеющиеся деньги и взять кредит в банке. Нечто «психотронное» в его воздействии несомненно присутствовало, а проще говоря, он недурно владел техникой гипноза. Меня спасло первое высшее образование. Оно было психологическим, и диплом я защищал по теме манипуляций.

Мне удалось уверить его в своей неплатежеспособности. При этом я чувствовал себя так, будто обидел хорошего человека. Впрочем, за «обиду» он отомстил, довезя меня только до центра Севастополя, а дальше в монастырскую гостиницу мне пришлось добираться своим ходом — на бесшумном ретротроллейбусе. Наутро в аэропорт меня отвезла на электромобиле монахиня — приветливая, но молчаливая.

Репортаж я сделал, но рассказ Макса об «элитной экскурсии» не давал мне покоя. Покопавшись в теме, я выяснил следующее: помимо легального экологического туризма существует полулегальный эзотерический. Цены на туры нигде не называются, но по немногочисленным отзывам можно понять: они очень высоки.

У меня появилось желание сделать материал об этом бизнесе. Могло бы получиться весьма интересно, если

бы только найти повод проникнуть в эту сферу, не покупая дорогостоящей путевки и не устраиваясь к ним на работу. Со временем я, наверное, придумаю какой-нибудь ход или просто подвернется случай. А пока что только Макс время от времени приходит ко мне во снах и говорит весомо и убедительно: «Ты упустил лучший шанс в своей жизни!» Я пожимаю плечами во сне и просыпаюсь с головной болью. Как правило, этот добрый человек снится мне после жестоких попоек.

ВАДИМ ЧАСОВ

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ КРЫМ!

Академику Российской Академии наук
Строгову А.Б.
кандидата исторических наук
Лазарьева Т. И.

Уважаемый Аркадий Борисович!

15 июля 2045 года я был командирован Вами в Крымский филиал Института исторических исследований, расположенный в Армянске, для ознакомления с результатами работы Лаборатории вероятностного анализа, которую возглавляет профессор Левин П.С.

Петру Сергеевичу Левину и его коллегам удалось впервые в мире решить проблему практического мироустроительства. На перешейке между Крымом и материком была смонтирована экспериментальная установка, позволившая создавать миры, которые существенно отличаются друг от друга. Увы, пока Лаборатория вероятностного анализа стеснена в энергетических мощностях, поэтому «новомирья» удается создавать в большой, но конечной по своим размерам зоне. В качестве такой зоны П.С. Левин выбрал собственно сам полуостров Крым: пе-

ресекая невидимую черту между материком и Крымом, наблюдатель каждый раз может оказаться в иной реальности — по своему выбору. Экспериментальная установка была запущена в ночь с 31 декабря 2015 года на 1 января 2016 года. Следовательно, между разными вариациями Крыма ко дню моего приезда уже имелось почти тридцать лет независимого развития.

К моему стыду, ранее я ни разу не был на полуострове — как-то все время выпадало отдыхать то за границей, то в других регионах России. Поэтому свое ознакомление с работой установки профессора П.С. Левина начал с обычного, базисного варианта Крыма, хорошо знакомого многим нашим соотечественникам и иностранцам, — чтобы потом было с чем сравнивать варианты из других реальностей.

1. Вариант «Крым-стандарт»

После 2015 года развитие полуострова строилось с учетом двух дополняющих друг друга условий. Во-первых, Крым должен был оставаться традиционной курортной и рекреационной зоной, модернизированной с использованием всех современных достижений индустрии отдыха. Во-вторых, нужно было максимально эффективно использовать в социально-экономических целях те природные условия, которыми природа щедро его одарила.

В путешествие я отправился по магнитно-рельсовой дороге. Она начинается в Джанкое и не только связывает этот крупный транспортный узел с административно-территориальной столицей Крыма Симферополем и другими крупными городами, как это делают автомобильные и железные дороги, но и охватывает всю территорию «жемчужины Черного моря» гигантской петлей, последовательно проходя на высоте двадцати пяти метров через Евпаторию, Севастополь, города южного побережья, Керчь и снова возвращаясь к материку.

Поезд в буквальном смысле летит над землей, обзор из окон вагонов прекрасный, и можно вдоволь любоваться и природными красотами Крыма, и творениями человеческих рук. Особенно впечатлил меня многокилометровый мост, который связал над морем Евпаторию и Севастополь. Я сходил с «магнитки» едва ли не на каждой крупной станции, чтобы своими глазами увидеть все красоты — и природные, и рукотворные, — которые полуостров обрел за минувшие тридцать лет после начала эксперимента.

В западной части Крыма, между Джанкоем и Евпаторией, разрослась сеть медицинских и биогенетических центров, в которых не только выполняются сложнейшие операции и лечебные процедуры на высочайшем мировом уровне, но и ведется весьма серьезная научная работа. Здесь трудятся лучшие отечественные генные инженеры, стараниями которых на свет появился центр природной биореконструкции — самый большой в Евразии «парк юрского периода», в котором на искусственно созданных ландшафтах разгуливают динозавры, пасутся стада мамонтов и даже существует поселок самых настоящих неандертальцев. Среди крымских степей сооружено научное чудо — природно-замкнутый объект «Супербиосфера», в котором отрабатываются практические вопросы предстоящего терраформирования Луны, Марса, Венеры и некоторых спутников крупных планет Солнечной системы.

В Евпатории восстановлен и получил дальнейшее развитие центр дальней космической связи. Здесь же имеется посадочная полоса для приема крылатых космических кораблей и стратосферных самолетов, которые прилетают из Америки, Юго-Восточной Азии и Австралии.

По горам и части южного побережья проходит новая автотрасса, которая используется, в частности, и для международных автогонок.

Рукотворные чудеса Крыма впечатляют. В Ялте я ночевал в шикарной подводной гостинице. Рядом с Алуш-

той вырос плавающий в морских водах город Новочерноморск. В Коктебеле работает крупнейшая в мире Лаборатория воздухоплавательной техники имени Сергея Королева, в которой создаются новейшие образцы промышленных дирижаблей, пассажирских экранопланов, спортивных планеров и моторизированных дельтапланов. В Феодосии построен крупный порт, в котором швартуются туристические лайнеры-города. Их габариты ограничиваются только размерами проливов, через которые этим кораблям приходится периодически проходить. Под Керчью на морском шельфе организована добыча газа, который закачивается в над- и подводные танкеры. Симферополь развивается не только как административно-территориальный центр Крыма, но и является крупнейшим региональным торговым центром, а также «черноморским Лас-Вегасом» — игровой зоной.

А к юго-востоку от Джанкоя раскинулась крымская «кремниевая долина». Здесь ведутся работы не только в области использования искусственного интеллекта и новейших квантовых и «струнных» компьютеров, но и проводятся опыты по созданию «глобы» — Интернета, энергетически связанного с магнитным полем Земли (такую мировую информационную Сеть уже не «вырубишь» простым переключением рубильника на электрощите!).

Славен сегодня Крым и работами в экологической энергетике. Здесь впервые освоено массовое производство пеллет — соломенных брикетов, способных при сжигании существенно снизить расход невозобновляемых энергоресурсов. В центральной части полуострова развернуто множество ветрогенераторных станций, в том числе и парящих над землей (на основе дирижаблей и «воздушных змеев»). Особое внимание уделяется солнечной энергетике: солнечным батареям и концентраторам. Для увеличения эффективности их работы используются экспериментальные лучевые солнечные электростанции, размещенные над экватором Земли

на геостационарной орбите. На крымских предприятиях создаются новейшие образцы экзоскелетов, автомобилей, автобусов, летательных аппаратов на солнечной энергии. Ведутся и работы по биоэнергетике: созданы и испытываются «искусственные листья», имитирующие фотосинтез. Внедряются технологии биоаккумулирования — использования энергии животных и даже самого человека для подзарядки бытовой техники.

И все же главная особенность нового Крыма, самый главный крымский «капитал» — это люди. Доброжелательные, участливые, трудолюбивые. Сегодня Крым неспроста называют полуостровом мира и дружбы.

Конечно же, путешествие по «стандартному варианту» Крыма оставило у меня самые приятные воспоминания. Признаюсь честно, Аркадий Борисович, целую неделю я прожил, получая максимум положительных эмоций и приятных впечатлений и совершенно позабыв, что нахожусь в научной командировке.

2. Крым: политические вариации на любой вкус

Тем не менее все подходит к концу. Ровно через неделю я оказался снова в лаборатории профессора Левина. И, разумеется, тут же захотел ознакомиться с альтернативными вариантами развития Крыма — для контраста.

Петр Сергеевич пояснил мне, что таких вариантов имеется едва ли не бесконечное множество. Значительная часть из них является вариациями «Крым-стандарта». Но многие отличаются от базисного варианта весьма сильно. Профессор Левин рекомендовал несколько часто посещаемых миров. И я начал поочередно «нырять» в крымские альтернативы.

Часть из них оказалась основанной на политических вариациях. Например, Крым, ставший полностью татарским. Впрочем, радости тут было мало, поскольку закончилось дело исходом большей части населения в Россию

и в дальние страны. Столицей стал Бахчисарай, Феодосию переименовали в Кафу — и т.д. и т.п.

В «турецком варианте» Крым становился составной частью нашего южного соседа. Мы привыкли полагать, что Турция — это нечто южное и курортное, это теплое море и солнечные пляжи. А это «нечто» имело армию в 410500 человек, 3657 танков, 989 боевых самолетов и 115 военных кораблей. Якобы «светское государство», Турция объединила вокруг себя практически весь исламский мир. И вот однажды, воспользовавшись дестабилизацией в России, оккупировала Крым. Мечети в Симферополе, который стал именоваться Осман-Ататюрком, можете себе представить? А «черный рынок» славянских девушек в бывшей Керчи (теперь Янычарбей)?

Среди альтернатив был и Крым, ставший территорией США. Военно-морская база в Севастополе, девятый американский флот в Черном море, шахты ядерных ракет под Саками и Судаком...

Как некий курьез существовал и вариант объединения в конфедерацию Крыма и государства Барбадос. Вероятность реализации сценария составляла одну миллионную, но и такой мир имелся в спектре вероятностей!

На путешествия по этим «реалиям» я потратил еще неделю, но нигде не задерживался более одного дня. Депрессионные зоны на месте курортов, атмосфера безысходности и неверия ни во что, едва теплящаяся экономика полуострова, сориентированная на летний туризм и сельское хозяйство. Серость и нищета... Эти «политизированные миры» казались мне одинаковыми: менялся только хозяин оторванного от России Крыма.

Я честно сказал об этом Петру Сергеевичу.

— В нашей «копилке» есть и более экзотические варианты, — пожал плечами профессор Левин. — Не желаете взглянуть на один из них?

Конечно же, я немедленно возжелал. И утром следующего дня снова пересек вероятностную зону между Крымом и материком.

3. Крым: «земля геееегерей»

Полуостров сделался островом, отделенным от Евразии морем. За этим проливом Свободы в полусотне километров от побережья материка находится Эльпро — Государство любви и процветания.

Себя жители Эльпро называют гее — это те, кто в нашем мире является геями, лесбиянками, бисексуалами и трансгендерами. В начале нынешнего века ЛГБТ-сообщество добилось практической реализации своих прав во многих странах Европы и Западного полушария. И вот однажды господа и дамы иной ориентации решили обзавестись еще и собственным государством...

Был ядерный шантаж. Розово-голубые купили у кого-то пятьдесят четыре миниатюрных ядерных заряда большой мощности. Настолько миниатюрных и совершенных, что каждый из них помещался в обычном дорожном кейсе. Заряды не могли быть выявлены никаким дистанционным зондированием — ну, разве что на очень близком расстоянии порядка нескольких метров.

Суперсовременное оружие оказалось в руках радикальных борцов за права ЛГБТ-сообщества. И в один «прекрасный день» некто Воля Мирбах просто предъявил (или предъявила?) в глобальной Сети ультиматум всем мировым державам. Он потребовал в течение полугода передать Крым ЛГБТ-сообществу, отделив его от материка искусственным проливом. И предоставить право розово-голубым создать на отделенной территории свое государство. Конечно, поначалу ультиматум никто не принял всерьез — мало ли на земле психов?

Человечество попыталось обезвредить террористов. Несколько сторонников Мирбаха были арестованы. В ответ прогремел ядерный взрыв — в Виллидж-Альберто. Был такой небольшой курортный городок на западном побережье Соединенных Штатов, между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско. Шестьдесят две тысячи погибших и умерших от ран. Террористы сообщили, что

оставшиеся пятьдесят три заряда уже находятся в крупнейших городах мира, в том числе во всех мировых столицах — Пекине и Токио, Лондоне и Париже, Москве и Вашингтоне. Было сказано, что любая попытка противодействия шантажу вызовет новые взрывы...

И Земля согласилась с условиями, которые выдвинули террористы. В рекордные сроки между Крымом и материком был сооружен пролив за счет материковых территорий.

Сегодня там, за проливом Свободы, практически нет собственной промышленности, очень слабенькое сельское хозяйство. Все необходимое для жизни в страну гее привозится из внешнего мира. По соглашению о создании Эльпро ООН ежегодно поставляет за пролив готовой продукции на сотни миллиардов долларов.

Населению бывшего Крыма было предоставлено право самоопределения: либо покинуть зарождающееся государство, либо стать его гражданами. Со всеми вытекающими из такого решения последствиями.

У гее принято считать, что Эльпро — единственное государство на планете, других стран не существует. Все, что находится вне пределов Крыма, именуется Порочным Заморьем — весь остальной мир. Столица страны — Симфе.

В целом государство любви и процветания похоже на обычную президентскую республику. Раз в пять лет всеобщим голосованием гее избирается правитель — Главное Геесредоточие. Со дня создания Эльпро его бессменным лидером является Воля Мирбах. Административно страна разбита на десять округов, которые возглавляют окружные Геесредоточия. Округа делятся на районы, которыми руководят геекураторы.

Эльпро — вертикальная иерархическая структура. В нее встроены все чиновники по ту сторону пролива — так называемые гееегери. Воля Мирбах именуется Верховное Гееегеро. Все нижестоящие — группенгееегери, штандартенгееегери, унтерштурмгееегери и прочая, прочая...

Эльпро полностью отгородилось от мира. Внутренние информационные сети построены только на кабельной основе, в эфире — постоянное глушение любых сигналов. Глобальный шпионаж всех и за всеми: государство шпионит за гражданами, гее — друг за другом.

Приезжий из внешнего мира даже толком не сможет пообщаться с обычными гее: у них за годы существования страны стараниями правительства внедрен новый язык — это причудливая смесь испанского, английского, немецкого и русского. Кроме того, отсутствуют мужской и женский род применительно к человеку и всем живым существам. У гее не осталось фамилий, которые могут иметь «мужское» или «женское» звучание. Никаких Ивановых, Северинов или Белецких в Эльпро нет. В ходу фамилии с окончанием на «-о», «-е», «-э»: Иваново, Северине, Белэ.

Ну, и социальные отношения... Ликвидированы все отличия в одежде между мужчинами и женщинами, косметическими и хирургическими методами корректируются вторичные половые признаки. Практикуется перемена пола: мужчины становятся женщинами, женщины — мужчинами.

От традиционного способа воспроизводства рода человеческого в Эльпро практически отказались. Сначала в ходу были пространственные принтерные технологии. На свет появились искусственные цельнопринтерные люди — Homo sapiens imprimendi — человек разумный печатный. Официальное название — цельгее, жаргонное — цельп. Стало возможным напечатать даже взрослое цельгее. Но по умственному развитию оно получалось идиотом. Его потом приходилось долго доводить до уровня человека хотя бы средних умственных способностей. Этот факт стал очевиден уже после изготовления первых десятков цельпов. Поэтому сейчас печатать предпочитают детишек. Молодые цельгее с первых дней после появления на свет отправляются в питомники-инкубаторы, где их доращивают до половозрелого состояния.

В инкубаторах действует закон об андрогинном воспитании — полное половое равенство.

Цельпы андрогинные существа не только по воспитанию. У них двойные половые органы: мужской пенис и женское влагалище. Мочеиспускание осуществляется «по-мужски». Чтобы расположить на одной вертикальной линии мужской и женский половые органы и анальное отверстие, биоконструкторы перестроили у цельгее всю тазобедренную область. По сравнению с обычным человеком изменились походка и динамика движения нижней части тела. Кроме того, грудь у андрогинных людей женская, небольших размеров. Волосы на нижней части лица — бороды и усы — отсутствуют. Во всем остальном они практически неотличимы от обычных гомо сапиенсов.

Впрочем, цельнопринтерные технологии были нужны только на начальном этапе. Были напечатаны десять миллионов особей. Теперь же цельпы могут размножаться самостоятельно. Почти по-человечески, «по-старому»: в Эльпро позаботились о генетической модификации особей. Была искусственно создана нестабильная «зет»-хромосома, которая может становиться «икс»- или «игрек»-хромосомой для выполнения соответствующей половой функции — отца или матери, в зависимости от решения самой особи. Потом, после осеменения или родов, хромосомы снова возвращаются в «зет»-состояние. Значительная часть цельгее вообще занимается самовоспроизводством: для этого при самозачатии ребенка всего лишь используются специальные насадки-спермопередатчики.

В Эльпро введено раздельное проживание населения. «Старые» гее — обычные люди — живут в центре и на севере страны. А весь южный берег отдан цельгее. Эта зона именуется Гнездо счастливых ласточек. Постепенно, по мере естественного вымирания обычных гомо сапиенсов с нетрадиционной ориентацией, цельпы освоят всю остальную часть Эльпро. Уже сейчас и в центре, и на севере есть несколько поселков, где они живут пос-

тоянно. В основном несут караульную и пограничную службу.

На острове зверствует тайная полиция, серьезные нарушения существующего секс-режима преследуются в уголовном порядке. А наказание одно — смерть. Казнь, как правило, транслируется по местному кабельному телевидению. Приговоренного к смерти живьем бросают в бассейн с аллигаторами. Кстати, именно поэтому у всех гееегерей на форменном голубом мундире нашита розовая эмблема с изображением аллигатора — так называемый «герб аллигаторо»...

4. Крым моей мечты

Из Эльпро я сбежал ровно через три дня — больше в этом мире «секс-фашизма» я не выдержал даже в качестве туриста.

— Знаете, Аркадий Борисович, — сказал я Левину, — этот мир-«клубничка» — совершенно не для меня!

— А хотите оказаться в мире собственной мечты, Тимофей Иванович? — Профессор лукаво прищурился. — Наша установка умеет подбирать для каждого тот вариант развития мира, который этому человеку наиболее подходит, — исходя из его мировоззрения и мечтаний.

— Конечно, хочу! — с жаром откликнулся я.

— Только позвольте вас предупредить, — Левин улыбнулся, — мир собственной мечты настолько притягателен, что не каждому хочется вернуться обратно...

Сотрудники Петра Сергеевича выполнили глубокое ментоскопирование моей психики, и уже сутки спустя через вероятностный портал я въехал на арендованном автомобиле в мир собственных грез.

Поначалу он показался мне очень похожим на вариант «Крым-стандарт». Пожалуй, единственным отличием было замеченное под Джанкоем крупное строительство недалеко от магистральной автотрассы. Я навел справ-

ки у дорожных рабочих. Оказалось, что строится первая в мире самодвижущаяся дорога.

На выезде из Джанкоя у трассы «голосовали» четверо парней спортивного вида в одинаковых темно-синих костюмчиках, пилотках такого же цвета и начищенных до зеркального блеска туфлях — наверное, курсанты какого-то учебного заведения. Я решил обзавестись компанией и затормозил. Ребята сказали, что едут в Партенит. Это в принципе совпадало с моими планами — через Симферополь проехать по южному побережью Крыма.

— Тим Лазарьев, — представился я, как только мы тронулись.

— Валентин Петров, — сказал худощавый парнишка с реденькими бровями, который сел в кресло справа от меня. С заднего сиденья черноволосый и плечистый молодой человек назвался Левой Гургенидзе, парень с чуть вытянутым холеным лицом представился Борисом Паниным, а его сосед слева — Сергеем Кондратьевым.

Я удивленно присвистнул и со смешком спросил:

— А едете вы, случайно, не в Высшую школу космогации?

— Именно, — подтвердил Борис Панин. — Мы с пятого курса штурманского факультета. Завтра начинается учебный семестр.

— И начальник вашего факультета, конечно, товарищ Кан?

— Угу, — закивал Лева Гургенидзе. — Железный Кан. Летал в космос еще на китайских «Шэньчжоу».

«Они что, решили меня разыграть? — прикинул я. — Странные ребята...»

Я на всякий случай решил помалкивать.

А троица на заднем сиденье почти без умолку болтала — о всяких разностях: о национализации какой-то «Юнайтэд Рокэт Конструкшн» некого мистера Гопкинса, о сложных отношениях третьекурсника Вали Копылова с вычислителем ЛИАНТО, об опытах по управлению стадами дельфинов где-то под Евпаторией, о будущем

строительстве в космосе планетолетов «Таймыр» и «Ермак». Молодой человек, который сидел рядом со мной, в общем разговоре не участвовал. Еще в начале нашего пути он извлек из дорожного рюкзачка увесистую книгу — «Труды Академии неклассической механики, том 7» и принялся сосредоточенно штудировать какую-то статью. Я заинтересованно скосил взгляд. Статья называлась «Поведение пи-квантов в ускорителях».

До Партенита мы домчались часа за три. У санатория «Айвазовское» я, по инструкции моих пассажиров, свернул влево. Примерно в полукилометре обнаружился городок, внешне похожий на обычную туристическую базу. Попутчики простились со мной и стайкой скрылись в дверях проходной. На бетонной стене пропускного пункта висела табличка с названием учреждения. Я всмотрелся: городок за металлическим забором именовался Международной высшей школой космогации имени Богдана Спицына.

На выезде из Партенита на южную трассу обнаружился указатель «Аньюдино, 2 км». Удивленно фыркнув, я свернул на пыльную грунтовую дорогу. Впрочем, далеко ехать не пришлось. Уже метров через двести укатанная колея упиралась в шлагбаум, за которым интенсивно велось какое-то строительство. На мой вопрос дежуривший у шлагбаума вахтер ответил, что здесь сооружается экспериментальная детская школа, в которой будут воплощены в жизнь постулаты некой «Теории Воспитания»...

...Я пробыл в Крыму моей мечты ровно неделю. Побывал на специализированной ферме «Волга-Единорог», которую недавно перебазировали сюда откуда-то из-под Ярославля. На ферме отрабатывался автоматический выпас стада — поголовье коров численностью несколько тысяч голов бродило по окрестным пастбищам под управлением киберов и ветавтоматов. А еще тут занимались зоопсихологией, практической генетикой, эмбриомеханической ветеринарией и даже продовольственными рядами экономической статистики...

Я жил в похожих на дворцы гостиницах и кемпингах в Ялте, Феодосии, Керчи, загорал и купался в море. И везде рядом оказывались веселые, доброжелательные люди, увлеченные своим делом, интересные собеседники, хорошие товарищи.

...Аркадий Борисович, прощание с профессором Левиным и его сотрудниками получилось на скорую руку: на выезде из «Крыма моей мечты» меня уже ждала Ваша телеграмма. Вы просили меня немедленно приехать и сообщали, что наш Институт исследования исторических процессов решено переименовать в Институт экспериментальной истории.

Едва поезд отошел от перрона вокзала в Армянске, в информационном выпуске по радио я услышал, что Организация Объединенных наций приняла решение о своем преобразовании в Мировой Совет, а вблизи городка Мирза-Чарле будет строиться международный космодром.

Мы уже почти выехали из Крыма, Лаборатория профессора Левина осталась в Армянске, а воздействие установки вероятностного миростроительства на материк не распространяется. Тем не менее мир моей мечты продолжал существовать. Я не знал, что и думать.

Аркадий Борисович, после долгих размышлений у меня родилась гипотеза, которая объясняет происходящие буквально у меня на глазах метаморфозы с нашим миром.

Помните, Петр Сергеевич Левин предупреждал меня перед последним «нырком» в вероятностный Крым, что мир мечты может не отпустить человека? Так вот: я ведь далеко не первый из людей, которые побывали в мире нашей мечты, описанном в книгах братьев Стругацких. Мечта действительно не отпустила нас. Более того, видимо, после моего посещения этого варианта Крыма был преодолен некий психологическо-энергетический порог. Наша коллективная мечта о «мире, в котором хотелось бы жить», неким образом вышла за границы экспериментального миростроительства и теперь стремительно преображает весь остальной мир.

Аркадий Борисович, этот вывод показался мне настолько важным, что я не смог дождаться завтрашнего дня, чтобы поделиться с Вами своими мыслями. Не стал я доверять эти соображения и мобильной связи. Поэтому решил написать и отправить Вам это электронное письмо. Мне почему-то кажется, что, посылая меня в Крым в командировку, Вы в какой-то степени предвидели тот результат, который получился после моего визита в мир нашей коллективной мечты.

Вполне возможно, что завтра в полдень я приеду уже в совсем другую Москву. Ведь скорость движения мечты в бесконечное число раз превосходит даже скорость распространения света...

Ваш Тимофей И. Лазарьев

P.S. Аркадий Борисович, а Мирза-Чарле — это где?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Василий Головачёв. СОБЛАЗН НЕИЗВЕДАННОГО 7

Юлия Зонис, Игорь Авильченко. ВОЛЬСИНГАМ И ДУША ЛЕСА 21

Дмитрий Лукин. ПОСЛЕДНИЕ АНГЕЛЫ У ЧЕРТОВОЙ ОБИТЕЛИ 101

Дмитрий Лукин. КРУГОВЕРТЬ 185

Сергей Васильев. КОГДА НАСТУПАЕТ ВЕСНА 200

Антон Тудаков. РОЗА МЁБИУСА 228

Жаклин де Гё. ЛЕТАТЬ РОЖДЁННАЯ 266

Михаил Савеличев. МАБУЛЬ 286

Арина Свобода. СОРОК ВОСЕМЬ 313

Марина Ясинская. МАЯТНИК АВАРИЙНОГО ХОДА 342

Валентин Орлов. ПРИНЦИП ТАЛИОНА 367

Яков Будницкий. ПОЧЕМУ ОВЦЫ НЕ ЛЕТАЮТ 383

Николай Немытов. ВЛАСТЕЛИН ЯМЫ 401

Игорь Вереснев. ЗАДАЧА НУЛЕВОГО ПРИОРИТЕТА 424

ПОЧТИ КАК НЕЛЮДИ

Андрей Дашков. МАШИНКА ВНУТРИ 449

Олег Кожин. СФЕРА 510

Павел Токаренко. НАШИ НЕ ПРИДУТ 547

Андрей Звонков. ОДИН ВЗГЛЯД НАЗАД 558

Анна Михалевская. ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ 592

Степан Вартанов. ЗАСЛУЖЕННОЕ УВАЖЕНИЕ 615

Сергей Чебаненко. РЕЗИНОВАЯ КУКЛА ПО ИМЕНИ «ПРЕЗИДЕНТ» 620
Майк Гелприн. ТЕПЕРЬ ТАК БУДЕТ ВСЕГДА 634
Игорь Вереснев. КОРОЛЕВСКИЕ СКАЛЫ 654
Станислав Шульга. ТРАФИК-ТРЕКЕР 662
Павел Серебрянников. АУТСОРСИНГ 690

КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сергей Битюцкий. АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ 703
Владимир Венгловский. ПРАХ ТЕБЯ ПОБЕРИ! 717
Елена Красносельская. ЛОХМОКОТЫ 729
Владимир Венгловский. СПУТАННЫЕ ОДНОЙ СЕТЬЮ . . . 748
Арти Д. Александер, Алекс Громов. ЗАБЫТАЯ ЭВОЛЮЦИЯ 779
Александр Денисов. НОВЫЙ ГОД ПРИХОДИТ ДЛЯ ВСЕХ 797

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕ

Дмитрий Володихин. ОСТРОВ МАСТЕРОВ В ОКЕАНЕ СМРАДНОГО МИРА 805
Анна Ветлугина. ПУТЕШЕСТВИЕ В НАУКОГРАД КОРСУНЬ 835
Вадим Часов. О ДИВНЫЙ НОВЫЙ КРЫМ! 846

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА — 2015

Ответственный редактор *И. Минаков*
Редактор *Е. Кондратьева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректоры *Н. Гайдукова, С. Игнатова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.04.2015. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 3000 экз. Заказ О-1266.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-699-80572-3

В электронном виде книги издательства Эксмо вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **ivanova.ey@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: www.**kanc-eksmo.ru**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «Эксмо», 04073, Московский пр-т, д. 9. Тел.: +38 (044) 237-70-12.
E-mail: **sale@eksmo.com.ua**
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

shop.eksmo.ru

shop.eksmo.ru

ЭКСМО

СОЗВЕЗДИЕ АЮ-ДАГ

ПАРТЕНИТ-2014

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2015

Иннокентий Рудницкий, простой российский гений, создал устройство мгновенной связи, но последствия этого эпохального изобретения оказались самыми неожиданными…

Они живут на Земле. В каком-то смысле они наши потомки, хотя ничего общего они с нами не имеют. Круглые, металлические, почти бессмертные, они любят, страдают, сражаются. Кто же мог предсказать, что археологические древности, которые остались от нашей цивилизации, окажутся для этих кругляшей столь опасными?..

Гноил задушил свою жену. Аммониты едва дождались, пока нефелим перестанет подавать признаки жизни, чтобы наброситься и растерзать лишенную панциря плоть. Но для Гноила ничего еще не кончилось. Бдительный гебарим, как ангел Господень, спустился с зыбких небес, чтобы напоминать убийце о его преступлении…

ISBN 978-5-699-80572-3

sk mm.ru
снежный ком

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2015

ГОЛОВАЧЁВ • ГРОМОВ • ВАСИЛЬЕВ • ВАРТАНОВ
ЛУКИН • ДАШКОВ • ЗОНИС • ВОЛОДИХИН
ВЕНГЛОВСКИЙ • ВЕРЕСНЕВ • ГЕЛПРИН